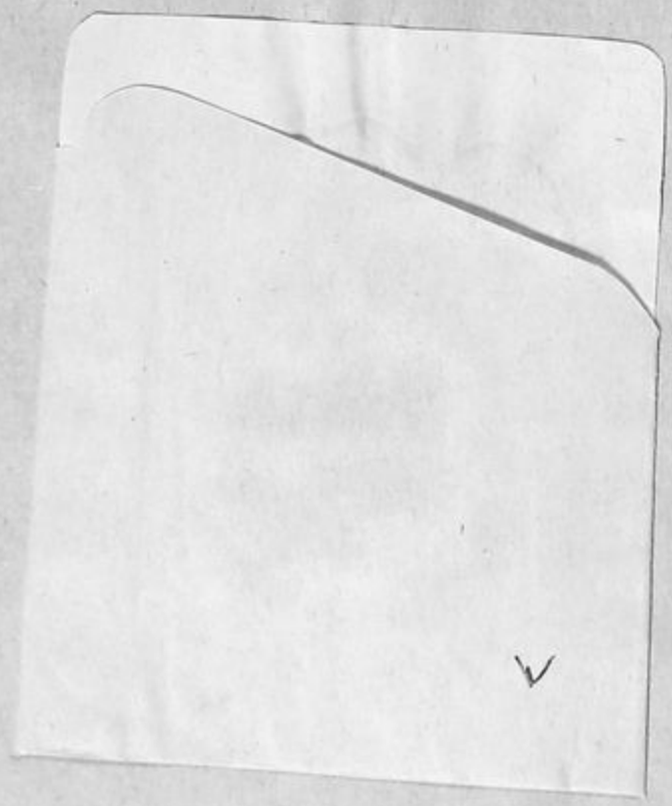


ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ТРУДЫ

ВОСЬМАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ МОСКВѢ

1890

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Графини П. С. Уваровой.

Томъ IV.

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА

ДОНСКОЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ МАМОНТОВА.

1897

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

ТРУДЫ

VIII АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА.

При настоящемъ томѣ разсылается карта водныхъ путей вокругъ Москвы, къ изслѣдованію И. Е. Забѣлина „О древнѣйшемъ поселеніи Москвы“ („Труды VIII Съѣзда“, т. III). Карта эта любезно составлена знатокомъ русской исторической географіи, А. И. Бунинымъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

ТРУДЫ

ВОСЬМАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ МОСКВѢ

1890

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Графини П. С. Уваровой.

Томъ IV.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ МАМОНТОВА.
1897

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

1950г. БИБЛИОТЕКА ГИМ Ин-та Краеведческой и Музейной работы В-297

965 г.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ОГЛАВЛЕНІЕ IV ТОМА.

Стр.

Предисловіе XI

ПРОТОКОЛЫ:

Составъ Предварительнаго Комитета 3
Правила Съѣзда 5
Вопросы, предложенные на обсужденіе Съѣзда 9
Запросы, обращенные къ Съѣзду 14
Засѣданія Совѣта 18, 20, 196
Составъ Съѣзда 22
Общія засѣданія Съѣзда 37, 77, 198
Засѣданія Отдѣленій:
I. Древности первобытныя 56, 84, 150, 165, 192
II. Древности историко-географическія и этнографическія. . 49, 97, 113, 136, 157, 183
III. Памятники искусствъ и художествъ 147, 174
IV. Памятники русскаго быта: домашняго, юридическаго и общественнаго . . 70, 130
V. Древности церковныя 54, 88, 119, 186
VI. Памятники славяно-русскаго языка и письма 71, 101, 146, 162, 186
VII. Древности классическія, славяно-византійскія и западно-европейскія . 122, 169
VIII. Древности восточныя и языческія 110, 172
IX. Памятники археографическіе. 105, 178
Ассигнованіе денежныхъ средствъ Съѣздамъ Е. И. В. Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ XII
Пожертвованія: Государя Александра Александровича, Цесаревича Николая Александровича, Великаго Князя Сергія Александровича XI
Участіе Ихъ Императорскихъ Высочествъ въ Съѣздѣ. 5, 22, 37, 48, 49, 54, 56, 71, 204

Доклады:
Айналовъ, Д. В.—О нѣкоторыхъ классическихъ и христіанскихъ древностяхъ на Выставкѣ 174

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Стр.

Антоновичъ, В. Б.—О типахъ погребенія въ курганахъ Кіевской губ. 68
Анучинъ Д. Н.—Историческій очеркъ русскихъ Археологическихъ Съѣздовъ 45
О трудахъ И. А. Зарѣцкаго 53
Древнѣйшія иностранныя карты Сибири 136
Къ вопросу о дивіихъ людяхъ 158
О культурныхъ вліяніяхъ на до-исторической почвѣ Россіи 196
Отчетъ о занятіяхъ Съѣзда 200
Ардашевъ Н. Н.—О коллегіальности приказовъ. 71
Арсеньевъ, В. С.—Доисторическій и символическій элементъ въ изученіи иконописи. . 121
Аспелинъ, проф.—Слѣды вліянія Готовъ въ сѣверной полосѣ Россіи 156
Багалѣй, Д. И.—Общій очеркъ древностей Харьковской губ. 51
Бай, баронъ І. А.— De l'influence orientale dans le bestiare décoratif des peuples germaniques. 88
Рѣчь 45
Богданъ, И. И.—Грамота князя Ивана Берладника. 163
Богдановъ, А. П.—Рѣчь. 47
Буайе, П. И.—De la manière d'étudier l'histoire de la langue russe 103
Бокъ, В. Г.—Древнія коптскія орнаментированныя ткани. 174
Бранденбургъ, Н. Е.—Къ вопросу о каменныхъ бабахъ 185
Будиловичъ, А. С.—Къ вопросу о зарожденіи церк.-слав. языка 73
Къ вопросу о происхожденіи слова „Русь“ 118
Буслаевъ, Ѳ. И.—Дополненіе къ „Лицевому Апокалипсису“ 77
Стилизація ландшафта въ русскихъ миніатюрахъ 77
Бюлеръ, бар. Ѳ. А.—Прежнія помѣщенія нынѣшняго Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. 198
Бычковъ, А. Ѳ.—Рѣчь. 38
Веневитиновъ, М. А.—Расписныя кирпичныя избы 97
Веселовскій, Н. И.—Археологическія данныя о смерти узбекскаго хана Шейбани. . . 174
Иванъ Даниловичъ Хохловъ 183
Витевскій, В. И.—Походный храмъ, пожалованный Петромъ I тайшѣ Петру Петровичу 121
Гатцукъ, А. А.—Къ вопросу о скульптурѣ у древнихъ русскихъ племенъ. 194
Гацисскій, А. С.—О названія „сотныхъ“ грамотъ 132
Гегеръ, д-ръ Фр.—см. Хегеръ.
Георгіевскій, В. Т.—О преподаваніи археологіи въ дух. семинаріяхъ и объ устройствѣ епархіальныхъ археолог. музеевъ. 81
Герье, В. И.—Рѣчь. 201
Гоздаво-Голомбіевскій.—Дѣла губернскихъ и провинціальныхъ присутственныхъ мѣстъ, упраздненныхъ въ 1834 г., и дѣла стараго городскаго управленія Москвы въ Моск. Архивѣ Министерства Юстиціи 105
Столы рязряднаго приказа въ 1660—70 гг. 179
Голубцовъ, А. П.—О положеніи искусства въ древне-христіанскомъ обществѣ. 186
Голышевъ, И. А.—О возстановленіи древняго лѣтоисчисленія. 71
Гондатти, Н. Л.—О значеніи изученія памятниковъ старины (публичное чтеніе въ Политехн. Музеѣ). 168
Гремплеръ, д-ръ.— Funde aus dem Beginne der Völkerwanderungszeit. 165

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Стр.

Рѣчи 46, 200
Дмитріевскій, А. А.—Греческое Нѣжинское Братство. 114
О стихѣ новолѣтія по визант. источникамъ 171
Архивъ Греческаго Нѣжинскаго Братства 178
Добрынкинъ, Н. Г.—Древности Владимірской губ. 120
Долговъ, С. О.—Новый видъ „Пренія Живота и Смерти“ 73
Анонимныя описанія Іерусалима. 186
Дриновъ, М. С.—Сказаніе о Святогорѣ и тягѣ земной у Южныхъ Славянъ 77
Дубасовъ, И. И.—Оноза на Воронежѣ. 184
Забѣлинъ, И. Е.—О древнѣйшемъ поселеніи Москвы 49
Завитневичъ, В. З.—Крестъ преп. Сергія 54
О критеріи для классификаціи кургановъ по типамъ. 150
О періодическомъ органѣ по русской археологіи 204
Ивановскій, А. А.—а) О совмѣстности погребенія и сожженія, б) о каменныхъ бабахъ и в) о намогильныхъ камняхъ—по даннымъ этнографіи 184
Карнѣевъ, А. Д.—Отзвуки физіолога въ живой рѣчи 188
Картальякъ, Э.—Des lumières que l'archéologie russe peut projeter sur l'Europe Occidentale. 84
Рѣчь 199
Квашнинъ-Самаринъ, Н. Д.—Крещеніе Руси по памятникамъ письменности 146
Кирпичниковъ, А. И.—Взаимодѣйствіе иконописи и словесности 54
Особый видъ творчества въ древне-русской литературѣ 101
Древности Константинополя по анониму Бандурія 122
Страхиль—птица 164
Колосовъ, В. И.—Стерженскій и Лопатинскій кресты и водные пути въ Тверской губ. 113
Коршъ, Ѳ. Е.—Воззваніе Петра Вел. къ Буджацкимъ татарамъ. 132
Красносельцевъ, Н. Ѳ.—Списокъ богослужебныхъ дѣйствій XVI—XVII вв. 186
Кучукъ-Іоаннесовъ, Х. И.—Древнія армянскія евангелія изъ Галиціи. 172
Лавровъ, А. Я.—Къ вопросу о происхожденіи миніатюръ лицевой псалтири. 119
Лавровъ, П. А. Варіантъ „Исторіи славяно-болгарской“ Паисія 146
Лашковъ, Ѳ. Ѳ. Шертныя грамоты по снош. съ Крымомъ XVI—XVII вв. Хранящіяся въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ 109
Объ устройствѣ губернскихъ историческихъ архивовъ 180
Лебедевъ, Д. П.—Проповѣдникъ временъ юности Іоанна Грознаго 146
Линниченко, И. А.—Черты изъ исторіи землевладѣнія въ Ю.-З. Руси XIV—XV вв. . 131
Лопаревъ, Х. М.—Іерусалимскій патріархъ Хрисанѳъ 103
Львовъ, А. Н.—Вопросъ объ охранѣ письменныхъ памятниковъ 109
Маркевичъ, А. И.—Пребываніе въ Крыму моск. посла Василія Айтемирова 134
Мансуровъ, П. Б.—Византія, Славянство и Россія 124
Мельникъ, Е. Н.—Стоянка и мастерская каменнаго вѣка у днѣпровскихъ пороговъ. . 193
Миллеръ, В. Ѳ.—Новое сарматское божество. 113
Кавказскія народныя сказанія о циклопахъ 157
Милюковъ, П. Н.—Время и мѣсто дѣйствія Записки греческаго топарха 170
Михайловскій, В. М.—Первобытное искусство и образное письмо по даннымъ этнографіи. 177
Михайловъ, А. В.—Древне-русскій физіологъ. 187

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Стр.

Модестовъ, В. И.—Объ одной изъ мѣръ къ поднятію археологич. образованія въ Россіи (институтъ въ Римѣ или въ Аѳинахъ) 77
Мѣржинскій, А. Ѳ.—Прусскій жрецъ Sicco. 97
Никольскій, М. В.—Женское божество на вавилонскихъ цилиндрахъ и статуэткахъ. . 135
Вавилонскіе цилиндры, пріобрѣтенные А. В. Праховымъ. 111
Павловъ, А. С.—Къ вопросу о подлинности Устава св. Владиміра 72
Павловскій, А. А.—Вліяніе Византіи въ Ю.-Италіи и Сициліи по церк. памятникамъ . 88
Передольскій, В. С.—Вновь открытые древности у истоковъ Волхова 88
Поливановъ, В. Н.—Древнее кладбище и городище у с. Муранокъ, Сызр. уѣзда . . . 57
Покровскій, Н. В.—Задачи и пріемы изученія евангельской иконографіи 54
Объ изданіяхъ И. А. Голышева 121
Рѣчь 203
Праховъ, А. В.—Мстиславовъ Владимірово-Волынскій соборъ 186
Прозоровскій, Д. И.—Славяно-русское до-христіанское счисленіе времени 71
Птицынъ, В. В.—а) Киренскій архивъ и б) Остатки архивовъ и древностей въ гор. Илимскѣ. 183
Путятинъ, кн. П. А.—Les différences ostéologiques des races primitives 168
Рѣдинъ, Е. К.—Свѣтская живопись лѣстницъ Кіево-Софійскаго собора 171
Самоквасовъ, Д. Я.—Распредѣленіе этнограф. матеріаловъ изъ кургановъ Южной и Центр. Россіи 58
Происхожденіе Русскихъ Славянъ и клады Римскихъ монетъ въ Центр. Европѣ . 136
Курганы въ с. Акситенецъ Роменскаго уѣзда 154
Селивановъ, А. В.—О вновь открытыхъ въ Рязани памятникахъ древности. 90
Селиванавъ, А. Ѳ.—Общій обзоръ дѣятельности губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій. 109
Сизовъ, В. И.—Дьяково городище подъ Москвой 194
Скадовскій Г. Л.—Типы погребенія въ курганахъ близъ Бѣлооозерокъ, Херсонск. губ. 97
Смирновъ, И. Н.—Воспоминанія о каннибализмѣ у Вотяковъ. 136
Бесермяне Вятской губерніи 160
Соболевскій, А. И.—Грамота Ивана Берладника 103
Село Ячево, или Вячево. 136
Соколовъ, М. И.—Новый матеріалъ по редакціи „Житія Авраамія Ростовскаго“ . . . 103
Соловейчикъ, И. И.—Новыя данныя о моавитской надписи Меши 172
Сперанскій, М. Н.—Славянскія апокрифическія Евангелія 146
Станкевичъ, А. И.—Азіатская Баниза 162
Стржиговскій. I.—Enkaustische Malerei und ihre Vertreter auf der Ausstellung . . . 166
Сторожевъ, В. Н.—Десятки, какъ источникъ для исторіи русск. провинціальнаго дворянства XVI—XVII вв. 70
Засѣчныя книги какъ ист.-географ. и археолог. матеріалъ 130
Струковъ, Д. А.—Мнѣніе объ охранѣ древнихъ церковныхъ предметовъ. 83
Древніе храмы на Б. Зеленчукѣ 160
Султановъ, Н. В.—Церкви Большаго Кремлевскаго Дворца 147
Тимоѳеевъ, С. П.—Первыя раціоналистическія секты на Руси. 130
Титовъ, А. А.—Церковь св. Іоанна въ Ростовѣ 89

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Стр.

Тихонравовъ Н. С.—Новый списокъ Девгеніева дѣянія 190
Троицкій, Н. И.—Иконостасъ и его символика 93
Уварова, граф. П. С.—Отчетъ о дѣйствіяхъ Предварительнаго Комитета 38
Рѣчь 202
Успенскій, Ѳ. И.—Синодикъ въ недѣлю православія 123
Военное устройство Византіи 169
Флери, графъ, Л.—Quelques horodyscze du bassin de la Vistule 86
Station de la pierre polie de Kempa 168
Рѣчи 45, 199
Хайновскій. І. А.—Изслѣдованіе кургана Сауръ въ Верхнеднѣпр. у., Екатер. губ. . . 192
Халатьянцъ, Г. А.—Древне-армянское божество Ангехъ или Ангелъ 133
Хахановъ, А. С.—Грузинскія рукописи Румянцевскаго музея 111
Хвольсонъ, Д. А.—Сиро-несторіанскія надгробныя надписи въ Семирѣческой области . 110
Русы у Ибн-хордад-бея 116
Развитіе финикійскаго алфавита и палеографич. хронологія семитскаго письма . . 173
Хегеръ, Францъ.—Die Kaukasische Gräberfelder und ihre Beziehungen zum Westen. . . 166
Рѣчи 46, 200
Цвѣтаевъ, И. В.—Изученіе римскихъ катакомбъ и его задачи въ будущемъ 174
Чекалинъ, Ѳ. Ѳ.—Саратовъ на лѣвомъ берегу Волги и время перенесенія его на правый. 97
Мещера и Буртасы 114
Чижовъ, Н. Е.—Объ изученіи символики, особенно юридической 132
Шляковъ, И. А.—Покрытіе ростовскихъ кремлевскихъ церквей 89
Ядринцевъ, Н. М.—Каменныя могилы и каменныя бабы въ Монголіи и Сибири . . . 158
Слѣды азіатской культуры въ южно-русскихъ и скиѳскихъ древностяхъ 176
Янчукъ, Н. А.—Изъ критики народной поэзіи 162

Археологическая Выставка 44, 48, 54
См. также доклады гг.: Айналова, Аспелина, Багалѣя, Гатцука, г-жи Мельникъ, гг. Никольскаго, Передольскаго, Поливанова, кн. Путятина, Самоквасова, А. В. Селиванова, Сизова, Скадовскаго, Стржиговскаго, гр. Уваровой, графа Флёри, Хайновскаго, Хвольсона, Хегера.
Выставка въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 55
Пожертвованія (коллекціями Д. Я. Самоквасовъ и Г. Л. Скадовскій; денежными средствами А. Л. Кекинъ и В. Г. Сапожниковъ; изданіемъ А. А. Гатцукъ; книгами Антропологическій Отдѣлъ Общ. Люб. Ест. Антр. и Этногр. и М. А. Веневитиновъ) . . . . . XI, 54, 84, 97

ВЫСТАВКА:

Церковныя древности. *Е. К. Рѣдинъ* 207
Образцы стариннаго русскаго шитья и кружевъ Н. Л. Шабельской. *Д. В. Айналовъ* . . . 220
Собраніе А. В. Прахова. *Д. В. Айналовъ* 224
Описаніе таблицъ 226
Общій перечень Выставки 241

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Заканчивая четвертымъ томомъ печатаніе Трудовъ VIII Археологическаго Съѣзда, состоявшагося въ Москвѣ въ январѣ 1890 г., Московское Археологическое Общество помѣщаетъ въ немъ Протоколы засѣданій Съѣзда и 86 таблицъ съ предметовъ, бывшихъ на выставкѣ Съѣзда, съ краткимъ ихъ описаніемъ. Общество глубоко сожалѣетъ, что ему не удалось издать болѣе подробнаго описанія Выставки, и тѣмъ болѣе признательно господамъ членамъ, Е. К. Рѣдину и Д. В. Айналову, доставившимъ подробныя описанія хотя нѣкоторыхъ предметовъ Выставки*).

Печатаніе Трудовъ VIII Съѣзда значительно затянулось по той простой причинѣ, что наши русскіе Съѣзды въ былое время не имѣли своихъ особыхъ денежныхъ средствъ, такъ что необходимыя суммы на изданіе Трудовъ VIII Съѣзда были пожалованы Московскому Археологическому Обществу только въ концѣ 1893 г., когда пришлось вести параллельно печатаніе Трудовъ какъ VIII Московскаго, такъ и IX Виленскаго Съѣздовъ.

Нынѣ законченные Труды обоихъ Съѣздовъ—четыре тома Московскаго и два тома Виленскаго — напечатаны на средства, Высочайше дарованныя Его Императорскимъ Величествомъ въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Александромъ Александровичемъ, нынѣ благополучно царствующимъ—тогда еще

---

*) На самомъ Съѣздѣ коллекцій Выставки или отдѣльныхъ предметовъ ея касались доклады гг. Айналова, Аспелина, Багалѣя, Гатцука, г-жи Мельникъ, гг. Никольскаго, Передольскаго, Поливанова, кн. Путятина, Самоквасова, А. В. Селиванова, Сизова, Скадовскаго, Стржиговскаго, гр. Флери, Хайновскаго, Хвольсона, Хегера. Свѣдѣнія объ исторіи Выставки и общія указанія по ней даны на стр. 39—42 настоящаго тома, въ составѣ „Отчета о дѣйствіяхъ Предварительнаго Комитета“.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Цесаревичемъ—Государемъ Николаемъ Александровичемъ и Августѣйшимъ Почетнымъ Предсѣдателемъ обоихъ Съѣздовъ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ. Къ этимъ Высочайше пожалованнымъ средствамъ прибавилъ свою лепту В. Г. Сапожниковъ, принявшій участіе въ Выставкѣ и отнесшійся вообще весьма сочувственно къ трудамъ Московскаго Съѣзда.

Нынѣ, благодаря милостивому вниманію Державнаго Покровителя Московскаго Археологическаго Общества Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича, всемилостивѣйше благоволившаго сего 11 іюня приказать отпускать ежегодно Московскому Археологическому Обществу на нужды Археологическихъ Съѣздовъ по пяти тысячъ въ годъ—русскіе Археологическіе Съѣзды вступаютъ въ новый фазисъ своего развитія: не связанные болѣе недостаткомъ средствъ, Съѣзды могутъ болѣе правильно, спокойно и систематично заняться разработкой научныхъ вопросовъ и должны будутъ немедленно послѣ каждаго Съѣзда приступать къ изданію его трудовъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ПРОТОКОЛЫ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Составъ Предварительнаго Комитета.

Предсѣдатель: Графиня Парасковія Сергѣевна Уварова (депутатъ отъ Московскаго Археологическаго Общества).

Секретарь: Владиміръ Константиновичъ Трутовскій (депутатъ отъ Московскаго Археологическаго Общества и Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ).

Члены: Амфилохій, архимандритъ, депутатъ отъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія и Московскаго Археологическаго Общества.

Анучинъ, Димитрій Николаевичъ, депутатъ отъ Московскаго Археологическаго Общества и Императорскаго Московскаго Университета.

Бранденбургъ, Николай Евфимовичъ, депутатъ отъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія.

Быковскій, Константинъ Михаиловичъ, Депутатъ отъ Московскаго Архитектурнаго Общества.

Бѣлокуровъ, Сергѣй Алексѣевичъ, депутатъ отъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Веселовскій, Николай Ивановичъ, депутатъ отъ Императорскаго Петербургскаго Университета и Русскаго Археологическаго Общества.

Востоковъ, Александръ Александровичъ, депутатъ отъ Московскаго Архива Юстиціи.

Гондатти, Николай Львовичъ, депутатъ отъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Дмитріевъ, Семенъ Васильевичъ, депутатъ отъ Московскаго Архитектурнаго Общества.

Жизневскій, Августъ Казиміровичъ, депутатъ отъ Тверскаго Музея Древностей.

Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ, депутатъ отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей и Россійскаго Историческаго Музея.

Зографъ, Николай Юрьевичъ, депутатъ отъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Иловайскій, Димитрій Ивановичъ, депутатъ отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Корсаковъ, Димитрій Александровичъ, депутатъ отъ Императорскаго Казанскаго Университета.

Коршъ, Ѳеодоръ Евгеніевичъ, депутатъ отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Кулаковскій, Юліанъ Андреевичъ, депутатъ отъ Императорскаго Кіевскаго Университета Св. Владиміра.

Лебедевъ, Димитрій Петровичъ, депутатъ отъ Археологическ. Института.

Линдеманъ, Карлъ Эдуардовичъ, депутатъ отъ Общества Испытателей Природы.

Липинскій, Маріанъ Александровичъ, депутатъ отъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Малининъ, Василій Николаевичъ, депутатъ отъ Кіевскаго Церковно-Археологическаго Общества.

Мартыновъ, Алексѣй Александровичъ, депутатъ отъ Московскаго Архитектурнаго Общества.

Масловскій, Димитрій Ѳеодоровичъ, депутатъ отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей.

Миллеръ, Всеволодъ Ѳеодоровичъ, депутатъ отъ Императорскаго Московскаго Университета.

Муркосъ, Георгій Абрамовичъ, депутатъ отъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ.

Никитинъ, Николай Васильевичъ, депутатъ отъ Московскаго Архитектурнаго Общества и Московскаго Археологическаго Общества.

Никольскій, Михаилъ Васильевичъ, депутатъ отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Оберъ, Александръ Лаврентьевичъ, депутатъ отъ Московскаго Архитектурнаго Общества.

Оглоблинъ, Николай Николаевичъ, депутатъ отъ Археологическаго Института.

Орѣшниковъ, Алексѣй Васильевичъ, депутатъ отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и Россійскаго Историческаго Музея.

Осокинъ, Николай Алексѣевичъ, депутатъ отъ Императорскаго Казанскаго Университета.

Павловъ, Алексѣй Степановичъ, депутатъ отъ Императорскаго Московскаго Университета.

Павлиновъ, Андрей Михаиловичъ, депутатъ отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Покровскій, Николай Васильевичъ, депутатъ отъ Петербургской Духовной Академіи и Археологическаго Института.

Помяловскій, Иванъ Васильевичъ, депутатъ отъ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности, Петербургскаго Университета, и Русскаго Археологическаго Общества.

Поповъ, Нилъ Александровичъ, депутатъ отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей и Московскаго Архива Юстиціи.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Путятинъ, князь, Павелъ Арсеньевичъ, депутатъ отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Румянцевъ, Василій Егоровичъ, депутатъ отъ Археографической Коммиссіи и Московскаго Археологическаго Общества.

Селивановъ, Алексѣй Васильевичъ, депутатъ отъ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи.

Сизовъ, Владиміръ Ильичъ, депутатъ отъ Россійскаго Историческаго Музея и Московскаго Археологическаго Общества.

Соколовъ, Владиміръ Димитріевичъ, депутатъ отъ Императорскаго Общества Испытателей Природы.

Станкевичъ, Алексѣй Ивановичъ, депутатъ отъ Тамбовской Ученой Архивной Коммиссіи.

Султановъ, Николай Владиміровичъ, депутатъ отъ Петербургскаго Общества Архитекторовъ и Русскаго Археологическаго Общества.

Сусловъ, Владиміръ Васильевичъ, депутатъ отъ Императорской Академіи Художествъ.

Токмаковъ, Иванъ Ѳеодоровичъ, депутатъ отъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Толстой, графъ, Михаилъ Владиміровичъ, депутатъ отъ Кіевской Духовной Академіи.

Филимоновъ, Георгій Димитріевичъ, депутатъ отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей.

Цвѣтаевъ, Димитрій Владиміровичъ, депутатъ отъ Варшавскаго Университета.

Шварцъ, Александръ Николаевичъ, депутатъ отъ Императорскаго Московскаго Университета.

Шпилевскій, Сергѣй Михаиловичъ, депутатъ отъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Щепкинъ, Вячеславъ Николаевичъ, депутатъ отъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея.

Якушкинъ, Вячеславъ Евгеніевичъ, депутатъ отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей.

Правила Съѣзда,

утвержденныя г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 4 сентября 1888 г.

Почетный Предсѣдатель Съѣзда: Его Императорское Высочество Великій Князь Сергій Александровичъ.

1. Съѣздъ открывается въ Москвѣ съ 8 по 24 января 1890 г.

2. За четыре дня до открытія Съѣзда, т. е. 4 января 1890 г. открываетъ свои дѣйствія въ Москвѣ Совѣтъ Съѣзда.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

3. Совѣтъ Съѣзда составляютъ: а) всѣ прибывшіе къ Съѣзду члены Предварительнаго Комитета и б) присланные на Съѣздъ депутаты отъ тѣхъ высшихъ ученыхъ учрежденій и археологическихъ обществъ, коихъ представителей не было на Предварительномъ Комитетѣ.

4. Членами Съѣзда признаются всѣ лица, изъявившія желаніе принять участіе въ занятіяхъ Съѣзда и заплатившія 4 рубля. Этимъ лицамъ выдается членскій билетъ и особый знакъ, который предоставляетъ имъ право посѣщать засѣданія Съѣзда и принимать участіе въ оныхъ.

Но въ экскурсіяхъ Съѣзда могутъ принимать участіе только тѣ лица, которыя получаетъ на это особыя приглашенія со стороны Распорядительнаго Комитета.

Примѣчаніе. Членами Съѣзда признаются также ученыя учрежденія и общества по взносѣ ими 4 руб.

5. Въ виду созыва VIII Археологическаго Съѣзда ко времени 25-ти-лѣтія существованія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на Съѣздъ приглашаются и иностранные ученые — члены Московскаго Археологическаго Общества, равно какъ и всѣ тѣ лица, которыя своими трудами и занятіями содѣйствуютъ успѣху русской науки.

6. Члены Совѣта не освобождаются отъ членскаго взноса.

7. Записаться въ члены Съѣзда, внести установленную плату и получить членскій билетъ можно заблаговременно въ Московскомъ и Петербургскомъ Археологическихъ Обществахъ.

8. Съѣздъ раздѣляется на девять отдѣленій: I. Древности первобытныя. II. Древности историко географическія и этнографическія. III. Памятники искусствъ и художествъ. IV. Русскій бытъ — домашній, юридическій, общественный. V. Памятники церковные. VI. Памятники славяно-русскаго языка и письма. VII. Древности классическія, славяно-византійскія и западно-европейскія. VIII. Древности восточныя и языческія, и IX. Памятники археографическіе.

Совѣтъ Съѣзда въ правѣ, если признаетъ необходимымъ, увеличить число отдѣленій или нѣкоторыя изъ нихъ слить вмѣстѣ.

9. При Съѣздѣ предполагается устроить археологическую выставку.

10. Въ секретари Съѣзда и его отдѣленій приглашаются заблаговременно Совѣтомъ нѣсколько лицъ изъ членовъ Съѣзда. Секретари признаются членами Совѣта Съѣзда.

11. Всякій членъ Съѣзда можетъ, по своему желанію, приписаться къ одному или нѣсколькимъ отдѣленіямъ.

12. Совѣтъ Съѣзда въ первомъ засѣданіи своемъ избираетъ изъ среды своей Предсѣдателя Совѣта и шесть членовъ въ Распорядительный комитетъ, на все время Съѣзда. Предсѣдатель Совѣта признается и Предсѣдателемъ Съѣзда. Независимо отъ сего, Совѣтъ въ томъ же засѣданіи раздѣляется, по числу отдѣленій Съѣзда, на коммиссіи, впредь до открытія отдѣленій, которыя немедленно избираютъ своихъ особыхъ предсѣдателей и секретарей.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

13. Распорядительный Комитетъ завѣдываетъ всею хозяйственной частью и всѣмъ внутреннимъ и внѣшнимъ распорядкомъ Съѣзда.

14. Въ составъ Распорядительнаго Комитета, кромѣ шести членовъ, избранныхъ Съѣздомъ, входитъ казначей Съѣзда.

15. Предсѣдатели и секретари отдѣленій и секретари Съѣзда составляютъ Ученый Комитетъ Съѣзда.

16. Предсѣдателямъ отдѣленій вмѣняется въ обязанность, съ утвержденія Ученаго Комитета, допускать къ докладу только тѣ изъ рефератовъ, которые этого заслуживаютъ. Словесныя сообщенія допускаются Комитетомъ по разсмотрѣніи тезисовъ.

Примѣчаніе. Гг. референты приглашаются присылать свои доклады, по мѣрѣ возможности, заблаговременно, въ Предварительный Комитетъ Съѣзда.

17. Ученый Комитетъ руководитъ всей ученой частью Съѣзда и наблюдаетъ за правильнымъ ходомъ его ученыхъ работъ.

18. Комитеты Ученый и Распорядительный сами избираютъ своихъ Предсѣдателей. Они засѣдаютъ ежедневно во все продолженіе Съѣзда.

19. Совѣтъ Съѣзда и Коммиссіи Совѣта созываются ихъ предсѣдателями. Каждая Коммиссія въ правѣ избирать въ свои члены, изъ среды Съѣзда, ученыхъ, коихъ постоянное содѣйствіе она признаетъ для себя необходимымъ. О такихъ выборахъ Предсѣдатели Коммиссіи доводятъ до свѣдѣнія Предсѣдателя Совѣта.

20. Засѣданія какъ Совѣта, такъ и Комитетовъ Ученаго и Распорядительнаго, а равнымъ образомъ Коммиссій Съѣзда, происходятъ при закрытыхъ дверяхъ.

21. Засѣданія Совѣта бываютъ общія и частныя, по отдѣленіямъ. На общихъ засѣданіяхъ обсуждаются всѣ предметы, относящіеся къ древностямъ вообще. На засѣданіяхъ отдѣленій обсуждаются спеціальные вопросы, входящіе въ кругъ занятій того или другаго отдѣленія.

22. Засѣданія Съѣзда публичны.

Примѣчаніе. Корреспонденты журналовъ и газетъ обращаются въ Московскій Распорядительный Комитетъ за полученіемъ особыхъ мѣстъ.

23. Предсѣдатели какъ общихъ собраній Съѣзда, такъ и собраній отдѣленій, назначаются на каждое засѣданіе особо Ученымъ Комитетомъ, изъ среды членовъ Съѣзда. Наблюденіе за порядкомъ засѣданій лежитъ на предсѣдателяхъ. Предсѣдатель обязанъ остановить каждаго члена Съѣзда, который въ своей рѣчи удалится отъ предмета обсужденія или уклонится отъ научной цѣли.

Примѣчаніе. Вмѣняется въ обязанность Ученаго Комитета избирать почетныхъ предсѣдателей засѣданій только изъ тѣхъ лицъ, которыя по характеру своихъ занятій близко подходятъ къ характеру назначаемыхъ засѣданій.

24. Программы каждаго засѣданія Съѣзда, какъ общихъ собраній, такъ и отдѣленій, опредѣляются заблаговременно, на каждый разъ особо Ученымъ Комитетомъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Программы засѣданій, заключающія въ себѣ названіе рефератовъ и ихъ главные тозисы, раздаются членамъ Съѣзда и вывѣшиваются наканунѣ засѣданія у дверей залы. Ни одинъ новый вопросъ не можетъ быть возбужденъ въ засѣданіяхъ Съѣзда безъ предварительнаго заявленія Ученому Комитету.

25. Во время продолженія Съѣзда издаются отдѣльными выпусками, по окончаніи засѣданій, краткіе о нихъ отчеты, которые выдаются членамъ Съѣзда безплатно.

26. Время каждаго засѣданія, какъ общихъ собраній Съѣзда, такъ и отдѣленій назначаются Распорядительнымъ Комитетомъ.

27. На засѣданіяхъ Съѣзда допускаются какъ словесныя, такъ и письменныя сообщенія. Но ни одинъ членъ не въ правѣ говорить или читать болѣе получаса, не испросивъ на то разрѣшенія присутствующихъ Предсѣдателей и Ученаго Комитета.

Примѣчаніе. Работы, неподходящія, по мнѣнію Предсѣдателей отдѣленій, подъ рубрику рефератовъ, выдѣляются въ особую группу и предлагаются на обсужденіе и обработку въ частныхъ засѣданіяхъ спеціалистовъ, безъ допущенія на нихъ публики.

28. Всѣ разсужденія и пренія въ засѣданіяхъ Съѣзда, какъ общихъ, такъ и частныхъ по отдѣленіямъ, происходятъ на русскомъ языкѣ, но Ученый Комитетъ можетъ назначить особыя засѣданія для выслушанія сообщеній иностранныхъ ученыхъ, признанныхъ Комитетомъ важными для археологической науки. На этихъ особыхъ засѣданіяхъ сообщенія могутъ быть сдѣланы на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ.

29. Изслѣдованія или сообщенія, присланныя на Съѣздъ въ отвѣтъ на предложенные вопросы, поступаютъ въ Ученый Комитетъ, разсматриваются въ Коммиссіяхъ Совѣта и докладываются кѣмъ либо изъ ихъ членовъ въ одномъ изъ засѣданій Съѣзда.

30. Каждый членъ Съѣзда долженъ предъявить свой членскій билетъ при входѣ въ засѣданіе и знакъ.

31. Для напечатанія „Трудовъ Съѣзда“ избирается Совѣтомъ Съѣзда особый Редакціонный Комитетъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Вопросы, предложенные на обсужденіе VIII Археологическаго Съѣзда.

Вопросы общіе.

1. Е. Р. Романовъ. О составленіи археологическихъ картъ.

2. — Какія должны быть приняты мѣры къ сохраненію и приведенію въ извѣстность памятниковъ какъ языческой, такъ и христіанской древности въ Россіи.

3. — Точнѣйшее опредѣленіе метода и пріемовъ въ изслѣдованіи памятниковъ.

I. Древности первобытныя.

4. Н. И. Веселовскій. Бурокрасная краска, представляющая смѣсь водной окиси желѣза съ глиной, встрѣчающаяся въ скиѳскихъ курганахъ, имѣетъ искусственное или естественное происхожденіе?

5. — Опредѣлить топографію кургановъ этого рода.

6. Князь П. А. Путятинъ. Нельзя ли провести сравнительные остеологическіе выводы о рассовыхъ измѣненіяхъ въ костякахъ первобытныхъ народовъ, ограничивая эти сравненія 1-мъ желѣзнымъ курганнымъ періодомъ?

7. Д. Я. Самоквасовъ. Классификація по времени древнихъ могилъ, городищъ и имущественныхъ кладовъ.

8. В. И. Сизовъ. Какія наиболѣе характерныя вещи изъ курганныхъ раскопокъ могутъ опредѣлить время погребенія и такимъ образомъ отчасти замѣнить монеты?

9. В. Д. Соколовъ. Геологическій возрастъ отложеній, заключающихъ древнѣйшіе слѣды ископаемаго человѣка въ Европейской Россіи.

10. Н. И. Троицкій. Слѣды доисторическаго быта въ сказаніяхъ книги Бытія.

11. — „Кони—камни“, ихъ мѣстоположеніе и значеніе въ Тульской губерніи.

12. В. Н. Ястребовъ. Древнія земляныя насыпи въ бассейнахъ Южнаго Буга и Выса.

13. Г. Л. Скадовскій. О курганахъ Бѣлозерской волости, Херсонской губ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

14. Е. Р. Романовъ. Въ какихъ мѣстностяхъ Россіи, какъ европейской, такъ и азіатской, въ древнихъ могилахъ были находимы слѣды сожженія труповъ, и насколько отличаются такія могилы отъ тѣхъ, въ которыхъ покойники погребались? Какія данныя представляютъ могилы того и другаго рода для приблизительнаго опредѣленія эпохъ, къ которымъ онѣ относятся?

15. — Отъ какого народа переняли обитатели Западной Двины обычай ставить на серединѣ рѣкъ, камни съ надписями? У какихъ народовъ сохранилось подобное обыкновеніе? Какое значеніе имѣли Двинскіе камни?

II. Древности историко-географическія и этнографическія.

16. Н. Л. Гондатти. Вогулы и ихъ мѣсто среди другихъ уральскихъ народностей теперь и прежде.

17. И. Е. Забѣлинъ. Отчего островъ Березань прозывался въ древности островомъ Св. Елевѳерія?

18. Н. А. Поповъ. Гдѣ находилась Кузьмина гать, у которой остановился Мамай?

19. Е. Р. Романовъ. Нельзя ли сдѣлать нѣкоторыхъ, интересныхъ въ научномъ отношеніи, обобщеній изъ современной номенклатуры рѣкъ, городовъ и селъ въ разныхъ полосахъ Россіи,

20. П. Китицынъ. Нѣтъ ли гдѣ нибудь на русскомъ востокѣ мѣстныхъ преданій о первыхъ заселеніяхъ Русскихъ и ихъ борьбѣ съ туземцами?

21. Пр. Гаркави. Какъ далеко простиралась граница Мери на сѣверъ?

22. — О національномъ происхожденіи Тавровъ, давшихъ названіе Таврическому полуострову.

23. Пр. Хвольсонъ. Въ какомъ положеніи находится нынѣ вопросъ о происхожденіи Хозаръ и возможно-ль нынѣ разрѣшить его?

24. — Какіе народы владѣли, или могли входить въ составъ Хозарскаго царства. Какимъ образомъ и когда исчезло въ средней Азіи имя Гузовъ и замѣнилось именемъ Туркменъ, если Туркмены суть прямые потомки Гузовъ?

25 — Какимъ образомъ могло безслѣдно исчезнуть Хозарское царство и нельзя ли указать въ дальнѣйшей исторіи Россіи оставленный ими слѣдъ?

26. — Можно ли принять могилы, обложенныя вертикально стоящими камнями, встрѣчающіяся въ Крыму, на Тамани, на островѣ между моремъ Азовскимъ и лиманомъ Таманскимъ, близъ покинутой деревни Чокракъ-Кай и на Кавказѣ, за Киммерійскія съ Дюбуа (T. V. 47), или греческія съ Палласомъ (Voyage dans les gouvernements méridionaux. II, p. 368)?

27. — Откуда произошло названіе Крыма и когда оно присвоено Таврическому Херсонесу?

28. — О Буртасахъ.

29. А. С. Хахановъ. Какой религіи держались Грузины до введенія въ Грузіи христіанства?

30. — О введеніи христіанства въ Грузіи. Разборъ источниковъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

III. Памятники искусствъ и художествъ.

31. Пр. Амфилохій. Епископъ Углицкій, О двунадесятыхъ праздникахъ XVI в. въ предѣлахъ и во главахъ Благовѣщенскаго собора (въ Москвѣ).

32. Ѳ. И. Буслаевъ. Исправленія и дополненія къ изданному мною своду апокалиптическихъ изображеній по русскимъ рукописямъ XV—XIX вв.

33. — Стилизація ландшафта въ русскихъ рукописныхъ миніатюрахъ.

34. Н. П. Добрынкинъ. О старинныхъ деревянныхъ рѣзныхъ иконахъ Николая Чудотворца Можайскаго и др. изображеніяхъ, сохранившихся въ Муромскомъ и сосѣднихъ съ нимъ уѣздахъ Владимірской губ.

35. — Собраніе надписей на церковныхъ предметахъ той же мѣстности.

36. — О сохранившихся древнихъ деревянныхъ предметахъ въ церквахъ Влад. г.

37. — О лицевыхъ рукописяхъ.

38. В. Е. Румянцевъ. О значеніи древней иконы (изъ собранія графа А. С. Уварова), съ изображеніемъ Спаса близъ моря, на берегу котораго сидятъ недужные.

39. В. И. Сизовъ. Какіе матеріалы могутъ дать въ настоящее время курганныя раскопки для древнерусскаго костюма и вооруженія?

40. А. И. Кирпичниковъ. Взаимодѣйствіе иконописи и словесности народной и книжной.

41. Е. Р. Романовъ. Нѣтъ ли при старинныхъ часовняхъ ручейковъ, ключей или колодцевъ, имѣющихъ, по народнымъ вѣрованіямъ, священное значеніе, равно какъ и большихъ камней съ какими либо знаками, напр., ямками, фигурами, буквами и т. д.

IV. Русскій бытъ домашній, юридическій и общественный.

42. А. С. Гацисскій. Почему назывались выписки изъ писцовыхъ книгъ, даваемыя городамъ по ихъ челобитьямъ, сотными грамотами?

43. Д. И. Прозоровскій. Выслѣдить времяисчисленіе какъ бывшее у Славянъ до христіанства, такъ и народное, существовавшее на Руси.

44. Д. В. Цвѣтаевъ. Англійскіе торговые дворы въ Московскомъ государствѣ.

45. В. Г. Первухинъ. Тамги или пудемъ-пусы Вотяковъ Глазовскаго уѣзда, Вятской губ.

46. Е. Р. Романовъ. Свѣдѣнія о мѣстныхъ святыхъ и праздникахъ, чествуемыхъ въ опредѣленные дни года съ особымъ торжествомъ, какъ, напр., память св. Георгія, по верхнему теченію Волхова.

V. Памятники церковные.

47. С. А. Бѣлокуровъ. Кіевскіе ученые въ Москвѣ въ половинѣ XVII вѣка.

48. — Въ какомъ году былъ открытъ Ртищевымъ Андреевскій монастырь близъ Москвы и пріѣхали туда кіевскіе иноки?

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

49. И. Е. Забѣлинъ. Когда впервые стали строить на Руси церкви во имя Неопалимой Купины?

50. А. М. Павлиновъ. О московскихъ церквахъ.

51. Н. В. Покровскій. Символика русскихъ храмовъ XVII в. (на основаніи ихъ стѣнописей и памятниковъ письменности).

52. А. В. Праховъ. Памятники древняго церковнаго зодчества на Волыни.

53. В. В. Сусловъ. О древнихъ деревянныхъ церквахъ на берегахъ Бѣлаго моря и р. Онеги.

54. Н. И. Троицкій. Растительный орнаментъ иконостасовъ и символическое значеніе онаго.

55. — Одоевскій Анастасьевъ монастырь (упраздненный) и его достопамятности.

56. — Троицкій женскій монастырь въ Курскѣ—по неизданнымъ документамъ

VI. Памятники славяно-русскаго языка и письма.

57. С. А. Бѣлокуровъ. Москва—третій Римъ. (Взглядъ русскихъ на Грековъ въ древне-русской письменности).

58. И. В. Помяловскій. Судьба агіографическихъ трудовъ Кирилла Скиѳопольскаго въ древней русской литературѣ.

59. Е. Р. Романовъ. Подлинность какихъ изданныхъ памятниковъ народнаго творчества можетъ подлежать сомнѣнію, и на какіе можно указать признаки искусственнаго ихъ происхожденія?

VII. Древности классическія, славяно-византійскія и западно-европейскія.

60. Ю. А. Кулаковскій. Элементы въ преданіи о римскихъ царяхъ въ связи съ вещественными памятниками.

VIII. Древности восточныя и языческія.

61. Н. И. Веселовскій. Въ какой степени подтверждаются археологическими данными лѣтописныя извѣстія о смерти узбецкаго хана Шейбани?

62. — Какіе титулы на монетахъ хановъ Каракаханидовъ (Илековъ) упоминаются въ историческихъ памятникахъ?

63. В. К. Трутовскій. Золотая орда въ археологическихъ изысканіяхъ.

64. Д. А. Хвольсонъ. О найденныхъ въ Семирѣчьи сиро-несторіанскихъ надгробныхъ надписяхъ, ихъ научномъ значеніи и важности.

65. — Можно ли константировать фактъ генетическаго родства между языками древне-египетскими и языками семитическими?

66. — Указать слѣды пребыванія Евреевъ въ Египтѣ по египетскимъ памятникамъ.

67. — Можно ли по сказаніямъ Библіи находить слѣды тотеизма въ древнемъ Израилѣ и у сосѣднихъ народовъ?

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

68. — О происхожденіи Финикіянъ и ихъ этнографическомъ положеніи среди семитовъ.

69. — Черты религіозности Вавилонянъ и Ассирійцевъ, по дошедшимъ до насъ ихъ покаяннымъ псалмамъ.

70. — Можно ли находить связь религіозной поэзіи Вавилонянъ и Ассирійцевъ съ еврейской поэзіей?

IX. Памятники археографическіе.

71. С. А. Бѣлокуровъ. Обзоръ матеріаловъ для исторіи Москвы и Московской губ., хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

72. — Обзоръ документовъ того же Архива.

73. В. К. Трутовскій. Документы Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ по сношеніямъ Россіи съ среднеазіатскими государствами, какъ матеріалъ для исторіи этихъ государствъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Запросы, на которые желательно получить разъясненіе на Съѣздѣ.

I. Древности первобытныя.

1. Существуютъ ли курганы, насыпанные не надъ прахомъ умершихъ, т. е. не могильные? Что называется сторожевыми курганами?

2. Существуетъ ли гдѣ въ Россіи и гдѣ именно кладбища съ зарытыми въ пескѣ или землѣ урнами (горшками) съ пепломъ умершихъ, кладбища, подобныя находимымъ въ Прикарпатскихъ странахъ?

3. Такъ называемыя чудскія вещи были ли только мѣстнаго приготовленія, или иноземнаго? Если иноземнаго, то откуда онѣ доставались?

4. Въ Тверскомъ музеѣ находятся двѣ каменныя плиты съ высѣченными на нихъ тремя прямоугольниками, врѣзанныхъ одинъ въ другомъ. Эти камни найдены на берегахъ рѣкъ Медвѣдицы и Тьмы, притокахъ р. Волги. Желательно было бы опредѣлить значеніе этихъ изображеній.

5. Нѣтъ ли какихъ либо типичныхъ особенностей стрѣлъ тверскихъ, новгородскихъ, татарскихъ и литовскихъ, по которымъ можно было бы опредѣлить различныя стрѣлы, найденныя въ Твери, по берегамъ рѣкъ Волги и Тверцы?

6. Доисторическіе памятники побережья Крыма.

7. Описать различные типы городищъ и городковъ въ предѣлахъ Европейской Россіи, съ указаніемъ на находимые въ нихъ предметы, черепа и т. п.

8. Сравнить характеръ вещей изъ языческихъ могильниковъ Помераніи съ вещами изъ кургановъ въ Россіи.

9. Въ какихъ древне-русскихъ курганныхъ вещахъ сохранились формы вещей такъ называемаго „бронзоваго вѣка?“

10. Областныя особенности и разновидности въ такъ называемыхъ скиѳскихъ могилахъ.

11. Районъ распространенія могилъ съ крашеными черепами. Краніометрическіе выводы о нихъ.

ЛИЦА ОБЩЕГО ДОСТОЯНИЯ НАСЛЕДИЯ

12. Насколько типичны вещи, находимыя при изслѣдованіи городищъ и могильниковъ Глазовскаго уѣз., Вятской губ., и какой именно типъ между ними можетъ быть названъ преобладающимъ?

13. Существуетъ ли пермскій типъ бронзовыхъ издѣлій, какъ отдѣльный, и какія черты характеризуютъ его особенности, сравнительно съ типами издѣлій булгарскихъ, мерянскихъ и др.

II. Древности историко-географическія и этнографическія.

14. Зыряне и ихъ мѣсто среди другихъ уральскихъ народностей теперь и прежде.

15. Значеніе тагильскихъ писаницъ и ихъ связь съ писанцами другихъ мѣстъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

16. Татарскіе „шляхи".

17. Какъ далеко на С. В. простирались границы территоріи Мери (за Волгой, губерніи: Ярославская, Вологодская, Костромская и Нижегородская).

18. Кто были „паны", съ именемъ которыхъ связаны курганы и городища въ губерніяхъ: Владимірской, Костромской и Нижегородской (въ Костромской губ., въ уѣздахъ Ветлужскомъ, Кологривскомъ и Макарьевскомъ, курганы называются „могилами пановъ").

19. Древняя Мурома составляетъ ли особое племя или это только этнографическое названіе?

20. Первобытные обитатели нашихъ сѣверо-восточныхъ губерній (Ярославской, Вологодской, Костромской и Нижегородской).

21. Опредѣлить первоначальныя границы территоріи Чуди и культуры ея.

22. Опредѣлить границы земель, на которыхъ обитали въ XII в. по Волгѣ и ея притокамъ, финско-угорскія и татарскія племена: Черемисы, Зыряне, Вотяки Пермяки, Мордва, Чуваши и другія.

23. Не находятся ли въ персидской и арабской литературахъ указаній, что въ концѣ эпохи Сассанидовъ были какія либо передвиженія племенъ съ границъ Персіи на Каму и ея притоки (хотя бы въ Булгарію), чтобы объяснить тотъ фактъ, что множество серебрянныхъ монетъ и большинство находимыхъ въ Вятской губ. (особенно въ Глазовскомъ уѣз.) изящныхъ издѣлій изъ серебра принадлежатъ къ эпохѣ Сассанидовъ.

24. Не составляли ли Вотяки въ древности части Булгарскаго народа, а если составляли, то потому ли, что у нихъ была родственная племенная связь, или какъ союзники, или, наконецъ, въ силу покоренія ихъ Булгарами?

25. Мало опредѣленный до сего времени народъ „Бесермяне" не есть ли остатокъ древне-булгарскихъ населеній между Вотяками Глазовскаго уѣзда.

26. Почему въ Венгріи встрѣчается нѣсколько селеній, въ названіе которыхъ входитъ слово „Бесерменъ", и изъ какого языка взято это слово?

27. Дивіи люди въ русской иконографіи и письменности.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

28. Какія имѣются въ нашихъ старыхъ письменныхъ памятникахъ указанія о московской Гончарной слободѣ?

29. Когда и гдѣ образовалось малорусское племя и малорусскій языкъ?

30. Кто насъ завоевалъ въ XIII в?

31. Вліяніе восточныхъ народовъ на русскихъ славянъ до XIII в.

32. Какіе матеріалы находятся въ московскихъ архивахъ по вопросу о колонизаціи Новороссійскаго края?

III. Памятники искусствъ и художествъ.

33. Какое мнѣніе о значеніи голосниковъ можетъ быть признано за лучшее?

34. Каковъ былъ типъ церквей новгородско-псковской архитектуры XI—XII вѣковъ?

35. Нельзя ли подобрать всѣ письменныя данныя или указать на источникъ, относящійся къ древнимъ деревяннымъ церквамъ?

36. Желательно знать характеръ орнаментистики деревянныхъ вещей, относящихся къ бытовой жизни русскаго народа.

37. Наиболѣе характерные мотивы древне-русскихъ орнаментовъ по курганнымъ раскопкамъ.

38. Насколько постановленія русскихъ помѣстныхъ соборовъ (Стоглава и др.) повліяли на развитіе русскаго искусства вообще и зодчества въ частности?

39. Кто строилъ соборъ Василія Блаженнаго: *Русскій* или, какъ предполагаютъ нѣкоторые археологи, *Итальянецъ?*

40. Были или нѣтъ въ византійскомъ зодчествѣ луковичные купола, какъ это можно заключить па основаніи фресокъ Кіево-Софійскаго собора и нѣкоторыхъ таблицъ атласа, изданнаго В. В. Стасовымъ?

41. Объяснить технику старинной фресковой живописи въ Россіи.

IV. Русскій бытъ домашній, юридическій и общественный.

42. Церковный уставъ св. Владиміра.

V. Памятики церковные.

43. Иконографическое содержаніе стѣнописей московскаго Успенскаго собора (анализъ сюжетовъ и объясненіе ихъ происхожденія).

44. Объясненіе происхожденія и значенія иконы „Единородный Сыне и Слове Божій“.

45. Съ какихъ поръ въ нашихъ иконостасахъ стали замѣнять изображеніемъ Тайной Вечери иконы причащенія подъ двумя видами, которыя помѣщались на тѣлѣ царскихъ вратъ?

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

VI. Памятники славяно-русскаго языка и письма.

46. Дошли ли до насъ слѣды нарѣчій церковно-славянскаго языка въ древнихъ памятникахъ?

47. Какое мѣсто занимаетъ „средне-болгарскій языкъ“ среди славянскихъ языковъ; какое нарѣчіе современнаго болгарскаго языка можетъ быть названо прямымъ потомкомъ „средне-болгарскаго“?

48. Мѣстныя преданія сѣверо-восточной Россіи о богатыряхъ Владимірскаго цикла.

VII. Древности классическія, славяно-византійскія и западно-европейскія.

49. Современное состояніе вопроса о языкѣ Этрусковъ.

VIII. Древности восточныя и языческія.

50. Какъ надо понимать эпитетъ нѣкоторыхъ монетныхъ дворовъ Золотой Орды „Новый“: какъ имѣющій для всѣхъ случаевъ однообразное происхожденіе или различное?

БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

I.

Протоколъ перваго засѣданія Совѣта VIII Археологическаго Съѣзда, 6 января 1890 г., въ помѣщеніи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Предварительнаго Комитета Съѣзда графини П. С. Уваровой (представителя Импер. Московскаго Археологическаго Общества), въ присутствіи гг. депутатовъ: Д. Н. Анучина (отъ Имп. Московскаго Археологич. Общества), В. Б. Антоновича (отъ Импер. Университета Св. Владиміра), барона Ѳ. А. Бюлера отъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ), Н. Е. Бранденбурга (отъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія и Археологическаго Института), Д. И. Багалѣя (отъ Импер. Харьковскаго Университета и Историко-Филологическаго Общества при Имп. Харьковскомъ Университетѣ), С. А. Бѣлокурова (отъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ), Н. И. Веселовскаго (отъ Импер. С.-Петербургскаго Университета), М. А. Веневитинова (отъ Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета), И. А. Голышева (отъ Владимірскаго Статистическаго Комитета), А. А. Гоздаво-Голомбіевскаго (отъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи и Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи), Н. Л. Гондатти (отъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи), С. І. Долгова (отъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества), М. С. Дринова (отъ Импер. Харьковскаго Университета и Историко-Филологическаго Общества при Импер. Харьковскомъ Университетѣ), А. А. Дмитріевскаго (отъ Кіевской Духовной Академіи), И. Е. Забѣлина (отъ Импер. Россійскаго Историческаго Музея и Петровскаго Общества Изслѣдователей Астраханскаго края), В. З. Завитневича (отъ Кіевской Духовной Академіи и Церковно-Археологическаго Общества при Кіев. Дух. Академіи), Д. И. Иловайскаго (отъ Императ. Московскаго Археологическаго Общества и Московской Городской Думы), Н. Ѳ. Красносельцева (отъ Импер. Новороссійскаго Университета), А. И. Кирпичникова (отъ Импер. Новороссійскаго Университета и Историко-Филологическаго Общества при Импер. Новор. Унив.), Ѳ. Е. Корша (отъ Импер. Московскаго Университета), графа Н. С. Ланского (отъ Археологическаго Института), Ѳ. Ѳ. Лашкова (отъ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи), Д. П. Лебедева (отъ Румянцевскаго и Публичнаго Музеевъ и Археологическаго Института), И. А. Линниченко

(отъ Импер. Мос овскаго Университета), А. Н. Львова (отъ Синодальнаго Архива и Археологическаго Института), Н. Н. Любовича (отъ Импер. Варшавскаго Университета), В. М. Михайловскаго (отъ Этнографическаго Отдѣленія Импер. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи), П. Н. Милюкова (отъ Импер. Московскаго Археологичеокаго Общества), И. В. Миловидова (отъ Костромской Ученой Архивной Коммиссіи), Г. А. Муркоса (отъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ), М. В. Никольскаго (отъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества), Н. В. Никитина (отъ Московскаго Архитектурнаго Общества), А. В. Орѣшникова (отъ Московскаго Нумизматическаго Общества и Имп. Московскаго Археологическаго Общества), А. М. Павлинова (отъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества), Н В. Покровскаго (отъ С.-Петербургской Духовной Академіи и Археологическаго Института), А. С. Павлова (отъ Импер. Московскаго Университета), А. П. Попова (отъ Московскаго Архитектурнаго Общества), И. В. Рождественскаго (отъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія), В. И. Сизова (отъ Импер. Россійскаго Историческаго Музея), А. В. Селиванова (отъ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи), А. Ѳ. Селиванова (отъ Орловской Ученой Архивной Коммиссіи и Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета), Н. Ѳ. Сумцова (отъ Импер. Харьковскаго Университета и Историко-Филологическаго Общества при Импер. Харьк. Унив.), С. С. Слуцкаго (отъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества), Г. И. Тимошевскаго (отъ Симферопольской Гимназіи), Ѳ. И. Успенскаго (отъ Импер. Новороссійскаго Университета), В. А. Уляницкаго (отъ Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ), В. И. Холмогорова (отъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи и Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи), А. С. Холмскаго (отъ Московской Городской Думы), Г. А. Халатьянца (отъ Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ), А. Н. Шварца (отъ Императ. Московскаго Университета), С. М. Шпилевскаго (отъ Демидовскаго Юридическаго Лицея), Н. М. Ядринцева (отъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Импер. Русскаго Географическаго Общества) и Секретаря Комитета В. К. Трутовскаго (представителя Московскаго Нумизматическаго Общества и Импер. Московскаго Археологическаго Общества.)

1. Доложены отношенія различныхъ ученыхъ учрежденій и Обществъ о назначеніи представителей какъ на юбилейное засѣданіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, такъ и на засѣданія Съѣзда.

2. Согласно § 12 правилъ Съѣзда приступлено было къ избранію Предсѣдателя Съѣзда. Гг. Депутаты единогласно обратились съ просьбой къ графинѣ П. С. Уваровой принять на себя это званіе, но графиня Уварова, принеся искреннюю благодарность, просила отклонить отъ нея эту честь. Произведенной затѣмъ баллотировкой былъ избранъ Предсѣдателемъ Съѣзда Директоръ Импер. Публичной Библіотеки Аѳанасій Ѳеодоровичъ Бычковъ.

3. На основаніи § 12 правилъ Съѣзда, произведены выборы 6 членовъ въ Распорядительный Комитетъ Съѣзда. Избранными оказались: Графиня П. С. Уварова, Д. Н. Анучинъ, Н. Л. Гондатти, А. В. Орѣшниковъ, В. И. Сизовъ и А. С.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Холмскій. Сюда же вошелъ, по § 14 правилъ Съѣзда, и Казначей Съѣзда К. А. Дубинкинъ.

4. Приступлено къ избранію Секретарей Съѣзда. Въ виду сложности работы по Съѣзду, рѣшено было избрать 2 лицъ. Избраны: Секретарь Импер. Москов. Археол. Общества и Предварительнаго Комитета Съѣзда В. К. Трутовскій и Тов. Секретаря Импер. Москов. Археолог. Общества С. С. Слуцкій.

5. Гг. Депутаты, раздѣлившись на спеціальныя коммиссіи, по числу Отдѣленій Съѣзда, произвели въ каждой коммиссіи выборы Предсѣдателей и Секретарей Отдѣленій. Избранными оказались:

а) по *I Отдѣленію*—древностей первобытныхъ: Предсѣдателемъ Д. Н. Анучинъ, Секретаремъ Н. Л. Гондатти.

б) по *II Отдѣленію*—древностей историко-географическихъ и этнографическихъ: Предсѣдателемъ В. Б. Антоновичъ, Секретаремъ П. Н. Милюковъ.

в) по *III Отдѣленію* — памятниковъ искусствъ и художествъ: Предсѣдателемъ И. Е. Забѣлинъ, Секретаремъ В. И. Сизовъ.

г) по *IV Отдѣленію*—Русскаго быта домашняго, юридическаго и общественнаго: Предсѣдателемъ С. М. Шпилевскій, Секретаремъ И. А. Линниченко.

д) по *V Отдѣленію*—памятниковъ церковныхъ: Предсѣдателемъ Н. В. Покровскій, Секретаремъ Н. Ѳ. Красносельцевъ.

е) по *VI Отдѣленію*—памятниковъ славяно-русскаго языка и письма: Предсѣдателемъ А. И. Кирпичниковъ, Секретаремъ С. О. Долговъ.

ж) по *VII Отдѣленію*—памятниковъ классическихъ, византійскихъ и западно-европейскихъ: Предсѣдателемъ Ѳ. И. Успенскій, Секретаремъ А. А. Дмитріевскій.

з) по *VIII Отдѣленію*—древностей восточныхъ и языческихъ: Предсѣдателемъ Ѳ. Е. Коршъ, Секретаремъ М. В Никольскій.

и) по *IX Отдѣленію*—памятниковъ археографическихъ: Предсѣдателемъ баронъ Ѳ. А. Бюлеръ, Секретаремъ графъ Н. С. Ланской.

6. Образовавшимся, согласно § 18 правилъ Съѣзда, изъ Предсѣдателей и Секретарей Съѣзда и Отдѣленій, Ученымъ Комитетомъ были произведены выборы Предсѣдателя Ученаго Комитета. Избраннымъ оказался Д. Н. Анучинъ.

7. Произведенными членами Распорядительнаго Комитета выборами Предсѣдателя Комитета, единогласно была избрана Предсѣдателемъ графиня П. С. Уварова. Избраніе это сопровождалось долго несмолкавшими рукоплесканіями.

8. Слѣдующее засѣданіе Совѣта Съѣзда было назначено на 7-е января въ 1 часъ дня.

II.

Протоколъ второго засѣданія Совѣта VIII Археологическаго Съѣзда, въ помѣщеніи Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея, 7-го января 1890 года, подъ предсѣдательствомъ А. Ѳ. Бычкова, въ присутствіи гг. депутатовъ: Д. Н. Анучина, В. Б. Антоновича, Д. И. Багалея, барона Ѳ. А. Бюлера, С. А. Бѣлокурова, И. А.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Вахрамѣева, И. А. Голышова, М. В. Готовицкаго, С. И. Долгова, А. А. Дмитріевскаго, И. Е. Забѣлина, В. З. Завитневича, Ѳ. Е. Корша, А. И. Кирпичникова, Н. Ѳ. Красносельцева, Ѳ. Ѳ. Лашкова, Д. П. Лебедева, В. П. Ласковскаго, гр. Н. С. Ланского, В. М. Михайловскаго, И. В. Миловидова, П. Н. Милюкова, В. О. Миллера, А. П. Незеленова, М. В. Никольскаго, А. В. Орѣшникова, А. И. Павинскаго, Н. В. Покровскаго, А. П. Попова, И. В. Рождественскаго, В. И. Сизова, А. В. Селиванова, А. Ѳ. Селиванова, Д. Я. Самоквасова, М. И. Семевскаго, С. С. Слуцкаго, Н. И. Троицкаго, Ѳ. И. Успенскаго, Ѳ. Я. Фортинскаго, В. И. Холмогорова, А. С. Холмскаго, А. А. Цагарели, Л. фонъ-Шредера, С. М. Шпилевскаго, Н. М. Ядринцева и Секретаря Съѣзда В. К. Трутовскаго.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. Обсуждалась и выработана программа юбилейнаго засѣданія.

3. Обсуждалась и выработана программа торжества открытія Съѣзда.

4. Распредѣлены заявленные доклады и переданы Предсѣдателямъ и Секретарямъ Отдѣленій Съѣзда.

5. Согласно письменнымъ заявленіямъ многихъ депутатовъ, провозглашены Почетными членами съѣзда:

Московскій Генералъ-Губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ,

Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ И. Д. Деляновъ,

Министръ Финансовъ И. А. Вышнеградскій,

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Н. К. Гирсъ,

Московскій Городской Голова Н. А. Алексѣевъ,

Заслуженный профессоръ, академикъ Ѳ. И. Буслаевъ,

Товарищъ Предсѣдателя Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея И. Е. Забѣлинъ,

Директоръ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ баронъ Ѳ. А. Бюлеръ,

Управляющій Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи Н. А. Поповъ,

Заслуженный Профессоръ Императорскаго Московскаго Университета А. С. Павловъ и

Помощникъ Ректора Императорскаго Московскаго Университета В. О. Ключевскій.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Составъ Съѣзда.

I. Должностныя лица.

Почетный Предсѣдатель: Его Императорское Высочество Великій Князь Сергій Александровичъ.

Предсѣдатель Съѣзда: Аѳанасій Ѳеодоровичъ Бычковъ.

Ученый Комитетъ:

Предсѣдатель: Димитрій Николаевичъ Анучинъ.

По отдѣленіямъ: I. Древностей первобытныхъ: предсѣдатель Димитрій Николаевичъ Анучинъ, секретарь Николай Львовичъ Гондатти; II. Древностей историко-географическихъ и этнографическихъ: предсѣдатель Владиміръ Бонифатьевичъ Антоновичъ, секретарь Павелъ Николаевичъ Милюковъ; III. Памятниковъ искусствъ и художествъ: предсѣдатель Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ, секретарь Владиміръ Ильичъ Сизовъ; IV. Русскаго быта, домашняго, юридическаго и общественнаго: предсѣдатель Сергѣй Михаиловичъ Шпилевскій, секретарь Иванъ Андреевичъ Линниченко; V. Памятниковъ церковныхъ: предсѣдатель Николай Васильевичъ Покровскій, секретарь Николай Ѳомичъ Красносельцевъ; VI. Славяно-русскаго языка и письма: предсѣдатель Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ, секретарь Семенъ Осиповичъ Долговъ; VII. Древностей классическихъ, славяно-византійскихъ и западно-европейскихъ: предсѣдатель Ѳеодоръ Ивановичъ Успенскій, секретарь Алексѣй Аѳанасьевичъ Дмитріевскій; VIII. Древностей восточныхъ: предсѣдатель Ѳеодоръ Евгеніевичъ Коршъ, секретарь Михаилъ Васильевичъ Никольскій; IX. Памятниковъ археографическихъ: предсѣдатель баронъ Ѳеодоръ Андреевичъ Бюлеръ, секретарь графъ Николай Степановичъ Ланской.

Распорядительный Комитетъ:

Предсѣдатель: Графиня Парасковія Сергѣевна Уварова.

Члены: Димитрій Николаевичъ Анучинъ, Николай Львовичъ Гондатти; Алексѣй Васильевичъ Орѣшниковъ; Владиміръ Ильичъ Сизовъ; Алексѣй Степановичъ Холмскій.

НАСЛЕДИЯ

Секретари Съѣзда:

Владиміръ Константиновичъ Трутовскій и Сергѣй Сергѣевичъ Слуцкій.

Казначей Съѣзда.

Константинъ Алексѣевичъ Дубинкинъ.

II. Депутаты отъ учебныхъ обществъ и учрежденій:

1. Императорской Академіи Наукъ: Буслаевъ, Ѳеодоръ Ивановичъ.

2. Императорскаго Московскаго Университета: Павловъ, Алексѣй Степановичъ; Коршъ, Ѳеодоръ Евгеніевичъ; Цвѣтаевъ, Иванъ Владиміровичъ; Шварцъ, Александръ Николаевичъ; Миллеръ, Всеволодъ Ѳеодоровичъ; Линниченко, Иванъ Андреевичъ.

3. Императорскаго С.-Петербургскаго Университета; Хвольсонъ, Даніилъ Абрамовичъ; Ламанскій, Владиміръ Ивановичъ; Помяловскій, Иванъ Васильевичъ; Соболевскій, Алексѣй Ивановичъ; Карѣевъ, Николай Ивановичъ; Веселовскій, Николай Ивановичъ.

4. Императорскаго Харьковскаго Университета: Дриновъ, Маринъ Степановичъ; Сумцовъ, Николай Ѳеодоровичъ; Багалѣй, Димитрій Ивановичъ.

5. Императорскаго Университета Св. Владиміра: Фортинскій, Ѳеодоръ Яковлевичъ; Антоновичъ, Владиміръ Бонифатьевичъ; Лучицкій, Иванъ Васильевичъ; Флоринскій, Тимоѳей Димитріевичъ; Праховъ, Адріанъ Викторовичъ; Сонни, Адольфъ Израилевичъ; Кулаковскій, Юліанъ Андреевичъ.

6. Императорскаго Новороссійскаго Университета: Модестовъ, Василій Ивановичъ; Кочубинскій, Александръ Александровичъ; Успенскій, Ѳеодоръ Ивановичъ; Кирпичниковъ, Александръ Ивановичъ; Красносельцевъ, Николай Ѳомичъ; Маркевичъ, Алексѣй Ивановичъ.

7. Императорскаго Варшавскаго Университета: Будиловичъ, Антонъ Семеновичъ; Самоквасовъ, Дмитрій Яковлевичъ; Павинскій, Адольфъ Ивановичъ; Любовичъ, Николай Николаевичъ; Цвѣтаевъ, Димитрій Владиміровичъ.

8. Императорскаго Дерптскаго Университета: Висковатовъ, Павелъ Александровичъ; Фонъ-Шредеръ, Леопольдъ Юльевичъ.

9. Императорскаго Казанскаго Университета: Осокинъ, Николай Алексѣевичъ; Смирновъ, Иванъ Николаевичъ.

10. Императорскаго Финляндскаго Александровскаго Университета: Д-ръ Доннеръ, Оттонъ; Гейкель, Аксель Карловичъ.

11. Демидовскаго Юридическаго Лицея: Шпилевскій, Сергѣй Михайловичъ.

12. Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ: Кананов, Георгій Ильичъ; Муркосъ, Георгій Абрамовичъ; Халатьянцъ, Григорій Абрамовичъ.

13. Историко-Филологическаго Общества при Харьковскомъ Университетѣ: Дриновъ, Маринъ Степановичъ; Сумцовъ, Николай Ѳеодоровичъ; Багалѣй, Димитрій Ивановичъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

14. Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ: Барсовъ, Ельпидифоръ Васильевичъ; Карповъ, Геннадій Ѳеодоровичъ; Уляницкій, Владиміръ Антоновичъ.

15. Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества: Бычковъ, Аѳанасій Ѳеодоровичъ; Помяловскій, Иванъ Васильевичъ; Павловскій, Алексѣй Андреевичъ.

16. Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: Уварова, граф. Парасковія Сергѣевна; Анучинъ, Димитрій Николаевичъ; Трутовскій, Владиміръ Константиновичъ; Слуцкій, Сергѣй Сергѣевичъ; Иловайскій, Димитрій Ивановичъ; Милюковъ, Павелъ Николаевичъ; Никольскій, Михаилъ Васильевичъ; Павлиновъ, Андрей Михайловичъ; Долговъ, Семенъ Осиповичъ; Янчукъ, Николай Андреевичъ; Орѣшниковъ, Алексѣй Васильевичъ.

17. Общества Любителей Древней Письменности въ С.-Петербургѣ: Лопаревъ, Хрисанѳъ Меѳодіевичъ; Тихановъ, Павелъ Никитичъ.

18. Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Дух. Академіи: Завитневичъ, Владиміръ Зеноновичъ.

19. Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества въ С.-Петербургѣ: Цагарели, Александръ Антоновичъ.

20. Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, въ Москвѣ: Амфилохій, еп. Угличскій; Рождественскій, Иванъ Викторовичъ.

21. Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи: Богдановъ, Анатолій Петровичъ; Миллеръ, Всеволодъ Ѳеодоровичъ; Гондатти, Николай Львовичъ; Расцвѣтовъ, Александръ Павловичъ; Зографъ, Николай Юрьевичъ; Михайловскій, Викторъ Михайловичъ.

22. Московскаго Нумизматическаго Общества: Трутовскій, Владиміръ Константиновичъ; Орѣшниковъ, Алексѣй Васильевичъ; Ушаковъ, Димитрій Алексѣевичъ.

23. Московскаго Общества Испытателей Природы: Соколовъ, Владиміръ Димитріевичъ.

24. Археологическаго Института въ С.-Петербургѣ: Покровскій, Николай Васильевичъ; Труворовъ, Аскалонъ Николаевичъ; Бранденбургъ, Николай Евфимовичъ; Путятинъ, кн. Павелъ Арсеньевичъ; Оглоблинъ, Николай Николаевичъ; Львовъ, Аполлинарій Николаевичъ; Ланской, гр. Николай Степановичъ.

25. Московской Духовной Академіи: Субботинъ, Николай Ивановичъ; Голубцовъ, Александръ Петровичъ.

26. С.-Петербургской Духовной Академіи: Покровскій, Николай Васильевичъ.

27. Кіевской Духовной Академіи: Дмитріевскій, Алексѣй Аѳанасьевичъ; Завитневичъ, Владиміръ Зеноновичъ (Церковно-Археол. Общ. при К. Дух. Акад.).

28. Симферопольской Гимназіи: Тимощевскій, Григорій Ивановичъ; Ребецъ, Францъ Яковлевичъ.

29. Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей: Кочубинскій, Александръ Александровичъ; Маркевичъ, Алексѣй Ивановичъ; Матвѣевъ, Антонъ Александровичъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

30. Историко-филологическаго Общества—при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ: Кирпичниковъ, Александръ Ивановичъ.

31. Рязанской Ученой Архивной Коммисіи: Селивановъ, Алексѣй Васильевичъ; Добролюбовъ, Иванъ Васильевичъ; Городцовъ, Василій Алексѣевичъ.

32. Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея: Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ; Щербатовъ, кн. Николай Сергѣевичъ; Сизовъ, Владиміръ Ильичъ.

33. Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей: Титовъ, Андрей Александровичъ; Шляковъ, Иванъ Александровичъ.

34. Тверскаго Музея: Жизневскій, Августъ Казимировичъ.

35. Главнаго Штаба: Петровъ, Андрей Николаевичъ.

36. Главнаго Артиллерійскаго Управленія: Бранденбургъ, Николай Евфимовичъ.

37. Московской Городской Думы: Алексѣевъ, Николай Александровичъ; Герье, Владиміръ Ивановичъ; Иловайскій, Димитрій Ивановичъ; Холмскій, Александръ Степановичъ.

38. Ярославской Архіерейской Ризницы: Владиміръ, архимандритъ.

39. Воронежскаго Губ. Статистическаго Комитета: Веневитиновъ, Михаилъ Алексѣевичъ; Селивановъ, Александръ Ѳеодоровичъ; Чеботаревъ, Василій Ильичъ.

40. Пензенскаго Губ. Статистическаго Комитета: Василевъ, Иванъ Ивановичъ.

41. Казанскаго Статистическаго Комитета: Осокинъ, Николай Алексѣевичъ.

42. Новгородскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Ласковскій, Василій Павловичъ.

43. Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Голышевъ, Иванъ Александровичъ.

44. Витебскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Сапуновъ, Алексѣй Парѳеновичъ.

45. Феллинскаго Литературнаго Общества: Вальдманъ Д.

46. Финляндскаго Археологическаго Общества и Финляндской Археологической Коммиссіи: Аспелинъ.

47. Тверскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Жизневскій, Августъ Казиміровичъ.

48. Владимірскаго Александро-Невскаго Братства: Георгіевскій, Василій Тимоѳеевичъ.

49. Петровскаго Общества Изслѣдователей Астраханскаго Края: Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ.

50. Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имиераторскаго Русскаго Географическаго Общества: Ядринцевъ, Николай Михайловичъ.

51. Московскаго Архитектурнаго Общества: Никитинъ, Николай Васильевичъ; Лебедевъ, Семенъ Васильевичъ; Поповъ Александръ Петровичъ.

52. С.-Петербургскаго Общества Архитекторовъ: Султановъ, Николай Владиміровичъ.

53. Московскаго Главнаго Архива Мин. Ин. Дѣлъ: Бюлеръ, Баронъ Ѳеодоръ Андреевичъ; Бѣлокуровъ, Сергѣй Алексѣевичъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

54. Московскаго Архива Министерства Юстиціи: Холмогоровъ, Василій Ивановичъ; Гоздаво-Голомбіевскій, Александръ Александровичъ.

55. Синодальнаго Архива: Львовъ, Аполлинарій Николаевичъ.

56. Костром. Ученой Архивной Коммиссіи: Миловидовъ Иванъ Θеодоровичъ.

57. Таврической Ученой Архивной Коммиссіи: Лашковъ, Θеодоръ Θеодоровичъ:

58. Нижегородской Ученой Архивной Коммиссіи: Гацискій, Александръ Серафимовичъ; Карелинъ, Андрей Осиповичъ; Мельниковъ, Андрей Павловичъ; Меморскій, Александръ Михайловичъ; Миротворцевъ, Аθанасій Львовичъ; Овчинниковъ, Михаилъ Васильевичъ; Савельевъ, Александръ Александровичъ; Эйнгорнъ, Виталій Осиповичъ.

59. Орловской Ученой Архивной Коммиссіи: Селивановъ, Александръ Θеодоровичъ.

60. Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи: Голомбіевскій, Александръ Александровичъ; Холмогоровъ, Василій Ивановичъ; Чекалинъ, Θеодоръ Θеодоровичъ.

61. Тверской Ученой Коммиссіи: Квашнинъ-Самаринъ, Николай Димитріевичъ; Колосовъ, Владиміръ Ивановичъ; Соколовъ, Петръ Павловичъ; Ивановъ, Иванъ Александровичъ.

62. Уральскаго Общества Любителей Естествознанія: Анучинъ, Димитрій Николаевичъ.

63. Французскаго Мин. Нар. Просвѣщенія и Общества французскихъ Антикваріевъ: де-Бай, баронъ Іосифъ.

64. Археологическаго Общества въ Шарантѣ: де-Флери, графъ Людовикъ.

65. Парижскаго Антропологическаго Общества: Богдановъ, Анатолій Петровичъ.

66. Вѣнскаго Антропологическаго Общества: Д-ръ Хегеръ, Францъ.

67. Берлинскаго Антропологическаго Общества: Д-ръ Гремплеръ, Вильгельмъ.

68. Французскаго Общества Поощренія Наукъ: Картальякъ, Эмиль.

69. Силезскаго Общества Древностей: Д-ръ Гремплеръ, Вильгельмъ.

III. Почетные члены.

1. Алексѣевъ, Николай Александровичъ.
2. Буслаевъ, Θеодоръ Ивановичъ.
3. Бюлеръ, баронъ Θеодоръ Андреевичъ.
4. Вышнеградскій, Иванъ Александровичъ,
5, Гирсъ, Николай Карловичъ.
6. Деляновъ, графъ Иванъ Давидовичъ.
7. Долгоруковъ, князь Владиміръ Андреевичъ,
8. Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ.
9. Ключевскій, Василій Осиповичъ,
10. Павловъ, Алексѣй Степановичъ.
11. Поповъ, Нилъ Александровичъ,

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

IV. Члены.

1. Абакумовъ, Владиміръ Сергѣевичъ. (Москва).
2. Авенаріусъ, Николай Петровичъ. (Бѣлостокъ).
3. Айналовъ, Д. В. (Петербургъ).
4. Акимовъ, Владиміръ Николаевичъ. (Петербургъ).
5. Алексѣевъ, Николай Александровичъ. (Москва).
6. Алексѣева, Наталья Александровна. (Москва).
7. Антоновичъ, Владиміръ Бонифатьевичъ. (Кіевъ).
8. Анучинъ, Димитрій Николаевичъ. (Москва).
9. Аппельротъ, Владиміръ Германовичъ. (Москва).
10. Ардашевъ, Николай Николаевичъ. (Москва).
11. Аркадьевъ, Ельпидифоръ Ивановичъ. (Москва),
12. Арсеньевъ, Владиміръ Сергѣевичъ. (Москва).
13. Аспелинъ, проф. (Гельсингфорсъ).
14. Астаповъ, Аѳанасій Аѳанасьевичъ. (Москва).
15. Астровъ, Николай Ивановичъ. (Москва).
16. Астровъ, Александръ Ивановичъ. (Москва).
17. Аттая, Михаилъ Осиповичъ. (Москва).
18. Багалѣй, Димитрій Ивановичъ. (Харьковъ).
19. Базинеръ, Оскаръ Ѳеодоровичъ. (Москва).
20. Бартеневъ, Петръ Ивановичъ. (Москва).
21. Баснинъ, Николай Васильевичъ. (Москва).
22. Бахметьевъ, Василій Егоровичъ. (Симферополь).
22. Бахрушинъ, Сергѣй Александровичъ. (Москва).
24. Бахрушинъ, Алексѣй Александровичъ. (Москва).
25. Бахрушинъ, Алексѣй Петровичъ. (Москва).
26. Бай, баронесса І. де (M-me la Baronne Joseph de Baye). (Парижъ).
27. Бай, баронъ Іосифъ де (M-r le Baron joseph de Baye). (Парижъ).
28. Безобразовъ, Павелъ Владиміровичъ. (Москва).
29. Бензенгръ, Василій Николаевичъ. (Москва).
30. Бестужевъ-Рюминъ, Константинъ Николаевичъ. (Ялта).
31. Бертье-Делагардъ, Александръ Львовичъ. (Севастополь).
32. Биддеръ, Марія Эдуардовна. (Москва).
33. Благовѣщенскій, Николай Михайловичъ. (Варшава).
34. Бобринскій, графъ Алексѣй Александровичъ. (Петербургъ).
35. Богдановъ, Анатолій Петровичъ. (Москва).
36. Богданъ, Иванъ Ивановичъ. (Краковъ).
37. Боголюбова, Анна Андреевна. (Москва).
38. Богословскій, Николай Петровичъ. (Москва).
39. Бойе, Поль (M. Paul Boyer). (Москва).

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

40. Бокъ, Владиміръ Юрьевичъ. (Петербургъ).
41. Большаковъ, Сергѣй Тихоновичъ. (Москва).
42. Борщевскій, Иванъ Өедоровичъ. (Ярославль).
43. Бочаровъ, Николай Петровичъ. (Москва).
44. Бранденбургъ, Николай Евфимовичъ. (Петербургъ).
45. Брандтъ, Романъ Өеодоровичъ. (Москва).
46. Будиловичъ, Антонъ Семеновичъ. (Варшава).
47. Буренинъ, Сергѣй Петровичъ. (Москва).
48. Быковскій, Константинъ Михайловичъ. (Москва).
49. Бычковъ, Аөанасій Өеодоровичъ. (Петербургъ).
50. Бычковъ, Өеодоръ Аөанасьевичъ. (Ярославль).
51. Бѣлокуровъ, Сергѣй Алексѣевичъ. (Москва).
52. Бѣляевъ, Александръ Димитріевичъ. (Сергіевъ Посадъ).
53. Бюлеръ, баронъ Өеодоръ Андреевичъ. (Москва).
54. Бѣльченко Сергѣй Николаевичъ. (Курскъ).
55. Вакуловскій, Николай Николаевичъ. (Петербургъ).
56 Василевъ, Иванъ Ивановичъ. (Ломжа).
57. Вахрамѣевъ, Иванъ Александровичъ. (Ярославль).
58. Веневитиновъ, Михаилъ Алексѣевичъ. (Воронежъ).
59. Веніаминовъ, Иванъ Николаевичъ. (Москва).
60. Веніаминова, Елена Петровна. (Москва).
61. Веркмейстеръ, Өеодоръ Викентьевичъ. (Москва).
62. Вернандеръ, Константинъ Романовичъ. (Москва).
63. Веселовскій, Алексѣй Николаевичъ. (Москва).
64. Веселовскій, Николай Ивановичъ. (Петербургъ).
65. Владиміръ, Архимандритъ. (Ярославль).
66. Вульфертъ, Владиміръ Карловичъ. (Москва).
67. Гагарина, княжна Виринея Васильевна. (Москва).
68. Гамалѣя, Аполлонъ Александровичъ. (Москва).
69. Гаркави, Абрамъ Яковлевичъ. (Петербургъ).
70. Гатцукъ, Алексѣй Алексѣевичъ. (Москва).
71. Гацискій, Александръ Серафимовичъ. (Нижній-Новгородъ).
72. Гейзеринеръ, Николай Өеодоровичъ. (Москва).
73. Гейне, Иванъ Өеодоровичъ. (Москва).
74. Гейкель, Аксель Карловичъ (Гельсингфорсъ).
75 Георгіевскій, Василій Тимоөеевичъ. (Владиміръ).
76. Гиль, Христіанъ Христіановичъ. (Петербургъ).
77. Гегеръ, Францъ (Herr Dr. Franz Heger). (Вѣна).
78. Гоздаво-Голомбіевскій, Александръ Александровичъ. (Москва).
79. Головинъ, Владиміръ Александровичъ. (Москва).
80. Голубцовъ, Александръ Петровичъ. (Москва).
81. Голышевъ, Иванъ Александровичъ. (с. Мстеры, Вязниковскаго у., Владим. г.).

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

82. Гомановскій, Сергѣй Николаевичъ. (Москва).
83. Гондатти, Николай Львовичъ. (Москва).
84. Гончаревскій, Максимиліанъ Гордѣевичъ. (Москва).
85. Горбачевъ, Викторъ Никитичъ. (Москва).
86. Горленко, Василій Петровичъ. (ст. Дмитровка, Либ.-Ром. ж. д.)
87. Городцовъ, Василій Алексѣевичъ. (Рязань).
88. Горожанскій, Николай Петровичъ. (Москва).
89. Готовицкій, Михаилъ Викторовичъ. (Саратовъ).
90. Гремплеръ, Вильгельмъ (Herr. Dr. W. Grempler). (Бреславль)
91. Григоровичъ, Екатерина Александровна. (Москва).
92. Грингмутъ, Владиміръ Андреевичъ. (Москва).
93. Гудовичъ, графиня Екатерина Васильевна. (Москва).
94. Гунстъ, Анатолій Оттовичъ. (Москва).
95. Давыдовъ, Павелъ Дмитріевичъ. (Кутаисъ).
96. Дзилиховъ, Илья Базаевичъ. (Кутаисъ).
97. Дмитріевскій, Алексѣй Аѳанасьевичъ. (Кіевъ).
98. Добрынкинъ, Николай Гавриловичъ. (Муромъ).
99. Добринская, Людмила Павловна. (Москва).
100. Долговъ, Семенъ Осиповичъ. (Москва).
101. Долячко, Брониславъ Антоновичъ. (Москва).
102. Доннеръ, О. (Гельсингфорсъ).
103. Дриновъ, Маринъ Степановичъ. (Харьковъ).
104. Дружининъ, В. Г. (Петербургъ).
105. Дубасовъ, Иванъ Ивановичъ. (Тамбовъ).
106. Дубинкинъ, Константинъ Алексѣевичъ. (Москва).
107. Духовской, Михаилъ Васильевичъ. (Москва).
108. Егоровъ, Сергѣй Александровичъ. (Владиміръ).
109. Емельяновъ, Николай Евстафьевичъ.
110. Еременко, Петръ Митрофановичъ.
111. Жизневскій, Августъ Казиміровичъ. (Тверь).
112. Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ. (Москва).
113. Завитневичъ, Владиміръ Зеноновичъ. (Кіевъ).
114. Зайцевскій, Иванъ Михайловичъ. (Москва).
115. Зарѣцкій, Иванъ Антоновичъ. (Полтава).
116. Ивановъ, Иванъ Александровичъ. (Тверь).
117. Ивановскій, Алексѣй Арсеньевичъ. (Москва).
118. Иловайскій, Димитрій Ивановичъ. (Москва)
119. Истринъ, Василій Михайловичъ. (Москва).
120. Каллашъ, Владиміръ Владиміровичъ. (Москва).
121. Кананов, Георгій Ильичъ. (Москва).
122. Карелинъ, Андрей Осиповичъ. (Москва).
123. Карзинкинъ, Александръ Андреевичъ. (Москва)

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

124. Карнѣевъ, Александръ Дмитріевичъ. (Москва).
125. Картальякъ, Эмиль (M. Emile Cartailhac). (Тулуза).
126. Карѣева. (Петербургъ).
127. Карѣевъ, Николай Ивановичъ. (Петербургъ).
128. Кельцевъ, Сергѣй Андреевичъ. (Москва).
129. Кельцева, Анна Васильевна. (Москва).
130. Кизеветтеръ, Александръ Александровичъ. (Москва).
131. Кирпичниковъ, Александръ Ивановичъ. (Одесса).
132. Кирьяковъ, Степанъ Григорьевичъ.
133. Князевъ, Алексѣй Андреевичъ.
134. Коврайскій, Θеодоръ Θеодоровичъ. (Москва).
135. Кожевниковъ, Алексѣй Яковлевичъ. (Москва).
136. Козляниновъ, Θеодоръ Григорьевичъ.
137. Колосовъ, Владиміръ Ивановичъ. (Тверь).
138. Коленскій, Василій Николаевичъ. (Петербургъ).
139. Кондаковъ, Никодимъ Павловичъ. (Петербургъ).
140. Константиновскій, Иванъ Васильевичъ. (Москва).
141. Копьевъ, Яковъ Александровичъ. (Москва).
142. Корсунскій, Николай Николаевичъ. (Ярославль).
143. Коршъ, Θеодоръ Евгеньевичъ. (Москва).
144. Кочубинскій, Александръ Александровичъ. (Одесса).
145. Красносельцевъ, Николай Θомичъ. (Одесса).
146. Кречетовъ Петръ Никитичъ. (Москва).
147. Кугушевъ, князь Алексѣй Петровичъ. (Москва).
148. Кужба 2-ой, Николай Ильичъ. (Городня).
149. Кукинъ, Иванъ Семеновичъ. (Москва).
150. Кулаковскій, Юліанъ Андреевичъ. (Варшава).
151. Кункинъ, Іоасафъ Яковлевичъ.
152. Купріановъ, Николай Александровичъ.
153. Кучукъ-Іоаннесовъ, Христофоръ Ивановичъ. (Москва).
154. Курскій Губернскій Статистическій Комитетъ.
155. Лавровъ, Петръ Алексѣевичъ. (Москва).
156. Лазаревскій Институтъ Восточныхъ языковъ.
157. Ланговой, Александръ Петровичъ. (Москва).
158. Ланской, графъ Николай Степановичъ. (Петербургъ),
159. Ласковскій, Василій Павловичъ. (Череповецъ).
160. Лашкаревъ, Петръ Александровичъ. (Кіевъ).
161. Лашковъ, Николай Аполлоновичъ. (Петербургъ).
162. Лашковъ, Θеодоръ Θеодоровичъ. (Симферополь).
163. Лебедевъ, Димитрій Петровичъ. (Москва).
164. Лебедевъ, Иванъ Алексѣевичъ. (Москва).
165. Линниченко, Иванъ Андреевичъ. (Москва).

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

166. Лихачевъ, Андрей Ѳеодоровичъ. (Казань).
167. Лихачевъ, Иванъ Ѳеодоровичъ. (Парижъ).
168. Лихачевъ, Николай Петровичъ. (Петербургъ).
169. Лопаревъ, Христанѳъ Меѳодіевичъ. (Петербургъ).
170. Лучицкій, Иванъ Васильевичъ. (Кіевъ).
171. Львовъ, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ. (Москва).
172. Львовъ, Аполлинарій Николаевичъ. (Петербургъ).
173. Лѣнивовъ, Андрей Николаевичъ. (Москва).
174. Любовичъ, Николай Николаевичъ. (Варшава).
175. Малкіель, Марья Самойловна. (Москва).
176. Маринъ, Александръ Антоновичъ. (Рязань).
177. Маркевичъ, Алексѣй Ивановичъ. (Одесса).
178. Марси, графъ де (M. le Comte de Marcy). (Парижъ).
179. Масловъ, Ѳеодоръ Ивановичъ.
180. Матвѣевъ, Антонъ Александровичъ. (Одесса).
181. Мейнгардтъ, Александръ Адольфовичъ. (Москва).
182. Мейнгардтъ, Георгій Александровичъ. (Москва).
183. Мельгуновъ, Петръ Павловичъ. (Москва).
184. Мельниковъ, Андрей Павловичъ. (Нижній-Новгородъ).
185. Меморскій, Александръ Михайловичъ. (Ниж.-Новгородъ).
186. Мещериновъ, Александръ Григорьевичъ. (Москва).
187. Миллеръ, Всеволодъ Ѳеодоровичъ. (Москва).
188. Милюковъ, Павелъ Николаевичъ. (Москва).
189. Миротворцецъ, Аѳанасій Львовичъ. (Нижній-Новгородъ).
190. Митинъ, Иванъ Ивановичъ. (Москва).
191. Митропольскій, Ѳеодоръ Никитичъ. (Москва).
192. Михайловскій, Викторъ Михайловичъ. (Москва).
193. Модестовъ, Василій Ивановичъ. (Одесса).
194. Молчановъ, Владиміръ Евграфовичъ. (село Грузины, Тверской губ.)
195. Мошнина, Ольга Владиміровна. (Москва).
196. Муркосъ, Георгій Абрамовичъ. (Москва).
197. Мѣржинскій, Антонъ Ѳаддѣевичъ. (Варшава).
198. Наумовъ, Василій Петровичъ. (Зарайскъ).
199. Незеленовъ, Александръ Ильичъ. (Петербургъ).
200. Некрасовъ, Иванъ Степановичъ. (Одесса).
201. Никитинъ, Николай Васильевичъ. (Москва).
202. Никифоровъ, Василій Николаевичъ. (Александрія, Херс. губерніи).
203. Никольскій, Димитрій Петровичъ. (Петербургъ).
204. Никольская, Анастасія Ѳеофилактовна. (Москва).
205. Никольскій, Михаилъ Васильевичъ. (Москва).
206. Никольскій, Семенъ Яковлевичъ. (Петербургъ).
207. Новиковъ, Иванъ Алексѣевичъ. (Москва).

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

208. Новицкій, Алексѣй Петровичъ. (Москва).
209. Носъ, Андрей Евдокимовичъ. (Москва).
210. Оберъ, Александръ Лаврентьевичъ. (Москва).
211. Овчинниковъ, Михаилъ Васильевичъ. (Нижній-Новгородъ).
212. Оглоблинъ, Николай Николаевичъ. (Москва).
213. Орѣшникова, Елена Димитріевна. (Москва)
214. Орѣшниковъ, Алексѣй Васильевичъ. (Москва).
215. Осиповъ, Павелъ Васильевичъ.
216. Осокинъ, Николай Алексѣевичъ. (Казань).
217. Оссовскій, Готфридъ Іосифовичъ. (Краковъ).
218. Остенъ-Сакенъ, баронъ Ѳеодоръ Романовичъ. (Петербургъ).
219. Островскій, Петръ Николаевичъ. (Москва).
220. Павинскій, Адольфъ Ивановичъ. (Варшава).
221. Павлиновъ, Андрей Михайловичъ. (Москва).
222. Павловскій, Алексѣй Андреевичъ. (Петербургъ).
223. Перетятковичъ, Егоръ Ивановичъ. (Одесса).
224. Пермяковъ, Николай Ефремовичъ.
225. Пермяковъ, Сергѣй Ефремовичъ.
226. Петровскій, Сергѣй Александровичъ. (Москва).
227. Петровъ, Андрей Николаевичъ. (Петербургъ).
228. Платоновъ, Сергѣй Ѳеодоровичъ. (Петербургъ).
229. Поливановъ, Владиміръ Николаевичъ. (ст. Водорѣцкая, Симб. губ.).
230. Поливановъ, Александръ Петровичъ. (Ниж. Новгородъ).
231. Поляковъ, Михаилъ Лазаревичъ. (Москва).
232. Помяловскій, Иванъ Васильевичъ. (Петербургъ).
233. Покровскій, Николай Васильевичъ. (Петербургъ).
234. Попандопуло, Василій Константиновичъ. (Москва).
235. Поповъ, Александръ Петровичъ. (Москва).
236. Поповъ, Николай Александровичъ. (Москва).
237. Поповъ, Нилъ Александровичъ. (Москва).
238. Поповъ, Максимъ Евфимовичъ. (Москва).
239. Посниковъ, Николай Михайловичъ. (Москва).
240. Посниковъ, Алексѣй Николаевичъ. (Москва).
241. Посниковъ, Николай Николаевичъ. (Москва).
242. Преображенскій, Петръ Алексѣевичъ. (Москва).
243. Протасова, Александра Васильевна. (Москва).
244. Путятинъ, князь Павелъ Арсеньевичъ. (ст. Бологое).
245. Работкинъ, Юлій Ивановичъ.
246. Раевскій, Николай Ивановичъ.
247. Расцвѣтовъ, Александръ Павловичъ. (Москва)
248. Ребецъ, Софья Андреевна. (Симферополь).
249. Ребецъ, Францъ Яковлевичъ. (Симферополь).

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

250. Римскій-Корсаковъ, Александръ Александровичъ. (Вильна).
251. Рождественскій, Иванъ Викторовичъ. (Москва).
252. Рождественскій, Сергѣй Викторовичъ. (Москва).
253. Розенъ, баронъ Викторъ Романовичъ. (Петербургъ).
254. Романовъ, Николай Ильичъ. (Москва).
255. Романовъ, Евдокимъ Романовичъ. (Витебскъ).
256. Россеттеръ, Николай Ѳеодоровичъ. (Москва).
257. Россинскій, Димитрій Михайловичъ. (Москва).
258. Руссовъ, Александръ Александровичъ. (Харьковъ).
259. Рутковская, Марья Брониславовна. (Москва).
260. Рутковскій, Болеславъ Владиславовичъ. (Москва).
261. Рѣдинъ, Егоръ Кузьмичъ. (Петербургъ).
262. Рѣпинъ, Валентинъ Иліодоровичъ. (Москва).
263. Саблинъ, Михаилъ Алексѣевичъ. (Москва).
264. Савва, Архіепископъ Тверской. (Твéрь.)
265. Савельевъ, Александръ Александровичъ. (Нижній Новгородъ).
266. Саковъ, Ставръ Елевѳеріевичъ. (Москва).
267. Салтыкова-Головкина, княгиня Екатерина Алексѣевна. (Москва).
268. Самоквасовъ, Димитрій Яковлевичъ. (Варшава).
269. Сапуновъ, Алексѣй Парѳеновичъ. (Витебскъ).
270. Сафоновъ, Василій Сергѣевичъ. (Москва).
271. Селивановъ, Александръ Ѳеодоровичъ. (Петербургъ).
272. Селивановъ, Алексѣй Васильевичъ. (Рязань).
273. Семевскій, Михаилъ Ивановичъ. (Петербургъ).
274. Сементовскій-Курилло, Александръ Максимовичъ. (Полоцкъ).
275. Серебрякова, Анна Николаевна. (Москва).
276. Серебрякова, Елизавета Петровна. (Москва).
277. Сизовъ, Владиміръ Ильичъ. (Москва).
278. Силинъ, Иванъ Лукичъ. (Москва).
279. Силинъ, Елисѣй Ивановичъ. (Москва).
280. Скадовскій, Георгій Львовичъ. (Херсонъ).
281. Скаржинская, Екатерина Николаевна. (Лубны).
282. Слуцкій, Сергѣй Сергѣевичъ. (Москва).
283. Смирновъ, Иванъ Николаевичъ. (Казань).
284. Смирновъ, Яковъ Ивановичъ. (Петербургъ).
285. Смородскій, Александръ Павловичъ. (Минскъ).
286. Соболевскій, Алексѣй Ивановичъ. (Петербургъ).
287. Соболевъ Михаилъ Ивановичъ.
288. Соколовъ Владиміръ Димитріевичъ. (Москва).
289. Соколовъ Матвѣй Ивановичъ (Москва).
290. Соколовъ Петръ Павловичъ. (Москва).
291. Соколовъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ. (Москва).

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

292. Соловейчикъ Илья Исидоровичъ. (Москва).
293. Соловьева Вѣра Алексѣевна. (Москва).
294. Сонни Адольфъ Израилевичъ. (Харьковъ).
295. Сперанскій Михаилъ Несторовичъ. (Москва).
296. Станкевичъ Алексѣй Ивановичъ. (Москва).
297. Стржиговскій Іосифъ (Dr. I. Strzygowski). (Вѣна).
298. Сторожевъ Василій Николаевичъ. (Москва).
299. Струковъ Димитрій Михайловичъ. (Москва).
300. Струковъ Николай Димитріевичъ.
301. Субботинъ Николай Ивановичъ. (Сергіевъ Посадъ).
302. Султановъ Николай Владиміровичъ. (Петербургъ).
303. Сумцевъ Николай Ѳеодоровичъ. (Харьковъ).
304. Суручанъ Иванъ Кассіановичъ. (Кишиневъ).
305. Тарновскій Василій Васильевичъ. (Кіевъ).
306. Теплоуховъ Ѳеодоръ Александровичъ. (с. Ильинское, Пермской г.).
307. Тизенгаузенъ баронъ Владиміръ Густавовичъ. (Петербургъ).
308. Тимоѳеевъ Сергѣй Павловичъ. (Москва)
309. Тимошевскій Григорій Ивановичъ. (Симферополь).
310. Титова Глафира Андреевна. (Ростовъ В.).
311. Титовъ Андрей Александровичъ. (Ростовъ В.).
312. Тихоновъ Павелъ Никитичъ. (Петербургъ).
313. Токмаковъ Иванъ Ѳеодоровичъ. (Москва).
314. Толмачевъ Николай Александровичъ. (Казань).
315. Толстой Александръ Васильевичъ. (Сызрань).
316. Толстой графъ Иванъ Ивановичъ. (Петербургъ).
317. Третьяковъ Алексѣй Антоновичъ. (Москва).
318. Троицкій Николай Ивановичъ. (Тула).
319. Трутовская Александра Владиміровна. (Москва).
320. Трутовскій Владиміръ Константиновичъ. (Москва).
321. Тураева Ксенія Андреевна. (Петербургъ).
322. Тураевъ Борисъ Александровичъ. (Петербургъ).
323. Уварова графиня Прасковья Сергѣевна. (Москва).
324. Уварова графиня Прасковья Алексѣевна. (Москва).
325. Уварова графиня Екатерина Алексѣевна. (Москва).
326. Уваровъ графъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ. (Москва).
327. Уляницкій Владиміръ Антоновичъ. (Москва).
328. Успенская Надежда Эрастовна. (Одесса).
329. Успенскій Ѳеодоръ Ивановичъ. (Одесса).
330. Ушаковъ Димитрій Алексѣевичъ. (Москва).
331. Флёри графиня Л. де (M-me la Comtesse Louis de Fleury). (Кемпа).
332. Флёри графъ Людовикъ (M-le Comte Louis de Fleury). (Кемпа).
333. Флоринскій Тимоѳей Димитріевичъ. (Кіевъ).

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

334. Фогель Владиміръ Карловичъ. (Москва).
335. Фортинскій Өеодоръ Яковлевичъ, (Кіевъ).
336. Халатьянцъ Григорій Абрамовичъ. (Москва).
337. Харузина Вѣра Николаевна. (Москва).
338. Харузина Елена Николаевна. (Москва).
339. Харузинъ Алексѣй Николаевичъ. (Москва).
340. Харузинъ Николай Николаевичъ. (Москва).
341. Хахановъ Александръ Соломоновичъ. (Москва).
342. Хвольсонъ Даніилъ Абрамовичъ. (Петербургъ).
343. Хайновскій Іосифъ Адамовичъ. (Кіевъ).
344. Холмогоровъ Василій Ивановичъ. (Москва).
345. Холщевниковъ Павелъ Васильевичъ. (Ярославль).
346. Цагарели Александръ Антоновичъ. (Петербургъ).
347. Цингеръ Владиміръ Гавриловичъ. (Москва).
348. Цвѣтаевъ Димитрій Владиміровичъ. (Варшава).
349. Цвѣтухинъ Иванъ Николаевичъ. (Москва).
350. Чекалинъ Өеодоръ Өеодоровичъ. (Кузнецкъ).
351. Челищевъ Григорій Өеодоровичъ. (Петербургъ).
352. Черкасовъ Борисъ Ивановичъ. (Москва).
353. Черкасова Марья Васильевна. (Москва).
354. Четыркинъ Иванъ Даниловичъ. (Калуга).
355. Чижовъ Николай Евфимовичъ. (Одесса).
356. Чикуанова Ольга Александровна.
357. Чистоклѣтовъ Григорій Григорьевичъ.
358. Чичаговъ Димитрій Николаевичъ. (Москва).
359. Чураковскій Юрій Константиновичъ. (Грозный).
360. Шабельская Наталья Леонидовна. (Москва).
361. Шабельская Наталья Петровна. (Москва).
362. Шабельская Варвара Петровна. (Москва).
363. Шефферъ Валеріанъ Александровичъ. (Москва).
364. Шварцъ Александръ Николаевичъ. (Москва).
365. Швенцеровъ Павелъ Александровичъ. (Москва).
366. Шибановъ Павелъ Петровичъ. (Москва).
367. Шкляревскій Александръ Орестовичъ. (Москва).
368. Шляковъ Иванъ Александровичъ. (Ростовъ Великій).
369. Шмурло Евгеній Францовичъ. (Петербургъ).
370. Шпилевскій Сергѣй Михайловичъ. (Ярославль).
371. Шредеръ-фонъ Леопольдъ. (Дерптъ).
372. Шуваловъ Алексѣй Ивановичъ. (Москва).
373. Щепкина Е. Н. (Петербургъ).
374. Щепкинъ Вячеславъ Николаевичъ. (Москва).
375. Щербатова княгиня Софья Александровна. (Москва).

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

376. Щербатовъ князь Николай Сергѣевичъ. (Москва).
377. Щербачевъ Андрей Владиміровичъ. (Москва).
378. Эварницкій Димитрій Ивановичъ. (Петербургъ).
379. Эйнгорнъ Виталій Осиповичъ. (Москва).
380. Янчукъ Николай Андреевичъ. (Москва).
381. Ястребовъ Владиміръ Николаевичъ. (Елисаветградъ).
382. Ящуржинскій Хрисанѳъ Петровичъ. (Симферополь).

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Открытіе VIII Археологическаго Съѣзда.

9 января въ зданіи Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея состоялось торжество открытія VIII Археологическаго Съѣзда.

Въ $1^1/_2$ часа дня совершено было однимъ изъ старѣйшихъ членовъ Императорскаго Археологическаго Общества, Преосвященнымъ Амфилохіемъ, Епископомъ Углицкимъ, въ сослуженіи архимандрита Владиміра, и прочаго духовенства молебствіе, съ возглашеніемъ многолѣтія Державному Покровителю Общества Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу, Августѣйшему Почетному Предсѣдателю Съѣзда Великому Князю Сергію Александровичу и членамъ Археологическаго Съѣзда. Молебствіе совершено было передъ древнею иконой Спаса Нерукотвореннаго и двумя новыми иконами, сооруженными къ 25-ти-лѣтію Моск. Археол. Общества и присланными въ даръ предсѣдателю Общества Графинѣ П. С. Уваровой изъ слободы Мстеры, Вязниковскаго уѣзда, „отъ бывшаго крѣпостного крестьянина, нынѣ дѣйствительнаго члена Общества И. А. Голышева“: на одной изображены, съ соотвѣтствующими текстами Св. Писанія, Св. Несторъ Лѣтописецъ, Св. Алексѣй Митрополитъ и Св. Параскева, а внизу видъ Московскаго Кремля, на другой одна Св. Параскева. Къ молебствію собрались, кромѣ всѣхъ должностныхъ лицъ, депутатовъ и членовъ Съѣзда Высокопреосвященный Архіепископъ Савва, московскій генералъ-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ, попечитель учебнаго округа графъ П. А. Капнистъ, городской голова Н. А. Алексѣевъ и другія почетныя лица.

Въ 2 часа прибылъ Августѣйшій Почетный Предсѣдатель Съѣзда Великій Князь Сергій Александровичъ съ Супругой Великою Княгиней Елисаветой Ѳеодоровной и свитой Ихъ Высочествъ, и, занявъ предсѣдательское мѣсто, изволилъ открыть Съѣздъ слѣдующими милостивыми словами:

„Я счастливъ тѣмъ, что могъ пріѣхать и лично открыть Съѣздъ. Отъ души желаю полнаго успѣха Съѣзду въ его трудахъ и дальнѣйшаго процвѣтанія археологіи, такъ какъ она, являясь звеномъ между отдаленнымъ прошлымъ и настоящимъ, помогаетъ изученію отечественной исторіи, и всегдашняго развитія этой науки на славу нашего дорогого отечества“.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Рѣчь Его Высочества выслушана была стоя и вызвала долгія горячія выраженія общей благодарности членовъ Съѣзда.

Затѣмъ произнесъ рѣчь предсѣдатель Совѣта Съѣзда, академикъ А. Ѳ. Бычковъ. Сообщивъ въ началѣ рѣчи, что Министръ Народнаго Просвѣщенія возложилъ на него пріятную обязанность привѣтствовать отъ лица его Съѣздъ и собравшихся на немъ отечественныхъ и иностранныхъ депутатовъ и всѣхъ членовъ съѣзда, А. Ѳ. Бычковъ дальнѣйшую часть рѣчи посвятилъ характеристикѣ значенія археологическихъ съѣздовъ и закончилъ рѣчь надеждой, что труды VIII Археологическаго Съѣзда будутъ успѣшны и сослужатъ не малую службу наукѣ.

Предсѣдатель Предварительнаго Комитета, П. С. Уварова прочла слѣдующій

Отчетъ о дѣйствіяхъ Предварительнаго Комитета.

20 августа 1887 г. закрылся въ Ярославлѣ VII Археол. Съѣздъ. Наканунѣ его закрытія Совѣтъ Съѣзда, по представленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, рѣшилъ ходатайствовать предъ Правительствомъ о дозволеніи созвать будущій VIII Съѣздъ въ Москвѣ, не черезъ три года, какъ обыкновенно, а черезъ два, то-есть въ концѣ 1889 или началѣ 1890 года, пріурочивая его къ празднованію перваго 25-лѣтія Импер. Моск. Археолог. Общества и мотивируя это ходатайство тѣмъ, что „первая мысль о Съѣздахъ возникла въ средѣ Моск. Археол. Общества, что Общество это принимало живое участіе въ устройствѣ всѣхъ доселѣ устраиваемыхъ семи Археол. Съѣздовъ и что справедливость требуетъ почтить *именно* созывомъ новаго Съѣзда 25-лѣтній юбилей этого Общества“.

Ходатайство Совѣта было весьма милостиво принято г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, и уже въ ноябрѣ 1887 года получено Высочайшее разрѣшеніе созвать въ Москвѣ въ январѣ 1888 г. Предварительный Комитетъ VIII Археологическаго Съѣзда.

Комитетъ собрался въ Москвѣ въ январѣ 1888 г. въ числѣ 53 членовъ — представителей отъ 5 Университетовъ, отъ Демидовскаго Лицея, Академіи Художествъ, отъ 11 Ученыхъ Обществъ, Лазаревскаго и Археологическаго Института, Археологической Коммиссіи, Историческаго и Тверского Музеевъ, 2-хъ Духовныхъ Академій, Архива Иностранныхъ Дѣлъ и Юстиціи, Артиллерійскаго Правленія и 2-хъ Архивныхъ Коммиссій.

Предварительный Комитетъ выработалъ правила будущаго Съѣзда, рѣшилъ созвать его отъ 8 по 24 января 1890 г. и предложилъ на обработку, докладъ и разрѣшеніе Съѣзда 73 вопроса и 50 запросовъ.

4 сентября 1888 г. правила Съѣзда утверждены г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, послѣ чего и начались послѣдовательныя подготовительныя работы къ Съѣзду.

Въ виду того, что этотъ новый Съѣздъ пріурочивался ко времени празднованія 25-лѣтняго юбилея Моск. Археол. Общества, въ виду и того обстоятельства, что общность интересовъ Съѣздовъ вообще тѣсно связывается съ интересами Общества,

основавшаго Съѣзды и расчитывающаго на нихъ, какъ на важный рычагъ для развитія археологическихъ знаній въ Россіи и интереса къ изученію Русской старины — работы Предварительнаго Комитета Съѣзда сливаются въ одно общее съ работами Общества вообще и несутся не нѣсколькими избранными на время членами а вообще всѣми членами Общества. Вопросы болѣе общіе поднимаются, обсуждаются и разрѣшаются въ Распорядительныхъ Засѣданіяхъ Общества; вопросы же, требующіе болѣе продолжительнаго труда, дѣлятся между Московскими членами или предлагаются на разрѣшеніе и обработку членамъ иногороднимъ.

Главныя работы Моск. Археол. Общества или Предварительнаго Комитета въ виду предстоящаго VIII Съѣзда были обращены:

1. На подготовленіе Выставки на время Съѣзда;
2. На разработку вопроса составленія археологическихъ картъ Россіи.
3. На усиленіе работъ по Археологическому Словарю, и
4. На печатаніе археологическихъ изданій, посвященныхъ VIII Археологическому Съѣзду.

При каждомъ Съѣздѣ устраивались Выставки и каждая изъ этихъ Выставокъ, составляясь болѣе или менѣе изъ мѣстныхъ коллекцій или раскопокъ произведенныхъ между двумя Съѣздами, имѣла почти всегда свой особый мѣстный характеръ. Москвѣ, какъ сердцу Россіи, какъ древней столицѣ, какъ собирательницѣ земли Русской, представлялась необходимость придать своей выставкѣ характеръ болѣе общій, то-есть вмѣщающій въ себѣ и дающій понятіе о художествѣ и археологіи въ Россіи вообще. Съ этою цѣлью желательно было обставить какъ можно богаче отдѣлъ *церковныхъ древностей* и добыть на выставку большее количество *частныхъ коллекцій*. Собраніе или выставка церковныхъ древностей казалась желательною потому, что изученіе церковныхъ древностей, разбросанныхъ по всему обширному пространству земли Русской представляетъ для изслѣдователя такія непоборимыя трудности, подвигается на столько медленно, что оно во всякомъ случаѣ не можетъ конкурировать съ той быстротой, которая замѣчается у насъ въ уничтоженіи древнихъ памятниковъ. Въ болѣе древнія времена памятники эти уничтожались пожарами, грабились и вывозились непріятельскими полчищами; за послѣднее время любовь новизны, невѣжество и незнаніе продолжаютъ дѣло вражье, и весьма часто цѣлыя ризницы уничтожаются, продаются въ ломъ или на выжигу и памятники древняго искусства гибнутъ безвозвратно, вырывая навсегда страницу за страницей изъ будущей исторіи Русскаго искусства. Изученіе этихъ древнихъ памятниковъ еще такъ мало у насъ подвинуто, любовь и уваженіе къ нимъ еще такъ мало развита, скажу еще болѣе—пониманіе въ необходимости ихъ сохраненія и въ полезности развитія ихъ изученія получило еще такъ мало правъ гражданственности у насъ въ Россіи, что на всякомъ шагу наталкиваешься на грустные факты небреженія и холоднаго отношенія къ этимъ памятникамъ, которые ведутъ къ окончательному ихъ истребленію. Приведу здѣсь выводы и заключенія, заимствованные изъ архивовъ Московскаго Археологическаго Общества и той многотрудной и сложной переписки, которую пришлось вести Обществу по вопросу о Выставкѣ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

а. Древнія вещи изъ ризницъ вывозятся „по требованію начальства“, или переводятся изъ монастыря въ монастырь и при этихъ переводахъ гибнутъ безвозвратно.

б. Древнія вещи считаются „рухлядью, которая бросалась и истреблялась безъ сожалѣнія“,—фактъ, подтвержденный офиціальными документами, имѣющимися въ бумагахъ Моск. Общества.

в. Нѣтъ закона, который ограждалъ бы церковныя ризницы отъ посягательствъ разныхъ любителей и путешественниковъ, желающихъ — часто подъ предлогомъ изученія древнихъ памятниковъ — воспользоваться добродушіемъ и довѣріемъ монашествующихъ и церковныхъ служителей и позволяющихъ себѣ увозить и присвоивать себѣ церковные предметы.

г. Недостатокъ церковныхъ описей или скорѣй совершенное отсутствіе ихъ въ большинствѣ нашихъ храмовъ и монастырей допускаетъ такое своеволіе относительно предметовъ, принадлежащихъ ризницамъ, такую легкость въ отношеніи къ нимъ, въ особенности при ихъ исправленіи, что недавній фактъ открытой торговли въ Петербургѣ финифтяными византійскими изображеніями, вывезенными изъ монастырей Кавказа, не составляютъ, конечно, исключенія.

д. Безправіе и безпечность лицъ, находящихся во главѣ церквей и монастырей и полное безсознательное отношеніе ихъ къ своимъ правамъ и правамъ собственности высказывается во многихъ бумагахъ и отношеніяхъ, полученныхъ Московскимъ Обществомъ во время подготовленія Выставки:—настоятели и настоятельницы монастырей, высылая Обществу, по его предложенію, предметы, принадлежащія, ихъ обителямъ, высказываютъ весьма часто просьбу, „что если предметы эти будутъ у нихъ отобраны Обществомъ, то чтобы монастырю было позволено *по крайней мѣрѣ* получать обратно то или то—по ихъ указанію“.

Всѣ эти грустные факты, вмѣстѣ взятые и приправленные нашею обыкновенною лѣнью и равнодушіемъ къ научнымъ вопросамъ, могущимъ возникнуть при сличеніи, сравненіи и изученіи памятниковъ нашей древней иконописи, шитья, металлическаго дѣла и пр.—отозвались и на нашей Выставкѣ.

Москов. Археол. Общество, выработавъ проектъ о Выставкѣ, обратилось касательно церковныхъ предметовъ за разрѣшеніемъ къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода. Отношеніе Общества оставалось безъ отвѣта впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а когда, въ виду наступающаго лѣта и краткости остающагося до Съѣзда времени, Общество стало хлопотать о полученіи отвѣта, то получился отвѣтъ, изъ котораго легко было понять, что Святѣйшій Синодъ не сочувствуетъ желанію и цѣлямъ Общества. Впослѣдствіи Синодъ нашелъ необходимымъ напечатать въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ (№ 39), издаваемыхъ при Синодѣ, статью, поясняющую духовенству, что именно изъ церковныхъ вещей не должно быть выслано на Выставку. Пояснительная статья эта, не разъясняя духовенству ученыхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ Обществомъ и того, чего желательно достигнуть Выставкой, смутила многихъ и помѣшала дѣлу.

Московское Археологическое Общество обратилось къ монастырямъ и церквамъ съ прошеніями о высылкѣ вещей числомъ до 10,000—и не вина Общества, если вся

эта масса прошеній дала на выставкѣ всего 241 нумеръ церковныхъ древностей, принадлежащихъ церквамъ и монастырямъ. Малочисленность высланныхъ вещей слѣдуетъ приписать еще и слѣдующимъ обстоятельствамъ: ризницъ московскихъ церквей Общество не желало трогать, такъ какъ посѣщеніе и изученіе ихъ всегда доступно; Митрополиты же кіевскій и петербургскій совершенно отказались принять участіе въ выставкѣ, мотивируя свой отказъ: первый—затруднительностью пересылки и обѣщаніемъ „содѣйствовать по сему предмету, когда будетъ археологич. выставка въ Кіевѣ"; второй—потому, „что въ церквахъ петербургской епархіи и даже древне-Новгородской древнихъ церковныхъ вещей не оказалось".

Отказались и многіе отдѣльные церкви и монастыри частью за неимѣніемъ древнихъ предметовъ, частью, вѣроятно по незнанію и непониманію, а частью, какъ отозвался архимандритъ Александро-Свирскаго монастыря (Олонецкой епархіи), Макарій „за недостаткомъ времени и лицъ пригодныхъ для труда по сему предмету".

Всѣ эти неудачи заставляютъ Московское Археолог. Общество съ тѣмъ большею благодарностью отнестись къ тѣмъ лицамъ изъ духовенства, которыя захотѣли понять просьбу Общества, не полѣнились отбирать, паковать, вести переписку, и весьма часто этой перепиской разъяснять себѣ цѣль Общества и своими собственными разъясненіями еще болѣе пополнять дѣло и свѣдѣнія, имѣющіяся въ Обществѣ. Подобныя отношенія тѣмъ дороже Обществу, что вещи получались большею частью изъ весьма отдаленныхъ и глухихъ мѣстностей, менѣе всего доступныхъ путешественникамъ и весьма часто изъ простыхъ сельскихъ церквей, вещи которыхъ и совершенно недоступны изслѣдователямъ, а служители которыхъ при теплотѣ своихъ отношеній къ Обществу и томъ довѣріи, которое оно умѣетъ вселять въ людяхъ ищущихъ дѣла и занятій, могутъ при руководствѣ и направленіи выработаться въ полезныхъ членовъ-корреспондентовъ и изслѣдователей мѣстныхъ памятниковъ древности.

Было-бы слишкомъ утомительно для собранія перечисленіе тѣхъ запросовъ, поясненій, списковъ, брошюръ и пр., которыми Общество уже обязано многимъ изъ этихъ экспонентовъ; да будетъ мнѣ только позволено добавить, что входя въ болѣе близкія сношенія съ этими лицами, Обществу удалось не только украсить Выставку многими цѣнными для науки предметами, но и собрать свѣдѣнія о многочисленныхъ стоянкахъ каменнаго вѣка и прослѣдить слѣды поселеній, могильниковъ въ мѣстностяхъ совершенно или весьма мало до сихъ поръ извѣстныхъ.

Каталогъ Выставки перечисляетъ имена тѣхъ церквей и монастырей, которыя приняли участіе въ Выставкѣ; я же позволю себѣ высказать имъ здѣсь публично глубочайшую благодарность не только отъ лица Импер. Археолог. Общества, но и всѣхъ тѣхъ, которыя интересуются русскою наукою, русскимъ просвѣщеніемъ и найдутъ, вѣроятно, въ нашей Выставкѣ не мало интереснаго для своихъ занятій.

Частныя Собранія обратили на себя вниманіе Моск. Археологическаго Общества на томъ же почти основаніи, какъ и предметы, принадлежащіе монастырскимъ и церковнымъ ризницамъ. Собранія эти не только не всегда доступны изслѣдователю, но и не всегда извѣстны и весьма часто гибнутъ безслѣдно для науки при переходѣ изъ

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

рукъ въ руки послѣ кончины своихъ основателей и первыхъ составителей. Желая составить себѣ понятіе о существующихъ въ Россіи частныхъ коллекціяхъ, Общество обратилось съ запросами къ губернаторамъ, статистическимъ комитетамъ и своимъ членамъ корреспондентамъ и кромѣ того заявило о своемъ желаніи получать коллекціи на Выставку печатно по всей Россіи въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ; подобныя же приглашенія были разосланы по Кавказу на грузинскомъ и армянскомъ языкахъ.

Губернаторы, статистическіе комитеты и члены-корреспонденты отозвались весьма обязательно и сообщили Обществу имена и адресы 123 частныхъ коллекцій (Владимірская губ.—4; Вологодская—1; Волынская—9; Астраханская—5; Гродненская—1; Енисейская—1; Калужская—7; Костромская—5; Ковенская—7; Курляндская—15; Кіевская—12; Минская—1; Могилевская—1; Нижегородская—5; Область Войска Донскаго—3; Олонецкая—1; Пермская—5; Полтавская—7; Псковская—11; Самарская—3; Смоленская—9; Тамбовская—1; Тобольская—2; Тифлиская—4; Эстляндская—3).

Московское Общество вступило немедленно въ переписку съ владѣтелями коллекцій, но на зовъ Общества отвѣтили—за исключеніемъ 17 Московскихъ экспонентовъ—всего только 20 человѣкъ. Если же изъ этихъ 20 человѣкъ исключить 10 членовъ и постоянныхъ сотрудниковъ Общества (Висковатова, Сементовскаго-Курилло, Клеменца, Клера, Прахова, Первухина, Теплоухова и 2 кавказскихъ корреспондентовъ), то останется незначительное число—10 лицъ, коллекціи которыхъ, понятно, не могутъ дать никакого общаго понятія объ археологическихъ драгоцѣнностяхъ, собираемыхъ и сохраняемыхъ отдѣльными личностями въ Россіи.

На мои сѣтованія о безъучастности нашей и нерадѣніи къ ученымъ вопросамъ мнѣ замѣчаютъ, что тѣмъ не менѣе Обществу удалось своею Выставкою наполнить 11 залъ Историческаго Музея и собрать такія богатства по церковнымъ древностямъ тканямъ, шитью, рѣзьбѣ по дереву, иконописи, финифтяному дѣлу и могильнымъ раскопкамъ—какихъ до сихъ поръ не удавалось собрать ни одному Обществу, ни одному любителю.

Замѣчаніе это справедливо; но Выставка наша все-таки не отвѣчаетъ надеждамъ Моск. Археол. Общества, которое мечтало представить картину всероссійской Археологической Выставки, которая дала бы возможность обобщить и подвести наконецъ итоги подъ всѣмъ тѣмъ, что дѣлается, собирается, что изучается въ Россіи отдѣльными и часто далекими, никому неизвѣстными тружениками.

Заканчивая вопросъ о Выставкѣ, не могу не обратить вниманія Собранія на: а) драгоцѣннѣйшія коллекціи древнихъ парчей, шелковыхъ тканей, разнаго шитья и набоекъ, которыми такъ богаты наша 1-я и 2-я зала, занятыя собраніями Шабельской, Тверского Музея, гр. Уварова и Сапожникова; б) на единственное по количеству экземпляровъ и подбору различныхъ школъ Собраніе иконъ Николая Михайловича Постникова; в) на прелестную круглую № 7 залу Дм. Андр. Постникова, представляющую лучшіе образцы не только русской, но и иностранной финифти; г) на единственную въ своемъ родѣ курганную коллекцію бронзовыхъ предметовъ съ эмалью, представленную изъ Калужской губ. Булычевымъ; д) на богатыя раскопки гр. Ѳ. А. Уварова

изъ Касимовскаго уѣзда, Рязанской губ.; е) на стоянку каменнаго вѣка, открытую близъ Рязани Городцовымъ; ж) на коллекцію пермскихъ древностей Ѳ. А. Теплоухова; з) на коллекцію Вятскихъ древностей Московск. Археологическаго Общества и к)—на тѣ драгоцѣнности, которыя дали намъ за послѣднее время Осетинскіе могильники на Кавказѣ.

Вопросъ о необходимости составленія *археологическихъ картъ* возникъ въ нашемъ Обществѣ уже очень давно. 27-го апрѣля 1875 г. состоялось соединенное засѣданіе Московскаго Общества Любителей Естествознанія и Московскаго Археологическаго для обсужденія проекта интернаціональной легенды картъ доисторической археологіи, предложеннаго французскимъ ученымъ Шантромъ. По поводу замѣчаній, возникшихъ при обсужденіи поднятаго вопроса, гр. А. С. Уваровъ высказалъ уже тогда мнѣніе „что было бы желательно—не ограничиваться только одними теоретическими разсужденіями о томъ, какія древности и какъ должны быть обозначаемы, но попытаться самимъ, намѣтивъ мѣстность, составить полную археологическую карту оной". Съ тѣхъ поръ вопросъ этотъ продолжаетъ интересовать нашихъ членовъ, заставляетъ работать, иныхъ надъ разрѣшеніемъ вопросовъ теоретическихъ касательно желательнаго установленія легенды археол. картъ, заставляетъ другихъ собирать, сообщать свѣдѣнія, составлять библіографическія указатели, наконецъ третьихъ прилагать къ дѣлу собранныя свѣдѣнія, нанося ихъ на карту.

Вопросъ относительмо легенды поднимался не разъ и на Съѣздахъ и въ окончательной формѣ доложенъ въ Одессѣ членомъ Московскаго Общества Д. Н. Анучинымъ. Опыты же составленія археологическихъ картъ были неоднократно производимы членами Общества; нѣкоторыя изъ этихъ опытовъ напечатаны и обратили на себя вниманіе работающей публики. Упомяну между прочимъ о картѣ Владимірской губ. приложённой гр. А. С. Уваровымъ къ изслѣдованію о Мерянахъ; о картѣ Витебской губ., приложенной Сементовскимъ-Курилло къ книгѣ „Старина г. Витебска"; Уральской губ.—Черникова-Анучина; Прибалтійскихъ губ.—Гревингка; Новороссійскаго края—Бурачкова; Кубанской области—Фелицына и др.

Желая ко дню своего 25-ти лѣтія помянуть труды и работы усопшаго предсѣдателя, желая *въ особенности* продолжать все то, что было имъ начато или даже намѣчено, Московское Археологическое Общество рѣшило подвинуть дѣло составленія археологическихъ картъ и съ этою цѣлью отпечатала выработанную легенду и рядъ вопросовъ, расположенныхъ въ формѣ археологической программы, и разослало все это по всей Россіи, обращаясь съ просьбою о содѣйствіи ко всѣмъ: къ членамъ Общества и учрежденіямъ, къ губернаторамъ, статистическимъ комитетамъ, предводителямъ дворянства, духовнымъ консисторіямъ, архіереямъ, священникамъ, исправникамъ, учителямъ, частнымъ людямъ и пр. и пр.

Вопросъ, поднятый Обществомъ, нашелъ полнѣйшее сочувствіе какъ среди ученыхъ, такъ и правительственныхъ лицъ, духовенства, статистическихъ комитетовъ и проч.

Къ Съѣзду представлены въ готовомъ видѣ, съ подробными записками и нанесеніемъ на 10-ти верст. картѣ Стрельбицкаго слѣдующія губерніи: *Кіевская*—В. Б.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Антоновичемъ; *Харьковская*—Д. И. Багалѣемъ; *Казанская губ.*—И. А. Износковымъ; *Костромская*—Миловидовымъ; *Глазовскій уѣздъ, Вятской губ.*—Н. Г. Первухинымъ; *Валдайскій уѣздъ, Новгородской губ.*—княземъ Путятинымъ; *Могилевская губ.*—Е. Р. Романовымъ; *Енисейскій округъ*—Савенковымъ; *Тобольская губ.*—Словцовымъ; *Тульская губ.*—Сторожевымъ; *Тамбовская губ.*—Тамбовскою Архивной Коммиссіей; *Ростовскій уѣздъ, Ярославской губ.*—А. А. Титовымъ; *Гдовскій уѣздъ, Петерб. губ.*—Шмидтомъ; карта *Вятской губ.*—Спицинымъ и карта *Московской губ.*—Харузинымъ и Коврайскимъ.

Кромѣ того, получена изъ Статистическаго Комитета карта *Волынской губ.* съ нанесеніемъ на нее памятниковъ древности, но безъ пояснительной записки, и отъ Алекс. Вас. Адріанова подробная и весьма интересная записка о древностяхъ Томской губерніи, но безъ нанесенія ихъ на карту.

Сверхъ того подготовляется карта *Пермской губ.*, надъ которой работаютъ Ѳ. А. Теплоуховъ и Онис. Егор. Клеръ и *Херсонская*—Ястребовымъ.

Печатаніе всѣхъ этихъ работъ предполагается или въ Трудахъ VIII Археологическаго Съѣзда или отдѣльно, смотря по тому, какъ это будетъ признано удобнымъ и, главное, какія на то найдутся денежныя средства.

Составленіе *Археологическаго Словаря* начатаго также по иниціативѣ и при дѣятельномъ участіи графа А. С. Уварова также немного подвинулось впередъ. Матеріалы собираются Обществомъ и доставляются ему членами и нечленами и надо надѣяться, что послѣ Съѣзда Общество найдетъ возможнымъ приступить къ печатанію этого необходимѣйшаго труда для всѣхъ работающихъ на Руси по разнымъ отраслямъ археологіи.

Заканчивая свой Отчетъ, обращаю вниманіе и на тѣ изданія, которыя предприняло Московское Археологическое Общество ко дню своего юбилея и открытію VIII Археологическаго Съѣзда, и на тѣ причины, которыми руководилось Общество, предпринимая эти изданія.

1. Общество собрало въ одно цѣлое и постаралось дать этому изданію возможно бо̀льшее распространеніе: „*Вопросы и Запросы, оставшіеся не разрѣшенными первыми 7-ью Археологическими Съѣздами*“. Отвѣтомъ на него являются многіе изъ рефератовъ, заявленныхъ на нынѣ открываемый Съѣздъ.

2. Общество печатаетъ XIII и XIV тома своихъ „Древностей“ и, заканчивая свое первое 25-лѣтіе, помѣщаетъ въ нихъ годовые отчеты и протоколы до 17 февраля 1889 г. включительно; въ этихъ же томахъ помѣщаются всѣ лучшія рефераты и сообщенія, которые имѣлись въ портфеляхъ Общества.

3. Напечатанъ 2-й томъ „Матеріаловъ по Археологіи Кавказа“ во исполненіе Августѣйшей воли Державнаго Покровителя Общества, даровавшаго Своими щедротами возможность Обществу продолжать на Кавказѣ труды, начатые гр. А. С. Уваровымъ.

4. Печатается 1-й томъ „Трудовъ Ярославскаго Съѣзда“—во исполненіе не разъ выраженнаго желанія гр. А. С., чтобы печатаніе Трудовъ Съѣздовъ появлялись въ свѣтъ въ возможно скоромъ времени.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

5. Изданъ 1-й томъ Каталога Рукописей графа А. С. Уварова, составленный преосвящ. Леонидомъ—изданіе предпринятое семьей покойнаго во исполненіе завѣта, даннаго усопшимъ за нѣсколько дней до его кончины.

6. Отпечатана часть 1-го тома Трудовъ гр. А. С. Уварова—„Византійскій Альбомъ“ — привѣтъ семьи покойнаго начинающемуся новому 25-лѣтію Общества, привѣтъ памяти того, который отдалъ всю жизнь свою наукѣ и изслѣдованію старины.“

Д. Н. Анучинъ, тов. предс. Моск. Археол. Общества и предсѣдатель Ученаго Комитета Съѣзда, сообщилъ историческій очеркъ русскихъ археологическихъ съѣздовъ (см. „Историческую Записку“ Общ—ва, изданную ко дню юбилея).

Представитель французскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія и Общества Французскихъ Антикваріевъ, баронъ де Бай привѣтствовалъ Съѣздъ рѣчью:

Altesses Impériales,
Mesdames, Messieurs,

Le grand et noble pays dont nous avons à la fois le plaisir et l'honneur d'être les hôtes, célèbre le 25-e anniversaire de la fondation de la Société archéologique de Moscou. Son Altesse Impériale le grand Duc Serge Alexandrovitch, en daignant accepter le titre de président honoraire de ce Congrès, a prouvè que l'auguste famille de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies protège la science en lui prêtant son puissant appui et en lui prodigant un intérêt constant.

Cette importante assemblée, composée de savants illustres, accourus de toutes les contrèes de ce vaste Empire, témoigne éloquemment que le rôle de l'archéologie en Russie est tous les jours plus grand.

C'est avec un bien vif empressement que la France a repondu à l'invitation si gracieusement adressée par le président de la Societé archéologique de Moscou. Comment aurait-elle du rester indifférente à un appel aussi cordial, et étrangère á une si importante manifestation scientifique! Les archéologues français, dont je suis ici l'interprète, forment les voeux les plus sincères et les plus ardents pour la réussite de l'oeuvre à laquelle leurs collègues de Russie consacrent leurs études et leur vie.

Messieurs, tous ceux qui travaillent en France, suivent attentivement vos efforts, admirent vos recherches fécondes, et applaudissent à vos succès!

Въ заключеніе своей рѣчи ораторъ указывалъ на значеніе русскихъ древностей для археологіи Западной Европы.

Затѣмъ слѣдовала привѣтственная рѣчь графа де Флери, представителя Археологическаго Общества въ Шарантѣ:

Altesses Impériales, Madame la Comtesse, Mesdames, Messieurs! La science est la seconde des deux grandes consolatrices de l'humanité pour les nations comme pour les individus, surtout la science historique, qui apprend à se souvenir et n 'enseigne ni l'insouciance, ni l'oubli. On peut dire que l'archéologie n'est qu' une forme du culte de la Patrie. Non seulement elle honore et conserve les monuments visibles écrits, gravés, sculptés ou bâtis du passé, mais elle va chercher dans les cavernes et sous le sol

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

les pages enfouies. Telle plaine qui semblait vide pour l'ignorance, se repeuple à sa voix, comme de nouveaux Champs Elisées, d'ombres lumineuses qu'on voit marcher, parler et agir; ce sont les ombres de nos ancêtres avec leurs armes et leurs costumes, leurs fortresses, leurs autels, leurs chevaux et leurs tombeaux. Chaque coin de champ où nous avons fait une découverte, chaque kourgane que nous avons fouillé, chaque bloc de marbre ou de granit que nous avons déchiffré devient pour nous un ami et c'est ainsi que se multiplient pour le travailleur les chaînes d'or de l'affection qui l'attachent au solnatal. La France attristée a vu depuis cinquante ans se multiplier dans toutes les provinces les sociétés archéologiques qui poursuivent ces chères études. Il n'y a pas de ville un peu importante qui ne possède son groupe des chercheurs, ses bulletins et sa revue, travail consciencieux et modeste qui rassemble des matériaux, évite les théories prématurées, et taille une à une les pierres des généralisations à venir; travail désintéressé, qui conduit rarement ses adeptes à la célébrité, mais leur laisse le sain et solide plaisir des actions utiles.

Vous avez, Messieurs, dans votre vaste champ d'étude, les portes du grand chemin par lequel les peuples de l'Asie ont probablement peuplé l'Europe. Vous exploitez ces poétiques plaines de la Scythie, hérissées de tombeaux, où vous avez la bonne fortune, enviée par bien des peuples, de rencontrer à chaque pas les jalons plantés par le vieil Hérodote. Des colonies grecques ont laissé pour vous sur le rivage de la Mer Noire leurs monnaies, leurs sculptures et leurs poteries. Continuez à creuser avec bonheur, sous le haut et puissant patronage de Son Altesse Impériale, la mine que la Providence vous a confiée, et puisse la France vous exprimer souvent par ses délégués ses félicitations et ses sympathies!

Dr. Хегеръ, представитель Вѣнскаго Антропологическаго Общества и Императорскаго Вѣнскаго Этнографическаго музея, имѣвшій уже случай посѣтить Россію и ознакомиться съ состояніемъ ея археологіи, говорилъ объ оживленной и непрерывной дѣятельности русскихъ Археологическихъ Съѣздовъ. Какъ очевидецъ и участникъ Тифлисскаго Археологическаго Съѣзда 1881 года, ораторъ указалъ на быстрый ростъ русскаго кавказовѣдѣнія и на богатый и разнообразный матеріалъ о Кавказѣ, заключающійся въ текущей русской литературѣ.

Dr. Гремплеръ, представитель Берлинскаго Антропологическаго Общества и Силезскаго Общества Древностей, указавъ на интересъ, который за послѣднее время возбуждаютъ въ Германіи русскія древности и успѣхи русской археологіи, говорилъ о своемъ первомъ знакомствѣ съ Москвою въ 1889 г. и радовался своему новому посѣщенію ея.

Отъ Парижскаго Антропологическаго Общества привѣтствіе получено телеграммой президента, г. Лабордъ, причемъ представителемъ Общества на Съѣздѣ назначенъ заслуженный профессоръ Московскаго университета А. П. Богдановъ, бывшій въ августѣ 1889 года вице-президентомъ Международнаго Антропологическаго Съѣзда въ Парижѣ. По сообщеніи этой телеграммы А. П. Богдановъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

„Ваши Императорскіе Высочества и Милостивые Государи:

Кромѣ оффиціальной телеграммы, назначающей меня представителемъ Парижскаго Антропологическаго Общества, я имѣю еще частное порученіе лично выразить Московскому Археологическому Съѣзду привѣтъ и поздравленіе отъ его ученыхъ товарищей Парижскаго Антропологическаго Общества. Съ искреннимъ удовольствіемъ принялъ я возложенную на меня честь, какъ въ виду высокихъ научныхъ заслугъ Парижскаго Общества, такъ въ особенности потому, что оно не представляется для насъ чѣмъ-то отдаленнымъ, фиктивнымъ, а знакомо намъ близко не по однимъ только трудамъ своимъ. Почти за десять лѣтъ Москва имѣла удовольствіе видѣть въ стѣнахъ своихъ главнѣйшихъ представителей Антропологіи во Франціи, и въ томъ числѣ маститыхъ и знаменитыхъ во всемъ ученомъ мірѣ—Катрфажа и Брока. Французскіе ученые во время своего кратковременнаго пребыванія успѣли вселить въ насъ чувство не только уваженія, но и сердечной симпатіи, сохранившейся надолго въ нашихъ чувствахъ и воспоминаніяхъ. Я счастливъ, что сегодня могу заявить съ особымъ удовольствіемъ, что и воспоминанія о пребываніи у насъ сохранились и у нашихъ бывшихъ гостей. Во время пребыванія моего прошедшимъ лѣтомъ въ Парижѣ я имѣлъ случай не разъ слышать сердечный отзывъ о Москвѣ, и ея искренне радушномъ пріемѣ, о поѣздкѣ въ Свято-Троицкую Лавру и о ея гостепріимствѣ, а также о торжествѣ, которымъ почтилъ нашихъ гостей князь Владиміръ Андреевичъ.

Вѣроятно, эти живыя еще воспоминанія вызвали и другое данное мнѣ неоффиціально порученіе. У многихъ нашихъ французскихъ товарищей высказалось желаніе видѣть слѣдующій международный конгрессъ по Антропологіи и доисторической Археологіи въ Москвѣ и устроенный Московскимъ Археологическимъ Обществомъ по иниціативѣ Московскаго Съѣзда. Мнѣ поручено также просить графиню Прасковью Сергѣевну принять близко къ сердцу это дѣло, взять въ свои опытныя и энергическія руки дѣло организаціи Съѣзда. Мнѣ кажется, что это предложеніе можетъ быть пріятно для графини потому, что во время такого Съѣзда было бы особенно полезно и поучительно осуществить высказанную ею сегодня мысль о всероссійской Археологической выставкѣ. Мы не имѣемъ права безъ надлежащаго правительственнаго разрѣшенія рѣшать дѣло окончательно; но мы можемъ теперь же положить ему начало въ необходимыхъ предварительныхъ работахъ и въ особенности въ испрошеніи соизволенія нашего Августѣйшаго Предсѣдателя Съѣзда принять будущій международный конгрессъ подъ свое высокое покровительство.

Позвольте мнѣ закончить оффиціальную часть сказаннаго указаніемъ на личное впечатлѣніе, вынесенное мною изъ только что пережитыхъ нами двухъ знаменательныхъ засѣданій. Вчера мы присутствовали здѣсь, въ этой залѣ, при фактѣ единенія ученыхъ силъ всей Россіи въ одномъ общемъ стремленіи трудиться единымъ сердцемъ на пользу русскаго знанія, русской археологіи*). Сегодня мнѣ слышится здѣсь

*) Торжественное засѣданіе въ честь 25-ти-лѣтія Московскаго Археологическаго Общества.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

вѣяніе другаго великаго ангела мира и истинной человѣчности: ученые различныхъ странъ приходятъ къ намъ во имя науки не только съ своими знаніями, но и съ своими братскими симпатіями. Такое явленіе въ наше смутное въ понятіяхъ время, время скрытой вражды и взаимнаго непониманія, время нравственной неустойчивости—имѣетъ глубоко возвышающее и ободряющее значеніе. Чувствуется живо, что не умерла еще потребность въ общемъ единеніи въ наукѣ, но не въ космополитической, безличной, бездушной и безсердечной, а въ той, которая связываетъ не только отдѣльныхъ людей воедино, но и цѣлые народы, въ той, которая сохраняя каждому народу его сердце для родины, единитъ эти естественныя патріотическія чувства въ беззавѣтномъ стремленіи къ правдѣ, истинѣ и знанію.“

Всѣ рѣчи и привѣтствія, особенно слова А. П. Богданова, вызывали долгія рукоплесканія.

Послѣ засѣданія Ихъ Высочества осматривали, въ сопровожденіи всѣхъ присутствовавшихъ почетныхъ лицъ и членовъ Съѣзда, Археологическую Выставку, пробыли на ней около часа и отбыли во дворецъ въ 4 часа по полудни.

Въ тотъ же день, въ 6 часовъ вечера, въ Николаевскомъ дворцѣ, въ Кремлѣ, состоялся обѣдъ, на который были приглашены 75 лицъ изъ прибывшихъ на Съѣздъ депутатовъ и должностнаго состава Съѣзда; во время обѣда Августѣйшій Почетный Предсѣдатель Съѣзда провозгласилъ здравицу „за Державнаго Покровителя Московскаго Археологическаго Съѣзда Его Императорское Величество Государя Императора“, встрѣченную долго несмолкаемыми, восторженными криками „ура“. Все время обѣда въ сосѣдней комнатѣ игралъ военный оркестръ и пѣлъ хоръ синодальныхъ пѣвчихъ. Послѣ обѣда, Его Императорскому Высочеству были представлены предсѣдателемъ Съѣзда А. Ѳ. Бычковымъ, предсѣдателемъ Ученаго Комитета Съѣзда проф. Д. Н. Анучинымъ и секретаремъ Съѣзда В. К. Трутовскимъ всѣ приглашенныя изъ числа членовъ Съѣзда лица.

11 числа состоялся въ Николаевскомъ Дворцѣ второй обѣдъ, на который были приглашены 80 лицъ изъ числа депутатовъ и членовъ Съѣзда. Во время обѣда Его Императорское Высочество провозгласилъ тостъ за Государя Императора, а послѣ обѣда присутствующіе члены Съѣзда были представлены Августѣйшему Почетному Предсѣдателю.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Протоколы засѣданій VIII Археологическаго Съѣзда.

10 января. 11 час. утра.

ОТДѢЛЕНІЕ II. Древности историко-географическія и этнографическія.

Почетный Предсѣдатель: Л. Н. Майковъ.
Предсѣдатель Отдѣленія: В. Б. Антоновичъ.
Секретарь Отдѣленія: П. Н. Милюковъ.

Засѣданіе открылось въ 11 час., тотчасъ по прибытіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Августѣйшаго Почетнаго Предсѣдателя Съѣзда Великаго Князя Сергія Александровича и Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны.

И. Е. Забѣлинъ прочелъ докладъ „*О древнѣйшемъ поселеніи Москвы*" (см. томъ III, 1—12).

Д. И. Иловайскій: Къ весьма любопытному сообщенію И. Е. Забѣлина я желалъ бы сдѣлать одно небольшое дополненіе. И. Е. указалъ общія причины, почему Москва зародилась въ данной мѣстности: онъ показалъ, что эта мѣстность была узломъ промышленныхъ дорогъ. Это совершенно вѣрно; но остается рѣшить, почему Москва основана была именно въ *данномъ* пунктѣ указанной мѣстности. По этому поводу я обращу вниманіе на тотъ пунктъ Москвы-рѣки, который находится между Храмомъ Спасителя и домомъ нашего Археологическаго Общества на Берсеневкѣ; это именно тотъ порогъ въ руслѣ рѣки, который находится между пролетами Каменнаго моста. Москва-рѣка до этого пункта судоходна, выше же этого пункта представляетъ характеръ сплавной рѣки; это обстоятельство заставляло плывущихъ вверхъ по рѣкѣ, въ указанномъ мѣстѣ останавливаться, выходить на берегъ и продолжать сухимъ путемъ. При оживленности сношеній между Ростовско-Суздальской и Черниговско-Сѣверской землями, суда скоплялись въ этомъ мѣстѣ остановки и на мѣстѣ скопленія ихъ должно было образоваться древнѣйшее поселеніе. Въ пользу такого объясненія я могу привести аналогію въ положеніи *Чешской Праги*, находящейся на окончаніи судоходной части рѣки *Молдавы*.

И. Е. Забѣлинъ: Не могу не возразить достоуважаемому Д. И. противъ его мнѣнія, что у Каменнаго моста существуетъ какой-то порогъ; около с. *Хорошева*,

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

дѣйствительно, близко къ Москвѣ-рѣкѣ подходятъ каменныя гряды; въ указанномъ же Д. И. Иловайскимъ мѣстѣ нѣтъ каменнаго днища.

Д. И. Иловайскій: Но порогъ могъ быть и не каменный.

И. Е. Забѣлинъ: За долгое время существованія Каменнаго моста устои его много разъ разрушались и вновь строились; подъ Каменнымъ мостомъ заколочено, можетъ быть, до 5,000 свай; самая возможность вбиванія ихъ на 2—3 сажени показываетъ, что почва была здѣсь не каменная; но, конечно, отъ ихъ массы могъ образоваться порогъ. Въ древности, такимъ образомъ, проходу судовъ ничто не могло мѣшать на этомъ мѣстѣ. Притомъ нужно помнить, что тысячу лѣтъ назадъ рѣки наши были глубже и полноводнѣе; если уже въ 60 лѣтъ на моей памяти Москва-рѣка высохла, то тогда воды въ ней должно было быть по крайней мѣрѣ на сажень, если не на двѣ, выше. Что суда прежде могли плавать по Москвѣ-рѣкѣ значительно выше моста, указаннаго Д. И. Иловайскимъ, доказывается и тѣмъ фактомъ, что въ XVII в. бояринъ Морозовъ проводилъ съ Москвы-рѣки большія суда съ рыбой на р. Истру въ свою вотчину, село Иславское—слѣд. на 30 верстъ выше Москвы.

Д. И. Иловайскій остался при своемъ мнѣніи, что нѣтъ доказательствъ не существованія порога подъ Каменнымъ мостомъ въ прежнее время.

Н. И. Веселовскій: Позволю себѣ одно маленькое замѣчаніе по поводу названія *р. Яузы*. И. Е. Забѣлинъ производитъ его отъ русскаго слова Ѫзъ, Ѫза; по моему мнѣнію, это слово едва ли не *татарское: Яузъ* по-татарски и тюркски значитъ *сердитый*, *бурный*. Татарское происхожденіе этого названія не должно удивлять: въ Москвѣ сохранилось много татарскихъ названій урочищъ (Арбатъ, Ордынка). Самое названіе Яузы не встрѣчается въ источникахъ до-татарскихъ.

И. Е. Забѣлинъ: Въ Тверской лѣтописи подъ 1156 г. есть свидѣтельство о построеніи Москвы у *Яузы* и *Неглинной*.

П. Н. Милюковъ и С. М. Шпилевскій замѣчаютъ, что необходимо имѣть въ виду позднее происхожденіе Тверской лѣтописи.

И. Е. Забѣлинъ: Притомъ названіе Яузы встрѣчается еще нѣсколько разъ въ топографической номенклатурѣ.

П. Н. Милюковъ, возвращаясь къ предложенной Н. И. Веселовскимъ этимологіи названія Яузы, замѣчаетъ, что хотя это названіе и не встрѣчается до Татаръ, но толковать его изъ татарскаго и тюркскихъ невозможно, въ виду чисто финскаго характера окружающей номенклатуры: приведенныя Н. И. Веселовскимъ названія урочищъ болѣе поздняго происхожденія; названіе же рѣкъ, по общему закону географической номенклатуры, древнѣе названій урочищъ; такимъ образомъ, предложенная Н. И. Веселовскимъ этимологія возможна развѣ изъ какого нибудь родственнаго финскаго корня.

Р. Ѳ. Брандтъ добавилъ къ этому, что финское или тюркское слово—Яуза, во всякомъ случаѣ въ немъ нельзя видѣть вмѣстѣ съ И. Е. Забѣлинымъ слова славянскаго; послѣднему противорѣчитъ иное образованіе слова Яуза.

Б. В. Рутковскій пояснилъ, что слѣдуетъ различать *пороги* и *перекаты*: пороги образуются каменной грядой, перекаты же есть временные наносы песка и

другихъ составныхъ частей русла. Онъ присоединился къ мнѣнію И. Е. Забѣлина, что порога на Москвѣ-рѣкѣ не могло быть по свойству ложа, а перекатовъ въ древнее время не могло быть по полноводности рѣкъ; что касается позднѣйшаго образованія переката подъ Каменнымъ мостомъ, онъ могъ образоваться изъ камня и свай, такъ какъ и то и другое употреблялось при постройкѣ моста и при укрѣпленіи берега.

Д. Н. Анучинъ, возвращаясь къ предметамъ предыдущихъ преній, замѣтилъ, что, по изслѣдованіямъ Богуславскаго, перекаты были напр. на Волгѣ и въ XVII в.; и на Москвѣ-рѣкѣ могъ быть прежде довольно замѣтный перекатъ и, такимъ образомъ, около него могло основаться поселеніе; что касается названія Яузы, объясненія его, конечно, слѣдуетъ искать въ *финскихъ* нарѣчіяхъ.

И. Е. Забѣлинъ: Это потому, что русскій человѣкъ привыкъ отказываться отъ своего (Рукоплесканія).

Д. Н. Анучинъ: Нѣтъ, русскій человѣкъ не хочетъ брать чужого. (Рукоплесканія).

Г. Селивановъ сообщилъ справку въ Русскомъ историческомъ Сборникѣ, изд. Погодинымъ (Москва, 1844 г. т. VII, стр. 325) о существованіи нѣсколькихъ Яузъ.

С. Ѳ. Платоновъ просилъ И. Е. Забѣлина разъяснить два недоумѣнія. Во-1-хъ, И. Е., приводя первое лѣтописное извѣстіе о Москвѣ, (въ 1147), употреблялъ форму „Москова;“ между тѣмъ только въ одномъ основномъ спискѣ Ипатьевской лѣтописи стоитъ „въ Москву“, и то поправлено изъ „въ Московъ“; въ остальныхъ стоитъ послѣдняя форма. Не есть ли это прилагательная форма, и въ такомъ случаѣ, не разумѣется ли здѣсь не городъ, а вотчина княжеская? Что касается *города* Москвы, основаніе его слѣдуетъ отодвинуть до 1856 г., до извѣстія Тверской лѣтописи: „того же лѣта князь великій Юрій Володимеричь заложи градъ Москву, на уст—ниже Неглинны, выше рѣкы Аузы“. Во-2-хъ, С. Ѳ. Платоновъ просилъ И. Е. Забѣлина высказать свое мнѣніе относительно степени достовѣрности послѣдняго извѣстія.

И. Е. Забѣлинъ выразилъ свое убѣжденіе, что лѣтописныя записи вообще дѣлались въ тѣ годы, подъ которыми помѣщены,—первоначально въ разныхъ книгахъ, мѣсяцесловахъ и т. д.; впрочемъ, вопросъ о достовѣрности лѣтописныхъ извѣстій нуждается еще въ дальнѣйшей разработкѣ. Относительно варіантовъ названія Москвы, въ 1848 г. онъ напечаталъ „Московъ“, но новѣйшее изданіе Ипатьевской лѣтописи переубѣдило его и онъ сталъ, слѣдуя ему, писать „Москова“.

П. Н. Милюковъ высказалъ мнѣніе, что извѣстіе Тверской лѣтописи носитъ типичныя черты позднѣйшаго происхожденія; какъ Синопсисъ вноситъ въ древнѣйшую Кіевскую исторію позднѣйшія топографическія названія Кіева, такъ и Московскій источникъ сборника, называемаго Тверской лѣтописью, сопровождаетъ извѣстіе о заложеніи города Москвы точными топографическими указаніями—на Яузу и даже Неглинную.

2. Д. И. Багалѣй прочелъ докладъ: „*Общій очеркъ древностей Харьковской губерніи*“.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Содержаніе этого доклада имѣло цѣлью опровергнуть установившееся мнѣніе, что Харьковская губ. въ археологическомъ отношеніи не представляетъ никакого интереса. Докладчикъ, по предложенію Московскаго Археологическаго Общества, составилъ археологическую карту Харьковской губерніи, куда нанесены были всѣ извѣстные ему памятники древности: курганы, городища, каменныя бабы и т. п. Карта сопровождается объяснительнымъ текстомъ, составленнымъ на основаніи печатныхъ и рукописныхъ источниковъ. Но независимо отъ этой объяснительной записки, представляющей только каталогъ древностей въ ихъ географическомъ распредѣленіи, докладчикъ рѣшилъ представить вниманію Съѣзда общій очеркъ мѣстныхъ древностей, сдѣлать характеристику важнѣйшихъ видовъ памятниковъ.

Изъ отрывочныхъ данныхъ, разсѣянныхъ въ различныхъ изданіяхъ, оказывается, что въ предѣлахъ Харьковской губ. существовалъ каменный періодъ, который раньше не былъ отмѣченъ. Есть данныя, указывающія и на существованіе бронзовой эпохи, хотя въ очень неопредѣленной формѣ. Сюда, именно, относятся находки *типичныхъ* вещей бронзовой культуры въ Богодуховскомъ уѣздѣ И. А. Зарѣцкимъ (кельтъ, копье, мечъ, фибулы и т. п.). Докладчикъ, въ противоположность г. Зарѣцкому, дѣлаетъ различіе между вещами, найденными возлѣ Лихачевки въ песчаныхъ буграхъ и курганахъ. Среди первыхъ попадаются болѣе древніе предметы, и типическіе бронзовые найдены именно здѣсь; это была, повидимому, стоянка. Курганныя находки докладчикъ относитъ къ I—III вв. по Р. Х. (т. е. къ скиѳо-сарматской эпохѣ), о чемъ свидѣтельствуетъ и найденная тутъ монета Септимія Севера (кон. II и нач. III в.). Въ полномъ соотвѣтствіи съ находкою этой монеты стоятъ и другія. Всѣ римскія монеты, найденныя въ Харьковской губ., относятся къ первымъ тремъ вѣкамъ по Р. Х. Золотыя вещи, найденныя въ курганахъ г. Зарѣцкимъ (бляшки двухъ колчановъ), по стилю своему могутъ быть отнесены къ скиѳо-сарматскому періоду.

Всѣ другія монетныя находки относятся уже къ болѣе позднему времени VI—IX вв. и заключаютъ въ себѣ византійскія и арабскія монеты. Имъ соотвѣтствуетъ хазарско-славянорусскій періодъ мѣстной харьковской жизни, о которомъ свидѣтельствуетъ намъ и исторія, и археологія, и географическая номенклатура.

Нынѣшняя Харьковская губ. въ княжескій періодъ нашей исторіи, представляла изъ себя украйну Чернигово-Сѣверской земли. Здѣсь существовали города; лѣтопись говоритъ о Вырѣ, Вьяханѣ, Панашѣ; здѣсъ же былъ знаменитый Донецъ, а также Шарукань, Чешуевъ, Сугровъ и др. Остатками-то этихъ городовъ являются многочисленныя городища, разсѣянныя по Харьковской губ. О многихъ изъ нихъ упоминается уже какъ о городищахъ въ географическихъ памятникахъ XVI—XVII вв. (напр., въ книгѣ Большаго Чертежа). Конечно, не всѣ они относятся къ древнему періоду русской исторіи: есть и старѣе, есть и моложе. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и находки, которыя попадались тамъ, и самыя названія ихъ. Одни звучатъ по-славянски (Хорошево городище, Кабанье, Зайцево и т. д.), другія не по-славянски (Кукуево, Бусовъ яръ, Торчиново); Хозаревское город. указываетъ на прежнихъ хозяевъ той мѣстности—Хозаръ. Вообще Тюрки господствовали въ южной части губ. и памятниками пребыванія ихъ здѣсь, нужно думать, являются каменныя бабы, ко-

торыя распространены почти исключительно въ южныхъ уѣздахъ (Изюмскомъ, Зміевскомъ и др.).

Въ заключеніе докладчикъ замѣтилъ, что кое-какіе выводы его, быть можетъ, окажутся недостаточно убѣдительными и вотъ потому-то именно необходимо извлечь изъ земли вещественные памятники Харьковской старины; это—будущій Харьковскій Археологическій музей*).

Д. Я. Самоквасовъ, сообщивъ нѣкоторыя данныя изъ своихъ раскопокъ въ предѣлахъ Харьковской губ., настаивалъ на томъ, что типъ погребенія, встрѣченный имъ въ Старобѣльскомъ уѣздѣ, именно помѣщеніе въ курганахъ глинянаго горшка съ пережженными костями—есть именно тотъ *сѣверянскій* типъ, о которомъ говоритъ лѣтописецъ въ извѣстныхъ словахъ: „мертвеца сожжаху и посемъ, собравше кости, вложаху въ судину малу и поставляху на столпѣ и т. д.“

На это докладчикъ замѣтилъ, что этотъ типъ погребенія, *сѣверянскій*, дѣйствительно долженъ былъ бы встрѣчаться въ Харьковской губ., но что въ произведенныхъ имъ и извѣстныхъ ему раскопкахъ нѣтъ доказательствъ принадлежности ихъ Сѣверянамъ. Въ Кромскомъ уѣздѣ онъ нашелъ типъ, подходящій къ сѣверянскому — горшки, но безъ жженыхъ костей, и не рѣшается приписать его Сѣверянамъ; такой типъ долженъ былъ существовать и у *Половцевъ*, по крайней мѣрѣ, онъ встрѣчалъ его въ курганахъ съ каменными бабами. На вопросъ проф. Самоквасова, признаетъ ли докладчикъ указанный имъ типъ половецкимъ, послѣдній сказалъ, что онъ хотѣлъ лишь замѣтить, что эти курганы (съ каменными бабами) не могутъ быть отнесены къ Сѣверянамъ.

Д. Н. Анучинъ сказалъ нѣсколько словъ объ И. А. Зарѣцкомъ, раскопками котораго пользовался Д. И. Багалѣй въ своемъ докладѣ. Г. Зарѣцкій принадлежитъ къ лучшимъ типамъ мѣстнаго изслѣдователя. Несмотря на скромныя средства, онъ уже нѣсколько лѣтъ посвящаетъ и свое время, и эти средства на систематическое производство раскопокъ. Онъ ведетъ раскопкамъ обстоятельный дневникъ, дѣлаетъ точнѣйшую опись найденнымъ предметамъ, съ важнѣйшихъ снимаетъ рисунки красками и въ натуральную величину; вещи уступаетъ въ публичные музеи за самую скромную цѣну; только пріобрѣтеніе его альбомовъ Августѣйшимъ Президентомъ Академіи Наукъ и Историческимъ Музеемъ дало ему возможность продолжать начатую работу. Его раскопки у слободы Лихачевки обнаружили существованіе тутъ древнѣйшего поселенія; каменныя орудія, бронзовыя кольца, древности такъ называемаго скиѳскаго типа и наконецъ римскія монеты, можетъ быть, уже современныя славянскому населенію, представляютъ цѣлый рядъ эпохъ, слѣдовавшихъ одна за другой въ изслѣдованномъ мѣстѣ. Д. Н. Анучинъ показалъ раскрашенный рисунокъ одной изъ находокъ И. А. Зарѣцкаго: остатки колчана, именно — рядъ украшавшихъ его бляшекъ съ изображеніемъ миѳическихъ животныхъ и серебряное позолоченное украшеніе крестообразной формы, причемъ крестъ, какъ видно по изображенію животныхъ,

*) Докладъ, читанный на Съѣздѣ въ извлеченіи, напечатанъ сполна въ „Харьковскомъ Сборникѣ“ за 1890 г., причемъ изданъ и отдѣльными оттисками. *Прим. Редакціи.*

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

имѣетъ положеніе обратное нашему и, слѣдовательно, не имѣлъ значенія христіанскаго креста; это, впрочемъ, видно и по содержанію изображеній, которыя представляютъ пожирающихъ другъ друга миѳическихъ животныхъ.

3. Графиня П. С. Уварова доложила письмо отъ почетнаго гражданина города Ростова, статскаго совѣтника Алексѣя Леонтьевича Кекина, въ которомъ онъ, сожалѣя о невозможности лично быть на Съѣздѣ, жертвуетъ Комитету Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей процентными бумагами 10,000 рублей на содержаніе Музея. *Опредѣлено*: благодарить просвѣщеннаго жертвователя.

Послѣ засѣданія Ихъ Высочества продолжали осмотръ выставки Съѣзда, въ сопровожденіи должностныхъ лицъ и членовъ Съѣзда.

Выставка была открыта для публики послѣ перваго посѣщенія Ихъ Высочествами и оставалась открытой до страстной седмицы, причемъ посѣтителямъ давались объясненія В. Б. Антоновичемъ, И. Е. Забѣлинымъ, В. З. Завитневичемъ, М. В. Никольскимъ, Н. В. Покровскимъ, А. В. Праховымъ, А. В. Селивановымъ, В. И. Сизовымъ, С. С. Слуцкимъ, В. Н. Щепкинымъ, Н. М. Ядринцевымъ, а также другими должностными лицами и членами Съѣзда.

---

11 января утромъ.

ОТДѢЛЕНІЕ V. Древности церковныя.

Почетный предсѣдатель: Высокопреосвященный Савва, Архіепископъ Тверской.
Предсѣдатель отдѣленія: Н. В. Покровскій.
Секретарь отдѣленія: Н. Ѳ. Красносельцевъ.

Засѣданіе открылось въ 11 часовъ, по прибытіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Августѣйшаго Почетнаго Предсѣдателя Съѣзда Великаго Князя Сергія Александровича и Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны.

1. Н. В. Покровскій прочелъ докладъ: *О задачахъ и пріемахъ изученія Евангельской иконографіи*, извлеченіе изъ введенія къ обширному изслѣдованію г. Покровскаго: *Евангеліе въ памятникахъ иконографіи Византійской и Русской*. (Томъ I Трудовъ VIII Съѣзда).

2. В. З. Завитневичъ прочелъ *О крестѣ, которымъ, по словамъ находящейся на немъ надписи благословилъ Преподобный Сергій великаго князя Димитрія на борьбу съ Мамаемъ*. (Томъ III, 246—257). Крестъ представленъ былъ на разсмотрѣніе Съѣзда.

3. А. И. Кирпичниковъ прочелъ докладъ: *Взаимодѣйствіе иконописи и словесности, устной и письменной*. (Томъ II, 213—229).

По окончаніи засѣданія Ихъ Императорскія Высочества вторично осматривали археологическую выставку въ сопровожденіи должностныхъ лицъ и членовъ Съѣзда.

12 января.

Засѣданій въ этотъ день не было, по случаю обычнаго празднованія Императорскимъ Московскимъ Университетомъ дня своего основанія и своего храмоваго праздника. На торжественномъ актѣ Университета присутствовали депутаты Съѣзда, будучи приглашены Университетомъ.

Въ этотъ же день Ихъ Высочества посѣтили въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ выставку принадлежащихъ Архиву письменныхъ памятниковъ, причемъ объясненія Ихъ Высочествамъ давалъ директоръ Архива баронъ Ѳ. А. Бюлеръ.

Выставка эта, устроенная по мысли барона Бюлера и съ разрѣшенія г. министра иностранныхъ дѣлъ, въ честь 25-ти лѣтія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, являлась такимъ образомъ цѣннымъ археографическимъ дополненіемъ къ археологической выставкѣ Съѣзда. Выдающееся мѣсто на выставкѣ въ Архивѣ занималъ Московскій отдѣлъ. Тутъ были собраны всѣ касающіяся Москвы книги, какія имѣются въ богатомъ собраніи Архива, начиная съ XVI вѣка и до настоящаго времени, каковы сочиненія: Герберштейна, Олеарія, Гизена, Горсея, Мейербера, Коллинса, Кленка, Корба, Антонія Посевина, Страуса, Нейгебауера, Корнелія де-Бруина и т. д. Далѣе шли планы, виды, карты, межевыя книги Москвы (съ XVI в.) и различныхъ частей нынѣшней Московской губерніи (съ XVII в.), планы и виды древнихъ зданій, особенно церквей Москвы, Кремля въ разныя эпохи, изображенія русскихъ одеждъ, рисунки вѣнчаній Русскихъ Царей съ Михаила Ѳеодоровича до Александра II, путеводители по Москвѣ и ея окрестностямъ, описанія ея достопамятностей и т. д. Затѣмъ развѣшаны были планы, карты, чертежи, рисунки по губерніямъ: Кіевской, Новгородской, Псковской, Тверской, Калужской, Оренбургской, С.-Петербургской, Архангельской, Пензенской, Рязанской, Симбирской, Тобольской и выставлены папки, гдѣ по губерніямъ расположены были прочіе чертежи и карты. Далѣе отдѣлъ военный представлялъ „театры войны и планы сраженій“ русскихъ съ турками и со шведами, преимущественно изъ царствованія Петра. Въ отдѣлѣ восточномъ были выставлены рукописи на языкахъ: арабскомъ, турецкомъ, грузинскомъ, персидскомъ, эѳіопскомъ, китайскомъ, монгольскомъ, санскритскомъ; малабарская и явайская рукописи на пальмовыхъ листахъ, монгольскій молитвенникъ на берестѣ. Небольшой археологическій отдѣлъ давалъ снимки съ нѣсколькихъ крымскихъ христіанскихъ и сибирскихъ надписей.

Къ перечисленнымъ отдѣламъ выставки отпечатанъ былъ каталогъ, раздававшійся членамъ Съѣзда и снабженный библіографическими указаніями на труды библіотекаря Архива И. Ѳ. Токмакова и указаніями архивными.

Въ залахъ бельэтажа посѣтитель видѣлъ „государственныя крѣпости“ Россіи, т. е. акты, касающіеся границъ ея,—трактаты: Ништадтскій, Прутскій, Кучукъ-Кайнарджійскій, Турецкій 1798 г., ратификацію Столбовскаго договора, договоръ о принятіи Грузіи подъ покровительство Россіи, актъ отреченія короля Польскаго Стани-

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

слава Августа и ратификацію съ прусской стороны договора о раздѣлѣ Польши; актъ уступки послѣднимъ герцогомъ Курляндскимъ его владѣній. Тутъ же обозрѣвались: грамота императора Максимиліана I, 1514 г., объ императорскомъ титулѣ великому князю Московскому, на которую ссылался Петръ Великій, требуя отъ иностранныхъ державъ признанія его императоромъ; весьма красивыя, раскрашенныя грамоты Англійскихъ королей къ царямъ Московскимъ (среди этихъ грамотъ отличается отсутствіемъ украшеній грамота Елизаветы, предлагающая убѣжище Іоанну Грозному); булла папы Григорія XIII; персидскія, армянскія, индійскія и др. грамоты; письма перваго и второго самозванцевъ, Марины Мнишекъ, Мазепы, Котошихина, Вольтера, Гримма, Дидро, Себастіана Баха, короля Прусскаго Фридриха Вильгельма и др.

Вечеромъ 12 января депутаты и члены Съѣзда были приглашены отъ имени Его Высочества въ Большой театръ, гдѣ дана была опера „Борисъ Годуновъ". Приглашеннымъ лицамъ предоставленъ былъ весь бельэтажъ театра, и въ антрактахъ разносились чай, прохладительные напитки и мороженое. Ихъ Императорскія Высочества изволили прибыть въ театръ въ 8 ч. и заняли мѣсто въ великокняжеской ложѣ бенуара съ лѣвой стороны. Въ десятомъ часу Ихъ Высочества отправились на вокзалъ Николаевской желѣзной дороги, и въ 10 ч. отбыли въ Петербургъ на экстренномъ поѣздѣ. Кромѣ должностныхъ лицъ столицы при проводѣ Ихъ Высочествъ отъ имени Съѣзда на вокзалѣ присутствовали: предсѣдатели распорядительнаго и ученаго комитетовъ графиня П. С. Уварова и Д. Н. Анучинъ, баронъ Ѳ. А. Бюлеръ, секретарь Съѣзда В. К. Трутовскій, князь Н. С. Щербатовъ, Д. Я. Самоквасовъ и др.

---

13 ЯНВАРЯ: ВЪ I ЧАС. ДНЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ I. Древности первобытныя.

Почетный предсѣдатель: Н. Е. Бранденбургъ.
Предсѣдатель Отдѣленія: Д. Н. Анучинъ.
Секретарь Отдѣленія: Н. Л. Гондатти.

Члены Съѣзда, собравшись на это засѣданіе—первое послѣ отъѣзда Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Почетнаго Предсѣдателя Съѣзда Великаго Князя Сергія Александровича—отправили Его Высочеству слѣдующую телеграмму:

„Члены VIII Археологическаго Съѣзда, собравшись на первое засѣданіе послѣ отъѣзда Вашего Императорскаго Высочества, считаютъ своей пріятною обязанностью принести Вашему Императорскому Высочеству свою искреннѣйшую и безпредѣльную благодарность за милостивое вниманіе, оказанное Вашими Императорскими Высочествами какъ занятіямъ Съѣзда, такъ и лично всѣмъ членамъ онаго. Предсѣдатель

Съѣзда Бычковъ, Почетный Предсѣдатель засѣданія генералъ-майоръ Бранденбургъ, Предсѣдатель ученаго комитета Анучинъ, Предсѣдатель распорядительнаго комитета графиня Уварова, Секретарь Трутовскій.

Послѣ сего было приступлено къ очереднымъ занятіямъ.

1. В. Н. Поливановъ прочелъ докладъ: *Древнее кладбище и городище у села Муранокъ, Сенгилеевскаго уѣзда, Симбирской губ.*

Лѣтомъ прошлаго года докладчикъ узналъ отъ почетнаго члена Археологическаго Института А. В. Толстого о существованіи, въ 30 верстахъ отъ города Сызрани, у села Муранокъ, древняго кладбища, весьма интереснаго по бытовымъ особенностямъ похоронныхъ обычаевъ, а также по массѣ извлекаемыхъ оттуда древностей высокой археологической цѣнности. Изъ всѣхъ осмотрѣнныхъ докладчикомъ вещей, пріобрѣтенныхъ А. В. Толстымъ, обращаетъ на себя особое вниманіе оригинальный способъ убора женской косы, являющійся, кажется, единичнымъ до сихъ поръ извѣстнымъ примѣромъ. Способъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ: коса умершей наматывалась на очищенный отъ коры тальниковый прутъ, перевязывалась мѣстами бичевкой, обвивалась тонкимъ, изъ сырой кожи, ремнемъ и затѣмъ вкладывалась въ лубокъ, который, въ свою очередь, обвивался еще болѣе тонкимъ ремнемъ, сплошь перевитымъ тончайшею серебряною проволокой. Тутъ же найдены были серебряныя монеты, разнообразной формы, восточные перстни, привѣски, проволочные витые браслеты, каменныя бусы, желѣзный топорикъ, ножи и различныя украшенія конской сбруи. Вслѣдствіе разсказовъ А. В. Толстого, докладчикъ лично отправился въ указанную мѣстность. Тамъ оказалось, что мѣстность, бывшая когда-то подъ кладбищемъ, 10 лѣтъ тому назадъ Удѣльнымъ вѣдомствомъ была отведена для завалки плотины. Благодаря этому обстоятельству и было открыто существованіе древняго кладбища. Съ другой стороны, то-же обстоятельство было причиной, что въ теченіе 10 лѣтъ производилось повальное разграбленіе археологическихъ сокровищъ. По разсказамъ крестьянъ, землекопы всѣ вырываемыя ими серебряныя вещи сплавляли и продавали въ городъ, получаемыя же отъ продажи ихъ деньги шли имъ въ видѣ поденной платы. Въ настоящее время, въ виду закона 1888 года, на Муранское кладбище наложено запрещеніе и о немъ сообщено Императорской Археологической Коммиссіи. Докладчикъ, посѣтивъ мѣстность кладбища, видѣлъ массу человѣческихъ костей и черепковъ отъ глиняной посуды, которыми усѣяно все мѣсто. Между прочими достопримѣчательностями ему пришлось видѣть въ высшей степени любопытный камень съ явственными арабскими или армянскими надписями, которыя ему разобрать не удалось. Камень этотъ, изъ мѣстнаго песчаника, имѣетъ закругленный верхъ, правильно обтесанные бока и на лицевой сторонѣ его надъ буквами высѣчено изображеніе, напоминающее формой ветхозавѣтную скрижаль. Во время посѣщенія В. Н. Поливанова, камень былъ уже вынутъ изъ своего мѣста, такъ какъ онъ мѣшалъ земледѣльцамъ при обработкѣ пашни. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ лежалъ, осталось углубленіе, дно котораго издавало при ударѣ звукъ, получающійся при ударѣ въ пустое пространство. Несомнѣнно, правильное изслѣдованіе этой могилы, которая, къ счастью, не успѣла еще подвергнуться общей участи,

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

могло бы повести къ интереснымъ результатамъ. Лично В. Н. Поливанову не пришлось дѣлать раскопокъ; по собраннымъ на мѣстѣ свѣдѣніямъ оказывается, что костяки (труповъ) всегда попадаются сейчасъ-же за слоемъ гнилушекъ. Лежатъ они большею частію на правомъ боку, по направленію къ востоку. Если попадается коса, могила признается за женскую; глиняный въ ногахъ горшокъ—за мужскую. Аналогичный способъ погребенія въ колодахъ на боку встрѣчается на противоположной сторонѣ рѣки Волги (Самарская Лука), но въ описаніяхъ этого способа погребенія не поминается о косѣ, которая появляется въ числѣ отечественныхъ древностей *впервые*. Въ опредѣленіи народности, оставившей намъ послѣ себя этотъ интересный и богатый матеріалъ, можно руководиться нѣкоторыми археологическими данными, которыя сводятся къ тому, что мѣстность, занятая нынѣшнею Самарскою Лукой, и среднее побережье Волги искони составляли достояніе Болгаръ, а послѣ ихъ паденія вошли въ составъ Золотой Орды. Древнія могильныя насыпи принадлежатъ эпохѣ древнѣйшей, то есть до-мусульманской, потому что надъ мусульманскими могилами насыпей не воздвигаютъ. Нѣтъ пока данныхъ отвѣтить на вопросъ: было ли Муранское городище въ до-монгольскій періодъ, но что оно существовало въ 1330 году, это несомнѣнно въ виду пріобрѣтенія А. В. Толстымъ найденныхъ на мѣстѣ пяти монетъ, изъ коихъ четыре принадлежатъ хану Узбеку и относятся къ 1330 году, а пятая къ царствованію сына его Джанибека и носитъ дату гиджры 747, что соотвѣтствуетъ нашему 1346 году. На татарское происхожденіе кладбища указываютъ также отсутствіе могильныхъ насыпей и народное преданіе. Въ этомъ же предположеніи убѣждаетъ и мнѣніе г. Невоструева, который говоритъ, что „сколько намъ извѣстно изъ указаній въ актахъ, преданія и памятниковъ, первоначально здѣсь жили и имѣли укрѣпленія или городки—Татары Ногайскіе или, вѣрнѣе, Казанскаго царства. Памятниковъ татарскаго владычества довольно встрѣчается на Самарской Лукѣ и то-же показываютъ сохранившіяся названія урочищъ: Ногайскаго Брода, на рѣкѣ Усѣ, выше селенія Шигонъ, и Ногайскаго ключа, въ дачахъ села Куськина и впадающая въ Усу рѣка Иштерекъ (теперь Тишерекъ и Тимерекъ) отъ татарскаго собственнаго имени. Такимъ образомъ, за Муранскимъ кладбищемъ пока слѣдуетъ признать только татарское происхожденіе и ждать правильныхъ раскопокъ, чтобы съ достовѣрностью отвести ему подобающее мѣсто въ числѣ населенія древняго Поволжья *).

2. Д. Я. Самоквасовъ прочелъ докладъ: „*Основанія распредѣленія этнографическихъ матеріаловъ, открытыхъ въ курганахъ Южной и Центральной Россіи*“ (томъ III, 44—54).

При сообщеніи своемъ Д. Я. Самоквасовъ представлялъ древности привезенной имъ богатой коллекціи, подобранной согласно предложенной имъ классификаціи. Предъ публикой предстала масса характерныхъ археологическихъ сокровищъ изъ простого камня, яшмы, янтаря, серебра и золота; ожерелья, перстни и кольца, лоскутки шелковыхъ матерій, наконечники стрѣлъ, бляхи, диковинныя металлическія ржавыя зер-

*) Результаты подробнаго изслѣдованія В. Н. Поливановымъ Муранскаго могильника изложены въ брошюрѣ: Муранскій могильникъ, изслѣдованіе В. Н. Поливанова, Москва, 1896 г., съ планомъ и 10-ю таблицами.

кала, монеты и т. п., наглядно поясняли докладъ и возстановляли далекое сѣдое прошлое нашей родной земли.

Въ обсужденіи сообщенія Д. Я. Самоквасова приняли участіе: Д. А. Хвольсонъ, П. Н. Милюковъ, Д, Н. Анучинъ, Д. И. Иловайскій, А. С. Будиловичъ и В. Ѳ. Миллеръ.

Д. А. Хвольсонъ: Я никогда не занимался вопросомъ группировки могилъ и хочу только разъяснить нѣкоторыя мои недоразумѣнія, вызванныя рефератомъ Д. Я. Самоквасова. Д. Я. предлагаетъ способъ распредѣленія могилъ по историческимъ эпохамъ; но мнѣ кажется, что его названія эпохъ неопредѣленны. Что такое Киммеріяне? Что такое Скиѳы и скиѳская эпоха? Когда они явились? Мы этого положительно не знаемъ. Мы знаемъ, что въ сохранившихся греческихъ надписяхъ встрѣчаются имена древнихъ скиѳскихъ царей неизвѣстнаго намъ языка, встрѣчаются и имена чисто иранскія, что указываетъ на связь Скиѳовъ съ иранскими народами, но степень образованія народовъ была иная, нежели степень образованія народовъ иранскаго происхожденія. Были разные Скиѳы. Древніе греки такъ называли неизвѣстные имъ сѣверные народы. Можетъ быть тамъ были народы и монголо-туранскаго происхожденія. Точно также неопредѣленно названіе анто-славянской эпохи. Извѣстно ли намъ, когда появились Анты и Славяне? Мнѣ кажется, этнографическія названія могилъ могутъ быть приняты только тогда, когда будетъ точно опредѣлена этнографія народовъ, населявшихъ Восточную Европу, а до того времени можно опредѣлять ихъ такъ: могилы, въ которыхъ находятся только каменныя вещи; могилы, въ которыхъ находятся бронзовыя вещи; могилы съ желѣзными предметами; могилы съ монетами; но, по моему мнѣнію, нельзя употреблять неопредѣленныхъ названій.

Д. Я. Самоквасовъ: Съ возраженіями моего почтеннаго оппонента я не могу согласиться. Для моей классификаціи могилъ совершенно безразлично, кто были Киммеріяне въ этнографическомъ смыслѣ и кто были Скиѳы въ томъ же смыслѣ. Я группирую могилы не по народностямъ, а по времени, называя данные историческіе періоды именами народовъ, господствовавшихъ въ эти періоды язычества въ исторіи нашей земли. Вопросамъ о народности европейскихъ Скиѳовъ эпохи Геродота, времени ихъ появленія и господства въ надпонтійскихъ областяхъ, былъ посвященъ мною особый рефератъ, читанный на Тифлисскомъ Археологическомъ Съѣздѣ, вошедшій въ мое сочиненіе о происхожденіи Славянъ. Время появленія Скиѳовъ—Сколотовъ въ Европѣ точно записано исторіей, и въ первые вѣка до Рождества Христова Скиѳы представляли собою точно опредѣленный этнографическій типъ. Геродотъ самъ былъ въ Европейской Скиѳіи, подробно описалъ бытъ Скиѳовъ и характеризуетъ ихъ какъ особый этнографическій типъ, отличный отъ сосѣднихъ народовъ, нетолько классическихъ, но и варварскихъ, родственнаго Скиѳамъ происхожденія и не родственнаго. Говоря о Сарматахъ, Геродотъ указываетъ, что они говорятъ скиѳскимъ языкомъ, по единству происхожденія съ ними, но съ большими особенностями. Говоря о другихъ варварскихъ народахъ, обитавшихъ за сѣверными границами Европейской Скиѳіи, Геродотъ свидѣтельствуетъ, что они носили одежду скиѳскую, но

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

говорили языкомъ особеннымъ, не скиѳскимъ. Слѣдовательно, нельзя согласиться съ моимъ почтеннымъ оппонентомъ, что мы не знаемъ, когда Скиѳы-Сколоты пришли въ Европу, и что древніе Греки называли Скиѳами неизвѣстные имъ сѣверные народы. Точно также, я не могу согласиться съ Д. А. Хвольсономъ, что намъ неизвѣстно, кто были Анты и Славяне, и когда они переселились въ Европу. Уже со времени Шафарика историкамъ извѣстно, что Анты и Славяне стародавній въ Европѣ народъ славянскій, являющійся въ VI вѣкѣ только подъ новыми именами Антовъ и Славянъ. Исторія VI вѣка хорошо знала Славянъ и Антовъ, какъ особый этнографическій типъ въ Европѣ, занимавшій „неизмѣримыя" области между Чернымъ моремъ и Балтійскимъ, дѣлившійся въ то время на три племени: Вендовъ, Антовъ и Славянъ, но говорившій однимъ языкомъ. Профессоръ Хвольсонъ не принимаетъ моей классификаціи могилъ и предпочитаетъ прежнюю: могилы съ каменными предметами, могилы съ бронзовыми предметами, могилы съ желѣзомъ, могилы сь монетами. Но чѣмъ же эта классификація опредѣленнѣе моей, и что даетъ она историку? Ровно ничего. Не зная времени и не зная народности могилъ, наука не можетъ воспользоваться сохранившимися въ нихъ бытовыми предметами, какъ историческимъ матеріаломъ, для познанія быта народовъ, населявшихъ наше отечество въ данныя историческія эпохи. Предлагаемая мною классификація языческихъ могилъ представляетъ собою попытку превращенія уже собраннаго археологическаго матеріала въ матеріалъ историческій. И если въ моей классификаціи имѣются недостатки, то ихъ должно исправить, но только основательными аргументами.

П. Н. Милюковъ: Д. Я. слишкомъ опытный археологъ, чтобы я, не будучи археологомъ, рѣшился дѣлать ему замѣчанія относительно фактическихъ основаній дѣленія могилъ. Несомнѣнно, тѣ пять типовъ, которые онъ кладетъ въ основаніе своей классификаціи, существуютъ въ дѣйствительности. Мы и теперь уже свыклись съ такимъ дѣленіемъ могилъ подъ тѣми или другими названіями. Предложенная Д. Я. классификація на первый взглядъ имѣетъ важное удобство, представляетъ единство, называя всѣ пять эпохъ этнографическими именами. Но это удобство только кажущееся и предрѣшаетъ выводы, къ которымъ придетъ дальнѣйшее изученіе. Первая эпоха называется киммерійскою, но Вы признаете, что это не этнографическій терминъ.

Д. Я. Самоквасовъ: Въ эпоху Геродота это былъ терминъ этнографическій.

П. Н. Милюковъ: Вы къ киммерійскому типу могилъ относите не только могилы земли киммерійской, но тождественныя съ ними могилы Италіи и Франціи. Но это могилы бронзовой культуры, и я не нахожу удобнымъ называть ихъ у насъ другимъ именемъ. Этимъ названіемъ вы даете могиламъ національную окраску. Мнѣ кажется удобнѣе назвать могилы установленныхъ вами историческихъ періодовъ названіями тѣхъ культурныхъ вліяній, которыя дали основаніе для вашего дѣленія могилъ. Скиѳскую эпоху вы характеризуете вліяніемъ греческаго искусства, сарматскую — вліяніемъ римскаго искусства, славянскую — вліяніемъ византійскаго искусства. При Вашей терминологіи встрѣчается слѣдующее неудобство. Вы упомянули могильникъ въ Осетіи у аула Чми, какъ относящійся къ славянской эпохѣ; но въ славянскую

эпоху въ Осетіи не было ни Славянъ, ни Антовъ. Если бы этотъ періодъ Вы назвали періодомъ византійскаго вліянія, то сказаннаго неудобства не получилось бы. Послѣдній вашъ періодъ, по существу дѣла, долженъ примкнуть къ эпохѣ византійскаго вліянія. Впрочемъ, сдѣланныя мною возраженія не относятся къ существу дѣла Вашей классификаціи, разъ она строится на историческихъ данныхъ.

Д. Я. Самоквасовъ: Прежде всего, приношу Вамъ глубокую благодарность за участіе въ обсужденіи предложеннаго мною вопроса, а потомъ мы поспоримъ относительно содержанія Вашихъ возраженій. Вы находите неудобнымъ предложенное мною названіе могилъ первой, древнѣйшей группѣ и предлагаете замѣнить названіе могилъ киммерійской эпохи названіемъ могилъ эпохи бронзовой культуры. Я нахожу это невозможнымъ. Могильники бронзовой культуры еще не были открыты ни въ южныхъ, ни въ центральныхъ областяхъ Россіи. Исключеніе представляютъ немногіе могильники, открытые на Кавказѣ и въ областяхъ Сѣверо-восточной Россіи. Спорадическія находки отдѣльныхъ предметовъ бронзовой культуры, кельтовъ, топоровъ, наконечниковъ копій и стрѣлъ, еще не доказываютъ существованія въ исторіи нашей земли періода бронзовой культуры. Этотъ вопросъ уже былъ затронутъ мною на Московскомъ Антропологическомъ Съѣздѣ 1879 года. Чтобы не входить въ длинныя разсужденія по этому вопросу, я поясню мою мысль слѣдующимъ примѣромъ. Когда былъ открытъ полуостр. Камчатка, то тамъ обитали туземныя племена: Камчадалы, Коряки, Чукчи, бытъ которыхъ подробно описанъ академиками Крашенинниковымъ и Стеллеромъ. Сказанныя племена, въ моментъ открытія Камчатки, стояли еще на степени каменной культуры, совершенно не знали употребленія металловъ на человѣческія потребности, довольствуясь въ своемъ бытѣ только орудіями изъ камня, кости, глины и дерева. Съ открытіемъ Камчатки тамъ сразу каменная культура смѣняется высоко развитою желѣзною культурою. Аналогичный фактъ все болѣе и болѣе выясняется археологіей и относительно Русской земли. Въ наслоеніи могилъ Южной и Центральной Европейской Россіи мы находимъ почти такое же отсутствіе могильниковъ бронзовой культуры, какъ и на Камчаткѣ. Находки бронзовыхъ орудій, типичныхъ для могилъ эпохи бронзовой культуры, встрѣчаются у насъ, но очень рѣдко, и притомъ, иногда сопровождаются совмѣстными находками каменныхъ и желѣзныхъ орудій. Объяснить этотъ фактъ возможно только тѣмъ, что древнѣйшіе обитатели надпонтійскихъ странъ, извѣстные у древнихъ историковъ подъ именемъ Киммеріянъ, до прихода въ ихъ землю Скиѳовъ, стояли на степени культуры народовъ каменной эпохи. Скиѳы, завоевавшіе Киммеріянъ, принесли въ Европу изъ Азіи бронзовую культуру, на которой, по свидѣтельству Геродота, стояли Массагеты, вытѣснившіе Скиѳовъ въ Европу изъ прикаспійскихъ странъ. Съ образованіемъ въ Европѣ скиѳской державы Паралатовъ, появляются въ скиѳской землѣ греческіе колонисты, а съ ними и высоко развитая желѣзная культура древнихъ Грековъ. Только эта исторія надпонтійской земли объясняетъ намъ присутствіе въ нѣкоторыхъ могильникахъ южной Россіи одновременно трехъ культуръ: орудій изъ камня, мѣди и желѣза; каменная культура почти непосредственно смѣнилась въ нашей землѣ желѣзною культурою.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

П. Н. Милюковъ: Ваши соображенія разъясняютъ многое, что приходилось мнѣ читать объ отсутствіи бронзоваго періода въ Россіи; но мнѣ казалось, что Вы характеризовали могилы киммерійской эпохи преимущественно преобладаніемъ бронзовыхъ вещей.

Д. Я. Самоквасовъ: Напротивъ, это могилы, въ которыхъ находятся преимущественно издѣлія изъ камня, кости и глины, а находки бронзовыхъ орудій составляютъ рѣдкое исключеніе. Далѣе, Вы говорите, что въ основаніи моей классификаціи могилъ, лежитъ различіе иноземныхъ вліяній на культуру обитателей Россіи разныхъ историческихъ эпохъ. Но я этого вопроса еще не касался въ моихъ изслѣдованіяхъ. Иноземныя вліянія разныхъ историческихъ эпохъ опредѣлятся сами собою когда мы раздѣлимъ археологическій матеріалъ, изучимъ формы бытовыхъ предметовъ разныхъ историческихъ эпохъ и сравнимъ ихъ съ однородными иноземными предметами соотвѣтственныхъ историческихъ эпохъ. Опредѣлять интенсивность того или другого иноземнаго вліянія въ данныя историческія эпохи въ отношеніи населенія русской земли кажется мнѣ еще преждевременнымъ. Это задача науки будущаго. Отсюда, я не могу признать удобными и предлагаемыя Вами названія могилъ разныхъ историческихъ періодовъ по иноземнымъ вліяніямъ.

Д. Н. Анучинъ: Вашъ рефератъ озаглавленъ такъ: „Распредѣленіе Этнографическихъ матеріаловъ, открытыхъ въ курганахъ Южной и Центральной Россіи по историческимъ эпохамъ“. Вы говорите о Центральной Россіи, слѣдовательно, между прочимъ о Московской губерніи и сосѣднихъ съ нею. Вы предлагаете первый періодъ назвать *киммерійскимъ*; но какое же представленіе дастъ намъ это названіе въ отношеніи могилъ Московской губерніи? Этнографическія названія въ археологіи Западной Европы не приняты. Въ Скандинавіи, гдѣ археологія наиболѣе разработана, не считаютъ возможнымъ вводить этнографическія названія, а говорятъ о каменномъ вѣкѣ, бронзовомъ, желѣзномъ, первомъ періодѣ желѣзнаго вѣка, второмъ и третьемъ. Вводить этнографическія названія опасно и преждевременно.

Въ первомъ періодѣ Вы соединяете могилы съ каменными и бронзовыми издѣліями, и говорите, что бронзоваго вѣка у насъ не было. Дѣйствительно, слѣды его у насъ не такъ ясны. Но можно указать всетаки на нѣкоторые находки въ Муромскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи, гдѣ въ одномъ могильникѣ были найдены бронзовые цельты, пріобрѣтенные у крестьянъ П. П. Кудрявцевымъ, на Тамбовскую и Московскую губерніи, гдѣ были находимы древнія бронзовыя орудія; слѣдовательно, имѣются всетаки слѣды бронзоваго періода. Спрашивается, можемъ ли мы назвать эти могильники *киммерійскими?* Едва ли, потому что не имѣемъ данныхъ утверждать, что здѣсь жили Киммерійцы. Проф. Самоквасовъ вводитъ въ свою классификацію могилъ Южной и Центральной Россіи и могилы Кавказа; но мнѣ кажется, Кавказъ, по его оригинальной культурѣ, долженъ быть выдѣленъ.

Названія: могилы *скиѳской* эпохи и могилы *сарматской* эпохи также не подходятъ къ могиламъ Центральной Россіи. Сарматы еще пожалуй, потому что они занимали большое пространство, но предположить Скиѳовъ въ центральныхъ областяхъ трудно. Затѣмъ, скиѳская эпоха опредѣляется присутствіемъ въ могилахъ предме-

товъ греческаго искусства, а сарматская—римскаго. Но что дѣлать съ такими могилами, гдѣ нѣтъ предметовъ греческаго искусства, а есть подражанія греческимъ издѣліямъ и нѣтъ предметовъ римскаго искусства? Притомъ же предметы греческаго и римскаго искусства встрѣчаются не во всѣхъ могилахъ данныхъ эпохъ, а только въ могилахъ богатыхъ людей того времени. Но мы не можемъ думать, что всѣ могилы, гдѣ не встрѣчаются, напримѣръ, предметы греческаго искусства должны быть отнесены къ послѣдующей эпохѣ. Рядомъ съ предметами греческаго и римскаго искусства встрѣчаются въ курганахъ издѣлія варварскаго типа, но мы не можемъ характеризовать ими данныхъ эпохъ. Вы указали на металлическія зеркала варварскаго типа, на одномъ изъ которыхъ вы видите изображеніе змѣи съ человѣческою головою, другіе видятъ въ немъ дельфина, а французскій депутатъ усматриваетъ птицу, и относите эти зеркала къ сарматской эпохѣ. Но такія зеркала встрѣчаются и въ предыдущую эпоху и въ послѣдующую, до могилъ XIII и XIV вѣковъ.

Наконецъ, что касается названія четвертой,—*славянской* эпохи продолжающейся съ VI до XI столѣтія, то и это названіе трудно примѣнить къ Центральной Россіи. Куда Вы отнесете массу финскихъ могильниковъ и кургановъ, занимающихъ характерное положеніе въ археологіи Центральной Россіи? Мнѣ кажется, что если нужно имъ дать этнографическое названіе, то скорѣе отнести ихъ къ Финнамъ.

Д. Я. Самоквасовъ: Скандинавская археологія въ настоящее время не можетъ служить намъ руководствомъ въ дѣлѣ классификаціи могилъ Восточной Европы по историческимъ эпохамъ и народностямъ. Желалъ бы я знать: какими хронологическими терминами и какими этнографическими именами могли бы опредѣлить скандинавскіе археологи могилы ихъ земли разныхъ историческихъ эпохъ. Такихъ терминовъ нѣтъ и быть не можетъ относительно Скандинавіи, потому что исторія и этнографія Скандинавіи начинаются только IX вѣкомъ по Р. Х., а до того времени европейской исторіи неизвѣстны ни этнографическое наслоеніе, ни имена скандинавскихъ народовъ. Отсюда, скандинавскіе археологи силою необходимости вынуждены обозначать могилы разныхъ эпохъ своей земли не историческими или этнографическими терминами, а описательными, совершенно неопредѣленными въ историческомъ и этнографическомъ смыслѣ: могилы *каменнаго вѣка*; могилы *бронзоваго вѣка*, могилы *желѣзнаго вѣка*. Какіе же это вѣка и гдѣ ихъ границы въ исторіи Скандинавіи? Такихъ вѣковъ европейская исторія не знаетъ, а пока эти вѣка остаются только результатомъ домысла археологовъ, не опираются на исторію, не разграничены исторически, до тѣхъ поръ и археологическіе матеріалы Скандинавіи каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ не могутъ имѣть значеніе матеріаловъ историческихъ и этнографическихъ, годныхъ для познанія быта данныхъ народовъ въ данныя историческія эпохи. Совершенно въ другомъ положеніи стоитъ русскій археологъ къ могильнымъ древностямъ своей земли, имѣющей исторію и этнографію со времени Геродота, на основаніи которыхъ возможно распредѣлить могильныя древности нашей земли по *историческимъ* періодамъ, а разъ возможно это сдѣлать, то и должно, не принимая во вниманіе *теоретическіе* вѣка скандинавской археологіи. Такой опытъ классификаціи могилъ нашей земли я и представилъ въ моемъ рефератѣ

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

И въ Западной Европѣ, гдѣ исторія столько же древня, какъ исторія нашей земли, тамъ давно уже заброшена классификація могилъ скандинавскихъ археологовъ, а введены историческіе періоды и этнографическія названія такихъ періодовъ: могилы эпохи древнѣйшихъ Италовъ, могилы пеласгійской эпохи, могилы римской эпохи, могилы германской эпохи. Это такія же этнографическія условныя названія археологическихъ періодовъ, какъ въ моей классификаціи названія эпохъ: киммерійская, скиѳская, сарматская, славянская, половецко татарская. Какъ въ терминологіи итальянской археологіи названіе, напримѣръ, „могилы этрусской эпохи" не означаетъ принадлежность всѣхъ могилъ Италіи даннаго періода народамъ этрусскаго этнографическаго типа, такъ и въ моей классификаціи названіе, напримѣръ, „могилы скиѳской эпохи" не означаетъ скиѳской народности всѣхъ могилъ Россіи VI—I вѣковъ до Р. Х., а означаетъ только извѣстный типъ могилъ, принадлежащій этому историческому періоду. Кто усвоитъ себѣ эту точку зрѣнія, тому будетъ ясно, почему я не выдѣляю Кавказъ и Центральную Россію изъ моей классификаціи. Для моей классификаціи безразлично: жили въ Московской губерніи, напримѣръ, Киммерійцы или не жили, потому что мои названія означаютъ не народность, а время и извѣстные типы могилъ. Съ другой стороны, сущность моей классификаціи не въ названіяхъ періодовъ, а въ археологическихъ и историческихъ основаніяхъ дѣленія могилъ по эпохамъ и типамъ, а называть ихъ можно, какъ кому угодно. Далѣе Д. Н. утверждаетъ, что у насъ есть слѣды „бронзоваго вѣка" и указываетъ на спорадическія находки орудій „бронзоваго типа". Я и не отрицаю такихъ находокъ, и въ рефератѣ „Вещественные памятники древности въ Малороссіи", сообщенномъ на Московскомъ Археологическомъ Съѣздѣ, я самъ указалъ на такіе находки въ предѣлахъ нашей земли. Но эти находки такъ рѣдки, такъ малочисленны, такъ связаны съ находками предметовъ эпохи каменной культуры съ одной стороны, и желѣзной культуры съ другой стороны, что не даютъ никакой возможности предположить существованіе въ предметахъ Южной и Центральной Россіи „бронзоваго вѣка", какъ историческаго, самостоятельнаго и сколько-нибудь продолжительнаго періода въ исторіи культуры нашей земли. При такихъ условіяхъ, мнѣ кажется, вполнѣ цѣлесообразнымъ не выдѣлять нашъ „бронзовый вѣкъ" въ особый историческій періодъ развитія культуры въ нашей землѣ, а соединить его съ доисторическимъ, древнѣйшимъ, киммерійскимъ. Если же современемъ будутъ открыты могильники съ ясными слѣдами періода бронзовой культуры въ нашей землѣ, то тогда опредѣлится и самостоятельное мѣсто его въ ряду періодовъ исторіи культуры въ нашемъ отечествѣ.

Относительно вопроса, „что дѣлать съ такими курганами, гдѣ нѣтъ греческихъ издѣлій, а гдѣ есть подражаніе греческому искусству и нѣтъ слѣдовъ римскаго вліянія", не можетъ быть сомнѣнія, что такія могилы не относятся къ киммерійской эпохѣ, а къ какому изъ послѣдующихъ періодовъ ихъ должно отнести,—это рѣшается въ каждомъ данномъ случаѣ содержаніемъ могилъ и ихъ устройствомъ.

Наконецъ, сомнѣніе Д. Н. Анучина относительно принадлежности сарматской эпохѣ указанныхъ мною массивныхъ бронзовыхъ зеркалъ, съ рельефными на ручкахъ изображеніями четвероногихъ животныхъ, не можетъ быть мною принято. Дѣйстви-

тельно, металлическія зеркала были въ употребленіи ранѣе сарматской эпохи и позже, нетолько до XIV, но даже до XVI вѣка; но зеркала того типа, какъ показанныя мною (найденныя въ могилахъ Роменскаго уѣзда и въ окрестностяхъ Пятигорска), по настоящее время были найдены только въ могилахъ Трансильваніи, Семиградіи, въ губерніяхъ Кіевской и Полтавской и въ окрестностяхъ Пятигорска, относящихся къ сарматской эпохѣ.

Д. И. Иловайскій: Я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ въ защиту предложенія Д. Я. Самоквасова раздѣлить могильныя древности нашей земли по эпохамъ, которыя онъ совершенно вѣрно называетъ историческими, а не этнографическими, опредѣляя именами народовъ, господствовавшихъ въ данные историческіе періоды. Этнографическія названія историческихъ періодовъ не означаютъ, что въ эти періоды жили только данные народы: Скиѳы, Сарматы, Славяне, и что тогда были только могилы этихъ народовъ. Мы называемъ извѣстный періодъ въ русской исторіи монголо-татарскимъ, но это не значитъ, что въ Россіи этого періода жили только Монголы и Татары. Я бы предложилъ только, для большей ясности, „сарматскій" періодъ назвать „гето-сарматскимъ", чтобы указать и на значеніе Гетовъ въ исторіи этого періода, а періодъ „славянскій" назвать „славяно-русскимъ", чтобы указать на преобладаніе русской народности въ эту эпоху. Вообще же я нахожу не только возможнымъ, но и удобнымъ распредѣлить археологическій матеріалъ, по историческимъ эпохамъ съ этнографическими ихъ названіями.

А. С. Будиловичъ: Прислушавшись къ преніямъ о принципѣ, на которомъ должна быть основана хронологія могилъ, я вижу, что одни предполагаютъ основать ее на культурѣ народовъ въ данныя эпохи, а другіе на ихъ преобладаніи. Предлагается также комбинація обоихъ принциповъ, и это было бы всего лучше. Что касается названій предложенной хронологіи, то они не удовлетворяютъ меня въ томъ отношеніи, что я не вижу въ ней Русскаго народа, которому принадлежала важная роль историческая и культурная. Д. И. Иловайскій предложилъ „анто-славянскую эпоху" назвать „славяно-русскою". Эта эпоха ограничивается X—XI вѣками. Но и въ послѣдующую „монголо-татарскую эпоху" нужно вспомнить о хозяинѣ земли, о главномъ историческомъ и культурномъ дѣятелѣ. Не сказать о Русскомъ народѣ, это тоже самое, что говоря объ итальянской культурѣ, сказать, что была эпоха арабская, византійская, французская, австрійская и забыть о жизни итальянскаго народа. Я предложилъ бы эпоху „анто-славянскую" назвать славяно-русскою, а эпоху позднѣйшую чисто-русскою.

В. Ѳ. Миллеръ: Я не буду дѣлать возраженій по поводу предложенныхъ Вами, Д. Я., названій историческихъ эпохъ, потому что о терминологіи могутъ быть безконечные споры. Я коснусь только вопроса о пріурочиваніи могильниковъ Кавказа къ Вашей классификаціи. Вы относите извѣстный Кобанскій могильникъ къ эпохѣ Киммерійской. Занимавшимся археологіей Кавказа извѣстны типическіе предметы этого могильника: бронзовые кинжалы, массивныя бронзовыя фибулы, поясныя пряжки и пр. Можно ли, по такимъ типичнымъ бронзовымъ предметамъ, отнести Кобанскій могильникъ къ киммерійской эпохѣ, кончающейся у Васъ VII вѣкомъ до Р. Х.? Въ

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

чеченскихъ раскопкахъ типичныя формы бронзовыхъ орудій, фибулъ, пряжекъ и другихъ предметовъ Кобанскаго могильника были находимы вмѣстѣ съ императорскими и сассанидскими монетами. Эти находки возбуждаютъ подозрѣніе въ такой древности Кобанскаго могильника, къ какой Вы его относите. Вопросъ о бронзовой культурѣ Кобанскаго могильника еще мало разработанъ. Я настаиваю на одномъ: можно доказать, что бронзовое оружіе употреблялось на Сѣверномъ Кавказѣ въ христіанскую эпоху. По свидѣтельству византійскаго писателя, приведенному въ моемъ сочиненіи, на Сѣверномъ Кавказѣ живетъ воинственное племя Алановъ; они христіане и изготовляютъ изъ мѣди оружіе (ex aere arma), „которыя мы называемъ аланскими". Эти орудія V—VI вѣковъ изъ мѣди, хорошо извѣстныя въ Византіи подъ названіемъ оружія аланскаго, и находки типичныхъ предметовъ бронзовой культуры одновременно съ монетами не дозволяютъ думать, что оружіе Кобанскаго могильника относится къ VII вѣку до Р. Х., и я согласенъ съ мнѣніемъ Д. Н. Анучина, по которому Кавказъ занимаетъ особое положеніе и его нельзя вводить въ тѣ рубрики могилъ, въ какія Вы его вводите. Вопросъ въ томъ, что нужно отличать типы вещей отъ ихъ древности; типы вещей могутъ быть древніе, а вещи новыя. Кавказъ имѣлъ бронзовыя издѣлія мѣстнаго, туземнаго изготовленія, что доказываетъ Кобанскій могильникъ, въ которомъ было найдено до 20 тысячъ бронзовыхъ предметовъ. Я предполагаю, что на Кавказъ могли попадать извѣстные образцы орудій доисторическихъ и воспроизводиться въ историческую эпоху, втеченіе нѣсколькихъ столѣтій, и это вводитъ въ заблужденіе археологовъ. Повторяю, типы вещей могли быть ранніе, а вещи могли являться позже, Кавказъ не входитъ въ намѣченныя Вами рубрики, и Кобанскій могильникъ не можетъ быть пріуроченъ къ киммерійской эпохѣ.

Д. Я. Самоквасовъ: Вполнѣ соглашаясь съ основательностью дополненій Д. И. Иловайскаго, предлагающаго замѣнить названіе „сарматскаго періода" названіемъ „гето-сарматскій", а „славянскаго" періода" „славяно-русскимъ", съ цѣлью указать на преобладаніе въ соотвѣтствующіе названіямъ періоды Гетовъ и Славяно-руссовъ, я не могу принять предложенія А. С. Будиловича, направленнаго къ замѣнѣ названія „монголо-татарскаго" періода названіемъ „русскій" періодъ, потому что въ эпоху господства Монголо-Татаръ надъ Россіей все русское народонаселеніе было погребаемо по христіанскому обряду, а моя классификація посвящена могиламъ языческаго устройства и содержанія. На замѣчанія В. Ѳ. Миллера я могу сказать только, что если дальнѣйшія археологическія изслѣдованія на Кавказѣ приведутъ къ возможности и необходимости выдѣлить Кавказъ изъ другихъ райновъ Россіи, то я противъ этого ничего не имѣю, но въ настоящее время для такого выдѣленія не нахожу основаній въ результатахъ произведенныхъ мною и другими уже довольно многочисленныхъ раскопокъ на Сѣверномъ Кавказѣ. Здѣсь ясно различаются могильники извѣстнаго устройства, никогда не заключающіе въ себѣ никакихъ признаковъ желѣза, относимые мною къ древнѣйшей, киммерійской эпохѣ, каковы многомогильные курганы, раскопанные мною въ окрестностяхъ Кисловодска и Пятигорска, заключавшіе въ себѣ только орудія изъ камня, кости и мѣди. Затѣмъ слѣдуютъ могильники, состоящіе изъ десятковъ и сотенъ могилъ, въ которыхъ оружіе и орудія изъ камня, кости и мѣди

встрѣчаются очень рѣдко, спорадически, а преобладаютъ древнѣйшія формы оружія и и орудій изъ желѣза; пять могильниковъ этого типа открыто мною въ окрестностяхъ только одной колоніи Карраса, подъ Пятигорскомъ; это могилы, второй скиѳской эпохи, характеризуемой не спорадическими находками предметовъ изъ камня, кости и бронзы, а предметами изъ желѣза, никогда не встрѣчающагося въ могильникахъ киммерійской эпохи. Извѣстный могильникъ Кобани, въ которомъ найдено болѣе 20 тысячъ предметовъ „бронзовой культуры" и очень мало, около 25 предметовъ, изъ желѣза, въ тоже время украшающаго бронзу, подобно тому, какъ въ послѣдующія эпохи бронза украшаетъ желѣзо, отнесенъ въ моей классификаціи не къ киммерійской эпохѣ, а стоитъ на рубежѣ между этою эпохою и скиѳскою. Далѣе намъ извѣстно на Кавказѣ много могильниковъ, подобныхъ могильникамъ окрестностей ауловъ Чми, Комунты и Галіаты въ Осетіи, въ которыхъ также встрѣчаются спорадическіе предметы культуръ предыдущихъ эпохъ, но преобладаютъ уже новыя формы предметовъ изъ желѣза, бронзы, серебра, золота и стекла, одновременно съ золотыми и серебряными монетами христіанской эпохи, дающими возможность точно опредѣлить время могильника той или другой формы. Въ могилахъ только одного Суоргомскаго могильника, въ окрестностяхъ аула Чми, найдено около 50 серебряныхъ и золотыхъ византійскихъ и восточныхъ монетъ, давшихъ возможность точно опредѣлить время этого могильника и ему подобныхъ. Наконецъ, на Кавказѣ часто встрѣчаются могильники, также часто лежащіе рядомъ съ могильниками предыдущихъ эпохъ, заключающіе въ себѣ разные предметы позднѣйшихъ формъ изъ желѣза, бронзы, серебра, золота и стекла, а также монеты татарскихъ хановъ. По такимъ основаніямъ, всѣ могильники Кавказа, мнѣ извѣстные, легко размѣщаются въ моей классификаціи языческихъ могильниковъ Россіи. Что же касается „аланскаго оружія изъ мѣди" христіанскаго времени, то этотъ вопросъ требуетъ дальнѣйшихъ историческихъ и археологическихъ изслѣдованій. Мы не знаемъ, когда и откуда пришли на Кавказъ эти Аланы; можетъ быть они вышли изъ такой страны Востока или Сѣвера, гдѣ господствовала еще „бронзовая культура", и, поселившись на Кавказѣ, подобно древнимъ Скиѳамъ, на новой родинѣ продолжали изготовлять оружіе и орудія изъ бронзы, пока не научились у своихъ новыхъ сосѣдей приготовлять ихъ изъ желѣза. Этимъ объясняется, можетъ быть, и фактъ находки въ нѣкоторыхъ, во всякомъ случаѣ, исключительныхъ могильникахъ Кавказа предметовъ типично-бронзовой культуры одновременно съ монетами христіанскаго времени, если только этотъ фактъ достовѣренъ. Сообщеніямъ мѣстныхъ торговцевъ кавказскими древностями объ условіяхъ находки тѣхъ или другихъ предметовъ довѣрять невозможно. На выставкѣ Съѣзда помѣщается много таблицъ съ кавказскими древностями, на которыхъ смѣшаны всѣ историческія эпохи; рядомъ съ предметами новыхъ формъ, изъ могильниковъ окрестностей Чми, Комунты и Галіаты и имъ подобныхъ, датированныхъ монетами V—VIII столѣтій, помѣщаются предметы глубокой древности, изъ могильниковъ Кобани, Казбека и др. Къ сожалѣнію, такое же смѣшеніе эпохъ наблюдается и въ коллекціяхъ, частныхъ и публичныхъ, пріобрѣтенныхъ покупкою. Даже въ Императорскомъ Эрмитажѣ, на таблицахъ съ бронзовыми предметами могильника Кобани помѣщаются ожерелья и другіе предметы

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

изъ могильниковъ Комунты, Галіаты и имъ подобныхъ; на одной таблицѣ помѣщаются предметы культуры разныхъ тысячелѣтій, что легко можетъ ввести въ заблужденія не только обыкновеннаго зрителя, но и малоопытнаго археолога.

3. В. Б. Антоновичъ прочелъ докладъ: *О типахъ погребенія въ курганахъ Кіевской губерніи.*

Въ своемъ, довольно обширномъ сообщеніи, докладчикъ сводитъ все многообразіе видовъ погребенія въ курганахъ Кіевской губерніи къ тремъ главнымъ типическимъ отдѣламъ, которые, въ свою очередь, разбиваются на болѣе мелкіе. Первый типъ погребенія относится къ *каменному* періоду и имѣетъ три подраздѣленія: а) Курганы невелики, бѣдны заключающимися въ нихъ предметами, которые только отбивные каменные. Скелеты лежатъ протянутыми и имѣютъ подъ собой песчаный слой, иногда подъ одной головой; встрѣчаются иногда скелеты, обернутые въ бересту; этотъ типъ тянется изъ Кіевской губерніи къ западу, въ среднюю и западную Волынь. б) Могила безъ насыпи; на глубинѣ $^1/_2$—$^3/_4$ арш. гробница изъ каменныхъ плитъ, длиною около 2 метровъ, шириною около 80 сант., глубиною около 90 сант.; на днѣ гробницы стоятъ горшки съ первобытнымъ орнаментомъ, съ обнаженными костями и пепломъ внутри; какъ на наиболѣе характерную черту этого типа надо указать на гладкіе полированные топорики изъ камня. Встрѣчается этотъ типъ у русла р. Ирпеня. Въ южной части Кіевской губ. его нѣтъ. в) Послѣднимъ типомъ погребенія въ каменномъ періодѣ будетъ погребеніе съ такими признаками, какъ довольно большая насыпь, рядъ ямъ въ могилѣ, въ каждой изъ которыхъ находятся по одному, по два и больше скелетовъ, всегда въ согнутомъ положеніи съ приложенными къ груди, около подбородка сцѣпленными руками; подобные скелеты въ большомъ количествѣ находились при раскопкахъ графа Бобринскаго. Черепа, какъ и въ первой группѣ—долгіе. Сосуды грубые, сдѣланы безъ круга; нѣсколько экземпляровъ бронзоваго оружія. Особенно типичными признаками этого рода погребенія, изъ находимыхъ въ могилахъ предметовъ, являются каменные молотки на длинныхъ костяныхъ цѣпочкахъ. Еще важнѣе, въ этомъ смыслѣ, находившіяся при раскопкахъ кости, окрашенныя красною желѣзистою краской. Откуда она? Въ отвѣтъ дѣлалось много различныхъ гипотезъ. Докладчикъ со своей стороны предполагаетъ, что, вѣроятно, усопшихъ покрывали густою краской, которая, съ уничтоженіемъ всей массы человѣческаго тѣла, должна осаждаться на костяхъ. Какъ странность, не лишне отмѣтить, что иногда краска тутъ же лежитъ рядомъ со скелетомъ. Мѣсто этого погребенія—южная часть Кіевской губерніи; но внѣ Кіевской губерніи оно достигало до крайняго запада Южной Бессарабіи (Кнауеръ), было въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ (Самоквасовъ), на востокъ доходило до Сулы (у Пирятина), встрѣчалось и на Кубани.—Этимъ типомъ заканчивается первый отдѣлъ похоронъ каменнаго періода. Второй отдѣлъ докладчикъ назвалъ условно *скиѳскимъ*; онъ не имѣетъ подраздѣленій. Къ этому типу принадлежитъ обширная группа могилъ или, правильнѣе, склеповъ, высѣченныхъ изъ камня. Преобладающими вещами въ содержаніи могилъ служатъ предметы изъ желѣза, хотя встрѣчаются и бронзовыя издѣлія, каковы желѣзныя удила, кинжалы, топоры, копья и, какъ рѣзко типичный признакъ, желѣзные панцыри.

Въ этомъ же типѣ погребенія встрѣчаются желѣзныя копья, но только съ бронзовыми наконечниками. Далѣе, этотъ отдѣлъ характеризуется по содержанію бронзовыми различнаго вида зеркалами, бусами изъ сердолика, агата, яшмы, стекла цвѣтного и бѣлаго, янтаря и т. п. Богаты эти курганы сосудами: тамъ встрѣчаются огромныхъ размѣровъ горшки съ остатками пищи. Своеобразные ковши, куски чистой сѣры и краски въ истлѣвшихъ кожаныхъ мѣшкахъ у пояса служатъ тоже отличительными признаками; далѣе идутъ раковины, оказывающіяся, по изслѣдованію знатоковъ, изъ фауны Средиземнаго моря. Сѣверный предѣлъ этихъ кургановъ — линіи по Ирпеню (конецъ лѣса). Внѣ степи, т. е. на сѣверѣ отъ этой линіи встрѣтился лишь одинъ такой курганъ, по Припети.

Наконецъ, къ третьему типу кургановъ относятся — *славянскіе*. Въ нихъ рѣдко встрѣчается золото, главнымъ же образомъ серебро; бронза не встрѣчается вовсе. Здѣсь вслѣдствіе близости къ исторической эпохѣ возможны уже этнографическія подраздѣленія. Такъ, въ сѣверной части губерніи, въ области *Древлянъ* встрѣчаются массами курганы, гдѣ могилы копались выше подпочвы и вокругъ всего контура скелета расположены желѣзные гвозди. При этомъ типѣ погребенія не встрѣчается сосудовъ, если не считать рѣдкихъ случаевъ нахожденія желѣзныхъ ведерокъ. Желѣзные большіе ножи, огниво, серебряныя кольца, бусы (серебряныя сканныя, стеклянныя съ золотомъ внутри), запонки, серьги опредѣляютъ еще болѣе этотъ послѣдній типъ. Смѣшать его въ другими невозможно еще и потому, что здѣсь встрѣчаются до 10 серебряныхъ колецъ, лежащихъ у плеча. Долго не могли догадаться, какую они играли роль, пока, наконецъ, случайная находка волосъ въ кольцахъ не выяснила, что они составляли украшеніе женской косы. Клочки одежды шелковые, полотняные, чаще всего шерстяные; характерная обувь изъ сафьяна съ отворотаи и со швомъ посреди подошвы. Въ землѣ *Полянъ* умершаго погребали вмѣстѣ съ его лошадью; яма дѣлалась очень глубокая, и скелетъ находится въ полномъ вооруженіи изъ желѣза (громадное копье, кольчуга, прямой мечъ, стрѣлы, топоръ) съ типичнымъ шлемомъ временъ дружинной и княжеской эпохи Руси. Разъ, внутри Кіева, на Почайнѣ, аббассидская монета 764 г. (у Самоквасова полъ византійской монеты). — Особнякомъ стоитъ раскопка Немирича у Тальнаго (безъ насыпи; площадка окруженная валунами; масса лошадиныхъ костей; характерный для этихъ могилъ бронзовый сосудъ съ длиннымъ рыльцемъ, разъ замѣненный византійской кадильницей, которую гр. Уваровъ отнесъ къ VI—VIII вѣкамъ). Принадлежность этихъ могилъ (кочевникамъ или Славянамъ) В. Б. не рѣшается опредѣлять.

Пренія по поводу доклада В. Б. Антоновича, равно какъ и назначенное сообщеніе В. З. Завитневича—„*Къ вопросу объ исторіи классификаціи кургановъ по типамъ*“ отложены до слѣдующаго засѣданія. Засѣданіе окончилось въ 5 часовъ вечера.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

13 января, въ 7½ вечера.

ОТДѢЛЕНІЕ IV. Русскій бытъ домашній, юридическій и общественный.

Почетный Предсѣдатель Д. И. Иловайскій.
Предсѣдатель Отдѣленія С. М. Шпилевскій.
Секретарь Отдѣленія И. А. Линниченко.

1. В. Н. Сторожевъ. прочелъ докладъ: *„Десятни какъ источникъ для изученія русскаго провинціальнаго дворянства въ XVI и XVII вв.“*.

Докладъ этотъ представлялъ короткій очеркъ значенія для юридической науки „десятенъ“, то есть описей (отъ правительства) уѣздныхъ служилыхъ людей, какъ-то: дворянъ, дѣтей боярскихъ и казаковъ, составлявшихся въ случаѣ надобности въ финансово-стратегическихъ интересахъ государства и имѣвшихъ значеніе юридическаго доказательства права владѣть населеннымъ помѣстьемъ. Документъ этотъ важенъ не самъ по себѣ, а въ непосредственной связи съ другими, напр., писцовыми книгами, и только въ этомъ случаѣ изученіе его можетъ дать богатые результаты. „Десятня“—документъ статистическій по преимуществу: она подсчитывала московскому правительству наличное количество способныхъ къ службѣ дворянъ по разнымъ городамъ, дѣлила ихъ по разнымъ службамъ, служила смѣтой при заготовкѣ денежнаго жалованья, слѣдила за исправностью раздачи его и т. д. Особенно незамѣнима заслуга „десятенъ“ какъ источника при изученіи боевого строя московскаго дворянства: здѣсь ясно видно, что этотъ боевой строй помѣщика стоялъ въ непосредственной связи съ величиной и качествами его земельныхъ владѣній; ясно также и то, почему въ десятняхъ подробно помѣщены свѣдѣнія и о количествѣ земли, и о численности крестьянъ, сидящихъ на ней: степень населенности помѣстья играла, конечно, главную роль при опредѣленіи службы провинціальнаго помѣщика. Десятня, точно опредѣляя физическія качества и благосостояніе помѣщика, опредѣляетъ и его боевой строй и его „службу“. Изъ десятенъ же можно въ подробностяхъ ознакомиться съ порядкомъ раздачи денежнаго жалованья провинціальному дворянству. Обыкновенно за жалованьемъ отправлялись въ Москву челобитчики изъ дворянъ; они получали сумму слѣдуемаго по смѣтѣ для раздачи извѣстному городу и разрядный списокъ; городовой воевода, за порукою окладчиковъ, а иногда всего города, раздавалъ въ съѣзжей избѣ жалованье всѣмъ на лицо. Надо замѣтить, что, благодаря разнообразію причинъ, обусловливавшихъ величину денежной раздачи (благосостояніе помѣщика, аккуратность въ службѣ и др.), нерѣдко денежныя дачи значительно превышали денежный окладъ, и обратно. Это денежное вознагражденіе отнюдь не было вознагражденіемъ за службу, за труды въ пользу государства: оно было только посильною помощью со стороны государства отбывать служилому человѣку службу, къ которой онъ былъ вообще обязанъ, какъ бѣлый землевладѣлецъ. Изъ всего изложеннаго видно, что десятни главнымъ образомъ—источникъ для изученія военной организаціи помѣстной

дворянской конницы. Численный составъ по каждому городу—нормальное распредѣленіе и боевой строй провинціальнаго дворянства — вотъ главное, о чемъ говорятъ десятни. Къ этимъ свѣдѣніямъ тѣсно примыкаютъ такія сообщенія, которыя уясняютъ намъ порядокъ раздачи денежнаго жалованья, дѣленіе провинціальнаго дворянства на разряды и условіе отбыванія трехъ службъ: дальней, ближней и осадной. Все это данныя, которыя составляютъ основной тонъ десятни, какъ документа. Помимо этого, десятня даетъ цѣлую массу мелкихъ подробностей относительно каждаго лица, имѣвшаго такъ или иначе соприкосновеніе съ военною службой. Объединивъ эти подробности, можно даже нарисовать общую картину провинціальнаго дворянства съ внѣшней стороны *).

2. Н. Н. Ардашевъ прочелъ докладъ подъ заглавіемъ: *„Къ вопросу о коллегіальности приказовъ“*. (Томъ III, 258—273).

3. Секретаремъ Отдѣленія прочтено введеніе къ изслѣдованію Д. И. Прозоровскаго: *„О славяно-русскомъ до-христіанскомъ счисленіи времени“*. (Томъ III, 200—217).

4. Секретаремъ же Отдѣленія было прочитано предложеніе И. А. Голышева, чтобы Императорское Московское Археологическое Общество, возстановляющее русскую старину, приняло на себя ходатайство о возстановленіи и стариннаго лѣтоисчисленія, т. е. начала года съ 1-го сентября, а не съ 1-го января.

---

14 января. 11 часовъ утра.

ОТДѢЛЕНІЕ VI. Памятники славяно-русскаго языка и письма.

Почетный предсѣдатель В. И. Ламанскій.
Предсѣдатель отдѣленія А. И. Кирпичниковъ.
Секретарь отдѣленія С. І. Долговъ.

Передъ началомъ засѣданія была прочтена слѣдующая отвѣтная телеграмма Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Почетнаго Предсѣдателя Съѣзда, адресованная на имя Предсѣдателя съѣзда, академика А. Ѳ. Бычкова.

„Прошу графиню Уварову и васъ принять и передать подписавшимъ телеграмму и всѣмъ членамъ VIII Археологическаго Съѣзда мою искреннюю благодарность. Душевно радъ, что лично открылъ Съѣздъ и могъ любоваться плодами дѣятельности его членовъ, быть свидѣтелемъ ихъ трудовъ. Шлю лучшія пожеланія полнѣйшаго успѣха, въ которомъ, конечно, Я и не сомнѣваюсь, зная въ какихъ достойныхъ рукахъ находится отечественная археологія“.

„Сергій“.

*) Докладъ изданъ въ *Юридич. Вѣстникѣ* за 1890 г.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Чтеніе этой телеграммы было выслушано стоя и сопровождалось единодушными криками „ура“!

1. А. С. Павловъ прочелъ докладъ: — *Къ вопросу о подлинности церковнаго Устава Св. Владиміра.*

Судьба вопроса объ этомъ весьма важномъ древне-русскомъ юридическомъ памятникѣ въ нашей исторической литературѣ была довольно измѣнчива. Исторіографъ, впервые издавшій этотъ памятникъ по старинному списку (Карамзинъ), отнесся къ нему довольно неблагосклонно: призналъ его прямо подложнымъ и въ доказательство подложности указывалъ: а) на историческое введеніе къ *Уставу*, гдѣ говорится, будто Владиміръ принялъ крещеніе и церковную іерархію отъ греческаго патріарха Фотія, тогда какъ Фотій умеръ за сто лѣтъ до крещенія Владиміра; б) на постановленіе *Устава*, относящее тяжбы о наслѣдствѣ къ предметамъ вѣдомства церковнаго суда, тогда какъ по *Русской Правдѣ* тяжбы эти судитъ князь; в) на то, что *Уставъ* представляетъ всѣ свои постановленія основанными на греческомъ Номоканонѣ, тогда какъ многія изъ этихъ постановленій вовсе неизвѣстны греческому Номоканону. Первымъ, если не по времени, то по силѣ доводовъ, защитникомъ подлинности *Церковнаго Устава Св. Владиміра* былъ Неволинъ, и его вѣскія мнѣнія о подлинности *Устава* были долгое время господствующими въ наукѣ и приняты съ небольшими дополненіями въ *Исторію Русской Церкви* высокопреосвященнаго Макарія. Въ новѣйшее время мнѣніе Карамзина опять пріобрѣтаетъ себѣ адептовъ: таковы профессоръ Московской Духовной Академіи Е. Е. Голубинскій и профессоръ Демидовскаго Лицея Суворовъ, въ сочиненіяхъ своихъ выражающіе согласіе съ Карамзинымъ относительно подложности *Устава*. Изложивъ мнѣнія всѣхъ указанныхъ лицъ, высказанныя ими въ печатныхъ трудахъ, А. С. Павловъ поставилъ вопросъ: находясь между такими двумя противоположными мнѣніями, въ которую сторону по указанію здравой строгонаучной исторической критики слѣдуетъ склониться? и отвѣчаетъ: ни въ ту, ни въ другую, такъ какъ и защитники, и противники подлинности *Устава Св. Владиміра* впадаютъ въ одинаковую методологическую погрѣшность, которая мѣшаетъ имъ дать правильную постановку спорному вопросу. При рѣшеніи такого вопроса нельзя исходить изъ того начала что *старшій* списокъ даннаго памятника непремѣнно долженъ точнѣе и вѣрнѣе передавать черты своего оригинала, но съ другой стороны нельзя придавать рѣшающаго значенія и внѣшнему объему списковъ того или другого памятника и списки короткой редакціи признавать за болѣе близкіе къ своему прототипу, какъ то дѣлаетъ Неволинъ. Вторая и болѣе важная ошибка — смѣшеніе матеріальнаго содержанія и внѣшней, письменной формы *Устава Св. Владиміра*, такъ какъ содержаніе всякаго письменнаго памятника можетъ принадлежать одному лицу, а форма совершенно другому; примѣры этого А. С. Павловъ указалъ въ спискахъ *Русской Правды* Ярослава. Въ виду всего этого вопросъ о подлинности, или точнѣе о происхожденіи *Церковнаго Устава Св. Владиміра*, по мнѣнію А. С. Павлова, долженъ быть поставленъ такъ: содержатся ли въ этомъ памятникѣ такія постановленія, которыя съ полною или, по крайней мѣрѣ, съ достаточною вѣроятностью могутъ и должны быть приписаны Св. Владиміру, и если содержатся, то можно ли допустить,

что они уже самимъ Владиміромъ облечены были въ форму одного законодательнаго акта. На первый вопросъ историческая критика заставляетъ отвѣчать утвердительно, на второй отрицательно.

Далѣе, для провѣрки того и другого отвѣта, А. С. Павловъ сдѣлалъ подробный критико-историческій анализъ содержанія всего памятника, во всѣхъ его частяхъ, и изъ нихъ, между прочимъ, приходитъ къ убѣжденію, что „всѣ или почти всѣ постановленія, содержащіяся въ *Уставѣ Св. Владиміра,* могутъ быть съ достаточною, если не съ полною, вѣроятностью приписаны самому этому великому князю. Но они не были, за исключеніемъ постановленія о церковной десятинѣ, изданы самимъ Владиміромъ въ одномъ формальномъ законодательномъ актѣ, а даны въ непосредственныхъ личныхъ распоряженіяхъ равноапостольнаго Князя. Другими словами, памятникъ, извѣстный намъ подъ именемъ *Церковнаго Устава Св. Владиміра*, образовался такъ же, какъ и *Русская Правда*, не путемъ формальнаго законодательства, а путемъ частной кодификаціи нормъ церковной жизни, которыя, если не всѣ, то въ большей части, возникли еще во времена Св. Владиміра. Историческій процессъ образованія этого памятника закончился приблизительно тогда же, когда появился и позднѣйшій окончательный изводъ *Русской Правды*, къ концу XIII вѣка“ *).

2. С. О. Долговъ прочелъ докладъ, подъ заглавіемъ: — *Новый видъ „Пренія Живота и Смерти“ въ древне-русской письменности* (т. II, 28—33).

3. А. С. Будиловичъ прочиталъ докладъ:—*Къ вопросу о зарожденіи церковнославянскаго языка.*

Рѣшеніе этого вопроса затруднено, во-первыхъ, тѣмъ, что не сохранилось ни одного церковнославянскаго памятника не только IX, но и первой половины X в.; во-вторыхъ, послѣдовавшими въ періодъ времени съ конца IX по начало XI в. этнологическими переворотами, отразившимися на судьбѣ Славянъ малоазійскихъ, моравскихъ, дакійскихъ, паннонскихъ и др. При такихъ условіяхъ, возможно лишь приблизительное рѣшеніе этого вопроса, на основаніи, главнымъ образомъ, паннонскихъ житій и другихъ дополнительныхъ историческихъ источниковъ этой эпохи, дополняемыхъ и освѣщаемыхъ данными языковѣдѣнія. Изъ паннонскихъ же житій видно, что не Солунь, а Цареградъ былъ мѣстопребываніемъ Константина Философа въ годы его юношества и зрѣлаго возраста. Поэтому, въ условіяхъ жизни тогдашняго Цареграда нужно искать объясненій его глубокаго знакомства со славянскимъ языкомъ и сочувствія послѣднему. Между этими условіями самымъ важнымъ было нахожденіе въ Цареградѣ множества Славянъ, между которыми преобладающимъ элементомъ могли быть малоазійскіе, во множествѣ населявшіе тогда прилегавшую къ Пропонтидѣ Опсикію, въ одномъ изъ монастырей которой игуменствовалъ въ 850 году св. Меѳодій. Вотъ этихъ-то малоазійскихъ Славянъ, въ частности же игумена и иноковъ, основавшагося въ ихъ средѣ, Полихроніевскаго монастыря, и слѣдуетъ считать главными „споспѣшниками“ Константина Философа при установленіи

*) Ср. А. С. Павловъ: „Мнимые слѣды католич. вліянія въ древнѣйшихъ памятникахъ юго-славянскаго и русскаго церковнаго права“, гл IV (чт. Общ. Люб. Дух. Просв., 1892 г.).

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

имъ въ 862 году славянской азбуки и славянскаго перевода библейскихъ и богослужебныхъ книгъ. Составленный въ этой мѣстности текстъ послѣднихъ былъ затѣмъ перенесенъ Солунцами и ихъ учениками въ Великую Моравію; онъ послужилъ основой школъ велико-моравскихъ и литургическаго употребленія славянскаго языка въ Моравіи, съ прилегающими частями Чехіи, Словеніи и сѣверной Панноніи. Мѣсяцевъ чрезъ 40 своего пребыванія въ Велико-Моравіи, Солунцы съ учениками отправились въ Римъ посвящать учениковъ, причемъ они проходили Блатенское княжество и въ теченіе кратковременнаго тамъ пребыванія познакомили со своимъ языкомъ, книгами и службами князя Кацела и его подданныхъ въ Блатнѣ; но ни откуда не видно, чтобъ они совершили тамъ свой переводъ богослужебныхъ книгъ или хотя бы лишь приноровили его къ языку Славянъ паннонскихъ. Законченный въ Велеградѣ кругъ богослужебныхъ книгъ былъ затѣмъ освященъ въ Римѣ папой и сталъ каноническимъ для Славянъ Панноно-моравской архіепископіи. При св. Меѳодіи онъ не подвергался уже существеннымъ измѣненіямъ, а наоборотъ, вошелъ въ окончательный сводъ библейскихъ и богослужебныхъ книгъ, составленный подъ редакціей св. Меѳодія за нѣсколько лѣтъ до кончины. Провѣряя эти показанія паннонскаго житія и другихъ историческихъ источниковъ данными языковѣдѣнія, можно найти въ послѣднихъ полное подтвержденіе первыхъ. Основой уцѣлѣвшихъ редакцій церковно-славянскаго языка служитъ такой текстъ, который по научнымъ формальнымъ, лексическимъ, синтаксическимъ и фразеологическимъ особенностямъ не совпадаетъ ни съ однимъ изъ уцѣлѣвшихъ славянскихъ нарѣчій, хотя и приближается всего болѣе къ разнорѣчіямъ болгаро-ѳрако-македонскимъ. Текстъ этотъ, по всей вѣроятности, соотвѣтствуетъ рѣчи Славянъ малоазійскихъ, насколько можно заключить о нихъ по скуднымъ остаткамъ мѣстной и личной терминологіи у византійскихъ писателей, особенно Константина Багрянороднаго. Соотвѣтствіе это несравненно значительнѣе, чѣмъ то, какое могло существовать между Кирилло-Меѳодіевымъ языкомъ и говорами Славянъ паннонскихъ, примыкавшими къ нарѣчіямъ сѣверо-западнымъ въ верхней Панноніи и къ юго-западнымъ въ Панноніи южной или нижней. На этомъ основаніи и слѣдуетъ предпочитать теорію малоазійскаго происхожденія церковно-славянскаго языка теоріямъ македонской, паннонской или инымъ. Что касается возраженій о странности такого экстерриторіальнаго образованія церковно-славянскаго языка, то докладчикъ указалъ на аналогичныя условія возникновенія древнѣйшихъ образцовъ языка греческаго (Гомеръ) въ заморской Іоніи, языка итальянскаго въ Сициліи, на половину арабской при Гогенштауфенахъ, нѣмецкаго въ Чешской Прагѣ при Карлѣ IV и даже новорусскаго въ петербургскій періодъ нашей исторіи

Ѳ. Е. Коршъ: Я, къ сожалѣнію, въ этомъ случаѣ застигнутъ врасплохъ, и у меня нѣтъ фактическихъ данныхъ для возраженія; поэтому я долженъ буду ограничиться нѣсколькими общими положеніями. Я начну съ конца, а именно съ тѣхъ аналогій, которыя привелъ докладчикъ въ доказательство того, что литературное нарѣчіе образуется и за предѣлами территоріи даннаго языка. Аналогіи греческаго языка я не понимаю. Можно ли сказать, что литературный греческій языкъ зародился въ Азіи, а не въ Греціи? Если мы будемъ говорить объ общемъ литератур-

номъ языкѣ, то мы должны отмѣтить въ письменности Грековъ то явленіе, что у нихъ такого языка не было. Греческая литература замѣчательна между прочимъ и въ томъ отношеніи, что каждый родъ ея сохранилъ за собой и впослѣдствіи нарѣчіе той части греческаго племени, среди котораго этотъ родъ зародился. Указывать на іонійское нарѣчіе, какъ на книжное нарѣчіе Грековъ, мы не имѣемъ никакого основанія. Что касается итальянскаго литературнаго языка, то я не думаю, чтобы было намъ необходимо выводить его изъ „на половину арабской" Сициліи: въ языкѣ Данта нѣтъ сицилійскихъ элементовъ, а главная основа его—тосканское нарѣчіе. Относительно языка ново-верхне-нѣмецкаго намъ не нужно прибѣгать къ чешской канцеляріи Карла IV. Также и по отношенію къ церковно-славянскому языку, который сталъ на время языкомъ значительной части Славянъ, не думаю, чтобы намъ нужно было ходить за нимъ въ Азію. Это—экскурсія опасная, потому что о нарѣчіи азіатскихъ Славянъ мы не имѣемъ понятія. Мы можемъ, даже, если дѣло пошло на гипотезы, указать на нѣкоторые остатки какого-то очень древняго нарѣчія на Балканскомъ полуостровѣ, которое раздѣляло одну особенность балтійскихъ нарѣчій, а именно: сочетаніе *о (а) + плавная* оно сохраняло безъ измѣненія. Сюда относится имя города Варна, которое есть не что иное, какъ церковно-славянское *врана*, русское *ворона*. Въ ново-греческомъ языкѣ есть слово *βάλτος*, что значитъ болото: это слово славянскаго происхожденія—церковно-славянское *блато*, русское *болото*. Не была ли эта особенность свойственна и нарѣчію азіатскихъ Славянъ? Это есть не болѣе, чѣмъ возможность, потому что объ этомъ нарѣчіи мы не знаемъ ничего.—Константинъ является въ Панноніи и проповѣдуетъ. Съ какимъ нарѣчіемъ онъ явился туда? Докладчикъ говоритъ, что онъ проповѣдовалъ на томъ нарѣчіи, которое онъ зналъ. Это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; но если онъ проповѣдовалъ на томъ нарѣчіи, которое онъ зналъ, и если его понимали, то это должно свидѣтельствовать о значительной близости того нарѣчія, на которомъ онъ говорилъ, съ тѣмъ нарѣчіемъ, на которомъ говорилъ народъ, слушавшій его проповѣдь. Какъ ни близки славянскія нарѣчія одно къ другому, все-таки не всѣ они одинаково понятны всѣмъ Славянамъ. Если бъ сюда явился ораторъ Чехъ или Полякъ, я не думаю, чтобъ рѣчь его встрѣтила особенно много понимающихъ. Въ IX в. славянскія нарѣчія должны были быть между собою гораздо ближе нежели теперь; но во всякомъ случаѣ діалектическая разница должна была существовать и тогда. Если бы въ томъ мѣстѣ, гдѣ началась проповѣдь первоучителей было нарѣчіе западнаго типа, то, какъ ни далекъ отъ насъ IX вѣкъ, во всякомъ случаѣ между тѣмъ нарѣчіемъ, которое принесъ Кириллъ, и нарѣчіемъ его аудиторіи должна была бы быть разница довольно значительная. Могли ли первоучители навязать свое нарѣчіе тѣмъ, кому они проповѣдывали? Этого я не полагаю. Я думаю, что церковно-славянскій языкъ въ такой относительной чистотѣ, въ какой мы его находимъ во всѣхъ церковно-славянскихъ памятникахъ, не могъ бы удержаться, если бы существовала значительная разница между нарѣчіями проповѣдниковъ и ихъ слушателей. Не естественнѣе ли предположить, что нарѣчіе, съ которымъ пришли первоучители, и нарѣчіе тѣхъ, къ кому они пришли, были близки другъ къ другу и что область южно-славянскихъ нарѣчій, къ

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

которымъ принадлежитъ языкъ церковно-славянскій, была прежде гораздо обширнѣе, нежели теперь? Какъ извѣстно, существуютъ двѣ теоріи относительно того, какому славянскому племени принадлежитъ церковно-славянскій языкъ, теоріи: болгарская и паннонская. Первая изъ нихъ не нуждается въ особомъ обоснованіи: церковно-славянскій языкъ съ болгарскимъ языкомъ представляетъ большое сходство; въ звуковомъ отношеніи оно доходитъ почти до тожества. Что касается теоріи паннонской, то, дѣйствительно, я съ докладчикомъ согласенъ въ томъ отношеніи, что церковно-слав. яз. не есть языкъ древнихъ Словенцевъ; но нѣчто общее въ ново-словенскомъ языкѣ съ церковно-славянскимъ — есть не столько въ формахъ, сколько въ словарѣ; въ обоихъ языкахъ встрѣчаются такія общія слова, которыхъ нигдѣ больше нельзя найти, напримѣръ: *рѣсьнъ*—resen, истинный, а въ словенскомъ и коренное rés—истина. Если выбирать между племенами, нынѣ живущими, такія, о правахъ которыхъ на церковно-славянскій языкъ можно говорить, то тутъ можетъ быть колебаніе только между двумя племенами: Болгарами и Словенцами. Нельзя ли поэтому предположить, что нѣкогда то племя, изъ котораго вышли Болгары, съ другой стороны—нынѣшніе Словенцы, прежде составляли нѣчто одно, и что оно было широко распространено въ сѣверо-восточной части Балканскаго полуострова и въ южной части Австріи? Впослѣдствіи это племя было разорвано — какъ и чѣмъ, я этого не знаю; можетъ быть причиною этого разрыва было вторженіе Сербовъ. Въ такомъ случаѣ въ тѣ отдаленныя времена Славяне Панноніи могли говорить языкомъ еще очень близкимъ къ языку Славянъ, жившихъ въ Болгаріи и Македоніи. Предположеніе исконнаго единства этихъ племенъ допустить гораздо естественнѣе, чѣмъ азіатскую гипотезу. У насъ есть даже нѣкоторыя данныя на это: болгарскій языкъ мы можемъ преслѣдить отъ нашихъ временъ до такъ называемаго средне-болгарскаго, и на этой ступени развитія этого языка мы находимъ въ немъ замѣчательное сходство съ церковно-славянскимъ языкомъ. Зачѣмъ же намъ обращаться къ неизвѣстнымъ азіатскимъ Славянамъ? Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ предположить, что языкъ первоучителей былъ очень близокъ къ языку тѣхъ, къ которымъ они явились съ проповѣдью впервые.

А. С. Будиловичъ, защищая свои положенія, высказалъ, что греческій литературный языкъ, хотя и развиваясь діалектически, пришелъ къ образованію одного, общаго литературнаго языка, который и утвердился въ Греціи. Относительно итальянскаго языка Данте говоритъ, что продолжаетъ писать тѣмъ языкомъ, который зародился въ Палермо, а это былъ искусственный языкъ, соединеніе провансальскаго и италійскаго; относительно нѣмецкаго языка, Лютеръ указываетъ, что пишетъ языкомъ императорской канцеляріи. Гипотезы о южно-славянскомъ нарѣчіи не имѣютъ отношенія къ исторіи церковно-славянскаго языка, ибо онъ не здѣсь развивался; въ отношеніи же къ языку цареградскихъ славянъ эти гипотезы имѣютъ значеніе. Относительно того, на какомъ языкѣ могъ говорить Константинъ-философъ въ Великоморавіи, надо имѣть въ виду, что преданіе не повѣствуетъ, что онъ сталъ говорить по-церковно-славянски: говорится, что онъ завелъ школы,—а языкъ школьный не есть непремѣнно языкъ, на которомъ говоритъ народъ. Стоитъ посмотрѣть

на русскія школы въ Царствѣ Польскомъ, чтобы видѣть, съ какой легкостью одни Славяне изучаютъ языкъ другихъ вѣтвей. Время до пришествія сербо-хорватовъ надо отнести къ V вѣку: но рѣчь идетъ о IX вѣкѣ, когда въ Панноніи уже не могло быть общаго съ Болгарами языка.

М. С. Дриновъ прочелъ докладъ: „*Сказаніе о Святогорѣ и тягѣ земной въ южно-славянской народной поэзіи*“ (т. II, 10—19).

Въ этотъ день вечерняго засѣданія не было, такъ какъ Московскій Городской голова, Н. А. Алексѣевъ давалъ въ зданіи Городской Думѣ обѣдъ отъ имени города Москвы въ честь Съѣзда, пригласивъ всѣхъ должностныхъ лицъ и депутатовъ и большинство членовъ Съѣзда. Гостей встрѣчалъ и принималъ радушный хозяинъ съ своей супругой, сообщая одушевленное оживленье пиру, тостамъ и бесѣдѣ.

Въ тотъ же день, въ 10 час. веч., у Московскаго Генералъ-Губернатора, князя В. А. Долгорукова, состоялся обычный новогодній раутъ, на который были также приглашены и всѣ члены Съѣзда.

---

15 января. 2 часа дня.

Общее Засѣданіе.

Почетный Предсѣдатель Баронъ Ѳ. А. Бюлеръ.

1. Ѳ. И. Буслаевъ сдѣлалъ два сообщенія: а) *Первое дополненіе къ „Лицевому Апокалипсису“ Буслаева,* и б) *Стилизація ландшафта въ русскихъ рукописныхъ миніатюрахъ* (т. II, 1—9).

Передъ началомъ чтеній и по окончаніи каждаго изъ нихъ единодушныя и долгія рукоплесканія привѣтствовали высокочтимаго лектора, а во время выхода его изъ залы общія чувства глубокаго уваженія и признательности къ нему нашли себѣ выраженіе въ восторженной и продолжительной оваціи, среди которой Ѳ. И., остановившись, краткими словами благодарилъ своихъ слушателей.

2. В. И. Модестовъ прочелъ докладъ *Объ одной изъ мѣръ къ поднятію археологическаго образованія въ Россіи*, въ которомъ ознакомилъ членовъ Съѣзда съ давно лелѣянною имъ мыслью о настоятельной необходимости открытія Археологическаго Института для русскихъ въ Римѣ и Аѳинахъ. (Томъ III, 303—306).

Г. Л. Скадовскій: Я не могу согласиться съ почтеннымъ докладчикомъ и вотъ почему:

На выставкѣ, въ моемъ отдѣлѣ, вы найдете карту Херсонскаго уѣзда между Днѣпровскимъ лиманомъ, изъ которой вы увидите, что количество кургановъ на Югѣ настолько велико, что недостаточно одной версты въ дюймѣ, чтобы изобразить всѣ курганы. Нашъ Югъ представляетъ не только для Россіи, но и для Западной Европы громаднѣйшій интересъ, даже большій, чѣмъ Сѣверная Россія для Западной Европы.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Я удостовѣряю, что черезъ 10 лѣтъ останется десятая доля тѣхъ кургановъ которые находятся у насъ. Время не терпитъ, и если мы будемъ ходатайствовать объ устройствѣ и образованіи института за границей, то мы потеряемъ то, что мы имѣемъ. Время не ждетъ! Мнѣ кажется, намъ необходимо не задаваться предложенной далекой цѣлью, а разработать нашъ матеріалъ у насъ, для чего есть частныя Общества, очень бѣдныя, къ сожалѣнію, за исключеніемъ Московскаго Археологическаго. Кромѣ того, мы имѣемъ много университетовъ, которые не обладаютъ достаточными средствами, чтобы разработывать матеріалъ археологическій. Если нужно о чемъ хлопотать, то о томъ, чтобы давать нашимъ Обществамъ и университетамъ средства для разработки матеріала. Если наши университеты будутъ обладать средствами для того, чтобы разработывать матеріалъ, если каждый университетъ раскопаетъ 20 кургановъ въ годъ, то въ 10 лѣтъ раскопаетъ 200 кургановъ, а у насъ нѣсколько университетовъ! Наши профессора достаточно подготовлены для разработки матеріала, и они создадутъ контингентъ лицъ, чтобы двигать науку впередъ. Вмѣсто того, чтобы посылать деньги заграницу, вы можете посылать профессоровъ заграницу.

И. В. Цвѣтаевъ: Мнѣ кажется, что возраженіе, сдѣланное сейчасъ, совсѣмъ не соотвѣтствовало докладу, нами выслушанному. У насъ нуждъ много, и каждый имѣетъ право говорить о своихъ нуждахъ. Устройство пріютовъ для нашихъ молодыхъ силъ въ Римѣ и Аѳинахъ безусловно необходимо. Необходимость эту сознавалъ изъ насъ каждый, кому счастливая судьба приводила жить тамъ. Много времени мы теряемъ совершенно даромъ, явившись туда, потому что мы люди тамъ совершенно чужіе. На первое время намъ не хватаетъ ни книгъ, ни людей, которые бы нами руководили и, если мы пользуемся этими руководствами и книгами въ нѣмецкомъ Археологическомъ Институтѣ, во Франц. Академіи Художествъ, то этимъ мы обязаны только любезности хозяевъ. Мы можемъ, напримѣръ, тамъ, при самыхъ лучшихъ симпатіяхъ и отношеніяхъ, все-таки многаго не найти, потому что книги и спеціальныя изданія въ настоящее время находятся по рукамъ тѣхъ лицъ, которые составляютъ Институтъ. Въ особенности это важно и надо имѣть въ виду въ вопросахъ интересныхъ: книги разобраны и, при самыхъ лучшихъ отношеніяхъ къ намъ, мы пользоваться этимъ матеріаломъ не можемъ. Едва ли входитъ въ нашу компетенцію, насколько будетъ дорого завести такія учрежденія въ Римѣ и Аѳинахъ. Мы можемъ высказать только пожеланіе, и, можетъ быть, почтенный пр. Модестовъ согласится, что, чѣмъ желанія наши будутъ умѣреннѣе, тѣмъ, можетъ быть, мы подойдемъ къ цѣли ближе. Едва ли возможно мечтать въ скоромъ времени, какъ говоритъ и докладчикъ, объ учрежденіи полнаго Института. Для этого 10.000 р. въ годъ мало. Устройство библіотеки стоитъ много, а еще надо помѣщеніе. Институтъ не составляется только изъ директора и помощника, а онъ составляется изъ молодыхъ людей, которыхъ должно быть достаточно, чтобы Институтъ двигался.

Можетъ быть, какъ переходную стадію отъ того, чего мы не имѣемъ теперь, къ тѣмъ идеальнымъ учрежденіямъ, которыя имѣетъ въ виду докладчикъ, можетъ быть, эту переходную стадію составитъ учрежденіе нѣсколькихъ постоянныхъ, приблизительно 6—7 стипендій, для лицъ, которыя отправляются туда; но пусть бы только

эти лица отправлялись каждый годъ и работали тамъ подъ руководствомъ хотя одного руководителя, какъ въ Аѳинахъ, такъ и въ Римѣ, которые бы предварительно хорошо ознакомились съ матеріалами и помогали молодымъ людямъ на первыхъ порахъ. Безъ этого руководства успѣхъ нашихъ молодыхъ археологовъ весьма затрудненъ. Я не говорю о томъ, что далеко не всѣ молодые люди, отправляемые за границу для изученія классической филологіи, изучаютъ Аѳины и Римъ. Филологамъ, какъ и археологамъ необходимо личное знакомство съ Греціей и Италіей. Кто не бывалъ на Акрополѣ, тотъ не видалъ Греціи. Этой обстановки, въ которой человѣкъ оказывается, попавши на Акрополь, никакія фотографіи не передадутъ. Непосредственное знакомство съ памятниками даетъ такъ много, какъ я не возьму на себя смѣлость здѣсь высказать.

Д. Н. Анучинъ: Д. Я. Самоквасовъ просилъ замѣтить, что для знанія южнорусскихъ древностей очень важно изученіе памятниковъ классической древности и что учрежденіе Института очень много значитъ въ этомъ отношеніи.

Н. В. Покровскій: Кому лично приходилось имѣть дѣло съ памятниками древности и кто былъ въ Римѣ, тотъ знаетъ, съ какими неудобствами сопряжены эти занятія. Являешься въ чужой городъ, въ чужую среду, тратится очень много времени, прежде чѣмъ можно приступить къ занятіямъ. Это продумали тѣ люди, которыя это испытали. Я признаю въ принципѣ безусловно необходимымъ и полезнымъ учрежденіе Института. Кромѣ древностей классической археологіи, я долженъ указать на область древне-христіанской археологіи. Почти ежегодно являются въ Римъ молодые люди, которыя занимаются этой археологіей. Послѣднее время въ Римѣ живутъ наши русскіе художники, являются даже женщины, для которыхъ поддержка существенно необходима. Полагаю, что вопросъ о пользѣ учрежденія Института въ Римѣ не можетъ подлежать возраженію. Что касается Аѳинъ, то учредить подобный Институтъ лучше въ Константинополѣ, такъ какъ Греція, а въ частности Константинополь, представляетъ для насъ, помимо научнаго интереса, еще интересъ другого рода. Памятники нашей русской старины и памятники письменности стоятъ въ связи съ памятниками византійскими, а такими памятниками болѣе богатъ Константинополь, чѣмъ Аѳины, и положеніе его по отношенію къ памятникамъ ближе, чѣмъ въ Аѳинахъ. Тема эта будетъ дополнена во время доклада П. Б. Мансурова.

А. А. Дмитріевъ: Мысль пр. Модестова--прекрасная, и въ общемъ я всецѣло присоединяюсь къ этой мысли, но въ частностяхъ я разойдусь, какъ съ мыслью В. И., такъ и съ мыслью пр. Покровскаго.

Дѣйствительно, учрежденіе археологическаго Института заграницей безспорно полезно въ интересахъ русской науки. Отрицать этого не будетъ никто, кто хотя разъ очутился въ положеніи заграничнаго путешественника изъ русскихъ.

В. И., какъ представитель классической науки въ Россіи и въ частности латинскаго языка и его литературы, проэктируетъ учрежденіе такого Института въ Римѣ и отдѣленія его въ Аѳинахъ. Н. В. Покровскій, какъ представитель древней церковной археологіи и, въ частности, византійской, проектируетъ учрежденіе Института въ Константинополѣ, гдѣ сосредоточены памятники византійскіе. Мнѣ думается, ни

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

то, ни другое мѣсто неудобно для учрежденія Института. Не лучше ли будетъ избрать Аѳины, и вотъ на какомъ основаніи: Аѳины, въ смыслѣ изученія древностей представляютъ пунктъ центральный. Никто не станетъ отрицать изъ представителей классической римской литературы, что громадное значеніе оказала на классическую римскую архитектуру и римское искусство именно искусство Аѳинъ, Эллады. Съ другой стороны, въ Аѳинахъ потребуется меньше средствъ для учрежденія Института, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ,—я уже не говорю о Константинополѣ и о Римѣ.

Въ Аѳинахъ мы имѣемъ представительницу нашей Россіи въ лицѣ Ея Величества Королевы Эллиновъ, которая съ благоволеніемъ относится къ русскимъ, кто бываетъ въ Аѳинахъ. При Ея поддержкѣ можно всегда имѣть свободу для изученія археологическихъ памятниковъ, и въ Ученомъ Институтѣ, и въ разныхъ Отдѣленіяхъ. Въ Аѳинахъ имѣется Институтъ древностей нѣмецкихъ, Институтъ французскій, издаются археологическіе журналы на французскомъ, нѣмецкомъ и греческомъ языкахъ. Все это такія средства, которыя помогутъ намъ въ изученіи классическихъ древностей. Ничего подобнаго нѣтъ въ Константинополѣ. Тамъ намъ придется все начинать съизнова. Мы не имѣемъ тамъ, напримѣръ, библіотеки, которая бы помогала при изученіи классическихъ древностей. Въ Аѳинахъ мы имѣемъ библіотеку названныхъ учрежденій, библіотеку тамошняго Института, хорошо устроенную и предоставленную ученымъ, пріѣзжающимъ изъ Россіи; тамъ есть еще библіотека парламента, которая содержитъ сочиненія по византійскимъ древностямъ. Безспорно, и количество средствъ, и удобство изученія археологическихъ памятниковъ и центральное положеніе Аѳинъ, дѣлаютъ Аѳины мѣстомъ пригоднымъ для учрежденія Института. Оттуда весьма легко перебраться въ Солунь, на Аѳонъ, оттуда 2 дня ѣзды въ Александрію и въ Каиръ, гдѣ много древностей, а отъ Александріи всего однѣ сутки ѣзды до Палестины. Я бы полагалъ, если наше Правительство осуществитъ мысль всѣхъ серьезно мыслящихъ объ учрежденіи Института, то самымъ подходящимъ мѣстомъ былъ бы городъ Аѳины.

В. И. Модестовъ: Я хотѣлъ возбудить мысль о томъ, что нужно учредить археологическій Институтъ въ Римѣ съ Отдѣленіемъ въ Аѳинахъ. Я очень благодаренъ тѣмъ членамъ Съѣзда, которые поддержали эту мысль и очень пріятно было слышать, что такое учрежденіе совершенно необходимо. Все это говорили люди, которые сами были въ Римѣ или въ Аѳинахъ, и говорили они не съ чужихъ словъ, а по собственному опыту. Я не думаю, чтобы эта мысль скоро была приведена въ исполненіе, и поэтому я въ своемъ докладѣ ограничился только общимъ развитіемъ этой идеи, нисколько не налегая на подробности. Можно открыть археологическій Институтъ въ Римѣ и Отдѣленіе въ Аѳинахъ: можно открыть Археологическій Институтъ въ Аѳинахъ, а Отдѣленіе въ Римѣ. Никто изъ насъ, защищающихъ учрежденіе Института въ томъ, или другомъ городѣ, не будетъ спорить о томъ, чтобы преимущество было отдано непремѣнно Риму или Аѳинамъ. Всѣ соображенія заставляютъ насъ сдѣлать центромъ Римъ, а не Аѳины, но могутъ быть и другія соображенія, которыя могутъ сдѣлать центромъ Аѳины. Что касается Константинополя, то эта тема не входитъ въ наши соображенія. Мы имѣемъ въ виду ту археологію, которая должна давать

тонъ вообще археологическимъ древностямъ, т. е. ту археологію, которая превосходно разработана. Для археологіи религіозно-церковной, быть можетъ, есть и еще соображенія, о которыхъ въ настоящемъ случаѣ нельзя распространяться. Я согласенъ съ тѣмъ, что открытіе подобнаго учрежденія въ Константинополѣ также вызывается существенною надобностью; но не слѣдуетъ тѣмъ, кто согласенъ съ нами въ общемъ, затруднять дѣло, затемнять идею подставленіемъ Константинополя. Это идетъ своимъ чередомъ и имѣетъ своихъ защитниковъ и скорѣй осуществится, чѣмъ тѣ учрежденія, которыя я проэктировалъ.

3. В. Т. Георгіевскій прочелъ докладъ *О преподаваніи археологіи въ духовныхъ семинаріяхъ и объ устройствѣ епархіальныхъ археологическихъ музеевъ.*

Докладчикъ указалъ на грустное явленіе, засвидѣтельствованное еще, между прочимъ, на I Археологическомъ Съѣздѣ, что памятники древности исчезаютъ съ каждымъ годомъ все болѣе. Противъ этого изыскивались разныя мѣры, изъ которыхъ самою вѣрной признано—возбужденіе въ обществѣ интереса къ древностямъ посредствомъ широкаго распространенія въ немъ археологическихъ знаній. Къ числу этихъ средствъ относится и преподаваніе церковной археологіи въ семинаріяхъ. Важное значеніе ея въ дѣлѣ богословскаго образованія несомнѣнно уже потому, что она должна развивать въ ученикахъ не только любовь къ церковной старинѣ, но и уваженіе ко всему церковному, и можетъ дать священникамъ сильное оружіе для борьбы съ расколомъ, гдѣ археологія составляетъ принципіальную основу. Ученымъ академикомъ Ѳ. И. Буслаевымъ указана и другая сторона вопроса, что изученіе церковной археологіи принесло бы большую пользу русскому православному церковному искусству иконографіи, находящемуся въ упадкѣ вслѣдствіе отсутствія въ духовенствѣ и художникахъ археологическихъ знаній. Мнѣніе это оказывается, такимъ образомъ, не новымъ, но, къ сожалѣнію, общее желаніе не осуществилось до сихъ поръ. Только въ духовныхъ академіяхъ археологія входитъ въ учебные предметы. Всѣ прежніе доводы, приводившіеся въ защиту преподаванія археологіи, сохраняютъ свою силу и до сихъ поръ. Памятники церковной старины, въ глухихъ мѣстечкахъ и селахъ, несмотря на бдительный надзоръ археологическихъ обществъ, благодаря отсутствію у священниковъ и вообще у духовенства археологическихъ знаній, уничтожаются и будутъ уничтожаться до тѣхъ поръ, пока духовенство не выучится отличать древнее отъ новаго, цѣнное отъ неимѣющаго никакой цѣны, и любить церковную старину. Древніе, бѣдные иконостасы и, въ особенности, древнія иконы почти повсемѣстно неумѣло поновляются, а часто и совсѣмъ уничтожаются, замѣняясь произведеніями новѣйшихъ „живописцевъ“ въ угоду всякаго „ревнителя благолѣпія храма“, несмотря на всѣ мѣры археологическихъ Обществъ, направленныя къ охраненію произведеній древне-русской иконографіи. Нерѣдко церковная утварь, ветхія церковныя облаченія, шитыя золотомъ и серебромъ пелены, воздухи и т. п. продаются за безцѣнокъ на выжигу особымъ ходебщикамъ изъ крестьянъ Московской губерніи, Подольскаго уѣзда, гдѣ цѣлыя волости занимаются металлическимъ церковнымъ производствомъ. Необходимость археологическихъ знаній для священниковъ, въ приходахъ съ раскольниками, признается всѣми опытными миссіонерами. Споры о четырехконечномъ крестѣ,

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

перстосложеніи, имени Іисуса и пр. всего проще рѣшаются при помощи церковно-археологоческаго знанія памятниковъ. Итакъ, преподаваніе церковной археологіи въ семинаріяхъ въ настоящее время необходимо и возможно, болѣе чѣмъ прежде. Но преподаваніе это можетъ быть успѣшно только при наглядномъ ознакомленіи съ древними памятниками, а потому необходимо устройство епархіальныхъ музеевъ древностей, а ихъ можно устроить безо всякихъ крупныхъ издержекъ. На подобныхъ основаніяхъ существуютъ учрежденныя духовными братствами древнехранилища во Владимірѣ-на-Клязьмѣ, Владимірѣ-Волынскомъ и др. Составляются они изъ пожертвованій церквей, духовенства и пр. Могутъ быть открыты музеи и при семинаріяхъ, только нужно устраивать ихъ по извѣстному плану, соотвѣтственно педагогическимъ цѣлямъ. Сюда должны входить, кромѣ россійскихъ древностей, снимки съ различныхъ русскихъ, классическихъ и иныхъ древностей архитектурныхъ, скульптурныхъ и т. п. При своевременныхъ успѣхахъ фотографіи, фототипіи и хромолитографіи все это удобоисполнимо и не потребуетъ крупныхъ затратъ. Нѣкоторые памятники могутъ постепенно пріобрѣтаться въ гипсовыхъ снимкахъ, и лишь немногіе въ подлинникахъ, если можно достать ихъ пожертвованіями. Деньги на устройство такихъ музеевъ можно достать путемъ подписки, пожертвованій отъ любителей русской старины Нѣкоторыя рѣдкости, ненужныя въ церковномъ богослуженіи, можно брать на храненіе. При существованіи такихъ музеевъ, наука археологіи будетъ поставлена на надлежащую высоту и возбудитъ въ учащихся сильный интересъ и любовь къ русской старинѣ на всю жизнь. Тогда прекратится слѣпой вандализмъ и перестанутъ мѣнять старинные иконостасы на новые въ стилѣ рококо, съ итальянскою живописью сентиментальныхъ сюжетовъ. Любовь къ церковной археологіи разовьетъ любовь и къ археологіи вообще, и духовенство явится дѣятельнымъ помощникомъ археологическихъ Обществъ. Въ заключеніе докладчикъ высказалъ пожеланіе, чтобы VIII Археологическій Съѣздъ ходатайствовалъ предъ Св. Синодомъ о введеніи археологіи въ видѣ самостоятельнаго предмета въ семинаріяхъ.

А. А. Титовъ: Г. Георгіевскій говоритъ, что когда будетъ расширена въ семинаріяхъ программа преподаванія церковныхъ древностей, то явится черезъ это любовь къ охраненію памятниковъ старины. Но на дѣлѣ, мы встрѣчаемъ явленія, что въ средѣ духовенства даже члены ученыхъ Обществъ, получающіе изданія этихъ Обществъ и сочувствующіе, повидимому, имъ, оказываются сами большими разрушителями старины. Что касается до того, чтобы собирать церковные музеи, это значитъ уничтожать послѣдніе остатки старины. Мы видѣли, какъ ризницы распродавались чуть не жидамъ. Въ Рязани распродавались церковныя вещи по опредѣленію епархіальнаго начальства. Ея сіятельство графиня была недавно въ Нижнемъ и хотѣла посмотрѣть епархіальный музей, но не могла туда попасть, потому что все было загорожено. Надо стараться, чтобы не было епархіальныхъ музеевъ, а чтобы были только городскіе музеи.

В. Т. Георгіевскій: Говоря объ устройствѣ епархіальныхъ музеевъ, я не думалъ говорить о кастовыхъ музеяхъ, а говорилъ вообще объ учрежденіи музеевъ въ епархіяхъ. Мнѣ хотѣлось высказать эту мысль въ виду того, что памятники гибнутъ,

и лучше ихъ сохранять въ музеяхъ, чѣмъ по отдѣльнымъ церквамъ, гдѣ они легко могутъ уничтожаться и порой продаваться жидамъ, какъ говоритъ г. Титовъ.

Въ дополненіе къ докладу В. Т. Георгіевскаго Д. А. Струковъ подалъ слѣдующее письменное мнѣніе:

Исчезновеніе древнихъ памятниковъ есть постоянное явленіе допускаемое лицами, которыя должны бы охранять ихъ, но или не сознаютъ значенія памятниковъ старины вообще, или не умѣютъ отличить предметы, имѣющіе цѣнность, отъ неимѣющихъ ея. Такъ какъ на рукахъ духовенства, завѣдывающаго православными храмами, хранится весьма значительное число предметовъ, заслуживающихъ вниманія съ точки зрѣнія археологической, то, съ одной стороны, несомнѣнно слѣдуетъ духовныхъ лицъ ознакомлять съ археологіей и ознакомлять именно на ученической скамьѣ, а съ другой, слѣдуетъ положить предѣлъ произволу, какой нынѣ господствуетъ при продажѣ вещей, ненужныхъ для церкви, записанныхъ и не записанныхъ въ описи. Въ настоящее время процессъ исчезновенія древнихъ предметовъ происходитъ иногда отъ усердія старосты церковнаго—замѣнить старое новымъ; а также, если есть на чердакѣ или гдѣ-либо при церкви предметы, поломанные или порванные, записанные въ опись, то священникъ со старостою испрашиваютъ въ консисторіи разрѣшенія продать ихъ, какъ предметы не заслуживающіе вниманія,—и разрѣшеніе почти всегда слѣдуетъ безпрепятственно; а для покупокъ такихъ предметовъ существуютъ артели покупщиковъ, которые обыкновенно являются еще прежде, чѣмъ испрашивается разрѣшеніе на продажу; по полученіи же разрѣшенія на продажу вещей, занесенныхъ въ опись, одновременно, за ничто, пріобрѣтаются и предметы, по ветхости не состоящіе въ описи. Этотъ способъ примѣняется не только въ селахъ и въ провинціальныхъ городахъ, но и въ самой Москвѣ.

Для предотвращенія исчезновенія памятниковъ старины этимъ путемъ, позволяю себѣ представить слѣдующія предложенія:

1. Въ каждомъ приходѣ безъ изъятія воспретить священникамъ и старостамъ самолично опредѣлять предметы, достойные продажи; прежде, чѣмъ будетъ испрашиваться разрѣшеніе на продажу, предметы, по мнѣнію священника и старосты ненужные, должны быть показаны прихожанамъ, получившимъ образованіе, или въ виду избѣжанія затрудненій — членамъ особаго комитета, который слѣдуетъ образовать при каждомъ благочиніи, изъ нѣсколькихъ лицъ, получившихъ образованіе; всѣ члены такого комитета должны быть снабжены печатнымъ руководствомъ по примѣру „Записки для изслѣдованія древностей", изданной Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ Обществомъ; эти же лица должны производить и провѣрки описей церковныхъ.

2. Скупщикамъ предметовъ церковныхъ выдавать на право покупокъ свидѣтельство отъ какого-либо Археологическаго Общества, которому скупщикъ обязуется сообщить, гдѣ и что онъ скупилъ; торговлю скупщиковъ обусловливать особымъ контролемъ Археологическихъ Обществъ или Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій.

Позволю себѣ указать нѣсколько примѣровъ для характеристики настоящаго положенія:

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

1) Въ церкви села Воронцова, въ 3 верстахъ отъ Москвы, въ описи значилось: „образъ Спасителя, писанъ на матеріи". Оказалось, что это — точное изображеніе знамени князя Пожарскаго, которое и поступило, но лишь послѣ большихъ, усиленныхъ хлопотъ, въ Оружейную Палату, между тѣмъ какъ предназначалось въ продажу скупщикамъ за 10 рублей.

2) Въ церкви села Перова подъ Москвою значилась по записи завѣса ветхая, писанная—оказавшаяся хоругвью Витебскаго воеводства 1648 г.; хоругвь эта, коей грозило уничтоженіе, поступила также въ Оружейную Палату.

3) Въ Екатерининской пустыни подъ Москвою значившаяся въ описи пелена оказалась жалованнымъ знаменемъ съ серебрянымъ шитьемъ, изъ эпохи Отечественной войны—и нынѣ хранится въ Оружейной Палатѣ.

Если такія явленія не рѣдкость и подъ стѣнами Москвы, и въ самой Москвѣ, то чего ждать отъ провинціи и селеній? Если не будутъ приниматься должныя мѣры, то намъ грозитъ, что и тѣ немногіе остатки, которые цѣлы, перейдутъ въ руки скупщиковъ, а пройдя черезъ ихъ руки, и не всегда попадутъ въ мѣста, доступныя изслѣдователямъ старины, и, что особенно важно, окажутся безъ историческихъ данныхъ о своемъ происхожденіи.

---

15 января. 8 час. вечера.

ОТДѢЛЕНІЕ I. Древности первобытныя.

Почетный предсѣдатель А. П. Богдановъ.
Предсѣдатель Отдѣленія Д. Н. Анучинъ.
Секретарь Отдѣленія Н. Л. Гондатти.

Открывая засѣданіе, А. П. Богдановъ сообщилъ, что 10-го февраля имѣетъ чествоваться въ Парижѣ 80-лѣтній юбилей жизни и 50-лѣтній—докторства извѣстнаго антрополога, профессора Катрфажа, члена многихъ русскихъ ученыхъ Обществъ и бывшаго гостя Россіи и Москвы, и предложилъ почтить маститаго ученаго поздравительной телеграммой отъ имени Съѣзда. Собраніе выразило полное и живое сочувствіе этому предложенію.

Затѣмъ А. П. Богдановъ представилъ вниманію Съѣзда послѣдніе выпуски трудовъ антропологическаго отдѣла Общества Любителей Естествознанія, въ которыхъ помѣщены три работы молодого ученаго, недавно избраннаго секретаремъ этого отдѣла, А. Н. Харузина („Киргизы Букеевской Орды", „Древнія могилы Гурзуфа" и „Курганы Букеевской степи"), и предложилъ сто экземпляровъ ихъ въ даръ членамъ Съѣзда.

1. Представитель Парижскаго Société pour l'avancement des sciences, E. Cartailhac (Э. Картальякъ) сдѣлалъ на французскомъ языкѣ сообщеніе: *Des lumières que*

l'archéologie préhistorique russe peut projeter sur l'Europe occidentale (О значеніи русской доисторической археологіи для Западной Европы).

Указавъ на новѣйшую классификацію отложеній четвертичнаго или постиліоценоваго періода, на эпохи до-ледниковую, меж-ледниковую и послѣ-ледниковую, докладчикъ остановился на этой послѣдней, въ которой онъ различаетъ, въ свою очередь, двѣ эпохи—мамонта и сѣвернаго оленя. Человѣкъ появился въ Европѣ, вѣроятно, въ меж-ледниковую эпоху (между первой и второй эпохой широкаго распространенія ледниковъ) изъ Азіи; Катрфажъ видитъ даже колыбель человѣческаго рода въ Сибири, вообще на глубокомъ сѣверѣ, гдѣ человѣкъ появился, вѣроятно, еще въ до-ледниковую эпоху, когда климатъ тамъ былъ значительно теплѣе, чѣмъ теперь. Эта древнѣйшая эпоха существованія человѣка называется палеолитическою; человѣкъ жилъ тогда въ такъ-называемомъ древнѣйшемъ каменномъ вѣкѣ, пользовался только орудіями, сдѣланными изъ камня (путемъ его оббивки), кости, рога и дерева, жилъ охотою и рыболовствомъ, не имѣлъ домашнихъ животныхъ и воздѣлываемыхъ растеній. Слѣды этой палеолитической эпохи констатированы и въ Западной Европѣ и въ Россіи, но въ послѣдней слѣды эти скудны и заключаются въ грубыхъ каменныхъ издѣліяхъ, найденныхъ вмѣстѣ съ остатками мамонта, тогда какъ на Западѣ эпоха эта представлена массою находокъ предметовъ изъ камня, кости и рога. Уже въ Австріи и Германіи извѣстно гораздо болѣе находокъ этой эпохи, чѣмъ въ Россіи, но особенно много ихъ было сдѣлано во Франціи, какъ въ открытыхъ отложеніяхъ, такъ и особенно—въ пещерахъ, служившихъ мѣстомъ пристанища человѣка въ эпоху сѣвернаго оленя. Это какъ будто указываетъ, по мнѣнію Картальяка, что человѣкъ палеотической эпохи заселилъ Европу съ востока, изъ Азіи, и, постепенно подвигаясь на западъ, совершенствовался въ культурѣ. Въ Россіи — онъ обдѣлывалъ только грубыя кремневыя орудія, въ Средней Европѣ—его издѣлія уже были болѣе разнообразны, на Западѣ, во Франціи онъ не только изготовлялъ себѣ орудія и оружіе, но и украшалъ ихъ, изображая различныхъ животныхъ и сцены изъ своей охотничей жизни. Указавъ на сходство нѣкоторыхъ издѣлій этой эпохи, найденныхъ въ Россіи, съ таковыми же, найденными на Западѣ, докладчикъ выразилъ мнѣніе, что дальнѣйшія находки отложеній этой эпохи въ Россіи помогутъ значительно разъяснить вопросъ о древнѣйшихъ стадіяхъ и путяхъ распространенія палеолитической культуры. Подобнымъ же образомъ русская археологія въ состояніи дать важныя указанія относительно неолитической эпохи, относительно распространенія орудій изъ нефрита (зеленаго камня), относительно такъ-называемыхъ мегалитическихъ памятниковъ (дольменовъ, могилъ изъ громадныхъ каменныхъ плитъ), наконецъ, относительно распространенія металлической культуры, знакомства съ мѣдью и желѣзомъ. До послѣдняго времени полагали, что знакомство съ желѣзомъ распространилось изъ Африки, гдѣ негры были знакомы съ нимъ по крайней мѣрѣ за 3000 лѣтъ до нашей эры; но многія находки, сдѣланныя на Кавказѣ и Сибири, заставляютъ подвергнуть этотъ вопросъ новому разсмотрѣнію. Доисторическая культура Кавказа, какъ она открывается изслѣдованіемъ древнихъ могильниковъ, является загадкою, разрѣшеніе которой способно бросить новый свѣтъ и на доисторическую археологію Западной

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Европы. Свой докладъ г. Картальякъ пояснялъ таблицами изъ недавно изданнаго атласа Пьетта, изображающаго всѣ важнѣйшія находки палеолитической эпохи во Франціи. Интересны, между прочимъ, найденные во многихъ пещерахъ голыши или гальки съ изображенными на нихъ красной краской узорами въ видѣ линій, крестовъ и т. д.

По поводу доклада г. Картальяка, проф. А. П. Богдановъ замѣтилъ, что докладчикъ намѣревается сдѣлать на французскомъ языкѣ сводъ данныхъ русской археологической литературы по доисторическому періоду, для чего и проситъ русскихъ археологовъ доставлять ему изданныя по этому періоду сочиненія, оттиски статей, рисунки и т. д.

2. Представитель Société Archéologique de la Charante (Археологическаго и Историческаго Общества въ Шарантѣ) Comte Louis de Fleury (графъ Луи де-Флёри) сдѣлалъ сообщеніе: De quelques horodyscze du bassin de la Vistule *(О нѣсколькихъ городищахъ въ бассейнѣ Вислы)*.

Двѣ археологическія карты, въ которыхъ говорится о земляныхъ укрѣпленіяхъ или городищахъ, были изданы относительно Западной Пруссіи, то есть относительно лѣваго берега Вислы: первая въ 1881 году г. Годфридомъ Оссовскимъ, который считаетъ всѣ эти укрѣпленія памятниками каменнаго вѣка, другая въ 1887 году докторомъ Лиссауэромъ, который относитъ ихъ происхожденіе къ эпохѣ, называемой имъ сѣверо-арабской, отъ седьмого до одиннадцатаго столѣтія. Такимъ образомъ, существуетъ полное разногласіе; по мнѣнію докладчика, г. Оссовскій не представилъ достаточныхъ доказательствъ въ пользу своей теоріи не только относительно всѣхъ городищъ вообще, но и ни для одного изъ нихъ въ частности; докторъ Лиссауэръ доказалъ, что въ десятомъ столѣтіи еще строились подобныя укрѣпленія въ славянскихъ странахъ, но онъ нисколько не доказалъ, чтобы нѣкоторыя изъ нихъ не относились къ несравненно болѣе отдаленной эпохѣ.

Дѣйствительно, онъ опирается на слова свидѣтеля-очевидца, Ибрагима-ибнъ-Якуба, который сопровождалъ, въ 973 году, посольство, отправленное изъ Африки въ Мерзебургъ, къ Германскому императору Оттону I. „Когда Славяне,—говоритъ онъ,—хотятъ строить замки, они отыскиваютъ мѣстность, изобилующую пастбищами, или болото и намѣчаютъ оградой круглое или продолговатое пространство, потомъ окружаютъ его рвомъ и дѣлаютъ вдоль него валъ изъ вынутой изо рва земли. Земля эта бьется при помощи досокъ или жердей, пока она не пріобрѣтетъ твердости битой глины. Дойдя до желаемой высоты, они отмѣриваютъ съ одной стороны мѣсто для воротъ, куда они направляютъ мостъ черезъ ровъ“.

Это описаніе вполнѣ соотвѣтствуетъ кольцеобразнымъ укрѣпленіямъ, называемымъ грады, градишки, городища, какія мы теперь встрѣчаемъ въ бассейнѣ Вислы. Это описаніе доказываетъ, во-первыхъ, что такихъ укрѣпленій не строилось въ странѣ Ибрагима, потому что они обратили на себя его вниманіе. Во-вторыхъ, что такія укрѣпленія еще въ то время строились у Славянъ. Но текстъ нисколько не говоритъ о томъ, чтобы такой способъ постройки укрѣпленій не употреблялся у нихъ уже съ давнихъ временъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Графъ Иванъ Завиша упоминаетъ о двухъ городищахъ, гдѣ онъ нашелъ орудія каменнаго вѣка безо всякихъ металловъ, одно городище Чурилова, другое Меречева, въ Минской губерніи.

Графъ де-Флёри доказывалъ, что жителямъ побережій Вислы, имѣвшимъ цивилизацію каменнаго вѣка, вѣроятно бронзоваго, начала желѣзнаго и римскую культуру, должно было быть извѣстно искусство строить укрѣпленія, что они должны были научиться ему, если прежде его не знали, у греческихъ колоній и Римской имперіи, съ которыми они соприкасались въ извѣстныхъ пунктахъ. Ораторъ привелъ по этому поводу слова Павла Оросія и Вегеція.

Онъ даже полагаетъ, что подобнаго рода укрѣпленія, извѣстныя Галламъ и Бретонцамъ до Цезаря, должны относиться къ самой глубокой древности и что первые акрополи въ Азіи, Греціи и Италіи должны были быть чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ, за исключеніемъ разницы въ матеріалахъ и почвѣ. Но докладчикъ, желая ограничиться лишь городищами бассейна Вислы, привелъ нѣсколько подобныхъ памятниковъ, измѣренныхъ и срисованныхъ имъ, и рисунки коихъ онъ и представилъ Съѣзду.

Затѣмъ графъ де-Флёри сдѣлалъ краткую монографію городища Визны, лежащаго на берегу Нарева, въ Ломжинской губерніи. Въ этомъ городищѣ, въ двадцать метровъ вышины и пространствомъ съ десятину, до XVII вѣка существовалъ деревянный дворецъ. Еще въ 1575 году дворецъ этотъ былъ совершенно цѣлъ; были цѣлы башни, куртины, окружная дорога, мостъ и зала съ оружіемъ. Ораторъ описалъ этотъ дворецъ по инвентарю того времени (исторія его упоминаетъ подъ 1294—1296 гг. и въ первый разъ подъ 1170 г.). На его, пустой теперь, вершинѣ, найдены камни голыши, которые недостаточно характеристичны для опредѣленія каменнаго вѣка, римскія монеты Антонина, которыя по занимаемому ими мѣсту на холмѣ, сдѣланномъ рукой человѣка, заставляютъ предполагать, что укрѣпленіе существовало, когда онѣ были потеряны, затѣмъ цѣлая коллекція характеристическихъ сосудовъ типа, называемаго Нѣмцами *Burgwall*; желѣзные наконечники отъ стрѣлъ и части арбалетовъ, относящихся къ Среднимъ вѣкамъ; наконецъ, глазированные печные изразцы съ изображеніями времени Возрожденія и съ цвѣткомъ лиліи Флоренціи или рода Валуа; изразцы, весьма глубоко выдѣланные на мѣстѣ, но относящіеся ко времени Возрожденія во Франціи или, еще скорѣе, въ Италіи. Ораторъ показалъ различные изъ этихъ предметовъ собранію.

Подъ конецъ, графъ де-Флери высказалъ мнѣніе, что слѣдуетъ воздержаться отъ всякаго сужденія относительно времени городищъ бассейна Вислы до болѣе основательныхъ раскопокъ, и заявилъ, что предварительное его убѣжденіе то, что они относятся къ различнымъ эпохамъ и что нѣкоторыя изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, относятся ко времени Антониновъ.

Въ заключеніе графъ де Флери предложилъ Съѣзду слѣдующіе вопросы:

1) Дѣйствительно ли типичны сосуды съ концентрическими полосками, перемѣшанными съ волнообразными линіями, и всюду ли они относятся ко времени постройки городищъ?

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

2) Можно ли отыскать въ древнемъ гончарномъ искусствѣ семейство, изъ коего они происходятъ?

3) Не было ли бы интересно произвести изслѣдованіе во всей Имперіи, при посредствѣ археологовъ различныхъ провинцій, относительно всѣхъ городищъ, въ которыхъ встрѣчаются эти сосуды отъ Кавказа до Балтійскаго моря?

4) Не будетъ ли это изслѣдованіе въ помощь антропологіи для опредѣленія точки отправленія и движенія извѣстныхъ народовъ?

3. Представитель французскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія и Société des Antiquaires de France (Общества Французскихъ Антикваріевъ) Baron I. de Baye (Баронъ Іос. де-Бай) сдѣлалъ сообщеніе: *L'influence orientale dans le bestiaire décoratif des peuples germaniques* (*О восточномъ вліяніи на звѣриный орнаментъ у германскихъ народовъ*). Докладчикъ остановился особенно на изображеніяхъ дракона, грифона и двуглавой птицы. Драконъ, это—змѣя, часто какъ-бы съ хоботомъ, съ хохломъ, кожаными крыльями и хвостомъ. Грифонъ, это—хищная птица, превратившаяся затѣмъ въ сложное животное, наполовину звѣря, наполовину—птицу. Оба эти фантастическіе образа ведутъ свое происхожденіе съ Востока, но на Западѣ они значительно видоизмѣнились, играя роль въ разнообразныхъ украшеніяхъ германскихъ народовъ. Двуглавая птица можетъ быть прослѣжена до Каппадокіи; мы встрѣчаемъ ее, въ числѣ другихъ украшеній, въ Малой Азіи, на Кавказѣ, въ эпоху начальнаго желѣзнаго вѣка, и въ Западной Европѣ, въ ряду украшеній меровингской эпохи. Докладчикъ привелъ также рядъ изображеній дѣйствительныхъ животныхъ, часто указывающихъ на восточное вліяніе, какъ напримѣръ: левъ, леопардъ, горный козелъ и др.

4. В. С. Передольскій прочелъ докладъ: *О вновь открытыхъ древностяхъ у истоковъ рѣки Волхова.*

---

16 ЯНВАРЯ, 11 ЧАС. УТРА.

ОТДѢЛЕНІЕ V. Памятники церковные.

Почетный Предсѣдатель: Ѳ. И. Успенскій.
Предсѣдатель Отдѣленія: Н. В. Покровскій.
Секретарь Отдѣленія: Н. Ѳ. Красносельцевъ.

1. А. А. Павловскій прочелъ докладъ: *Вліяніе Византіи въ Южной Италіи и Сициліи по церковнымъ памятникамъ.*

Докладчикъ указалъ на полнѣйшую несостоятельность того распространеннаго мнѣнія, что искусство южной Италіи и ея продолженія—Сициліи представляетъ зародышъ національно-итальянскаго искусства вслѣдствіе вліянія искусства классическаго, и что лишь въ религіозной области сициліанскіе памятники и особенно мозаики представляютъ образцы чисто византійскаго искусства. При этомъ онъ прослѣдилъ исторію вліянія Византіи на культуру Италіи и приписывалъ огромное въ этомъ от-

ношеніи значеніе иконоборству, которое изгнало многихъ почитателей иконъ съ Балканскаго полуострова и дало Италіи просвѣтителей, стоявшихъ гораздо выше по культурному развитію, чѣмъ туземцы Италіи. Эти убѣжавшіе, въ большинствѣ случаевъ монахи и священники, принесли съ собой въ эту страну искусство и науки. Отъ X—XI вѣка византійская культура рѣшительно охватила всю Калабрію, начинала распространяться и въ Апуліи къ тому времени, когда на югѣ Италіи появились норманнскіе завоеватели. Вліяніе Византіи на искусство Италіи видно изъ того факта, что Дезидерій, желая превзойти своихъ туземцевъ церковными памятниками, призывалъ мозаистовъ изъ Византіи и Александріи и подъ руководствомъ первыхъ основалъ школу Монтекассино, которая и оказывала вліяніе на развитіе отраслей искусства.

Ѳ. И. Успенскій: По поводу прочитаннаго интереснаго доклада я хотѣлъ бы сдѣлать нѣсколько замѣчаній, касающихся не церковныхъ памятниковъ Сициліи, а той части доклада, которая затрогиваетъ вопросы историко-культурные. Первая часть касается историческихъ отношеній между Византіей и Южной Италіей. Вообще у насъ изслѣдователи по искусству очень много указываютъ на періодъ иконоборчества и имѣютъ основаніе, потому что этотъ періодъ вызвалъ движеніе византійскихъ элементовъ изъ Малой Азіи въ Южную Италію. Но нельзя многое основывать на этомъ въ смыслѣ развитія византійскаго искусства въ Южной Италіи, потому что черезъ два столѣтія начинается обратное политическое движеніе. Въ XI столѣтіи Византія недовѣрчиво относится къ Итальянцамъ: со времени религіозныхъ распрей между Востокомъ и Западомъ связь духовная прекращается. Едва ли правильно все вліяніе византійскаго искусства въ Южной Италіи относить къ иконоборческой эпохѣ. Вопросъ объ отношеніяхъ Южной Италіи къ Византіи выясняется изслѣдованіями французскими и нѣмецкими, которыя интересны въ томъ отношеніи, что начинаютъ византійское вліяніе съ VI столѣтія, со времени завоеванія Юстиніана. Тамъ указывается, какія сильныя средства были приняты Византійской Имперіей, чтобы укрѣпить свои элементы въ смыслѣ языка, судопроизводства и т. д.

Я думаю, лучше было бы съ точки зрѣнія изученія вліянія византійскаго искусства въ Южной Италіи, попробовать объяснить это вліяніе уживчивостью болѣе продолжительной, чѣмъ съ иконоборческой эпохи.

А. А. Титовъ прочелъ докладъ: *Церковь Св. Іоанна Богослова въ Ростовѣ и реставрація ея въ 1884 году.* (Томъ III, 337—341).

З. И. А. Шляковъ прочелъ: *О покрытіи ростовскихъ кремлевскихъ церквей.*

И. А. Шляковъ, какъ представитель Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества въ Высочайше утвержденной Коммиссіи для адм.-хоз. управленія Ростовскимъ Кремлемъ возстановляя древній Іоанно-Богословскій въ Ростовскомъ Кремлѣ храмъ, вполнѣ убѣдился въ вѣрности возстановленія этого памятника древности почти по всѣмъ частямъ, исключая покрытія храма, сдѣланнаго архитекторомъ Поздѣевымъ. Докладчикъ сомнѣвался въ одномъ только, правильно ли была перекрыта крыша на самомъ храмѣ, то-есть не была ли прежде (т. е. съ самаго основанія ея) эта церковь покрыта по-фронтонно, какъ утверждаютъ нѣкоторые

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

изслѣдователи старины, по образцу Ростовскаго Успенскаго Собора. Это сомнѣніе сильно мучило докладчика; оно не давало ему покоя до тѣхъ поръ, пока послѣ тщательныхъ съ его стороны осмотровъ чердаковъ кремлевскихъ церквей, изслѣдованій и обмѣровъ сводовъ ихъ снаружи, онъ не могъ не придти къ непреложной истинѣ и глубокому убѣжденію, что всѣ пять церквей въ Кремлѣ дѣйствительно и въ прежнее время ихъ существованія были покрыты по четырехскатной формѣ, а не по-сводно или по фронтонной формѣ. Свои слова И. А. объяснялъ сдѣланными имъ рисунками и доказывалъ также и изслѣдованіями сводовъ и чердаковъ въ трехъ кремлевскихъ церквахъ: Воскресенской (самой древнѣйшей), Спасской на Сѣняхъ, и Іоанно-Богословской церкви, по поводу которой возникло сомнѣніе. Эти данныя доказываютъ, во-первыхъ, что на стѣнкахъ внутреннихъ чердаковъ не осталось никакихъ слѣдовъ новыхъ задѣлокъ прежнихъ выемокъ, ни прежняго дѣленія арокъ; во-вторыхъ, что Воскресенская церковь даже до настоящаго времени сохранила прежнее устройство желѣзныхъ стропилъ и *обрѣшетника* для существующей четырехскатной крыши. При сообщеніи своемъ докладчикъ показывалъ картины, рисунки и модели.

А. М. Павлиновъ, ссылаясь на недостаточную опредѣленность указаній фотографіи, сомнѣвался въ томъ, чтобъ храмъ былъ крытъ по-скатно.

К. М. Быковскій, оставляя въ сторонѣ вопросъ о по-фронтонномъ и по-скатномъ покрытіи, обратилъ вниманіе Съѣзда на сводчатое покрытіе этихъ зданій, отмѣчая важное значеніе, которое имѣютъ эти зданія для развитія русскаго церковнаго зодчества и развитія архитектуры, какъ искусства.—„Въ этомъ покрытіи мы видимъ новое слово въ искусствѣ. У насъ было много изслѣдованій, много теорій о большей или меньшей самобытности пріемовъ русскаго искусства. Иногда отыскиваютъ самобытное тамъ, гдѣ еще русское искусство не могло выработать своего. Памятники Ростова замѣчательны тѣмъ, что здѣсь русское искусство отходитъ отъ визант. образцовъ; оно не держится куполовъ, опирающихся на четыре столба, а создаетъ покрытіе сводчатое. Это явленіе есть и въ Москвѣ, изученіе памятниковъ которой въ высшей степени важно, потому что они находятся въ тѣсной родственной связи съ ростовскими памятниками, т. е. съ сводчатымъ покрытіемъ, гдѣ свѣтовой куполъ держится на свободѣ. Такова церковь Трифона, которая представляется не единственной въ Москвѣ. Была церковь Ивановскаго монастыря, гдѣ тотъ же самый мотивъ, тѣмъ болѣе драгоцѣнный для развитія исторіи искусства, что здѣсь русское искусство выработываетъ такіе пріемы, которые совершенно уже отличаются отъ пріемовъ византійскихъ и западныхъ, говоритъ свое новое художественное слово“.

4. А. В. Селивановъ прочелъ: *О вновь открытыхъ въ Рязани памятникахъ.*

Докладчикъ сообщилъ о раскопкахъ въ Старо-Рязанскомъ городищѣ и древнемъ городкѣ, извѣстномъ въ этой мѣстности подъ названіемъ *Новый Городокъ Ольговъ.* Найденныя въ этомъ городищѣ вещи можно отнести къ XI вѣку по Р. Х.; къ тому же приблизительно времени относится и найденный тамъ могильникъ. Открытый тамъ же докладчикомъ древній храмъ представляетъ собой форму четырехконечнаго креста, въ середину котораго вписанъ четырехъугольникъ. Что это форма типичная для того времени, а не случайная, указываютъ и слова лѣтописи: „круглая

по старинѣ о 20 стѣнахъ", „церковь по старинѣ крестная, круглая о 20 стѣнахъ". Рязанскій храмъ построенъ частью изъ кирпичей и, мѣстами, плитъ большого формата, которыми устланъ и полъ. Между прочимъ, въ средней части храма, въ слоѣ сохранившагося пола, были найдены 12 византійскихъ монетъ, относящихся къ первой половинѣ XII вѣка. А. В. полагаетъ, что древній Рязанскій храмъ былъ нѣкогда соборнымъ во имя св. Бориса и Глѣба, и построенъ во второй половинѣ XII вѣка; въ немъ былъ погребенъ князь Игорь Глѣбовичъ въ 1194 году. Храмъ этотъ былъ, какъ извѣстно по лѣтописямъ, разрушенъ Батыемъ въ 1237 году, причемъ подвергся полному разграбленію и сожженію. Слѣды такого истребленія сохранились въ видѣ находимыхъ кусковъ угля, расплавленной мѣди, стекла, олова и т. д. Можно полагать, что могила Игоря Глѣбовича была разрыта однимъ крестьяниномъ, наткнувшимся на какую-то могилу, вещи изъ которой отчасти были проданы докладчику. Изъ нихъ замѣчательны два золотые аграфа, серебряныя бляшки для кафтана, каменный образокъ и пр. Можно думать, что, по разрушеніи храма Татарами, онъ больше не возстановлялся, а потому и обратился мало-по-малу въ холмообразную груду развалинъ. Весьма важно, что на мѣстѣ найденнаго референтомъ собора какъ внутри, такъ и внѣ его открыто было имъ значительное количество могилъ съ остовами. Могилы эти, судя по найденнымъ въ нихъ предметамъ и способу погребенія, относятся къ эпохѣ, предшествовавшей построенію храма. Эта эпоха можетъ характеризоваться, какъ переходная отъ язычества къ христіанству, такъ какъ найденныя вещи представляютъ черты того и другого міровоззрѣнія. Бусы, привѣски и другія украшенія, равно и кресты, напоминаютъ курганныя находки, по большей части, каменныя. Найденные бронзовые съ эмалью кресты совершенно сходны съ крестикомъ, найденнымъ въ курганномъ кладбищѣ въ Рузскомъ уѣздѣ. Но въ особенности на языческій характеръ указываетъ найденный, вертикально стоявшій, обрубокъ сгнившаго дерева, отъ верхняго конца котораго отпала бронзовая женская фигура въ видѣ бюста; тутъ же были выкопаны небольшіе черепки горшка, витое каменное колечко и бронзовый четырехконечный крестикъ курганнаго типа. Изъ христіанскихъ памятниковъ былъ найденъ бронзовый образокъ Михаила Архангела съ ушкомъ. Всѣхъ могилъ разрыто болѣе 60. Типъ погребенія представляетъ нѣкоторыя особенности; напримѣръ, положены или въ головахъ только, или и въ головахъ, и въ ногахъ кирпичи. Направленіе остововъ головой на западъ и юго-западъ. Руки почти у всѣхъ сложены на груди; у одного изъ остововъ найденъ крестъ со шнурами.*)

А. А. Дмитревскій: Докладъ г. Селиванова чрезвычайно заинтриговываетъ церковнаго археолога и тѣми данными, которыя имъ разсказаны, и представленными чертежами. Къ сожалѣнію, ясныхъ, точныхъ представленій о храмахъ, которые г. Селивановъ открылъ, мы не получаемъ. Въ докладѣ мы видимъ двоеніе между археологіей церковной и археологіей первобытной. Г. Селивановъ едва ли не больше посвятилъ времени описанію городищъ, чѣмъ описанію памятниковъ христіанской древности. Мы имѣемъ дѣло съ церковнымъ памятникомъ глубокой древности, и пред-

*) Докладъ изданъ въ „Трудахъ Рязанской Уч. Архивной Коммиссіи" за 1890 г.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ставленные кирпичи указываютъ, что это памятникъ, повидимому, XII вѣка. Длина и ширина этихъ кирпичей та самая, которая встрѣчается въ нашихъ церквахъ въ Кіевѣ, въ Золотыхъ воротахъ, но тутъ нѣтъ другихъ данныхъ, что я имѣю дѣло съ памятникомъ XII вѣка. Я не вижу здѣсь цемента, и г. Селивановъ говорилъ, что онъ замѣтилъ присутствіе въ первомъ храмѣ только извести. Одна известь — это очень сомнительно, и желательно было бы видѣть части цемента. Но г. Селивановъ тщательно очистилъ свои камни отъ этой характерной особенности.

Дальше, какъ извѣстно, въ памятникахъ XII вѣка мы видимъ присутствіе шиферныхъ камней для карнизныхъ украшеній и даже для украшеній нижнихъ. Существовали ли здѣсь такіе шиферные камни? Если бы эту раскопку производилъ церковный археологъ, онъ обратилъ бы на это вниманіе. Представленные намъ планы храма чрезвычайно любопытны. Сколько мнѣ извѣстно, я такихъ плановъ до сихъ поръ не встрѣчалъ, изучая архитектуру церквей нашихъ и византійскихъ. Къ сожалѣнію, планы эти весьма недостаточно объяснены. О присутствіи 4 колоннъ внутри г. Селивановъ не упомянулъ. Какое онѣ имѣютъ значеніе? Дѣйствительно ли открыты слѣды колоннъ, или это г. Селивановъ просто догадывается? Чертежъ абсидовъ не ясенъ. Безспорно, абсиды имѣли значеніе. Боковые абсиды напоминаютъ древнюю форму храма; но они всегда были соединены съ главнымъ абсидомъ, а я этого не вижу на планахъ.

А. В. Селивановъ: Я даю то, что есть. Я самъ не археологъ по церковнымъ древностямъ и не знатокъ. Я занимался раскопкой городищъ, напалъ на древній храмъ и раскопалъ его. Смѣю васъ увѣрить, что я сказалъ все, что только было. Я могу извиниться, если я пропустилъ въ докладѣ упомянуть объ этихъ столбахъ, хотя эти столбы были найдены и ни въ какомъ случаѣ не попали бы на чертежъ, если бы ихъ не было найдено. Дѣйствительно, въ моемъ докладѣ смѣшиваются первобытныя древности и церковныя. Что же дѣлать? Таково содержаніе самыхъ раскопокъ. Я долженъ былъ коснуться того и другого. Я предполагалъ читать свой докладъ въ отдѣленіи первобытныхъ древностей, но такъ какъ тутъ есть вещи, интересующія церковныхъ археологовъ, то я и рѣшилъ прочесть это сообщеніе въ этомъ отдѣленіи.

Найденные кирпичи есть часть кирпичей, которые мною добыты. Я привезъ много кирпичей и предполагалъ оставить ихъ въ Историческомъ Музеѣ, такъ какъ въ Рязанскомъ Музеѣ они есть тоже. Тщательно очищать эти кирпичи я не пытался, я ихъ взялъ такъ, какъ они были, но старался выбрать экземпляры цѣльные. Что касается извести, то образцы ея можно видѣть въ Рязанскомъ Музеѣ, и я виноватъ, что не захватилъ ихъ съ собой.

А. В. Селивановъ (на вопросъ г. Дмитревскаго): О составѣ цемента я изслѣдованій не производилъ. Образцы извести есть, и я всегда могу познакомить съ ними желающихъ.

Что касается другихъ украшеній, то если бы они были найдены, я ихъ представилъ бы. Я долженъ, впрочемъ, сказать, что одинъ предметъ былъ найденъ: это именно часть колонны; но никакого характернаго или въ особенности интереснаго

рисунка, или фигуры, на ней не было. Но видно было, что это — закругленная колонна изъ каменнаго песчанника.

Имѣются еще образцы древнихъ колоннъ, или частей колоннъ, которыя относятся собственно не къ этому храму, а къ тому, который былъ найденъ въ 1836 г. Тихоміровымъ. Эти куски рѣзныхъ украшеній колоннъ тоже находятся въ Рязанскомъ Музеѣ.

На вопросъ, В. З. Завитневича докладчикъ пояснилъ, что кирпичи, которые попадаются въ могильникѣ,—меньшаго формата; а большаго формата—это плиты, устилавшія полъ. Есть даже и больше представленныхъ, но всѣ онѣ неравной величины.

К. М. Быковскій указалъ, что весьма важно для опредѣленія самаго типа постройки знать, дѣйствительно ли всѣ 4 столба, указанные на планѣ, имѣютъ круглую форму, или нѣтъ. Вопросъ этотъ имѣетъ особенное значеніе относительно восточныхъ столбовъ.

А. В. Селивановъ: Я могу объяснить, что круглыми на планѣ столбы сдѣланы потому, что круглой формы остатки бута, который сохранился въ этихъ мѣстахъ. Какой формы были самыя колонны, я опредѣлить не могу, такъ какъ эти столбы и вообще щебень и бутъ изъ канавъ были выбраны за нѣсколько лѣтъ до моего изслѣдованія однимъ крестьяниномъ, который сказалъ мнѣ, будто они были въ видѣ креста съ вогнутыми углами. Я не засталъ самыхъ колоннъ, а только щебень и бутъ. Ямы были круглой формы.

На вопросъ А. А. Дмитревскаго о положеніи дверей, докладчикъ указалъ, что онъ не могъ опредѣлить, гдѣ въ дѣйствительности были двери, и что едва ли возможно было это опредѣленіе.

5. Н. И. Троицкій прочелъ докладъ: *Иконостасъ и его символика.*

Весьма выдающуюся особенность русскихъ храмовъ представляетъ иконостасъ ихъ, развившійся окончательно въ XVI в.: стѣнообразный, простирающійся отъ помоста до сводовъ и отъ сѣверной стѣны до южной; многоярусный, обильный лицевыми изображеніями, украшенный по рамамъ, столбамъ различнымъ, преимущественно растительнымъ орнаментомъ. Этимъ развитіемъ иконостаса дано новое, разнообразное примѣненіе русскому художественному творчеству. Но въ наукѣ доселѣ не выяснена удовлетворительно основа такого развитія древней предалтарной преграды.

Н. В. Покровскій объяснялъ въ 1885—6 г. [1]) появленіе деревяннаго иконостаса, признаннаго будто бы замѣнить стѣнопись, — потребностью бо̀льшаго удобства для зрителя, недостаткомъ свѣта и сухости въ древнихъ русскихъ храмахъ и отсутствіемъ мастеровъ для монументальной живописи.

Но 1. Свѣта и удобства для зрителя немного и вверху иконостаса, подъ сводами; а сырость, не сокрушившая доселѣ фресокъ XII в., болѣе могла бы вредить дереву, не говоря уже о томъ, что теплые храмы явились на Руси (въ Новгородѣ, въ 1439—45 гг.) за столѣтіе до наибольшаго развитія иконостаса.

---

[1]) Лекціи по церковной археологіи, читанныя студентамъ С.-Петербургской Духовной Академіи въ 188⁵/₆ г., типогр. Язовскаго. Стр. 256—7.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

2. Недостатка въ мастерахъ не могло быть, если расписывались фресками не только храмы, но и палаты частныхъ лицъ сплошь до половины XVIII в.

3. Иконостасъ не замѣнилъ собою стѣнописи, которая осталась вездѣ, гдѣ была, попрежнему.

4. Существенный недостатокъ этого практическаго взгляда на образованіе иконостаса тотъ, что онъ опускаетъ изъ виду строго опредѣленный выборъ иконъ для иконостаса, гдѣ представлены апостолы, пророки, патріархи, праотцы, а нѣтъ, напр., ни изображеній свв. женъ, ни такихъ излюбленныхъ на Руси святыхъ, какъ Георгій Побѣдоносецъ, Никита Мученикъ, Сергій Радонежскій и др. [1]).

Между тѣмъ опредѣленіе внутренняго смысла иконостаса давалось прежде, хотя неточно, напр., Шевыревымъ: „это—небо храма, въ которомъ соединяются молитвенные взоры народа“... [2]) (но подобіе неба, по христіанской символикѣ—весь храмъ и особенно алтарь); или у автора описанія Троицкаго собора въ Сергіевой Лаврѣ—идея торжествующей Церкви, [3])—(чѣмъ не объяснена ни система иконостаса, ни его орнаментъ). Неразвито и недостаточно и болѣе удачное указаніе лейпц. профессора Брокгауза, по коему стѣнообразный иконостасъ развился вслѣдствіе того, что символизмъ восточной литургіи требовалъ частаго закрытія и открытія „алтаря и всего алтарнаго пространства“ [4]).

Объяснить происхожденіе русскаго иконостаса и истолковать его символику можно только на основаніи идеи алтаря, которая въ иконостасѣ получила свое художественное и символическое выраженіе.

По ученію Отцовъ Вост. Церкви, алтарь означаетъ наивысшую часть неба, небо небесъ, гдѣ престолъ Вседержителя,—мѣсто, иначе называемое раемъ [5]). И какъ на западной стѣнѣ—въ части храма, означающей землю и преисподнюю область, изображался адъ въ видѣ соотвѣтственномъ представленіямъ времени, такъ въ восточной сторонѣ храма должно было явиться соотвѣтственное представленіямъ времени художественное изображеніе рая, насажденнаго во Едемѣ на Востокѣ.

Обращаясь къ свидѣтельству памятниковъ русской письменности, въ коихъ постепенно развивалось представленіе о раѣ, докладчикъ подробно разобралъ указанія: Повѣсти къ Василію игумену печерскому (XII в) [6]), стиховъ о пустынѣ [7]), Посланія новгородскаго архіеп. Василія къ Владыкѣ тверскому Ѳеодору (XIV в.), и параллель-

---

[1]) Уже послѣ доклада Н. И. Троицкаго Н. В. Покровскій видоизмѣнилъ свое мнѣніе въ направленіи взгляда докладчика,—см. приписку на стр. 302—5, появившагося позднѣе изслѣдованія его о „Стѣнныхъ росписяхъ въ древнихъ храмахъ“ (Труды VII Археол. Съѣзда, М. 1890, т. I). Прим. докладчика.

[2]) Шевыревъ. Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь въ 1841 г., I, 72.

[3]) Троицкій соборъ, церковь преп. Никиты и келія преп. Сергія въ Тр.-С. Лаврѣ. М. 1854 г. стр. 6.

[4]) Herzog's Real Encyclopädie f. protest. Theologie u. Kirche, — Bilderwand.

[5]) О древнемъ пониманіи алтаря, какъ символа неба, см. *Архим. Леонида* „Житіе и чудеса св. Николая Мурликійскаго. Изслѣдованіе двухъ памятниковъ XI в.“. Изд. Общ. Люб. Древн. Письм., СПБ. 1881, стр. 29—30.

[6]) Калайдовичъ.—Памятники россійской словесности XII в. М. 1821 г., стр. 121—2.

[7]) Кирѣевскій—Русскія народныя пѣсни, М. 1848 г. №№ 54, 22, 19, 35.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ныхъ къ нему разсказовъ [1]), житія Іоасафа и Варлаама [2]), Притчей XVI в. „о тѣле человѣчи и о души“ [3]). Въ этихъ разнообразныхъ и разновременныхъ памятникахъ представленіе о раѣ слагается въ слѣдующій видъ: рай, это — возвышенное мѣсто, обнесенное высокою, бѣлою, блестящею стѣною, возвышающеюся до неба, до круга луны; оно покрыто деревьями, цвѣтами, даже плющемъ и мохомъ и наполнено птицами; въ немъ постоянное ликованіе.

Это представленіе и отразилось въ художествѣ,—прежде всего, конечно, въ синодикахъ. Докладчикъ указалъ для примѣра синодикъ с. Острецова, XVII в. въ Тульскомъ Епархіальномъ Древнехранилищѣ и синодикъ с. Баранова 1692 г., тамъ же: тутъ на рисункахъ рай обнесенъ высокою стѣною со створчатыми дверями (въ Острецовскомъ синодикѣ—золотыми), съ огнезрачнымъ херувимомъ надъ ними; внутри деревья, травы, цвѣты, райскія птицы—(въ Барановскомъ синодикѣ птицы съ человѣческими лицами въ коронахъ, по объясненію синодика—души праведниковъ).

То же представленіе выразилось и въ иконостасѣ, и тѣсное соотношеніе одного къ другому выразилось въ слѣдующихъ чертахъ:

1. Представленіе высоты рая символически выражено высотою алтарнаго помоста и самыми названіями: амвонъ, солея, горнее мѣсто, алтарь – по-греч. вима.

2. Стѣнѣ рая, восходящей до неба, соотвѣтствуетъ стѣна иконостаса, восходящая до сводовъ.

3. Недоступности рая отвѣчаетъ недоступность алтаря для непосвященныхъ.

4. Дверямъ рая соотвѣтствуютъ царскія двери, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ въ Саратовской губ., называются „райскими“; въ Московскомъ Казанскомъ соборѣ надъ царскими дверьми читаемъ обращеніе къ Богородицѣ: „Радуйся, райскихъ вратъ отверзеніе!“. Въ литургикѣ отверстіемъ царскихъ вратъ означается открытіе вратъ рая [4]).

5. Въ нѣкоторыхъ храмахъ (предѣлъ св. Леонтія въ ростовскомъ соборѣ, у Спаса на Сѣнѣхъ въ ростовскомъ кремлѣ, XVII в.) видимъ надъ царскими вратами изображеніе огнезрачнаго херувима съ мечемъ (въ другихъ—какъ въ Предтеченской церкви при Тульскомъ Архіерейскомъ домѣ — двухъ ангеловъ по сторонамъ вратъ).

6. Въ синодикахъ и на нѣкоторыхъ иконахъ, съ лѣвой стороны въ дверяхъ рая изображается благоразумный разбойникъ; на сѣверныхъ, порой на южныхъ дверяхъ иконостаса изображается онъ же (та же тульская Предтеченская церковь, церковь въ Геѳсиманскомъ скиту близъ Троицкой Лавры, начала XVII в.) или лица, стоявшія, такъ сказать, въ дверяхъ рая: архид. Стефанъ (Дѣян. 7, 55—6), прав. Лазарь (такое изображеніе было въ Могилевѣ, на Печерскѣ въ Георгіевской церкви, построенной Георгіемъ Конисскимъ), или Творца въ состояніи субботствованія.

7. По легендамъ о земномъ раѣ, верхъ райской стѣны простирался до неба, соединяя такимъ образомъ область земного рая съ областью рая небеснаго.

---

[1]) А. Веселовскій—Параллели къ сказанію о „Новгородскомъ раѣ“. Филол. Зап. 1875 г. стр. 1—7.

[2]) Рукопись XVI в., библіотеки докладчика, нынѣ въ Императорскомъ Историческомъ Музеѣ.

[3]) Въ концѣ той же рукописи.

[4]) Архіеп. Веніаминъ.– Новая Скрижаль, II гл. 1, 20.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Въ архитектурѣ иконостаса средораздѣльной линіей земного и небеснаго рая, видимымъ символомъ союза небесной церкви и земной, является космитисъ—брусъ, отдѣляющій нижній ярусъ иконостаса, или древнюю предъалтарную преграду отъ верхнихъ ярусовъ [1]). Соотвѣтственно съ симъ, космитисъ уставленъ рядомъ иконъ, изображающихъ главнѣйшія событія изъ жизни Искупителя, возсоздавшаго союзъ земного міра съ горнимъ.

8. По новгородской легендѣ, на райской горѣ „написанъ деисусъ вельми издивленъ". По Симеону Ѳессалоникійскому (+1428 г.), на предъалтарной преградѣ изображался Спаситель, по сторонамъ его Божія Матерь и Іоаннъ Креститель, далѣе ангелы, апостолы и прочіе святые. На рисункѣ одного синодика, принадлежащаго Ѳ. И. Буслаеву, на райской пажити представлены пророки: Давидъ и Соломонъ, посреди ихъ патріархъ Іаковъ; всѣ въ такихъ же клеймахъ, какъ въ иконостасѣ; слѣва отъ нихъ Христосъ встрѣчаетъ апостоловъ, идущихъ къ нему. Такъ данъ для иконостаса—рая полный деисусъ, размѣщающійся обыкновенно въ нѣсколькихъ ярусахъ иконостаса. Основаніемъ для такого именно совмѣщенія лицевыхъ изображеній служитъ основной догматъ Искупленія, т. е. воплощеніе Сына Божія, которымъ открыты врата рая, отверсто небо: апостолы непосредственно свидѣтельствовали о немъ, пророки предвозвѣщали, праотцы прообразовали его. Вотъ почему только сонмы этихъ святыхъ изображаются въ ярусахъ иконостаса.

9. Самое раздѣленіе иконостаса на ярусы соотвѣтствуетъ раздѣленію неба на сферы, какъ оно изображено, напр., неоднократно (свитокъ, раздѣленный на семь сферъ) въ рукописи Житія Андрея Юродиваго, принадлежащей Ѳ. И. Буслаеву, или на иконѣ „Обѣдня Василія Великаго" XV в., собранія Н. М. Постникова на выставкѣ при VIII Съѣздѣ (№ 3103 каталога).

10. Райскимъ деревьямъ, травамъ, цвѣтамъ соотвѣтствуетъ растительный орнаментъ, красками, рѣзьбой и чеканомъ на иконостасѣ.

11. Вмѣсто неопредѣленныхъ растеній является порой кедръ, пальма и виноградная лоза, столь распространенный издревле символъ. Но та же виноградная лоза оказывается въ раю (см. упомянутое Житіе Андрея Юродиваго, гл. 10 л., 46 обор.).

12. Райскія богогласныя и богопарныя птицы изображаются, то въ видѣ неясыти [2]), то въ видѣ незнаемыхъ птицъ и на аркѣ царскихъ вратъ (превосходные образцы въ предѣлѣ церкви вм. Варвары въ Ярославлѣ, въ предѣлѣ церкви Іоанна Предтечи въ Толчковѣ).

Итакъ, иконостасъ, его лицевыя изображенія и орнаментъ имѣютъ опредѣленное символическое значеніе, а именно: если алтарь есть символическая *область* рая, то иконостасъ есть символическій, художественный и величественный *образъ* рая. Въ основѣ его образованія и развитія лежитъ канонически православная идея; а въ художественномъ убранствѣ обнаруживается русское творчество.

---

[1]) Бл. Симеона Ѳессалоникійскаго. — Разговоръ о священнодѣйствіяхъ и таинствахъ церковныхъ, л. 104. Ср. Новую Скрижаль, I, гл. VII, 2.

[2]) Иванчинъ-Писаревъ. Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду. М. 1844 г., стр. 69—71, рис. III-й, царскія врата церкви Покрова.

ЛИСТЫ НАСЛЕДИЯ

16 ЯНВАРЯ. $7^1/_2$ Ч. ВЕЧ.

ОТДѢЛЕНІЕ II. Древности историко-географическія и этнографическія.

Почетный предсѣдатель В. Ѳ. Миллеръ.

Предсѣдатель отдѣленія В. Б. Антоновичъ.

Секретарь отдѣленія П. Н. Милюковъ.

1. Г. Л. Скадовскій прочелъ докладъ: *Типы погребенія въ курганахъ близъ мѣстечка Бѣлоозерки, Херсонскаго уѣзда* (томъ III, 75—160).

Послѣ засѣданія Г. Л. Скадовскій изъявилъ желаніе всѣ черепа, найденные имъ при раскопкахъ, составляющихъ предметъ его сообщенія, передать вмѣстѣ съ *Дневникомъ* раскопокъ въ Россійскій Историческій Музей.

І. А. Хайновскій, указывая на преобладаніе многоярусныхъ, разноплеменныхъ и разновременныхъ погребеній въ курганахъ Кіевской, Екатеринославской и Херсонской губерній, отрицалъ возможность классификаціи этихъ кургановъ, какую считалъ возможной и желательной проф. Самоквасовъ въ засѣданіи 13 января. Касаясь вопроса объ окраскѣ костяковъ, которымъ онъ занимался спеціально, г. Хайновскій опровергалъ попытки объяснить эту окраску татуировкой, вліяніемъ пищи, вліяніемъ грунта или слѣдами обрушившагося свода (гр. Бобринскій). Геродотъ разсказываетъ, что Скиѳы, когда умиралъ царь, возили трупъ его 40 дней на показъ странѣ, обмакнувъ для сохраненія въ воскъ, смѣшанный съ красной краской. Но могилы съ окрашенными костями слишкомъ бѣдны, чтобы сближать съ ними этотъ разсказъ. Г. Оссовскій нашелъ въ Коборнскомъ курганѣ, въ древнѣйшемъ, подматериковомъ ярусѣ 12 могилъ съ окрашенными костями. Полагая, что и вообще окрашенныя кости принадлежатъ къ погребеніямъ глубочайшей древности, г. Хайновскій объясняетъ окраску обычаемъ при жизни красить волосы и бороду въ красный цвѣтъ— мода, подобная нынѣ употребляемой на переднемъ Востокѣ. Но древняя окраска дѣлалась просто окисью желѣза, которая по погребеніи и отлагалась на черепѣ. Таково объясненіе г. Хайновскаго, не отрицавшаго, впрочемъ, возможной справедливости и того мнѣнія, которое объясняетъ окраску костей окрашиваніемъ одежды изъ дубленыхъ шкуръ. Предположеніе же объ окрашиваніи самыхъ скелетовъ г. Хайновскій отвергалъ, ссылаясь на нормальность положенія костей.

Д. Н. Анучинъ считалъ неудовлетворительной теорію І. А. Хайновскаго, тѣмъ болѣе, что Г. Л. Скадовскимъ найденъ одинъ скелетъ, окрашенный цѣликомъ и что такіе же скелеты были находимы на Кавказѣ.

2. А. Ѳ. Мѣржинскій прочелъ докладъ „*О прусскомъ жрецѣ* Sicco“ (т. II, 183—190).

3. М. А. Веневитиновъ прочелъ докладъ: *Расписныя кирпичныя избы*—краткое пояснительное изложеніе вопроса, разработаннаго имъ въ отдѣльной брошюрѣ. *)

*) М. Веневитиновъ. Расписныя кирпичныя избы, новая область народнаго художества. Съ приложеніемъ семи таблицъ рисунковъ. Посвящается VIII Археологическому Съѣзду въ Москвѣ. Москва. 1890 г.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Происхожденіе кирпичныхъ и каменныхъ построекъ въ деревняхъ средней Россіи должно относиться къ концу прошлаго и началу нынѣшняго вѣка, когда многіе крупные и образованные помѣщики стали подражать комфорту Зап. Европы въ постройкахъ, возводимыхъ ими для своихъ крѣпостныхъ. Географическій словарь Щекатова указываетъ такія избы въ помѣщичьихъ подмосковныхъ имѣніяхъ и въ сѣверныхъ частяхъ Рязанской и Тульской губерній. У крестьянъ, съ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости обычай кирпичныхъ построекъ развился и сталъ распространяться къ югу. Докладчикъ указывалъ обиліе ихъ нынѣ въ мѣстности, гдѣ сходятся предѣлы Тульской, Тамбовской, Воронежской и Орловской губерній (въ уѣздахъ: Епифанскомъ, Ефремовскомъ, Козловскомъ, Липецкомъ, Усманскомъ, Воронежскомъ, Задонскомъ, Землянскомъ, Елецкомъ, Ливенскомъ и др.). Избы, строившіяся помѣщиками, отличались казарменной внѣшностью и подражаніемъ Западу въ архитектурномъ стилѣ. Сдѣлавшись самъ своимъ строителемъ, крестьянинъ отрѣшился отъ навязанныхъ образцовъ и, усвоивъ для каменной хаты видъ деревянной избы (но не всегда квадратной, какъ деревянная, а порою продолговатой и рѣже—двойной),—сталъ изощрять фантазію въ области весьма сложной и своеобразной декоративной орнаментики, съ пестротой узоровъ и красокъ. Пользуясь кирпичемъ, какъ краснымъ фономъ, крестьянинъ сталъ выводить на немъ преимущественно бѣлые, иногда черные, желтые и синіе или зеленые узоры, составленные изъ цѣлой системы прямолинейныхъ большею частью очертаній. Кирпичъ до кладки погружается въ растворъ краски, сначала однимъ угломъ, потомъ другимъ, сосѣднимъ,—такъ что остается незакрашеннымъ (краснымъ) треугольникъ (различной, по надобности, величины), который и является основнымъ элементомъ узора. Затѣмъ, различный способъ кладки кирпича, чередованіе длинныхъ и короткихъ реберъ его придаетъ большое разнообразіе комбинаціямъ и развиваетъ основной простой рисунокъ въ цѣлую сложную систему орнамента,—любопытную для археолога тѣмъ, что мотивы его отличаются чертами народной самобытности, знакомы намъ по памятникамъ народнаго и древне-русскаго творчества.

Докладчикъ описалъ подробно орнаментъ нѣсколькихъ избъ села Ново-Животиннаго, Подгоренской волости, Воронежскаго уѣзда, коснувшись и сосѣднихъ селъ и отмѣтивъ непремѣнное разнообразіе убранства, особенно яркое въ близко другъ отъ друга стоящихъ хатахъ (своего рода сельская геральдика).

Расписные узоры на избахъ можно раздѣлить на три разряда: 1) орнаментъ горизонтальный, соотвѣтствующій архитектурнымъ терминамъ — панель и карнизъ; 2) орнаментъ вертикальный, напоминающій пилястры и колонны; 3) орнаментъ настѣнный, помѣщаемый между окнами и около нихъ, нѣсколько схожій съ медальонами въ лѣпныхъ работахъ. Въ первыхъ двухъ разрядахъ весьма разнообразныя комбинаціи не заходятъ дальше простой сложности орнамента и не выражаютъ никакой общей идеи. Настѣнные узоры существуютъ всего въ нѣсколькихъ главныхъ типахъ, но намекаютъ на желаніе воспроизвести дѣйствительные предметы, связанные съ миѳическими и поэтическими представленіями народа. Верхи оконъ закруглены и убраны чисто-орнаментальнымъ узоромъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Основными мотивами узоровъ кирпичныхъ хатъ являются: то пологія, то болѣе крутыя *вилюшки* (зигзаги), далѣе *опояски* (параллельныя, наисколь полосы, напоминающія крученый поясъ), *глазки* (бубновый тузъ обыкновенно на бѣломъ фонѣ), *сосенка* (вѣтви, расходящіяся вверхъ), *самоваръ*, оказывающійся въ дѣйствительности чашей или кубкомъ (видъ рюмки, поставленной прямо на подножье, безъ ножки). *Сосенка* несомнѣнно изображаетъ собою дерево; глазки докладчикъ готовъ объяснить, какъ изображеніе „звѣздъ частыхъ", какъ въ пѣсенномъ теремѣ (напр. „Сказанія Русскаго народа", И. П. Сахарова, стр. 16, № 1). Въ мнимомъ *самоваръ* докладчикъ видитъ *полную чашу* и ставитъ это изображеніе въ связь съ обычаемъ въ Воронежской губерніи при построеніи новаго дома (какъ и при перенесеніи цѣлой деревни) плескать изъ рюмки водку на землю съ пожеланіемъ, „чтобъ все въ домѣ росло и прыгало"; съ этимъ пожеланіемъ роста можно сблизить и изображеніе дерева.

Къ своимъ рисункамъ узоровъ на кирпичныхъ избахъ докладчикъ представилъ цѣлый рядъ параллельныхъ рисунковъ, изображающихъ *вилюшки*, *опояски*, *глазки*, *сосенки* изъ труда В. В. Суслова „Русскій народный орнаментъ, вып. 1 (Спб. 1872), изъ „Матеріаловъ по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной" А. Прохорова (въ нихъ именно статья Н. В. Султанова „Израсцы въ русскомъ искусствѣ", 1885 г.), изъ „Памятниковъ древняго русскаго зодчества, собранныхъ Ѳ. Рихтеромъ (Москва 1850 г.), и, наконецъ, особенно детали церквей: ярославскихъ, нижегородскихъ, Василія Блаженнаго и другихъ московскихъ, коломенскаго дворца, строгоновскихъ палатъ и т. п.

4. Ѳ. Ѳ. Чекалинъ прочелъ: *Саратовъ на лѣвомъ берегу Волги и время перенесенія его на правый ея берегъ.* (т. III, 57—64).

Д. И. Багалѣй: Съ большимъ интересомъ я прослушалъ ваше сообщеніе и могу только пожелать, чтобъ подобнаго рода работа въ скорости появилась и по отношенію къ другимъ городамъ нашего отечества. На основаніи источниковъ, на основаніи анализа, вы постарались рѣшить вопросъ о топографіи города Саратова. Для меня показались убѣдительными ваши доводы за исключеніемъ двухъ: По вашему мнѣнію въ 1614 году существовало на лѣвомъ берегу Волги городище, или пепелище, и вы въ этомъ городищѣ желаете видѣть заселенный городъ. Мнѣ кажется, что прямое этимологическое значеніе словъ—городище и пепелище ясно говоритъ, что этотъ пунктъ не былъ заселенъ. Въ пользу населенности этого пункта нѣтъ никакихъ прямыхъ и даже косвенныхъ свидѣтельствъ. Нѣкоторыя общія историческія соображенія и аналогіи говорятъ скорѣй въ пользу предположенія, что городъ находился въ запустѣніи. А именно, передъ этимъ была смутная эпоха, въ которую городъ и могъ, и долженъ былъ запустѣть. Точно такое же запустѣніе относится и къ другимъ областямъ русскаго государства, напримѣръ къ городу Царе-борисову, построенному въ царствованіе Бориса Годунова и запустѣвшему на время смуты, а затѣмъ опять принявшему видъ населеннаго пункта.

Мнѣ кажется, въ пользу моего соображенія говоритъ источникъ, который вы приводите. Запустѣніемъ города объясняется, почему въ описяхъ 1615 г. онъ не упомянутъ: онъ не былъ въ это время въ качествѣ заселеннаго; въ 1625 же году онъ

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

уже существуетъ, потому что онъ опять возникъ изъ пепелища. Это не противорѣчитъ общей исторіи нашихъ украйныхъ городовъ за это время.

Затѣмъ другое сомнѣніе относится къ высказанному вами мнѣнію, что постройка города Саратова на правомъ берегу Волги принадлежитъ 1674 году. Мнѣ кажется, что прямой смыслъ того источника, который вы читали, скорѣй говоритъ въ пользу того, что городъ въ это время былъ не вновь построенъ, а пристроенъ, или обновленъ. По крайней мѣрѣ громадное количество данныхъ о поправкѣ нашихъ старыхъ городовъ выражается въ такихъ точно словахъ, въ какихъ составленъ актъ, который вы читали.

Если принять такого рода возраженіе, тогда только придется сказать себѣ, что точнымъ образомъ опредѣлить годъ постройки города Саратова на правомъ берегу Волги затруднительно. И дѣйствительно, не всегда возможно даже по точнымъ документальнымъ архивнымъ актамъ констатировать основаніе того или другого города. Я предложу еще одинъ вопросъ: какъ назовете вы то пристанище, которое имѣли на мѣстѣ стараго Саратова служилые люди московскаго государства? Это — станица или острогъ?

Ѳ. Ѳ. Чекалинъ, называя пристанище это *станицей*, возражалъ противъ объясненія Д. И. Багалѣемъ словъ: *городище* и аналогичнаго *пепелища*, ссылаясь на свой докладъ. Годъ 1674 онъ признаетъ несомнѣнно годомъ перенесенія (а не обновленія) Саратова на правый берегъ, ибо въ 1669 г. Стрюйсъ видѣлъ городъ еще на лѣвомъ берегу.

Д. И. Багалѣй: Трудно затрогивать вопросъ о значеніи городищъ у насъ вообще, и вы напрасно сдѣлали экскурсію въ эту область. Въ книгѣ Большого Чертежа перечисляется цѣлый рядъ городищъ, ихъ можно привести десятка два. Значеніе этихъ терминовъ въ связи съ исторіей свидѣтельствуетъ о томъ, что эти мѣста были пустыя, и что городищами называются они потому, что раньше были заселены. Новые заселенные пункты донецкаго бассейна находятся въ такомъ же положеніи, какъ саратовскій пунктъ. Городища были естественнымъ укрѣпленіемъ, не нужно было ихъ вновь устраивать и на этихъ пунктахъ происходило поселеніе. Исторія саратовскаго поселенія соотвѣтствуетъ вполнѣ другимъ подобнымъ фактамъ, извѣстныхъ намъ: началось дѣло съ поселенія до-русскаго, въ данномъ случаѣ татарскаго, затѣмъ образовался острожокъ, который на нѣкоторое время запустѣлъ; затѣмъ разъѣздъ опять обратился въ эту сторону, и опять появилось населеніе, и Саратовъ упоминается въ числѣ городовъ. Вы прочли, что съ городища брали колокола. Мнѣ это тоже напоминаетъ пустое мѣсто. Но въ такомъ случаѣ, гдѣ писали свои отчеты сторожа, куда клали? А памяти доѣздныя? Ѣдетъ доѣздчикъ по степи, встрѣчаетъ дубъ, яму и вкладываетъ туда память. Вотъ, каковы были канцеляріи того добраго, стараго времени.

Ѳ. Ѳ. Чекалинъ не признавалъ объясненнымъ въ такомъ случаѣ тотъ фактъ, что воевода дѣлаетъ выговоръ въ актѣ, писанномъ въ Саратовскомъ городищѣ.

П. Н. Милюковъ: Я присоединяюсь къ выраженію того удовольствія, которое высказалъ Д. И. Багалѣй, а также и къ его первому возраженію. По общимъ сообра-

женіямъ трудно рѣшить что-нибудь положительное. Главное значеніе имѣетъ аргументъ, что въ городищѣ занимались раскопками: на населенномъ мѣстѣ это едва ли возможно: если искали здѣсь кладовъ, то это показываетъ, что мѣсто было запустѣлое. Относительно возникновенія новаго города на правомъ берегу въ 1674 г. я согласенъ съ вами, что городъ былъ въ этомъ году не возобновленъ, а построенъ на правомъ берегу. Вы очень остроумно связали это перенесеніе съ подданствомъ Калмыковъ Россіи, но нельзя ли тутъ искать другой связи? Въ 1669 году городъ въ послѣдній разъ упоминается на лѣвомъ берегу, а въ 1674 явился новый городъ на правомъ. Нельзя ли связать уничтоженія стараго съ бунтомъ Разина?—Въ заключеніе П. Н. Милюковъ, указывая, что разрядныя книги до 1586 г. не знаютъ Саратова, полагалъ, что надо искать годъ построенія Саратова между 1586—1590 гг., и вѣрнѣе всего въ 1590 г., какъ полагалъ еще Перетятковичъ.

---

17 ЯНВАРЯ. 10 ЧАС. УТРА

ОТДѢЛЕНІЕ VI. Памятники славяно-русскаго языка и письма.

Почетный Предсѣдатель М. С. Дриновъ.
Предсѣдатель Отдѣленія А. И. Кирпичниковъ.
Секретарь Отдѣленія С. І. Долговъ.

1. А. И. Кирпичниковъ прочелъ докладъ: *Особый видъ творчества въ древнерусской литературѣ.*

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ докладчикъ занимался источниками духовныхъ стиховъ. Дойдя до трехъ варіантовъ стиха о Димитріи Солунскомъ, которые помѣщены въ *Каликахъ* Безсонова, онъ обратился къ Минеямъ Димитрія Ростовскаго и Макарія. Оказалось, что этотъ стихъ составляетъ поэтическій пересказъ трехъ чудесъ великомученика, слитыхъ довольно искусно въ одно цѣлое. Поэтому докладчикъ заключилъ, что творчество нашихъ каликъ ограничивалось только одною формой. Въ прошломъ же году, читая Метафраста, А. И. Кирпичниковъ удивился тому обстоятельству, что между многочисленными чудесами великомученика не нашлось чуда о двухъ дѣвицахъ, составляющаго главное содержаніе самой важной третьей части стиха о Димитріи Солунскомъ. Не оказалось этого чуда и въ другихъ источникахъ. Тогда А. И. обратился къ Минеямъ Макарія для изслѣдованій, не прибавилъ ли этотъ разсказъ русскій книжникъ.

При изученіи, за это предположеніе оказались основанія, но прежде чѣмъ изложить ихъ, А. И. сказалъ нѣсколько словъ о Димитріи Солунскомъ. Этотъ святой, какъ извѣстно, происходилъ изъ знатнаго рода города Ѳессалоникъ и пострадалъ при Діоклетіанѣ. Тамъ, гдѣ „вѣрные“ погребли его тѣло, уже въ V вѣкѣ былъ воздвигнутъ небольшой храмъ, который обратился въ главную мѣстную святыню, а

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

самъ великомученикъ сталъ первымъ покровителемъ и заступникомъ родного города, игравшаго большую роль въ исторіи Византіи и въ особенности во время борьбы съ Аварами, Болгарами и Славянами. Уже въ VII вѣкѣ въ Солуни существовали два житія Св. Димитрія и былъ сдѣланъ сводъ чудесъ его архіепископомъ Іоанномъ Ѳессалоникійскимъ. Въ силу того, что святой занималъ крупную военную должность, чудеса его носятъ, такъ-сказать, военный характеръ, и самъ онъ изображается молодымъ воиномъ въ полномъ вооруженіи. Славяне, жившіе около Солуни, скоро усвоили почитаніе святаго, а затѣмъ оно, съ принятіемъ нами христіанства, перешло и въ Русь. Извѣстность Димитрія Солунскаго въ народѣ доказывается существованіемъ духовнаго стиха, который (по указанію издателя) поется въ губерніяхъ: Пермской, Новгородской, Симбирской и Смоленской. Этотъ стихъ, какъ уже сказано, говоритъ о трехъ чудесахъ. Оставляя въ сторонѣ два первые, докладчикъ отмѣчаетъ третье, представляющее важность для цѣлей его сообщенія.

Названія его по-гречески не нашлось, оглавленіе же его по Минеи Макарія такое: *Чудо о двою дѣвицю, еже отъ Срацинъ въ церковь свою принесе.* Разъ на городъ Солунь напали поганые и хотя благодаря заступленію Димитрія города не взяли, но воевода заполонилъ двухъ дѣвицъ, весьма искусныхъ по пяличному дѣлу. Приведя плѣнницъ домой, воевода говоритъ имъ: „Я слышалъ, что у васъ есть великій богъ и чудотворецъ Димитрій—вышейте мнѣ на плащаницѣ образъ его, чтобъ я могъ поклониться ему и побѣждать враговъ, нося его передъ полками". Дѣвицы отказываются, полагая, что воевода хочетъ надругаться надъ образомъ. Но суровый воевода грозитъ имъ смертью, и онѣ принимаются за работу. Образъ вышитъ, и утомленныя плѣнницы, со слезами помолясь Димитрію, чтобы онъ простилъ имъ подневольный грѣхъ, уснули за пяльцами. Ночью св. Димитрій вмѣстѣ съ образомъ невидимо перенесъ ихъ въ Солунь въ свою церковь и поставилъ тамъ у своего гроба съ вышитымъ образомъ, „иже и до нынѣ исцѣленія подаетъ всѣмъ". Кромѣ этой редакціи, существуютъ и другія, въ одной изъ которыхъ, между прочимъ, приплетается даже имя Мамая, а другая измѣняетъ желаніе воеводы: по послѣдней редакціи, онъ приказалъ дѣвицамъ вышить его самого на конѣ и въ такомъ видѣ, что онъ будто бы поражаетъ лежащаго на землѣ великомученика копьемъ въ горло, но плѣнницы поступили наоборотъ и изобразили святаго, на конѣ, поражающимъ воеводу также въ горло. Эта редакція есть вставка писца, знавшаго о существованіи иконы съ подобнымъ же сюжетомъ и ловко составившаго этотъ разсказъ по ней. Словомъ, изъ вышеприведенныхъ и многихъ другихъ данныхъ возникло поэтическое, но книжное сказаніе о томъ, что святой Димитрій освобождаетъ двухъ дѣвицъ полонянокъ отъ Мамая-безбожника. Это сказаніе, съ одной стороны, сократилось въ проложный разсказъ обычнаго типа, а съ другой, видоизмѣнилось въ устахъ старцевъ въ духовный стихъ, уцѣлѣвшій и до нашего времени. Въ заключеніе докладчикъ сказалъ, что, на основаніи его предположеній, надо будетъ признать, что въ русской литературѣ есть еще много продуктовъ самостоятельнаго творчества. „Эти поэмы, можетъ быть, не отличаются особымъ богатствомъ содержанія и глубиною идеи, но въ нихъ слышится здоровое чувство, сильная вѣра здороваго и сильнаго народа, которому суждено

было перенести на своихъ плечахъ цѣлый рядъ, повидимому, всесокрушительныхъ бѣдствій, не утративъ ни энергіи чувства, ни вѣры въ добро, А главное, это наше собственное, а кому свое не дорого?“ *)

2. М. И. Соколовъ прочелъ докладъ, подъ заглавіемъ: *Новый матеріалъ для изученія редакціи житія Св. Авраамія Ростовскаго* (т. II, 236--241).

3. А. И. Соболевскій прочелъ докладъ: *Грамота князя Ивана Берладника 1134 года* (т. II, 173—174).

И. А. Линниченко не считалъ доказанной подложность грамоты: молдавское вліяніе въ языкѣ объяснимо содержаніемъ грамоты, а съ исторической точки зрѣнія въ ней также нѣтъ ничего сомнительнаго: говорится о льготахъ, которыя даетъ князь купцамъ въ разныхъ городахъ. Такихъ грамотъ цѣлая масса и выдумывать ихъ не было никому нужды, ни въ древнее, ни въ новое время.

А. И. Соболевскій возразилъ, что онъ указывалъ на молдавское вліяніе XIV и XV вѣковъ, между тѣмъ, какъ грамота должна относиться къ XII вѣку, которому она не можетъ принадлежать по языку. Съ исторической точки зрѣнія сомнѣніе возбуждается уже тѣмъ, что Берладникъ называетъ себя „княземъ отъ стола Галичскаго“.

Д. И. Иловайскій присоединился ко мнѣнію И. А. Линниченка. Румынскому патріотизму, старающемуся изгладить въ своей области слѣды церковно-славянскаго языка, интересно было бы не поддѣлать, а уничтожить подобную грамоту, которая ясно показываетъ, что въ XII в. было здѣсь чисто-русское княжество. Затѣмъ, что касается языка, то опять вопросъ: какую исторію прошла грамота, пока дошла до насъ? Очень можетъ быть, что она нѣсколько разъ переписывалась, искажалась и подвергалась разнымъ вліяніямъ. Если бы мы имѣли дѣло съ подлинникомъ, тогда мы судили бы по языку и орѳографіи. Вообще же вопросъ о грамотѣ остается открытымъ и нельзя рѣшительно высказаться ни въ ту, ни въ другую сторону.

А. И. Соболевскій сослался на утвержденіе издателя, что рукопись—подлинникъ.

Д. И. Иловайскій считалъ правдоподобнѣе объяснить сохраненіе грамоты тѣмъ что она переписывалась, и остался при своемъ мнѣніи о невозможности окончательно рѣшить дѣло.

(О дальнѣйшемъ обсужденіи этого вопроса на Съѣздѣ см. ниже докладъ И. И. Богдана, въ засѣданіи VI отдѣленія, 21 января).

4. Х. М. Лопаревъ прочелъ докладъ подъ заглавіемъ — *Іерусалимскій патріархъ Хрисанѳъ и его отношенія къ Россіи* (т. II, 20—27).

5. Командированный Парижскимъ университетомъ въ Москву для изученія русскаго языка Г. Поль Буайе (M. Paul Boyer) въ небольшой рѣчи высказалъ свой взглядъ *О способѣ изучать исторію русскаго языка* (De la manière d'étudier l'histoire de la langue russe).

Въ началѣ своей рѣчи Г. Буайе оговорился, что, считая русскихъ ученыхъ не-

*) Докладъ изданъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1890 г.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

сравненно болѣе компетентными по данному предмету, онъ желаетъ только высказать имъ свое сочувствіе и передать нѣкоторыя свои соображенія.

Русскіе ученые имѣютъ передъ собой обширное поле для изслѣдованія исторіи русскаго языка. До послѣдняго времени поле это было сильно покрыто сорными травами, но расчистка его уже началась, и теперь можно смѣло двигаться впередъ. Теперь уже нѣтъ никого, кто бы утверждалъ, чтобъ русскій языкъ происходилъ отъ церковно-славянскаго; русскій языкъ несомнѣнно одинъ изъ самостоятельныхъ славянскихъ языковъ, и хотя мы знаемъ и другіе славянскіе языки и церковно-славянскій языкъ, намъ слѣдуетъ отказаться отъ мысли отыскать „праславянскій“ языкъ, отъ котораго всѣ они произошли. Попытка производить русскій языкъ отъ церковно-славянскаго столь же неосновательна, какъ и стремленія производить современный нѣмецкій отъ готскаго или современный французскій отъ умбрійскаго. Безъ сомнѣнія, обстоятельства религіозныя и политическія ввели въ русскій языкъ значительное количество церковно-славянскихъ словъ, но эти заимствованія не имѣютъ ничего общаго съ вопросомъ о происхожденіи языка: англійскій языкъ остается языкомъ германскимъ, несмотря на массу французскихъ словъ, вошедшихъ въ него послѣ норманнскаго завоеванія.

Такимъ образомъ, задачи русскихъ ученыхъ заключается въ изученіи „языка *въ немъ самомъ*“: эта задача достойна всякихъ усилій. Слѣдуетъ разыскивать первоначальные памятники русскаго языка, опредѣлять по списаннымъ въ Россіи славянскимъ рукописямъ долю вліянія мѣстнаго элемента, прилагать это изслѣдованіе, преимущественно, къ Остромірову Евангелію и другимъ древнимъ рукописямъ, сопровождая все это разсмотрѣніемъ правильнаго развитія русской грамматики и словаря, слѣдуетъ отмѣчать года, чтобы установить, какъ разрасталась русская національная литература. Такова должна быть для русскихъ ученыхъ программа вполнѣ соотвѣтствующая русскимъ задачамъ и русскому патріотизму. Это относится къ прошедшему, въ настоящемъ же слѣдуетъ разсмотрѣть современныя нарѣчія, которыя возникли въ различныхъ мѣстахъ обширной Россійской имперіи и, будучи проникнуты народнымъ духомъ, выразились въ сказкѣ и въ пѣснѣ.

Затѣмъ ораторъ сказалъ нѣсколько словъ о подобнаго же рода изысканіяхъ относительно французскаго языка и заключилъ свою рѣчь пожеланіемъ успѣха русскимъ ученымъ и выраженіемъ сочувствія ихъ дѣятельности со стороны Французовъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

17 января. 1 час. дня.

ОТДѢЛЕНІЕ IX. Памятники археографическіе.

Почетный предсѣдатель А. К. Жизневскій.
Предсѣдатель Отдѣленія баронъ Ѳ. А. Бюлеръ.
Секретарь Отдѣленія графъ Н. С. Ланской.

1. А. А. Гоздаво-Голомбіевскій прочелъ докладъ *О дѣлахъ губернскихъ и провинціальныхъ присутственныхъ мѣстъ, упраздненныхъ судебной реформой 1864 года, и дѣлахъ стараго городского управленія Москвы, поступившихъ въ Архивъ Министерства Юстиціи.* Означенный докладъ представлялъ извлеченіе изъ Памятной Книжки Архива, которая имѣла выйти въ 1890 году, и ознакомилъ Съѣздъ съ дѣлами, вновь поступившими въ этотъ Архивъ. Докладу г. Голомбіевскій предпослалъ отъ себя нѣсколько общихъ соображеній по вопросу, какъ сдѣлать болѣе доступными для постороннихъ лицъ хранящіеся въ архивахъ матеріалы, и какія средства подходятъ въ этомъ отношеніи для Московскаго Архива Министерства Юстиціи въ частности. Охарактеризовавъ пять родовъ описей, которыя приняты въ разныхъ русскихъ архивахъ, докладчикъ пришелъ къ заключенію, что для Московскаго Архива Министерства Юстиціи, при количественномъ составѣ его документовъ (около $2^1/_2$ милліоновъ нумеровъ дѣлъ, книгъ, столбцовъ и вязокъ), и не только научномъ, но и практическомъ значеніи ихъ, пригодны прежде всего такія описи, которыя могутъ обезпечить цѣлость дѣлъ и способствовать быстрому отысканію справокъ, т. е. реестры и алфавиты. Что касается до ученыхъ описей, то въ виду многочисленности документовъ Архива и продолжительности составленія этого рода описей, ученое описаніе всего Архива осуществится не скоро. Тѣмъ не менѣе Архивъ приходитъ, по мѣрѣ возможности, на помощь лицамъ, занимающимся русскою исторіей, составляя и печатая, по мысли покойнаго своего директора Н. В. Калачева, въ „Описаніи документовъ и бумагъ" обозрѣнія цѣлыхъ группъ дѣлъ. Эти обозрѣнія и должны находить себѣ мѣсто въ изданіяхъ Архива, а не ученыя описи, на которыя нѣтъ средствъ. Затѣмъ докладчикъ ознакомилъ слушателей съ правилами, выработанными при началѣ сдачи дѣлъ изъ присутственныхъ мѣстъ, упраздненныхъ реформой 1864 годъ, и съ тѣмъ, насколько эти правила соблюдались на практикѣ. По многимъ причинамъ передача дѣлъ изъ закрытыхъ присутственныхъ мѣстъ въ Архивъ Министерства Юстиціи не кончилась еще до сихъ поръ. Общее число документовъ, принятыхъ до 1 января 1890 г. и принадлежащихъ болѣе чѣмъ тысячѣ учрежденій 59 наименованій, существовавшихъ въ 453 населенныхъ мѣстностяхъ, достигаетъ 800.000. Документы эти принадлежатъ губернскимъ и городовымъ учрежденіямъ, установленнымъ реформами императрицы Екатерины II, и отчасти болѣе раннимъ учрежденіямъ, преобразованнымъ при этихъ реформахъ.—Что касается дѣлъ Московскаго городского управленія старыхъ лѣтъ, то

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

они поступили въ Архивъ изъ Московской Городской Думы. Всего отъ разныхъ мѣстъ поступило въ Архивъ 10.516 книгъ и 168.119 дѣлъ.

Въ заключеніе докладчикомъ было сообщено мнѣніе покойнаго Головацкаго о томъ, что на ученое описаніе Виленскаго центральнаго архива, имѣющаго всего только 19.627 нумеровъ книгъ, потребуется 1.568 лѣтъ, при двухъ чиновникахъ, полагая на каждаго по 1.562 акта въ годъ. Сколько же лѣтъ нужно для описанія всѣхъ новыхъ дѣлъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи?

А. Н. Петровъ: Я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ по поводу заявленія г. докладчика, по которому, если я не ошибаюсь, количество матеріала, находящагося въ историческомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, такъ велико, что для разбора ихъ потребуется чуть не 1000 лѣтъ, а для напечатанія ученаго описанія чуть не сотни тысячъ. Это слишкомъ гадательныя цифры, да и все зависитъ отъ того, какъ вести описи этихъ громадныхъ дѣлъ. Если дѣйствительно чуть не списывать каждую бумагу, то потребуется много времени. Но я сужу по предмету, извѣстному мнѣ: когда Академія Наукъ приступила къ описанію историческихъ рукописей, то дѣло было поручено 7 профессорамъ, которые кончили работу въ теченіе 6 лѣтъ, слѣдовательно, не потребовалось громадныхъ усилій. Приведу другой примѣръ: при Главномъ Штабѣ существуютъ склады историческихъ рукописей, начиная со времени Петра и до настоящаго времени; онѣ составляютъ десятки тысячъ дѣлъ, а описей никакихъ нѣтъ; была организована коммиссія изъ 5 офицеровъ Ген. Штаба, и они окончили работу въ 3 года. Третій примѣръ: библіотека Генеральнаго Штаба, которая имѣетъ болѣе 100.000 томовъ сочиненій, не имѣла 15 лѣтъ каталога, и два человѣка привели ее въ порядокъ въ 3 года, и теперь есть 100 печатныхъ листовъ каталога. Въ настоящее время Д. Ѳ. Масловскій составилъ опись матеріаловъ, которые хранятся въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба. Каталогъ напечатанъ и скоро будетъ представленъ обществу.

Если не измѣнять системы, составляя описи, и не списывать каждую бумагу, то работа можетъ пойти скорѣй. Въ этомъ отношеніи въ Военномъ Архивѣ дѣлали такъ: берется дѣло, которое охарактеризовывается въ краткихъ словахъ и пересматривается, но главнѣйшія бумаги упоминаются особо. Это облегчаетъ впослѣдствіи работу до такой степени, что, беря въ руки цѣлое дѣло, вы въ нѣсколько минутъ прямо можете раскрыть ту страницу, какую нужно. А остальныя, незначительныя бумаги упускаются изъ виду. Если такая система будетъ принята, то гораздо скорѣй можетъ пойти работа и не потребуется громадныхъ затратъ. Каталогъ Главнаго Штаба обошелся въ 4000 руб.

В. И. Холмогоровъ: Сейчасъ высказано мнѣніе, что Архивъ можетъ быть описанъ въ очень короткое время, т. е. не принимая тѣ цифры годовъ, которые указаны докладчикомъ. Занимаясь нѣсколько лѣтъ практическимъ изученіемъ этого архива, я долженъ сказать, что опись не всегда можно составить по плану, который указываетъ г. Петровъ. Есть практическія описи, для которыхъ нужно извлечь географію мѣстностей и фамиліи владѣльцевъ и другихъ лицъ. Потомъ историческія описи, которыя необходимы. Описей, которыя предлагаетъ г. Петровъ, недостаточно,

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

хотя онѣ потребуютъ мало времени; онѣ не будутъ удовлетворять архивныхъ коммиссій. Необходимо даже иногда не перифразировать документъ, а передать его въ подлинникѣ. Въ нѣкоторыхъ архивахъ есть дѣла, которыя заключаютъ въ себѣ извѣстный томикъ; но нашими дѣлами, имѣющими 25.000 столбцовъ, развѣ можно заняться одному человѣку? Нужно извлечь содержаніе каждаго дѣла, привести въ хронологическій порядокъ, и нерѣдко бываетъ, что одинъ документъ надо переложить въ другой. Вотъ почему Архивъ Министерства Юстиціи дѣлаетъ такое громадное исчисленіе времени, чтобы составить описи того громаднаго запаса матеріала, который имѣется. Онъ не уклоняется сдѣлать эту работу, но говоритъ, что на нее нужно много времени.

Докладчикъ указалъ, что въ возраженіи ему имѣлись въ виду описи инвентарныя; мнѣніе же Головацкаго относится къ ученымъ описямъ.

Н. Н. Любовичъ: Въ большинствѣ архивовъ очень трудно сдѣлать сразу описи, и въ Западной Европѣ ограничиваются сначала карточками по географическимъ именамъ, что весьма помогаетъ при справкахъ. Кенигсбергскіе и парижскіе архивы провели эту систему.

В. А. Уляницкій: Архивъ долженъ удовлетворять тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются со стороны ученыхъ. Ученые требуютъ имя эпохи или мѣстности, и для этой цѣли долженъ имѣться каталогъ, вполнѣ удобный для быстраго удовлетворенія требованій. Такимъ требованіямъ болѣе всего удовлетворяетъ система карточная, которая принята въ Спб. Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Эта система состоитъ въ томъ, что имѣются три рубрики алфавита, изъ которыхъ одна представляетъ имена личныя, другая—имена географическія, которыя встрѣчаются въ дѣлахъ, и, наконецъ, третья болѣе предметная по отдѣльнымъ вопросамъ, которые разсматриваются въ документѣ. Сколько разъ ни приходилось имѣть дѣло съ такимъ каталогомъ, всегда это оказывалось пригоднымъ для быстрыхъ справокъ. Что касается старыхъ архивовъ, то разъ они запущены, трудно удовлетворить требованіямъ. На составленіе каталога потребуется много времени. Я говорю это по опыту,—и едва ли мнѣніе докладчика не окажется справедливымъ.

Д. И. Багалѣй: Мнѣ приходилось работать въ Архивѣ Министерства Юстиціи, и я вынесъ оттуда нѣсколько впечатлѣній, которыя могутъ имѣть нѣкоторое значеніе. Нельзя игнорировать значительнаго количества такъ называемыхъ описаній, или книгъ, обозрѣній этого архивнаго матеріала. Эти книги являются чрезвычайно важными для тѣхъ лицъ, которыя впервые вступаютъ въ Архивъ и знакомятся съ матеріалами. Эти обозрѣнія архивныхъ матеріаловъ представляютъ нѣчто среднее между описями и краткими реестрами и достаточны только для начала дѣла. Я выразилъ бы такого рода желаніе, чтобы въ послѣдующихъ изданіяхъ этихъ описаній печатныхъ матеріаловъ Архива были приведены въ извѣстность всѣ рукописныя описанія, находящіяся въ распоряженіи Архива для того, чтобы лица, интересующіяся тѣмъ или другимъ вопросомъ, знали о существованіи этихъ описаній, знали, что въ каждомъ изъ нихъ находится. Я чувствовалъ иногда нѣкоторый недостатокъ полныхъ знаній рукописныхъ описаній. Самыя рукописныя описанія печатать невозможно, но

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

желательно вносить въ эти существующіе каталоги нѣкоторыя фактическія поправки, такъ какъ ошибокъ въ нихъ очень много. Желательно приводить въ общую извѣстность матеріалы вновь поступающіе на подобіе тѣхъ свѣдѣній, которыя будутъ представлены въ памятной книжкѣ Архива. Къ примѣру докладчика, т. е. къ мнѣнію Головацкаго, можно привести аналогичный фактъ, относящійся къ Кіевскому Архиву, гдѣ дѣлалось вычисленіе и приходили къ заключенію, что для составленія краткаго реестра по всѣмъ книгамъ понадобится полторы тысячи лѣтъ.

П. Н. Милюковъ: Докладчикъ сообщилъ свѣдѣнія о такъ называемыхъ „Новыхъ дѣлахъ" Архива, которыя никѣмъ еще не тронуты. Какъ видно изъ сообщенія, въ этихъ дѣлахъ вся наша областная административно судебная практика XVIII вѣка, богатѣйшій матеріалъ по XVII вѣку и даже по XVI. По отношенію къ этому отдѣлу не существуетъ даже тѣхъ указаній, какія есть относительно прежняго содержанія архивовъ.

Я думаю, что я высказалъ бы общее желаніе русскихъ историковъ, если бы просилъ служащихъ въ Архивѣ обратить вниманіе на напечатаніе въ ближайшемъ будущемъ географическаго индекса, т. е. указанія, изъ какихъ городовъ и учрежденій поступили дѣла. Если бы архивисты къ этому присоединили также и указаніе, съ какого года по какой годъ можно найти дѣла поступившія, тогда первое насущное требованіе было бы удовлетворено. Это не требуетъ особенныхъ средствъ и сдѣлать не долго, такъ что эта возможная задача должна быть осуществлена прежде всего.

Докладчикъ: Указаніе на всѣ описи будетъ въ памятной книжкѣ.

В. Б. Антоновичъ: Во мнѣніяхъ, высказанныхъ здѣсь, насколько я понялъ, рѣчь идетъ о трехъ методахъ описанія архивовъ. Методъ, предлагаемый Архивомъ Министерства Юстиціи, основанъ на краткомъ изложеніи темы, въ которомъ не было бы упущеній обстоятельствъ, могущихъ имѣть историческое значеніе. Другое предложеніе, въ виду трудности такого дѣла, желало бы замѣнить его каталогомъ. Третье предложеніе состоитъ въ номенклатурномъ индексѣ. Я пробовалъ всѣ три методы въ въ Кіевскомъ Архивѣ. Каталогъ—вещь полезная, но для ученыхъ работъ онъ не помогаетъ. Тутъ можно отыскать мѣсто, книгу, извѣстный разрядъ и только, но эту книгу архивистъ долженъ всю просмотрѣть. Опись, которую предлагаетъ Управленіе Архива Министерства Юстиціи,—велика, на нее надо много труда и времени,—но это единственная цѣлесообразная опись. Она вознаградитъ сторицей въ будущемъ быстротой научныхъ работъ, которыя будутъ сдѣланы. Относительно третьей системы—индексовъ, я сомнѣваюсь въ удобствѣ ихъ. Въ Архивъ Министерства Юстиціи поступило изъ Литовской метрики описаніе замка. Въ описи этотъ документъ занялъ бы 4—5 строчекъ, и онѣ удовлетворили бы ученаго. Если извлечь номенклатуру именъ, предметовъ и географическихъ названій, то тутъ работы на недѣлю. Но тутъ является еще трудность. Есть документы, гдѣ перечислено все населеніе всѣхъ сословій: ихъ всѣхъ надо будетъ включить, а если не всѣхъ, а только тѣхъ, которые по положенію интересны, тогда выборъ является произволомъ: одному интересно одно, другому—другое. Относительно географическихъ названій тоже самое. Въ Архивахъ лежитъ много дѣлъ, гдѣ упомянуты не только города, но и урочища; мѣстныхъ на-

званій будетъ масса, труда потребуется много и масса окажется не нужнаго,—а произвола въ выборѣ допустить нельзя.

Я всецѣло стою, какъ бы трудно это ни казалось, какъ бы оно ни пугало временемъ и расходами, за методъ, предложенный Управленіемъ Архива Министерства Юстиціи,—единственный, который окажетъ громадную пользу.

2. Ѳ. Ѳ. Лашковъ прочелъ докладъ: *Обозрѣніе шертныхъ грамотъ по сношеніямъ Московскаго государства съ Крымскимъ ханствомъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, хранящихся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ* (т. II, 191—208).

3. А. Ѳ. Селивановъ прочелъ докладъ подъ заглавіемъ—*Общій обзоръ дѣятельности губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій.*

Указавъ на причины основанія этихъ коммиссій, докладчикъ привелъ данныя объ ихъ дѣятельности. Рязанская, напр., коммиссія въ 1888 году разсмотрѣла 26.780 дѣлъ, изъ которыхъ 1,908 дѣлъ признаны заслуживающими храненія, описаны и переданы въ губернскій историческій архивъ. Кромѣ разсмотрѣнія дѣлъ, коммиссіи занимались собираніемъ свѣдѣній о древностяхъ, организаціей музеевъ, курганными раскопками и т. д. Многіе изъ членовъ дѣлали въ засѣданіяхъ коммиссій сообщенія и издали очень важные историческіе труды. Музеи есть уже почти при всѣхъ коммиссіяхъ. Особенно богатъ Тверской музей. Рязанскій—въ особенности обогатился предметами изъ интересныхъ раскопокъ А. В. Селиванова въ Старой Рязани и другихъ мѣстахъ. Для Симферопольскаго музея много предметовъ доставилъ предсѣдатель коммиссіи А. Х. Стевенъ изъ бывшаго скиѳскаго кладбища Неополиса, около Симферополя. Раскопками занимались члены коммиссій: Рязанской, Тамбовской, Саратовской, Орловской и Таврической. Изъ сочиненій и докладовъ членовъ коммиссій (такихъ трудовъ—болѣе ста) обращаютъ на себя вниманіе: прекрасное описаніе Тверского музея А. К. Жизневскаго, „Исторія Тверской семинаріи“ В. И. Колосова, труды Н. Д. Квашнина-Самарина, В. О. Владиславлева, В. А. Плетнева, А. В. Селиванова, И. В. Миловидова, А. С. Гацискаго, Н. С. Соколова, А. А. Полторацкой и др. Библіотеки коммиссій значительно увеличились; напримѣръ, въ Нижегородскую коммиссію пожертвована библіотека извѣстнаго писателя П. И. Мельникова, имѣющая около 2,000 томовъ. Матеріальное положеніе нѣкоторыхъ коммиссій весьма плохое; такъ Костромская въ 1888 году могла израсходовать только 84 р. Сочувствіе къ коммиссіямъ и потребность въ нихъ постоянно возрастаетъ. За время съ VII Ярославскаго Съѣзда 1887 г. открылись коммиссіи: въ Нижнемъ-Новгородѣ, Оренбургѣ, Перми и Ярославлѣ. Мѣстныя земства и города дали: на Саратовскую коммиссію 1,650 руб., городъ Нижній-Новгородъ и тамошнее земство на Нижегородскую коммиссію 850 р., купецъ Никитинъ пожертвовалъ на Тамбовскую коммиссію $2^1/_2$ тысячи рублей, а Ярославская губернская земская управа на Ярославскую коммиссію 1 тысячу рублей. Въ числѣ членовъ коммиссій есть нѣсколько дамъ, которыя усердно работаютъ; докладчикъ назвалъ Е. Н. Щепкину, В. Д. Черкасову, А. А. Полторацкую, княгиню Е. П. Крапоткину и другихъ.

4. А. Н. Львовъ сдѣлалъ докладъ—*Нужно ли въ настоящее время принимать мѣры къ охраненію письменныхъ памятниковъ?* (томъ III, 274—277).

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

17 января. $7^1/_2$ час. вечера.

ОТДѢЛЕНІЕ VIII. Древности восточныя и языческія.

Почетный предсѣдатель Н. И. Веселовскій.
Предсѣдатель отдѣленія Ѳ. Е. Коршъ.
Секретарь отдѣленія М. В. Никольскій.

1. Д. А. Хвольсонъ сдѣлалъ докладъ *о сиро-несторіанскихъ надгробныхъ надписяхъ, найденныхъ въ Семирѣченской области.*

Несторіане, послѣ изгнанія ихъ изъ Византійской имперіи, переселились въ царство Сассанидовъ, гдѣ они основали школы, въ которыхъ изучались, кромѣ богословскихъ, и свѣтскія науки. Они переводили сочиненія Аристотеля, Платона и другихъ греческихъ писателей на сирійскій языкъ и писали комментаріи къ нимъ. Они также занимались медициной, вслѣдствіе чего играли значительную роль при дворѣ Сассанидовъ. Въ послѣдствіи во время Халифата, многіе изъ нихъ, тоже въ качествѣ врачей, стояли въ близкихъ отношеніяхъ съ халифами. Со времени халифа Эль-Мамуна несторіане занимались переводами на арабскій языкъ греческихъ сочиненій, какъ, напримѣръ, сочиненій Аристотеля, Платона, Гиппократа, Галена, Діоскорида, Птоломея и многихъ другихъ. Ихъ переводы въ послѣдствіи были переведены на латинскій языкъ.

Такимъ образомъ, они являются причиной тому, что цивилизація древнихъ Грековъ не была потеряна для средневѣковой Европы. Кромѣ того, несторіане, какъ ревностные христіане, разсылали своихъ миссіонеровъ повсюду для распространенія христіанской вѣры.

Переходя къ спеціальному предмету доклада, профессоръ Хвольсонъ сообщилъ кѣмъ, гдѣ и когда эти надписи были найдены, какимъ способомъ онѣ были дешифрированы, описалъ внѣшній видъ надписей, читалъ буквальный русскій переводъ нѣкоторыхъ надписей и вкратцѣ изложилъ содержаніе остальныхъ. Для объясненія появленія этихъ надписей у тюркскаго народа профессоръ указалъ на раннее распространеніе христіанства, большею частью чрезъ несторіанскихъ миссіонеровъ, на востокѣ—въ Средней Азіи, въ Южномъ и Сѣверномъ Китаѣ и между тюркскими племенами на сѣверо-востокѣ почти до Байкальскаго озера, и отмѣтилъ, что въ началѣ IX и въ началѣ XI вѣковъ цѣлыя тюркскія племена и могущественныя тюркскія государства приняли христіанство.

Затѣмъ профессоръ указалъ на важность изслѣдованныхъ имъ надписей въ палеографическомъ отношеніи, и на основаніи этихъ надписей нарисовалъ цѣлую картину церковной жизни этихъ среднеазіатскихъ христіанъ и указалъ на нравственную жизнь этихъ народовъ, пребывавшихъ ранѣе въ состояніи варварства.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

С. С. Слуцкій сказалъ, что послѣ прекраснаго очерка, сдѣланнаго Д. А. Хвольсономъ, ему трудно выступать передъ Съѣздомъ; но ему хотѣлось бы отчасти дополнить докладъ Д. А—ча, отчасти указать на нѣкоторыя свои несогласія съ нимъ. Онъ не можетъ равнять своихъ познаній съ познаніями Д. А—ча. Д. А.—извѣстный ученый, его свѣдѣнія чрезвычайно обширны, его знакомство съ рукописями очень богато: оппонентъ его—только ученикъ, начавшій свои работы на данныхъ несторіанскихъ памятникахъ. Затѣмъ С. С. Слуцкій сообщилъ о рисункахъ крестовъ на данныхъ памятникахъ: о типахъ ихъ, о древности этихъ типовъ, о ходѣ измѣненій въ нихъ и объ употребленіи креста, какъ символическаго рисунка, а не какъ изображенія орудія страданій. Послѣднее свойство стоитъ въ связи со свѣдѣніями, которыя даются намъ христіанской китайско-сирской надписью VIII вѣка въ Си-нян-фу и Рубруквисомъ, путешественникомъ XIII вѣка: средне-азіатскіе несторіане избѣгали напоминать о крестной смерти Христа. Изъ несогласій, бывшихъ между Д. А. Хвольсономъ и С. С. Слуцкимъ на Ярославскомъ Съѣздѣ, главныя нынѣ устранены: Д. А. сходится нынѣ съ воззрѣніемъ своего оппонента на палеографическое значеніе даннаго памятника, не отодвигаетъ его къ IX вѣку (хотя одну надпись все еще относитъ къ XI), и отказался отъ мнѣнія о присутствіи арабскихъ буквъ въ тюркскихъ словахъ и надписяхъ. Нынѣ разногласія касаются больше чтенія отдѣльныхъ словъ. Главнымъ образомъ оппонентъ возражалъ противъ чтенія Д. А—чемъ „всѣ монастыри“ въ одной надписи вмѣсто „всѣ церкви“: лишь эта надпись давала Д. А. основаніе говорить о существованіи у данныхъ несторіанъ монастырей и даже школъ при нихъ. С. С. Слуцкій, основываясь на эпиграфическихъ и историческихъ данныхъ, отвергалъ существованіе этихъ монастырей.

Д. А. Хвольсонъ остался при своемъ мнѣніи, считая чтеніе оппонента невозможнымъ грамматически.

2. А. С. Хахановъ сдѣлалъ сообщеніе, которое имѣло своимъ предметомъ *Грузинскія рукописи Румянцевскаго Музея* (т. II, 269—281).

Г. А. Халатьянцъ, по поводу разногласій Румянцевскаго списка лѣтописи Вахтанга съ армянской хроникой, переведенной Броссе, указалъ, что прежде чѣмъ говорить о подложности данныхъ мѣстъ армянской хроники, надо еще опредѣлить, что древнѣе: Румянцевская рукопись или хроника, переведенная Броссе.

3. М. В. Никольскій сообщилъ *О вавилонскихъ цилиндрахъ, пріобрѣтенныхъ А. В. Праховымъ*. Коллекція г. Прахова состоитъ изъ 16 цилиндровъ, она была продана ему въ Саидѣ (древнемъ Сидонѣ) неизвѣстнымъ лицомъ.

Докладчикъ познакомился съ этою коллекціей только по открытіи Съѣзда, увидавъ ее на выставкѣ. Изслѣдовавъ эти цилиндры съ дозволенія профессора Прахова и сдѣлавъ съ нихъ снимки, онъ пришелъ къ заключенію, что почтенный профессоръ сдѣлался жертвой обмана, пріобрѣтя фальшивые цилиндры за дѣйствительные. Они принадлежатъ къ категоріи тѣхъ поддѣлокъ подъ ассиро-вавилонскія древности, которыя были выставлены въ 1887 году въ Москвѣ, въ музеѣ г. Роинова. Послѣднія состояли изъ алебастровыхъ дощечекъ съ изображеніями и надписями. Референтъ открылъ тогда же обманъ и подробно разоблачилъ его въ только что образовавшейся

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

при Московскомъ Археологическомъ Обществѣ Восточной Коммиссіи. Впослѣдствіи, въ концѣ 1888 года, французскій ассиріологъ г. Менанъ издалъ книгу о фальшивыхъ ассиро-вавилонскихъ древностяхъ, въ которой, главнымъ образомъ, поставилъ своей задачей описать тѣ самые предметы, которые показывались г. Роиновымъ. Оказывается, что такія же поддѣлки одновременно были въ Парижѣ и Америкѣ. Менану удалось узнать, при посредствѣ американскаго ассиріолога Dr. Уарда, и самое мѣсто поддѣлки, именно персидскій городъ Кербела, гдѣ этимъ занимается цѣлое семейство. Докладчикъ дополнилъ выводы Менана обсужденіемъ того факта, что оригиналомъ для поддѣлки надписей послужила извѣстная надпись Навуходоносора, находящаяся на всѣхъ кирпичахъ зданій построенныхъ этимъ царемъ. Переходя затѣмъ къ цилиндрамъ г. Прахова, докладчикъ указалъ на сравнительную трудность поддѣлки этихъ предметовъ и констатировалъ несомнѣнный прогрессъ въ этомъ преступномъ дѣлѣ. Изъ 16 цилиндровъ 12 сдѣланы изъ матеріала, который своимъ видомъ ничѣмъ не отличается отъ гематита, самаго твердаго матеріала, употребительнаго для цилиндровъ. Докладчику нѣсколько дней не приходило даже въ голову усомниться въ матеріалѣ, но когда онъ сталъ испытывать его, то оказалось, что цилиндры сдѣланы изъ алебастра, искусно окрашеннаго въ цвѣтъ гематита. Этотъ фактъ является самою очевидною уликой въ обманѣ. Но и все остальное не менѣе доказываетъ то-же самое. Знаки надписей тѣ же самые, что и въ алебастровыхъ дощечкахъ г. Роинова, но они вырѣзаны, какъ и слѣдуетъ, на цилиндрахъ, служившихъ печатями, въ обратномъ направленіи, что также доказываетъ успѣхъ со стороны поддѣлывателей. Ошибка съ ихъ стороны, притомъ капитальная, была та, что они вели надпись не сверху внизъ, а снизу вверхъ, что невозможно въ подлинныхъ надписяхъ. Что касается изображеній на цилиндрѣ, то поддѣлыватели съ этимъ труднымъ предметомъ справились не менѣе смѣло и оригинально. Они въ большинствѣ случаевъ взяли ихъ изъ подлинныхъ, въ которыхъ эти изображенія крайне разнообразны, но большею частію религіознаго характера, исполнены символизма. Не понимая этихъ сюжетовъ и не имѣя возможности копировать ихъ, поддѣлыватели дали имъ своеобразную интерпретацію, приблизивъ ихъ подъ понятія и вкусы нынѣшняго времени: религіозныя сцены представлены какъ свиданіе знакомыхъ, женскія божества—какъ танцовщицы изъ балета, непонятыя миѳологическія фигуры—какъ бѣсы съ рогами и т. д. Докладчикъ показывалъ при своихъ объясненіяхъ снимки съ этихъ поддѣланныхъ цилиндровъ, сопоставляя ихъ съ аналогичными сюжетами на снимкахъ съ подлинно-вавилонской коллекціи вавилонскихъ цилиндровъ, также находящейся на выставкѣ и принадлежащей Dr. Блау изъ Месопотаміи. Въ заключеніе докладчикъ указалъ на то, насколько печаленъ этотъ фактъ, какъ самъ по себѣ, такъ въ особенности для насъ, Русскихъ. У насъ въ Россіи почти совсѣмъ нѣтъ ассиро-вавилонскихъ древностей, и желательно было бы коллекціи подлинныхъ древностей, приходящія въ Россію, оставлять для нашихъ музеевъ. Но въ виду поддѣлокъ и за отсутствіемъ у насъ какъ ученыхъ, такъ и древностей по данной области, всѣ вновь приходящія къ намъ даже подлинныя древности встрѣчаютъ упорный скептицизмъ, который проповѣдуется какъ правило въ отношеніи къ ассиро-вавилонскимъ древностямъ. Разоблаченія до-

кладчика способны влить новую каплю яда въ это скептическое настроеніе. Но онъ утѣшаетъ себя сознаніемъ, что выполнилъ свой долгъ предъ наукой, подвергнувъ заслуженному позору преступленіе противъ археологіи, за которое виновные не могутъ быть привлечены къ уголовной отвѣтственности.

---

18 января. 10 час. вечера.

ОТДѢЛЕНІЕ II. Древности историко-географическія и этнографическія.

Почетный предсѣдатель Н. М. Ядринцевъ.
Предсѣдатель Отдѣленія В. Б. Антоновичъ.
Секретарь Отдѣленія П. Н. Милюковъ.

1. В. И. Колосовъ прочелъ: *О Стерженскомъ и Лопатинскомъ крестахъ въ связи съ водными путями сообщенія въ Тверской губерніи.*

Стерженскій крестъ, находящійся нынѣ въ Тверскомъ музеѣ, высѣченъ изъ цѣлаго камня въ 57 пудъ. На немъ надпись: **лѣто ҂хма мсца нюла дї дїнь поуахъ рыти рѣку сю а҂ъ иванко павловїуъ ї крестъ сь поставихъ.** Крестъ взятъ съ „городка"—насыпи на правомъ берегу Волги, при впаденіи ея въ озеро Стержъ. Исходный пунктъ искуственнаго углубленія воднаго пути, на какое указываетъ надпись, находился, очевидно, у впаденія Волги въ озеро. Всего вѣроятнѣе, что путь назначался для соединенія верховьевъ Волги съ Новгородомъ черезъ Ловать, т. е. западнѣе обычныхъ путей и внѣ сферы суздальскаго вліянія. Цѣль эта объясняется политическими обстоятельствами того времени, именно обостреніемъ отношеній Новгорода къ Суздальскому княжеству. Самъ Иванко Павловичъ, горячій противникъ Суздальцевъ, скоро послѣ 1134 г. (годъ постановки креста) былъ выбранъ въ новгородскіе посадники, а черезъ годъ по избраніи палъ въ походѣ на Суздальцевъ.

Другой крестъ, Лопатинскій, указываетъ на направленіе воднаго пути изъ Волги по рѣкѣ Кудь, чрезъ озера Заболотье, Тальское и рѣку Синюгу къ Поволжью, къ Лучинской вѣтви великаго воднаго пути, такъ что по этому пути можно было проѣхать и на Двину съ Днѣпромъ. Всего вѣроятнѣе, что и этотъ путь больше предназначался для связи верхняго Поволжья съ Новгородомъ и былъ такимъ образомъ парнымъ съ путемъ Стерженскимъ.

2. В. Ѳ. Миллеръ прочелъ докладъ: *Новое Сарматское божество.* Сарматскіе культы узнаются пока лишь по монетнымъ эмблемамъ, бляшкамъ скиѳскихъ могилъ и издѣліямъ позднѣйшаго періода Пантикопеи. Имя неизвѣстнаго родового или племеннаго бога *Уатафарна* выложено на золотомъ амулетѣ, найденномъ на Кубани и читается по гречески такъ „ΘΕΩ ΟΥΑΤΑ-ΦΑΡΝΩ", т. е. богу Уатафарну. Эта золотая вещица, превосходной работы, должна считаться издѣліемъ греческаго мастера, изготовившаго ее для какого-нибудь богатаго представителя сарматскаго населенія Прикубанской области. О времени, къ которому принадлежитъ амулетъ,

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

можно судить по надписи, которая сдѣлана курсивнымъ письмомъ. Ужъ одно послѣднее обстоятельство указываетъ II вѣкъ, когда въ ходу было такое письмо. Далѣе, начертаніе иныхъ буквъ заставляетъ отнести памятникъ къ V вѣку, такъ что очевидно, что амулетъ этотъ принадлежитъ или ко II или къ V вѣку до Р. Х. Какіе же народы жили въ это время въ Россіи и, слѣдовательно, какой народности принадлежало это божество? Въ это время, какъ установлено наукой, мѣстность между Дономъ и Днѣпромъ была занята азіатскими Сарматами, народомъ, составляющимъ вѣтвь Скиѳовъ по Геродоту. Существуетъ несомнѣнная связь съ иранскимъ языкомъ у сарматскаго, въ свою очередь родственнаго индо-европейскимъ языкамъ. Такъ, есть доказательство, что варварскія имена, очень часто встрѣчающіяся въ греческихъ надписяхъ, имѣютъ иранское происхожденіе. При этомъ нужно сказать, что главный матеріалъ для этихъ надписей даетъ языкъ осетинскій, тоже иранскаго происхожденія. А осетинскій языкъ есть, съ другой стороны, отрасль сарматскаго. Въ современномъ же языкѣ Осетинъ, очень родственномъ съ персидскимъ—тоже иранскимъ, а слѣдовательно и съ сарматскимъ, слово ФАРN, стоящее въ концѣ надписи на амулетѣ, означаетъ „миръ", „счастіе". Этимологія же всей надписи указываетъ, что рѣчь идетъ о богѣ домашняго счастія. На томъ же основаніи дѣлается яснымъ и назначеніе амулета, чему есть и подтвержденіе въ обычаяхъ Осетинъ: при свадьбахъ у нихъ дружка обращается къ божеству *спальни (ўатъ)* съ молитвой о счастіи молодыхъ. Вѣроятно, у Сарматовъ было нѣчто подобное, и вновь найденный амулетъ не представляетъ ли брачнаго подарка?

3. А. А. Дмитріевскій сдѣлалъ сообщеніе: *Греческое Нѣжинское братство и его уставъ.* Докладчикъ подробно прослѣдилъ исторію этого братства, основаннаго пріѣзжимъ грекомъ Христофоромъ Дмитріевымъ, въ 1696 году, и продолжающаго свое существованіе до настоящаго времени. Извѣстный Лазарь Барановичъ и Ясинскій были лицами, помогшими возникновенію братства; къ нимъ должно причислить также и гетмана Мазепу. Составленіе устава этого общества относится къ 1697 году. Главнымъ принципомъ, проникающимъ чрезъ весь уставъ служитъ полное подчиненіе суду братства.

4. Ѳ. Ѳ. Чекалинъ прочелъ: *Мещера и Буртасы по сохранившимся о нихъ памятникамъ* (томъ III, 65—74).

П. М. Милюковъ: Не могу не выразить благодарности почтенному Ѳ. Ѳ. за его новыя попытки разобраться въ трудномъ вопросѣ о происхожденіи Буртасовъ. Живая этнографическая терминологія XVI и XVII вѣковъ какъ будто бы подтверждаетъ нѣкоторыя изъ его заключеній. Такъ изъ свидѣтельства Степенной книги можно было бы заключить, что въ XVI вѣкѣ Буртасовъ отдѣляютъ отъ Мордвы. Тоже самое можно было бы заключить изъ нѣкоторыхъ документовъ начала XVII вѣка, кот. остались неизвѣстными докладчику и которые свидѣтельствуютъ о томъ, что въ Алатырскомъ уѣздѣ Буртасы жили еще до XVII столѣтія. Эти документы касаются Буртасовъ деревни Ногаево, изъ-за которыхъ происходитъ споръ между Буртасами и Мордвой, и, слѣдовательно, здѣсь прямо уже въ актахъ Буртасы отличаются отъ Мордвы. Еще ближе этотъ документъ подходитъ къ выводамъ докладчика тѣмъ, что

Буртасы здѣсь называются „Татарова“, а такъ какъ естественнѣе всего подразумѣвать Мещерей подъ Татарами, то Буртасы и окажутся Мещерой.

Но въ XVII вѣкѣ есть данныя, противныя выводамъ Ѳ. Ѳ. Чекалина. Существуетъ очень серьезное возраженіе, мѣшающее принять отожествленіе Буртасовъ съ Мещерой. Въ самомъ дѣлѣ, отожествленіе основано, во-первыхъ, на томъ соображеніи, что Мещера жила на томъ же мѣстѣ, какъ Буртасы, во-вторыхъ, что Мещера и Буртасы—племена Тюркскія. Первое положеніе не вѣрно, а второе—сомнительно.

Если вы проведете линію отъ Шацка къ Симбирску, то на югѣ нельзя искать Мещеры. Ѳ. Ѳ. Чекалинъ ссылался, правда, на „росписи мещерскимъ сторожамъ“, по которымъ сторожи эти ѣздили „оберегать мещерскихъ мѣстъ“—вплоть до переволока изъ Дона въ Волгу. Но тотъ же документъ разъясняетъ, что надо разумѣть подъ „мещерскими мѣстами“: это—„шацкія, и темниковскія, и кадомскія, и курмышскія, и алаторскія, и арзамасскія мѣста“, т. е. лишь въ предѣлахъ мѣстности, именуемой Мещерской стороной. Южнѣе этой черты нельзя доказать, чтобъ мѣстность называлась мещерской; слѣдовательно, положеніе, что Мещера жила на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ жили Буртасы, совершенно невѣрно. Поселенія Буртасовъ характеризуются своимъ сосѣдствомъ съ Хазарами. Никогда сѣвернѣе верховьевъ Цны, Мокши и Суры они не жили. Далѣе, что Мещера и Буртасы были одинаково Тюрки—это мнѣ сомнительно. Масуди называютъ языкъ Буртасовъ тюркскимъ, но Эль-Балхи прямо говоритъ, что языкъ Буртасовъ не похожъ ни на языкъ Хозаръ, ни на булгарскій (т. е. тюркскіе). Единственное слово, извѣстное намъ на языкѣ Буртасовъ, „хеленджъ“—береза, г. Хвольсонъ счелъ возможнымъ сблизить съ мордовскимъ словомъ.

Во всякомъ случаѣ остается сомнительнымъ: были Буртасы Тюрки или Финны. До доклада Ѳ. Ѳ-ча самымъ вѣроятнымъ считалось то мнѣніе, что Буртасы есть Мордва, а такъ какъ я не считаю мнѣніе самого Ѳ. Ѳ. болѣе вѣроятнымъ, то позволю себѣ остаться при томъ мнѣніи, что Буртасы есть видъ Мордвы, позднѣе, конечно, отъ Мордвы различавшійся. Что Буртасы и Мордва близки другъ къ другу—это показываетъ исторія племенныхъ названій: на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили Буртасы, мы знаемъ Мордву и раньше Буртасовъ, и послѣ Буртасовъ. Начиная съ Іордана, мы знаемъ Mordeos, вѣроятно, на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ жили Буртасы. Константинъ Багрянородный свидѣтельствуетъ, что *Μορδία* находилась на 15 дней отъ Хазаръ. Затѣмъ есть моментъ въ нашихъ источникахъ, когда нѣтъ Мордвы, а есть Буртасы. Въ арабскихъ свидѣтельствахъ Мордвы нѣтъ. Кончаются арабы, является опять Мордва. Тутъ слѣдуетъ отмѣтить то мѣсто, которое съ большой натяжкой истолковано Ѳ. Ѳ-чемъ. Онъ упомянулъ о путешествіи Рубруквиса, гдѣ народъ называется Мердасъ, и Ѳ. Ѳ объяснилъ это, какъ Мещеру. Приведя это указаніе докладчикъ умолчалъ о Карпини, который прямо говоритъ, что на сѣверъ отъ Команіи живутъ „Мордвины“.

Въ виду изложенныхъ трудностей при принятіи мнѣнія Ѳ. Ѳ. и въ виду большей естественности стараго толкованія, можно было бы остаться при этомъ старомъ.

Ѳ. Ѳ. Чекалинъ: Почтенный оппонентъ упустилъ изъ виду то указаніе, которое сдѣлано въ моемъ докладѣ. Я указалъ на то, что, по словамъ восточныхъ писа-

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

телей, Буртасы занимали обширныя пространства на 15 или 17 дней пути вверхъ по Волгѣ отъ сѣверной границы Хазарскаго царства. Это какъ разъ придется тамъ, гдѣ была расположена линія Мещерскихъ сторожей. Упущено изъ виду и то мое указаніе, что Мещеряки должны были очень рано оставить южные предѣлы своихъ поселеній въ силу постояннаго нападенія кочевыхъ ордъ. Мы не имѣемъ въ этомъ случаѣ возможности требовать отъ нашихъ документовъ точныхъ указаній. Мещерскіе сторожи должны были спускаться по Волгѣ къ Дону. Что касается Мордвы, какое бы это ни было колѣно ея, но во всякомъ случаѣ это была Мордва, обитавшая въ степяхъ, а мы знаемъ, что Буртасы были обитатели лѣсовъ. Аналогіи между Мордвой и Мещерой препятствуетъ то, что въ Буртасахъ мы знаемъ земледѣльцевъ, а Мордва очень туго переходила къ земледѣльческому быту.

А. Ѳ. Селивановъ: Можно бы согласиться скорѣй съ мнѣніемъ г. Милюкова, чѣмъ съ мнѣніемъ Ѳеодора Ѳеодоровича, въ виду топографическихъ данныхъ Пензенской губ., о которыхъ упомянулъ Савельевъ, и въ виду указаній очерковъ Петерсона.

Изъ актовъ XVI вѣка, которые были напечатаны Тамбовской Архивной Коммиссіей, видно, что Буртасы жили въ Тамбовской губерніи; на этихъ мѣстахъ теперь живетъ Мордва.

5. Д. А. Хвольсонъ прочелъ: *о Русахъ у арабскаго писателя первой половины IX вѣка, Ибнъ-Хордадбея.* У Ибнъ-Хордадбея, писавшаго еще до призванія князей, уже говорится о „русскихъ“ купцахъ, плававшихъ по Дону, Волгѣ и Каспійскому морю. Ибнъ-Хордадбей называетъ ихъ Славянами и говоритъ о нихъ, что славянскіе евнухи въ Багдадѣ служили имъ переводчиками. Докладчикъ привелъ указанія арабскихъ писателей, жившихъ въ первой половинѣ X вѣка, изъ которыхъ видно, что Русы жили тогда по обоимъ берегамъ Волги и въ разныхъ другихъ мѣстахъ нынѣшней Россіи и что они представляли весьма многочисленный народъ, состоявшій изъ разныхъ народностей. Изъ совокупности всѣхъ этихъ извѣстій Д. А. Хвольсонъ приходитъ къ выводу, что имя „Русь“ не можетъ быть обязано своимъ происхожденіемъ Норманнамъ.

Н. Д. Квашнинъ-Самаринъ: Мнѣ кажется, что извѣстіе Ибнъ-Хордадбея къ какимъ бы годамъ мы ни отнесли его, не можетъ имѣть такого вліянія на рѣшеніе вопроса. Что говоритъ Ибнъ-Хордадъ? Если это извѣстіе относится къ 854 г., о чемъ я не могу судить, то выходитъ, что въ 854 г. купцы русскіе производили торговлю на Каспійскомъ и Черномъ моряхъ. Мы знаемъ, что въ 30 годахъ проѣхали по Днѣпру Русскіе, не то послы, не то купцы. Несомнѣнно, что въ 30 годахъ Русскіе знали Днѣпровскій путь, Русскіе были въ Константинополѣ, на Средиземномъ морѣ, могли быть и на Каспійскомъ.

Вопросъ не въ томъ, были ли Русскіе на Каспійскомъ морѣ, а вопросъ, гдѣ жили эти Русскіе: въ Кіевѣ, или на Балтійскомъ морѣ? Это вопросъ другой, и свидѣтельство Хордада отвѣта на него не даетъ.

Уважаемый докладчикъ сказалъ между прочимъ, что сомнительно чтобы имя Русскихъ могло быть усвоено многочисленнымъ народомъ Славянъ отъ Норманновъ въ 20 лѣтъ. Если не ошибаюсь, имя Франковъ тоже распространилось скоро на всю Галлію.

Д. А. Хвольсонъ: Русскіе Ибнъ-Хордадбея говорили по-славянски, слѣдовательно это было племя славянское.

Н. Д. Квашнинъ-Самаринъ: Сказано, что они только понимали славянскій языкъ.

Д. И. Иловайскій: Въ качествѣ человѣка, который много занимался этимъ вопросомъ, я долженъ сказать прежде всего, по поводу только что выслушаннаго маленькаго спора, что, повидимому, почтенный докладчикъ не вполнѣ знакомъ съ настоящимъ состояніемъ этого вопроса, что совершенно естественно; но еще менѣе знакомъ съ нимъ его оппонентъ.

Самое важное, несомнѣнное свидѣтельство, которое представилъ намъ Д. А. Хвольсонъ, подтверждаетъ туземство исконной древней Руси въ южной Россіи—и родство со Славянами. Это вытекаетъ изъ доклада положительнымъ образомъ. Оппонентъ, доказывая, что названіе Русь могло скоро распространиться, привелъ названіе Франковъ. Я могу это опровергнуть: названіе это распространилось въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ.

Относительно почтеннаго докладчика я могу сказать, что напрасно онъ примѣшивалъ тутъ Норманновъ. Ибн-Хордадъ не даетъ названія Норманновъ: его выводятъ крайне насильственно. Что касается отношенія Русовъ къ Норманнамъ, то здѣсь высказывалось, что русская лѣтопись смѣшиваетъ ихъ въ одинъ народъ. Но въ настоящемъ положеніи этого вопроса уже разъяснено, что древній текстъ нашей лѣтописи отнюдь не смѣшивалъ эти два народа, а смѣшеніе произошло только вслѣдствіе искаженія текста. Основной текстъ говоритъ о призваніи князя изъ Варяговъ, но не изъ Русовъ. Смѣшеніе же произошло отъ порчи текста. Въ первоначальномъ текстѣ стояло: „За море послаша къ Варягамъ Русь Славяне и Кривичи". Впослѣдствіи явилось вмѣсто „Русь" „Руси", а затѣмъ уже при дальнѣйшей порчѣ это слово „Руси" стали относить къ Варягамъ. Въ своихъ „Розысканіяхъ" я привожу цѣлый рядъ сохранившихся указаній на несомнѣнный первоначальный текстъ. Что касается того мѣста, гдѣ говорится о Русахъ, что они заключаютъ въ себѣ много народовъ, то это весьма естественно. Въ началѣ нашей лѣтописи тоже причисляется сюда много народовъ, но тамъ Норманны не упоминаются, потому что они не были племенемъ живущимъ въ Россіи. Норманны появляются, какъ наемная дружина, начиная съ X вѣка.

Д. Я. Самоквасовъ: Не нужно смѣшивать этихъ двухъ названій: Варяги и Норманны. Норманны не имѣютъ этнографическаго смысла, а только географическій:— это значитъ „сѣверные народы". Лѣтопись наша Норманновъ не знаетъ.

Н Д. Квашнинъ-Самаринъ: Насчетъ того, что говоритъ Д. И. по поводу искаженія нашей первоначальной лѣтописи, я не понимаю, вслѣдствіе какого искаженія является фраза: „Сице бо звахуть ты Варягы Русь, яко се друзии зовуть Свеи, друзии же—Урмани, Аньгляне, инии Готе—тако и си".

П. Н. Милюковъ: Лѣтописью такъ долго злоупотребляли, что она потеряла значеніе доказательства источника въ этомъ вопросѣ. Значеніе сообщенія Д. А. Хвольсона заключается въ указаніи одного новаго мѣста, гдѣ говорится о присутствіи

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

въ Багдадѣ русскихъ купцовъ, которымъ мѣстные евнухи изъ Славянъ служили переводчиками. Текстъ Ибнъ-Хордадбея составленъ около 850 г. По этому докладчикъ предполагаетъ, что эти Русскіе и Славяне могли попасть въ Багдадъ и раньше. Не заходя въ подробности Норманнскаго вопроса, я спрошу, въ какой степени эти новыя извѣстія измѣняютъ положеніе дѣла? Вопросъ сводится къ тому, могли ли Русы—Норманны понимать Славянъ и объясняться на славянскомъ языкѣ въ первой половинѣ IX столѣтія? Ничего нѣтъ удивительнаго, что могли, такъ какъ продвиженіе Норманновъ въ славянскую среду и съ точки зрѣнія Норманистовъ должно было быть постепеннымъ. Итакъ, взаимное пониманіе Руссовъ и Славянъ не свидѣтельствуетъ еще объ ихъ лингвистическомъ и, слѣдовательно, этнографическомъ тожествѣ. Правда, сообщая приведенный фактъ, Хордадбей прибавляетъ къ нему (уже въ старомъ, прежде извѣстномъ текстѣ), что Руссы есть племя славянское; но цѣна такихъ утвержденій у Арабовъ хорошо извѣстна самому докладчику.

Д. И. Иловайскій: Всѣ эти предположенія о колонизаціи Норманновъ фантастичны и приводятся только для того, чтобъ оправдать норманнскую теорію. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ предполагать, чтобы въ первой половинѣ IX вѣка Норманны ѣздили и торговали по восточнымъ морямъ и землямъ.

П. Н. Милюковъ: Они ѣздили по Днѣпру (839 годъ) и начали участвовать въ волжской торговлѣ до начала IX вѣка, что доказывается нумизматическими данными.

Д. И. Иловайскій настаивалъ на полной произвольности подобныхъ доказательствъ. А при дальнѣйшемъ обсужденіи онъ отрицалъ авторитетность Томсена, на котораго, между прочимъ, сослался П. Н. Милюковъ: Томсенъ только довѣрчиво повторялъ Куника и никакого самостоятельнаго изслѣдованія не представилъ.

6. А. С. Будиловичъ прочелъ докладъ подъ заглавіемъ: *„Къ вопросу о происхожденіи слова Русь“*.

Докладчикъ производилъ слово Русь изъ готскаго языка, доказывая свою мысль этимологическими, лингвистическими и этнографическими соображеніями. Матеріаломъ служили какъ литературные источники, такъ и готскія надписи на различныхъ древнихъ предметахъ готскаго издѣлія. Найденное на югѣ Россіи копье съ надписью на готскомъ языкѣ, признанное знатоками за издѣліе III вѣка, достаточно убѣждаетъ въ томъ, что въ это время на югѣ Россіи жили Готы. Докладчикъ полагаетъ, что при движеніи Готовъ на западъ, они ушли не всѣ, и мѣстами по Черному морю осталась часть ихъ, почему-либо не желавшая покидать занятыя ими мѣста. Очень просто могло быть, что эти осѣвшіеся на югѣ Россіи Готы, при появленіи Славянъ на мѣсто ушедшихъ готскихъ ордъ, могли оказать вліяніе на славянскій языкъ. Это положеніе находитъ себѣ защиту въ томъ обстоятельствѣ, что нѣкоторые названія буквъ въ русской азбукѣ, напримѣръ, азъ, глаголь,—звучатъ по-готски, и что въ готскомъ языкѣ существуютъ, какъ оказалось при чтеніи древнихъ надписей, подобныя слова. А разъ признать возможность вліянія готскаго языка на русскій, то вполнѣ возможно будетъ и предположеніе вліянія Готовъ на географическія названія. И дѣйствительно, названія рѣкъ Буга, Вислы и нѣкоторыхъ другихъ южно-русскихъ рѣкъ и мѣстечекъ звучатъ также по-готски и оказываются, по изслѣдованіямъ, готскими словами. Возможно, что

и слово Русь было также готское, и имъ называли русскія племена сначала какъ нарицательнымъ именемъ, впослѣдствіи же, что и часто бываетъ, оно усвоилось и перешло въ собственное названіе, которое такъ и сохранилось до нашихъ дней. И это тѣмъ болѣе, что въ готскомъ языкѣ есть созвучное частію слово „рописъ", которое значитъ храбрый, воинственный, а эти прилагательныя, какъ эпитеты, вполнѣ примѣнимы къ русскимъ племенамъ того времени. Затѣмъ А. С. весьма подробно показалъ исторію измѣненій готскаго слова „рописъ" въ россъ и потомъ русъ, русь. Далѣе, на литературныхъ источникахъ онъ выяснилъ существованіе какого-то племени называвшагося русскимъ и жившаго къ востоку отъ Польши между Днѣпромъ и Дономъ. Возможно вполнѣ, что то были или Славяне, или особое готское племя. Такъ или иначе, но всѣ данныя позволяютъ думать, что слово „Русь" происхожденія готскаго. Въ заключеніе докладчикъ привелъ въ защиту своей теоріи и то обстоятельство, что ею очень удобно устраняются и объясняются всѣ существовавшія до сихъ поръ недоразумѣнія о происхожденіи русскаго государства. Такъ, напримѣръ, для тѣхъ, кто отрицаетъ призваніе князей, становится яснымъ, что лѣтописецъ Несторъ слышалъ о пришествіи на русскую территорію какого-то великаго народа, имя котораго ему не было извѣстно, а также слышалъ и зналъ о колонизаціи на русскихъ и финскихъ земляхъ Норманновъ, и, такъ какъ послѣдніе были ближе къ нему по времени, то онъ и назвалъ дѣйствительно бывшихъ на югѣ Россіи Готовъ Норманнами.

---

18 января. 3 час. дня.

ОТДѢЛЕНІЕ V. Памятники церковные.

Почетный Предсѣдатель: И. В. Цвѣтаевъ.
Предсѣдатель Отдѣленія: Н. В. Покровскій.
Секретарь Отдѣленія: Н. Ѳ. Красносельцевъ.

1. Предсѣдатель отдѣленія Н. В. Покровскій прочелъ докладъ А. Я. Лаврова— *Къ вопросу о происхожденіи миніатюрныхъ изображеній Лицевой Псалтири.* Миніатюры Лицевой Псалтири, со стороны содержанія доселѣ мало изслѣдованныя, весьма богаты и разнообразны въ этомъ отношеніи. Въ однѣхъ изъ нихъ представлена въ главнѣйшихъ чертахъ вся ветхозавѣтная исторія съ указаніемъ прообразовательнаго значенія событій; въ другихъ — евангельская и даже апостольская исторія, какъ исполненіе пророчествъ; въ третьихъ—рядъ картинъ христіанской исторіи (сцены мученичества и подвижничества, отдѣльныя фигуры святыхъ и святителей); Страшный Судъ и загробное блаженство праведныхъ; наконецъ, иллюстраціи, удачно олицетворяющія разныя нравственныя изреченія Псалтири. И весь, выражаемый здѣсь, запасъ богословскихъ свѣдѣній поставленъ въ живую и тѣсную связь съ текстомъ псалмовъ. Этимъ, между прочимъ, объясняется вліяніе Лицевой Псалтири на иконографію, ибо многіе

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

миніатюры сдѣлались сюжетами иконъ, а текстъ Псалтири — необходимыми къ нимъ надписями. Отсюда вопросъ о происхожденіи и развитіи миніатюры въ смыслѣ толкованія на псалмы. Этимъ вопросомъ и занялся въ своемъ докладѣ г. Лавровъ, имѣя въ виду также нѣкоторыя замѣчанія изъ трудовъ гг. Кондакова, Буслаева, Покровскаго, Попова, Ундольскаго и архим. Амфилохія.

Списки Лицевой Псалтири принадлежатъ тремъ редакціямъ, изъ коихъ наиболѣе распространенную и богатую миніатюрами составляютъ списки, имѣющіе во главѣ древнѣйшую Византійскую рукопись IX вѣка (Лобковскую) библіотеки Моск. единовѣрческаго Никольскаго монастыря: она написана на пергаментѣ, въ четверть листа, съ прекрасными художественными рисунками, въ числѣ до 200, и самаго разнообразнаго содержанія. Ко второй редакціи относится единственная славянская рукопись XIII вѣка (Хлудовская) библіотеки Моск. единов. монастыря, гдѣ послѣ каждой каѳизмы помѣщено по миніатюрѣ, рядъ коихъ исчерпываетъ важнѣйшіе случаи изъ царствованія Давида; третью редакцію даетъ Псалтирь XVI вѣка библіотеки Чудова монастыря.

Источниками для изображеній служили: самые псалмы, Новый Завѣтъ, святоотеческія толкованія и житія святыхъ, народная духовная литература и современныя народныя толкованія, физіологи и нѣкоторыя данныя предшествовавшей эпохи византійскаго искусства.

Въ дальнѣйшей, обширной и главной части своего доклада А. Я. Лавровъ подробно разсмотрѣлъ виды миніатюръ Лицевой Псалтири и объяснилъ ихъ, раздѣливъ ихъ при этомъ для удобства на 7 отдѣловъ по содержанію.

2. Предсѣдатель отдѣленія прочелъ въ извлеченіи доклады Н. Г. Добрынкина, относившіеся *къ древностямъ Владимірской губерніи.*

Г. Добрынкинъ сообщалъ: *О старинныхъ деревянныхъ рѣзныхъ иконахъ Николая Чудотворца Можайскаго и другихъ, сохранившихся въ городѣ Муромѣ и уѣздахъ Муромскомъ и Судогодскомъ.* При сообщеніи было приложено 11 фотографич. снимковъ съ этихъ иконъ, подробно описанныхъ въ докладѣ. Всѣ иконы липоваго дерева, обыкновенно изъ цѣльнаго куска. Изображаютъ преимущественно Св. Николая, затѣмъ Господа Саваоѳа, Воскресеніе Христово, Богородицу, Ангеловъ. Изображеніе Господа Саваоѳа, Богоматери и одно изображеніе Св. Николая — нынѣшняго вѣка. Далѣе г. Добрынкинъ представилъ: *Собраніе надписей на церковныхъ предметахъ въ г. Муромѣ и его уѣздѣ.* Это—одна надпись XVI в., шесть надписей XVII (изъ коихъ одна—кн. Д. М. Пожарскаго, 1639 г., на водосвятной чашѣ), двѣ XVIII и одна безъ даты. Далѣе: *Описаніе деревянныхъ древнихъ предметовъ* той же мѣстности (царскія двери, паникадило, подсвѣчники, аналой, выносная свѣча — всего 7 номеровъ). Затѣмъ: *Вкладная книга Спасскаго мужского монастыря въ гор. Муромѣ на посадѣ, конца XVII ст.*, времени совмѣстнаго царствованія Іоанна и Петра. Одна запись относится къ XVI вѣку, остальныя, большею частію, къ концу XVII, а затѣмъ къ XVIII и XIX вѣкамъ. Далѣе: *Карта Муромскаго уѣзда 1676 года*, по современному епархіальному описанію его. Муромскій уѣздъ заключалъ въ себѣ тогда весь нынѣшній Муромскій уѣздъ и части теперешнихъ уѣздовъ: Меленковскаго, Судогодскаго, Вязниковскаго, Горо-

ховецкаго и Горбатовскаго, и имѣлъ 131 церковь (съ монастырскими) и 664 поселенія. Наконецъ: *Описаніе Синодика XVII столѣтія Муромскаго Спасскаго монастыря.* Этотъ Лицевой Синодикъ писанъ славянскимъ полууставомъ, съ рисунками, заставками, бордюрами и заглавными буквами, искусно исполненными въ краскахъ. Послѣдними въ немъ значатся: Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ и царевичи: Алексѣй, Димитрій, Симеонъ. Слѣдовательно, написанъ Синодикъ въ 1676—1682 гг.

3. Въ дополненіе къ докладу г. Добрынкина о Муромскомъ Синодикѣ, Проф. Н. В. Покровскій сообщилъ свѣдѣнія о приготовляемомъ, въ недалекомъ будущемъ, къ выпуску замѣчательномъ *Рукописномъ Синодикѣ* села Климовскаго, Вологодской губерніи, 1746 г. Онъ издается И. А. Голышевымъ (который показывалъ его на Ярославскомъ Съѣздѣ). Нынѣ окончено печатаніемъ и изданіе И. А.: *Сборникъ русской старины Владимірской губерніи. Голышовка 1890 г.*, а еще въ 1886 г. изданъ имъ же альбомъ рисунковъ изъ замѣчательныхъ рукописныхъ синодиковъ XVII в.

4. Секретарь Отдѣленія прочелъ докладъ В. Н. Витевскаго: *О походномъ храмѣ, пожалованномъ Петромъ Великимъ калмыцкому тайшѣ Петру Петровичу, внуку хана Аюки* (томъ III, 309—312).

5. В. С. Арсеньевъ прочелъ докладъ: *Мнѣніе о доисторическомъ и символическомъ элементахъ въ археологическомъ изученіи древней церковной иконописи.*

Въ этомъ сообщеніи докладчикъ поставилъ себѣ задачей опроверженіе воззрѣнія на иконопись, совершенно отрѣшающагося отъ ея догматическаго происхожденія и значенія и отъ зависимости ея отъ церковнаго вѣроученія, причемъ въ иконописаніи усматривается лишь олицетвореніе легендарныхъ сказаній, поэтическихъ представленій и чувствъ и т п. Не признавая, съ своей стороны, возможнымъ согласиться съ такимъ взглядомъ и устранить изъ изслѣдованій объ иконописи догматическое ея значеніе и ея религіозный символизмъ, докладчикъ привелъ рядъ доказательствъ глубокаго и твердаго догматическаго символизма въ иконописи.

Н. И. Троицкій. Я появляюсь на каѳедрѣ не для того, чтобы поколебать убѣжденіе, высказанное докладчикомъ, напротивъ, я всѣми силами души сочувствую этому убѣжденію. Но докладъ этотъ, какъ вамъ извѣстно, собственно есть возраженіе на докладъ проф. Кирпичникова: такъ какъ его нѣтъ, а я отчасти раздѣлялъ его взглядъ для двухъ—трехъ вѣковъ нашей иконописи, то я скажу кое что по поводу этого доклада.

Несомнѣнно, что иконопись Восточной церкви есть, во-первыхъ, иллюстрація библейскаго текста и вообще церковнаго ученія, но, во-вторыхъ, она есть выраженіе нѣкоторыхъ воззрѣній національныхъ. Мы имѣемъ въ ней дѣло съ нѣкоторымъ личнымъ пониманіемъ, соображеніемъ, воображеніемъ, и тутъ-то оказывается мѣсто неудобному вліянію людей довольно темныхъ, въ XV—XVI вѣкахъ. Церковь имѣла желаніе очистить отъ всякихъ примѣсей нашу иконографію, но есть указанія, что и представители церкви были не чужды заблужденій, отразившихся и въ живописи.

Я укажу на знаменитаго ученаго Максима Грека. Его спросили, есть ли люди съ собачьими головами, онъ отвѣтилъ, что есть,—мнѣніе, которое раздѣлялось и другими, что показываетъ сборникъ Кириллова монастыря. Если вліяніе баснословныхъ

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

сказаній отражалось и на людяхъ образованныхъ, то оно является фактомъ, съ которымъ приходится считаться. Докладчикъ упомянулъ объ изображеніи Троицы, которое не встрѣчалось въ храмахъ, какъ икона для поклоненія. Внутри, дѣйствительно—нѣтъ, но на входныхъ дверяхъ оно замѣчается. Въ нижнемъ ярусѣ иконостаса и на клиросахъ изображаются Менандръ и Аристотель и т. д.

Вообще приходится несомнѣнно признать, что въ иконописи было чуждое и нежелательное вліяніе, хотя существовали самыя твердыя начала церковной живописи и будутъ существовать, пока существуетъ церковь.

Въ дальнѣйшемъ обсужденіи высказывалась необходимость сдѣлать сводъ лучшихъ образцовъ нашей древней иконописи въ интересахъ иконописцевъ нашихъ. Указывалась польза системы при составленіи этого свода, употребленія одинаковаго масштаба и т. п.

---

18 января. 7⅓ часовъ вечера.

ОТДѢЛЕНІЕ VII. Древности славяно-византійскія и классическія.

Почетный предсѣдатель А. С. Павловъ.
Предсѣдатель Отдѣленія Ѳ. И. Успенскій.
Секретарь Отдѣленія А. А. Дмитріевскій.

1. А. И. Кирпичниковъ прочелъ: *О древностяхъ Константинополя по анониму Бандурія.*

Анонимъ Бандурія, при нѣкоторомъ вниманіи къ его матеріалу, оказывается сборникомъ отдѣльныхъ статей, посвященныхъ достопримѣчательностямъ Константинополя. Сборникъ этотъ составлялся въ разное время разными лицами. Послѣдняя редакція его относитъ ко времени Алексѣя Комнена, но нѣкоторыя статьи относятся къ болѣе древнему времени, чѣмъ XII столѣтіе. Содержаніе этого памятника весьма разнообразно, и докладчикъ выбралъ цѣлью своихъ изслѣдованій монументальныя постройки и, между прочимъ, произведенія скульптуры. Извѣстно, что нѣтъ почти ни одного императора Византійскаго, который бы не увѣковѣчилъ себя статуей или всю свою семью группой. Встрѣчаются также и скульптурныя произведенія съ христіанскими сюжетами. Наконецъ, есть масса орнаментныхъ произведеній на зданіяхъ, рынкахъ и т. д.

Изъ статуй императоровъ всего болѣе поражаетъ воображеніе путешественниковъ конная статуя Юстиніана, поставленная имъ самимъ на Августеонѣ, и по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ бывшая одно время предметомъ поклоненія язычниковъ. Приведя ея описаніе и исторію, докладчикъ указывалъ затѣмъ на много другихъ статуй, прилагая къ описанію ихъ различные разсказы, преданія и историческія свидѣтельства. Затѣмъ излагались статьи Анонима, касающіяся постройки храма св. Сергія, и, приведя еще нѣсколько статей, докладчикъ въ заключеніе указалъ, что богатство

содержанія памятника можетъ принести великую пользу не только византійской, но и русской археологіи.

2. Проф. Ѳ. И. Успенскій прочелъ докладъ: *Синодикъ въ Недѣлю Православія.*

Церковный чинъ въ Недѣлю Православія заимствованъ нами изъ Византіи и значительно передѣланъ. Въ первый разъ чинъ Православія, въ 842 г., въ Константинополѣ, совершался безъ особенныхъ приготовленій, такъ какъ только что кончилось иконоборство, и не было времени составить особый торжественный чинъ. Такимъ образомъ, въ 842 г. чинъ Православія состоялъ въ прочтеніи соборныхъ актовъ, которыми отлучены были отъ церкви иконоборцы, и увѣнчаны похвалами, съ провозглашеніемъ *вѣчной памяти*, подвижники и ревнители св. иконъ. Съ теченіемъ времени нарождались въ церкви новые вопросы, появлялось разномысліе въ вѣроученіяхъ, открывались новые еретики, опасные не менѣе иконоборцевъ. И свѣтское, и церковное правительство боролись противъ новшествъ, составляли новые соборы и пополняли содержаніе ежегодно читаемаго въ Недѣлю Православія *Синодика*. Всѣ эти нарощенія въ *Синодикѣ* полнаго состава даютъ богатый матеріалъ для исторіи культурнаго развитія Византіи, не ограничивающійся только предметами вѣроученій въ тѣсномъ смыслѣ, но распространяющійся на широкую область философскаго мышленія, общественной морали, политическихъ идеаловъ и т. д. Цѣнность этого матеріала доказывается уже тѣмъ, что въ то время, какъ всѣ соборные акты уничтожались, тѣ статьи, которыя вошли въ *Синодикъ*, были вырѣзаемы на камнѣ и хранились въ церкви св. Софіи. Довольно древніе списки *Синодика* хранятся въ разныхъ заграничныхъ библіотекахъ; таковы списки: Вѣнскій и Эскуріальскій XII в., Мадридскій по редакціи XI в., но въ спискѣ XVI в. Рядомъ съ оригинальными греческими синодиками должны быть поставлены русскіе переводные, между которыми первое мѣсто занимаетъ Московскій синодикъ патріаршей библіотеки XV в., а за нимъ слѣдуютъ два синодика XVI в. Въ составѣ *Синодика* ясно распознаются четыре слоя, отмѣчающіе четыре эпохи въ Византійской исторіи. Первый и основной выражаетъ торжество православной партіи при Ѳеодорѣ и Михаилѣ III, въ 842 году. Второе, главное наслоеніе, относится ко времени царя Алексѣя Комнена и выражаетъ результатъ всего научнаго и общественнаго развитія XI вѣка. Третій слой *Синодика* относится ко времени царя Мануила; онъ представляетъ результаты великой богословской борьбы того времени. Четвертый и послѣдній слой относится къ XIV в. и описываетъ борьбу православія противъ еретиковъ Варлаама и Акиндина. Очертивъ эти четыре періода, докладчикъ заключилъ: а) что чрезъ весь періодъ византійской исторіи идетъ борьба изъ-за идеи религіозной и философской; б) что борьба эта часто совсѣмъ не отмѣчается историками на основаніи обличительныхъ или ораторскихъ произведеній, которыми восполняются не только недостатки лѣтописей, но и философскія системы; в) что логическая послѣдовательность порождавшихся вопросовъ указываетъ на поступательное движеніе въ развитіи и византійскаго общества, какъ было поступательное движеніе на Западѣ [1]).

---

[1]) Докладъ напечатанъ въ 59-мъ томѣ „Записокъ Императ. Новороссійскаго Университета".

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

3. Секретарь Отдѣленія прочелъ докладъ П. Б. Мансурова: *Византія, Славянство и Россія. (Къ вопросу объ учрежденіи Русскаго ученаго института въ Константинополѣ).*

Среди нравственныхъ началъ, опредѣлившихъ направленіе русской жизни, нѣтъ силы повліявшей болѣе глубоко и многообъемлюще, чѣмъ воспринятое нами на зарѣ нашей исторической жизни культурное наслѣдіе христіанскаго Востока. Религіозное и политическое міросозерцаніе народа нашего коренится и до сихъ поръ въ началахъ, завѣщанныхъ намъ оттуда.

Если въ западной наукѣ все болѣе сознается великое и на Западѣ значеніе Византіи, сказавшееся въ выработкѣ основныхъ догматовъ христіанскаго вѣроопредѣленія, въ разработкѣ политическихъ идей, во вліяніи на искусство Запада,—то пониманіе исторической жизни восточно-славянскаго міра невозможно безъ изученія того нравственнаго содержанія, которое получено этимъ міромъ отъ Византіи.

Ко времени бл. патріарха Фотія окончилась собственно творческая по установленію и опредѣленію началъ христіанскаго просвѣщенія работа объединеннаго въ Имперіи христіанскаго міра. Вся положительная теоретическая часть христіанскаго ученія, какъ она существуетъ и до сего дня, была выработана въ предшествовавшіе пять вѣковъ; возникло искусство самостоятельное христіанское, какъ по источнику своего вдохновенія, такъ и по характеру производимаго дѣйствія; высказались окончательно, отчасти при посредствѣ самого Фотія, во многомъ отличныя для Запада и для Востока, начала церковной и государственной жизни.

Славяне приступили, такимъ образомъ, къ цивилизаціи вполнѣ уже сложившейся и даже окончившей въ существенныхъ чертахъ кругъ своего развитія. Самую проповѣдь Кирилла и Меѳодія можно считать послѣднимъ положительнымъ проявленіемъ творческаго духа этой цивилизаціи, а дарованіе Славянамъ Слова Божія на родномъ языкѣ, проводя въ жизнь и закрѣпляя принципъ великой важности въ исторіи человѣчества, было и заключительнымъ свидѣтельствомъ всечеловѣческого значенія просвѣщенія эпохи вселенскихъ соборовъ. Съ тѣхъ поръ Византія, непосредственная наслѣдница преданій этого просвѣщенія, заключается все болѣе въ роли ихъ хранительницы, пребывъ вѣрною до конца и не отказавшись отъ завѣтнаго принципа даже въ предвидѣніи гибели. Со своей стороны, міръ Славянскій вступаетъ въ періодъ работы надъ усвоеніемъ даннаго ему извнѣ духовнаго содержанія, каковою работою поглощается, по неподготовленности и слабости еще его культурныхъ силъ, вся его самодѣятельность. Въ характерѣ этой работы у каждаго изъ православныхъ славянскихъ народовъ можно найти въ значительной степени объясненіе ихъ историческаго развитія.

Развивая свою мысль, докладчикъ остановился сначала на судьбахъ южныхъ Славянъ, которые испытали на себѣ не только внѣшнее вліяніе Византіи, но и всю чарующую и подавляющую силу ея слишкомъ близкаго блеска. Заимствуя свѣтъ изъ Византіи, ихъ государства быстро достигали весьма значительной степени внѣшняго просвѣщенія, и уже древне-болгарское царство въ эпоху Симеона даритъ насъ изумительнымъ, по времени, дѣломъ перевода множества священныхъ книгъ. Но усвояя себѣ и просвѣщеніе, и взгляды, и политику Византіи, ставя цѣлью стремленій ви-

зантійскій престолъ, вмѣсто того, чтобы опереться на широкое народное основаніе,— государства эти столь же быстро падаютъ, какъ быстро развились.

Конецъ доклада посвященъ указанію особенности условій, въ какихъ стояла въ данномъ отношеніи Россія: черпая изъ духовныхъ богатствъ Византіи, она въ то же время, уже благодаря своей отдаленности, могла сохранить свою духовную самостоятельность, и наслѣдіе, завѣщанное Византіею, развивала затѣмъ на самобытной русской почвѣ.

Предсѣдатель засѣданія А. С. Павловъ сопроводилъ чтеніе доклада слѣдующимъ поясненіемъ:

Прочитанный докладъ есть мотивировка вопроса объ учрежденіи въ Константинополѣ Археологическаго Института, который имѣлъ бы задачей изученіе Востока. Этотъ вопросъ, по предложенію Императорскаго посла въ Константинополѣ, былъ уже на обсужденіи Московскаго Археологическаго Общества, которое отправило г. послу соотвѣтственный проектъ съ полной его мотивировкой. Также посланы были проектъ и мотивировка Новороссійскимъ Университетомъ. Въ настоящее время отдѣленіе желало бы выслушать отъ васъ, мм. гг., замѣчанія, относящіяся именно къ этому вопросу объ Институтѣ, а не о мотивахъ, которыя сейчасъ были прочитаны. Желательно было бы выслушать замѣчанія о томъ, въ какомъ видѣ, съ какими задачами могъ бы быть основанъ подобный Русскій Институтъ на Востокѣ

Ѳ. И. Успенскій: Нѣкоторыя интересныя темы, затронутыя въ докладѣ, не могутъ быть возбуждаемы и объясняемы по тому обстоятельству, что нѣтъ здѣсь автора доклада. Спросить объясненій и разъясненій нельзя, и я думаю, что въ томъ, что я буду говорить, я не имѣю права касаться вопросовъ, затронутыхъ докладомъ, тѣмъ болѣе, что суть дѣла теперь — практическая. Относительно теоретическихъ мотивовъ, которые привели къ тому, чтобы хлопотать объ учрежденіи Института въ Константинополѣ, я позволю себѣ лишь указать тѣ основанія, при которыхъ Институтъ этотъ имѣлъ бы осуществиться. Объ этомъ нечего и говорить, что необходимость изученія Византіи очень настоятельна и что въ изученіи Византіи лежитъ задача русской науки. Когда обсуждался вопросъ, гдѣ подобному учрежденію приличнѣе всего быть, то остановились на Константинополѣ, и дѣйствительно, по многимъ причинамъ нельзя не остановиться на нынѣшней столицѣ Оттоманской Имперіи. Такимъ образомъ, въ сущности, оставляя въ сторонѣ теоретическіе мотивы, которые предполагаются основательными и не возбуждаютъ сомнѣній, вопросъ сводится въ настоящее время на учрежденіе Института въ Константинополѣ и не въ другомъ мѣстѣ. Вопросъ вносится въ Съѣздъ затѣмъ, чтобъ Съѣздъ помогъ дѣлу своимъ сочувствіемъ и поддержкой предъ высшей властью.

Бар. Ѳ. А. Бюлеръ предложилъ передать вопросъ въ коммиссію, которая разсматриваетъ вопросъ объ Археологическомъ Институтѣ въ Римѣ, для разсмотрѣнія дѣла на практической почвѣ.

А. А. Дмитріевскій: Вопросъ объ учрежденіи Русскаго Ученаго Института за границей былъ поднятъ на одномъ изъ прошлыхъ засѣданій, и сужденія по этому вопросу нѣсколько разошлись.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Представители классической науки настаиваютъ на томъ, чтобы былъ учрежденъ Ученый Институтъ въ Римѣ, именно съ спеціальной цѣлью изученія классическихъ древностей, а также его Отдѣленіе въ Аѳинахъ съ той же самой цѣлью.

Въ то же самое время, представители другой отрасли знаній высказали другое положеніе: что хорошо бы такой Институтъ основать въ Константинополѣ, какъ главномъ средоточіи Византійской исторіи. Я прежде всего желалъ бы соединить эти два предложенія въ одно. Я вовсе не буду говорить о томъ, чтобы Археологическимъ Съѣздомъ, который возбудитъ ходатайство объ учрежденіи Института предъ Правительствомъ, было возбуждено ходатайство отдѣльно для Института классическихъ древностей и отдѣльно для Института Византійскихъ древностей:—это было бы роскошью едва ли позволительной. Мнѣ кажется, соединить то и другое вмѣстѣ—дѣло нетрудное. Изучающій классическую археологію не обойдется безъ того, чтобы не заглянуть въ исторію искусства византійскаго, а съ другой стороны, изслѣдователь византійскихъ древностей не можетъ начать изученія ихъ безъ знакомства съ археологіей дохристіанской. Мнѣ думается, что нужно избрать тотъ или другой пунктъ для учрежденія одного Института, гдѣ бы преслѣдовалась та и другая цѣль. Въ упомянутомъ засѣданіи я высказалъ то положеніе, что самымъ удобнымъ мѣстомъ, съ моей точки зрѣнія, не можетъ быть ни Римъ, ни Византія, а Аѳины. Основанія были предложены мною такія: Отсюда начинается классическое искусство, и здѣсь мы имѣемъ представительницу Россійскаго Императорскаго Дома въ лицѣ Ея Королевскаго Величества Ольги Константиновны. Я здѣсь долженъ прибавить только то, что дѣйствительно въ лицѣ этой Царственной Особы русская наука можетъ найти горячее сочувствіе. Мнѣ хорошо извѣстно, что Ея Королевское Величество съ самымъ живымъ сочувствіемъ относится ко всѣму русскому; всѣ русскіе находятъ въ Аѳинахъ гостепріимный пріютъ, начиная съ высшихъ представителей и кончая солдатомъ. Ея больница, назначенная для бѣдныхъ города Аѳинъ, открыта для больныхъ русскихъ, и они нерѣдко пользуются нѣжными заботами Ея Величества. Ея Величество особенно благоволитъ изученію византійскихъ церковныхъ древностей и имѣетъ своего археолога, который носитъ въ Аѳинахъ названіе перваго археолога. Археологъ этотъ молодой, но много обѣщающій, нѣкто Ламбаки. Этотъ Ламбаки устроилъ музей, который удостоиваетъ своимъ посѣщеніемъ Ея Величество. Она командируетъ Ламбаки для раскопокъ и помогаетъ ему при изданіи его трудовъ. Къ этому я хотѣлъ добавить, какъ отнеслась бы греческая нація къ тому, чтобъ мы поселились въ Аѳинахъ. Нѣкоторые находятъ, что едва ли бы насъ хорошо приняли, но я по личному опыту могу отвѣтить, что приняли бы хорошо и особенно въ настоящее время съ полной охотой и оказали бы гостепріимство. Было время, когда Греки начали, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, косо посматривать на Русскихъ. Это было правленіе Оттона. Теперь наступило правленіе Георгія, имѣющаго въ супружествѣ русскую Великую Княжну. Благодаря этому, симпатіи народныя стали возрождаться. Онѣ заглохли во время болгарскаго вопроса; но когда Русскіе не приняли участія въ блокадѣ, симпатіи возвратились. Онѣ укрѣпились еще болѣе, когда состоялся бракъ Великаго Князя Павла Александровича съ королевной Александрой Георгіевной. Въ настоящее

время мы въ Аѳинахъ люди весьма желательные. Я укажу на то, что тамъ есть библіотека, чего нѣтъ въ Константинополѣ и что необходимо для изученія классическихъ и византійскихъ древностей. Тамъ существуютъ прекрасные музеи: Національный, Политехническій, Акропольскій, при Университетѣ и музей Шлимана, извѣстнаго раскопками древней Трои. Всѣ эти музеи имѣютъ отдѣленія восточныхъ древностей. Всѣ эти средства намъ необходимы для того, чтобы на первыхъ порахъ ученый, изучающій Византію, не оказался безъ пособій. Что касается византійскихъ древностей, то я могу указать, что Аѳины, окрестности Аѳинъ и острова Эллады суть археологическіе памятники. Тамъ есть много византійскихъ храмовъ, монастырь Николая и Луки. Все это богатый матеріалъ для будущихъ изслѣдователей. Здѣсь сохранились памятники IX столѣтія. Классики, когда говорятъ объ учрежденіи Института въ Италіи, указываютъ, что намъ легче всего изучать итальянскій языкъ, такъ какъ онъ имѣетъ близкое отношеніе къ языку латинскому. Я не отрицаю этого, но ставлю другой вопросъ, какой языкъ намъ нуженъ для изученія Востока? Однимъ итальянскимъ мы не обойдемся. Кто былъ на Востокѣ, тотъ знаетъ, что даже съ французскимъ языкомъ дальше Константинополя не пойдешь. Нужно знать турецкій языкъ, греческій или итальянскій; отчасти необходимъ и арабскій языкъ для Каира, Синая и Іерусалима. Я ставлю въ главѣ всѣхъ языковъ—языкъ греческій. Представляетъ ли онъ трудности? Думаю, что нѣтъ. Кто знаетъ древній греческій языкъ, тотъ сразу отгадаетъ, напримѣръ, основу слова „ψάρι"—рыба: это древнее слово „ὀψάριον" и т. д. Изученіе ново-греческаго языка необходимо, потому что онъ встрѣчается нерѣдко въ памятникахъ византійской письменности.

А. С. Павловъ: Все это прекрасно, но я прошу остановиться на главной, данной уже темѣ.

А. А. Дмитріевскій: Я настаиваю на томъ, что мѣстомъ для учрежденія Института нужно избрать Аѳины, но не Константинополь, потому что въ Константинополѣ нѣтъ ни библіотеки, ни учрежденій спеціально организованныхъ, нѣтъ ученыхъ обществъ, условія жизни дороги, между тѣмъ какъ въ Аѳинахъ они дешевы, что для ученыхъ, не располагающихъ средствами, весьма важно. Въ Аѳинахъ можно прожить за 4 фр. въ день, а въ Константинополѣ нужно 15 фр.

Всѣ такія условія, мнѣ думается, говорятъ за то, чтобы для этого въ высшей степени желательнаго учрежденія, какимъ былъ бы Институтъ, просить избрать мѣстомъ именно Аѳины. Гдѣ бы Институтъ ни учредился, я первый приду въ его двери, но я говорю о томъ, гдѣ большая возможность осуществленія.

В. К. Трутовскій указалъ, что при основаніи Русскаго Ученаго Института на Востокѣ, должно быть обращено вниманіе не только на міры византійскій и древне-классическій, но и на два другіе міра: восточный и славянскій. Поэтому изъ трехъ предлагавшихся мѣстъ: Рима, Аѳинъ и Константинополя, вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ пользу Константинополя, ибо въ немъ наиболѣе соединяются области этихъ четырехъ міровъ.

А. А. Дмитріевскій: Я говорилъ, не исключая славянскихъ и восточныхъ древностей.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

А. С. Павловъ: Мысль объ Институтѣ возникла въ сферахъ правительственныхъ, а правительство само указало на Константинополь. Намъ нужно идти навстрѣчу, а не указывать, гдѣ мы бы желали получить осуществленіе этой идеи. Другая практическая сторона, это та, на которую указалъ Ѳ. И. Въ данномъ случаѣ лучшимъ центромъ не можетъ быть никакой городъ кромѣ Константинополя: районъ дѣятельности Института совпадетъ съ государственной территоріей Турецкой Имперіи. Что такое территорія Греціи сравнительно съ Турецкой Имперіей? Всѣ предметы, которыми долженъ заниматься предполагаемый Институтъ, всѣ стороны исторической жизни народной, всѣ наилучшимъ и главнымъ образомъ находятся на территоріи турецкой. Съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія не можетъ быть вопроса о выборѣ какого-нибудь другаго пункта кромѣ Константинополя, тѣмъ болѣе, что практическое осуществленіе этой идеи зависитъ не отъ насъ.

А. А. Дмитріевскій: Сколько мнѣ извѣстно, вопросъ объ учрежденіи Института въ Константинополѣ поднятъ былъ въ 1887 г. въ Константинополѣ лицомъ совершенно частнымъ, а именно г. Мансуровымъ, докладъ котораго я прочелъ, и имъ же это предложеніе представлено на усмотрѣніе Министерства. Вопросъ этотъ, сколько мнѣ извѣстно изъ источниковъ довольно вѣрныхъ, все еще находится на разсмотрѣніи Правительства и даже безъ движенія. Самъ составитель предложенія представляетъ намъ возможность обсудить, гдѣ лучше быть этому Институту. Если мы хорошо обсудимъ, то успѣхъ Института будетъ несомнѣненъ. Если мы удовольствуемся Константинополемъ, какъ мѣстомъ для Института, тогда осуществленіе на практикѣ встрѣтитъ затрудненія, а изученіе памятниковъ внутри страны едва ли будетъ для насъ удобнѣе, чѣмъ изъ Аѳинъ, уже потому, что Турки относятся къ Русскимъ подозрительно.

Графиня П. С. Уварова: Позвольте примкнуть къ нашему предсѣдателю. Дѣло въ полномъ ходу и даже, быть можетъ, намѣчены для него личности; остановилось оно въ Министерствѣ только потому, что нѣтъ денегъ, а какъ явятся средства, археологическій Институтъ будетъ учрежденъ въ Константинополѣ. Мы можемъ ходатайствовать о скорѣйшемъ учрежденіи; но разсуждать о томъ, гдѣ долженъ быть Институтъ, теперь даже смѣшно.

А. С. Будиловичъ: Можетъ быть я, какъ славистъ, окажусь болѣе безпристрастнымъ оцѣнщикомъ въ поставленномъ вопросѣ, предполагая, что вопросъ поставленъ на наше рѣшеніе. Ничего нельзя сказать противъ важности византійскаго міра въ исторіи Славянства и Россіи. Авторъ сегодняшняго доклада, правда, нѣсколько сгустилъ краски при изложеніи этой важности и лишилъ южное Славянство надежды занять самостоятельное мѣсто въ ряду культурныхъ народовъ. Но въ виду того, что автора нѣтъ на съѣздѣ и нельзя ожидать разъясненій, я не буду останавливаться на этомъ. Что касается разсматриваемаго теперь вопроса, то было бы всего лучше, если бы было три Института; но если денежныя обстоятельства мѣшаютъ, то тогда надо предполагать, что два Института должны быть основаны. Если будетъ два Института, тогда надо выбрать Аѳины и Римъ. Если же необходимо ограничиться однимъ Институтомъ по денежнымъ побужденіямъ, тогда является вопросъ какой изъ трехъ Институтовъ

представляетъ наибольшую важность вообще для всей археологіи. Быть можетъ, ожидали отъ меня, что я укажу на Константинополь; но Константинополь не былъ давно уже ни культурнымъ, ни научнымъ представителемъ славяновѣдѣнія: тамъ нѣтъ библіотекъ, музеевъ; но византологія тамъ въ благопріятныхъ условіяхъ. Я присоединяюсь къ мнѣнію г. Дмитріевскаго, что Аѳины лучшій пунктъ, потому что тамъ можно соединить изученіе съ возможностью непосредственно организовать экскурсіи всюду. Мы уже имѣемъ образецъ, что въ Аѳинахъ есть западный ученый Институтъ, а въ Константинополѣ нѣтъ, и едва ли это тамъ возможно, пока не будутъ лучше дѣла Турецкой Имперіи. Далѣе, въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, родственныя связи могутъ играть роль. Научное значеніе Аѳинъ въ исторіи міровой образованности также склоняетъ къ тому мнѣнію, что лучше всего устроить Институтъ въ Аѳинахъ, потомъ въ Римѣ и наконецъ въ Константинополѣ.

Ѳ. И. Успенскій: Тутъ допускается недоразумѣніе и невниманіе къ тому вопросу, который поставленъ. Намъ говорятъ—возьмите Аѳины: въ Аѳинахъ Археологическій Институтъ будетъ заниматься классическими древностями. Занятія классическія прекрасно идутъ на Западѣ; есть Археологическіе Институты въ Римѣ, въ Германіи, въ Аѳинахъ, и занятія въ нихъ поставлены хорошо. Но когда выдвигается вопросъ объ изученіи Византіи, подразумѣвается масса вопросовъ новыхъ, которые не могутъ быть смѣшаны съ изученіемъ классическихъ древностей. Намъ предстоятъ національныя задачи, ихъ надо отстоять и имъ надо представить отдѣльное учрежденіе. Не можетъ быть сомнѣнія, что нужно ходатайствовать объ учрежденіи Института и не ставить его въ такое мѣсто, гдѣ бы изучали классическія древности, потому что это послѣднее изученіе имѣетъ свои задачи. Мѣста лучше Константинополя нѣтъ, потому что Константинополь имѣетъ громадную территорію моральную и политическую.

А. И. Кирпичниковъ: Я могу сдѣлать одну прибавку. Два предшествующіе оратора говорили, что въ Константинополѣ нѣтъ музеевъ, нѣтъ библіотекъ. Дѣйствительно, въ Константинополѣ, кромѣ Оттоманскаго Музея, нѣтъ другаго подобнаго учрежденія, но Константинополь весь самъ музей. Въ Константинополѣ нѣтъ ученыхъ библіотекъ; но тамъ масса библіотекъ, состоящихъ изъ рукописей, а нужная библіотека будетъ существовать при Археол. Институтѣ.

Постановлено: просить Совѣтъ Съѣзда поддержать передъ Правительствомъ предложеніе Россійскаго Императорскаго Посольства въ Константинополѣ объ учрежденіи въ Константинополѣ Русскаго Археологическаго Института.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

19 января, 10 час. утра.

ОТДѢЛЕНІЕ IV. Русскій бытъ домашній, юридическій и общественный.

Почетный предсѣдатель Д. И. Багалѣй.
Предсѣдатель отдѣленія С. М. Шпилевскій.
Секретарь отдѣленія И. А. Линниченко.

1. В. Н. Сторожевъ прочелъ докладъ: „*Засѣчныя книги, какъ историко-географическій и археологическій матеріалъ*“.

Докладчикъ изложилъ свой опытъ возстановленія на современной картѣ засѣчныхъ чертъ въ мѣстностяхъ Калужской, Тульской, Рязанской и отчасти Тамбовской губерній. Изучая засѣчныя книги, докладчикъ убѣдился, что онѣ суть собственно дозорныя книги засѣкъ и что по нимъ безъ помощи мѣстнаго изслѣдованія можно болѣе или менѣе точно возстановить засѣчныя черты XVII в. Можно уловить три главные типа дозорныхъ книгъ засѣкъ, встрѣчающіеся отдѣльно или вмѣстѣ. Одинъ занятъ исключительно описаніемъ „засѣчнаго межеваго деревья“ („стоитъ дубъ, на немъ насѣчена грань вновь, возлѣ ево яма; а отъ дуба съ гранью и отъ ямы по натесамъ дубъ съ гранью“ и т. д.). Другой типъ, давая такое же межевое описаніе засѣчной черты, дѣлитъ ее на „звенья“ (т. е. описываетъ по отдѣльнымъ ея частямъ, порученнымъ въ надзоръ извѣстнымъ ближайшимъ населеннымъ пунктамъ), прибавляетъ нѣкоторыя топографическія подробности и противъ каждаго звена отмѣчаетъ порухи. Третій типъ посвященъ записи укрѣпленій и засѣчныхъ порухъ всякаго рода. Помимо интереса историко-географическаго и стратегико-историческаго (характеръ направленія засѣкъ, ихъ расположеніе, организація засѣчной стражи и надзора, система и средства обороны), засѣчныя книги интересны археологически, какъ хранилище терминовъ, касающихся постройки засѣчныхъ укрѣпленій [1]).

А. Ѳ. Селивановъ дополнилъ докладъ сообщеніемъ о засѣкѣ, находящейся въ Пензенской губерніи и которая тянется на нѣсколько десятковъ верстъ отъ Пензы на пригородъ и идетъ къ Тамбову. Отъ этой засѣки до сихъ поръ сохранился валъ, яма, и даже нѣкоторыя мѣстности носятъ названія засѣкъ: около города Пензы лѣсъ называется засѣкой. На этихъ мѣстахъ находилось крестьянами древнее оружіе, которое представлялось мѣстнымъ любителямъ древностей.

В. Н. Сторожевъ: На существованіе Пензенской засѣки было указано Калачовымъ. Въ Инсарскомъ уѣздѣ черта отчасти даже описана.

А. Ѳ. Селивановъ. Инсарскій уѣздъ лежитъ болѣе къ сѣверу, а эта засѣка лежитъ болѣе къ югу.

2. С. П. Тимофеевъ прочелъ сообщеніе подъ заглавіемъ: *Первыя раціоналистическія секты на Руси*, пользуясь указаніями неизданныхъ университетскихъ лекцій проф. Н. С. Тихонравова.

---

[1]) Докладъ напечатанъ въ журналѣ „Библіографъ“ (СПБ.), 1892 г.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

3. И. А. Линниченко прочелъ докладъ подъ заглавіемъ: — *Черты изъ исторіи землевладѣнія въ Юго-Западной Руси XIV и XV вѣка.*

Докладчикъ отмѣтилъ разницу между древне-русскимъ и древне-польскимъ общественнымъ строемъ въ его отношеніи къ землевладѣнію. Въ то время, какъ въ древней Руси вся территорія княженія принадлежала общинѣ, а не князю, который пріобрѣталъ земли въ собственность такимъ же частноправнымъ путемъ, какъ и остальное населеніе, въ древней Польшѣ, наоборотъ, частной земельной собственности не было, а вся территорія княжеская принадлежала князю. Относительно древней, преимущественно Юго-Западной, Руси данныя доказываютъ довольно широкое развитіе частной земельной собственности уже въ княжескій періодъ нашей исторіи, при чемъ формы пріобрѣтенія этой собственности разнообразны (покупка, уступка общиной) и даже княжеское пожалованіе является лишь однимъ изъ видовъ пріобрѣтенія. Уже въ княжескій періодъ земли обращались совершенно свободно: покупались, продавались и даже давались въ приданое; но землевладѣльцы только въ отдѣльныхъ случаяхъ имѣли документальныя доказательства своего владѣнія, въ большинствѣ же случаевъ, ихъ права на землю опредѣлялись лишь давностью да показаніемъ свидѣтелей. Съ переходомъ Юго-Западной (Галицкой) земли къ Польшѣ, условія землевладѣнія существенно измѣнились: вся территорія стала собственностью королей, отдѣльныя же лица потеряли свое право собственности на землю и сдѣлались вассалами. Только къ половинѣ XV в. эта феодальная система, невыгодная для шляхты, падаетъ, и въ Червонной Руси, вопреки первоначальнымъ желаніямъ польскаго правительства, стремившагося здѣсь ввести порядки отличные отъ польскихъ, вводится польское право и земли снова отдаются въ полное владѣніе шляхты [1]).

В. Н. Сторожевъ указалъ, что выясненіе связи, отмѣченной уже проф. Будановымъ между формой землевладѣнія въ Московскомъ государствѣ XIV вѣка и формой землевладѣнія на Юго-Западной Руси XIV—XV вв., тѣмъ болѣе важно, что въ настоящее время вопросъ о происхожденіи формы землевладѣнія въ Московскомъ Государствѣ поставленъ на странную почву. Византисты дѣлаютъ указаніе на происхожденіе этого владѣнія изъ Византіи, указываютъ, что даже формы нашего землевладѣнія будетъ удобнѣе изучать въ Византіи, т. е. если мы попытаемся сравнить византійскія писцовыя книги съ книгами Московскаго Государства. Другіе стараются произвести наши формы помѣстнаго землевладѣнія отъ Монголіи: Блюменфельдъ настаиваетъ, что монгольское завоеваніе сдѣлало эпоху въ исторіи русскаго землевладѣнія. Поэтому важно выяснить, въ какомъ дѣйствительно отношеніи пожалованіе доволи въ Червонной Руси относится къ помѣстью, которое развилось въ началѣ XIV и въ концѣ XIII вѣка въ Московскомъ Государствѣ? Самый терминъ помѣстья встрѣчается раньше не въ актахъ Московскаго княжества, а въ актахъ Литовскаго Государства.

И. А. Линниченко: Съ проф. Будановымъ я расхожусь въ одномъ пунктѣ. Проф. Будановъ старается указать, но не доказываетъ, что тѣ порядки, которые онъ

---

[1]) См. Черты изъ исторіи сословій въ Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV—XV вв.—изслѣдованіе И. А. Линниченко. М., 1894 г.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

приводитъ, какъ порядки существующіе въ Литовскомъ Государствѣ, что эти порядки существовали въ древней Руси до завоеванія Литвой. Я привелъ аналогіи изъ примѣра Червонной Руси: система въ Литовской Руси не выходитъ изъ русскихъ обычаевъ. Послѣ завоеванія вся земля переходитъ въ ленъ и власть князей, и частная земельная собственность уничтожается.

4. А. С. Гацисскій прочелъ докладъ:—*Почему назывались выписки изъ писцовыхъ книгъ, даваемыя городамъ, по ихъ челобитнымъ, сотными грамотами.*

Докладчикъ, предсѣдатель Нижегородской Архивной Коммиссіи, началъ сообщеніе изложеніемъ своихъ разысканій относительно выраженія „сотная грамота", надъ которымъ онъ задумался только тогда, когда приступилъ къ подготовительнымъ работамъ по изданію сотной грамоты на Нижній-Новгородъ, выданной въ 1630 году. Изъ этой грамоты, конечно, не видно, почему она такъ называется: въ ней только говорится, въ разныхъ редакціяхъ, о томъ, что „государь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ" пожаловалъ городу „съ писцовыхъ книгъ" свою „государеву сотную грамоту". Обратившись къ трудамъ нашихъ историковъ за разъясненіемъ вопроса, предложеннаго имъ VIII Съѣзду, докладчикъ заявилъ, что въ трудахъ этихъ онъ категорическаго отвѣта на вопросъ не нашелъ. Приведя ссылки на сочиненія Карамзина, Соловьева, Бестужева-Рюмина, Бураковскаго, Бѣляева, Попова, Чичерина, Шпилевскаго, Калачева, Владимірскаго-Буданова, Градовскаго, Даля, Иванова и другихъ, а также на изданія Московскаго Архива Министерства Юстиціи, докладчикъ высказалъ лишь осторожное предположеніе, что названіе „сотныхъ грамотъ" можно поставить въ нѣкоторую связь съ дѣленіемъ старинныхъ русскихъ городовъ на сотни, съ существованіемъ въ городахъ особыхъ должностныхъ лицъ—городовыхъ сотниковъ, сотскихъ, съ выраженіями: писцовая сотня, старая сотня, встрѣчающимися въ монастырскихъ сотныхъ выписяхъ и книгахъ и т. п. Положительное же, точное рѣшеніе вопроса, подобно вопросу о названіи книгъ разряднаго приказа, извѣстныхъ подъ именемъ „десятень", происхожденіе котораго также неизвѣстно, представить по меньшей мѣрѣ затруднительно.

5. Н. Е. Чижовъ прочелъ—*Предложеніе о необходимости изученія символики вообще и русскихъ юридическихъ символовъ въ особенности.*

---

19 января. 12 час. дня.

ОТДѢЛЕНІЕ VIII. Древности восточныя и языческія.

Почетный Предсѣдатель Д. А. Хвольсонъ.
Предсѣдатель Отдѣленія Ѳ. Е. Коршъ.
Секретарь Отдѣленія М. В. Никольскій.

1. Ѳ. Е. Коршъ сдѣлалъ сообщеніе: *Воззваніе Петра Великаго къ Буджацкимъ Татарамъ.* Воззваніе Петра Великаго къ Татарамъ Буджака, предъ Турецкою войной 1711 года, до сихъ поръ бывшее неизвѣстнымъ, сохранилось въ одномъ экзем-

плярѣ, находящемся въ библіотекѣ Московской Синодальной Типографіи, въ отдѣлѣ рукописей, безъ опредѣленія языка и содержанія. По разсмотрѣніи докладчикомъ, этотъ „универсалъ“, какъ самъ Петръ называлъ такія грамоты, оказался изложеннымъ на турецкомъ (османскомъ) языкѣ, съ сильною примѣсью татарскихъ словъ и формъ, и не писаннымъ, а оттиснутымъ, вѣроятно, съ мѣдной доски, на которой онъ былъ вырѣзанъ. Такъ какъ онъ составленъ въ Москвѣ и, по всей вѣроятности, здѣсь же и отпечатанъ, то докладчикъ надѣялся найти его русскій подлинникъ въ одномъ изъ московскихъ архивовъ, но до сихъ поръ поиски его не увѣнчались успѣхомъ. Обстоятельства, при которыхъ *Воззваніе* было издано, мало извѣстны. О разсылкѣ универсаловъ на татарскомъ языкѣ Петръ упоминаетъ въ порученіяхъ, которыя онъ давалъ въ Яваровѣ 7 мая 1711 г. Вас. Влад. Долгорукову, отправляя его къ главнокомандующему Шереметеву. Документъ, составляющій предметъ сообщенія Ѳ. Е. Корша, помѣченъ февралемъ того же года; слѣдовательно, эти воззванія были заготовлены заранѣе. Въ историческомъ отношеніи новый памятникъ представляетъ мало новаго. Напомнивъ вкратцѣ событія, предшествовавшія Прутскому походу, насколько они могутъ служить къ разъясненію воззванія, Ѳ. Е. прочелъ свой переводъ этой грамоты. Въ ней Петръ излагаетъ обиды и несправедливость султана Ахмеда со времени бѣгства Карла XII въ Турцію, указываетъ на свою правоту относительно Турокъ и, въ заключеніе, призываетъ Буджацкихъ Татаръ къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ врага, а въ случаѣ ихъ несогласія грозитъ имъ разореніемъ и плѣномъ. Въ переводѣ кое-гдѣ сквозитъ русскій подлинникъ, но, вѣроятно, не столько потому чтобы переводчикъ держался его близко, сколько по непониманію конструкцій, которыя поэтому онъ иногда передавалъ дословно. Ошибокъ много, но нѣкоторая часть ихъ должна быть приписана рѣзчику, который едва ли разумѣлъ арабскую грамоту. Потому чтеніе этого памятника довольно трудно, и мѣстахъ въ двухъ ни докладчикъ, ни лица, къ которымъ онъ обращался, не могли разобрать его. Переводчикъ имѣлъ намѣреніе выражаться по-османски, но это не вполнѣ ему удалось. Судя по тому, что татарскія примѣси принадлежатъ къ нарѣчіямъ джагатайскому (средне-азіятскому) и одному изъ тѣхъ, на которомъ говорятъ Татары Восточной Россіи, переводчикъ былъ именно изъ такихъ Татаръ. Странно названіе Польши *Лука-виляети*, вмѣсто обычнаго у Турокъ *Лехъ-мемлекети*. Въ заключеніе докладчикъ отмѣтилъ одно хронологическое противорѣчіе: наши историки относятъ возобновленіе 30-лѣтняго мира, заключеннаго Петромъ съ султаномъ Мустафой въ 1700 году, къ ноябрю 1709 году, а по универсалу къ Буджацкой ордѣ, какъ и по манифесту Петра о войнѣ въ 1711 году, это возобновленіе воспослѣдовало только въ 1710 году *).

2. А. Г. Халатовъ прочелъ — *О новомъ божествѣ у древнихъ Армянъ: Ангехъ или Ангелъ.* У истоковъ рѣки Тигра, на сѣверъ отъ Діарбекира, находится нынѣ область Аклъ. Въ древности эта область входила въ составъ Армянскаго царства и называлась *Ангел-тунъ*, что собственно означаетъ домъ или владѣніе Ангела. Существовалъ и городъ того же названія, съ главною крѣпостью, расположенною на вы-

*) Докладъ напечатанъ въ „Древностяхъ Восточныхъ“ Имп. Моск. Археол. Общ., т. I, вып. 3.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

сокой скалѣ. Въ этой крѣпости, по словамъ армянскихъ историковъ, хранились царскія сокровища, и она же служила усыпальницей древнихъ армянскихъ царей. Вообще Ангел-тунъ пользуется, повидимому, какимъ-то священнымъ значеніемъ. Но что же значитъ *Ангелъ* и какъ его объяснить? Моисей Хоренскій въ повѣствованіи о происхожденіи армянскихъ владѣтельныхъ князей, называетъ родоначальникомъ нѣкоего исполина, отличавшагося неимовѣрною, сокрушающею силой, причемъ намѣренно рисуетъ его страшно безобразнымъ, чтобы на этомъ основаніи объяснить народную этимологію слова Ангелъ, будто означающаго по армянски „некрасивый". Судя по отрывкамъ, приводимымъ армянскимъ историкомъ изъ народныхъ пѣсенъ относительно этого исполина, лицо это носитъ вполнѣ миѳическій характеръ, наводящій на мысль: не есть ли *Ангелъ* какое-либо божество, а именно богъ войны? Дѣйствительно въ Библіи, въ IV кн. Царствъ, гл. 17, ст. 30 на томъ мѣстѣ, гдѣ въ оригиналѣ стоитъ *Нергалъ* (ассирійскій богъ войны, соотвѣтствующій греческому Гераклу), въ армянскомъ переводѣ значится *Ангелъ*. Кромѣ того, весьма важно и то обстоятельство, что армянскій историкъ Себеосъ, жившій въ VI в., но пользовавшійся древнимъ источникомъ, также называетъ *Ангела* богомъ. На основаніи всего приведеннаго, докладчикъ высказалъ предположеніе о существованіи нѣкогда въ юго-западной Арменіи божества *Ангелъ*, по его мнѣнію, появившагося въ этихъ странахъ подъ вліяніемъ ассирійской религіи еще во время походовъ ассирійскихъ царей съ жителями Арменіи, начиная съ Туклатпаласара и кончая Ассурбанипаломъ (т.-е. съ XI—VII в. до Р. Х.). Примѣръ этотъ не единственный. Такимъ же путемъ, вѣроятно, были перенесены въ Юго-Западную Арменію и культы другихъ ассиро-вавилонскихъ божествъ, какъ это можно было бы допустить на основаніи нѣкоторыхъ топографическихъ названій Арменіи. Таковыя божества *Ваалъ* (арм. Бал-и-тунъ), также божество *Ану* — ассирійскій богъ или владыка земель, вѣроятно, сохранившійся въ названіи древней армянской крѣпости *Ани* въ провинціи Высокой Арменіи, въ которой, быть можетъ, и сосредоточивался культъ этого божества *Ану* въ древнѣйшія времена до тѣхъ поръ, пока не былъ вытѣсненъ (какъ и въ упомянутомъ Ангел-тунъ), начавшею широко распространяться съ VI в. до Р. Х. въ передней и Малой Азіи религіей Зороастра.

3. Ал. И. Маркевичъ прочелъ сообщеніе: *Пребываніе въ Крыму московскаго гонца, подъячаго Василія Айтемирова, въ 1692—95*. Докладъ этотъ представляетъ собой разработку историческаго матеріала, находящагося въ статейномъ спискѣ московскаго посла Айтемирова. Матеріалъ этотъ раскрываетъ любопытныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ Крыма къ Россіи послѣ Бахчисарайскаго трактата, когда Крымъ сдѣлался вассальнымъ государствомъ и когда эти отношенія уже утратили прежній острый враждебный характеръ. Есть въ немъ также не мало цѣнныхъ свѣдѣній о Польшѣ, Турціи, Калмыкахъ и Южной Россіи. Для исторіи собственно Московскаго государства интереснаго матеріала мало. Но вообще статейный списокъ Айтемирова вноситъ богатый матеріалъ въ русскую исторію XVII вѣка. [1])

---

[1]) Докладъ изданъ въ „Извѣстіяхъ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи", № 9, 1890 г.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

4. М. В. Никольскій прочиталъ докладъ: *Объ изображеніи женскаго божества на Вавилонскихъ цилиндрахъ и статуэткахъ.*

Вопросъ объ этихъ изображеніяхъ имѣетъ большую важность въ виду того обстоятельства, что въ нихъ находятся поразительные намеки на греческое искусство, побудившее нѣкоторыхъ ученыхъ въ халдейскихъ цилиндрахъ искать первые элементы греческаго искусства. Весьма часто богиня изображается совершенно нагою, въ неподвижномъ видѣ, со сложенными ниже груди руками, или съ новорожденнымъ ребенкомъ на груди, всегда лицомъ, а не въ профиль, какъ всѣ остальныя фигуры. Отсюда г. Менанъ, французскій изслѣдователь цилиндра, считаетъ ее не за дѣйствующее лицо изображаемыхъ сценъ, а за копію со статуи или статуэтки богини. Менанъ терялся въ догадкахъ относительно того, что это за богиня и почему она изображается обнаженною, на подобіе греческихъ статуй позднѣйшей эпохи античнаго искусства, но предполагаетъ, что это—изображеніе главнѣйшаго женскаго божества халдейскаго пантеона, богини Иштаръ, причемъ искусство изобразило ее въ тотъ моментъ, когда она, по извѣстному миѳу, нисходила въ адъ, гдѣ лишена была всѣхъ одеждъ и украшеній. Докладчику счастливо удалось открыть дѣйствительное имя этого таинственнаго женскаго существа, и найти подтвержденіе предположенію Менана въ томъ, что эти изображенія суть копіи со статуй или статуэтокъ. Въ богатой коллекціи Dr. Блау, находящейся на Выставкѣ при Съѣздѣ, имѣются 5 цилиндровъ съ изображеніемъ этой богини, причемъ на одномъ изъ нихъ вырѣзаны двѣ линіи надписи съ именемъ бога *Рамана* и богини *Шалы*. Между знаками перваго имени изображена фигура мужчины, а между знаками второго—фигура женщины, именно та самая, которая и служитъ загадкой. На другомъ цилиндрѣ обѣ эти фигуры изображены въ миніатюрномъ видѣ, одна надъ другою, между фигурами дѣйствующихъ лицъ въ полный ростъ. Не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что эти изображенія принадлежатъ не богинѣ Иштаръ, а другому вавилонскому женскому божеству *Шала*, супругѣ бога Рамана и суть копіи со статуй этихъ божествъ. Изложивъ затѣмъ свидѣтельства надписей о томъ, что этимъ божествамъ воздвигались въ храмахъ статуи, пользовавшіяся особымъ уваженіемъ, докладчикъ представилъ пять терракотовыхъ статуэтокъ изъ той же коллекціи Dr. Блау, принадлежащихъ къ разряду тѣхъ, которыя г. Менанъ отождествляетъ съ изображеніями на цилиндрахъ. Такъ какъ три изъ нихъ представляютъ эту фигуру съ новорожденнымъ ребенкомъ на груди—чего на цилиндрахъ нигдѣ нѣтъ,—то докладчикъ считаетъ затруднительнымъ вопросъ о связи этихъ статуэтокъ съ изображеніями на цилиндрахъ. Разъясненія этого вопроса слѣдуетъ ожидать отъ дальнѣйшихъ открытій. Докладчикъ представляетъ также будущему рѣшеніе крайне затруднительнаго вопроса, почему богиня Шала изображалась въ обнаженномъ видѣ, такъ какъ, въ найденныхъ по сіе время памятникахъ, съ именемъ этого божества не соединился ни одинъ изъ миѳовъ *).

---

*) Докладъ напечатанъ въ „Древностяхъ Восточныхъ“ Имп. Моск. Археол. Общ., т. I, вып. 2.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

19 января. 2 часа дня.

ОТДѢЛЕНІЕ II. Древности историко-географическія и этнографическія.

Почетный Предсѣдатель Д. И. Багалѣй.
Предсѣдатель Отдѣленія В. Б. Антоновичъ.
Секретарь Отдѣленія П. Н. Милюковъ.

1. И. Н. Смирновъ прочелъ докладъ: *Воспоминанія объ эпохѣ каннибализма въ народной поэзіи Вотяковъ. (Томъ III, 315—318).*

2. А. И. Соболевскій сдѣлалъ сообщеніе: *О селѣ Ячевѣ или Вячевѣ.* Названіе „села Ячева" или „Вячево" читалось на лѣтописной дубовой доскѣ Тверского Музея, № 2018, надпись коей гласитъ какъ бы: „Лѣта 7158 (1650) году мѣсяца апрѣля въ 23 день на память святаго славнаго великомученика и побѣдоносца Георгія. А сію обитель строилъ *и о въ селѣ Вячевѣ* игуменъ Ѳеодосій". Такъ какъ въ спискѣ населенныхъ мѣстъ Тверской губерніи села Вячева или Ячева не значится, то на прежнихъ Съѣздахъ возникъ запросъ, остававшійся безъ отвѣта,—гдѣ находится такое село. А. И. Соболевскій объяснилъ, что въ чтеніи надписи было недоразумѣніе: отмѣченныя слова надо читать: „Иовъ Селевачевъ". Итакъ это—не названіе мѣстности, а названіе лица.

3. Д. Н. Анучинъ сдѣлалъ обширное сообщеніе: *О древнѣйшихъ иностранныхъ картахъ Сибири* [1]).

4. Д. Я. Самоквасовъ прочелъ: *О происхожденіи русскихъ Славянъ и причинѣ появленія кладовъ Римскихъ монетъ въ области Центральной Европы. (Томъ III, 31—43).*

А. А. Кочубинскій: Теорія проф. Самоквасова мнѣ симпатична, именно,—теорія существованія въ эпоху Римской Имперіи на нижнемъ Дунаѣ славянской семьи. Эта мысль въ исторіи науки не нова: вопросъ этотъ являлся уже яблокомъ раздора между учеными, и именно въ силу этого, намъ слѣдуетъ относиться съ крайней осторожностью къ признанію непогрѣшимости его рѣшенія.

Докладъ проф. Самоквасова есть интересный комментарій къ извѣстному мѣсту нашего древняго лѣтописца; но я полагаю, что на основаніи однихъ историческихъ свидѣтельствъ вопросъ рѣшенъ быть не можетъ; здѣсь необходимо обратиться къ даннымъ болѣе опредѣленнымъ, болѣе точнымъ, не позволяющимъ толкованія ни въ одну, ни въ другую сторону. Я разумѣю данныя языка.

Какъ ни темна, къ сожалѣнію, эта область данныхъ языка Славянъ нижняго Дуная вѣковъ Римской Имперіи, но все-таки есть для нея кое какія, довольно опредѣленныя указанія. Одно указаніе очень хорошо извѣстно всѣмъ, кто занимался латинской топографіей нижняго Дуная. Это знаменитое названіе одной изъ первыхъ рим-

---

[1]) „Древности" Имп. Моск. Археол. Общ., томъ XIV, статья Д. Н. Анучина: „Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака".

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

скихъ колоній, основанныхъ Траяномъ,—„*colonia Tsiernensis*". Толкованіе этого слова, какъ славянскаго, долго казалось смѣшнымъ для многихъ; но въ настоящее время лучшій представитель латинской эпиграфики, Момзенъ, и лучшій знатокъ географіи, Киппертъ, указываютъ на то, что въ этомъ имени впервые прозвучалъ славянскій языкъ на страницахъ исторіи. Я прибавлю другой лингвистическій фактъ въ подкрѣпленіе этой мысли, фактъ не новый, но мало обращавшій на себя вниманіе. Въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія, на берегу рѣки Мароша, впадающаго въ Тиссу, былъ найденъ замѣчательный золотой кладъ, состоявшій изъ 23-хъ дивной работы золотыхъ вещей; въ числѣ ихъ, на одной чашѣ, на внутренней сторонѣ ея, есть греческая надпись, и въ этой надписи мы имѣемъ одно славянское слово, дважды повторенное, а именно, слово „*жупанъ*", и каждый разъ этотъ титулъ стоитъ послѣ личнаго имени. Этотъ кладъ, эти золотыя вещи, какъ показываетъ сдѣланный спеціалистами анализъ работы и анализъ характера греческаго письма, должны быть отнесены къ періоду между IV и VI вѣками по Р. Х. Весьма интересныя, новѣйшія изслѣдованія этого замѣчательнаго золотого клада принадлежатъ мадьярскому ученому Гампелю (Dr. Jog. Hampel, Der goldfund von Nagy-Szent-Miklos) и помѣщены въ „Ungarische Revue" за 1885 г. Не входя въ подробности, я позволю себѣ обратить вниманіе археологовъ на то, что, по мнѣнію этого мадьярскаго изслѣдователя, характеръ работы сказанныхъ золотыхъ вещей, рисунки листвы, звѣрей, птицъ, указываютъ, что онѣ, всего вѣроятнѣе, произведеніе мастеровъ изъ южно русскихъ греческихъ колоній. Такимъ образомъ, „колонія *Чернензисъ*" будетъ свидѣтельствомъ начала второго вѣка, а „*жупанъ*"—свидѣтельствомъ IV вѣка, что славянская стихія должна быть признана стихіей туземной въ эпоху послѣднихъ вѣковъ Римской Имперіи. Это я нашелъ возможнымъ сказать въ настоящую минуту въ подтвержденіе доклада проф. Самоквасова.

Д. И. Иловайскій: Что касается доклада проф. Самоквасова, то я вполнѣ выражаю свое сочувствіе той связи, въ которую онъ приводитъ извѣстія нашей лѣтописи съ данными археологическими и нѣкоторыми историческими указаніями, пріуроченными къ извѣстной эпохѣ. Дѣйствительно, эти темныя извѣстія нашей древней лѣтописи, что Славяне начали разселяться вслѣдствіе толчка, даннаго Волохами, вызывали споры. Нѣкоторые разумѣли подъ Волохами Кельтовъ. Вѣроятнѣе, что это названіе относилось къ Римлянамъ, и благодаря тѣмъ даннымъ, какія сообщены Димитріемъ Яковлевичемъ, можно съ большей увѣренностью относить событіе разселенія Славянъ ко II в. по Р. Х.

Но мнѣ кажется, что изъ народовъ, столкнувшихся во II вѣкѣ на Дунаѣ, Славянами были не Геты или Даки, а Сарматы. Имя Славянъ является не ранѣе VI вѣка; но не народились же они въ VI вѣкѣ. Исторію народа нельзя смѣшивать съ исторіей народнаго имени. Названіе Славянъ является впервые на Дунаѣ въ формѣ Склавинъ; по всѣмъ даннымъ эти Склавины относятся къ Сарматскимъ народамъ, жившимъ на Дунаѣ, и отъ нихъ это имя распространилось далѣе. Вчера, въ докладѣ г. Хвольсона, мы видѣли, что Русь и Славяне упоминаются рядомъ въ IX вѣкѣ, а между тѣмъ Русь не называется Славянами, потому что это послѣднее названіе не распространялось тогда такъ широко, какъ въ позднѣйшія времена.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Возвращаясь къ докладу Д. Я. Самоквасова, я прихожу къ тому мнѣнію, что мы теперь имѣемъ нѣкоторый ключъ къ пониманію извѣстій первоначальной лѣтописи, гдѣ мы видимъ темное преданіе о столкновеніи Славянскаго міра съ Римскимъ міромъ. Эти войны дали толчекъ для разселенія Славянъ. Но наши старые книжники не могли такъ узнать исторію, какъ мы теперь, и потому это преданіе не объясняетъ намъ, откуда Славяне взялись на Дунаѣ. Исторію Славянъ ранѣе мы можемъ прослѣдить, но подъ другимъ названіемъ. Если мы возьмемъ извѣстія о Сарматахъ, то увидимъ, какъ они появляются на Дунаѣ и дѣйствуютъ въ такомъ количествѣ, что въ связи съ Германскими народами угрожаютъ цѣлости Римской Имперіи. Отпоръ, данный Римлянами, произвелъ между Сарматами сильное движеніе, которое и можно считать началомъ великаго переселенія народовъ. Я предлагаю, такимъ образомъ, данныя приведенныя достоуважаемымъ Д. Я., привести въ связь съ тѣми историческими извѣстіями, которыя говорятъ о Славянахъ подъ названіемъ Сарматовъ.

Д. Н. Анучинъ: Не считая себя достаточно компетентнымъ обсуждать теорію Д. Я. Самоквасова въ ея цѣломъ, я позволю себѣ коснуться только ея фактическихъ основъ. Эта теорія подтверждается, по мнѣнію Д. Я., въ значительней степени находками кладовъ римскихъ монетъ императорской эпохи первыхъ трехъ вѣковъ нашей эры на почвѣ русскихъ и польскихъ славянъ, находками, сравнительно съ которыми сдѣланныя на Западѣ представляются ничтожными. Я уже имѣлъ случай печатно представить нѣкоторыя данныя, опровергающія это мнѣніе и показывающія, что римскія монеты первыхъ трехъ вѣковъ по Р. Х. встрѣчаются почти въ такомъ же относительномъ количествѣ и въ кладахъ, найденныхъ за предѣлами современной Россіи: въ Германіи, Даніи, Южной Швеціи, Бельгіи и даже Франціи.

Подсчитывая нѣсколько лѣтъ тому назадъ количество монетъ, найденныхъ въ разныхъ кладахъ (преимущественно по даннымъ Вибера и Монтеліуса), я получилъ слѣдующія примѣрныя цифры. Въ земляхъ русскихъ и польскихъ Славянъ найдено около 12,000 монетъ, а въ Прибалтійскихъ странахъ (Пруссіи, Даніи и Швеціи) около 10,000 (не считая еще многихъ находокъ, въ которыхъ число монетъ осталось неопредѣленнымъ, и относительно коихъ только извѣстно, что было найдено: „горшокъ съ римскими деньгами“, „сотни римскихъ монетъ“, „масса монетъ Нерона“ и т. п., а также не принимая во вниманіе находокъ въ Бельгіи, Зап. Германіи, Франціи, напр. кладъ, найденный въ 1824 г. въ Famars съ 9½ тыс. рим. монетъ до Септимія Севера, кладъ, открытый въ 1861 г. въ Компіенѣ — болѣе 1,000 сер. монетъ эпохи Траяна-Коммода,—въ Fins d'Aunecy, 1866 г.,—болѣе 14,000 бронз. и сер. монетъ II и III в.в. и т. д.). Разница небольшая, особенно если принять во вниманіе относительно большую величину территоріи Славянъ. На основаніи этой статистики, нахожденіе кладовъ римскихъ монетъ нельзя считать подтверждающимъ теорію Д. Я., потому что въ такомъ случаѣ пришлось бы искать Славянъ тамъ, гдѣ ихъ никогда не было. Если же на Западѣ нахожденіе римскихъ монетъ за предѣлами Римской Имперіи объясняется торговыми сношеніями, то возможно допустить, что и распространеніе тѣхъ же монетъ въ области Славянъ было вызвано тою же причиною. Какъ широко распространяются монеты путемъ торговыхъ сношеній, доказываютъ, напримѣръ, клады араб-

скихъ монетъ (диргемовъ), или современное распространеніе австрійскихъ талеровъ Маріи Терезіи въ Африкѣ. Что касается того, что монеты первыхъ трехъ вѣковъ находятся въ земляхъ Славянъ въ изобиліи, а затѣмъ наступаетъ какъ бы перерывъ въ ихъ притокѣ, то это объяснилъ удовлетворительно Момзенъ, указавъ на постепенное ухудшеніе качества римскаго серебра: Германцы и Славяне неохотно брали новую монету съ малымъ процентомъ серебра (съ 50% и менѣе), а предпочитали старую (съ 75—99% серебра),—въ пользу чего можно привести и свидѣтельство Тацита, который говоритъ, что Германцы предпочитаютъ старыя римскія монеты новымъ (*Germania*, cap. 5.—„Germani... argentum magis, quam aurum sequuntur.... pecuniam probant veterem). Кромѣ торговли, занесеніе монеты могло обусловливаться еще удачными набѣгами, возвращеніемъ на родину служившихъ или торговавшихъ въ предѣлахъ Имперіи Германцевъ и Славянъ и т. д.

А. И. Соболевскій: Мнѣніе проф. Самоквасова можетъ быть сведено къ двумъ положеніямъ. Первое можетъ быть формулировано такимъ образомъ: Геты тождественны со Славянами Это первое положеніе опровергается данными языка. Языкъ Гетовъ намъ извѣстенъ. Діоскоридъ привелъ цѣлый рядъ гетскихъ ботаническихъ названій, и всѣ эти названія, по своему корневому составу, не имѣютъ ничего общаго со славянскими названіями. Второе положеніе: монеты Римской Имперіи, которыя найдены на почвѣ Россіи, были перенесены самими русскими Славянами съ Дуная. Это положеніе не имѣетъ, на мой взглядъ, на своей сторонѣ никакихъ подтвержденій, такъ какъ неясно, откуда могли взять дунайскіе Славяне эти монеты въ такомъ количествѣ, какое встрѣчается въ кладахъ. Разъ мы примемъ положеніе, что русскіе Славяне были тѣснимы Волохами, остается неяснымъ, какимъ образомъ Римляне не отняли у Славянъ собственныхъ своихъ богатствъ. Проф. Самоквасовъ указалъ на имя Траяна въ „Словѣ о полку Игоревѣ". Этотъ миѳическій Траянъ не имѣетъ ничего общаго съ историческимъ Траяномъ, и отождествлять этихъ двухъ Траяновъ невозможно. Что касается сказанія о разселеніи Славянъ, то весьма возможно, что сказаніе это происхожденія книжнаго. Мы имѣемъ много сказаній греческаго происхожденія, гдѣ названіе Славянъ придается Сарматамъ и Скиѳамъ, и очень можетъ быть, что въ лѣтописи мы имѣемъ дѣло съ такими книжными свѣдѣніями. На счетъ „колоніи Черненсисъ", которую привелъ проф. Кочубинскій, могу сказать, что этимологія этого слова крайне спорна, такъ что она не даетъ достаточнаго основанія для построеній. Д. И. Иловайскій указалъ на тождество Сарматовъ и Славянъ. Сарматы занимали сѣверное побережье Чернаго моря, т.-е., тѣ мѣста, которыя находились въ сношеніяхъ съ Греціей. Что Сарматы, а равно и Скиѳы, не были Славянами, доказываетъ то обстоятельство, что въ славянскомъ языкѣ вообще мы не имѣетъ греческихъ словъ; мы имѣемъ ихъ въ русско-славянскомъ съ новѣйшей фонетикой.

А. И. Маркевичъ выразилъ желаніе продолженія филологами попытки Гольца выяснить время, потребное для образованія самостоятельнаго языка, сомнѣваясь въ возможности того, чтобы съ третьяго вѣка славянскіе языки успѣли развиться въ тѣ отдѣльныя вѣтви, въ какихъ они являются въ исторіи.

И. В. Лучицкій: Проф. Самоквасовъ сказалъ, что когда крестьяне продаютъ

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

свои вещи и переселяются, они приносятъ на новыя поселенія тѣ монеты, за которыя они продали свои вещи. Но въ данномъ случаѣ нужно еще доказать, что славянское племя находилось въ тѣхъ условіяхъ денежнаго хозяйства, какъ крестьяне въ настоящее время; нужно доказать, что это племя стояло на такой степени культуры, гдѣ монеты могли имѣть значеніе въ торговлѣ. Тѣ данныя, какія мы имѣемъ, заставляютъ, напротивъ, думать, что монеты въ ту пору не могли быть въ обращеніи въ славянской торговлѣ, и что торговля эта была мѣновая.

В. Б. Антоновичъ: Д. Я. говоритъ, что распредѣленіе римскихъ монетъ указываетъ время переселенія Славянъ изъ придунайскихъ областей и пути колонизаціи нашихъ предковъ въ эпоху, означенную кладами этихъ монетъ. Мнѣ кажется, что клады указываютъ пути торговыхъ сношеній. Доказательствомъ можетъ служить количество кладовъ арабскихъ монетъ, преобладающихъ между находками этого рода въ предѣлахъ Россіи.

Д. Я. Самоквасовъ: Благодарю проф. А. А. Кочубинскаго и многоуважаемаго историка нашего Д. И. Иловайскаго за подтвержденіе и одобреніе результатовъ моихъ работъ, изложенныхъ въ сегодняшнемъ рефератѣ. Что касается новизны моей теоріи происхожденія русскихъ Славянъ отъ Славянъ дунайскихъ эпохи Римской Имперіи, то я никогда и не утверждалъ, что она нова; она также стара, какъ первый нашъ историкъ-лѣтописецъ. Мнѣніе Д. И. Иловайскаго о происхожденіи русскихъ Славянъ отъ дунайскихъ Сарматовъ времени первыхъ столѣтій Римской Имперіи нисколько не противорѣчитъ моему мнѣнію о происхожденіи русскаго этнографическаго типа отъ дунайскихъ Гетовъ или Даковъ. Въ моемъ сочиненіи „О происхожденіи Славянъ“ собраны многочисленныя историческія и этнографическія доказательства единства этнографическаго типа дунайскихъ Гетовъ, Даковъ и Сарматовъ времени первыхъ столѣтій Римской Имперіи, и эти доказательства до сихъ поръ остаются неопровергнутыми научною критикою. Различіе именъ у разныхъ писателей, даже одного времени, по отношенію къ племенамъ данной географической области, еще ничего не значитъ. Въ настоящее время, напримѣръ, жители Германіи называются Германцами, Нѣмцами, Аллеманами, Пруссаками, Баварцами, Саксонцами и проч., но подъ всѣми этими именами скрывается одинъ этнографическій типъ.

Я очень радъ, что Д. Н. Анучинъ отказывается произнести сужденіе о содержаніи моей теоріи, признавая свою некомпетентность въ обсужденіи историческихъ изслѣдованій. Ранѣе, въ своихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ и „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, онъ отнесся къ моимъ теоріямъ съ рѣзкою критикою и утверждалъ, будто бы „г. Самоквасовъ относитъ опредѣленно *обособленіе Славянъ отъ Скиѳовъ ко II в. по Р. Х., при чемъ однако не считаетъ нужнымъ входить въ разсмотрѣніе теоріи о принадлежности Скиѳовъ къ иранской вѣтви*“... „По мнѣнію г. Самоквасова, клады римскихъ монетъ находятъ *только въ земляхъ польскихъ и русскихъ Славянъ*, что указываетъ *на какую-то* связь ихъ со Славянами. Необходимо еще доказать, что клады римскихъ монетъ указанной эпохи встрѣчаются только на древней славянской территоріи“... „Г. Самоквасовъ утверждаетъ, что *за 5 вѣковъ до Р. Х. Славяне, Германцы и Литовцы составляли одну народность Скиѳскую*, а изъ этой

народности Славяне, Германцы и Литовцы *обособились сравнительно весьма скоро, въ какіе-нибудь три четыре вѣка*". Но ничего подобнаго въ напечатанныхъ мною сочиненіяхъ не имѣется. Все это не мои выводы, и Д. Н. Анучинъ вполнѣ основательно признаетъ ихъ бездоказательными.

Первая глава моего сочиненія „О происхожденіи Славянъ" цѣликомъ посвящена изложенію историческихъ, археологическихъ и этнографическихъ фактовъ, *доказывающихъ принадлежность Скиѳовъ времени Геродота къ народамъ индо-европейскаго иранскаго происхожденія* (Исторія Русскаго Права, вып. II, стр. 18—61). Вторымъ вѣкомъ по Р. Х. начинается, по моей теоріи, распаденіе *праславянскаго* этнографическаго типа на новѣйшія *славянскія* народности, т. е. образованіе въ средѣ древняго общеславянскаго этнографическаго типа національныхъ признаковъ, отличающихъ въ наше время другъ отъ друга народности славяно-русскую, славяно-польскую, славяно-чешскую, славяно-сербскую, славяно-болгарскую (тамъ-же, стр. 70 и слѣд.); начало же распаденія Скиѳскаго этнографическаго типа на народности славянскую, германскую и литовскую, по моей теоріи, относится ко временамъ Гомера и Гезіода, уже знавшихъ европейскихъ Скиѳовъ (тамъ-же, стр. 61—70). Въ подлинникѣ моего сочиненія устанавливается не „какая-то" связь между Славянами и кладами римскихъ монетъ центральныхъ областей Европы, а вполнѣ ясная и опредѣленная: славянскіе колонисты вынесли эти монеты изъ римской Дакіи. Какъ историкъ, я не могъ утверждать, что клады римскихъ монетъ находятся *только въ земляхъ польскихъ и русскихъ Славянъ* нашего времени, такъ какъ всякому историку извѣстно, что Римляне императорской эпохи владѣли областями древней Германіи между Эльбою и Рейномъ, Галліей, Британніей, Иберіей, Дакіей, Македоніей, Греціей, Кавказомъ и т. д., а слѣдовательно, въ землѣ всѣхъ сказанныхъ областей, *какъ римскихъ владѣніяхъ*, должны быть находимы и римскія монеты императорской эпохи. Но я жду отъ почтеннаго Д. Н. Анучина обѣщанныхъ имъ указаній на находки кладовъ римскихъ монетъ, *однохарактерныхъ по составу* съ кладами римскихъ монетъ земли древнихъ Ляховъ и Русовъ, по его заявленію, открытыхъ *на южномъ берегу Крыма*, на островѣ *Готландѣ*, „около двадцати", въ Бельгіи и Франціи.

Что же касается нынѣ высказанныхъ Д. Н. возраженій противъ фактическихъ основаній моей теоріи, подъ землею *древнихъ Русовъ и Ляховъ* я разумѣю землю *Русскихъ и Поляковъ нашего времени*. Но въ моихъ напечатанныхъ изслѣдованіяхъ, какъ и въ теперешнемъ рефератѣ, подъ землею древнихъ Русовъ и Ляховъ разумѣется территорія, очерченная свидѣтельствомъ лѣтописца, лежащимъ въ основаніи моего изслѣдованія о происхожденіи Славянъ: „Словѣни же ови пришедше сѣдоша *на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзіи Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне*"... Земля древнихъ Ляховъ простиралась далеко за западную границу земли современныхъ намъ Поляковъ и современной Россіи. Изъ сочиненій Шафарика, Гильфердинга, Котляревскаго, Первольфа и др. легко убѣдиться, что *въ эпоху Римской Имперіи колоніи Ляховъ простирались по р. Эльбу*. Напримѣръ, „Исторія Балтійскихъ Славянъ" Гильфердинга начинается слѣдующимъ предисловіемъ: „Балтійское поморье, *отъ Вислы до Эльбы*, прежде занято было Славянами; теперь

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

тамъ живутъ Нѣмцы", а въ самомъ сочиненіи, между прочимъ, говорится: „Русская лѣтопись упоминаетъ только, изъ Балтійскихъ Славянъ, о Поморянахъ и Лютичахъ; Бодричи и Стодоряне, болѣе отдаленные, ей неизвѣстны: это-то племя Ляховъ занимало и Балтійскіе острова... Всѣ эти народы имѣли одинъ языкъ, который являетъ всѣ признаки польской рѣчи. *Одно племя славянскаго корня занимало всю пространную равнину* на полуденной сторонѣ Балтійскаго Моря, *отъ Западнаго Буга черезъ Вислу по самую Лабу* (Эльбу), *доходя на югъ до Карпатскихъ горъ и истоковъ Одры.* Подобно Ляхамъ, *и восточныя отрасли славянскія* составляли другое, еще обширнѣйшее племя, которое *населяло всю страну отъ Новгорода до Днѣпровскихъ пороговъ и получило названіе Русскаго народа*" (стр. 6 и 7). Такъ опредѣляется земля древнихъ Ляховъ и Русовъ. Въ такихъ размѣрахъ понималъ и я древнеславянскую землю, согласно съ свидѣтельствомъ нашего древнѣйшаго лѣтописца и результатами новѣйшихъ историческихъ изслѣдованій.

Обращаясь теперь къ „статистикѣ" кладовъ римскихъ монетъ въ Россіи и на Западѣ Европы, выдвинутой почтеннымъ Д. Н. Анучинымъ противъ моей теоріи, я вижу, что онъ воспользовался для своей статистики вотъ этой статьей шведскаго ученаго Виберга („Der Einfluss klassischen Völker auf den Norden durch den Handelsverkehr", стр. 90—130). На основаніи фактовъ, собранныхъ въ этой брошюрѣ, и сложилась та теорія торговыхъ путей древнихъ Римлянъ къ Балтійскому морю, содержаніе которой подробно изложено и разобрано въ моемъ сочиненіи „О происхожденіи Славянъ". Задача моего изслѣдованія состояла не въ повтореніи перечня тѣхъ находокъ римскихъ монетъ, которыя уже были извѣстны въ литературѣ и послужили основаніемъ теоріи сношеній Римлянъ съ Балтійскимъ побережьемъ, а въ дополненіи сказаннаго перечня новыми фактами, опровергавшими господствовавшую въ литературѣ теорію и доказывавшими, что клады римскихъ монетъ были открыты не на предполагаемыхъ только торговыхъ путяхъ къ Балтійскому побережью, но и въ такихъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ уже ни коимъ образомъ не возможно допустить торговыя поѣздки Римлянъ императорской эпохи, и гдѣ появленіе ихъ возможно объяснить только свидѣтельствами нашего лѣтописца о колонизаціи нашихъ предковъ изъ областей дунайскихъ на побережья рѣкъ центральной Европы, вслѣдствіе натиска Римлянъ-Волоховъ. Факты послѣдняго рода, собранные мною, были неизвѣстны ни западно-европейской, ни даже русской исторической литературѣ. Я не перечислялъ кладовъ римскихъ монетъ, найденныхъ въ области бассейна рѣки Одера, такъ какъ они уже извѣстны были ученой литературѣ. Если Д. Н. Анучинъ потрудится сдѣлать историческую поправку къ своей статистикѣ и перечислитъ клады римскихъ монетъ, означенные въ брошюрахъ Виберга и Гильдебрандта, найденные между Вислою и Эльбою, изъ кладовъ германской земли въ клады земли древнеславянской да прибавитъ къ нимъ свѣдѣнія о кладахъ, прилагаемыя къ настоящему реферату, то количество римскихъ монетъ, найденныхъ внѣ земли древнихъ Русовъ и Ляховъ, уменьшится до $^1/_{10}$, а отношеніе въ его статистикѣ монетъ германскихъ земель къ монетамъ земли славянской измѣнится въ отношеніе одного къ тридцати, что и будетъ вполнѣ соотвѣтствовать моей теоріи.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Что же касается мнѣнія Момзена, которымъ фактъ прекращенія кладовъ римскихъ монетъ въ центральныхъ областяхъ Европы объясняется пониженіемъ ихъ достоинства, то оно совершенно голословно, и противорѣчитъ свидѣтельству Тацита, на котораго оно опирается. Тацитъ прямо говоритъ, что „народы Германіи, удаленныхъ отъ Римской Имперіи областей, не принимаютъ ни серебряной, ни золотой монеты, а торговыя сдѣлки производятъ посредствомъ обмѣна товара на товаръ".

Обращаясь къ замѣчаніямъ А. И. Соболевскаго, направленнымъ противъ двухъ тезисовъ моего реферата и высказаннымъ такъ рѣшительно, я нахожу ихъ неосновательными. А. И. утверждаетъ, что дунайскіе Геты времени первыхъ римскихъ императоровъ не были нашими предками и въ доказательство ссылается на Діоскорида, который оставилъ намъ цѣлый рядъ гетскихъ ботаническихъ названій и „всѣ эти названія, говоритъ онъ, по своему корневому составу, не имѣютъ ничего общаго со славянскими названіями". Другіе ученые думаютъ иначе, признаютъ ихъ славянскими. Ссылаюсь на Куна, на Реслера, который призналъ въ сохранившихся у Діоскорида ботаническихъ названіяхъ славянскій языкъ и пришелъ къ заключенію, что древніе придунайскіе Геты, Сарматы и Скиѳы составляли одинъ этнографическій типъ; по его изслѣдованіямъ, *Геты „zeigen mit Scythen und Sarmaten den selben Rassentypus"*. Romän. Stud. Wien. 1871, § 52—62. Ссылаюсь еще на изслѣдованіе почтеннаго ученаго историка Бруна, подъ заглавіемъ *„О родствѣ Гетовъ съ Даками и сихъ послѣднихъ со Славянами"*, въ которомъ собраны историческія доказательства, а между ними и ботаническія названія Діоскорида, въ пользу положенія, обозначеннаго приведеннымъ заглавіемъ изслѣдованія. Въ виду такихъ почтенныхъ авторитетовъ, смѣлое заявленіе А. И. Соболевскаго можетъ только уменьшить наше довѣріе къ его лингвистикѣ. По заявленіямъ г. Соболевскаго, въ отношеніи Діоскорида, колоніи Чернензисъ и народности Сарматовъ, можно думать, что лингвистика и въ настоящее время, въ отношеніи рѣшенія историческихъ вопросовъ, стоитъ еще на той степени, какую А. Л. Шлецеръ характеризовалъ слѣдующими словами: „Если слово говоритъ не то, чего хочется изслѣдователю, то его подымаютъ на этимологическую дыбу и мучатъ до тѣхъ поръ, пока слово не закричитъ, какъ хочется жестокому изслѣдователю". Во всякомъ случаѣ, если лингвисты спорятъ о національности ботаническихъ названій Діоскорида, то я въ правѣ выбрать то мнѣніе, какое согласуется съ имѣющимся въ моемъ распоряженіи историческимъ матеріаломъ.

На взглядъ А. И. Соболевскаго моя теорія перенесенія Славянами римскихъ монетъ въ Россію не имѣетъ на своей сторонѣ никакихъ подтвержденій, такъ какъ Римляне, если признать ихъ Волохами, притѣсняя Славянъ, должны были отнять у нихъ и свои богатства. Во-первыхъ, не всѣ думаютъ такъ о доказательствахъ моей теоріи. Во-вторыхъ, для примѣра, укажу на мнѣніе почтеннаго проф. В. З. Завитневича, который, отвѣчая одному изъ моихъ оппонентовъ по интересующему насъ теперь вопросу, увеличилъ собственными трудами количество доказательствъ моей теоріи и пришелъ къ слѣдующему заключенію: „теорію г. Самоквасова нельзя назвать „не доказанною гипотезою"—это очевидно для всякаго безпристрастнаго читателя". (Труды Кіевск. Дух. Акад. 1885 г. февраль, № 2). Точно также, по мнѣнію почтеннаго бывш. проф.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

М. О. Кояловича, высказанному въ его капитальномъ сочиненіи „Исторія русскаго самосознанія“, по отношенію къ моей теоріи происхожденія русскихъ Славянъ, говорится слѣдующее: „Д. Я. Самоквасовымъ собраны богатыя данныя“..; свои выводы „авторъ съ особенною обстоятельностью основываетъ на кладахъ съ римскими монетами; проф. Самоквасовъ расчищаетъ вновь пути къ уразумѣнію древнѣйшей русской жизни и критическимъ разборомъ научныхъ трудовъ по русской исторіи, и сопоставленіемъ археологическихъ данныхъ, изученію которыхъ авторъ давно и упорно отдаетъ свои силы“.

Свидѣтельство Діона Кассія и составъ кладовъ римскихъ монетъ въ Русской землѣ ясно доказываютъ, что предки наши выселялись изъ римской Дакіи за Карпаты не въ моментъ ея завоеванія Римлянами, а въ теченіе всей эпохи владычества Римлянъ на Дунаѣ; а слѣдовательно, выселеніе предковъ нашихъ изъ Дакіи на побережья Вислы, Буга, Нѣмана, Днѣпра, Десны, Сулы, Оки не было изгнаніемъ, съ конфискаціей имущества, а колонизація, по словамъ лѣтописцевъ, изъ нежеланія терпѣть чужое владычество, при которой колонисты уносили и свое имущество, подобно колонистамъ нашего времени, эмигрирующимъ въ другія страны и уносящимъ туда свое имущество изъ прежняго отечества.

Наконецъ, противъ заявленія А. И. Соболевскаго, по которому Траянъ „Слова о Полку Игоревѣ“ не имѣетъ ничего общаго съ историческимъ Траяномъ, я укажу только на почтеннаго профессора Дринова, который, въ прекрасномъ сочиненіи, „Заселеніе балканскаго полуострова Славянами“, собралъ солидныя доказательства въ пользу мнѣнія, что Траянъ „Слова о Полку Игоревѣ“ лицо историческое, римскій императоръ, завоеватель Дакіи.

По отношенію къ замѣчанію А. И. Маркевича, я ограничусь повтореніемъ сказаннаго въ моемъ рефератѣ. Для образованія новыхъ развѣтвленій изъ одного лингвистическаго корня не требовалось въ древности многихъ тысячелѣтій. Я привелъ примѣръ образованія новаго языка на глазахъ исторіи, и если бы древніе Англосаксы встали изъ своихъ гробовъ и услышали рѣчь своихъ потомковъ, Англичанъ нашего времени, то ничего бы въ ней не поняли. Я разумѣю не корневое происхожденіе новаго языка, а развѣтвленіе корня, уже существующаго; а для такого образованія новѣйшихъ славянскихъ нарѣчій изъ общаго имъ праславянскаго корня было достаточно времени, протекшаго отъ момента завоеванія дунайскихъ племенъ римскимъ императоромъ Траяномъ.

Соображеніе И. В. Лучицкаго, представляется мнѣ серьознымъ: но оно подкрѣпляетъ принятую мною теорію, а не подрываетъ ее. Дѣйствительно, предки наши подъ владычествомъ Римлянъ, должны были ознакомиться съ условіями экономическаго быта цивилизованныхъ народовъ Южной Европы, познать значеніе монеты и перенести эти значенія въ новую родину. Теорія же, объясняющая появленіе кладовъ римскихъ монетъ въ землѣ варварскихъ народовъ, занимавшихъ области бассейновъ Одера, Вислы, Буга, Нѣмана, Припяти, Днѣпра, Сулы, Псла, Сейма, Сожи и Оки, торговыми сдѣлками, должно доказать, что сказанные варварскіе народы стояли на той степени культурнаго развитія, гдѣ употребленіе денегъ уже замѣнило собою первобытную мѣновую торговлю.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Такія доказательства долженъ представить намъ почтенный оппонентъ мой В. Б. Антоновичъ, утверждающій, что появленіе кладовъ римскихъ монетъ въ нашей землѣ также объясняется торговыми сношеніями, какъ и позднѣйшее появленіе кладовъ въ нашей землѣ съ арабскими монетами. Думаю, что представить сказанныя доказательства не только трудно, но невозможно, безъ отрицанія прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ, оставленныхъ намъ историками-современниками, приведенныхъ мною въ рефератѣ: свидѣтельствъ Юлія Цезаря, Страбона, Плинія, Тацита и Діона Кассія, изъ которыхъ одни прямо говорятъ, что въ эпоху первыхъ римскихъ императоровъ варварскіе народы центральныхъ областей Европы стояли внѣ всякихъ сношеній съ цивилизованными народами Южной Европы, а другія прямо утверждаютъ, что сказанные народы не цѣнили римской серебряной и золотой монеты, не принимали ее, а свои торговыя сдѣлки производили первобытнымъ способомъ обмѣна товара на товаръ. Условія появленія и составъ кладовъ арабскихъ монетъ въ нашей землѣ были изучены мною, сравнены съ кладами римскихъ монетъ, и результатъ этого сравненія высказанъ въ выводахъ моего сочиненія „О происхожденіи русскихъ Славянъ". Клады арабскихъ монетъ не имѣютъ ничего общаго съ кладами римскихъ монетъ, по ихъ составу и происхожденію. Въ кладахъ арабскихъ монетъ постоянно встрѣчается много монетъ не только арабскихъ или восточныхъ, но также всѣхъ государствъ, бившихъ и чеканившихъ монету того времени. Рядомъ съ монетами восточными, сассанидскими, аббасидскими, саманидскими и т. д. встрѣчаются монеты африканскія, византійскія, вендскія, нѣмецкія, англо-саксонскія, ирландскія, датскія, шведскія; клады же древнеславянской земли II и III столѣтій заключаютъ въ себѣ *исключительно* римскія монеты эпохи владычества Римлянъ въ Дакіи. Этотъ фактъ нельзя объяснить никакою случайностью, никакими предположеніями торговыхъ сношеній. Съ другой стороны, исторія показываетъ, что цивилизованные народы вели и ведутъ сношенія съ первобытными народами или ради заселенія ихъ земли своими колоніями, или ради пріобрѣтенія отъ нихъ какихъ-либо полезныхъ предметовъ, напр., золота, серебра и другихъ металловъ, слоновой кости, пряностей, мѣховъ и т. д. Но что могли покупать Римляне, потребное для нихъ, на побережьяхъ Припети, Сожи, Оки, Сейма, Псла и др. рѣкъ центральныхъ областей современной намъ Россіи, и на что нужна была въ то время первобытнымъ народамъ сказанныхъ областей римская серебряная монета? Иное дѣло IX и X вѣка, къ которымъ относятся клады арабскихъ монетъ въ нашей землѣ. Это эпоха оживленныхъ торговыхъ и военныхъ сношеній Руси съ цивилизованными народами Востока и южной Европы, ясно и точно засвидѣтельствованныхъ восточными и византійскими писателями того времени и нашими домашними источниками. Въ это время Русь стояла уже на той степени культурнаго развитія, какая очерчена въ дошедшихъ до насъ ея договорахъ съ Греками. Изъ нашей лѣтописи, восточныхъ и греческихъ писателей IX и X столѣтій мы знаемъ, чѣмъ торговала Русь того времени съ сосѣдними народами, что она отдавала взамѣнъ ихъ серебра и золота: это были хлѣбъ, рыба, воскъ, мѣха, рабы и желѣзное орудіе. Гдѣ же доказательства, что такіе товары шли изъ современной намъ Россіи въ Римскую Имперію въ обмѣнъ на римскую серебряную монету?

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

19 января. $7^1/_2$ час. вечера.

ОТДѢЛЕНІЕ VI. Памятники славяно-русскаго языка и письма.

Почетный Предсѣдатель Н. С. Тихонравовъ.
Предсѣдатель Отдѣленія А. И. Кирпичниковъ.
Секретарь Отдѣленія С. О. Долговъ.

1. Д. П. Лебедевъ прочелъ докладъ: *Неизвѣстный русскій проповѣдникъ временъ юности великаго князя Ивана Васильевича* (т. II, 175—182).

2. Н. Д. Квашнинъ-Самаринъ прочелъ докладъ: *О крещеніи Руси по памятникамъ письменности.*

3 П. А. Лавровъ сдѣлалъ сообщеніе: *Одинъ изъ варіантовъ переработки Исторіи Славяно-Болгарской Паисія* (т. II, 242—263).

4. М. Н. Сперанскій прочелъ докладъ, подъ заглавіемъ: — *Славянскія апокрифическія Евангелія* (т. II, 38—172).

Н. С. Тихонравовъ: Вы говорите, что Первоевангеліе Іакова не было упомянуто въ спискахъ отреченныхъ книгъ. Подъ собственнымъ его названіемъ оно не упомянуто: но оно названо: „Іаковы повѣсти", и въ хорошихъ, правильныхъ спискахъ Вы найдете это названіе. Переложеніе на южно-русскій, народный языкъ Первоевангелія Іакова—это такой важный фактъ, который надо было бы подчеркнуть. Такое движеніе замѣчается въ XVI вѣкѣ, и, конечно, представителемъ этого движенія служитъ это Евангеліе. Въ томъ же сборникѣ, гдѣ находится это переложеніе на южно-русскій языкъ, мы находимъ цѣлое переложеніе за нѣсколько мѣсяцевъ Четіи-Минеи, куда вошли обширныя житія Дмитрія Солунскаго, Бориса и Глѣба, Евстаѳія Плакиды Итакъ нужно было указать, что этотъ фактъ не стоитъ одиноко.

А. И. Кирпичниковъ: Въ Кіевскомъ музеѣ есть сборникъ 1489 г. Изъ этого сборника я взялъ Успеніе Богородицы. Тамъ есть Евангеліе Іакова XV вѣка на прекрасномъ мѣстномъ языкѣ. Мнѣ говорили, что дѣлали описаніе его въ Варшавѣ.

Н. В. Покровскій: Какъ извѣстно въ спискахъ и рукописяхъ печатныхъ XVII и XVIII стол. есть особое сочиненіе подъ названіемъ „Страсти Господни". Оно имѣетъ связь съ Евангеліемъ Никодима, а редакція этихъ Страстей не та. Нельзя ли указать прототипъ этихъ Страстей?

Н. С. Тихонравовъ: Вѣроятно, нѣкоторый матеріалъ на вопросъ, который Вы предложили, дастъ сборникъ нѣкоторыхъ греческихъ текстовъ, составленный Васильевымъ. Тамъ намѣчено довольно много текстовъ, которые имѣютъ отношеніе и къ Писанію попа Іереміи. Въ этомъ Писаніи есть особый разсказъ о разбойникахъ, которые стерегли Древо.

Н. В. Покровскій: Въ послѣднее время мнѣ пришлось просмотрѣть нѣсколько текстовъ сказанія о Страстяхъ. Меня поразило сходство изложенія плачей въ болѣе

старыхъ спискахъ Страстей съ отдѣльными плачами, писанными на праздникъ Пасхи. У меня явилось предположеніе, не сложились ли Страсти въ средѣ школьной, гдѣ составлялись вирши XVII вѣка. Стиль ихъ и содержаніе очень похожи на нѣкоторыя мѣста этихъ Страстей, но по хронологіи вирши старше.

Н. С. Тихонравовъ: Эти стихи взяты скорѣй изъ Страстей, потому что въ духовныхъ стихахъ прямо начинается: „Послушаемъ писаніе Господнихъ Страстей“.

---

20 января. 10 час. утра.

ОТДѢЛЕНІЕ III. Памятники искусствъ и художествъ.

Почетный Предсѣдатель Баронъ І. де-Бай.
Предсѣдатель Отдѣленія И. Е. Забѣлинъ.
Секретарь Отдѣленія В. И Сизовъ.

1. Н. В. Султановъ сдѣлалъ докладъ подъ заглавіемъ: „*Церкви Большого Кремлевскаго Дворца*“. Докладъ этотъ имѣлъ цѣлью разрѣшеніе слѣдующихъ задачъ:

1) Подробное описаніе и опредѣленіе первоначальной формы церквей Московскаго Дворца.

2) Разрѣшеніе вопроса о формѣ покрытія древне-русскихъ церквей.

3) Опредѣленіе архитектурнаго стиля и эпохи дворцовыхъ церквей и разныхъ предметовъ, въ нихъ находящихся.

4) Выясненіе первоначальной формы иконостаса и ея послѣдовательнаго развитія на основаніи образцовъ, имѣющихся въ дворцовыхъ церквахъ.

Изложивъ эти задачи, Н. В. перешелъ къ подробному ихъ уясненію, сопровождая докладъ свой массою рисунковъ, плановъ и чертежей.

Московскій Большой Кремлевскій Дворецъ представляетъ изъ себя 4-хъ угольное зданіе, расположенное по странамъ свѣта, съ большимъ 4-хъ угольнымъ дворомъ внутри. Изъ всѣхъ частей его наибольшій интересъ представляетъ сѣверная, ибо нижній этажъ ея, или „бѣлокаменный подклѣтъ“, построенъ въ концѣ XV в. Алевизомъ Фрязиномъ, а верхніе три этажа сооружены въ XVII вѣкѣ (1635—1636 г), при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ русскими каменныхъ дѣлъ мастерами: Баженкомъ Огурцовымъ, Ларей Улсаковымъ, Трефиломъ Шарутинымъ и Антипомъ Константиновымъ. Прочія же части Дворца, сооруженныя при Императорѣ Николаѣ, никакого археологическаго интереса не представляютъ.

Дворцовыя церкви, числомъ 9, или входятъ въ составъ стараго Дворца, или расположены снаружи. Наиболѣе удобный способъ ихъ обозрѣнія, это способъ топографическій, т. е. обозрѣніе ихъ въ порядкѣ послѣдовательнаго расположенія. Въ запад-

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ной части теремнаго Дворца находятся двѣ церкви: 1) церковь Лазарева Воскресенія, расположенная въ нижнемъ этажѣ, такъ что полъ ея совпадаетъ съ горизонтомъ земли и 2) церковь Рождества Богородицы, находящаяся надъ нею, во 2-мъ этажѣ Дворца.

Построеніе Лазаревской церкви относятъ обыкновенно къ концу XIV вѣка, и эта глубокая древность ея вполнѣ подтверждается многими архитектурными данными, какъ напр., бѣлокаменной кладкой толстыхъ стѣнъ, узкими, щелеобразными, какъ бойницы, окнами и незначительными размѣрами самой церкви. Въ теченіе своего долгаго существованія она претерпѣла весьма значительныя видоизмѣненія, но если отбросить всѣ позднѣйшія передѣлки и перестройки и возвратить церкви ея первоначальный видъ, то она окажется весьма близко подходящей къ типу древнихъ новгородскихъ церквей, чѣмъ еще разъ доказывается вліяніе Великаго Новгорода на московское зодчество въ раннюю эпоху его существованія.

Церковь Рождества Богородицы, возобновленная при Николаѣ I-мъ, построена неизвѣстна когда, но всѣ археологическіе признаки указываютъ на конецъ XVII вѣка. Къ числу древностей, въ ней сохранившихся, слѣдуетъ отнести верхнюю главу снаружи и бѣлокаменную обдѣлку оконъ и дверей, выходящихъ теперь въ коридоры новаго Дворца.

Прочія пять церквей, т. е. Св. Екатерины, Спасъ за золотой рѣшеткой, съ придѣломъ Іоанна Предтечи, Распятская и Воскресенія Словущаго, расположенныя въ восточной части Дворца, образуютъ общую группу зданій, соединенныхъ подъ одной четырехскатной крышей, увѣнчанной одиннадцатью луковичными куполами. По поводу этой крыши докладчикомъ были разсмотрѣны всѣ способы покрытія древне-русскихъ церквей, которые въ прошломъ году были предметомъ столь жаркихъ споровъ между членами Московскаго Археологическаго Общества. Всѣ эти пять церквей относятся къ XVII вѣку, изъ нихъ наибольшимъ богатствомъ отличается церковь Словущаго Воскресенія, которая служитъ намъ обращикомъ самой роскошной формы нашихъ иконостасовъ XVII столѣтія. Церковь „Спасъ за золотой рѣшеткой“ выходила прежде на дворикъ, отдѣлявшій ее отъ теремовъ и обращенный нынѣ въ сѣни теремнаго Дворца. Дворецъ этотъ замыкался мѣдною вызолоченною рѣшеткою, которая уцѣлѣла до настоящаго времени и дала свое названіе храму; она была вылита изъ тѣхъ мѣдныхъ копеекъ, выпускъ которыхъ причинилъ столько смутъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Она сработана несомнѣнно подъ сильнымъ нѣмецкимъ вліяніемъ.

Наружныя дворцовыя церкви—Соборъ Спаса на Бору, Благовѣщенскій и церковь Ризъ Положенія—въ высшей степени важны, какъ обращики самобытныхъ формъ русскаго искусства. Въ нихъ встрѣчаются, во 1-хъ, особый видъ сводовъ изъ пересѣкающихся арокъ, принадлежащихъ исключительно русскому зодчеству,—пріемъ, который былъ предложенъ русскимъ архитекторамъ знаменитымъ Віоле-ле-Дюкомъ, но совѣты его были предупреждены русскими каменными мастерами на 400 лѣтъ; а во-2-хъ, превосходные образцы древне-русской церковной стѣнописи, которая прекрасно сохранилась въ церкви Ризъ Положенія. Стѣнопись Благовѣщенскаго собора возобновляется въ настоящее время подъ руководствомъ нѣкоторыхъ изъ членовъ Москов-

скаго Археологическаго Общества, почему докладчикъ не могъ коснуться этого вопроса. Но взамѣнъ того, онъ подробно разсмотрѣлъ его бѣлокаменные порталы превосходной итальянской работы самаго начала XVI столѣтія и три верхнихъ предѣла собора, въ которыхъ вполнѣ сохранились древніе иконостасы, устроенные еще царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Они украшены иконами желтаго новгородскаго письма и отдѣланы басмою, эмалью и золочеными оловянными украшеніями съ подкладкою слюды на фольгѣ. Пользуясь этимъ матеріаломъ, докладчикъ подробно прослѣдилъ исторію послѣдовательнаго развитія древне-русскаго иконостаса, начиная съ его простѣйшихъ формъ, и закончилъ свой докладъ разборомъ послѣдней и самой роскошной стадіи его развитія—иконостаса церкви Словущаго Воскресенія.

По окончаніи засѣданія гг. члены Съѣзда осматривали древнія церкви Большого кремлевскаго Дворца подъ руководствомъ Н. В. Султанова.

Въ тотъ же день, въ 5 час. дня, въ колонной залѣ гостинницы „Эрмитажъ", состоялся обѣдъ членовъ Съѣзда въ честь предсѣдателя Московскаго Археологическаго Общества графини П. С. Уваровой. Первая здравица провозглашена была графиней П. С. Уваровой за Его Величество Государя Императора, и вторая ею же за почетнаго предсѣдателя Археологическаго Съѣзда Его Высочество Великаго Князя Сергія Александровича. Третій тостъ провозгласилъ городской голова Н. А. Алексѣевъ за Московское Археологическое Общество и графиню П. С. Уварову. Затѣмъ городскимъ головой провозглашенъ былъ тостъ за русскихъ и иностранныхъ гостей Москвы, прибывшихъ на Съѣздъ. Въ отвѣтъ на это проф. Варшавскаго университета Д. Я. Самоквасовъ предложилъ тостъ за гостепріимство Москвы и городского голову. Между прочимъ произнесено было нѣсколько тостовъ французскими депутатами. Г. Эмиль Картальякъ, упомянувъ, что бывшій министръ народнаго просвѣщенія гр. Уваровъ состоялъ членомъ Французскаго Института, гр. А. С. Уваровъ былъ основателемъ Московскаго Археологическаго Общества и графиня П. С. Уварова—предсѣдателемъ этого Общества,—предложилъ тостъ за то, чтобы родъ Уваровыхъ и въ будущемъ былъ хранителемъ и двигателемъ научныхъ и археологическихъ знаній. Графъ де-Флёри провозгласилъ тостъ за профессоровъ русскихъ университетовъ, какъ распространителей образованія въ Россіи, а баронъ де-Бай, упомянувшій о цѣнныхъ раскопкахъ на Кавказѣ гр. П. С. Уваровой,—за дальнѣйшее раскрытіе ею тайнъ этой важной въ археологическомъ отношеніи страны. Въ числѣ другихъ тостовъ провозглашены были: проф. Д. Н. Анучинымъ — за Историческій музей, пріютившій въ своихъ стѣнахъ настоящій съѣздъ, и за представителей его: И. Е. Забѣлина и кн. Н. С. Щербатова; проф. А. П. Богдановымъ—за единеніе русскихъ и иностранныхъ ученыхъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

20 января. 8 час. веч.

ОТДѢЛЕНІЕ I. Древности первобытныя.

Почетный Предсѣдатель Э. Картальякъ.
Предсѣдатель Отдѣленія Д. Н. Анучинъ.
Секретарь Отдѣленія Н. Л. Гондатти.

1. В. З. Завитневичъ прочелъ докладъ: *„Къ вопросу о критеріи для классификаціи кургановъ по типамъ“*.

Распредѣленіе кургановъ, находящихся въ предѣлахъ территоріи русской государственной области, по видамъ и разновидностямъ, составляетъ одну изъ первыхъ и существенно-важныхъ задачъ нашей современной археологіи. Пока задача эта не будетъ выполнена, мы не въ состояніи будемъ разобраться въ массѣ накопившагося у насъ курганнаго матеріала, а слѣдовательно, не въ состояніи будемъ серьезно взяться за его дальнѣйшую научную разработку. А между тѣмъ обнаруженныя до настоящаго времени попытки въ этомъ родѣ едва ли могутъ быть названы удовлетворительными. У насъ можно встрѣтиться съ слѣдующими видами классификаціи кургановъ: 1) по характеру могильныхъ насыпей, 2) по географическому положенію могильниковъ, 3) на основаніи показанія письменныхъ источниковъ о географическомъ положеніи территорій, заселенныхъ въ старину тѣми или другими народностями и 4) на основаніи дѣленія находимыхъ въ курганахъ предметовъ первобытной культуры на три вѣка: каменный, бронзовый и желѣзный. Первые два способа классификаціи имѣютъ случайный характеръ и серьезнаго вниманія не заслуживаютъ. Третій способъ заслуживаетъ большого вниманія; къ сожалѣнію, наши археологи пользуются имъ неумѣренно, вслѣдствіе чего центръ тяжести при обоснованіи положеній изъ археологіи переносится въ область исторіи, чѣмъ археологія какъ бы лишается права на самостоятельное существованіе. Четвертый способъ классификаціи имѣетъ всѣ признаки научности; но этимъ способомъ наша археологія могла бы широко воспользоваться лишь въ томъ случаѣ, если бы въ предѣлахъ территоріи нашей государственной области искони жилъ только одинъ народъ, правильно переходившій изъ одного культурнаго состоянія въ другое, чего въ дѣйствительности не было. Итакъ, наша археологія еще не знаетъ такого критерія, на основаніе котораго можно было бы сдѣлать строго научную классификацію кургановъ по видамъ и разновидностямъ. Для выработки такого критерія необходимо *широкое и всестороннее примѣненіе къ изученію курганнаго матеріала сравнительно-критическаго метода*, при чемъ сравненіе должно простираться не только на добываемые изъ кургановъ предметы, но и на всѣ тонкости погребальнаго обряда. Примѣненіе этого метода къ изученію археологическаго матеріала, добытаго при раскопкѣ славянскихъ кургановъ, расположенныхъ въ системѣ средняго Днѣпра, уже дало возможность раздѣлить эти курганы на четыре типа, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою опредѣленную географическую область.

Именно: 1) погребеніе въ *ямахъ*, 2) погребеніе *на почвенномъ слоѣ*, 3) погребеніе въ *насыпи* кургана и 4) *трупосожженіе*. Предлагаемый методъ труденъ, онъ требуетъ широкихъ познаній, большой сдержанности и осторожности и научно-воспитанной мысли. Но безъ примѣненія этого метода наша археологія никогда не освободится отъ того произвола, который въ настоящее время въ ней господствуетъ [1]).

И. Н. Смирновъ: Г. Завитневичъ высказалъ мысль, что для классификаціи матеріала необходимо знакомство и съ этнографіей. Я вполнѣ раздѣляю это положеніе и желалъ бы привести примѣръ къ нему. Въ сообщеніи проф. Антоновича мы имѣли случай ознакомиться съ типомъ погребенія каменнаго вѣка перваго періода, причемъ скелеты оказывались обернутыми въ бересту. Мнѣ кажется, что этотъ типъ погребенія можетъ быть до извѣстной степени уясненъ, когда мы обратимъ вниманіе на способъ погребенія нашихъ инородцевъ. Въ настоящее время у инородцевъ Россіи этотъ способъ имѣетъ широкое примѣненіе. Въ сообщеніи г. Поливанова мы слышали, что въ предѣлахъ Симбирской губерніи покойниковъ завертывали въ бересту. Когда собиралась коллекція для Антропологическаго Съѣзда, то раскопки въ Нижегородской и Костромской губерніяхъ обнаружили этотъ типъ погребенія. Тогда же показаны были и похороны въ ладьяхъ. У извѣстнаго этнографа Фридриха Миллера мы встрѣчаемъ указаніе на то, что Вотяки и Черемисы погребали въ прошломъ столѣтіи, завертывая въ бересту. Мѣстный этнографъ Шестаковъ описываетъ бытъ Вотяковъ Глазовскаго уѣзда и прибавляетъ, что еще въ 50-тыхъ годахъ они завертывали покойниковъ въ бересту. Въ связи съ другимъ указаніемъ пр. Антоновича, напомню, что у Бехтерева мы находимъ описаніе обычая Вотяковъ хоронить покойниковъ на подстилкѣ изъ опредѣленнаго цвѣта глины; когда глины нѣтъ, то привозятъ ее изъ другихъ мѣстностей.

Вотъ два признака погребенія въ предѣлахъ Вятской губ., которые напоминаютъ типъ погребенія, сообщенный пр. Антоновичемъ для юга Россіи. Эта паралелль даетъ право думать, что многія изъ явленій доисторической археологіи объяснятся тогда, когда мы будемъ подходить къ археологіи съ данными жизни. При такомъ условіи, когда мы будемъ освѣщать этнографіей данныя археологическія, уяснится многое изъ того, что намъ даетъ археологія и представится возможность на реальной почвѣ утвердить этнографическую принадлежность того или другого типа погребенія. Я позволю себѣ высказать предположеніе, что сходство погребенія каменнаго вѣка Южной Россіи и Сѣверной Россіи даетъ возможность сдѣлать предположеніе, что между народами, которые на такомъ далекомъ разстояніи выработали одинъ типъ погребенія, было какое-то сродство. Здѣсь данныя археологическія исчерпываются, но дальше идутъ другія отрасли знаній, которыя должны быть призваны на помощь. Данныя сравнительной филологіи говорятъ намъ нѣчто въ пользу предположенія, что народъ, который создалъ погребеніе перваго періода каменнаго вѣка, былъ родственнъ съ народомъ, который сохранилъ этотъ типъ погребенія до настоящаго времени. Пр. Миллеръ въ изслѣдованіяхъ надъ нарѣчіями иранскими и финскими

---

[1]) Докладъ напечатанъ въ Кіевской Старинѣ 1890 г., май.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

пришелъ къ заключенію, что въ финскомъ нарѣчіи сѣверной группы находятся слова иранской рѣчи. Въ Казани заканчиваются изслѣдованія Веске, которыя доказываютъ другое явленіе, именно то, что въ финскомъ нарѣчіи волжской группы имѣются слова, заимствованныя изъ нарѣчія литовскаго и славянскаго, которыя относятся къ древнему времени и имѣютъ форму аналогичную съ древнѣйшими словами славянскаго языка. Значитъ былъ періодъ, когда Финны жили южнѣе. Относительно изученія вѣрованій, въ миѳологіи волжскихъ Финновъ имѣютъ мѣсто божества, которые заимствованы у Литовцевъ. Сравнительное изученіе внѣшняго быта показываетъ, что волжскіе Финны имѣютъ такія названія отдѣльныхъ частей костюма, которыя напоминаютъ названіе костюма у Славянъ русскихъ въ отдаленные періоды ихъ жизни. У Мордвы сохранилось названіе шейнаго украшенія — сустуги: названіе это существуетъ у русскихъ Славянъ. Затѣмъ у сѣверныхъ Финновъ мы встрѣчаемъ личныя имена, которыя по своему составу соотвѣтствуютъ тѣмъ именамъ, какія легли въ основаніе нѣкоторыхъ мѣстныхъ названій Южной Россіи. Кіевъ есть ни что иное какъ производное слово отъ личнаго имени Кій. У Вотяковъ это имя Кый встрѣчается въ названіяхъ Кыево поле, Кый городъ и т. д.

Эти факты говорятъ, что былъ моментъ, когда народъ населяющій сѣверъ Россіи, именно народъ Финскій, жилъ южнѣе, соприкасаясь съ Иранцами, Славянами и Литовцами. Мы видимъ какъ это населеніе южной Россіи передвигается на сѣверо-востокъ, и могильники даютъ возможность слѣдить за этимъ движеніемъ постепенно.

На югѣ Россіи осталось много урочищъ. Кому они принадлежатъ? Въ наукѣ высказывались разныя предположенія, и Надеждинъ полагалъ, что названія урочищъ могутъ быть финскими. Эта мысль была подтверждена пр. Анучинымъ.

Вотъ факты, которыя я могу привести для того, чтобы подтвердить мысль г. Завитневича, что археологія будетъ дѣлать успѣхи, когда она будетъ опираться на широкую область археологической этнографіи и историческихъ данныхъ. Это наводитъ меня на слѣдующее предположеніе. Многія изъ вещей, которыя мы видимъ здѣсь, въ археологическихъ витринахъ, мы находимъ и на тѣхъ гиперборeяхъ, изображенія которыхъ даетъ намъ Румянцевскій Музей; такъ, гривны мы можемъ видѣть тамъ висящими на шеѣ нѣкоторыхъ изъ манекеновъ Дашковскаго Этнографическаго собранія. Нерѣдко возникаетъ вопросъ о томъ, какъ употреблялись извѣстныя вещи, находимыя въ могилахъ. Когда мы будемъ внимательнѣе заниматься этнографіей, когда мы будемъ дѣлать путешествіе съ археологической выставки въ Румянцевскій Музей, тогда мы выяснимъ многое изъ этихъ вопросовъ и дадимъ археологическимъ преніямъ болѣе живой характеръ.

Д. Н. Анучинъ: Я раздѣляю ту мысль, что необходимо при археологическихъ изслѣдованіяхъ пользоваться этнографическимъ методомъ; но мнѣ кажется, что этотъ сравнительный методъ, проведенный дальше, можетъ привести къ результатамъ, которыя иногда въ состояніи разочаровать археолога.

Этнографія показываетъ намъ во-первыхъ, что у народовъ близко сосѣднихъ между собой въ одно и тоже время могутъ быть различные способы погребенія, а

съ другой стороны, этнографія показываетъ, что одинъ и тотъ же способъ погребенія можетъ оказываться въ разныя эпохи у различныхъ народовъ.

Что касается того, что у одного народа могутъ быть различные способы погребенія, то у австралійцевъ одни племена хоронятъ, другія—сжигаютъ, третьи—дѣлаютъ муміи. У монголовъ погребеніе совершается по различнымъ обрядамъ, что зависитъ отъ знаменитости лица и отъ того сужденія, которое сдѣлаетъ лама относительно умершаго: большинство выбрасывается на съѣденіе звѣрямъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сжигаютъ; князя могутъ хоронить не такъ, какъ простого человѣка.

Что касается того, что въ различныя эпохи у различныхъ народовъ встрѣчаются сходные обряды погребенія, то примѣровъ много. Если здѣсь упоминалось, что въ каменномъ вѣкѣ и у Финновъ есть обычай класть умершаго на особую подстилку изъ красной глины, то это мы встрѣчаемъ и у другихъ первобытныхъ народовъ: Витковскій встрѣтилъ такія могилы на Ангарѣ. Американскіе Индѣйцы не были знакомы съ лошадьми, а когда европейцы прибыли, то лошадь получила значеніе въ погребальномъ обрядѣ и этотъ обрядъ сталъ сходнымъ съ тѣмъ, который употребляетъ народъ, живущій на нашей почвѣ. У арауканцевъ въ случаѣ смерти кацика, его оставляютъ въ шалашѣ, кругомъ убиваютъ лошадей и снимаютъ кожу, которую развѣшиваютъ. Не напоминаетъ ли это разсказъ Геродота о скиѳахъ, которые на годовыхъ поминкахъ царя, убивали 50 коней, дѣлали изъ нихъ чучела и сажали на нихъ 50 убитыхъ рабовъ? Проф. Антоновичъ указывалъ, что въ могилахъ, принадлежащихъ Полянамъ, были погребенія на лошадяхъ. Можно думать, что воинъ введенъ былъ въ могилу на лошади, лошадь убили и засыпали. Этотъ обычай не общій для всѣхъ Полянъ — это былъ исключительный случай. Если мы взглянемъ такъ, то мы этотъ обычай встрѣтимъ часто, напр., въ преданіяхъ объ Аларихѣ, о Сидѣ, которые были похоронены на конѣ. Этотъ обычай мы встрѣчаемъ въ Америкѣ. Катлинъ присутствовалъ при погребеніи вожля по прозванію Черная Птица. Вождь этотъ велѣлъ себя похоронить на берегу рѣки Миссури, на вершинѣ своего любимаго холма. Его посадили на бѣлаго коня и въ полномъ вооруженіи привели туда, поставили, и затѣмъ всѣ воины вымарали руки красной краской, и каждый отпечаталъ на конѣ свою руку. Потомъ стали обкладывать коня землей и завалили его совсѣмъ. По поводу пользованія конемъ для погребенія, я укажу, что у насъ въ Россіи мы можемъ прослѣдить всѣ стадіи его, начиная отъ погребенія на конѣ, до погребенія съ колесницей, затѣмъ погребенія одного коня, потомъ только лошадиныхъ конечностей. Мы прослушали докладъ Г. Л. Скадовскаго, гдѣ онъ сообщилъ, что погребали только голову и ноги. Проф. Антоновичъ находилъ лошадиныя бабки, часто одну голову, а г. Бранденбургъ только нѣсколько хвостовыхъ позвонковъ лошади. Какимъ образомъ могли очутиться только хвостовые позвонки? Объясненіе дается, если мы обратимся къ американскимъ Индѣйцамъ: они не хоронятъ трупъ лошади, а употребляютъ его на тризну. Они отсѣкаютъ хвостъ и погребаютъ вмѣстѣ съ умершимъ. Иногда являются только одни удила.

Потомъ мы встрѣчаемъ способъ погребенія въ ладьяхъ. Этотъ способъ мы встрѣчаемъ во многихъ мѣстностяхъ: малайцы, сѣверо-американскіе индѣйцы, остяки до сихъ поръ хоронятъ въ лодкахъ. Точно также мы встрѣчаемъ это въ Скандинавіи:

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

тамъ было найдено нѣсколько кургановъ, гдѣ были покойники въ ладьѣ. У насъ въ Россіи мало доселѣ было такихъ находокъ; но г. Скадовскій нашелъ погребеніе въ настоящей ладьѣ и иногда въ ладьеобразной ямѣ. Въ Нижегородской губ. тоже нашли погребенія въ ладьеобразной ямѣ. Чѣмъ больше дѣлается тщательныхъ изслѣдованій, тѣмъ мы больше встрѣчаемъ сходный способъ погребенія, который могъ быть вызванъ различными идеями. Онъ могъ быть вызванъ тѣмъ, что лодка составляла важное орудіе промысла, изъ чувства боязни, какъ бы покойникъ не отмстилъ, что ему не будетъ дана его собственность. Путь на тотъ свѣтъ идетъ по водѣ, значитъ, надо облегчить этотъ путь. Если перевозитъ не самъ умершій, а кто-нибудь другой, тогда достаточно платы, и лодка не нужна.

Мнѣ кажется, при подобнаго рода сравненіяхъ, нужно возможно широко прилагать именно сравнительный этнографическій методъ для толкованія археологическихъ фактовъ.

В. Н. Коленскій: Проф. Завитневичъ упомянулъ, что, при раскопкахъ на югѣ Россіи ему приходилось встрѣчать вокругъ могильника нѣсколько кургановъ отличнаго типа. Онъ полагаетъ, что то были выходцы (колонисты), или вообще тѣ составныя части извѣстнаго населенія, которыя почему нибудь не желали смѣшиваться по типу погребенія съ коренными жителями, но погребали покойниковъ въ томъ же самомъ мѣстѣ. Въ Псковской губ. мнѣ приходилось наблюдать аналогичныя явленія и встрѣчать такіе могильники, которые заключали отъ 40 до 60 могилъ, а кругомъ находилось отъ 10 до 12 могилъ совершенно другого погребенія. Подобное дополненіе можетъ послужить къ утвержденію той мысли, которую высказалъ г. Завитневичъ, что разные типы погребенія въ одномъ мѣстѣ, хотя и относятся къ одному времени, но принадлежатъ разнымъ народностямъ.

В. И. Сизовъ ярко поставилъ на видъ необходимость для изслѣдователя, при собираніи матеріала, обозначать признаки съ возможной полнотой, не позволяя себѣ раздѣлять ихъ на важные и неважные. Изученіе матеріала требуетъ многихъ спеціальностей и раздѣленія труда. Признакъ неважный для одного можетъ оказаться очень важнымъ въ глазахъ другого. Неважный признакъ, при стеченіи извѣстныхъ условій, можетъ оказать существенную услугу. В. И. сослался на наставленія и примѣръ гр. А. С. Уварова и на собственный свой опытъ при раскопкахъ и указалъ также на опытъ всѣхъ, кому приходилось заниматься по чужимъ дневникамъ: тамъ особенно пріятно бываетъ встрѣтить полноту фактовъ, а ненужное не вредитъ. В. И. рѣшительно возражалъ противъ предварительной классификаціи признаковъ, на важные и неважные, и считалъ необходимымъ предоставить ее будущему: собираніе матеріала должно совершаться безъ всякой предвзятой мысли.

2. Д. Я. Самоквасовъ прочелъ докладъ: *Устройство и содержаніе кургановъ въ селѣ Акситенецъ, Роменскаго уѣзда, Полтавской губерніи.*

Раскопки въ этой мѣстности начались съ 1876 года и производились разными лицами, въ числѣ которыхъ были: г. Кибальчичъ, В. Б. Антоновичъ, еще одинъ изъ роменскихъ помѣщиковъ и самъ докладчикъ. Работы послѣдняго относятся къ 1888—1889 годамъ; предметомъ изслѣдованія была самая большая, „старшая“, могила, на-

ходящаяся въ 12 верстахъ отъ Роменъ и окруженная четырьмястами малыхъ кургановъ одинаковаго со „старшею“ типа. Для того, чтобы составить полное понятіе обо всѣхъ ихъ, нужно было разрыть „старшую“ могилу. Раскопка, начатая Кибальчичемъ въ 1876 году, была не окончена, такъ какъ онъ принялъ первый уступъ, ведущій ко дну могилы, за самое дно. Дослѣдованіе этой могилы было сдѣлано Д. Я. Самоквасовымъ уже въ 1889 году. Копаясь дальше Кибальчича, онъ нашелъ шесть уступовъ, каждый въ 1 аршинъ высоты, а материкъ могилы былъ заложенъ деревомъ. Роясь дальше, докладчикъ нашелъ два бронзовые ножа, часть разбитой посуды и кости животныхъ. Очевидно, въ этомъ мѣстѣ была совершена тризна по покойникѣ. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи, на нѣкоторой глубинѣ найдена была заклепка изъ деревьевъ и наконецъ, на самомъ днѣ могилы, послѣдній уступъ. Открывъ самую могилу, докладчикъ нашелъ въ сѣверо-восточной ея части сосудъ, голову свиньи и остовъ теленка съ ножемъ внутри. Въ юго-восточномъ углу найдены остатки удилъ и четыре бронзовые предмета, вродѣ колокольчиковъ-бубенчиковъ на желѣзныхъ стержняхъ, остатки древка и матеріи какъ бы отъ знамени; все это, вѣроятно, играло роль чего-то въ родѣ бунчука. На западной сторонѣ кургана найдены: колчанъ съ 93 бронзовыми наконечниками, панцырь изъ желѣзныхъ пластинокъ, два топора и копье—то и другое изъ желѣза. Очевидно, это составляло полное вооруженіе покойнаго. Колчанъ, между прочимъ, заключаетъ четыре экземпляра крайне рѣдкихъ костяныхъ наконечниковъ, много бронзовыхъ, различнаго вида, и одинъ наконечникъ—желѣзный, причемъ они двугранные. Затѣмъ было найдено два осколка черепа и оконечности; остовъ же туловища отсутствовалъ, а на мѣстѣ его найдены два кинжала безъ ручекъ. Странное отсутствіе туловища заставило докладчика внимательнѣе осмотрѣть всю могилу, и тогда оказался подкопъ, очевидно давній и съ грабительскою цѣлью. Расчищая мѣста подкопа, докладчикъ нашелъ части черепа и кости. Удостовѣрившись въ грабежѣ могилы и, слѣдовательно, неполнотѣ ея, Д. Я. Самоквасовъ обратился къ другимъ курганамъ, но и въ нихъ оказались слѣды грабежа. Наконецъ, онъ напалъ на курганъ, оставшійся вполнѣ цѣлымъ. Въ этомъ курганѣ, сверхъ найденныхъ уже раньше предметовъ, оказались: терракотовый сосудъ, золотая ручка и горлышко амфоры. Въ этой же могилѣ былъ найденъ другой остовъ, повидимому, женскій, въ черепѣ котораго былъ гвоздь; тутъ же найдены золотыя бусы, бляхи, на костяхъ рукъ золотые браслеты, еще оказались серьги, въ ногахъ краски, зеркало и кусокъ сѣры. Послѣ, около мужского скелета, найдена желѣзная ручка отъ меча и колчанъ съ наконечниками стрѣлъ. Г. Самоквасовъ относитъ свои находки къ періоду Сарматскому (I в. до Р. Х.).

И. А. Линниченко: Я укажу на раскопки изъ той же группы, въ которой Вы копали. Мнѣ кажется, что одинъ курганъ не былъ разграбленъ, потому что могила была земляная. Въ этой могилѣ деревяннаго сруба не было, а была яма въ 3 аршина длины, 4 аршина ширины и $1^1/_2$ аршина высоты; благодаря этому и сохранилась эта могила. Тутъ былъ найденъ остовъ женщины, правильно лежащій. У головы лежало бронзовое зеркало съ желѣзной ручкой; въ ушахъ найдены были привѣски къ серьгамъ; на шеѣ былъ рядъ бусъ стеклянныхъ, глиняныхъ и одна буса

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

золотая; у пояса былъ цѣлый рядъ янтарныхъ бусъ персидскаго янтаря, въ головахъ былъ горшочекъ, а на ногахъ сохранились бронзовые браслеты. Я прокопалъ весь могильникъ, и всѣ курганы оказались ограбленными, а въ самомъ крупномъ курганѣ нашлось въ одномъ углу копье. Кости оказались въ безпорядкѣ, и изъ вещей нашли желѣзныя удила. Разсматривая эти вещи, я думаю, что онѣ принадлежатъ къ тому же типу, и курганы устроены такъ же, какъ говорили Вы; только формы нѣкоторыхъ вещей архаичнѣе тѣхъ формъ, которыя встрѣчались у Васъ. Я нашелъ у женщины на груди золотой медальонъ, бронзовое зеркало, желѣзную ручку. Должно быть, это эпоха колебанія между желѣзомъ и бронзой.

Д. И. Иловайскій, признавая весьма вѣроятнымъ археологическое опредѣленіе Сарматской эпохи, данное Д. Я. Самоквасовымъ, присоединялъ къ нему свидѣтельства историческія:

На знаменитой Трояновой колоннѣ изображенъ всадникъ въ чешуйчатомъ панцырѣ, всадникъ, признаваемый Сарматомъ. Аміаннъ Марцелинъ, говоря о Дунайскихъ Сарматахъ, прибавляетъ, что они носятъ панцыри изъ конскихъ копытъ, нашитыхъ на ткань. Онъ говоритъ о массѣ Сарматовъ, а богатые предводители, вѣроятно, имѣли панцыри, сдѣланные изъ болѣе дорогого матеріала. Наконецъ, мы имѣемъ еще указаніе на подобные панцыри той же эпохи въ извѣстныхъ крымскихъ фрескахъ, открытыхъ въ 1872—1873 г. и изданныхъ Стасовымъ, гдѣ видимъ такихъ же всадниковъ. По толкованію Стасова, эти фрески относятся ко II или III вѣку по Р. Х., къ эпохѣ династіи Савроматовъ, которые господствовали въ Босфорскомъ царствѣ, изъ племени Аспурговъ. Д. Я. нашелъ такіе же панцыри, состоящіе изъ бляхъ. „Не касаясь другихъ предметовъ, я обращаю ваше вниманіе на одну эту подробность, которая, по моему мнѣнію, подтверждаетъ мнѣніе Д. Я. О точныхъ выводахъ не можетъ быть рѣчи, но сближая разныя данныя изъ разныхъ областей археологической литературы, мы можемъ хотя нѣсколько приблизиться къ выводамъ болѣе или менѣе вѣроятнымъ“.

3. Проф. Аспелинъ прочелъ: „*Слѣды вліянія Готовъ въ сѣверной полосѣ Россіи*“. (Томъ III, 55—56).

Д. Н. Анучинъ указалъ на трудность задачи, предлагаемой проф. Аспелиномъ Московскому Археологическому Обществу. Очень трудно разобраться, гдѣ кончаются славянскія древности и начинаются другія. Доказательствомъ тому служатъ и тѣ интересныя вещи, которые проф. Аспелинъ отмѣтилъ на Выставкѣ, какъ свидѣтельствующія о готскомъ вліяніи.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

21 января. 10 час. утра

ОТДѢЛЕНІЕ II. Древности историко-географическія и этнографическія.

Почетный предсѣдатель И. Н. Смирновъ.
Предсѣдатель Отдѣленія В. Б. Антоновичъ.
Секретарь Отдѣленія П. Н. Милюковъ.

1. В. Ѳ. Миллеръ прочелъ сообщеніе: — „*Кавказскія народныя сказанія о циклопахъ*". Указавъ на интересъ, представляемый Кавказомъ въ дѣлѣ изученія исторіи распространенія сказочныхъ сюжетовъ, референтъ разсмотрѣлъ кавказскія народныя сказанія объ одноглазомъ великанѣ, принадлежащія къ тому циклу сказаній, къ которому относится и греческое сказаніе о циклопѣ Полифемѣ, вошедшее въ *Одиссею*. Докладчику извѣстно пять варіантовъ этого сказанія на Кавказѣ: мингрельскій, дагестанскій, два осетинскихъ и чеченскій. Изложивъ сказаніе мингрельское, В. Ѳ. отмѣтилъ его необыкновенную близость къ сказанію греческому, но отвергъ предположеніе о возможности занесенія этого сказанія на Кавказъ книжнымъ путемъ. При всей близости мингрельскаго разсказа къ греческому, въ первомъ есть и существенныя отличія отъ греческаго, доказывающія, что источникомъ мингрельскаго разсказа нельзя считать *Одиссею*. Разсмотрѣвъ затѣмъ другіе кавказскіе варіанты сказанія о циклопѣ и сравнивъ ихъ между собою, В. Ѳ. указалъ на мѣсто, занимаемое кавказскими разсказами среди многихъ другихъ разсказовъ того же сюжета, извѣстныхъ въ европейской народной литературѣ. Кромѣ *кавказскихъ*, извѣстно до *дюжины* подобныхъ сказаній, но родственное отношеніе между ними до сихъ поръ не удалось разъяснить ни В. Гримму въ его трудѣ о Полифемѣ (1858 г.), ни г. Комарову (1886 года). Разборъ кавказскихъ сказаній и сличеніе ихъ съ европейскими обнаруживаетъ бо̀льшую близость ихъ къ древне-греческому. Между кавказскими самымъ близкимъ къ греческому оказывается мингрельское сказаніе, и это обстоятельство докладчикъ объясняетъ географическимъ сосѣдствомъ Мингреліи съ Малою Азіей, въ которой нѣкогда былъ извѣстенъ попавшій въ *Одиссею* разсказъ о похожденіи героя съ циклопомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это похожденіе не что иное, какъ древняя народная сказка, пріуроченная Греками впослѣдствіи къ ихъ національному герою, подобно тому какъ нѣкоторыя другія восточныя сказки, по изслѣдованію Герланда, вошли въ *Одиссею*.

И. Н. Смирновъ указалъ на варіантъ того же преданія въ вотскихъ разсказахъ о Палесъ-Мурта. Это тотъ же одноглазый великанъ, и обыкновенный человѣкъ вступаетъ съ нимъ въ игру въ остроуміе. Великанъ расщепливаетъ дерево, по предложенію человѣка, засосываетъ туда свою руку и остается прищемленнымъ. Человѣкъ говоритъ, что его зовутъ Мимъ, т. е. прошлый годъ, чѣмъ возбуждаетъ смѣхъ.

Другой мотивъ еще ближе. Палесъ-Мурта намѣревается съѣсть человѣка, зазываетъ его въ хижину и спрашиваетъ: „какъ ты спишь?". Тотъ говоритъ: „Какъ ты". Палесъ-Мурта говоритъ: „Когда я сплю, у меня выходитъ дымъ и пламя". Человѣкъ

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

сообразилъ, что дѣло неладно, и положилъ вмѣсто себя чурбанъ, а самъ выбрался изъ хижины. Великанъ поднимается ночью, беретъ желѣзный вертелъ и протыкаетъ чурбанъ. Затѣмъ онъ засыпаетъ. Человѣкъ вытаскиваетъ вертелъ, накаливаетъ его и протыкаетъ Палесъ-Мурта. У Черемисовъ есть сказаніе объ Анарѣ. Идетъ Анаръ по полю, видитъ человѣка, который пашетъ, беретъ его въ карманъ вмѣстѣ съ сохой и приноситъ къ матери. Свѣдѣнія, сюда относящіяся, помѣщены у Верещагина.

2. Д. Н. Анучинъ сдѣлалъ докладъ:—*„Къ вопросу о дивіихъ людяхъ“*. Разбирая „Сказаніе о человѣцѣхъ, незнаемыхъ въ восточной странѣ“ (Соловецкій сборникъ Каз. Дух. Акад. № 844, въ 8-ку, лл. 303—307, списокъ А. С. Павлова), Д. Н. доказывалъ, что сказаніе это не зависитъ отъ литературныхъ странствующихъ сказаній, но добросовѣстно и съ сохраненіемъ многихъ реальныхъ чертъ передаетъ то, что авторъ сказанія, дѣйствительно, зналъ или слышалъ въ концѣ XV в. о племенахъ, жившихъ въ Западной Сибири (см. „Древности“ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, томъ XIV, статья Д. Н. Анучина: „Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака“).

3. Н. М. Ядринцевъ прочелъ два доклада: 1) *О распространеніи въ Монголіи и Сибири каменныхъ могилъ (керексуръ).* Предшествовавшія изслѣдованія доказывали, что за Байкаломъ каменныя могилы бываютъ: а) плоскія четырехъ-угольныя, обставленныя врытыми плитами и уставленныя камнями и б) круглыя каменныя невысокія насыпи, мѣстами тоже обставленныя стоячими камнями. Всѣ эти каменныя могилы, по сходству своему, указывали разселеніе какъ бы одного народа. Докладчикъ взялся прослѣдить могильники и провѣрить ихъ типы по рѣкѣ Селенгѣ съ притоками. Оказалось, что вся лѣвая сторона ея съ притоками свидѣтельствовала о слѣдахъ древнихъ поселеній. Самое тщательное и подробное изслѣдованіе могильниковъ докладчикъ началъ отъ Усть-Кяхты, такъ какъ обиліе ихъ въ этой мѣстности представляло полную возможность достигнуть желаемой цѣли опредѣлить ихъ типы. Переходы каменныхъ насыпей отъ простыхъ формъ къ сложнымъ облегчили задачу. При изслѣдованіяхъ, кромѣ описанныхъ двухъ типовъ, найденъ третій смѣшаннаго характера, то-есть представляющій сочетаніе круглаго могильника съ квадратнымъ.

Эти три первичныя формы осложнялись далѣе другими комбинаціями, а нѣкоторыя изъ нихъ приближались къ типу керексуръ (могильники, усѣивающіе Монголію). При перенесеніи мѣста изслѣдованій на рѣку Орхону, встрѣчено полнѣйшее тождество найденныхъ здѣсь могильниковъ съ прежними (близъ Усть-Кяхты). Это были тѣ же каменныя насыпи на склонахъ, обведенныя кругами и четырехъ-угольниками изъ камней. Безъ труда можно было отличить, что это керексуры. Передвинувшись, затѣмъ, къ подножію Монгирта и Замора (по рѣкѣ Толѣ), докладчикъ снова встрѣтилъ въ узкомъ ущельѣ керексуры, столь же характерныя, какъ и предыдущія насыпи. Въ этихъ могильникахъ, разсыпанныхъ по окрестностямъ во множествѣ, по словамъ одного Монгола нашли серебро, золото, мѣдную высеребреную внутри чашу и т. п. Съ рѣки Толы могильники шли и по рѣкѣ Харулѣ. Дальнѣйшая поѣздка по верховьямъ Орхо наубѣдила Ник. Мих. и его спутниковъ, что чѣмъ дальше въ горы, тѣмъ керексуры становились чаще. Онѣ помѣщались здѣсь вблизи развилинъ древнихъ мо-

настырей и вообще на плоскогорьяхъ и склонахъ. Формы ихъ были разнообразны и причудлнвы, а размѣры грандіозны. Судя по этому можно полагать, что мѣсто это есть центръ самаго большого развитія керексуръ. Свидѣтельства путешественниковъ, собственныя разысканія и разсказы мѣстныхъ жителей убѣдили докладчика, что районъ, который покрытъ древними каменными могилами-керексурами очень обширенъ. Могильники эти, какъ видно, принадлежали народу, который занималъ когда-то всю Монголію, разселялся по Орхонѣ, Селенгѣ, занималъ весь бассейнъ ея съ притоками, проходилъ въ западную Монголію и подходилъ къ Енисею и Алтаю. Видно, что могилы эти принадлежали народу горному — горнымъ кочевникамъ, что народъ этотъ хорошо освоился съ камнемъ, умѣлъ его отбивать и обтесывать, что грандіозныя сооруженія указываютъ на громадныя усилія и множество рукъ. Памятники эти не могутъ считаться за военныя могилы послѣ сраженій, такъ какъ тянутся систематически въ долинахъ на всемъ протяженіи и указываютъ на постоянныя обиталища. Наконецъ, распространеніе ихъ отъ востока къ западу по всей Монголіи и къ сѣверу по Южной Сибири доказываетъ медленное передвиженіе и разселеніе этого древняго народа.

4.--2) *О каменныхъ бабахъ Сибири и Монголіи.* Эти каменныя бабы являются постоянными спутниками древнихъ каменныхъ могилъ находящихся въ Минусинскомъ округѣ и Алтаѣ. Большая коллекція каменныхъ бабъ, находящихся въ Монголіи и въ Сибири, дала возможность докладчику сдѣлать нѣкоторые выводы. Распространяясь отъ востока къ западу, всѣ онѣ имѣютъ одинаковый характеръ въ общей фигурѣ и въ подробностяхъ (сложенныя руки, чаша и мечъ). Докладчика относительно ихъ интересовало, существуютъ ли онѣ за Байкаломъ, и во время поѣздки въ Кяхту онъ убѣдился въ ихъ существованіи и тамъ. Совмѣстное нахожденіе каменныхъ бабъ съ древними каменными могилами даетъ указаніе той культурной высоты, которой достигали древніе народы—строители керексуръ, чего прежде нельзя было опредѣлить по однимъ молчаливымъ плитамъ. Каменныя бабы наводятъ на мысль о существованіи искусства ваянія, хотя на первой ступени. На минусинскихъ каменныхъ бабахъ открыты были надписи, такъ называемыя руническія. Однако все что̀ было открыто раньше давало только намеки на культуру древнихъ народовъ. Могильники на рѣкѣ Орхонѣ еще подвигаютъ этотъ вопросъ на одинъ шагъ и кое-что поясняютъ въ исторіи каменныхъ могилъ. Могильники эти, во-первыхъ, доказываютъ родство монгольскихъ памятниковъ съ минусинскими каменными могилами и, во-вторыхъ, опредѣляютъ рѣзче признаки каменныхъ могилъ и показываютъ наибольшую высоту ихъ развитія. Орхонскій могильникъ на озерѣ Цайдамѣ представляетъ четыре характерныя могилы, принадлежащія, видимо, знатнымъ лицамъ. Это плоскіе могильники, немного возвышенные; предъ ними стоитъ маякъ, или стоячій камень, но камень этотъ съ буквой или знакомъ. Далѣе лежитъ поверженный обелискъ, исписанный руническими надписями и китайскими іероглифами. Потомъ лежатъ мраморные львы, затѣмъ мраморныя статуи безъ головъ, въ халатахъ, съ „ходакомъ“ (шелковый платокъ, употребляемый при буддійскихъ богослуженіяхъ) въ рукѣ, два сидячіе истукана безъ головъ и подобіе каменной бабы со сложенными руками. Предстоящіе стоячіе камни и

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

маяки, затѣмъ обставленныя около плиты и каменная баба совершенно установляютъ родство этихъ могилъ съ керексурами и древними каменными могильниками, а статуи и львы служатъ только блестящимъ украшеніемъ. Что касается древности могильниковъ подобнаго рода, то всѣ они, судя по выросшимъ на нихъ деревьямъ и вывѣтрившемуся камню, носятъ признаки глубочайшей древности (около 1.000 лѣтъ). Они не принадлежатъ Монголамъ, потому: а) что отсутствуютъ всѣ признаки погребенія въ томъ родѣ, какъ у нынѣшнихъ Монголовъ; б) нѣтъ никакихъ по этому поводу преданій; в) Монголы отрекаются ото всякаго отношенія къ этимъ могиламъ, и, наконецъ, г) Монголы преимущественно степной, кочевой народъ и горныхъ мѣстъ не любятъ, камень обдѣлывать не умѣютъ, дерева не употребляютъ и по культурѣ стоятъ очень низко. Самая письменность обнаруживаетъ, что могильники эти не монгольскіе, а принадлежали какому-то другому народу; опредѣлить же народность пока трудно. На отвѣтъ по указанному вопросу могутъ навести преданія и историческія справки, по которымъ народъ этотъ можно назвать Уйгурами и Кидонами. Для археологовъ въ этой области открывается широкая перспектива, долженствующая обнаружить существованіе здѣсь культурныхъ народовъ въ глубокой древности.

5. И. Н. Смирновъ прочелъ докладъ подъ заглавіемъ: *Бесермяне Вятской губерніи* (томъ III, 331—314).

6. Д. М. Струковъ сдѣлалъ сообщеніе: *О древнихъ церквахъ при рѣкѣ Большой Зеленчукъ, на Кавказѣ.* На Сѣверномъ Кавказѣ, по склону горнаго хребта отъ Грузіи, вытекаетъ рѣка Большой Зеленчукъ, на берегахъ которой, въ ущельѣ, между горъ, сохранились три храма древней постройки, и видны слѣды другихъ построекъ. Эти постройки и храмы были извѣстны давно разнымъ ученымъ, были сняты фотографическіе снимки съ этихъ церквей, но болѣе подробныхъ свѣдѣній добыто не было, такъ какъ вся мѣстность, окружающая храмы, была недоступна для обзора вслѣдствіе густыхъ деревьевъ и кустовъ. Весной 1887 года епископъ Владиміръ Ставропольскій, нынѣ Нижегородскій, извѣстный и по своей миссіонерской дѣятельности въ Сибири, и по заботливости и любви къ христіанскимъ древностямъ, поселилъ при этихъ храмахъ аѳонскихъ иноковъ для устроенія монастыря, наименованнаго Александро-Невскимъ. Благодаря основавшемуся здѣсь монастырю, монахи котораго вырубили лѣсъ для своихъ нуждъ, можно опредѣленно сказать, что слѣды построекъ простираются на протяженіи до $3^1/_2$ верстъ въ длину, по теченію Зеленчука, и около полуверсты въ ширину, причемъ ясно оказались формы зданій и улицъ, подобныхъ херсонесскимъ, въ Крыму, засыпанныхъ землей и закрытыхъ растительностью. Кромѣ извѣстныхъ раньше, оказались еще три храма малаго размѣра съ частью стѣнъ въ 3 — 4 арш. высоты и безъ крышъ (съ нихъ докладчикомъ сняты планы и разрѣзы), и потомъ есть признаки еще одного храма, но настолько засыпаннаго каменьями, что онъ недоступенъ для снятія чертежа. Изъ сохранившихся трехъ храмовъ, меньшій приспособленъ иноками для богослуженія; въ двухъ другихъ докладчикомъ при помощи монаховъ очищены стѣны отъ копоти, дыма и пыли, причемъ оказались остатки фресковой живописи, абрисы коихъ Дм. Мих. представилъ членамъ Съѣзда. Далѣе, по вершинамъ горъ видны остатки строеній въ родѣ укрѣпленій, а также среди горъ, въ ущельѣ,

въ трехъ мѣстахъ, сохранились небольшія помѣщенія для жилья. Въ настоящее время можно смѣло сказать, что мѣстность представляетъ существовавшій когда-то обширный городъ. Найденный въ немъ каменный крестъ съ греческою надписью указываетъ, что жителями его могли быть Греки; фресковую живопись можно отнести къ грузино-византійскому стилю. Въ письменныхъ памятникахъ о городѣ этомъ нигдѣ не нашлось извѣстій, но можно предположить, что онъ погибъ въ первую половину XII вѣка, когда въ 1130 году нахлынули татарскія орды, завладѣвшія почти всѣмъ Сѣвернымъ Кавказомъ. Названіе города неизвѣстно; академикъ Бутковъ пріурочиваетъ къ нему наименованіе Успе или Аспе, но это невѣрно, такъ какъ Успе находился на горѣ, а не въ ущельѣ между горъ, какъ вновь открытый городъ. Изъ исторіи же Грузіи царевича Давида видно, что былъ городъ Егрисъ, описаніе мѣстоположенія котораго довольно подходитъ къ настоящей мѣстности.

Дальнѣйшія изслѣдованія, вѣроятно, раскрыли бы эту загадку и дали бы массу любопытнаго матеріала. Особеннаго вниманія заслуживаютъ храмы, которые легко возобновить, такъ какъ стѣны и своды двухъ изъ нихъ цѣлы, остатки же зданій города требуютъ серьезной расчистки. Тогда, вѣроятно, нашлись бы такіе памятники, которые разъяснили бы исторію города и опредѣлили бы народность его обитателей. Далѣе докладчикъ сдѣлалъ предположеніе, не принадлежали ли найденные храмы къ Захійской епархіи, существовавшей на сѣверѣ Кавказа до XIV вѣка. Другое предположеніе его состоитъ въ слѣдующемъ: въ X вѣкѣ былъ извѣстенъ городъ Тмутаракань, имѣвшій русскаго князя. Едва ли можно думать, что все владѣніе послѣдняго заключалось въ одномъ городѣ, отнятомъ у Хозаръ, а вѣроятнѣе, что всѣ владѣнія, бывшія хозарскими, принадлежали и Тмутараканскому князю; а такъ какъ хозарскія владѣнія доходили до Кавказа, то, вѣроятно, мѣстность рѣки Зеленчукъ входила въ составъ этихъ владѣній, въ которыхъ находили себѣ пріютъ князья сѣверной Руси. Тогда можетъ сдѣлаться понятнымъ и бракъ царицы Тамары съ сыномъ князя Андрея Боголюбскаго, жившаго по сосѣдству съ Грузіей, въ томъ же, можетъ быть, городѣ на рѣкѣ Зеленчукъ. Высказавъ свои соображенія, докладчикъ предложилъ Съѣзду исходатайствовать разрѣшеніе и средства для раскопокъ этого города и поддержанія сохранившихся храмовъ и реставраціи живописи [1]).

---

[1]) См. Древнехристіанскіе храмы и Зеленчукскій монастырь въ Кубанской области Д. Струкова, 2-ое изд., М. 1894 г., и Альбомъ ихъ (10 рисунковъ), Одесса, 1891 г.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

21 января. 11 часовъ утра.

ОТДѢЛЕНІЕ VI. Памятники славяно-русскаго языка и письма.

Почетный Предсѣдатель И. Е. Забѣлинъ.
Предсѣдатель Отдѣленія А. И. Кирпичниковъ.
Секретарь Отдѣленія С. І. Долговъ.

1. А. И. Станкевичъ прочелъ докладъ подъ заглавіемъ: *Азіатская Баниза* (романъ XVIII столѣтія). Въ началѣ докладчикъ указалъ на важность изученія вопроса о русскомъ романѣ начала XVIII столѣтія, такъ какъ это можетъ доставить любопытные результаты для исторіи литературы и языка, а также и для исторіи быта и нравовъ. Затѣмъ приведены были имъ отзывы литературныхъ дѣятелей половины XVIII вѣка объ этихъ романахъ, и указано на образовательное и воспитательное значеніе ихъ для большинства читающей публики того времени. Далѣе, сообщивъ историко-библіографическія свѣдѣнія о нѣмецкомъ оригиналѣ и вызванныхъ имъ передѣлкахъ и подражаніяхъ того же сюжета, А. И. передалъ вкратцѣ содержаніе романа. Перейдя затѣмъ къ обозрѣнію извѣстныхъ ему списковъ русскаго перевода *Азіатской Банизы*, онъ высказалъ предположеніе о существованіи нѣсколькихъ, по крайней мѣрѣ трехъ, различныхъ переводовъ этого романа. Указавъ потомъ на характеръ перевода, по списку Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, г. Станкевичъ закончилъ свой докладъ, предложивъ нѣсколько выдержекъ изъ русскаго текста, и высказалъ сожалѣніе, что онъ не имѣлъ возможности подвергнуть болѣе подробному разбору всѣ извѣстные ему списки.

2. Н. А Янчукъ прочелъ докладъ: *Эпизодъ изъ области критики народной поэзіи.*

Изученіе народной словесности вступило на новый путь, болѣе правильный и раціональный, нежели прежній. Это – путь частичнаго изученія деталей поэтическихъ мотивовъ, вошедшихъ въ составъ того или другого памятника народной словесности. Этотъ методъ уже на первыхъ порахъ принесъ много хорошихъ результатовъ, гораздо болѣе, нежели старый методъ, ведущій къ преждевременнымъ и невѣрнымъ, иногда основаннымъ на первомъ впечатлѣніи обобщеніямъ.

Какъ образецъ приложенія этого новаго метода, докладчикъ представилъ разборъ двухъ небольшихъ народныхъ обрядовыхъ пѣсенъ. Первая изъ нихъ —свадебная, распѣваемая поѣзжанами на пути въ церковь — сообщаетъ, какъ священникъ ѣдетъ въ городъ (Львовъ, Кіевъ, Римъ—вообще центръ промышленный и духовный) покупать ключи, чтобы отпереть церковь для вѣнчанія. Смыслъ общій этой пѣсни выясняется, какъ изъ характера самой малороссійской свадьбы, такъ и изъ пѣсенъ, которыми сопровождается обрядъ: въ пѣсняхъ и обрядахъ свадьбы, акта торжественнаго, многіе предметы (гребень для невѣсты, напр.) представляются купленными за дорогую цѣну въ подобныхъ же центрахъ, какъ Кіевъ, Люблинъ, Львовъ, Холмъ. Отсюда видна

тенденціозность объясненія пѣсни старой критикой, видѣвшей въ покупкѣ ключей въ городѣ воспоминаніе о томъ времени, когда православныя церкви были на арендѣ и отпирались только за извѣстную плату въ пользу арендаторовъ. Подобное ложное толкованіе, кромѣ уже своей невѣрности, какъ оказывается, вредно вліяетъ на сохраненіе пѣсни въ народѣ и способствуетъ ея исчезновенію.

Вторая пѣсня, объясненная докладчикомъ, пѣсня извѣстная въ Подлясьѣ и Холмской Руси подъ именемъ „Зелимана", распространенная и у Поляковъ (Дзельманъ, Джельмана), и у Чеховъ (Zalman), и даже у Велико-руссовъ (Халимонъ). Пѣсня также обрядовая—выборъ дѣвушки въ невѣсты. Пѣсня поется весной (отъ Пасхи и до Троицына дня). Пѣсня истолковывалась нѣкоторыми подобно предыдущей (Зельманъ-жидъ, арендаторъ церквей). Изъ обстоятельствъ же исполненія „Зелимана" и изъ связи его съ цикломъ весеннихъ пѣсенъ („зеленый шумъ") и обрядами этого времени выясняется, что „Зелиманъ" есть ни что иное, какъ олицетвореніе весны, а самое его имя м. б. объяснено изъ названія „Зеленый май", что вполнѣ возможно по народной этимологіи, или изъ manzel (чешск.)—мужъ, женихъ—путемъ перестановки слоговъ, что также вѣроятно, въ виду частаго повторенія этого слова въ игрѣ, которой сопровождается пѣсня. Т. о. пѣсня о Зелиманѣ есть прославленіе наступленія весны, оживанія природы. Представленіе же Зелимана женихомъ—мотивъ вполнѣ естественный и очень древній.

3. И. И. Богданъ сдѣлалъ сообщеніе: *Грамота князя Ивана Ростиславича „Берладника" 1134 года.*

Докладчикъ избралъ темой обстоятельнаго сообщенія вопросъ о подлинности означенной грамоты; ранѣе его того же вопроса касался на Съѣздѣ профессоръ Соболевскій [1]), доказывавшій подложность грамоты на основаніи ея поздней графики и средне-болгарскихъ особенностей языка, немыслимыхъ для русской грамоты XII вѣка. Г. Богданъ указалъ, что проф. Соболевскій упустилъ изъ вида другое, столь же возможное, объясненіе отмѣченныхъ имъ явленій: грамота (нынѣ утраченная) могла быть спискомъ, сдѣланнымъ въ Молдавіи въ XIV—XV столѣтіи съ недошедшей русской грамоты XII вѣка. Какъ извѣстно, въ XIV—XVII вѣкахъ въ румынскихъ господарствахъ въ церковномъ употребленіи былъ старо-славянскій языкъ въ среднеболгарской его редакціи.

Докладчикъ указалъ на болѣе убѣдительные признаки подложности грамоты, разсмотрѣвъ ее съ точекъ зрѣнія 1) лингвистической, 2) дипломатической и 3) исторической.

1) Необъясненныя г. Соболевскимъ формы прилагательныхъ: *угрьсьскый, берладьсьскый, месембрисьскый* могли возникнуть только въ головѣ фальсификатора, поддѣлывавшагося подъ древне-русскій языкъ безъ достаточнаго знанія его исторіи: источникомъ ошибки послужила древне-русская форма слова *русьскый* при болѣе новыхъ *руськый, рускый, русскый;* фальсификаторъ изъ формы *рус-ьскый* (гдѣ первое *с* принадлежитъ корню) извлекъ небывалый суффиксъ-*сьскый* и, сочтя его древнѣйшей фор-

[1]) См. стр. 103.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

мой суффикса *ьскый,-скый*, образовалъ дикія формы *берлад-сьскый* вмѣсто *берладьскый* и т. д.

2) Опираясь на западную дипломатику, докладчикъ сдѣлалъ опытъ перенесенія ея критическихъ пріемовъ на русскую почву; выведя изъ значительнаго количества грамотъ XII вѣка всѣ дипломатическія *формулы* этого времени, г. Богданъ наглядно показывалъ, что грамота Ивана Берладника находится съ ними въ явномъ противорѣчіи, и состоитъ въ зависимости отъ молдавскихъ и галицкихъ дипломатическихъ формулъ XIV—XV вѣка.

3) Содержаніе грамоты не сходится съ довольно многочисленными извѣстіями русской лѣтописи объ Иванѣ Берладникѣ. Такъ напр., въ грамотѣ Иванъ Ростиславичъ называется княземъ *Берладскимъ отъ стола Галицкаго;* это выраженіе, неясное само по себѣ и не находящее объясненія въ дипломатическихъ нормахъ, толковалось изслѣдователями въ смыслѣ *происхожденія* и въ смыслѣ *зависимости*. Но по происхожденію Иванъ Ростиславичъ не имѣлъ никакихъ правъ на Галичъ, а въ зависимости отъ него не могъ состоять, потому 1) что онъ былъ непримиримымъ врагомъ Галицкихъ князей, сначала Володимірка, потомъ Ярослава Осмомысла, и ужъ конечно не могъ получить отъ нихъ удѣла „Берладскаго"; 2) въ 1134 году, къ которому относится наша грамота, соединенное Червонно-русское княжество со стольнымъ городомъ Галичемъ еще и не существовало: оно создалось только въ 1144 году.

Что касается *источника поддѣлки*, то имъ оказывается именно отрывокъ русской лѣтописи (см. Ипатьевскую лѣтопись, подъ 1149 годомъ, изданную Археографическою Коммиссіею), весьма близкимъ перифразомъ котораго является текстъ грамоты 1134 года.

Грамота Ивана Ростиславича Берладника по своему содержанію—торговая грамота; ея важность въ томъ, что она позволяла заключать о государственной связи придунайской страны съ Галичиной и о существованіи княжества Берладскаго уже въ XII вѣкѣ; такимъ образомъ главная цѣль поддѣлывателя—могла быть слѣдующая: *указать уже въ XII вѣкѣ зародыши румынскаго государства, хотя бы цѣною зависимости отъ Россіи.*

4. А. И. Кирпичниковъ прочелъ докладъ:—*О Страхиль-птицѣ.* Докладчикъ прослѣживаетъ въ своемъ сообщеніи по литературѣ родственную связь ея съ нѣкоторыми птицами, игравшими чудесную роль въ фантастическихъ представленіяхъ древнихъ народовъ, каковы страусъ, пеликанъ древнихъ, и даже аистъ и орелъ. Приведя много цитатъ изъ литературныхъ источниковъ римскихъ, нѣмецкихъ и византійскихъ, касающихся разныхъ фантастическихъ птицъ, А. И. сближаетъ ихъ, иногда даже отождествляетъ, со Страхиль-птицей. Своимъ сообщеніемъ докладчикъ желаетъ показать, что Страхиль имѣетъ родичей на отдаленномъ Востокѣ, родичей можетъ-быть не близкихъ, темное воспоминаніе объ одномъ изъ которыхъ могло повліять на развитіе на Востокѣ дуалистическаго сказанія, которое тамъ же на Востокѣ осложнилось представленіемъ о помощи, оказываемой доброму началу кровавою жертвой. Потомъ, когда-то, оно развивалось далеко, и, разумѣется, не въ одномъ экземплярѣ, а въ нѣсколькихъ далеко не тождественныхъ. Въ Византіи оно осложнилось своеоб-

разнымъ реализмомъ физіологовъ и, черезъ посредство письменности, упало на плодотворную почву русской народной поэзіи, гдѣ въ двухъ духовныхъ стихахъ произвело образъ не лишенный грандіозности и величія [1]).

---

21 января. $7^1/_2$ час. вечера.

ОТДѢЛЕНІЕ I. Древности первобытныя.

Почетный Предсѣдатель проф. Аспелинъ.
Предсѣдатель Отдѣленія Д. Н. Анучинъ.
Секретарь Отдѣленія Н. Л. Гондатти.

1. Dr. Grempler (Д-ръ Гремплеръ), представитель Берлинскаго Антропологическаго Общества и Силезскаго Общества древностей, сдѣлалъ сообщеніе на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: Ueber die Funde aus dem Beginne der Völkerwanderungszeit *(О находкахъ, относящихся къ начальной эпохѣ великаго переселенія народовъ).*

Предметомъ доклада служило описаніе замѣчательныхъ находокъ, относящихся къ эпохѣ великаго переселенія народовъ и сдѣланныхъ докладчикомъ близъ Бреславля, въ мѣстечкѣ Сакрау. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ здѣсь было случайно найдено нѣсколько древнихъ могилъ. Костяки почти совершенно истлѣли, но вещи сохранились хорошо, именно различныя украшенія, сосуды и друг. Особенно замѣчателенъ бронзовый четырехножникъ, служившій, повидимому, подставкой для сосуда съ виномъ. Ножки этого четырехножника украшены статуэтками Бахуса, а переднія также—фигурами Силеновъ. Вырѣзанныя на ножкахъ латинскія надписи: Num. Aug. и Avitus (марка фабрики) свидѣтельствуютъ, что изящная подставка — римской работы. Кромѣ того найдены: бронзовое сито римскаго же издѣлія и бронзовая тарелка съ изображеніемъ пантеры, схватившей лося. Послѣдній сюжетъ не былъ находимъ до сихъ поръ на римскихъ издѣліяхъ, и, наоборотъ, онъ довольно обыкновененъ на подобныхъ издѣліяхъ изъ южной Россіи, на вещахъ такъ-называемой скиѳско-сарматской эпохи. Затѣмъ были найдены еще: золотыя пряжки съ изображеніемъ рыбъ, шейныя кольца, чаша изъ разноцвѣтнаго стекла (такъ называем. millefiori), игральныя кости, остатки деревяннаго ведра съ бронзовыми ободами, украшенными орнаментами (подобныя были находимы въ Венгріи и во Франціи, въ могилахъ до-меровингской эпохи, примѣрно III—IV вѣковъ по Р. Х.) и характерныя фибулы (брошки), однѣ въ видѣ буквы T, съ верхней перекладиной изъ трехъ или двухъ валиковъ и съ дугообразной вертикальной пластинкой, и другія, представляющія варіацію типа такъ называемаго la-Tène. Совокупность всѣхъ этихъ и другихъ вещей указываетъ на начальныя столѣтія нашей эры, что подтверждается вполнѣ находкою одной золотой

---

[1]) Докладъ напечатанъ въ Ж. М. Н. Пр. 1890 г.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

римской монеты Клавдія Готскаго (Claudius Gothicus, 278—280 г.). Такъ какъ, по историческимъ свидѣтельствамъ, въ Силезіи жили въ это время вандалы и такъ какъ извѣстно, что Клавдій одержалъ побѣду надъ Готами при Ниссѣ (нын. Нишъ), причемъ на сторонѣ Готовъ была и часть Вандаловъ, то возможно, что Вандалы могли занести къ себѣ на родину, въ Силезію, и нѣкоторыя римскія издѣлія, а при посредствѣ Готовъ могли получать и нѣкоторыя издѣлія изъ греческихъ колоній сѣвернаго берега Чернаго моря. Во всякомъ случаѣ, находки, сдѣланныя въ Сакрау, указываютъ, какъ будто, на древнія сношенія сѣверо-германскихъ племенъ съ народами, жившими въ III-мъ вѣкѣ нашей эры въ южныхъ областяхъ нынѣшней Россіи.

2. Dr. Franz Heger (Д-ръ Ф. Хегеръ), представитель Вѣнскаго Антропологическаго Общества и Королевско-Императорскаго Этнографическаго Музея, прочелъ докладъ на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: Die Kaukasischen Gräberfelder und ihre Beziehnungen zum Westen *(Кавказскіе могильники и ихъ отношенія къ западно-европейской культурѣ).*

Докладчикъ разсказалъ вкратцѣ исторію открытія кавказскихъ могильниковъ, втеченіе послѣднихъ 12 лѣтъ, и очертилъ общій характеръ находокъ, сдѣланныхъ въ могильникахъ Кобани и Фаскау, и въ кладѣ, открытомъ близъ станціи Казбекъ, причемъ высказалъ сожалѣніе, что большая часть вещей получена изъ раскопокъ, произведенныхъ не-научно, мѣстными осетинами, вслѣдствіе чего предметы разныхъ эпохъ иногда являются смѣшанными. Затѣмъ онъ перешелъ къ разсмотрѣнію формъ болѣе характерныхъ предметовъ вооруженія и украшенія, какъ-то бронзовыхъ топоровъ, кинжаловъ, фибулъ, громадныхъ булавокъ, поясныхъ пряжекъ, спиральныхъ колецъ и наручниковъ, привѣсокъ съ изображеніями животныхъ, бусъ и т. д. Сравненіе болѣе древнихъ могильниковъ Кобани и Фаскау съ позднѣйшими—въ Комунтѣ, Кинбультѣ, Чми и др., относящимися уже къ VI—X вѣкамъ, показываетъ, что эта оригинальная кавказская культура начальнаго желѣзнаго вѣка, выступающая въ наибольшемъ разнообразіи формъ въ болѣе древнихъ могильникахъ Кобани и Фаскау, вмѣсто того, чтобы съ теченіемъ времени развиваться, подвергалась, наоборотъ, постепенному вымиранію. Съ другой стороны, сопоставляя эту культуру съ соотвѣтственною культурою начальнаго желѣзнаго вѣка въ Западной Европѣ, съ какою мы встрѣчаемся, напримѣръ, въ извѣстномъ Галльштадскомъ могильникѣ въ Зальцбургѣ, а также въ открытыхъ за послѣднія 12 лѣтъ могильникахъ Ватша (въ Крайнѣ), Эсте (въ Сѣв. Италіи) и др., приходится убѣдиться, что кавказская культура не находилась въ связи съ западно-европейскою и развилась самостоятельно, хотя, можетъ быть, и подъ тѣмъ же первоначальнымъ культурнымъ вліяніемъ, какъ и эта послѣдняя. Наконецъ, что касается до древности этой кавказской культуры, то едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что она не столь велика, какъ это принимаютъ Вирховъ и Шантръ, которые относятъ ее къ эпохѣ за 1000 л. до Р. Хр. По всей вѣроятности, развитіе ея послѣдовало нѣсколькими столѣтіями позже и она стоитъ ближе къ началу нашей эры, чѣмъ соотвѣтственныя ей западно-европейскія культуры Сѣверной Италіи и Альпійской области.

3. Dr. I. Strzygowski (Д-ръ I. Стржиговскій), доцентъ Вѣнскаго Универ-

ситета, прочелъ сообщеніе на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: Die enkaustische Malerei und ihre Vertreter in der Archeologischen Ausstellung des Congresses (*Энкаустическая живопись и ея образецъ на Археологической Выставкѣ Съѣзда*).

Докладъ этотъ былъ посвященъ единственному образцу энкаустической живописи, находящемуся на Выставкѣ Съѣзда,—древней иконѣ въ собраніи, доставленномъ на выставку Церковно-археологическимъ Музеемъ при Кіевской Духовной Академіи. Во времена классической древности существовали три вида живописи: 1) стѣнная, фресковая, отъ которой дошли до насъ только поздніе образцы, открытые въ Помпеяхъ и Геркуланумѣ; этотъ видъ живописи мы находимъ также въ древнихъ христіанскихъ катакомбахъ; 2) живопись на вазахъ и сосудахъ; образцовъ ея извѣстно много, и 3) живопись на доскахъ, которая исполнялась при помощи воска и красокъ. Это послѣднее искусство было унаслѣдовано Византіею, но затѣмъ вымерло и уже во времена крестовыхъ походовъ перешло въ область преданія. Изслѣдованія, произведенныя гр. Кайлюсомъ, Гельбигомъ, Доннеромъ и др., показали, что техника этой живописи заключалась въ томъ, что на доску наносился воскъ съ красками, послѣ чего по доскѣ водили раскаленнымъ желѣзомъ, вслѣдствіе чего воскъ растоплялся и краски выступали во всей ихъ яркости. Такимъ способомъ дѣлались портреты, какъ то свидѣтельствуютъ до 130 образцовъ ихъ, найденныхъ въ послѣднее время въ Египтѣ, именно въ Фаюме, въ катакомбахъ. Портреты эти исполнялись въ натуральную величину и полагались на муміи, именно на мѣсто головы. Обыкновенно они изображаютъ только лицо съ небольшою частью туловища, рѣдко съ руками. Лицо всегда юношеское,—фактъ, давшій поводъ Эберсу высказать предположеніе, что портреты для мумій дѣлались въ пору молодости субъектовъ. Мужчины представлены всегда съ короткими волосами, женщины съ болѣе длинными; глаза у всѣхъ широко раскрыты, съ большими зрачками; ротъ малъ; по чертамъ лица можно однако различить еврейскій, греческій, египетскій типы. Обыкновенно энкаустическимъ способомъ дѣлалась только голова, одежда же пририсовывалась послѣ красками. Наибольшее число такихъ портретовъ находится въ Булакскомъ Музеѣ, въ Египтѣ, и въ Британскомъ Музеѣ, въ Лондонѣ, но образцы ихъ есть также въ Луврѣ, въ музеяхъ Флоренціи и Дрездена. Икона, доставленная Музеемъ Кіевской Духовной Академіи, относится къ той же категоріи портретовъ. Она происходитъ изъ монастыря св. Екатерины на Синаѣ, куда она принесена, вѣроятно, изъ катакомбъ. По техникѣ, она вполнѣ соотвѣтствуетъ другимъ портретамъ, найденнымъ въ египетскихъ катакомбахъ; но на ней изображены два лица—мужчина и женщина. Кромѣ того, икона эта важна тѣмъ, что даетъ возможность опредѣлить точнѣе эпоху ея написанія. До сихъ поръ полагали, что портреты эти изображаютъ только язычниковъ и относятся ко временамъ римскаго владычества въ Египтѣ, т. е. къ первымъ вѣкамъ нашей эры. Но на иконѣ Кіевскаго Музея, между двумя изображенными на ней лицами, помѣщенъ крестъ, сдѣланный, очевидно, одновременно съ написаніемъ самихъ портретовъ. Обѣ фигуры держатъ, кромѣ того, каждая по кресту въ рукѣ, а у мужчины видна одежда, въ видѣ плаща, со звѣздою на правомъ плечѣ. Все это указываетъ

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

уже на христіанскую эпоху и на византійское вліяніе, и опредѣленіе проф. Петрова (завѣдующаго Музеемъ Кіевской Духовной Академіи), относящаго эту икону къ IV—VII вв. нашей эры, должно быть признано вѣрнымъ. Но проф. Петровъ идетъ далѣе и полагаетъ, что икона эта изображаетъ св. Константина и Елену, въ чемъ Стржиговскій сомнѣвается. Вверху иконы сохранились, правда, скудные фрагменты надписи, но слишкомъ недостаточные для опредѣленія смысла послѣдней, хотя въ одномъ мѣстѣ и видны буквы „on".

4. Comte L. de Fleury (Графъ Л. де-Флери) сдѣлалъ сообщеніе на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: Station de le pierre polie de Kempa gouv. Grodno. *(Стоянка неолитическаго періода у м. Кемпа, Гродненской губ.).*

Въ своемъ докладѣ графъ познакомилъ собраніе съ предметами каменнаго вѣка, найденными имъ у Кемпы, на р. Бобрѣ, въ песчаномъ грунтѣ. Мѣсто это, очевидно, служило мастерской для выдѣлыванія кремневыхъ издѣлій, какъ то доказываютъ многочисленныя найденныя здѣсь кремневыя ядрища (нуклеусы), осколки, скребки, проколки, различныя острія и тщательно оббитые наконечники стрѣлъ. Кромѣ того, здѣсь было найдено нѣсколько полированныхъ каменныхъ топоровъ-молотковъ и долотъ.

5. Князь П. А. Путятинъ прочелъ докладъ на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: Sur les différences ostéologiques des races primitives. *(Объ остеологическихъ различіяхъ первобытныхъ расъ).*

Остеологическія особенности расъ должны быть изучаемы тамъ, гдѣ еще не успѣли смѣшаться и сгладится типы, т. е. на остаткахъ первобытныхъ расъ и на ихъ послѣдовательныхъ эволюціяхъ. На Западѣ развилось уже поэтому изученіе до мельчайшихъ подробностей костяковъ палеолитическаго періода, при чемъ явился рядъ спеціалистовъ для отдѣльныхъ частей костяка,—ибо не одинъ черепъ играетъ роль въ остеологическихъ отличіяхъ расъ. Въ новыхъ трудахъ Ф. Сальмона: Les races и l'âge de la pierre à l'éxposition universelle, наглядно знакомятъ насъ съ постепеннымъ переходомъ черепныхъ указателей отъ долихокефаліи къ брахикефаліи въ палеолитическомъ періодѣ; въ неолитическомъ видимъ мезатикефаловъ и брахикефаловъ, переходящихъ къ долихокефаліи. Причина этой варіаціи, кажется, увеличеніе числа женскихъ череповъ, при чемъ вообще нужно отмѣтить трудность во многихъ случаяхъ отличить безошибочно мужской скелетъ отъ женскаго, даже по тазовымъ костямъ. Любопытна часто встрѣчающаяся въ костякахъ низшихъ расъ девіація *хромоты*, которая встрѣтилась и докладчику при раскопкахъ въ Бологомъ въ 1888 г. Важно для опредѣленія расы отношеніе длины между os femoris и tibia; въ Бологомъ максимальность этого отношенія оказалась очень развитой: os femoris 432, tibia 324 милим.

---

21 января въ аудиторіи Политехническаго Музея по случаю VIII Археологическаго Съѣзда, происходило публичное чтеніе Н. Л. Гондатти: *„О значеніи изученія памятниковъ старины"*, на которомъ, кромѣ постороннихъ слушателей, присутство-

вали многіе члены Съѣзда. При чтеніи показывались предметы изъ раскопокъ, модели и туманныя картины. Указывая на собравшійся въ Москвѣ Съѣздъ, Н. Л. заключилъ чтеніе пожеланіемъ успѣха Съѣзду.

---

22 января. 10 часовъ утра.

ОТДѢЛЕНІЕ VII. Древности классическія и славяно-византійскія.

Почетный Предсѣдатель: А. Н. Шварцъ.
Предсѣдатель Отдѣленія: Ѳ. И. Успенскій.
Секретарь Отдѣленія: А. Ѳ. Дмитріевскій.

1. Ѳ. И. Успенскій сообщилъ *О военномъ устройствѣ Византіи* (*τάγμα* и *θέμα*).

Въ исторіи учрежденій Византійской Имперіи ожидаетъ своей очереди вопросъ о военномъ устройствѣ. До сихъ поръ затронутъ былъ этотъ вопросъ только по связи съ землевладѣніемъ. Давно уже замѣчено, что въ Византіи существовалъ особый родъ военно-служебной земли, имѣвшей, одинаковую съ крестьянской, податную систему. Съ точки зрѣнія фактовъ земельной и податной системы, военная служба въ Византіи основана была на началѣ поставки рекрута, коннаго или пѣшаго, односельчанами или совладѣльцами, называемыми складчиками и сокопейщиками. Но едва ли это можно считать общимъ правиломъ, такъ какъ есть указанія (у Константина Порфиророднаго) на единоличное отбываніе службы. Это предполагаетъ уже особенную военную систему, подобную нашей казацкой службѣ. Если же такимъ образомъ устанавливается принципъ военной службы съ земельнаго владѣнія, то можно съ нѣкоторою вѣроятностью заключить какъ о составѣ арміи, такъ и о продолжительности срока службы. Но остается, кромѣ того, много вопросовъ, связанныхъ съ системой военнаго устройства, которые остаются незатронутыми или рѣшаются слишкомъ произвольно. Перечисливъ затѣмъ источники, въ которыхъ можно почерпнуть свѣдѣнія о военномъ устройствѣ, докладчикъ остановился на двухъ встрѣчающихся терминахъ „*тагма*“ и „*ѳема*“, обозначающихъ части византійскихъ войскъ. Сначала „ѳема“ имѣла военный смыслъ, а потомъ получила гражданскій и административный для обозначенія округовъ. Время, съ котораго измѣнилось значеніе термина „ѳема“, совпадаетъ со временемъ преобразованіяя Римской Имперіи въ Византійскую. Изъ историческихъ данныхъ докладчикъ сдѣлалъ тотъ выводъ, что „тагмы“, какъ войско стоящее въ Константинополѣ, участвовали въ дворцовыхъ переворотахъ и находились подъ вліяніемъ столичныхъ честолюбцевъ; въ провозглашеніи новыхъ царей всегда первое мѣсто занимали „тагмы“. Напротивъ, „ѳемы“ были войскомъ провинціальнымъ и призывались въ столицу только въ исключительныхъ случаяхъ. Чтобы привести къ повиновенію „ѳемы“, правительство прибѣгало къ системѣ передвиженія ихъ съ мѣста на мѣсто, къ штрафамъ и конфискаціи имущества. „Тагмы“ обыкновенно встрѣчаются въ описаніяхъ парадовъ и военныхъ смотровъ въ Константи-

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

нополѣ, при торжественныхъ царскихъ выходахъ и пріемахъ иностранцевъ. Начальники „тагмъ“ были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и важными придворными чинами. Далѣе, изъ источниковъ видно, что каждый округъ („ѳема“) выставлялъ опредѣленный отрядъ военныхъ людей, который часто удерживалъ названіе „ѳемы“ и при включеніи въ войско. Такъ какъ изо всего сказаннаго слѣдуетъ, что подъ „ѳемами“ разумѣлось земское войско, выставляемое отдѣльными округами, то не лишено значенія и то наблюденіе, что „ѳемы“ въ походѣ часто сохраняли свой гражданскій характеръ и свое управленіе и судей. Вопросъ о „тагмахъ“ и „ѳемахъ“ имѣетъ большой интересъ съ точки зрѣнія исторіи византійскихъ учрежденій. „Ѳемы“ были главною силой византійскаго войска, они современны преобразованію Восточной Имперіи въ Византійскую. Такъ какъ сила „ѳемы“ основывалась на мелкомъ землевладѣніи, то понятно, что исторія земскаго войска должна была раздѣлять судьбы исторіи мелкаго землевладѣнія; мало того, можно сдѣлать и еще заключеніе, что сила Имперіи была въ зависимости отъ „ѳемъ“. Если „ѳемы“ не были собраны въ Константинополѣ, то онъ не могъ оказывать значительнаго сопротивленія врагамъ. Такъ какъ становится доказаннымъ, что славянская колонизація Восточной Имперіи въ VI—VII вѣкѣ существенно обусловила организацію землевладѣнія въ Византіи, давъ преобладаніе интересамъ мелкаго землевладѣнія (общиннаго), то вопросъ о военномъ устройствѣ переходитъ въ вопросъ изученія Славянства въ Византіи, и въ этомъ докладчикъ видитъ самую важную и настоятельную для насъ задачу изученія Византіи.

2. П. Н. Милюковъ прочелъ *О времени и мѣстѣ дѣйствія записки греческаго топарха* (томъ III, 278—289).

В. З. Завитневичъ, возражая докладчику, опирался на важность хронологическаго указанія, сдѣланнаго единственнымъ очевидцемъ рукописи, Газе, и привелъ свое предположеніе о пріуроченіи записки топарха (*В. Завитневичъ:* „Владиміръ Святой, какъ политическій дѣятель“. Кіевъ, 1888 г.). По этому предположенію, мѣсто дѣйствія есть Тмутаракань, принадлежавшая въ концѣ X в. Хозарамъ, а варваръ, преобладавшій на сѣверъ отъ Дуная,—князь Владиміръ Святой.

М. С. Дриновъ: Объясненіе почтеннаго докладчика вполнѣ согласно съ событіями, происходившими въ концѣ IX и въ началѣ X вв. на Дунаѣ. Я замѣтилъ только два указанія, на которыя можно возразить. Почтенный докладчикъ заявилъ, что слово „василевсъ“, встрѣчающееся въ памятникѣ, относится непремѣнно къ Симеону. Я позволю себѣ припомнить, что титулъ царя Симеонъ принялъ въ 917 году; между тѣмъ, по увѣренію докладчика, памятникъ писанъ ранѣе этого года. Это возраженіе—не важное, потому что слово „василевсъ“ употребляется болѣе въ общемъ значеніи. Другое замѣчаніе—относительно положенія Маврокастрона. Вы считаете доказаннымъ, что это—Аккерманъ, тогда какъ могутъ существовать еще сомнѣнія.

П. Н. Милюковъ: Въ данномъ случаѣ я опираюсь на мнѣніе проф. Василевскаго, которое мнѣ кажется достаточно обоснованнымъ.

М. С. Дриновъ: Что касается хронологическаго опредѣленія Газе, то нѣтъ сомнѣнія, что курсивное письмо у Грековъ существовало уже раньше IX вѣка. Вамъ извѣстна новая теорія нашего письма, которое напоминаетъ, какъ указываютъ, гре-

ческое курсивное письмо. Меня этотъ вопросъ заставилъ обратить на себя вниманіе, и я убѣдился, что тѣ же формы, которыя употребляются въ памятникахъ IX вѣка, употребляются уже и въ VII и VIII в. Газе ошибается, когда говоритъ, что скоропись употребляется только съ IX вѣка.

Ѳ. И. Успенскій указалъ на зыбкость основаній для различныхъ рѣшеній даннаго вопроса. „Тутъ можно говорить только о частностяхъ, а не объ общемъ, такъ какъ мы всегда будемъ спорить".

3. А. А. Дмитріевскій прочелъ: *Нѣсколько замѣчаній о стихѣ новолѣтія по византійскимъ источникамъ.* Въ древне-христіанской Церкви новолѣтіе праздновали въ мартѣ. Слѣды этого обычая и доселѣ держатся въ современной церковной богослужебной практикѣ. Празднованіе съ сентября началось съ XVI вѣка. Обычаи этого праздника описаны въ обрядникѣ Константина Порфиророднаго, а порядокъ литіи изложенъ былъ въ Евангеліяхъ X—XI вѣка. На Русь настоящій обычай перешелъ съ принятіемъ христіанства. Въ церковныхъ обрядахъ празднованія новолѣтія у насъ не было особенныхъ отличій отъ практики греческой церкви, если не считать за особенность прямое указаніе въ концѣ литіи молитвы, надписываемой иногда именемъ митрополита русскаго Илларіона, автора извѣстнаго слова „о законѣ и благодати". По наблюденіямъ докладчика, молитва эта встрѣчается и въ болгарскихъ богослужебныхъ книгахъ на томъ же мѣстѣ, что дало ему основаніе высказать сомнѣніе въ принадлежности настоящей молитвы русскому митрополиту Илларіону.

Въ Александріи новолѣтіе праздновали въ Недѣлю Отцовъ, предъ Пятидесятницей; празднованіе состояло не только изъ совершенія литіи, но изъ водоосвященія на рѣкѣ Нилѣ, который къ этому времени начинаетъ разливаться по равнинѣ, прилегающей къ Александріи. Обычай празднованія новолѣтія въ указанное время былъ оставленъ въ XVIII столѣтіи, а года два назадъ и самый чинъ нильскаго водоосвященія уже перестали практиковать въ Египтѣ. Докладчикъ отмѣтилъ любопытный фактъ изъ исторіи даннаго обычая. Въ 1868 году, при Ахметъ-Али и патріархѣ Ѳеофилѣ, по случаю долгаго невыступленія изъ береговъ рѣки Нила, въ старомъ Каирѣ, близъ мечети Амри, было совершено водоосвященіе совмѣстно греческимъ, коптскимъ, магометанскимъ и еврейскимъ духовенствомъ и, по сказанію современниковъ, Нилъ тотчасъ же сталъ наполняться водой.

4. Е. К. Рѣдинъ прочелъ докладъ: *Свѣтская живопись лѣстницъ Кіево-Софійскаго собора* [1]).

---

[1]) См. Кіево-Софійскій соборъ. Изслѣдованіе древней мозаической и фресковой живописи, Д. Айналова и Е. Рѣдина. Съ 14 рисунками. Спб. 1889 г., стр. 102—136.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

22 января. 10 час. утра.

ОТДѢЛЕНІЕ VIII. Древности восточныя и языческія.

Почетный Предсѣдатель А. А. Цагарели.
Предсѣдатель Отдѣленія Ѳ. Е. Коршъ.
Секретарь Отдѣленія М. В. Никольскій.

1. Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ прочелъ: *О фотографическихъ снимкахъ съ древнихъ армянскихъ евангелій, присланныхъ Александру Антоновичу Цагарелли изъ Галиціи* (т. II, 264—268).

2. И. И. Соловейчикъ прочелъ докладъ: *Новыя данныя о моавитской надписи Меши.*

Подробно изложивъ содержаніе надписи Меши, въ которой этотъ замѣчательнѣйшій изъ моавитскихъ царей повѣствуетъ о своихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Израиля, о своихъ побѣдахъ и завоеваніяхъ израильскихъ городовъ Атарофа, Нево и Іассы, о своихъ постройкахъ, сооруженіяхъ и прочихъ дѣяніяхъ, и указавъ на важное историческое значеніе этого царя, докладчикъ остановился на отношеніи надписи къ свѣдѣніямъ библейскимъ. Въ надписи ничего не говорится о походѣ противъ Меши союзныхъ царей Израиля, Іуды и Эдома, о чемъ повѣствуетъ Библія. По свидѣтельству II книги Царствъ (гл. III), союзники, разбивъ моавитское ополченіе, заперли Мешу въ горной крѣпости Киръ-Керешетѣ. Меша, послѣ неудачной попытки пробиться, отчаявшись въ своемъ положеніи и не видя ни откуда спасенія, взялъ сына своего, первенца и наслѣдника престола, и на стѣнѣ крѣпости, передъ глазами осажденныхъ и осаждающихъ, принесъ его въ умилостивительную жертву Хамосу, верховному богу Моава. Изъ разсказа Библіи не ясно, что̀ собственно произошло вслѣдъ за этимъ; тамъ говорится только объ отступленіи союзниковъ и снятіи осады Киръ-Керешета. Отсутствіе всякаго упоминанія въ надписи объ этомъ походѣ и служило главнымъ основаніемъ, заставлявшимъ ученыхъ относить время сооруженія этой „стелы Меша“ къ царствованію Охозіи или къ первымъ годамъ Іорама, то-есть ко времени *предшествовавшему* упомянутому въ Библіи походу. Но въ новѣйшее время извѣстный французскій семитологъ, Клермонъ Ганно, имя котораго неразрывно связано съ исторіей открытія надписи Меши и которому наука обязана какъ спасеніемъ этого единственнаго въ своемъ родѣ памятника отъ совершеннаго уничтоженія, такъ и постепенными успѣхами въ его чтеніи и объясненіи, обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что реставрированная имъ стела Меши, находящаяся теперь въ Луврскомъ Музеѣ въ Парижѣ, въ ея нынѣшнемъ видѣ, имѣя приблизительно ту же самую ширину и толщину какъ и находящіяся въ томъ же музеѣ египетскія и ассирійскія стелы, значительно уступаетъ имъ въ *вышинѣ*, изъ чего онъ вывелъ заключеніе, что

до насъ дошла только верхняя часть стелы съ надписью и что въ первоначальномъ ея видѣ стела Меши должна была быть *вдвое или втрое выше*, а слѣдовательно и высѣченная на ней надпись *вдвое или втрое длиннѣе*. Основываясь на этихъ указаніяхъ Клермонъ-Ганно, докладчикъ высказалъ предположеніе, что въ недошедшей до насъ части надписи могло заключаться повѣствованіе о томъ самомъ походѣ противъ Меши союзныхъ царей Израиля, Іуды и Эдома, о которомъ упоминаетъ Библія. Такъ 1) названіе „Высота Спасенія", которое Меша далъ воздвигнутому имъ въ честь Хамоса памятнику, содержитъ прямой намекъ на осаду союзниками Киръ-Керешета и спасеніе Меши отъ гибели; 2) на тѣ же факты указываютъ и приведенные въ надписи мотивы этого сооруженія: „я воздвигнулъ высоту эту въ честь Хамоса въ Кархо (цитадели Дайбоши, столицы Меши), „Высоту Спасенія", ибо онъ (то-есть Хамосъ) спасъ меня отъ всѣхъ враговъ (или несчастій) и далъ мнѣ наслажденіе видѣть гибель всѣхъ ненавидящихъ меня". Въ этихъ словахъ Меши заключается новый намекъ на упомянутыя въ Библіи событія, такъ какъ подъ „всѣми врагами и ненавистниками" Меша могъ разумѣть только трехъ союзныхъ царей, предпринявшихъ противъ него извѣстный изъ Библіи походъ; 3) указанные въ первыхъ двухъ пунктахъ названія и мотивы сооруженія воздвигнутаго Мешой памятника рѣшительно противорѣчатъ всему содержанію самой надписи, которая говоритъ только о побѣдахъ и завоеваніяхъ и ничего не знаетъ о спасеніи Меша отъ великой угрожавшей ему опасности. Возникающія отсюда противорѣчія могутъ быть устранены лишь при предположеніи, что въ недошедшей до насъ части надписи заключалось повѣствованіе объ упомянутомъ въ Библіи походѣ противъ Меши союзныхъ царей Израиля, Іуды и Эдома; только при этомъ предположеніи станутъ понятными содержащіеся въ надписи намеки и указанія, которыя иначе представляются совершенно необъяснимыми.

3. Д. А. Хвольсонъ прочелъ: *О развитіи финикійскаго алфавита между семитами и о палеографическомъ способѣ хронологическаго опредѣленія семитскаго письма.*

Докладчикъ высказалъ мнѣніе, что семиты и, между прочимъ, Финикійцы, отъ Египтянъ заимствовали не прямо алфавитъ, а скорѣе только воспользовались отъ нихъ тою идеей, что можно разными іероглифами изображать звуки. Такое мнѣніе Д. А. Хвольсона основано преимущественно на томъ, что египетскій алфавитъ не имѣетъ столько буквъ, какъ семитскій и, кромѣ того, названія знаковъ въ послѣднемъ чисто семитическія. Изобразивъ финикійскій алфавитъ въ древнѣйшей его формѣ, докладчикъ объяснилъ этимологически названія буквъ и старался показать, какимъ образомъ изъ этого алфавита образовались разные другіе семитическіе алфавиты. Далѣе докладчикъ изложилъ главныя причины измѣненій буквъ у разныхъ семитскихъ народовъ и наглядно показалъ на приведенныхъ примѣрахъ, какъ и почему разныя буквы перемѣняются до такой степени, что въ нихъ не остается, повидимому, ни малѣйшаго сходства съ тѣми, изъ которыхъ они развивались. А такъ какъ постепенное измѣненіе буквъ основано на извѣстныхъ найденныхъ уже законахъ, то легко изъ формы буквъ узнать, какія изъ нихъ древнѣйшія и какія болѣе новыя; вслѣдствіе же того, что многіе изъ памятниковъ письменности датированы, легко узнать чѣмъ характеризуется извѣстное начертаніе буквы данной эпохи, а отсюда уже не трудно

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

сдѣлать хронологическое опредѣленіе любому недатированному семитскому памятнику или рукописи.

4. Н. И. Веселовскій прочелъ: *Въ какой степени подтверждаются археологическими данными лѣтописныя извѣстія о смерти Узбекскаго хана Шейбани?* (Томъ III, 290—299).

5. В. Г. Бокъ прочелъ: *О коптскихъ орнаментированныхъ древнихъ тканяхъ* (Томъ III, 218—245).

22-го января. 2 ч. дня.

ОТДѢЛЕНІЕ III. Памятники искусствъ и художествъ.

Почетный Предсѣдатель Д-ръ Гремплеръ.
Предсѣдатель Отдѣленія И. Е. Забѣлинъ.
Секретарь Отдѣленія В. И. Сизовъ.

1. Д. В. Айналовъ прочелъ докладъ *О нѣкоторыхъ классическихъ и христіанскихъ древностяхъ на Выставкѣ.*

Докладъ касался, главнымъ образомъ, изображеній (фантастическаго животнаго) на древней греческой вазочкѣ коллекціи Н. Л. Шабельской и мозаичной иконы св. Николая, изъ собранія Кіевскаго Церковно-Археологическаго Общества (см. во второй части настоящаго тома).

2. И. В. Цвѣтаевъ прочелъ: *„Изученіе римскихъ катакомбъ и его задачи въ будущемъ“*. Въ первой части доклада, посвященной исторіи изученія катакомбъ, И. В. остановился прежде всего на трудахъ „Колумба римскихъ катакомбъ“, оставшихся въ забвеніи съ IX по XVII в., знаменитаго Антоніо Бозіо, который, при замѣчательной энергіи и эрудиціи, открылъ, изслѣдовалъ и описалъ ихъ въ своей Roma Sotteranea (издано по смерти автора, въ 1634 г., мальтійскимъ орденомъ). Трудъ этотъ возбудилъ непрерывавшееся съ тѣхъ поръ вниманіе къ катакомбамъ, но вниманіе не научное: катакомбы посѣщались путешественниками и усердными искателями гробовъ святыхъ, и между тѣмъ какъ ученые по годамъ не спускались туда (Боттари издавалъ рисунки Бозіо, ни разу не побывавъ въ катакомбахъ), въ нихъ варварски хозяйничали копатели, безжалостно разрушая и расхищая драгоцѣнные памятники древности. Со второй половины прошлаго вѣка присоединился сюда еще новый родъ хищничества: по примѣру d' Agincourt' a, увезшаго съ собой нѣсколько образцовъ живописи изъ катакомбъ, хищники стали выламывать и вывозить произведенія живописи: погибла масса медальоновъ, разрушены цѣлые стѣны и потолки. Лишь съ нынѣшнимъ столѣтіемъ дѣло измѣнилось и наступилъ періодъ сохраненія и серьезнаго изученія памятниковъ. Основаніе международнаго археологическаго института въ Римѣ благодѣтельно отозвалось и на изученіи катакомбъ, о которыхъ появились труды Сеттене, Бертолини, Висконти, Либуса, Секки, Рауля Рошетта и другихъ. Французское

правительство въ 40-хъ годахъ снарядило экспедицію для изученія и описанія катакомбъ и дало на нее 240.000 фр. Съ 1841 г. начались труды отца Марки и знаменитаго ученика его Джованни-Баттиста де Росси. Марки издалъ Architettura della Roma Sotterranea, и труды его продолжалъ затѣмъ де Росси. Послѣ 22 лѣтъ подготовительныхъ работъ онъ началъ свое знаменитое изданіе Roma Sotterranea и съ 1864 года издалъ три колоссальныхъ тома. Впродолженіе полувѣковой дѣятельности, де Росси, кустодъ и директоръ раскопокъ катакомбъ, достигъ глубокаго знанія христіанскихъ древностей, въ которомъ не можетъ съ нимъ равняться никто, и, возбудивъ своими трудами массу полезныхъ трудовъ въ Европѣ и Америкѣ, онъ остается колоссомъ между изслѣдователями катакомбъ. Но какъ ни громадны его познанія, какъ ни всесторонни его описанія катакомбъ (къ сожалѣнію громадность труда не даетъ и возможности надѣяться, чтобъ тою же рукою было доведено до конца это грандіозное описаніе),— остаются частные вопросы, въ разработкѣ которыхъ и другіе могутъ принести пользу дѣлу. Таково — изданіе живописи катакомбъ. До 1840-хъ годовъ изслѣдователи пользовались рисунками Бозіо, передававшими содержаніе, но не формы подлинниковъ. Роскошное изданіе французской экспедиціи въ 40-хъ годахъ (Перре) не имѣетъ никакой научной цѣны по крайней неточности рисунковъ: они лишь набрасывались на мѣстѣ, а отдѣлывались и раскрашивались въ Парижѣ, по отмѣткамъ работавшихъ въ Римѣ. Несравненно выше стоятъ рисунки, изданные де Росси въ Imagines Selectae Deiparae Virginis (1855 г.) и въ Roma Sotterranea. Но здѣсь де Росси слишкомъ зависѣлъ отъ художника (изображеніе Божіей Матери въ катакомбахъ Присциллы сдѣлано для него совершенно различно двумя художниками). Эти рисунки не могутъ удовлетворить научнымъ требованіямъ, что происходитъ и отъ изготовленія ихъ обычнымъ, дешевымъ способомъ, и отъ крайней трудности работы въ катакомбахъ, и отъ недосуга де Росси, при массѣ его ученыхъ и административныхъ работъ. И такъ желательно новое изданіе живописи. Нужны копіи большаго масштаба, сдѣланныя болѣе художественно и съ примѣненіемъ для подготовительныхъ работъ хорошей фотографіи. Англичанинъ Паркеръ сдѣлалъ альбомъ фотографій съ живописи катакомбъ, но личный опытъ, при занятіяхъ въ катакомбахъ въ 1889 г., убѣдилъ докладчика (работавшаго вмѣстѣ съ русскимъ художникомъ Ѳ. П. Рейманомъ и фотографомъ-спеціалистомъ Лукетти)—1) въ научной непригодности этого альбома, 2) въ крайней трудности фотографической работы въ катакомбахъ, требующей большого терпѣнія, времени и самоотверженія. Отправляясь изъ Рима въ 8 ч. утра и возвращаясь къ 6-ти, докладчикъ и его спутники успѣвали снять 4 — 8 негативовъ.

За фотографіей слѣдуетъ главная и трудная часть работы—рисунокъ, для котораго калька съ фотографіи служитъ лишь основой. Работа крайне трудна, при тяжести гигіеническихъ условій катакомбъ, при трудности приспособленія освѣщенія (запрещены лампы или много свѣчей, и для яснаго освѣщенія нужно электричество), при блѣдности выцвѣтшихъ красокъ и грязномъ фонѣ. Наконецъ, главное и трудно выполнимое условіе—талантливость и преданность дѣлу живописца. Но при соблюденіи этого условія возможны благіе и плодотворные результаты работы. Какъ опытъ,

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

въ этомъ родѣ докладчикъ представилъ собранію рисунки, сдѣланные подъ его наблюденіемъ и составляющіе начало предположеннаго „Сборника образцовъ живописи римскихъ катакомбъ за первые 4 вѣка". Въ заключеніе своего доклада, г. Цвѣтаевъ представилъ собранію многочисленныя копіи съ фресокъ, снятыя имъ въ катакомбахъ вмѣстѣ съ нашимъ римскимъ художникомъ, Ѳ. П. Рейманомъ, зимою 1889 г. И по своему большому масштабу, и по необыкновенной точности, къ которой стремился г. Рейманъ, выставленныя акварели возбудили общее вниманіе присутствовавшихъ въ засѣданіи, и высказаны были пожеланія, чтобъ эти образцы древнѣйшей христіанской живописи были сначала помѣщены на выставкѣ, а потомъ достойнымъ образомъ изданы въ краскахъ,

3. Н. М. Ядринцевъ прочелъ: „*О слѣдахъ азіатской культуры въ южно-русскихъ и скиѳскихъ древностяхъ.* Съ Геродота изслѣдователи утверждаютъ, что Скиѳы—азіатскаго происхожденія. Но новыя попытки сближать вещи скиѳскія съ чудскими, финскими и сибирскими доселѣ не имѣли для себя достаточнаго матеріала, нынѣ, наконецъ, богато собраннаго въ мѣстныхъ музеяхъ. Докладчикъ разсмотрѣлъ сначала скиѳскіе котлы и сблизилъ ихъ съ такими же котлами, находимыми въ Западной Сибири, въ Барнаульскомъ округѣ, въ Алтаѣ и въ Минусинскомъ округѣ (въ одномъ Минусинскомъ музеѣ ихъ 23, въ Томскомъ университетѣ—14); восточно-азіатское происхожденіе этихъ жертвенныхъ котловъ несомнѣнно. Далѣе докладчикъ сближалъ скиѳскіе боевые топоры съ тѣми, которые во множествѣ находятся въ Алтаѣ и Саянахъ и отчасти доселѣ сохраняются у Киргизовъ. Затѣмъ, мечъ Скиѳовъ—переходъ отъ кинжала, съ рукояткой, близкой къ алтайскимъ бронзовымъ эфесамъ и часто тожественной съ ними, но не имѣющей никакого сходства съ западными, какъ доказалъ уже проф. Анучинъ. Зеркала, подобныя скиѳскимъ, массой находятся въ алтайскихъ могильникахъ, и имѣли на Востокѣ религіозное значеніе. И такое сближеніе является между множествомъ предметовъ, до украшеній включительно. Далѣе Н. М. указывалъ на курганы Скиѳовъ, камни вокругъ ихъ могильниковъ, на каменныхъ бабъ на югѣ Россіи, на кочевыя кибитки Скиѳовъ, обрядъ убіенія людей и животныхъ на могилѣ и способъ убіенія послѣднихъ (по Геродоту): для всего этого есть параллели у азіатскихъ народовъ. Вообще, сравненіе добытаго мѣстнаго матеріала можетъ освѣтить древнія показанія, и изученіе восточной культуры въ состояніи пролить свѣтъ и на такую древнюю культуру, какова скиѳская. Пособить же выполненію этой задачи могутъ лишь мѣстные музеи.

В. Б. Антоновичъ: Я съ величайшимъ вниманіемъ прослушалъ докладъ и почти согласенъ съ общей мыслью, что сравнительное изученіе формъ орудій и предметовъ приводитъ насъ къ установленію аналогіи, какъ, напримѣръ, въ формѣ коньковъ, каменныхъ баранахъ, также въ аналогичныхъ зеркалахъ. Но, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ предметахъ разница названій производитъ нѣкоторое сомнѣніе: я не знаю, какого рода курганы нашъ почтенный сочленъ называетъ скиѳскими, и тѣ-ли это, которые я привыкъ подразумѣвать подъ этимъ именемъ. Относительно нѣкоторыхъ предметовъ, мнѣ кажется, что Н. М. называетъ скиѳскими курганами не тѣ, которые я называю скиѳскими, а уральскіе и пермскіе курганы. Я укажу на чеканы,

на ручки кинжаловъ, на бронзовыя цельты: иногда они встрѣчаются въ скиѳскихъ курганахъ, но очень рѣдко; но эти вещи очень характерны въ пермскихъ и вятскихъ курганахъ. Скиѳскими курганами можно назвать извѣстный типъ, который отличаетъ форма вещей и погребальные обряды, а также извѣстнаго рода находки. Эти курганы можно ограничить 50° сѣверной широты. Мнѣ кажется, многіе изъ сличенныхъ Н. М—чемъ предметовъ въ составъ этихъ кургановъ не входятъ или входятъ какъ исключеніе.

Н. М. Ядринцевъ: Не мнѣ, конечно, разбирать и классифицировать курганы на югѣ Россіи, какіе могутъ быть названы скиѳскими и какіе не могутъ. Я бралъ только древности и опирался на тѣ сочиненія, которыми указаны эти курганы Южной Россіи. Но я выдѣлилъ тѣ, которые находятся на Уралѣ, а тѣмъ болѣе сибирскіе, которые мнѣ извѣстны.

Что касается того, въ большемъ или меньшемъ количествѣ эти вещи находятся въ данныхъ курганахъ, я, дѣйствительно, не имѣлъ этого въ виду, но несомнѣнно въ могилахъ скиѳскихъ попадаются образцы этихъ вещей. Чѣмъ дальше мы идемъ къ Востоку, тѣмъ все болѣе и болѣе этихъ предметовъ, а въ Сибири они въ изобиліи. Этимъ подтверждается, что данные предметы шли съ Востока. Могильникъ Ананьинскій, заключающій въ себѣ массу древностей, причисленъ къ скиѳскимъ, и его я нахожу посредствующимъ звеномъ между курганами южными и сибирскими.

4. В. М. Михайловскій прочелъ: *Первобытное искусство и образное письмо (пиктографія) по этнографическимъ даннымъ.* Докладчикъ указалъ на значеніе въ историческихъ наукахъ историческаго метода. Этнографія представляетъ главный матеріалъ для сравнительнаго изученія первобытно-археологическихъ фактовъ. Доселѣ мало пользовались этнографіей для изученія первобытнаго искусства. Цѣль доклада —доказать возможность такой работы. Предметомъ докладчикъ избралъ рисунки дикарей, по причинѣ связи такого рода первобытнаго искусства съ началомъ письма.

На шести таблицахъ были представлены 45 изображеній рисунковъ Бушменовъ въ южной Африкѣ, Австралійцевъ, дикарей Бразиліи, Эскимосовъ въ С. Америкѣ, Чукчей въ Сѣверной Азіи. Начертанія на скалахъ по Енисею и шаманскіе бубны у Алтайцевъ и Остяковъ, съ символическими рисунками на кожѣ, представляютъ переходъ къ образному письму и напоминаютъ пиктографію у сѣверо-американскихъ Индійцевъ. У послѣднихъ представляется возможность прослѣдить всѣ ступени въ развитіи письма отъ образнаго до іероглифовъ, выражающихъ фонетическіе слоги и наконецъ самые простые элементы звуковъ (буквы). Календарь-лѣтопись племени Дакота, отрывокъ шаманской хартіи, письмо племени Одумбуэ и пиктографическое письмо одного краснокожаго къ сыну послужили образчикомъ образнаго письма. Слѣдующая ступень—переходъ идеографическаго письма къ фонетическому при помощи іероглифовъ, передающихъ слоги, была указана у ацтековъ. Азбука племени Майя, на Юкатанѣ, заключила ходъ развитія американскихъ іероглифовъ. Слѣды побѣднаго хода въ образованіи іероглифовъ были указаны докладчикомъ въ іероглифахъ Египта и въ вавилоно-ассирійской клинописи. Въ заключеніе докладчикъ отмѣтилъ, что различные роды искусства (рисунокъ, орнаментъ) и культура у разныхъ дикихъ наро-

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

довъ распредѣлены неравномѣрно. Такіе, напримѣръ, дикари, какъ Бушмены, признаваемые однимъ изъ низшихъ по развитію народовъ, стоятъ въ искусствѣ выше болѣе цивилизованныхъ Кафровъ.

---

22 января. $7^1/_2$ час. вечера.

ОТДѢЛЕНІЕ IX. Памятники археографическіе.

Почетный Предсѣдатель В. С. Арсеньевъ.
Предсѣдатель Отдѣленія баронъ Ѳ. А. Бюлеръ.
Секретарь Отдѣленія графъ Н. С. Ланской.

1. А. А. Дмитріевскій прочелъ докладъ подъ заглавіемъ: „*Архивъ Греческаго Нѣжинскаго Братства*". Архивъ этотъ сохранился не въ цѣломъ видѣ: онъ значительно пострадалъ отъ расхищенія прежними владѣтелями и небрежнаго храненія настоящими. Въ немъ однако сохраняются документы любопытные для исторіи колонизаціи южно-русскаго края. По сохранившимся документамъ довольно полно очерчиваются внутренній и внѣшній бытъ названнаго общества и его отношенія къ мѣстному населенію. Докладчикъ просилъ членовъ Съѣзда принять зависящія мѣры къ сохраненію этого злополучнаго архива.

Д. И. Багалѣй, указавъ на интересъ, представляемый сообщеніемъ докладчика, выразилъ желаніе узнать, какого объема Архивъ, какое время онъ обнимаетъ и къ какому періоду относятся дѣла Нѣжинскаго Братства.

Въ вопросѣ о помѣщеніи Архива, онъ вполнѣ присоединялся къ мнѣнію докладчика, что Архиву этому мѣсто въ Историческомъ Архивѣ Харьковскаго Университета. Тамъ уже образованъ областной Архивъ, гдѣ хранятся дѣла Малороссійскихъ колоній, дѣла харьковскихъ учрежденій и всѣ дѣла Полтавскаго архива. Архивъ Нѣжинскаго Братства будетъ дополнительнымъ Архивомъ при Харьковскомъ Университетѣ, находясь при томъ въ тѣсной связи съ Архивомъ Малороссійскихъ колоній. Въ тѣхъ дѣлахъ, которыя находятся въ Харьковскомъ Архивѣ, Д. И. находилъ дѣла, относящіяся къ исторіи Нѣжинскаго Братства, и число ихъ такъ велико, что одному изъ изслѣдователей явилась мысль дать исторію Греческаго Нѣжинскаго Братства въ связи съ исторіей другихъ иностранныхъ поселенцевъ. Для этой работы и для многихъ этотъ вновь присоединенный Архивъ представитъ драгоцѣнный матеріалъ. Внѣшнія препятствія для передачи Архива Харьковскому Университету врядъ ли могутъ встрѣтиться.

А. А. Дмитріевскій: Я бы съ удовольствіемъ исполнилъ ваше желаніе, указавъ объемъ Архива; но вы видѣли, что порядка въ этомъ Архивѣ нѣтъ. Сколько мнѣ удалось замѣтить, дѣла хранятся съ 1696 г. по 1872 г., т. е. по день закрытія Греческаго Нѣжинскаго Братства. Первый періодъ, древнѣйшій, очень тощъ, потому что большинство документовъ было разграблено самими Греками. Сказать, сколько дѣлъ

сохранилось, я не могу. Я выбиралъ только интересныя дѣла; дѣла побочныя я совершенно не осматривалъ. Отъ XVIII и XIX вѣка сохранилось очень много документовъ. Общее количество дѣлъ будетъ около 10.000.

Все это лежитъ въ комнатѣ въ одно окно. Въ длину комната шаговъ 8, въ ширину 4 шага. Тутъ есть универсалы гетманскіе и митрополитовъ Кіевскихъ, они всѣ сохранены, за исключеніемъ одного. Они хранятся при церкви

Бар. Бюлеръ: Надо ходатайствовать о сохраненіи Архива передъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Д. И. Багалѣй: Харьковскому Университету пришлось бы такимъ же путемъ дѣйствовать, какъ относительно Полтавскаго Архива: посредствомъ Совѣта обратиться къ Министру Народнаго Просвѣщенія и ходатайствовать черезъ него передъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

На пожеланіе одного изъ членовъ, чтобъ Архивъ остался, если возможно на мѣстѣ и былъ разработанъ мѣстными силами, докладчикъ пояснилъ:

Что касается мѣстныхъ силъ, я долженъ вамъ сказать, что силы были и есть, но никто не занимался Архивомъ. Въ Нѣжинѣ существовалъ Юридическій Лицей Князя Безбородко, но никто не воспользовался юридическими документами, которыхъ въ Архивѣ много. Въ настоящее время есть тамъ Институтъ классическій князя Безбородко; но Архивъ Нѣжинскій написанъ на ново-греческомъ языкѣ курсивомъ и написанъ такъ, что съ трудомъ читается, и охотниковъ читать этотъ архивъ тамъ не находилось. Классики Института больше интересуются натурой греческихъ боговъ, а прошлымъ своего города они вовсе не интересуются. Найдется ли кто въ будущемъ, я не знаю.

Тамъ хотѣли основать археологическое Общество, но начальство Института не нашло этого нужнымъ. Поэтому нѣтъ надежды, чтобъ въ будущемъ эти документы нашли изслѣдователей изъ мѣстныхъ жителей. Между тѣмъ, въ Харьковѣ, при посредствѣ Д. И. Багалѣя, молодыя силы могутъ взяться за разборку этого Архива и создадутъ нѣчто полезное для науки.

2. А. А. Гоздаво-Голомбіевскій—прочелъ докладъ: *О столахъ Разряднаго приказа въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XVII вѣка.* Докладчикъ указалъ на невѣрность метода профессора Загоскина, писавшаго о столахъ Разряда. Проф. Загоскинъ положился на распредѣленіе дѣлъ по столамъ, существующее въ настоящее время въ Архивѣ Министерства Юстиціи, между тѣмъ это распредѣленіе приходится признать совершенно произвольнымъ. Вслѣдствіе этого для рѣшенія вопроса о столахъ, нужно найти другое средство, и такимъ средствомъ являются старыя описи (1668 г.) и особый видъ „Записныхъ книгъ“ приказа („реестры входящихъ“ нашего времени). На основаніи изученія этихъ двухъ документовъ, А. А. Голомбіевскій приходитъ къ заключенію, что въ 60 и 70 гг. XVII вѣка въ Разрядѣ было не 9 столовъ, а всего только пять: *Московскій*, *Новгородскій*, *Хлѣбный*, *Приказный* или *Послужной* и *Денежный* (остальные столы возникли позднѣе). Каждый столъ дѣлился на повытья, находившіяся въ завѣдываніи старыхъ подъячихъ со справою. *Московскій* столъ велъ подробныя записи всѣхъ выдающихся событій государственной и дворцовой жизни,

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

затѣмъ вѣдалъ высшій классъ служилыхъ людей, полковыя дѣла (и то и другое исключая Новгородскаго разряда) и составлялъ „годовыя смѣтныя книги“, т. е. отчеты о состояніи государства въ военномъ отношеніи. Кромѣ того, къ Московскому столу принадлежала территорія приблизительно въ 90 городовъ „Рязанскихъ“, „Замосковныхъ“, „Заоцкихъ“, „Тульскихъ“ и Бѣлгородскаго и Сѣвскаго полковъ. Старые города вѣдались столомъ только въ военномъ отношеніи „службой“, южные же во всѣхъ отношеніяхъ, исключая доходовъ денежныхъ и хлѣбныхъ, и судныхъ дѣлъ, которые вѣдались въ другихъ столахъ, при чемъ нѣкоторые изъ этихъ городовъ вѣдались въ Разрядѣ, а не въ Помѣстномъ приказѣ. Въ *Новгородскомъ* столѣ болѣе 30 городовъ, при чемъ одни „Замосковные“ вѣдались только „службою“, а города „Новгородскаго разряда“ во всѣхъ отношеніяхъ, исключая денежныхъ доходовъ. Третій столъ *Хлѣбный* имѣлъ территорію въ 8 городовъ Сѣвскаго полка, кромѣ того, вѣдалъ хлѣбные запасы, посылку на Донъ и постройку съ этою цѣлью судовъ („донской отпускъ“ и „струговое дѣло“). *Приказный* столъ велъ списки службѣ, раненымъ, убитымъ, плѣннымъ какъ русскимъ, такъ иноземцамъ, вѣдалъ пріемъ и допросъ выходцевъ изъ-за рубежа и пр. Въ этомъ столѣ сосредоточивалась судебная дѣятельность приказа и свѣдѣнія о подсудимыхъ. Кромѣ того, частью въ самой Москвѣ, столу принадлежала полицейская власть: такъ, сюда подавались „объѣзжими головами“—„объѣзжія книги“, составлявшіяся для обереганія города отъ пожаровъ. Приказный столъ имѣлъ сравнительно небольшую территорію, а именно Тамбовъ и Козловъ съ пригородами. Наконецъ, послѣдній столъ—*Денежный*—вѣдалъ приблизительно по 70 южнымъ городамъ всѣ денежные, таможенные, кабацкіе и оброчные доходы, а также выборъ, назначеніе и отчетность головъ, цѣловальниковъ и откупщиковъ этихъ статей. Докладчикъ указалъ, что въ своемъ сообщеніи онъ желалъ намѣтить только методъ, окончательное же рѣшеніе вопроса о кругѣ дѣятельности каждаго стола требуетъ дальнѣйшей работы [1]).

3. Ѳ. Ѳ. Лашковъ сдѣлалъ сообщеніе:—*Къ вопросу объ устройствѣ губернскихъ историческихъ архивовъ* (т. II, 209—212).

А. В. Селивановъ: Кромѣ Нижегородской Арх. Комм., отмѣченной докладчикомъ, Коммиссіи Тверская и Рязанская также имѣютъ свои помѣщенія, хотя не въ отдѣльномъ зданіи, но въ зданіи губернскихъ присутственныхъ мѣстъ.

Что касается матеріальной безпомощности архивныхъ коммиссій, то въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, и несомнѣнно желательно и то, чтобы у каждой архивной коммиссіи были средства, чтобъ были даны субсидіи. Но 200 р. капля въ морѣ. Теперь многія коммиссіи имѣютъ больше, и то этого недостаточно.

Подробно говорить о томъ, что желательно сдѣлать для архивн. коммиссій, что нужно для развитія ихъ дѣятельности,—пока преждевременно. Мы еще такъ недавно существуемъ. Старѣйшая изъ насъ существуетъ всего 5 лѣтъ, а послѣдняя основана чуть не въ прошломъ году. Чтобы выработать общій уставъ для коммиссій нужно время. Рязанская коммиссія приступила къ осуществленію этой задачи, т. е. за свой

---

[1]) Докладъ напечатанъ въ Ж. М. Н. Пр. 1890 г. Іюль.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

5-лѣтній опытъ выработала нѣкоторыя правила и нашла необходимымъ приступить къ болѣе подробной регламентаціи своей дѣятельности. Тотъ уставъ, который она имѣетъ въ виду выработать, будетъ готовъ не ранѣе, какъ черезъ годъ. Нѣкоторыя коммиссіи найдутъ преждевременнымъ и теперь еще приступить къ выработкѣ устава и потому лишнее на Съѣздѣ въ настоящее время предлагать какія-нибудь мѣры въ этомъ отношеніи.

Я выскажу только свои соображенія относительно передачи въ историческіе архивы дѣлъ изъ другихъ вѣдомствъ. Это желаніе, какъ оно ни естественно, но совершенно неудобно. Трудно допустить, чтобы какое-либо Министерство, какое-либо учрежденіе согласилось на обязательную передачу отъ себя всѣхъ дѣлъ, которыя оно хранитъ въ своемъ архивѣ и предназначаетъ для вѣчнаго храненія. Никакое учрежденіе не откажется отъ передачи многихъ изъ своихъ дѣлъ, если оно признаетъ это возможнымъ, признаетъ, что то учрежденіе, куда оно передаетъ, дѣйствительно въ состояніи сохранить эти дѣла отъ уничтоженія. Но такъ какъ наши ученыя архивныя коммиссіи—учрежденія не совсѣмъ правительственныя, поставленныя не такъ, какъ бы слѣдовало, не имѣютъ даже вполнѣ цѣлесообразно устроеннаго помѣщенія, такъ какъ составъ ихъ—временный, случайный, гдѣ должностныя лица выборныя, то при такихъ условіяхъ сдѣлать обязательной передачу дѣлъ изъ другихъ вѣдомствъ невозможно. Совсѣмъ иное дѣло—передача въ эти учрежденія тѣхъ дѣлъ, которыя подлежатъ уничтоженію. Это было предусмотрѣно Высочайшимъ положеніемъ, въ силу коего дѣла предназначенныя къ уничтоженію, несомнѣнно могутъ быть передаваемы въ такія учрежденія, которыя созданы для того, чтобы спасти тѣ изъ дѣлъ, которыя имѣютъ историческое значеніе. О правѣ коммиссіи на эти дѣла не можетъ быть и рѣчи. Но дѣла, которыя само вѣдомство считаетъ важными, едва ли можно допустить, чтобы оно согласилось на передачу ихъ въ какое бы то ни было учрежденіе.

Что касается пожеланія, чтобы члены архивныхъ коммиссій имѣли доступъ во всѣ архивы, то это желаніе вполнѣ естественное и мы насколько возможно пользуемся этимъ доступомъ. Я думаю, что всѣ архивныя коммиссіи могутъ этого права добиться, но невозможно добиться того права, о которомъ проситъ г. Лашковъ: чтобы дѣла изъ разныхъ архивовъ передавались на домъ, на руки лицъ, которыя желаютъ ими заняться. Можно этого достигать по добровольному соглашенію, хотя и это не совсѣмъ удобно: дѣла архивныя не должны никуда передаваться изъ архивовъ. Сдѣлать же обязательнымъ давать дѣла на домъ членамъ архивныхъ коммиссій, я считаю невозможнымъ.

(На указаніе бар. Бюлера): Желаніе докладчика, чтобъ губернскія архивныя коммиссіи обратились въ отдѣленіе Археографической коммиссіи—неправильно, потому что цѣли, которыя преслѣдуются Археографической Коммиссіею совсѣмъ иныя, чѣмъ тѣ, которыя преслѣдуютъ архивныя коммиссіи, хотя онѣ занимаются однимъ дѣломъ.

Бар. Бюлеръ: Я раздѣляю Ваше мнѣніе, что невозможно отпускать дѣла на домъ, тѣмъ болѣе, что были факты, когда погибали памятники. Но можно бы было добиться того, чтобы было постановлено отпускать дѣла изъ Архивовъ въ Коммиссіи

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

съ условіемъ, чтобы члены занимались въ самомъ помѣщеніи. Дѣла Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ не высылаются иначе, какъ по Высочайшему повелѣнію.

А. К. Жизневскій: Тверская коммиссія получаетъ писцовыя книги изъ Моск. Архива Мин. Юстиціи и пользуется ими въ Архивѣ. Я раздѣляю мнѣніе А. В. Селиванова, что архивныя коммиссіи отъ необезпеченности своей должны довольствоваться той долей довѣрія, которая нужна лишь для передачи дѣлъ, подлежавшихъ уничтоженію. Дѣла, которыя Министерство назначаетъ для вѣчнаго храненія, иначе передавать нельзя, какъ съ разрѣшенія Мнистерства.

А. С. Гацискій, возражая А. В. Селиванову, указалъ на примѣръ Нижегородской коммиссіи, ходатайствовавшей передъ Министерствомъ Юстиціи о передачѣ ей всѣхъ архивныхъ дѣлъ идущихъ изъ Окружнаго Суда, и получившей разрѣшеніе на эту передачу. По отношенію же ко всѣмъ предложеніямъ г. Лашкова, А. С. высказался противъ общаго ходатайства со стороны Съѣзда: удобнѣе, чтобы каждая коммиссія разрѣшала сама встрѣчающіяся затрудненія и вопросы тѣмъ или другимъ путемъ, болѣе яснымъ ей на мѣстѣ.

А. В. Селивановъ: Тотъ примѣръ, который вы привели, что многія учрежденія охотно передаютъ свои дѣла, нисколько не служитъ опроверженіемъ того, что я говорилъ. Я самъ убѣжденъ въ томъ, что, если будетъ дано право разнымъ учрежденіямъ передавать въ историческіе архивы свои дѣла, громадное большинство охотно передастъ ихъ, но имѣть право передавать и быть постановленнымъ въ обязанность передавать—иное дѣло. Я противъ того, чтобы учрежденія были поставлены въ обязанность передавать, но они вправѣ передавать. Этимъ правомъ мы пользуемся, т. к. въ Рязанскій историческій архивъ переданы дѣла изъ Архива Губернскаго Правленія дѣла XVII вѣка, какъ и дѣла изъ разныхъ монастырскихъ архивовъ.

А. Ѳ. Селивановъ предложилъ ходатайствовать о правѣ членамъ архивныхъ коммиссій осматривать архивы монастырскіе и церковные и докладывать, въ случаѣ надобности, о плохомъ ихъ состояніи.

А. Н. Львовъ: Я позволю себѣ привести маленькую архивную справку, такъ какъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ возникновенія положенія объ Архивныхъ Коммиссіяхъ въ Археологическомъ Институтѣ. Въ исторіи положенія найдутся не только всѣ пожеланія, которыя были высказаны г. Лашковымъ, но и многія другія. Покойный Калачовъ, хорошо знакомый съ архивнымъ дѣломъ, съ положеніемъ его у насъ въ Россіи и съ отношеніемъ къ этому дѣлу, при обсужденіи мнѣній, которыя были собраны отъ знатоковъ, не нашелъ возможнымъ ввести въ положеніе болѣе того, что было сдѣлано, не разсчитывая иначе на его осуществленіе.

Можно съ вѣроятностью полагать, что если Съѣздъ возбудитъ ходатайство по поводу положеній г. Лашкова, то результаты будутъ отрицательные. Если бы всѣ архивныя коммиссіи имѣли возможность обмѣниваться мыслями о своемъ положеніи и выработать что-нибудь общее, основанное на практической почвѣ, тогда еще заключенія ихъ имѣли бы какое-нибудь практическое значеніе; а то одна коммиссія скажетъ одно, другая—другое. Совершенно вѣрно было высказано, что всѣ эти пожеланія скорѣй всего могутъ пока осуществиться на мѣстѣ по взаимному соглашенію.

Что касается отдѣльныхъ положеній, высказанныхъ въ видѣ возраженія противъ г. Лашкова, о правѣ членовъ архивн. коммиссій посѣщать архивы духовные, то этотъ вопросъ, какъ и нѣкоторые другіе, могъ бы войти въ сферу обсужденія, которое имѣетъ быть по поводу тѣхъ ходатайствъ, которые Съѣздъ вообще имѣетъ представить г. Министру Народнаго Просвѣщенія. Въ одномъ изъ прошлыхъ засѣданій было заявлено о печальномъ положеніи Губернскихъ Архивовъ и Съѣздъ будетъ ходатайствовать, чтобы было выработано общее положеніе объ управленіи этихъ архивовъ и предполагается передать составленіе Положенія или той Коммиссіи Архивной, которая была учреждена Калачевымъ, или Археологическому Институту. Если бы это ходатайство Съѣзда осуществилось и Правительство нашло бы нужнымъ составить новое положеніе, общее для всѣхъ вѣдомствъ, то не лучше ли было бы заявленіе г. Лашкова передать или въ Институтъ, или въ Коммиссію, которая будетъ обсуждать детали этого Положенія и которая приметъ во вниманіе эти заявленія, тѣмъ болѣе, что это — центральныя учрежденія, и ихъ заявленія будутъ имѣть вѣсъ, когда поднимется общій вопросъ.

А. В. Селивановъ: Съѣзду слѣдуетъ выразить полное сочувствіе относительно изданія Положенія.

Бар. Бюлеръ: И ходатайствовать, чтобы члены архивныхъ коммиссій имѣли право посѣщать не только свѣтскіе архивы, но и духовные.

А. К. Жизневскій: Все, что происходило въ засѣданіяхъ, посвященныхъ архивному дѣлу, должно быть сообщено Археологическому Институту.

4 и 5. А. Ѳ. Селивановъ прочелъ два доклада В. В. Птицына: а) *Киренскій архивъ* и в) *Остатки архивовъ и древностей въ г. Илимскѣ, Иркутской губерніи* (Томъ III, 331—336).

---

22 января. 7½ час. вечера.

ОТДѢЛЕНІЕ II. Древности историко-географическія и этнографическія.

Почетный Предсѣдатель В. З. Завитневичъ.
Предсѣдатель Отдѣленія В. Б. Антоновичъ.
Секретарь Отдѣленія П. Н. Милюковъ.

1. Н. И. Веселовскій прочелъ докладъ: *Иванъ Даниловичъ Хохловъ.*—У насъ весьма рѣдки свѣдѣнія о предшествовавшей жизни посланниковъ Московской Руси, о школѣ, въ какой могли вырабатываться эти характеры, замѣчательные непоколебимой стойкостью и вѣрностью долгу. Докладчикъ отчасти привелъ, отчасти изложилъ свѣдѣнія такого рода, имѣющіяся объ Иванѣ Хохловѣ, посланномъ въ 1620 г. въ Бухару. Боярскіе дѣти, Василій и Иванъ Хохловы выступаютъ на службу стрѣлецкими головами въ Казани, по мѣсту родины. Въ 1606 г. Иванъ отбывалъ годовую службу на Терекѣ, когда пріѣхалъ туда же Василій, приводить терцевъ къ присягѣ царю Василію. Терскіе люди креста не цѣловали, Хохловыхъ же избили и продер-

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

жали въ тюрьмѣ полтора года, а затѣмъ отослали Ивана въ Астрахань, откуда, впослѣдствіи, Заруцкій отправилъ его неволею, какъ говоритъ Хохловъ, посломъ отъ себя и и отъ Марины къ персидскому Шаху Аббасу. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ приказалъ своему послу, Тихонову, объяснить Шаху положеніе дѣлъ на Руси и требовать выдачи Хохлова, пребывавшаго тогда еще въ Персіи. Шахъ согласился на выдачу Хохлова (который, по пріѣздѣ пословъ, принесъ имъ повинную), но при этомъ просили Царя о совершенномъ помилованіи Ивана, и все время пребыванія пословъ оказывалъ вниманіе и Хохлову. По пріѣздѣ въ Россію, Хохлову назначено жить за приставомъ. Спустя нѣкоторое время, онъ подалъ, однако, челобитную, въ которой говорилъ, что посланъ былъ въ Персію неволею и государеву имени ни въ чемъ тамъ порухи не учинилъ. Наряженное слѣдствіе доставило благопріятные для Хохлова отзывы о пребываніи его въ Персіи, и Хохловъ былъ отпущенъ на поручную, а затѣмъ и поручная ему возвращена Въ 1620 г. „бухарскій царь Имамъ Кулій" просилъ объ установленіи дружественныхъ, главнымъ образомъ торговыхъ, сношеній съ Россіей. Указано „послать изъ казанцевъ дворянина добра, кто напредъ того бывалъ въ Ногаяхъ и въ иныхъ земляхъ для посольскаго дѣла". Выбрали Хохлова, который собрался въ недѣлю, „займуючи деньги въ кабалы", чтобъ не терять времени. Что потерпѣлъ Хохловъ отъ Туркменъ, Хивинцевъ и Бухарцевъ, подробно изложено въ превосходномъ статейномъ спискѣ Хохлова, напечатанномъ въ сборникѣ кн. Хилкова. Къ числу заслугъ его относится возвращеніе русскихъ плѣнныхъ и привлеченіе на русскую службу царевича хивинскаго Авгана. Убытковъ Хохлову за посольство учинилось 472 рубля. За посольство Хохловъ былъ пожалованъ наградами, и убытки уплачены ему по челобитной и росписи [1]).

2. А. Ѳ. Селивановымъ былъ прочтенъ докладъ И. И. Дубасова: *Объ Онозѣ на Воронежѣ* (Томъ III, 319—320).

3. А. А. Ивановскій сообщилъ:—*Къ вопросамъ:* а) *о существованіи совмѣстнаго обряда погребенія и сожженія;* б) *о каменныхъ бабахъ* и в) *о намогильныхъ камняхъ—по даннымъ современной этнографіи.*

Въ засѣданіи 20 января гг. Завитневичъ, Смирновъ и Анучинъ говорили о значеніи этнографіи для археологіи, высказавъ желаніе о возможно широкомъ примѣненіи въ археологіи сравнительнаго метода. Присоединяясь къ ихъ мнѣнію, докладчикъ, съ своей стороны, пробуетъ приложить къ тремъ вопросамъ археологіи данныя этнографическія, добытыя имъ въ поѣздкахъ: 1888 г. на Китайскую границу къ Киргизамъ и въ 1889 г. къ тарбагайскимъ Торгоутамъ Китайской Имперіи.

У Торгоутовъ (потомки части западно-монгольскихъ ордъ) доселѣ существуетъ рядомъ *сожженіе и „погребеніе"*. Сожигаютъ: 1) духовныхъ лицъ (за исключеніемъ, крайне рѣдкимъ, случая доказаннаго нарушенія обѣта безбрачія лицами, коимъ безбрачіе обязательно); 2) князей областей (у Торгоутовъ имя этихъ князей „ванъ" или „банъ", у киргизовъ „онъ"; у тарбагайскихъ Торгоутовъ ихъ 3, у алтайскихъ — 5); 3) лицъ особенно и всеобще почтенныхъ, любимыхъ и уважаемыхъ при жизни; сож-

[1]) Докладъ напечатанъ въ Журналѣ Н. М. П. за 1891 г., Январь.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

женіе женщинъ крайне рѣдко: но 18 лѣтъ тому назадъ сожжено было тѣло матери, родившей 28 дѣтей. Остальные трупы бросаются на съѣденіе собакамъ.

Съ сожженіемъ соединена постановка *бабъ*. Пепелъ умершаго смѣшивается съ глиной, изъ коей лѣпится изображеніе его, которое и ставится на мѣстѣ сожженія. Эти глиняныя бабы, какъ и древнія каменныя, называются „кошачулу". Отмѣну постановки каменныхъ бабъ Торгоуты объясняютъ совѣтомъ знаменитаго ихъ героя Мэркыта и землетрясеніемъ, при которомъ разбились каменныя бабы. Въ правой рукѣ каждой бабы необходимъ сосудъ, чтобы положить въ него часть пепла: часть эта нужна будетъ ангелу для воскрешенія умершаго (у погребенныхъ для этого служатъ волосы). Когда бабы дѣлались изъ камня, пепелъ клался подъ бабу, а часть—въ крышку. Кинжалъ при поясѣ изображается у лицъ, носившихъ его при жизни: поэтому нѣтъ кинжала у изображенія духовенства. Крайне рѣдкіе случаи, гдѣ кинжалъ не виситъ поверхъ пояса, а заткнутъ за поясъ, указываютъ, что такъ носилъ кинжалъ покойный князь послѣднее время жизни, въ знакъ того, что, по старости или иной причинѣ, отказался отъ власти въ пользу старшаго сына. Кружки, вершка $1^1/_2$ въ діаметрѣ, привѣшенные къ поясу—тѣ мѣшечки, что и теперь носятъ Торгоуты, храня въ нихъ жирный лоскутъ для смазки тетивы лука.

Могилъ съ предшествующимъ *рядомъ камней*, идущимъ на востокъ, докладчикъ видѣлъ 60 (изъ коихъ 40 на вершинахъ Тарбагатая). Это такіе же ряды, (каждый камень не выше аршина), какіе видѣли гг.: Потанинъ въ Сѣв.-Зап. Монголіи, Клеменцъ—въ Минусинскомъ округѣ, Ядринцевъ—на Алтаѣ, въ долинѣ Кок-су и на Орхонѣ. Китайскія лѣтописи говорятъ, что это могилы Дулгасовъ, народа жившаго на южномъ склонѣ Алтая, и что Дулгасы ставили при могилѣ обликъ покойнаго и описаніе сраженій, гдѣ онъ бился, а рядъ камней указываетъ на число убитыхъ имъ враговъ. („О народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена" перев. о. Іакинѳа, Спб. 1851, ч. I, стр. 270). Докладчикъ считаетъ это объясненіе неправдоподобнымъ и взамѣнъ его указываетъ на обычай, доселѣ встрѣчающійся (и постепенно пропадающій) у Китайскихъ Киргизовъ: каждый изъ родственниковъ умершаго, присутствующій на погребеніи, приноситъ съ собою и кладетъ на могилу камень, какой ему подъ силу. Прежде и Киргизы ставили камни въ рядъ; причинъ перемѣны они приводятъ двѣ: 1) сохраненіе могилъ отъ волковъ, 2) наступленіе у нихъ бѣдности въ землѣ: земля съ камнями принадлежитъ покойникамъ и на ней нельзя ни ставить кибитки, ни пасти скотъ.

Что касается направленія рядовъ на *востокъ*, куда обращены лицомъ и бабы на могилахъ, то это докладчикъ объясняетъ религіозными вѣрованіями, по которымъ, можетъ быть, душа должна была идти на востокъ въ рай.

4. Н. Л. Гондати прочелъ докладъ Н. Е. Бранденбурга:—*Къ вопросу о каменныхъ бабахъ* (томъ III, 13—18).

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

23 января. 10 часовъ утра.

ОТДѢЛЕНІЕ V. Древности церковныя.

Почетный Предсѣдатель А. И. Маркевичъ.
Предсѣдатель Отдѣленія Н. В. Покровскій.
Секретарь Отдѣленія Н. Ѳ. Красносельцевъ.

1. А. В. Праховъ въ обширномъ сообщеніи доложилъ о своемъ открытіи и *изслѣдованіи Мстиславова Владиміро-Волынскаго Успенскаго собора XII вѣка*, вызвавъ долгія горячія рукоплесканія слушателей.

2. Н. Ѳ. Красносельцевъ прочелъ о *Новомъ спискѣ русскихъ богослужебныхъ дѣйствъ XVI—XVII вв.* (т. II, 34—37).

3. А. П. Голубцовъ прочелъ докладъ: *Къ вопросу о положеніи искусства въ древне-христіанскомъ обществѣ.*

---

23 января. 10 час. утра.

ОТДѢЛЕНІЕ VI. Памятники славяно-русскаго языка и письма.

Почетный Предсѣдатель А. И. Соболевскій.
Предсѣдатель Отдѣленія А. И. Кирпичниковъ.
Секретарь Отдѣленія С. І. Долговъ.

1. С. І. Долговъ прочелъ докладъ: *Анонимныя описанія Іерусалима.*

Въ нашей старинной литературѣ, кромѣ ряда описаній Іерусалима и Палестины, составленныхъ паломниками и вошедшихъ въ ихъ Хожденія, есть нѣсколько описаній безыменныхъ. До послѣдняго времени подобныя описанія только заносились въ указатели по нашей Палестинской литературѣ, а ихъ происхожденіе и литературная исторія оставались неизвѣстны. Почти всѣ они относятся къ числу памятниковъ переводныхъ: одни съ латинскаго, другія съ греческаго языка. Въ 1887 году докладчикъ познакомилъ членовъ Моск. Арх. Общества съ однимъ, наиболѣе крупнымъ, описаніемъ такого рода, извѣстнымъ въ нашихъ рукописяхъ подъ заглавіемъ „Іерусалимъ каковъ и кое лице его бѣ во время Христово“. Это описаніе составлено въ 1584 г. голландскимъ аббатомъ Христіаномъ Адрихомомъ и съ латинскаго переведено у насъ въ Юго-западной Россіи въ 1598 г. Съ латинскаго же или съ польскаго

языка переведенъ другой памятникъ литературы этого рода, встрѣчающійся въ нашихъ рукописяхъ подъ заглавіемъ: „Хорографія или топографія сіе сотворенное и извѣстное описаніе Земли Святыя“. Оно принадлежитъ польскому монаху-бернардинцу Ансельму Краковскому, ходившему въ Св. Землю въ 1507—1508 гг. Въ первый разъ это описаніе было издано въ Краковѣ въ 1512 г., русскій переводъ сдѣланъ съ одного изъ послѣдующихъ изданій въ концѣ XVI или началѣ XVII в. Съ греческаго языка переведены 3 анонимныя описанія Іерусалима и Св. Земли. Къ одному изъ нихъ изданный греческій текстъ буквально подходитъ, другое представляетъ особую редакцію извѣстнаго греческаго текста, — третье, хотя не встрѣчается въ изданныхъ греческихъ описаніяхъ Іерусалима, но несомнѣнно греческое. Первое—это такъ называемый „Путникъ о градѣ Іерусалимѣ“, изданный въ 1872 г. во Львовѣ извѣстнымъ галицкимъ ученымъ А. С. Петрушевичемъ. По предположенію Петрушевича, онъ составленъ неизвѣстнымъ галицко-русскимъ паломникомъ между 1597—1607 г. Этотъ „Путникъ“ представляетъ почти буквальный, нѣсколько лишь сокращенный переводъ греческаго анонимнаго проскинитарія, изданнаго Веніаминомъ Іоаннидомъ въ „*Προσκυνητάριον*“ въ 1877 году. Второе описаніе, называющееся въ нашихъ рукописяхъ „Повѣсть къ пользѣ слышащимъ и прочитающимъ о Святѣмъ градѣ Іерусалимѣ“, представляетъ средній текстъ, стоящій то ближе къ аноному, изданному Аляціемъ, то къ проскинитарію Веніамина. Третье описаніе—„Повѣсть о святыхъ и богопроходныхъ мѣстахъ святого града Іерусалима“— написана въ 1651 году въ Москвѣ Гавріиломъ, митрополитомъ Назаретскимъ и ексархомъ всея Галилеи.

Докладчикомъ открыто еще одно анонимное описаніе Іерусалима, весьма важное для изученія текстовъ нашихъ паломниковъ—Василія Позднякова и Трифона Коробейникова; описаніе это относится къ 1531 году, но принадлежитъ ли оно, какъ предыдущія, къ числу памятниковъ переводныхъ, или оно оригинальное русское, г. Долговъ рѣшить пока не можетъ.

2. А. В. Михайловъ сдѣлалъ сообщеніе: *Древне-русскій Физіологъ.*

„Физіологъ“—сборникъ статей естественно-историческаго содержанія, подобранныхъ съ религіозно-нравственною цѣлію. Каждая изъ статей распадается на двѣ части: въ первой описано какое-нибудь (легендарное) свойство животнаго (рѣдко камня или растенія) то дѣйствительно существующаго (левъ, слонъ, ежъ и т. п.), то баснословнаго (финиксъ, харадръ, сирена); во второй—проведена аналогія, параллель между этимъ свойствомъ и жизнью человѣка съ религіозно-нравственной христіанской точки зрѣнія. Источники описательнаго отдѣла памятника кроются въ непроглядной тьмѣ восточной миѳологіи, получаютъ литературную обработку въ средѣ греческихъ и римскихъ писателей Александрійскаго періода и въ послѣдней четверти III в. по Р. Х. въ той же Александріи даютъ обильный матеріалъ неизвѣстному христіанскому писателю моралисту, подъ перомъ котораго легендарные разсказы принимаютъ окончательную отдѣлку и, собранные вмѣстѣ, составляютъ на греческомъ языкѣ сборникъ указаннаго типа. Не имѣя цѣлію разборъ всѣхъ подобныхъ текстовъ, извѣстныхъ въ древне-русской литературѣ, докладчикъ ограничился обзоромъ только одной

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

редакціи этого памятника. На славянскій языкъ „Физіологъ“ этой редакціи былъ переведенъ приблизительно въ XIII в., а, м. б. и раньше, и, сохранившись въ двухъ тождественныхъ спискахъ XV ст., восходитъ къ самой древней редакціи греческаго оригинала, дошедшаго до насъ лишь въ болѣе позднихъ изводахъ памятника. Судьба древняго текста „Физіолога“ въ Россіи въ той редакціи, какая сохранилась въ его полныхъ спискахъ XV в. (изъ коихъ одинъ даже съ рисунками), довольно печальна. До XV столѣтія онъ почти неизвѣстенъ нашимъ предкамъ. Вмѣсто него ходили физіологическіе разсказы — переводъ какой-то другой, надо полагать, разрозненной греческой редакціи оригинала. Эти разсказы входятъ въ толковую Палею и черезъ нее получаютъ особенную популярность въ древне-русскомъ обществѣ, заслоняя, наравнѣ съ физіологическими статьями поэмы Георгія Писида (переведенной на русскій съ греч. въ 1385 г.), вліяніе текста полной и древнѣйшей редакціи „Физіолога“. Въ XVI — XVII вв. усиленный интересъ, появившійся въ русскомъ обществѣ къ христіанской физіологіи и стоявшій въ зависимости отъ культурнаго движенія вообще и составленія иконописныхъ подлинниковъ (куда въ видѣ цѣлаго отдѣла должны были войти и физіологическія статьи), — въ частности мало содѣйствовалъ популярности древняго текста полнаго Физіолога; спросъ на физіологическія статьи въ данномъ случаѣ былъ удовлетворенъ переводомъ опять новой редакціи греческаго оригинала, тоже разрозненной. Въ новѣйшее время, въ XVII–XVIII вв. спросъ на „физіологіи“ животныхъ въ Россіи начинаетъ падать: если прежде русскіе интересовались статьями о „разныхъ звѣряхъ и птахахъ“, поскольку онѣ были морализованы, то теперь выступаютъ на первый планъ болѣе практическія соображенія нашихъ предковъ: животныя интересуютъ ихъ своими медицинскими свойствами. Морализаціи исчезаютъ, и разсказы о животныхъ примыкаютъ къ лѣчебникамъ.

3. А. Д. Карнѣевъ прочелъ докладъ: *Отзвуки Физіолога въ живой рѣчи.* Тотъ многовѣковый памятникъ древне-христіанской письменности, который дошелъ до нашихъ дней подъ названіемъ Физіолога, привлекаетъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей своимъ загадочнымъ, чрезвычайно сложнымъ литературнымъ прошлымъ. И однако, въ исторіи прошедшихъ судебъ Физіолога поражаетъ не столько его скитальческая жизнь, не столько безчисленныя видоизмѣненія первичной основы и традиціоннаго содержанія, словомъ сказать—не столько видоизмѣненія, происходившія внутри самого памятника, сколько тѣ многоразличныя отраженія, о которыхъ свидѣтельствуютъ памятники свѣтской литературы и церковной письменности, извѣстные моменты средневѣковой проповѣди, своеобразный стиль и укладъ церковной архитектуры и орнамента, и т. п. Безспорно, Физіологъ оставилъ богатое наслѣдіе, свидѣтельствующее о когда-то живомъ прошломъ нашего памятника: такъ, археологическіе слѣды физіологической саги живутъ и понынѣ, въ видѣ цѣлаго ряда образныхъ выраженій, оборотовъ и сравненій, поговорокъ и бранныхъ эпитетовъ. Эти отзвуки Физіолога въ живой рѣчи представляютъ несомнѣнный интересъ. Здѣсь любопытно прослѣдить процессъ, приводившій къ сокращенію извѣстнаго баснословнаго зоологическаго сказанія въ пословицу, въ ходячее образное выраженіе и т. п. Такъ, сказаніе объ аспидѣ обо-

гатило живую рѣчь чрезвычайно распространеннымъ браннымъ эпитетомъ [1]); сказаніе о крокодилѣ сократилось въ весьма извѣстную въ различныхъ языкахъ поговорку—„плакать слезами крокодила“ [2]); сказаніе о саламандрѣ вызвало любопытную франц. поговорку—„plus froid que la salamandre“ и т. д. Надо замѣтить, что физіологическая сага весьма рано стала отслояться на поговоркѣ,—по крайней мѣрѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ Василій Великій въ своемъ Шестодневѣ [3]). Разсказывая о сыновней привязанности аиста къ своимъ родителямъ, Василій В. замѣчаетъ: „*καὶ οὕτω τοῦτο παρὰ πᾶσι διαβεβόηται, ὥστε ἤδε τινές τὴν τῶν εὐεργετημάτων ἀντίδοσιν ἀντιπελάργωσιν ὀνομάζουσιν*“. Итакъ, физіологическая сага проходила, повидимому, тѣ же мытарства, какія выпали на долю животной саги вообще. Извѣстно, что многія поговорки являются сокращеніемъ животной сказки, сведенной только къ возможно большей степени краткости. Конечно, извлеченіе изъ извѣстнаго разсказа краткаго изреченія, сокращеніе его въ пословицу или афоризмъ вовсе не ограничивается одной областью животнаго эпоса: процессъ этотъ часто происходитъ и въ другихъ литературныхъ сферахъ [4]). Но самъ собою напрашивается вопросъ: какъ происходило сокращеніе извѣстнаго сказанія въ краткую пословицу? Нельзя ли предположить, что данное сказаніе при этомъ процессѣ должно было проходить промежуточныя стадіи развитія, и что конечному выводу предшествовалъ сжатый пересказъ сказанія? Исторія физіологической саги даетъ, повидимому, возможность прослѣдить иногда тѣ пути, коими шло извѣстное сказаніе прежде, нежели прійти къ тому пункту, гдѣ оно каменѣло, и гдѣ отъ него сохранялись лишь смутные намеки въ видѣ эпитета, образнаго сравненія и т. п. Примѣры пояснятъ приведенную мысль. Физіологъ древней редакціи (въ главѣ XXVII) разсказываетъ о необыкновенной супружеской вѣрности ворона. Впослѣдствіи, эта черта перенесена была на горлицу. Слав. переводъ, соотвѣтствующій греч. редакціи, такъ передаетъ эту сравнительно позднюю версію: „горлица моужелюбица птаха есть, да еще бо погибнетъ единъ ею, отходитъ дроугаа въ поустыню и сядетъ на оусхлѣ древѣ, плачющися подроуга своего“ (эта версія извѣстна и по западно-европейскимъ пересказамъ). Эта черта супружеской вѣрности, приписанная горлицѣ, скоро вошла въ поговорку. Но возможно, что сравненіе вѣрной супруги—вдовы съ горлицей сопровождалось краткимъ пересказомъ всего сказанія. Такъ, Шекспиръ (Winter's Tale, act v. sc. III), сравнивая Паулину съ горлицей, буквально пересказываетъ суть всего сказанія: I, an old turtle, will wing me to some wither'd bough etc. Подобно этому, въ легендѣ объ Алексѣѣ, Божьемъ человѣкѣ, невѣста послѣдняго, имъ покинутая, говоритъ слѣдующее: „горлици се оуподоблю поустыньелюбици, единомоужици“ (Starine, XI, p. 189).

---

[1]) У Даля (Толковый Словарь, 1879, 27) подъ словомъ „аспидъ“ приведены слѣдующія значенія: „злой человѣкъ, скряга, скаредъ и пр.“.

[2]) Въ одномъ греч. сборникѣ XV в. истолкованіе крокодиловыхъ слезъ приписано Василію Великому. Ср. Азбуковникъ (напр., Публ. Рум. Музея, № 521, л. 72 об.); также—Э. Гейбеля, Lob der edlen Musica и пр.

[3]) Hom. VIII (ed. Migne, p. 176).

[4]) Ср. выраженіе: „онъ на этомъ собаку съѣлъ“ (А. Потебня, Къ исторіи звуковъ русскаго языка, IV, стр. 83) и т. д.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Избѣгая дальнѣйшихъ подробностей, остается замѣтить, что вопросъ объ отзвукахъ Физіолога въ живой рѣчи можетъ быть выясненъ не прежде, какъ будетъ тщательно собранъ весь относящійся къ данному вопросу матеріалъ [1]).

4. Н. С. Тихонравовъ прочелъ докладъ подъ заглавіемъ: *Новый списокъ „Девгеніева дѣянія“*.

Греческій писатель послѣдней четверти XVIII в. Константинъ Дапонтесъ, авторъ стихотворной исторіи Византіи, упоминая о времени имп. Романа, упоминаетъ также о его современникѣ Дигенисѣ Акритасъ. Изъ этого извѣстія видно: а) что существовали на греческомъ двѣ редакціи повѣсти о Дигенисѣ, б) существовали рукописи съ миніатюрами и безъ нихъ, в) что уже во время Дапонтеса поэма была рѣдкостью, и г) что онъ пользовался редакціей болѣе краткой. Только въ 1870 г. сталъ извѣстенъ ученому міру греческій текстъ Дигениса по рукописи Трапезундской, и только въ 1875 г. его издали въ Парижѣ Sathas и Le-Grand, и Gidel указалъ важное значеніе его для литературы византійской и вообще всей западной средневѣковой. Важенъ онъ въ частности и для нашей древне русской литературы, потому что древнерусская литература и жизнь наиболѣе испытали силу византійскаго вліянія церковнаго и литературнаго.

Извѣстно было имя Девгенія на Руси ранѣе и помимо повѣсти о Дигенисѣ; такъ въ Ипатскомъ спискѣ лѣтописи подъ 1095 годомъ читаемъ: „Идоша Половцы на Грекы съ Девгеневичемъ и воеваша на Грекы; а царь я Девгеневича и ослѣпи“. Подъ Девгеневичемъ (по др. сп. Денгеневичъ) разумѣется здѣсь самозванецъ, выдавшій себя за сына Діогена, сосланный въ Херсонесъ, откуда онъ съ освободившими его Половцами вторгся во Ѳракію.

Что касается времени появленія повѣсти о Девгеніѣ въ Россіи, мы точно не знаемъ: знаемъ только, что текстъ, помѣщенный въ Пушкинскомъ сборникѣ, относился то къ XV, то къ XVI в. Знаемъ еще, что въ исторіи текста Девгеніева дѣянія на Руси мы встрѣчаемся съ той же особенностью, на которую указалъ Дапонтесъ по отношенію къ греческому: а) объемъ списковъ не одинаковъ, и б) списки его рѣдки. Вообще, какъ и вся вторая половина сборника М.-Пушкина, и Девгеній принадлежитъ къ памятникамъ рѣдкимъ: кромѣ интересующаго насъ списка, извѣстенъ еще одинъ только, и то не полный, открытый въ 1857 г. А. Н. Пыпинымъ. И греческіе тексты подтверждаютъ наблюденія Дапонтеса: какъ текстъ, изданный Саѳой и Леграномъ, такъ и второй изъ извѣстныхъ греческ. текстовъ (монаст. Grotta-Ferrata) отличны одинъ отъ другого по объему, насколько можно судить по немногимъ свѣдѣніямъ о послѣдней (еще неизданной) рукописи.

Причина такого малаго распространенія списковъ въ Россіи понятна: поэма, какъ и другія произведенія Пушкинскаго сборника, принадлежала не къ *оффиціальной* русской литературѣ, сохранявшей церковный характеръ, а къ литературѣ свѣтской, въ составъ которой входили басни, сказки, отреченныя повѣсти.

---

[1]) А. И. Кирпичниковъ, послѣ сообщенія настоящихъ замѣтокъ на Съѣздѣ, обратилъ вниманіе докладчика на византійскія хроники, предлагающія обильный матеріалъ для выясненія вопроса о подробностяхъ перерожденія физіологическихъ сказаній въ краткій пересказъ, въ ходячую поговорку.

Вотъ къ такимъ-то текстамъ и относится текстъ Девгенія, писанный въ 1744 г. Семеномъ Малковымъ. Первый отрывокъ—„Житіе Девгенія“,—составляя отдѣльное цѣлое, соотвѣтствуетъ второй половинѣ 4-й кн. Трапез. текста. Изъ сличенія этого текста (начиная съ заглавія) съ выписками Карамзина изъ Пушкинскаго сборника и съ текстомъ Пыпина, убѣждаемся, что текстъ С. Малкова представляетъ именно тотъ самый текстъ, который былъ въ сборн. Мусина-Пушкина и, во-вторыхъ, что означенный текстъ вполнѣ совпадаетъ съ греческ. по Трапез. рук. по нѣкоторымъ страницамъ (Le-Grand, стр. 78—81, 82) тамъ, гдѣ онъ отклоняется отъ текста Пыпина; въ-третьихъ, что текстъ Малкова обширнѣе т. Пыпина. Изъ этого видно, что мы имѣемъ дѣло не съ двумя переводами греч. текста, а съ переводами двухъ греческихъ редакцій. Тоже соотношеніе наблюдается между текстами греческими: Трапезундскій текстъ — полный (10 кн.), Гротта - Ферратскій — краткій (8 кн.); этому послѣднему и долженъ соотвѣтствовать по близости текстъ Пыпина.

Слѣдующая глава рук. Малкова—„О свадьбѣ Девгенія“—вполнѣ соотвѣтствуетъ тексту сборн. М.-Пушкина (по выпискамъ Карамзина), но отличается по содержанію отъ соотвѣтствующей главы (5-й) Трапезундской рук. Изъ анализа этой главы видно, что русскій текстъ представляетъ болѣе древнюю редакцію, нежели Трапез. рук., которая какъ разъ въ этомъ мѣстѣ указываетъ на переработку текста.

Послѣдняя глава—„како побѣди Девгеній Василія царя“—совершенно новый эпизодъ, не встрѣчающійся въ греч. текстахъ и греч. пѣсняхъ о Дигенисѣ. Соотвѣтствующее мѣсто греч. рук. трактуетъ объ импер. Романѣ. И здѣсь, послѣ анализа, оказывается, что по редакціи русскій текстъ передаетъ болѣе древній видъ повѣсти, нежели Трапез. рукопись, гдѣ Василій болѣе древняго пересказа замѣненъ уже имп. Романомъ, который не вступаетъ въ борьбу съ Дигенисомъ, какъ царь Василій, а наоборотъ, принимаетъ его съ честію и награждаетъ.

Изъ всего разбора текста Малкова выходитъ: въ древней Россіи обращалось два независимыхъ одинъ отъ другого славяно-русск. перевода: одинъ представленъ текстомъ М.-Пушкина и Малкова, другой—текстомъ Пыпина. Переводы сдѣланы съ разныхъ редакцій греч. Дѣянія: М.-Пушкина—съ пространной, Пыпина—съ краткой. Текстъ М.-Пушкина представляетъ редакцію Дѣянія, которая превосходитъ древностью Трапезунд. текстъ и стоитъ ближе, чѣмъ Трапезунд. текстъ, къ богатырскому типу народныхъ пѣсенъ. Отдѣльныя главы Дѣянія въ литературн. редакціяхъ памятника передаются различно; въ текстѣ М.-Пушкина и Малкова пересказъ отличается большей древностью и чистотою преданія. Это и даетъ особенное значеніе вновь найденнымъ отрывкамъ русскаго текста: они обогащаютъ исторію греческой поэмы новыми данными: 1) представляя, въ русскомъ переводѣ, такіе эпизоды греч. поэмы, которые пока не найдены; 2) сохраняя такія черты преданія, которыя стерты въ позднѣйшей обработкѣ поэмы, и 3) доказывая несомнѣнно существованіе болѣе древней редакціи поэмы, чѣмъ представляемая Трапезундской рукописью.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

23 января. 11 час. дня.

ОТДѢЛЕНІЕ I. Древности доисторическія.

Почетный Предсѣдатель Д-ръ Хегеръ.
Предсѣдатель Отдѣленія Д. Н. Анучинъ.
Секретарь Отдѣленія Н. Л. Гондатти.

1. I. А. Хайновскій прочелъ: *Изслѣдованія кургана Сауръ въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи.* Представивъ Съѣзду окрашенные черепа и кости, найденные въ этомъ курганѣ, г. Хайновскій сравнивалъ ихъ древность съ поставленнымъ рядомъ черепомъ скиѳскимъ изъ кургана Полтавской губерніи. Древность эта особенно сильно выражалась въ малой высотѣ лобной поверхности, въ совершенномъ отсутствіи чела, въ сильно выдающихся надбровныхъ дугахъ, въ большой мечевидности берцовыхъ костей и другихъ уклоненіяхъ отъ позднѣйшаго скиѳскаго типа. Осмотрѣвъ въ различныхъ европейскихъ музеяхъ антропологическія коллекціи древнихъ череповъ, равно какъ и коллекцію ученаго французскаго краноелога Топинара, на Всемірной Парижской выставкѣ, г. Хайновскій пришелъ къ убѣжденію, что найденный имъ черепъ болѣе всего подходитъ своимъ строеніемъ къ древнѣйшему черепу, какой до настоящаго времени найденъ въ Европѣ, близъ Дюссельдорфа, и, сообразно классификаціи Катрфажа и Ами (Hamy), причисляетъ его къ первобытной Капштадской расѣ длинноголовыхъ. Далѣе, перечисляя соображенія всѣхъ археологовъ, видѣвшихъ окрашенныя кости у насъ, и подводя итоги этихъ соображеній, записанные въ дневникахъ раскопокъ, г. Хайновскій доказывалъ, что красившееся племя похоронено всегда въ материкѣ подъ насыпью кургановъ, и могилы ихъ всегда поименованы въ этихъ дневникахъ древнѣйшими. Полное отсутствіе какихъ-либо предметовъ похороннаго обряда доказываетъ, что это люди были въ дикомъ состояніи, подобно ботокудамъ, живущимъ въ лѣсахъ Бразиліи, и, стоя за рубежемъ цивилизаціи, не умѣли производить никакихъ предметовъ украшенія, не знали металловъ и удовлетворялись каменными и глиняными издѣліями. Сдѣлавъ краткую характеристику этого племени, дошедшую къ намъ отъ Геродота, описавшаго походъ Дарія, царя Персидскаго въ Скиѳію, и разсказавъ свои наблюденія надъ первоначальнымъ видомъ постройки кургановъ красившимся племенемъ, г. Хайновскій доказывалъ, что, какъ по расовымъ признакамъ, такъ и по типу похоронному, эти люди были древнѣйшими доселѣ извѣстными жителями Приднѣпровья, въ малорусскихъ губерніяхъ. Объяснивъ, затѣмъ, значеніе красной окраски костей, которая, по анализу, оказалась водною окисью желѣза, и перечисливъ соображенія многихъ археологовъ, г. Хайновскій выражалъ убѣжденіе, что этотъ первобытный народъ окрашивалъ свои волосы на бородѣ и головѣ красною краской и одѣвался въ звѣриныя шкуры, дубленыя или выдѣланныя съ помощью той же окиси желѣза. Такъ какъ народъ этотъ хоронилъ своихъ покойниковъ въ томъ же одѣяніи и въ томъ же видѣ, какой они имѣли

при жизни, то и въ находимыхъ могилахъ ихъ замѣчаютъ ту же окраску на костяхъ и прахъ отъ истлѣвшихъ звѣриныхъ шкуръ, которыми они покрывали свое тѣло. Въ заключеніе г. Хайновскій, начертивъ планъ вертикальнаго разрѣза кургана Сауръ, объяснялъ четыре періода его насыпки, соотвѣтственно четыремъ ярусамъ погребеній, опредѣляя вмѣстѣ съ тѣмъ причины, заставлявшія воздвигать громадные курганы въ Приднѣпровьѣ и способъ, какимъ они строились.

Д. Н. Анучинъ: Я позволю себѣ заступиться за этотъ несчастный черепъ, которому приписываютъ низкое строеніе. Если его поставить болѣе естественно, то онъ будетъ менѣе отличаться отъ обыкновенныхъ формъ, и, во всякомъ случаѣ, я не думаю, что этотъ лобъ былъ весь покрытъ волосами (а это приходится допустить, чтобы объяснить, по гипотезѣ г. Хайновскаго, окраску лба). Тутъ есть другой черепъ окрашенный, который представляетъ сходство съ типомъ Кроманьонскихъ череповъ (относимыхъ теперь къ позднѣйшему неолитическому вѣку). Надо замѣтить, что и типъ самаго знаменитаго Неандертальскаго черепа, какъ показалъ Вирховъ, встрѣчается у современныхъ людей; между прочимъ, онъ не рѣдокъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ Германіи, въ области древнихъ Фризовъ; кромѣ того, слѣдуетъ еще принять во вниманіе, что Вирховъ нашелъ на костяхъ Неандертальскаго скелета признаки патологическаго процесса (рахитизма, англійской болѣзни). Вообще, выводить заключеніе на основаніи даннаго черепа о низшемъ типѣ соотвѣтственной народности слишкомъ смѣло. Что касается особенностей длинныхъ костей, то о нихъ можно замѣтить слѣдующее: относительно бедряной кости было замѣчено, что въ задней сторонѣ ея находится продольный выступъ (колонка, т. н. carina). Это признакъ характерный для человѣка, потому что у животныхъ такой колонки нѣтъ. Свидѣтельствуетъ этотъ признакъ о значительномъ развитіи мышцъ, упражняемыхъ при ходьбѣ. Мнѣ приходилось встрѣчать эту колонку еще болѣе развитою, между прочимъ на нѣкоторыхъ костяхъ изъ кубанскихъ дольменовъ. Что касается большой берцовой кости, то она отличается нѣкоторою сплющенностью (платикнеміей). Это точно также стоитъ въ зависимости отъ развитія мышцъ. Какъ показало изслѣдованіе Манувріе, нельзя сказать, чтобы наиболѣе развитыя формы платикнеміи встрѣчались у низшихъ народовъ, скорѣе у народовъ горныхъ, которымъ приходится сильно упражнять свои нижнія конечности при восхожденіи по крутымъ склонамъ. Нахожденіе мною подобной особенности у нѣкоторыхъ Кавказскихъ народностей, въ особенности на костяхъ въ долменахъ, вполнѣ подтверждаетъ теорію Манувріе о развитіи ея преимущественно у горцевъ. Особенность эта не можетъ быть названа животной: она зависитъ отъ условій жизни.

1. А. Хайновскій: Уважая мнѣніе г. профессора, я замѣчу, что Топинаръ и Брока, изучая Неандертальскій черепъ, оспаривали мнѣніе Вирхова.

2. В. Б. Антоновичъ сообщилъ за отсутствующую Е. Н. Мельникъ: *Стоянка и мастерская каменнаго вѣка у Днѣпровскихъ пороговъ.* Мѣстность, къ которой относится это сообщеніе, находится при впаденіи Суры въ Днѣпръ, между порогами Сурскимъ и Лоханскимъ. На поляхъ села Волосскаго находили много предметовъ каменнаго вѣка и въ томъ числѣ топоры. Существовали въ той мѣстности преданія,

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

что въ окруженной скалами площадкѣ есть клады, и это имѣло своимъ послѣдствіемъ, что вся она изрыта кладоискателями. Изысканія археологическаго характера дали въ результатѣ возможность заключить, что здѣсь находится стоянка и мастерскія каменнаго вѣка. Найдены черепки большихъ плохо обожженныхъ горшковъ изъ глины, кварца и толченыхъ раковинъ; черепки имѣютъ вдавленные и лѣпные орнаменты. Найдены также ножи, скребки и другіе предметы изъ кремня, каменныя стрѣлы, точильные камни, полированные камни, употреблявшіеся для разныхъ назначеній и т. п. Найдены также нѣкоторые предметы изъ кости древней подѣлки.

3. А. А. Гатцукъ прочелъ докладъ: *Къ вопросу о скульптурѣ у древнихъ русскихъ племенъ.* Несмотря на отсутствіе, повидимому, вещественныхъ памятниковъ и письменныхъ свидѣтельствъ о скульптурѣ у древнихъ русскихъ племенъ, степень развитія и характеръ этой скульптуры могутъ быть болѣе или менѣе опредѣлены едва ли не легче, чѣмъ даже характеръ архитектуры храмовъ до-христіанскаго періода русской исторіи по существующимъ доселѣ древнимъ деревяннымъ храмамъ. Главною помощью къ опредѣленію скульптуры того времени можетъ служить изслѣдованіе рѣзанныхъ изъ дерева изображеній св. Николая, извѣстныхъ подъ названіемъ *Николы Можайскаго.* Типъ этого изображенія, съ мечомъ въ правой рукѣ и храмомъ въ лѣвой, не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ завезеннымъ къ намъ отъ Грековъ иконописнымъ изображеніемъ св. Николая Мирликійскаго и есть несомнѣнно созданіе мѣстнаго русскаго творчества. Родина его—страна бывшихъ Вятичей, Центральная Россія по рѣкѣ Окѣ, гдѣ язычество дольше удерживалось въ своемъ чистомъ видѣ, чѣмъ въ другихъ краяхъ, и существовало даже въ началѣ XV вѣка. Нѣкоторыя изъ изображеній Николая Можайскаго, несомнѣнно, относятся къ началу XV и къ XIV вѣку и представляютъ незначительную передѣлку или даже простую подправку болѣе древнихъ оригиналовъ. Изслѣдованіе этихъ изображеній, распространившихся изъ Центральной Россіи далеко на востокъ и сѣверъ, даетъ возможность прослѣдить, какъ подъ вліяніемъ византійскаго христіанства это изображеніе болѣе и болѣе измѣнялось, стремясь приблизиться къ иконописному изображенію корсунскаго типа, переходило въ горельефъ, въ барельефъ и, наконецъ, въ иконописное изображеніе. Въ скульптурномъ отношеніи древнѣйшія статуйныя изображенія Николы Можайскаго отличаются болѣе художественною выдержкой, позднѣйшія же XVI и XVII вѣка болѣе кропотливою обработкой и утратой художественнаго скульптурнаго творчества. Вообще изслѣдованіе древнихъ статуйныхъ изображеній Николы Можайскаго можетъ быть чрезвычайно важно, какъ для исторіи русскаго искусства, такъ и для опредѣленія изображеній языческихъ божествъ хотя одного изъ русскихъ племенъ.

4. В. И. Сизовъ прочелъ: *Дьяково городище подъ Москвой и его отношеніе къ московскимъ и смоленскимъ курганамъ.* Честь перваго изслѣдованія Дьякова Городища принадлежитъ Д. Я. Самоквасову, который лѣтъ пятнадцать тому назадъ производилъ тамъ раскопки; но его раскопки въ видѣ двухъ пересѣкающихся канавъ углубились не болѣе двухъ аршинъ въ почву городища. Въ концѣ прошлаго лѣта случайно г. Сизову пришлось совершить прогулку въ это городище, и тогда обнаженные слои съ одной стороны показали ему, что глубина насыпного или культурнаго слоя была

не менѣе двухъ саженъ. Это обстоятельство заставило докладчика продолжить работу Д. Я. Самоквасова. Хотя новая работа длилась всего три съ половиной дня, но она дала все-таки такого рода результаты, которые явились интересными и для Съѣзда. Энергичное содѣйствіе сотрудниковъ г. Сизова: В. Н. Щепкина и Н. Н. Харузина, много помогло успѣху изслѣдованій: удалось изслѣдовать, хотя и не на большомъ пространствѣ, всѣ слои городища, начиная съ самой грунтовой глины. Городище имѣетъ форму трегранной призмы и составляетъ оторванную часть праваго крутого берега Москвы рѣки. Въ самомъ нижнемъ слоѣ, лежащемъ на грунтовой глинѣ найдены слѣдующія вещи: костяная стрѣлка, коромысло изъ кости и отшлифованная изъ камня плитка, тоже въ видѣ коромысла; наконецъ, въ этомъ же слоѣ найдены были вещи съ сѣтчатымъ узоромъ архаическаго стиля. Слѣдующіе слои были бѣднѣе находками, и только на глубинѣ отъ 1—2 аршинъ отъ поверхности число вещей, количество костей и, въ особенности, глиняныхъ черепковъ отъ посуды значительно увеличились. Черепки находились въ большой массѣ и отличались разнообразіемъ орнаментовъ, но замѣчательно, что среди этой массы нашелся всего одинъ черепокъ, и то въ верхнемъ слоѣ, орнаментированный въ видѣ волнистой линіи, а такого рода орнаментъ, какъ извѣстно, признается за специфически славянскій. Вещи, найденныя здѣсь, по своему характеру напоминаютъ вещи изъ городищъ Вятской, Казанской и Пермской губерній, находящіяся на Выставкѣ. Таковы, напримѣръ, издѣлія изъ кости, металлическія пряжки, стеклянныя золоченыя репчатой формы бусы. Вещи, найденныя Д. Я. Самоквасовымъ, отличаются архаическимъ характеромъ и могутъ быть отнесены къ X—XI вѣку; таковы, напримѣръ, бронзовыя шейныя гривны и подковообразная литая изъ бронзы фибула съ углубленіями для эмали. При сравненіи этихъ вещей съ вещами, добытыми изъ кургановъ Московской губерніи, нельзя не замѣтить, что характеръ послѣднихъ совершенно отличенъ отъ вещей городища: курганныя вещи вообще отличаются не только совершенно инымъ стилемъ, но и относятся къ болѣе поздней эпохѣ, а именно къ XI ст. *преимущественно*. Кромѣ сравненія отдѣльныхъ вещей, различіе это въ рѣзкой степени замѣчается и въ сосудахъ.

Принадлежность курганныхъ вещей къ XI ст., между прочимъ, подтверждается посредствомъ сличенія съ курганными вещами въ другихъ сосѣднихъ мѣстностяхъ— Смоленской, Владимірской, Тверской губерній, обозначенными опредѣленною датой, благодаря находкамъ монетъ.

Такимъ образомъ, на основаніи высказанныхъ соображеній, В. И. Сизовъ предположительно высказалъ, что жители Дьякова Городища являются аборигенами подмосковной мѣстности и по стилю вещей сближаются съ жителями побережья Волги и Камы, то-есть съ финскими народностями. Съ другой стороны, болѣе поздніе обитатели, насыпавшіе курганы, по характеру вещей и самаго погребенія, сближаются болѣе со Славянами, что указываетъ на славянское вліяніе. Высказывая эти предположенія, которыя еще требуютъ большихъ наблюденій и фактовъ, В. И. Сизовъ напомнилъ мнѣніе А. П. Богданова о черепахъ курганнаго племени Московской губерніи: какъ извѣстно, А. П. Богдановъ наибольшее число череповъ Московской

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

губерніи относитъ къ длинноголовому типу и рѣшительно отрицаетъ въ нихъ признаки финнскаго племени. Въ этомъ отрицаніи, кромѣ своихъ собственныхъ наблюденій, онъ ссылается и на отзывъ Бера.

5. Д. Н. Анучинъ сдѣлалъ сообщеніе: *О культурныхъ вліяніяхъ на доисторической почвѣ Россіи.* Референтъ представилъ рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ, по его мнѣнію, о томъ, что уже въ каменномъ (неолитическомъ) вѣкѣ можно подмѣтить въ орудіяхъ вліяніе, съ одной стороны, скандинавскихъ, съ другой — сибирскихъ формъ, но еще болѣе такія вліянія могутъ быть констатированы въ формахъ бронзовыхъ орудій (съ запада, востока и юга; напр. цельты и серпы западнаго типа въ юго-западномъ краѣ, кривые кавказскіе топорики въ Донской области, скандинавскіе пальштабы въ Финляндіи и т. п.) что касается позднѣйшихъ эпохъ могильниковъ и кургановъ, то подобныя иноземныя вліянія проявляются еще въ большей степени, и выражаются напр. въ сассанидскихъ издѣліяхъ, въ фибулахъ (римскаго провинціальнаго и другихъ типовъ), въ украшеніяхъ красной эмалью, въ бусахъ, скандинавскихъ формахъ мечей, византійскихъ издѣліяхъ, восточныхъ, римскихъ и другихъ монетахъ и т. д. и т. д.

---

23 января. 3 час. дня.

Засѣданіе Совѣта Съѣзда.

Засѣданіе Совѣта Съѣзда, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Ученаго Комитета Д. Н. Анучина, въ присутствіи Предсѣдателя Распорядительнаго Комитета графини П. С. Уваровой, депутатовъ: В. Б. Антоновича, Д. И. Багалѣя, барона І. де-Бай, С. А. Бѣлокурова, Н. И. Веселовскаго, А. С. Гацискаго, А. К. Гейкеля, А. П. Голубцова, Н. Л. Гондатти, М. В. Готовицкаго, А. А. Дмитріевскаго, С. О. Долгова, И. Е. Забѣлина, В. З. Завитневича, Э. Картальяка, А. И. Кирпичникова, В. И. Колосова, Н. Ѳ. Красносельцева, Ѳ. Е. Корша, гр. Н. С. Ланского, И. А. Линниченко, А. Н. Львова, А. И. Маркевича, А. П. Мельникова, В. Ѳ. Миллера, П. Н. Милюкова, В. И. Модестова, А. В. Орѣшникова, А. М. Павлинова, Н. В. Покровскаго, кн. П. А. Путятина, И. В. Рождественскаго, А. В. Селиванова, А. Ѳ. Селиванова, В. И. Сизова, И. Н. Смирнова, Ѳ. И. Успенскаго, графа Л. де-Флёри, И. В. Цвѣтаева, А. А. Цагарели, И. А. Шлякова, кн. Н. С. Щербатова, Н. М. Ядринцева, Н. А. Янчука и Секретарей Съѣзда: В. К. Трутовскаго и С. С. Слуцкаго.

1. Доложены: письмо Предсѣдателя Съѣзда А. Ѳ. Бычкова изъ С.-Петербурга съ выраженіемъ благодарности за вниманіе, оказанное ему Съѣздомъ въ Москвѣ; телеграмма Министра Иностранныхъ Дѣлъ Н. К. Гирса и письма: Министра Финансовъ И. А. Вышнеградскаго, Московскаго Городского Головы Н. А. Алексѣева и Профессора В. О. Ключевскаго—съ благодарностью за избраніе въ Почетные Члены Съѣзда.

2. Обсуждались вопросы, отнесенные въ Совѣтъ Съѣзда постановленіями Общаго засѣданія 15 января и засѣданіями Отдѣленій,—по поводу докладовъ: а) П. Б. Мансурова — *Византія, Славянство и Россія (къ вопросу объ учрежденіи въ Константинополѣ Русскаго Ученаго Института)* и сопровождавшаго докладъ сообщенія Ѳ. И. Успенскаго о проектѣ Института; б) В. И. Модестова:—*Одна изъ мѣръ къ поднятію классической археологіи въ Россіи;* в) В. Т. Георгіевскаго:—*Къ вопросу о преподаваніи археологіи въ духовныхъ семинаріяхъ и объ устройствѣ епархіальныхъ археологическихъ музеевъ;* г) А. Н. Львова: — *Объ устройствѣ губернскихъ архивовъ всѣхъ вѣдомствъ.*

Постановленія по этимъ вопросамъ выражены Совѣтомъ Съѣзда такъ:

а) VIII Археологическій Съѣздъ, усматривая важное значеніе занятій византійскими древностями для успѣховъ русской археологіи и признавая неотложную потребность правильной организаціи изслѣдованій по Византіи, *постановилъ* ходатайствовать передъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ учрежденіи Археологическаго Института въ Константинополѣ, согласно проекту, представленному въ Министерство Императорскимъ Русскимъ Посломъ при Оттоманской Портѣ, Александромъ Ивановичемъ Нелидовымъ.

б) Выслушавъ въ засѣданіи 15 января 1890 г. докладъ проф. В. И. Модестова о настоятельной потребности открытія Русскаго Археологическаго Института въ Римѣ и согласившись въ принципѣ съ предложеніемъ докладчика, Съѣздъ *постановилъ* ходатайствовать передъ Правительствомъ объ осуществленіи мѣры, столь желательной для успѣховъ археологіи.

в) Съѣздъ *постановилъ* просить В. Т. Георгіевскаго представить въ Императорское Московское Археологическое Общество примѣрную программу преподаванія археологіи въ духовныхъ семинаріяхъ и проектъ устройства епархіальныхъ археологическихъ музеевъ.

г) Съѣздъ *постановилъ* сообщить заключеніе своего Археографическаго Отдѣленія о лучшемъ устройствѣ губернскихъ архивовъ всѣхъ вѣдомствъ, не исключая и духовнаго—Археологическому Институту и просить его ходатайствовать о выработкѣ общаго положенія объ устройствѣ и управленіи архивовъ всѣхъ вѣдомствъ, не исключая и духовнаго.

3. Редакціоннымъ Комитетомъ для изданія трудовъ VIII Съѣзда избранъ Редакціонный Комитетъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

4. Постановлено ходатайствовать передъ Правительствомъ о разрѣшеніи собрать очередной IX Археологическій Съѣздъ въ Вильнѣ, въ 1893 году, съ Предварительнымъ Комитетомъ въ Москвѣ.

5. Вопросъ объ очередномъ Международномъ Антропологическомъ и Первобытно-археологическомъ Съѣздѣ, (который, по постановленію Парижскаго Международнаго Съѣзда лѣтомъ 1889 года, предполагался въ Москвѣ въ 1892 г., и предсѣдательство въ Предварительномъ Комитетѣ котораго просили принять на себя Предсѣдателя Императорскаго Археологическаго Общества графиню П. С. Уварову) *постановлено* пе-

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

редать на обсужденіе Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Закрытіе Съѣзда.

24-го января, въ 8 часовъ вечера, происходило заключительное Общее собраніе Съѣзда. Зала засѣданій Съѣзда наполнилась делегатами и членами Съѣзда и стороннею публикой. За столомъ Совѣта и около него заняли мѣста предсѣдатели Распорядительнаго и Ученаго Комитета Съѣзда графиня П. С. Уварова и Д. Н. Анучинъ, попечитель учебнаго округа графъ П. А. Капнистъ, члены Комитетовъ Съѣзда, иностранные делегаты: графъ де-Флёри, баронъ де-Бай, Э. Картальякъ, Dr. Гремплеръ, Dr. Хегеръ, почетные члены Съѣзда: баронъ Ѳ А. Бюлеръ и И. Е. Забѣлинъ; передніе ряды стульевъ занимали Предсѣдатели Отдѣленій Съѣзда, депутаты Городской Думы и делегаты ученыхъ учрежденій и Обществъ.

Засѣданіе открылось рѣчью предсѣдателя IX, археографическаго, отдѣленія Съѣзда барона Ѳ. А. Бюлера, сообщавшаго свѣдѣнія о прежнихъ помѣщеніяхъ, нынѣшняго Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Въ *Geographia Blaviana* имѣется планъ Кремля, временъ Царя Алексѣя Михайловича, и на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь воздвигается памятникъ Александру II, обозначено каменное зданіе, выстроенное покоемъ, гдѣ помѣщались всѣ Царскіе Приказы.

Посольскій Приказъ, такъ-сказать, упирался въ алтарь Архангельскаго собора и потому былъ ближайшимъ ко Дворцу. На планѣ надпись: Possolske Pricacs; peregrinae juris praefecturae". Тамъ велись переговоры съ иностранными послами и оттуда они шли *на верхъ*, то-есть по Золотому Крыльцу, на царскую аудіенцію.

Дѣлопроизводство Приказовъ болѣе или менѣе тщательно въ нихъ сохранялось; а въ подвалахъ Посольскаго Приказа были устроены, подъ сводами, такъ-называемыя „казёнки", гдѣ не только въ сундукахъ и баулахъ, но даже въ шкафахъ прибережены были во время нашествій Татаръ и Поляковъ важнѣйшіе трактаты и иные акты съ XIII вѣка, именовавшіеся тогда „государственными крѣпостями", то-есть актами крѣпостнаго владѣнія Россійскаго Царства. Вотъ начало архивовъ на Руси, которые составились сами собою, когда греческое выраженіе „архивъ" предкамъ нашимъ вовсе не было извѣстно. Появилось же оно въ нашемъ законодательствѣ въ первый разъ, когда Петръ Великій учредилъ въ 1720 году коллегіи въ С.-Петербургѣ, а изъ дѣлопроизводства приказовъ образовалъ архивы: Иностранныхъ Дѣлъ, Разрядный, Вотчинный и т. п. Всѣ дѣла были вывезены тогда съ „Казеннаго двора" и для помѣщенія документовъ Посольскаго Приказа нанятъ былъ на Варваркѣ, противъ церкви Св. Максима Исповѣдника, домъ упраздненнаго Ростовскаго подворья (послѣ 1812 года вошедшій въ составъ городскихъ рядовъ). Въ ту пору много по-

страдали отъ сырости архивныя дѣла, и ихъ вывезъ оттуда въ 1770 году, то-есть 50 лѣтъ спустя, исторіографъ Миллеръ въ пріобрѣтенный Коллегіей домъ извѣстнаго посланника Украинцева. Тамъ Архивъ обогатился значительными присылками изъ Коллегіи, а знаменитые директоры его: Миллеръ, Бантышъ-Каменскій, Малиновскій и князь Оболенскій, завѣщали ему собранныя ими коллекціи. Такимъ образомъ Архивъ помѣстился на одной изъ отдаленнѣйшихъ окраинъ города, близъ Ивановскаго монастыря, и притомъ въ темныхъ и сырыхъ подвалахъ. Честь его перенесенія въ ученый центръ Бѣлокаменной принадлежитъ заботливости объ успѣхахъ отечественной науки государственнаго канцлера князя Горчакова и щедротамъ въ Бозѣ почившаго Государя. Теперь Архивъ широко и радушно открытъ для изслѣдованій. Каждому изслѣдователю баронъ Бюлеръ хотѣлъ бы сказать словами Хомякова:

Былое въ сердцѣ воскреси
И въ немъ, сокрытаго глубоко,
Ты *духа жизни* допроси!

Представитель французскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія г. Э. Картальякъ произнесъ слѣдующую прощальную рѣчь:

Messieurs,

Au nom du ministère de l'instruction publique et des beaux-arts de la République Française, qui nous a fait l'honneur de nous désigner pour le représenter au VIII-e Congrès d'archéologie, monsieur le Baron de Baye et moi, nous vous prions de recevoir toutes nos félicitations. Le Congrès se termine après avoir brillé d'un éclat magnifique. Il a montré une fois de plus la haute valeur et la puissante activité de la Société que dirige avec tant de distinction et entourée d'un si légitime respect madame la comtesse Ouvarof.

L'oeuvre entreprise dans votre pays est vraimeut grandiose. Elle s'étend sur toute la Russie et, dépassant les frontières eloignées de votre Empire, va de plus en plus vivifier partout les plus intéressantes études.

Madame la comtesse, Messieurs, nous vous devons personnellement les plus vifs remerciements. La bienveillance et la cordialité de votre accueil ont fini de gagner nos coeurs. Vous nous permetterez de ne pas chercher à rendre nos sentiments de gratitude: quand on s'aime bien, on le sait et on ne le redit pas.

Nous partons, mais avec l'éspoir de revenir, lorsque tous les pays enverront leurs délégués au prochain Congres international d'Anthropologie et d'Archéologie préhistorique.

Il y a dans notre patrie un vieux refrain de chanson:

«Plaisir n'est doux qu'autant qu'on le partage!»

Eh bien, Messieurs, puissent les missionnaires de la science venir nombreux en Russie. Ils seront commes nous enchantés et charmés et on vous quittant ils vous diront eux aussi avec conviction, non pas adieu, mais au revoir!

Слѣдовала, особенно одушевленно принятая, рѣчь другаго делегата изъ Франціи, графа Л. де Флёри:

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Mesdames, Messieurs,

Les fêtes de la Science ont aussi leur fin, et l'heure est venue de nous séparer. Adieu donc la métropole hospitalière, Moscou aux mille coupoles, le Kremlin et ses souvenirs, ses domes, ses arsenaux, ses musées, ses courtines crénelées et ses donjons. Adieu cette salle des séances, qu'honorait naguère de sa présence un personnage Auguste, protecteur né de l'Archéologie,—où nous voyons présider dans la personne de madame la comtesse Ouvarof une troisième génération de savants et de mécènes accompagnée déjà d'une quatrième, la grace et la fleur de ces austères réunions. Adieu les tourelles rouges du Musée Historique, dirigé par un illustre historien, où vient à chaque instant au secours du chercheur l'obligeance aussi savante que sympathique de son digne collaborateur et du prince-gentleman qui s'en occupe. Adieu le Palais des Archives Impériales et le savant illustre et parfait gentilhomme qui a la garde de ces trésors. Adieu les savants de premier ordres, anthropologues, naturalistes, historiens, archéologues, orientalistes, qui semblent être les seuls à ignorer dans leur modestie leur célébrité en Europe. Adieu enfin tous nos collègues du Congrés—hommes mûrs et jeunes gens, professeurs et élèves, le présent et l'avenir!—Salut aux illustres représentants des pouvoirs militaires et civils et au vaillant maire de Moscou. Salut, adieu, ou mieux au revoir.

Je n'ajouterai qu'un seul mot en mon nom et au nom de ceux qui m'ont délégué: S'il arrivait à quelqu'un d'entre vous, quelque soit le nom qu'il porte dans le monde et dans la science, de visiter la vallée de cette verte Charente, qu'un Henri IV nommait le plus joli ruisseau de son royaume, arrêtez vous un instant au pied de la ville d'Isabelle de Lusignan la comtesse-reine, et de François premier le roi chevalier,— gravissez la montagne couronnée de ses murailles du moyen âge et des blanches maisons d'Angoulême: vous rencontrerez là une antique cathédrale romano-byzantine du onzième siècle, qui vaut à elle seule le voyage. Si elle est loin d'offrir à l'intérieur le riche aspect de vos églises blindées d'or et peuplées de légions de saints, vous trouverez à sa façade sculptée, à sa nef majestueuse, à ses coupoles de pierre nue, à ses transepts et à ses arcades en plein cintre une mâle et sévère beauté. Vous trouverez aussi de savants prêts à vous accueillir et à vous diriger, une hospitalité large et sincère et vous verrez tout autour de vous le regard ami, clair et ferme d'une population de travailleurs et de soldats; vous serez là au coeur de la France!!

Далѣе, сердечно произнесли прощальныя рѣчи депутаты изъ Берлина и Вѣны д-ръ Гремплеръ и д-ръ Хегеръ. Долгія рукоплесканія всѣхъ присутствовавшихъ привѣтствовали появленіе иностранныхъ депутатовъ на каѳедрѣ и сопровождали окончаніе каждой изъ рѣчей.

Затѣмъ Предсѣдатель Ученаго Комитета Съѣзда, Д. Н. Анучинъ, прочиталъ отчетъ о дѣятельности и работахъ Восьмаго Съѣзда. Изложивъ исторію работъ, предшествовавшихъ юбилею Московскаго Археологическаго Общества, и устроеннаго по этому поводу въ Москвѣ Археологическаго Съѣзда, отчетъ особо отмѣтилъ дорогое для Съѣзда отношеніе Августѣйшаго Почетнаго Предсѣдателя Его Император-

скаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича съ Августѣйшею Супругой Великою Княгиней Елисаветой Ѳеодоровной, прибывшихъ на открытіе Съѣзда При этомъ Ихъ Высочества Августѣйшее вниманіе Съѣзду выразили какъ присутствіемъ на юбилейномъ засѣданіи, открытіи Съѣзда и на первыхъ засѣданіяхъ отдѣленій, такъ и приглашеніемъ почетныхъ лицъ и депутатовъ Съѣзда къ двумъ обѣдамъ во Дворцѣ и предоставленіемъ, 12 января, 30 ложъ въ Большомъ Театрѣ для депутатовъ Съѣзда, при чемъ и сами Ихъ Высочества посѣтили этотъ спектакль. Далѣе, отмѣчались любезное вниманіе и содѣйствіе Съѣзду со стороны почетнаго члена Съѣзда, московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова, пригласившаго участниковъ Съѣзда на раутъ 14 января; субсидія Думы въ 2,500 руб.; торжественный обѣдъ въ Думѣ отъ почетнаго члена Съѣзда, городского головы Н. А. Алексѣева; внимательное отношеніе попечителя учебнаго округа графа П. А. Капниста; услуги, оказанныя Съѣзду Историческимъ Музеемъ, въ коемъ дано было помѣщеніе для Съѣзда и Выставки, устроено электрическое освѣщеніе для вечернихъ засѣданій и оказывалось всякое содѣйствіе. Далѣе, въ отчетѣ упомянуты, какъ выраженіе сочувствія и содѣйствія Съѣзду: Выставка, устроенная барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ во ввѣренномъ ему Архивѣ, предоставленіе ректоромъ Университета 100 билетовъ на торжественный актъ 12 января депутатамъ и членамъ Съѣзда, устроеніе Обществомъ Естествознанія особаго, въ честь Съѣзда, засѣданія съ докладомъ прибывшаго изъ далекой Сибири Н. М. Ядринцева и демонстраціей фонографа Эдиссона, даръ отъ этого же Общества депутатамъ Съѣзда — 100 экземпляровъ трехъ сочиненій, публичное чтеніе Н. Л. Гондатти въ Политехн. Музеѣ—„О значеніи археологіи", безвозмездное печатаніе типографіей А. А. Гатцука „Извѣстій" Съѣзда, подробное изложеніе редакціей „Московскихъ Вѣдомостей" въ газетѣ сообщеній о занятіяхъ и докладахъ Съѣзда и предоставленіе большинствомъ желѣзныхъ дорогъ льготъ для проѣзда участникамъ Съѣзда. Выразивъ всѣмъ этимъ учрежденіямъ и лицамъ благодарность Съѣзда, предсѣдатель Ученаго Комитета охарактеризовалъ далѣе успѣхъ Выставки и Съѣзда, превзошедшій прежніе археологическіе Съѣзды и Выставки, отмѣтилъ коллекціи, пожертвованныя во время Съѣзда Историческому Музею, и затѣмъ изложилъ отчетныя свѣдѣнія о настоящемъ Съѣздѣ. Число членовъ его достигло 380, при чемъ были депутаты отъ Академіи Наукъ, 7 университетовъ, Демидовскаго Лицея и Лазаревскаго Института, 3 духовныхъ академій, 17 ученыхъ обществъ, 7 архивовъ, 7 архивныхъ коммиссій, 7 статистическихъ комитетовъ и другихъ учрежденій. Общихъ Собраній Съѣздъ съ 9 по 24 января имѣлъ три и засѣданій по 9 отдѣленіямъ 32, при чемъ сдѣлано 129 сообщеній. Затѣмъ приведены были состоявшіяся наканунѣ постановленія Совѣта Съѣзда о ходатайствахъ предъ Правительствомъ и о созывѣ слѣдующаго Съѣзда въ 1893 году въ Вильнѣ. Въ заключеніе. проф. Д. Н. Анучинъ благодарилъ участниковъ Съѣзда за ихъ труды и просилъ извинить, если кто-либо изъ нихъ почему-либо, при спѣшной работѣ Съѣзда, остался чѣмъ-либо неудовлетвореннымъ.

Депутатъ отъ Думы В. И. Герье привѣтствовалъ графиню П. С. Уварову, какъ, руководительницу работами Археологическаго Общества и Съѣзда, слѣдующею рѣчью:

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

„Торжество археологіи, соединившее Москву съ пріѣзжими гостями заключаетъ въ себѣ еще другое торжество, обращенное не къ темному прошедшему, которое археологія пытается освѣтить, а къ свѣтлому будущему. Это — торжество принципа участія женщины въ научныхъ и общественныхъ интересахъ своего времени. Такое участіе для многихъ еще проблемма. Но эта проблемма на нашихъ глазахъ разрѣшена. Предсѣдатель Археологическаго Общества графиня П. С. Уварова блистательно доказала, какъ много выигрываетъ наука и общество отъ руководительства женщины. Женщина вноситъ въ эту сферу то беззавѣтное, безкорыстное служеніе дѣлу, то примиряющее и оживляющее начало, которое таится въ ея натурѣ. И съ другой стороны проблемма разрѣшена. Мы видимъ, что отъ участія въ жизни научныхъ и общественныхъ интересовъ женщина не утрачиваетъ своей лучшей красоты — всего того, что мы разумѣемъ подъ словомъ женственность, что она остается хранительницей семейнаго культа, необходимаго залога правильнаго общественнаго развитія.

Такъ позвольте же намъ, графиня, благодарить Васъ, какъ русскую женщину, служившую образцомъ другихъ русскихъ женщинъ, какъ свѣтскую женщину, показавшую, что свѣтскія потрѣбности совмѣстимы съ серьезномъ дѣломъ, и какъ гражданку нашей Москвы, которой Вы служите украшеніемъ“.

Когда В. И. Герье кончилъ, полная зала загремѣла одушевленными, продолжительными рукоплесканіями.

Графиня Уварова отвѣчала на общій горячій привѣтъ взволнованной рѣчью:

„Послѣ рѣчи, или обзора трудовъ Съѣзда, сдѣланнаго нашимъ почтеннымъ предсѣдателемъ Ученаго Комитета, Д. Н. Анучинымъ, мнѣ остается сказать весьма мало. Думаю, однако, что было бы невозможнымъ закрыть Съѣздъ безъ того, чтобы я, какъ предсѣдатель Московскаго Археологическаго Общества и какъ вдова графа А. С. Уварова, не обратилась бы къ вамъ хотя бы съ нѣсколькими словами.

Слова эти—выраженіе глубочайшей благодарности за сочувствіе и вниманіе оказанное Московскому Археологическому Обществу, выраженіе сердечной признательности за любовное отношеніе къ памяти покойнаго графа. Чему другому, какъ не этой памяти, сохранившейся среди всѣхъ членовъ Общества, Съѣзда и вообще работающаго и думающаго люда, обязаны мы тѣмъ, что видѣли и слушали за послѣднее время? Не этой ли памяти обязаны мы тѣмъ сочувственнымъ сотрудничествомъ, которымъ Московское Археологическое Общество такъ широко пользуется во всей Россіи; не ей ли обязаны также тѣмъ, что когда Московское Археологическое Общество, задумавъ составленіе своей Исторической Записки, обратилась къ своимъ членамъ и нечленамъ съ просьбой помочь въ составленіи некрологовъ,— всѣ эти члены и нечлены Общества, живущіе часто весьма далеко отъ Москвы, отвѣтили полною готовностью работать для Записки Общества, которая, такимъ образомъ, сдѣлалась коллективною работой, въ коей приняли участіе многіе изъ нашихъ извѣстныхъ ученыхъ. Не тому ли самому явленію слѣдуетъ приписать и милостивое вниманіе, оказанное намъ Августѣйшимъ Предсѣдателемъ Съѣзда и Его Августѣйшей Супругой?

За эту память, за это любовное отношеніе къ человѣку, мнѣ дорогому— глубокая, сердечная благодарность Августѣйшему Предсѣдателю нашему и всѣмъ вамъ,

господа, принимавшимъ участіе въ чествованіи Московскаго Археологическаго Общества и въ заботахъ закрываемаго VIII Археологическаго Съѣзда.

Но, принося и высказывая вамъ мою благодарность, не могу—а вы, вѣроятно, согласитесь и позволите—не могу не высказать отъ лица вашего не менѣе сердечную признательность лицамъ, окружившимъ Съѣздъ нашъ всѣми удобствами, всѣми ласками и привѣтомъ, котораго, можетъ быть, мы и не въ правѣ были ожидать.

Князь В. А. Долгоруковъ, Н. А. Алексѣевъ, Московская Городская Дума, все правленіе Историческаго Музея, начиная съ И. Е. Забѣлина и князя Н. С. Щербатова, прокуроръ Синодальной Конторы А. Н. Шешковъ, директоръ Синодальнаго хора С. В. Смоленскій — всѣ отнеслись къ нашему дѣлу и нашимъ хлопотамъ съ такимъ радушіемъ, съ такимъ предупредительнымъ вниманіемъ, что я не нахожу словъ, чтобы высказать имъ всѣмъ нашу общую благодарность.

Если же прибавлю къ этимъ именамъ — имена: Д. Н. Анучина — предсѣдателя Ученаго Комитета; секретарей Съѣзда В. К. Трутовскаго и С. С. Слуцкаго, барона Ѳ. А. Бюлера, пополнившаго Архивною Выставкой нашу Выставку; имена В. И. Сизова, В. Н. Щепкина, А. И. Станкевича и А. П. Новицкаго, помогавшихъ намъ въ составленіи каталоговъ и указателей; если исчислю любезное вниманіе нашихъ гг. экспонентовъ, труды понесенные В. К. Попандопуло по устройству помѣщенія Съѣзда, А. А. Гатцукомъ по печатанію „Извѣстій Съѣзда", и напомню любезное сотрудничество, которое мы нашли въ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей", — то придется сознаться, что слово мое слишкомъ слабо, чтобы поблагодарить всѣхъ отъ имени вашего, господа!

Спасибо и вамъ всѣмъ, господа, и дай Богъ намъ еще долго поработать вмѣстѣ съ вами!"

Когда утихъ нѣсколько взрывъ рукоплесканій, вызванныхъ рѣчью графини, къ столу подошли выборные отъ Съѣзда и поднесли графинѣ Уваровой даръ на память о Съѣздѣ — художественно исполненную серебряную, окруженную эмальированной рамой дощечку съ выгравированною надписью: „Члены VIII Археологическаго Съѣзда выражаютъ признательность графинѣ П. С. Уваровой за плодотворные труды на пользу отечественной археологіи и устройство Съѣзда и Выставки", и подписями болѣе чѣмъ 150 депутатовъ и членовъ Съѣзда. При поднесеніи проф. Н. В. Покровскій произнесъ отъ лица Съѣзда рѣчь съ выраженіемъ благодарности графинѣ Уваровой и съ просьбой принять даръ членовъ Съѣзда, который, при раскатахъ рукоплесканій, и былъ врученъ графинѣ И. Е. Забѣлинымъ.

Послѣ этого Попечитель Московскаго Учебнаго Округа, графъ П. А. Капнистъ, выразивъ, отъ имени Министра Народнаго Просвѣщенія, глубокое сочувствіе трудамъ Съѣзда и пожеланіе всегдашняго процвѣтанія Московскому Археологическому Обществу, объявилъ VIII Археологическій Съѣздъ закрытымъ.

По закрытіи Съѣзда, отъ имени всѣхъ присутствовавшихъ депутатовъ и членовъ Съѣзда, была послана Его Императорскому Высочеству Великому Князю Сергію

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Александровичу, Августѣйшему Почетному Предсѣдателю Съѣзда, и Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Елисаветѣ Ѳеодоровнѣ телеграмма, съ выраженіемъ глубочайшей признательности Ихъ Высочествамъ за милостивое вниманіе, оказанное Съѣзду.

Въ отвѣтъ на это, на имя Предсѣдателя Распорядительнаго Комитета Съѣзда, графини П. С. Уваровой, Его Императорское Высочество соизволилъ прислать слѣдующую телеграмму:

„Великая Княгиня и Я отъ души благодаримъ Васъ, графиня Прасковія Сергѣевна, профессора Анучина и всѣхъ за добрую память и дорогое намъ вниманіе.

Сергѣй.“

Послѣ заключительнаго засѣданія Съѣзда, депутаты приглашены были на ужинъ къ графинѣ Уваровой. Здѣсь, среди оживленной товарищеской бесѣды, продолжившейся за полночь, В. З. Завитневичъ поднялъ вопросъ о необходимости основать періодическій органъ по русской археологіи, который выходилъ бы хотя небольшими выпусками, въ малые промежутки времени и заключалъ бы въ себѣ: 1) цѣликомъ или въ извлеченіи протоколы всѣхъ русскихъ ученыхъ обществъ имѣющихъ отношеніе къ археологіи; 2) критико-біографическій обзоръ по русской археологіи; 3) описаніе неизданныхъ коллекцій и вообще свѣдѣнія о накопившемся у насъ археологическомъ матеріалѣ; 4) хронику археологическихъ открытій; 5) свѣдѣнія о движеніи археологіи въ Западной Европѣ; 6) статьи общаго интереса по археологіи Осуществленіе такого изданія В. З. считалъ наиболѣе удобнымъ при Московскомъ Археологическомъ Обществѣ. При этомъ В. З представилъ разработанныя имъ соображенія по этому вопросу *) къ которому присутствующіе отнеслись весьма сочувственно.

Зимнее время препятствовало устройству раскопокъ. Но гости воспользовались Съѣздомъ для посѣщенія памятниковъ Московскихъ. Были осмотрѣны: Кремлевскій дворецъ съ его древними храмами и теремами, Оружейная палата, соборы Кремлевскіе и Покровскій, Патріаршая ризница, музеи,—при чемъ повсюду гости встрѣтили самое предупредительное вниманіе и содѣйствіе лицъ, хранящихъ названныя святыни, памятники и собранія. Наконецъ, 25-го числа бывшіе члены Съѣзда, имѣя во главѣ графиню П. С. Уварову, съѣздили въ Троицкую Сергіеву Лавру, гдѣ были радушно приняты о. намѣстникомъ архимандритомъ Леонидомъ и прочимъ духовенствомъ. Властями Лавры были приготовлены экипажи, благодаря чему гости успѣли посѣтить всѣ достопримѣчательности древней святыни; маститый археологъ, о. намѣстникъ Леонидъ, предложилъ гостямъ трапезу и поднесъ на память различныя брошюры, посвященныя исторіи и древностямъ Святой Лавры.

---

*) См. „Древности“ т. XV, Протоколы, стр 191—192.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ВЫСТАВКА.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

ЦЕРКОВНЫЯ ДРЕВНОСТИ.

Е. К. Рѣдина [1]).

Главный интересъ и богатство Выставки VIII Археологическаго Съѣзда заключались въ предметахъ, любезно предоставленныхъ для нея ризницами многихъ монастырей, церквей и частными собраніями памятниковъ религіознаго искусства. Здѣсь почти впервые пришлось встрѣтиться съ русскими художественными предметами на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ, возникшими подъ различными вліяніями и условіями. Выясненіе этихъ вліяній и классификація памятниковъ составляютъ еще задачу будущаго историка нашего искусства. Матеріаловъ для этой исторіи уже накопилось много, но, къ сожалѣнію, они еще малоизвѣстны, разсѣяны въ различныхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества и едва доступны для изслѣдователя. Поэтому-то Выставка VIII-го Археологическаго Съѣзда и представляла столь сильный интересъ для всякаго, занимающагося исторіей русскаго искусства, давая ему возможность обозрѣть въ одномъ мѣстѣ значительное число драгоцѣнныхъ памятниковъ. Памятники эти относились къ весьма разнообразнымъ отраслямъ художественнаго производства: къ рѣзьбѣ по дереву, слоновой кости, мѣди, серебру и золоту, къ шитью золотомъ, шелкомъ, къ живописи на тканяхъ, къ иконописи и т. д.

Изъ монастырей и церквей, доставившихъ различнаго рода памятники церковнаго употребленія, отмѣтимъ: монастыри Оршанскій, Макарьевско-Унженскій, Слуцкій Свято-Троицкій, Лихвинскій, Покровскій-Добрый, Троицкій, Калязинскій, Спасо-Прилуцкій, Путивльскій, Печерскій, Николо-Радовицкій, Брянскій, Свѣнскій, церковь села Покровскаго, Екатеринославскаго уѣзда, Владимірскій Успенскій соборъ, ц. села Ивановскаго, Волоколамскаго уѣзда, Вязниковскій Казанскій соборъ и др. Изъ частныхъ собраній, укажемъ на богатѣйшую коллекцію древностей Н. М. Постникова, собранія С. Т. Большакова, И. Л. Силина, Н. Л. Шабельской; Музеевъ: Тверскаго, Рязанскаго, Гр. А. С. Уварова, Александро-Невскаго Братства во Владимірѣ и др.

Не имѣя возможности подробно останавливаться на каждомъ изъ этихъ собраній, обладающихъ драгоцѣнными памятниками искусства, бросимъ взглядъ лишь на самые интересные изъ ихъ числа. По богатству предметовъ, особенно замѣчательно собраніе Н. М. Постникова. Оно даетъ чрезвычайно богатый матеріалъ для исторіи

[1]) Перепечатано съ допол. изъ Вѣстн. Изящ. Иск., 1890 г., т. VIII, какъ и двѣ слѣдующія статьи Д. В. Айналова.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

русской иконописи. Чтобы облегчить его изученіе, владѣлецъ его, еще въ 1888 г., издалъ каталогъ съ 45 фотогравюрами. Каталогъ этотъ, за исключеніемъ фотогравюръ, былъ изданъ вторично, по случаю Выставки, на которой указанное собраніе занимало двѣ залы (5-ю и 6-ю). Хотя со сдѣланнымъ въ каталогѣ распредѣленіемъ предметовъ по эпохамъ и школамъ можно и не соглашаться, однако нельзя не оцѣнить труда составителя этой книги, постаравшагося внести хотя нѣкоторое освѣщеніе въ то громадное количество предметовъ, которыми богато его собраніе.

Точное, научное различеніе школъ нашей иконописи, отличительныхъ признаковъ каждой, опредѣленіе элементовъ и характера вліянія на нее иконографіи византійской и западной составляютъ пока лишь предметъ желанія и ожиданія [1]). Поэтому, при указаніи на нѣкоторые наиболѣе интересные памятники, мы будемъ, главнымъ образомъ, касаться лишь ихъ содержанія.

Разсматривая иконы Н. М. Постникова и нѣкоторые памятники другихъ коллекцій, нельзя не замѣтить того вліянія, какое оказали на нихъ, а, слѣдовательно, и вообще на наше религіозное искусство, апокрифы вообще и, въ частности, апокрифическія Евангелія, повѣствующія о родителяхъ Пресв. Дѣвы, Іоакимѣ и Аннѣ, о жизни Богородицы до Рождества Христова, о послѣднихъ дняхъ предъ Ея Успеніемъ, о самомъ Успеніи и т. п., т. е. о тѣхъ фактахъ, о которыхъ мало или вовсе не сообщается въ каноническихъ Евангеліяхъ. Въ Византіи, апокрифическія Евангелія имѣли большое распространеніе и вліяніе на искусство. Изображенія, иллюстрирующія жизнь Богородицы на основаніи этихъ апокрифическихъ книгъ, начинаютъ встрѣчаться въ византійскомъ искусствѣ съ IX в., когда сказаніе объ этой жизни многими своими чертами переходитъ въ церковную среду и обрядъ [2]). И въ Россіи, какъ оказывается, апокрифическія Евангелія имѣли большое вліяніе и распространеніе— главнымъ образомъ Протоевангеліе Іакова и Евангеліе Никодима. Списки, въ которыхъ помѣщаются эти сказанія и ихъ пересказы, относятся къ довольно раннему времени; такъ, мы находимъ ихъ въ Минеяхъ-Четіяхъ, въ спискахъ XV—XVI в. Сказанія эти и въ Россіи, какъ въ Византіи, передавались въ рѣчахъ проповѣдниковъ и служили имъ для поученія. Такъ, вліяніе Протоевангелія видно въ словѣ на Благовѣщеніе митр. Фотія (1410—1431), въ словѣ Григорія Симвлака на Рождество Богородицы и др. [3]). Такимъ образомъ, и здѣсь повторилось то же самое.

---

[1]) Единственнымъ, не утратившимъ еще и теперь своего значенія, пособіемъ при различеніи техническихъ особенностей школы иконописанія является трудъ *Д. А. Ровинскаго „Исторія русскихъ школъ иконописанія до конца XVII вѣка“. (Запис. Импер. Археол. Общ.* VIII-й т. СПБ., 1856).

[2]) Объ этомъ подробно см. въ соч. *Д. Айналова* и *Е. Рѣдина*: „Кіево-Софійскій соборъ“ (въ *Зап. Имп. Рус. Арх. Общ.* IV, с. 304—305). Съ изображеніями, иллюстрирующими, на основаніи тѣхъ же апокрифовъ, нѣкоторыя важнѣйшія событія житія Прес. Богородицы, каковы Благовѣщеніе, Испытаніе водою обличенія, Рождество Христово, мы встрѣчаемся еще въ V—VI вв. (См. указаніе на рядъ памятниковъ этого времени въ статьѣ *Д. В. Айналова* „Пластинка диптиха изъ слоновой кости изъ собранія графа Г. С. Строганова въ Римѣ“ въ *„Археол. Изв. и Зам.“* I (1893, 201—208).

[3]) *Сахаровъ*, „Апокрифическія и легендарныя сказанія о Пресвятой Дѣвѣ Маріи“, 1838, стр. 53—61. О переводахъ въ славянской литературѣ апокрифическихъ евангелій см. изслѣдованіе *М. Сперанскаго* „Славянскія апокрифическія евангелія“ (общій обзоръ). Москва, 1895. (Труды VIII Арх. Съѣз., т. II.).

что было въ Византіи, — переходъ содержанія апокрифовъ въ церковный обрядъ и среду, а потому естественно, что руское искусство, пошедшее по слѣдамъ византійскаго, держалось того направленія, которое замѣчается въ послѣднемъ, начиная съ IX в., и особенно развивается въ X—XIII вв. Дѣйствительно, въ памятникахъ русскаго искусства, начиная, главнымъ образомъ, съ XV—XVI в., мы встрѣчаемъ изображенія на сюжеты изъ жизни Богоматери, то какъ иллюстраціи къ Протоевангелію, то какъ иконы на Богородичные праздники.

Укажемъ на нѣсколько примѣровъ, взятыхъ изъ предметовъ Выставки VIII-го Археологическаго Съѣзда. По несомнѣнному вліянію на нее Протоевангелія и сказанія о послѣднихъ дняхъ жизни Богородицы, особенно интересна *икона Владимірской Божьей Матери*, изъ собранія Н. М. Постникова, № 12. Доска 10×12 вер. Изображенія жизни Богородицы, по справедливому замѣчанію В. Н. Щепкина, б. м. копируютъ болѣе ранніе образцы XV в.; но были-ли послѣднія на самой иконѣ — трудно сказать. Икона, по замѣчанію В. Н. Щепкина, съ цикломъ своихъ изображеній — имѣетъ ближайшую аналогію съ Суздальскимъ и Рязанскимъ воздухами XV вѣка. (См. изслѣдованіе *Щепкина* „Памятникъ золотаго шитья начала XV вѣка". *Труды Моск. Арх. Общ.*, XV, 1894, въ которомъ (стр. 48) воспроизведены надписи описываемой иконы, заимствованныя нами). Въ срединѣ иконы изображена Богородица съ Младенцемъ - Христомъ на рукахъ; эта икона иного письма, чѣмъ тѣ изображенія, что идутъ вокругъ нея; послѣднія иллюстрируютъ жизнь Богоматери, на основаніи апокрифовъ: 1) Іоакимъ и Анна приносятъ дары во храмъ [1]); 2) дары ихъ отвергаются первосвященникомъ за безчадіе [2]); 3) удалившемуся въ пустыню Іоакиму является Ангелъ съ радостной вѣстью о томъ, что Анна разрѣшена отъ безплодія [3]) 4) Аннѣ, молящейся въ саду, является Ангелъ и возвѣщаетъ о томъ, что молитва ея услышана („моле́ніе а҃ны в сѧ҃з"); 5) Іоакимъ и Анна встрѣчаются послѣ разлуки; („ꙁачѧ҃е акимꙋ съ а҃но ꙁачѧтию б҃ цы"); 6) („рождество ст҃ы бц҃ы"); 7) („храненіе бц҃ы. Іоакимъ и Анна, сидя, держатъ на колѣняхъ младенца Марію и съ любовью смотрятъ на Нее; 8) „поставленіе ст҃ы бц҃ы": родители смотрятъ, какъ Марія дѣлаетъ опытъ ходьбы; 9) введеніе в ц҃рко ст҃ыѧ бц҃ы"; 10) „благовѣщеніе стыѧ бц҃ы": дѣйствіе перенесено въ храмъ; Богородица стоитъ предъ аналоемъ; 11) „прозꙗбленіе жезла": первосвященникъ молится предъ престоломъ, на которомъ лежатъ жезлы, а Богородица стоитъ во святая-святыхъ; 12) „пріемле ї҆осифъ девицю": первосященникъ благословляетъ Іосифа, держащаго процвѣтшій жезлъ, позади него три старца, а далѣе Богородица; 13) „бц҃а пиѣ водꙋ обличенѧ"; первосвященникъ, испытывая чистоту Богородицы, поднесъ ей воду въ сосудѣ, сзади первосвященника видны старецъ и юноша; 14) „моленіе на горѣ (Хривди (?)) [4]) стыѧ бц҃ы"; 15) „бц҃а пріемлѣ травіе ѿ анигла": сидящей Богородицѣ Ангелъ, предъ ея Успеніемъ, поднесъ пальмовую вѣтвь, кото-

---

1) „принесеніе даро҃ Акимꙋ с Анною".

2) „возвращеніе даромъ Акимꙋ с Анною".

3) „Моленіе Акимꙋ в пꙋстынѝ".

4) Такъ приблизительно прочитано нами названіе горы.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

рую апостолы должны будутъ нести предъ ея гробомъ; 16) „бїа ѹготовле одръ на ѹпеніе“: она сидитъ предъ одромъ; возлѣ нея стоятъ три женщины; 17) „ѹспеніе стыа бїы“; 18) „положеніе ризы стыа бїы“: святитель и народъ стоятъ предъ дверьми трехкупольнаго храма, на которыхъ виситъ икона Владимірской Богоматери.

Почти таково же содержаніе другой иконы, принадлежащей къ собранію И. Л. Силина, на которой, однако, всѣхъ изображеній, иллюстрирующихъ жизнь Богородицы, двѣнадцать, въ томъ числѣ одно новое, не имѣющееся на вышеозначенной иконѣ: іереи благословляютъ Богородицу на пиру, который Іоакимъ устроилъ по случаю великой радости; а одно изображеніе пополнено любопытною подробностью: въ сценѣ встрѣчи Іоакима и Анны, представлено ложе, какъ указаніе на то, что зачатіе Богородицы было дѣйствительное, а не чудесное [1]).

До какой степени вообще было сильно въ XVI—XVII вв. вліяніе апокрифовъ о Богородицѣ на искусство, и какою популярностью пользовались они тогда на Руси, явствуетъ, независимо отъ другихъ извѣстныхъ памятниковъ этого времени, изъ того обстоятельства, что основанныя на нихъ иллюстраціи мы находимъ далѣе, на такихъ предметахъ, какъ священнослужительскія одѣянія, покровы для св. Даровъ и т. п. Таковы, напр., бывшая на Выставкѣ *епитрахиль* южно-русскаго шитья, съ означеніемъ 1640 г., изъ сел. Пуховки, Остерскаго уѣзда, Черниговской губ., (собраніе Церковно-Археол. Музея Кіевской Духовной Академіи) [2]) и *покровы* св. Даровъ XVII в. изъ Древлехранилища Александро-Невскаго Братства во Владимірѣ [3]). На послѣднихъ мы видимъ слѣдующія изображенія: вверху—Господь Саваоѳъ, со сферой въ рукахъ; ниже, на правой сторонѣ покрововъ, Ангелъ является молящемуся Іоакиму, а на лѣвой—молящейся въ саду Аннѣ; вторую нижнюю часть покрововъ занимаетъ зданіе съ тремя отдѣленіями: одно представляетъ лѣстницы, другое — комнату, гдѣ покоится на ложѣ св. Анна, третье — часть комнаты, въ которой служанки заняты омовеніемъ младенца Маріи. На епитрахили изображено явленіе Ангела Іоакиму и Аннѣ [4]).

Подъ вліяніемъ же апокрифовъ возникли такія изображенія, которыя, хотя и не представляются прямо иллюстраціями Протоеванглія, однако являются тѣмъ, что мы дѣйствительно разумѣемъ подъ словомъ «икона», т. е. изображеніе одного событія или лица, празднуемаго или чествуемаго въ извѣстный день. Къ числу такихъ иконъ относятся, напр., въ собраніи Н. М. Постникова, изображенія: *Благовѣщенія* (№№ 25, 99),

---

[1]) По замѣчанію проф. *А. И. Кирпичникова* такое изображеніе—какъ бы художественное выраженіе протеста противъ отступленія католической церкви отъ св. преданія относительно зачатія Богородицы; имъ указывается икона изъ коллекціи Сорокина (въ Кіевскомъ Христ. Музеѣ), бывшая также на Съѣздѣ съ изображеніемъ встрѣчи Іоакима и Анны съ отмѣченной выше подробностью.

[2]) Катаг. выст. зала 8, № 23.

[3]) Тамъ-же, № 17.

[4]) Укажемъ еще, для большей подробности, на изображеніе Рождества Богородицы на одной *палицѣ*, принадлежащей Звенигородскому Саввинскому монастырю и составляющей вкладъ царя Алексѣя Михайловича (фотографія г. Барщевскаго, въ Имп. Публ. Библ., № 724).

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Рождества Христова (№№ 104, 108, 109), *Успенія Пр. Богородицы* (№№ 100, 3144), *Введенія во храмъ* (№ 806), *Рождество Богородицы* (№ 357) [1]) и др.

На нѣкоторыхъ изъ только-что названныхъ иконахъ, какъ и на многихъ другихъ, прототипы которыхъ надо искать, конечно, въ византійскомъ искусствѣ, замѣчается стремленіе къ осложненію сравнительно съ памятниками этого искусства; осложненіе это, впрочемъ, не вноситъ въ икону чего-нибудь лишняго, нарушающаго общую ея идею; напротивъ, оно отличается строгой воздержанностью и гармоничностью соединенія отдѣльныхъ моментовъ иконы. Такъ, напр., на иконѣ Рождества Христова представляется не только это событіе, но и рядъ предшествующихъ и послѣдующихъ фактовъ, стоящихъ въ тѣсной зависимости и ближайшей связи съ нимъ по времени. Путешествіе въ Виѳлеемъ, Путешествіе волхвовъ на поклоненіе Христу, Избіеніе младенцевъ, Спасеніе Елизаветы съ младенцемъ Іоанномъ, Бѣгство во Египетъ (икона изъ собранія г. Постникова № 108, нов. письма). Необходимо, впрочемъ, замѣтитъ, что и въ этомъ стремленіи къ осложненію русская иконографія слѣдуетъ древнѣйшему способу изображенія жизни Христа, Богоматери и Святыхъ. На древнехристіанскихъ и византійскихъ триптихахъ и диптихахъ, обыкновенно помѣщалось въ срединѣ изображеніе Христа и Богоматери, а вокругъ нихъ размѣщались сверху и снизу сцены, относящіяся къ различнымъ моментамъ ихъ жизни. Таковы, напр., два Миланскихъ диптиха, диптихъ Парижскій Національной Библіотеки и др. Такіе же главные моменты изъ жизни извѣстнаго святаго лица встрѣчаются обыкновенно и въ стѣнной росписи византійскихъ церквей; такъ, изъ событій жизни Іисуса Христа, касающихся Его дѣтства, тѣ, которыя изображены на описанной только что иконѣ (№ 108), встрѣчаются весьма часто (напр. въ соборѣ Монреале). При посвященіи придѣла церкви тому или другому Святому, обыкновенно и роспись его посвящается этому лицу; напр., въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, придѣлы во имя Св. Великом. Георгія и Св. Петра расписаны изображеніями сценъ изъ ихъ жизни.

Изъ иконъ, отличающихся наибольшею сложностью, остановимся на одной интересной для насъ особенно потому, что сюжетъ ея, такъ же, какъ и предыдущихъ, о которыхъ мы говорили, заимствованъ изъ апокрифическихъ Евангелій, а именно на иконѣ Воскресенія Господня.

На выставкѣ VIII Археологическаго Съѣзда, иконъ Воскресенія Господня находилось громадное количество, въ каждомъ собраніи по нѣскольку; въ ихъ композиціи любопытно прослѣдить болѣе или менѣе значительныя варіаціи.

Въ собраніи г. Постникова заинтересовали насъ особенно три иконы, представляющія послѣдовательную градацію въ осложненіи изображенія главнаго момента Воскресенія Христова.

Прежде, чѣмъ приступимъ къ описанію этихъ иконъ, скажемъ нѣсколько словъ

---

[1]) Эту икону отмѣчаетъ *В. Н. Щепкинъ* въ указанномъ уже ранѣе изслѣдованіи; на ней, кромѣ главнаго сюжета, изображены: встрѣча Іоакима и Анны, Іоакимъ въ горахъ, Анна въ саду и ниже главнаго изображенія цистерна и пьющія изъ нея двѣ птицы и по сторонамъ, на лугу, двѣ пары птицъ; это по остроумному замѣчанію автора художественная передача того мѣста въ «плачѣ» Анны, гдѣ она сравниваетъ себя съ птицами (*Труды Моск. Арх. Общ.*, XV (1894, 51).

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

объ изображеніи Воскресенія Христова въ византійской иконографіи, дабы чрезъ то выяснить, что внесено было новаго въ русскія иконы по части этого изображенія, и какими элементами осложнилось въ нихъ.

Воскресеніе Христово—событіе, облеченное святостью и таинственностью въ самомъ разсказѣ каноническихъ Евангелій,—въ византійскомъ искусствѣ не воспроизводилось въ томъ видѣ, какъ въ современной иконописи, которая изображаетъ Христа возлетающимъ вверхъ изъ гроба, съ побѣдною хоругвью въ рукѣ; такое изображеніе весьма обычно въ западномъ искусствѣ въ XIV—XVI вв , а изъ него, въ XVII в., перешло въ Россію, но не получило въ нашей иконописи большаго распространенія. Византійское искусство представляло Воскресеніе Христово, изображая гробъ Господень со стрегущими его воинами и сидящимъ у него Ангеломъ, который возвѣщаетъ о возстаніи Спасителя женамъ, пришедшимъ ко гробу, или изображало воскресшаго Христа нисходящимъ во адъ для уничтоженія власти діавола и освобожденія людей отъ грѣха, проклятія и смерти. Изображеніе Воскресенія Христова подъ видомъ Сшествія во адъ стало извѣстно съ VII—VIII вв. и сдѣлалось въ послѣдующее время весьма обычнымъ въ византійскомъ искусствѣ. Будучи основано на разсказѣ апокрифическаго Евангелія Никодима (гл. XVII—XXVI), повторяемомъ многими отцами Церкви, оно представляется въ слѣдующихъ чертахъ: въ болѣе древнихъ памятникахъ, какъ, напр., въ Хлудовской псалтыри, Христосъ стоитъ на олицетвореніи ада, имѣющемъ видъ античнаго Силена, и простираетъ руку къ Адаму и Евѣ [1]); въ болѣе позднихъ памятникахъ (X—XII вв.), Спаситель стоитъ на вереяхъ, лежащихъ крестъ на крестъ, и подаетъ руку Адаму и Евѣ; по ту и другую сторону отъ Него стоятъ ветхозавѣтные праведники, въ саркофагахъ, или у подошвы горы, какъ, напр., въ Кіево-Софійскомъ соборѣ и въ Монреальскомъ соборѣ; сатана лежитъ поверженнымъ подъ вратами, и около него разбросаны различные орудія и приборы, скрѣплявшіе врата ада.

Вслѣдствіе соотвѣтствія Сошествія Христа во адъ съ идеей всеобщаго воскресенія [2]), большая часть событій, являющихся его результатомъ и описанныхъ въ Евангеліи Никодима, перешла въ изображеніе Страшнаго суда; таковы, напр., шествіе праведныхъ въ рай, благоразумный разбойникъ съ крестомъ въ раю, представленные во фрескахъ монастыря Кахріе-Джамія, въ Константинополѣ, Кириллова монастыря въ Кіевѣ, и проч.

Но въ отдѣльномъ представленіи Сошествія Христа во адъ, какъ образа Воскресенія Христова, этихъ подробностей, связанныхъ съ означеннымъ событіемъ (разрушеніе власти сатаны, связаніе и окованіе его цѣпями, шествіе праведныхъ въ рай, благоразумный разбойникъ въ раю), не встрѣчается; изображеніе отличается простотою композиціи; лишь въ видѣ исключенія встрѣчаются иногда сложныя композиціи, обусловленныя, однако, или символизаціею, или стремленіемъ художника со-

---

[1]) Ср. также изображеніе на слоновой кости у *Гори*, Thesaurus vet. dipt., III, tav. XIV.

[2]) *Н. В. Покровскій.* Страшный судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусствъ (*Труды VI Арх. Съѣзда*, III, 302, Одесса 1887).

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

чинять обрядныя, показныя сцены. Таково, напр., изображеніе Воскресенія Христова въ миніатюрахъ рукописи Григорія Богослова, XIII в., въ которыхъ оно расположено въ девяти поляхъ: Христосъ во адѣ, по сторонамъ—Богородица со святыми женами и апостолы; выше—четыре Архангела со свѣщниками и два низлетающіе Ангела; ниже—воскресшіе, со свѣчами въ рукахъ, привѣтствуютъ Спасителя [1]).

Обратимся теперь къ русскимъ иконамъ Воскресенія Христова и разсмотримъ ихъ образцы, входящіе въ составъ собранія г. Постникова. Русская иконографія подобно византійской, представляетъ Воскресеніе Христово въ видѣ сошествія Спасителя во адъ, но осложняетъ его такими подробностями, введеніемъ такихъ моментовъ, предшествующихъ сошествію Христа во адъ и слѣдующихъ за нимъ, какихъ въ византійскихъ изображеніяхъ не встрѣчается.

Такъ, на одной иконѣ (№ 384, Строгановскаго письма, XVI в., по опредѣленію каталога Постникова), кромѣ изображенія самаго сошествія Христова во адъ и освобожденіе Адама и Евы, представлены слѣдующіе эпизоды: 1) Распятіе Христово, 2) Положеніе во гробъ, 3) Возстаніе изъ гроба, 4) Жены-мvроносицы у гроба, 5) Явленіе Христа двумъ ученикамъ. Изображеніе этихъ сценъ основано на повѣствованіи каноническихъ Евангелій и перенесено въ икону, очевидно, лишь для полнѣйшей характеристики главнаго событія. Композиція ихъ весьма сходна съ композиціей тѣхъ же изображеній въ византійскомъ искусствѣ. Сверхъ указанныхъ сценъ, воспроизведенныхъ согласно разсказу каноническихъ Евангелій, на иконѣ представлены другія сцены, тѣсно связанныя съ главною и основанныя уже на разсказѣ Евангелія Никодима: 1) Сошествіе Христа въ пасть ада, для изведенія праведниковъ, 2) Благоразумный разбойникъ предъ вратами рая, 3) Благоразумный разбойникъ въ раю предъ Иліею, Енохомъ и другими праведниками; тутъ же, въ раю, изображено лоно Авраамово, быть можетъ, не безъ вліянія изображенія Страшнаго суда, въ которомъ оно является и въ русской иконописи.

На другой иконѣ (№ 120) прежде всего обращаетъ на себя вниманіе главное событіе—Сошествіе Христа во адъ. Оно представлено въ оригинальномъ видѣ: Христосъ стоитъ на вереяхъ ада, висящихъ надъ пропастью, куда Ангелы, стоящіе позади Христа, низвергаютъ служителей сатаны; десницу свою Христосъ подаетъ Адаму, а въ шуйцѣ держитъ разодранное пополамъ рукописаніе послѣдняго, которое подалъ ему одинъ изъ служителей сатаны, стоящій тутъ же. Къ стопамъ Спасителя припала Ева; по правую сторону отъ Него, стоятъ ветхозавѣтные праведники, а подъ ними, въ пасти ада, въ головѣ огромнаго чудовища,—видны воскресшіе мертвецы, въ бѣлыхъ саванахъ, молитвенно простирающіе ко Христу свои руки. Такимъ образомъ, композиція Сошествія Христа во адъ существенно отличается здѣсь отъ той, какая намъ извѣстна въ византійскомъ искусствѣ; между прочимъ, въ послѣднемъ мы не встрѣчаемъ ни изображенія ада въ видѣ чудовища, ни выходящихъ изъ него мертвецовъ; въ десницѣ своей Христосъ обыкновенно держитъ высокій крестъ—знакъ по-

---

[1]) *Н. Кондаковъ.* Исторія византійскаго искусства и иконографіи по миніатюрамъ греческихъ рукописей. Одесса, 1876, стр. 202.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

бѣды надъ смертью, положенной Христомъ по просьбѣ праведниковъ въ самомъ аду, какъ разказывается о томъ въ Евангеліи Никодима (гл. XXIV); здѣсь же видимъ въ рукахъ Христа рукописаніе Адамово.

Это, держимое Христомъ, рукописаніе приводитъ на память наши отреченныя сказанія о рукописаніи, данномъ діаволу Адамомъ, извѣстныя въ славянскомъ ветхозавѣтномъ апокрифѣ „Слово о Адамѣ“ и „О исповѣданіи Евинѣ“. Эти два апокрифа, составляютъ двѣ разныя редакціи одного и того же апокрифа, составляющаго передѣлку греческаго „Апокалипсиса Моисея“. Существеннымъ отличіемъ славянскаго апокрифа отъ греческаго представляется, между прочимъ, разсказъ, на основаніи котораго составилось отдѣльное сказаніе о рукописаніи Адама, пользовавшееся у насъ такимъ широкимъ распространеніемъ, что Максимъ Грекъ, въ XVI вѣкѣ, нашелъ необходимымъ опровергать его, вмѣстѣ съ другими ложными и суевѣрными сказаніями [1]). Для объясненія разсматриваемаго нами изображенія, можно привести разсказъ одной изъ редакцій этого сказанія, найденной проф. Н. Тихомировымъ въ раскольничьей рукописи, подъ заглавіемъ: „Рожденіе Каина и рукописаніе Адама“. Адамъ далъ рукописаніе діаволу за освобожденіе Каина отъ двѣнадцати зміиныхъ головъ, съ которыми родился этотъ послѣдній, и которыя терзали Еву, когда она кормила грудью Каина; это рукописаніе, вмѣстѣ со зміиными головами, было положено діаволомъ въ Іорданъ. При крещеніи своемъ въ этой рѣкѣ, Христосъ сокрушилъ ихъ въ водѣ. „И видѣ діаволъ зміевы головы сокрушены,— говорится далѣе въ означенномъ памятникѣ, — тогда взя діаволъ и останокъ того рукописанія и внесе во адъ, идѣже заключени быша святіи. Егда Господь нашъ Іисусъ Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, тогда и останокъ того рукописанія Адамова растерза и заглади, и діавола связа, а души изъ ада свободи, и въ первую породу въ рай введе къ своему отцу и къ своему хотѣнію“ [2]). Приведенный разсказъ сказанія, конечно, можетъ служить объясненіемъ указанной детали въ описываемой иконѣ, но ставить его какъ непосредственный источникъ—нельзя; послѣднимъ прежде всего и несомнѣнно могли служить праздничныя пѣснопѣнія, въ которыхъ указывается, что Христосъ „Адамовъ грѣхъ и согрѣшеній нашихъ рукописаніе раздери“ (тропарь и акаѳ. пресв. Б. конд. 12) [3]). Такого приблизительно содержанія и подписи на разодранныхъ свиткѣ, который держитъ Христосъ на нѣкоторыхъ иконахъ; напр. на Ушаковской иконѣ: „Адама грѣхи рукописаніе, преступленія“; на иконѣ XVII в., въ Христорождественской церкви въ Ярославлѣ: „рукописаніе Адамле раздра, тѣмъ начала и власти тьмы разрушивъ и обличивъ“ [4]).

Изображеній на разсматриваемой иконѣ коллекціи г. Постникова, слѣдующихъ разсказу каноническаго Евангелія, немного, сравнительно съ предыдущей иконой: только одно жены — міроносицы у гроба Господня, охраняемаго четырьмя спящими

---

[1]) *И. Порфирьевъ.* Исторія русской словесности Казань. 1886, I. 232—235.

[2]) *Тихонравовъ.* Памятники отреченной русской литературы, СПБ. 1863, I, 16—17. *Порфирьевъ*, l. c. 233.

[3]) *Н. В. Покровскій*, Евангеліе въ памятникахъ иконографіи преимущественно византійскихъ и русскихъ, СПБ. 1892, стр. 414.

[4]) *Н. В. Покровскій*, ук. соч. 408—409.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

воинами; Ангелъ указываетъ женамъ на пелены, а сбоку, въ миндалевидномъ ореолѣ, Іисусъ Христосъ, окруженный лучами, стоитъ съ крестомъ въ рукахъ, устремивъ взоры вверхъ. Остальныя изображенія представляютъ сцены, происходящія въ аду: Ангелы, съ крестами въ рукахъ, устремляются внутрь ада, гдѣ сидитъ у дверей сатана; по обѣимъ сторонамъ дверей стоятъ праведники; далѣе Ангелы сковываютъ сатану. Внѣ ада, въ пространствѣ, огражденномъ стѣнами, Христосъ подаетъ крестъ благоразумному разбойнику; послѣдній стоитъ у дверей ада, къ которымъ подходятъ святые. Въ верхней части иконы изображенъ рай—садъ, огражденный стѣнами; святые встрѣчаютъ благоразумнаго разбойника, который изображенъ вторично, въ бесѣдѣ съ Иліей и Енохомъ.

Въ третьей иконѣ (№ 188, Московск. письма, XV ст., по кат. Постникова) изображеній, основанныхъ на каноническомъ Евангеліи, совсѣмъ нѣтъ, и она представляетъ непосредственную иллюстрацію разсказа Евангелія Никодима (гл. XVII—XXVI), извѣстнаго на греческомъ языкѣ уже въ IV—VI стол., а у насъ въ переводѣ,—въ XIV—XV стол. Сцены на ней изображены почти тѣ же, что и на предыдущей иконѣ. Поэтому, считая излишнимъ описывать ихъ, приведемъ только надписи надъ ними, передающія, въ главныхъ чертахъ, содержаніе упомянутаго разсказа Евангелія Никодима: 1) „Воскресъ Іисусъ отъ гроба яко женихъ отъ чертога“ (Христосъ возстаетъ изъ гроба, крышку котораго снимаетъ Ангелъ); 2) „Силы же его рѣша; возмите врата князи ваши і внидетъ царь славы“ (Ангелы Господни устремляются къ адскимъ вратамъ); 3) „Повелѣ Господь связати сатану узами не рѣшимыми на ѧ лѣтъ и предати его аду (Ангелы сковываютъ сатану); 4) „Праведницы шедше во святой рай радующеся и поюще: благословенъ грядый во имя Господне. Господь же рече къ нимъ идите поспешницы мои“; 5) „Господь даде разбойнику крестъ и посла его въ рай“; 6) „Вниде разбойникъ во святый, и возбрани ему пламенное оружіе, абіе возвратися вспять. Разбойникъ же вторицею пріиде ко вратамъ святаго рая, и показа ему честный крестъ Господень и отверзеся рай“; 7) „Вниде разбойникъ во святый рай и видехъ Илію и Еноха и беседова съ ними о страсти Христовѣ и о победе діавола“ (Разбойникъ, кромѣ того, какъ означено въ надписи, изображенъ въ бесѣдѣ съ Іоанномъ, Енохомъ и Елисеемъ).

Сдѣланный нами обзоръ трехъ иконъ показываетъ, смѣемъ надѣяться, съ достаточной ясностью, какъ осложнился въ русской иконописи византійскій прототипъ Воскресенія Христова, и что внесено въ него новаго. Обзоръ бо̀льшаго числа памятниковъ выказалъ бы и большее количество иныхъ элементовъ, внесенныхъ въ основное изображеніе этого событія.

Среди множества древнерусскихъ изображеній Іоанна Предтечи весьма любопытною является икона изъ собранія г. Постникова № 504 (Монастырскаго письма XVII в., какъ значится въ каталогѣ). Центръ ея занимаетъ фигура св. Іоанна, а вокругъ размѣщены въ квадратахъ сцены его житія. Іоаннъ представленъ крылатымъ, держащимъ въ рукѣ сосудъ съ Агнцемъ—Младенцемъ - Христомъ. Изображенія, иллюстрирующія жизнь Предтечи, суть: Явленіе Ангела Захаріи, Захарія предъ народомъ во храмѣ, Цѣлованіе Богородицы и Елизаветы, Рождество Іоанна, Захарія даетъ имя

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

своему сыну, Спасеніе Елизаветы съ Іоанномъ при избіеніи младенцевъ, Ангелъ Господень уводитъ младенца Іоанна въ пустыню, Іоаннъ молится въ пустынѣ, Крещеніе Іоанномъ народа, Пиръ Ирода, Усѣкновеніе главы Іоанна, Явленіе главы Іоанна.

Въ православной церкви Іоаннъ Креститель пользовался большимъ уваженіемъ уже съ очень ранняго времени. Въ честь его были воздвигнуты уже въ первые вѣка христіанства храмы въ Остіи, Альбанѣ, Константинополѣ, Александріи [1]) и др. мѣстахъ. Но соотвѣтствующихъ этому уваженію изображеній, спеціально посвященныхъ Предтечѣ, въ древнехристіанскомъ искусствѣ не извѣстно. Въ послѣдующую пору встрѣчаются изображенія св. Іоанна не только въ воспроизведеніи тѣхъ событій, въ которыхъ главное дѣйствующее лицо — Спаситель (Явленіе Христа народу, Крещеніе Христа, Сошествіе Христа во адъ и пр.), но и въ отдѣльныхъ изображеніяхъ, спеціально посвященныхъ Предтечѣ и его жизни. Таковъ, между прочимъ, диптихъ, изданный у *Гори,* съ изображеніемъ почти всѣхъ сценъ, которыя мы находимъ на вышеозначенной иконѣ Постниковскаго собранія (напр., Отведеніе св. Іоанна Ангеломъ въ пустыню). Перейдя изъ греческой Церкви въ русскую, почитаніе Св. Іоанна Предтечи получило и здѣсь сильное распространеніе. Такъ, уже въ XII вѣкѣ, является изображеніе, спеціально посвященное Св. Іоанну, въ церкви Спаса въ Нередицахъ; въ концѣ діаконика написана монументальная фигура этого Святого, а по стѣнамъ изображены были эпизоды изъ его жизни. Къ сожалѣнію, эта стѣнная роспись сохранилась только отчасти, и въ настоящее время можно разобрать въ ней только изображеніе мученической кончины Предтечи.

Подборъ сценъ на русскихъ иконахъ Іоанна Крестителя, какой представляетъ намъ описанная выше икона, былъ, очевидно, нерѣдокъ, особенно въ XV—XVI столѣтіяхъ. Примѣромъ можетъ, между прочимъ, служить икона изъ Десятиннаго монастыря, въ Новгородѣ [2]).

Обратимся теперь къ объясненію нашей иконы. Предтеча, какъ мы сказали, представленъ на ней не въ томъ обычномъ видѣ, въ какомъ изображенъ онъ въ сценахъ Крещенія Господня, Перваго явленія Христа народу и др., но въ видѣ крылатаго Ангела, съ сохраненіемъ, однако, типа, присвоеннаго ему вообще въ христіанской иконографіи.

Такой характеръ изображенія основывается не на существовавшемъ еще у древнихъ христіанъ [3]) преданіи, что св. Іоаннъ былъ Ангелъ, принявшій человѣческую плоть, но на его значеніи въ исторіи христіанства, какъ пріуготовителя пути для Христа. „Онъ тотъ—говоритъ Христосъ въ Евангеліи, указывая на пророчество Малахіи,— о которомъ написано, се посылаю Ангела Моего предъ лицомъ Твоимъ, да

---

[1]) *Kraus*, Real-Encyklopädie der christl. Alterthümer, гл. Joh. Bapt., и *Piper*, Johannes der Täufer in griechischen Kunstvorstellungen, въ Evang. Kalender 1867, стр. 59 и слѣд.

[2]) *Преосвящ. Макарій*, Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ. Москва 1860 г. I, 212, II, 119.

[3]) См. объясненіе *Кирилла Александрійскаго* (Comment. in Ioan. I, 6. Opp. t. IV, p. 61). *Piper.*, l. c., 66—67.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

приготовитъ путь Твой предъ Тобою". (Ев. Матѳея, XI, 10–11). „Былъ человѣкъ— пишетъ о немъ евангелистъ Іоаннъ,—посланный отъ Бога... Онъ не былъ свѣтъ, но былъ посланъ, чтобы свидѣтельствовать о свѣтѣ". Какъ Ангела, посланнаго отъ Бога, иконографія надѣлила Предтечу крыльями. Съ какого времени вошло въ обычай изображать такимъ образомъ Іоанна — остается неизвѣстнымъ. Самый древній примѣръ такого изображенія находимъ въ ц. св. Георгія въ Оберцеллѣ, гдѣ, на картинѣ Страшнаго суда, съ одной стороны Христа на тронѣ, представлена Богородица, а съ другой—Ангелъ съ крестомъ въ рукахъ, представляющій собою, вѣроятно, Предтечу [1]). Однимъ изъ древнѣйшихъ изображеній Предтечи съ крыльями можно считать изображеніе на такъ называемыхъ „Васильевскихъ" дверяхъ Троицкаго женскаго монастыря въ г. Александровѣ, Владимірской губ., если только признать, что онѣ относятся, дѣйствительно, къ 1336 г., какъ о томъ свидѣтельствуетъ подпись на нихъ. Затѣмъ, можно указать еще на изображеніе на ракѣ въ Перпиньянѣ и пр. [2]). Отъ XV в. и послѣдующаго времени дошло до насъ уже весьма много памятниковъ съ изображеніемъ Іоанна Крестителя, надѣленнаго крыльями. Въ этомъ видѣ онъ является то отдѣльною фигурою, въ единоличной иконѣ, держащимъ свою усѣченную голову на блюдѣ, какъ въ разсматриваемой нами иконѣ, или же Агнца — Предвѣчнаго Младенца — въ чашѣ, какъ напр. на иконахъ собранія г. Постникова № 320 (Московск. письма, XVIII в.), № 560 и др., то изображается среди другихъ фигуръ на сложныхъ символическихъ иконахъ, каковы, напр., „О тебѣ радуется, обрадованная, всякая тварь" (№ 3026, Строг. письма, XVII в.), „Предста Царица одесную" (№ 3118, Монастыр. письма, XVII в. и № 3042), „Соборъ Пресв. Богородицы", „Что ти принесемъ Христе" (Іоаннъ держитъ свитокъ съ надписью: „И азъ видѣхъ и свидѣтельствовахъ"; надъ нимъ — надпись: „Іоаннъ въ пустыни" (№ 388, Строг. письма) и др.

Изображеніе Іоанна Предтечи крылатымъ встрѣчаемъ также на любопытномъ, расписанномъ красками кускѣ шелковой матеріи, наклеенномъ на холстъ,— памятникѣ, который былъ доставленъ на выставку отцомъ благочиннымъ г. Сѣвска, Орловской губ. [3]). Кромѣ Іоанна Предтечи, мы видимъ на этомъ памятникѣ рядъ другихъ изображеній, любопытныхъ по несомнѣнному вліянію на нихъ западнаго искусства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по удержанію ими многихъ чертъ восточнаго искусства (образъ Предтечи). Въ верхней части изображенъ на облакахъ Господь-Саваоѳъ, съ папской тіарой на головѣ, благословляющій на обѣ стороны (надпись: „Свѣтъ отъ свѣта возсія намъ Господь-Саваоѳъ"). По ту и другую сторону Саваоѳа—Св. Духъ въ видѣ голубя. Центральную часть занимаютъ сидящіе, по сторонамъ дверецъ, на облакахъ, Богородица и Іисусъ Христосъ въ юношескомъ образѣ; подножія ихъ сѣдалищъ поддерживаютъ херувимы. По сторонамъ отъ нихъ стоятъ также на обла-

---

[1]) «Кіево-Софійскій соборъ», стр. 279.

[2]) *Piper* l. c., 64. Извѣстіе арх. Макарія о храмовой иконѣ Предтеченской Новгородской церкви на Опокахъ, будто-бы исполненной греческими иконописцами при первоначальномъ устройствѣ этой церкви въ XII в., основано, повидимому, только на преданіи (Арх. *Макарій*, I с., II стр. 113).

[3]) Катал. выставки, зала 3, № 373.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

кахъ, Пр. Сергій, св. Алексѣй, крылатый Іоаннъ Предтеча и Ап. Петръ, съ ключами въ рукѣ. Памятникъ этотъ относится ко времени царя Іоанна Алексѣевича, 7200 (1692 г.), какъ свидѣтельствуетъ о томъ подпись въ нижней части изображенія, и представляетъ, очевидно, торжествующую небесную Церковь въ единеніи съ земною.

Изъ другихъ памятниковъ древне-русскаго искусства, находившихся на Выставкѣ, заслуживала вниманія нижняя часть деревяннаго *клироса* изъ ц. села Носово, Звенигородскаго уѣзда. Интересъ этой части клироса придаютъ представляемыя ею, рѣдкія въ произведеніяхъ нашего древняго искусства, изображенія сивиллъ, хотя и относящіяся къ довольно позднему времени - прошлому вѣку, или началу настоящаго столѣтія. На этомъ памятникѣ изображены сивиллы: Симія, Димофила, Хивика, Периска, Любика, Елипистенька, Ѳригія, при чемъ въ надписяхъ при каждой приводится приписываемое ей пророчество. Изображенія сивиллъ встрѣчаются впервые въ западномъ искусствѣ и получили въ немъ большую популярность. Въ древнихъ византійскихъ памятникахъ мы ихъ не встрѣчаемъ, но въ позднѣйшихъ подлинникахъ (XVII—XVIII вв.), очевидно, вслѣдствіе западнаго вліянія, онѣ входятъ въ составъ росписи церквей [1]). Въ Россіи стали интересоваться сивиллами только въ XVII столѣтіи. Духовные писатели той эпохи, по словамъ Ѳ. И. Буслаева [2]), вносили въ свои книги религіознаго содержанія подробныя свѣдѣнія объ этихъ языческихъ пророчицахъ. Прекрасныя художественныя изображенія сивиллъ, писанныя масляными красками, несомнѣнно съ западныхъ образцовъ, можно видѣть въ одной изъ рукописей XVII в., въ Румянцевскомъ музеѣ; снимки съ нихъ изданы Ѳ. И. Буслаевымъ въ его „Историческихъ очеркахъ". Изображенія сивиллъ находимъ мы въ иконостасахъ нѣкоторыхъ церквей Новгорода [3]), на дверяхъ Троицкаго собора, Ипатьевскаго монастыря, Московскаго Успенскаго собора и пр. Такимъ образомъ, сивиллы на нижней части клироса церкви села Носово, не составляютъ явленія исключительнаго и любопытны преимущественно какъ доказательство того, что наша иконопись и въ позднее, сравнительно, время, продолжала держаться древнихъ образцовъ.

Въ заключеніе укажемъ еще на одну икону въ собраніи Н. М. Постникова (№ 3028, Монаст. письм.), интересную по доказываемому ею вліянію Запада на нашу иконопись и по чудодѣйственной силѣ, которая приписывалась этому образу, какъ о томъ можно заключить по имѣющейся на немъ надписи. Изображена *Богородица*, одѣтая въ священническую ризу, имѣющую видъ колокола, закрывающаго всю ея фигуру; на головѣ у Богородицы—вѣнецъ, на рукахъ — Младенецъ - Христосъ. Справа и слѣва стоятъ подлѣ нея по два Ангела, со свѣчами въ рукахъ. Внизу изображенъ Виѳлеемъ и сдѣлана надпись: «Сей честный образъ Пресв. Богородицы Маріи званіемъ чюдесъ ея нарицаемая прибавление ума къ житию вселенныя во Христа Іисуса судити живыхъ и мертвыхъ отъ смертнаго убійства защищаетъ и отъ тлетворныхъ вѣтръ и отъ трясовицъ и отъ озена и отъ находа зверей явдовитыхъ...» Неменѣе лю-

---

1) *Didron*, Manuel, 150.

2) Историческіе очерки, II, 364.

3) *Ар. Макарій*, I, с. II, 41—42.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

бопытною является на иконѣ приписка съ датою: «Сей образъ писалъ игуменъ Савватій 7247 (1739) Маіа». На выставкѣ находилась другая икона такого же содержанія, принадлежащая Ярославскому архіерейскому дому (Катал. выст. зала 3, № 108). Иконы той же композиціи и съ тѣмъ же названіемъ: «Прибавленіе ума Пресв. Богородицы» мы встрѣчаемъ въ другихъ мѣстахъ, напр., въ г. Рыбинскѣ, въ Спасо-Преображенской церкви, и въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ, въ Покровской церкви Происхожденіемъ своимъ подобныя иконы обязаны, какъ можно заключить по вышеприведенной надписи и какъ полагаетъ А. Н. Виноградовъ [1]), вѣроятно, «глубокому религіозному вѣрованію простого народа въ Богородицу, какъ въ ходатайницу предъ Сыномъ и Богомъ о дарованіи людямъ благъ духовныхъ и вещественныхъ, можду которыми озареніе ума и сердца божественною истиною занимаетъ самое главное мѣсто».

Представленный нами краткій обзоръ нѣкоторыхъ интересныхъ памятниковъ древнерусскаго искусства, находившихся на Выставкѣ, надѣемся, достаточенъ для того, чтобы показать, какой интересъ представляла она для изучающихъ нашу старину, и какія значительныя и еще неизслѣдованныя сокровища по части означеннаго искусства таятся въ малоизвѣстныхъ церковныхъ и монастырскихъ ризницахъ Россіи, равно какъ и въ коллекціяхъ любителей отечественной старины.

---

1) См. *Извѣстія Импер. Русск. Арх. Общ.*, т. IX, вып. I, стр. 45, рис. съ иконы Преображенской церкви, и здѣсь же, табл. III, 2, а съ иконы Покровской церкви — въ фотографіяхъ г. *Барщевскаго*, № 373, гдѣ представлены надъ Богородицей три херувима, внизу — одинъ херувимъ, а по концамъ — два города, очевидно, Виѳлеемъ и Іерусалимъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Образцы стариннаго русскаго шитья и кружевъ Н. Л. Шабельской.

Д. В. Айналова.

Видное мѣсто на выставкѣ занимали образцы стариннаго русскаго шитья и кружевъ, а также замѣчательный по полнотѣ отдѣлъ національныхъ русскихъ головныхъ уборовъ Н. Л. Шабельской. Не касаясь разнообразныхъ способовъ плетенія и вышиванія [1]), отмѣтимъ здѣсь богатое разнообразіе орнаментальныхъ формъ, прибавляющихъ новые мотивы къ изданнымъ уже образцамъ шитья и вышиванія въ сочиненіи В. В. Стасова: „Русскій народный орнаментъ". Въ этихъ мотивахъ высказываются различные стили нашего народнаго искусства и являются орнаментальные прототипы, свидѣтельствующіе иногда о весьма древнемъ художественномъ преданіи. Здѣсь мы встрѣчаемъ древнѣйшія шаблонныя изображенія геральдическихъ животныхъ — пантеръ, львовъ, собачекъ съ завороченными къ спинѣ хвостами и поднимающихъ лапу къ стоящему между ними цвѣтку,—мотивъ весьма не рѣдкій въ восточномъ орнаментѣ, равно какъ и въ орнаментѣ Греціи, Византіи, Болгаріи, откуда онъ перешелъ и къ намъ; то же самое надо сказать и о мотивахъ звѣрей, бодающихся и лягающихъ другъ друга ногой (Ср. для аналогіи, В. В. Стасова: „Славянскій и восточный орнаментъ", композиціи III, 6; VII, 27; XII и XIII в., а также CXXIII, 5). Весьма часты изображенія единорога, фантастическое происхожденіе котораго, равно какъ и символика христіанскихъ физіологовъ, объясняющая его значеніе, какъ эмблемы Христа, уже съ очень ранняго времени (VII в.) [2]) закрѣпили его изображеніе въ искусствѣ, а слѣдовательно и въ орнаментѣ. Въ народѣ эта фигура извѣстна подъ названіемъ „инрога".

Очень любопытный, но, къ сожалѣнію, въ небольшомъ количествѣ представленный на выставкѣ, разрядъ птицъ рѣзко опредѣленнаго характера, позволяющаго опредѣлить ближе то искусство, которое давало подобные образцы, представляютъ павлины. Тѣло ихъ (особенно № 229 каталога выставки) расшито такимъ образомъ, что

---

[1]) Эта задача будетъ выполнена Н. Л. Шабельской въ отдѣльномъ, предпринимаемомъ ею трудѣ. Свѣдѣнія о различныхъ способахъ вышиванія можно найти въ сочиненіи В. В. Стасова: „Русскій народный орнаментъ".

[2]) Н. П. Кондаковъ, „Исторія византійскаго искусства" стр. 123, прим. 2.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

имѣетъ совершенное сходство со способомъ выдѣлки перегородчатой эмали. Перья на груди и на брюшкѣ, а также на крыльяхъ выполняются разноцвѣтными треугольниками и полукругами, рѣзко другъ отъ друга ограниченными, что уподобляетъ этихъ павлиновъ тѣмъ птицамъ эмальернаго персидскаго производства, которыя были сильно распространены въ русскомъ домашнемъ обиходѣ, а вообще въ орнаментѣ извѣстны съ весьма древнихъ временъ, напр. въ орнаментѣ коптскомъ, византійскомъ, армянскомъ и пр. Извѣстно также, что подобнаго рода голубки (columbae) въ очень раннее время, въ V и VI столѣтіяхъ, употреблялись въ церквахъ для храненія св. Даровъ [1]).

Еще любопытнѣе весьма часто встрѣчаемое изображеніе птицы—Сирина, которая, въ коллекціи орнаментовъ Н. Л. Шабельской, занимаетъ весьма видное мѣсто. Въ русскомъ народномъ орнаментѣ эта птица представляетъ очень часто повторяющійся мотивъ, встрѣчающійся напр., въ Дмитровскомъ соборѣ во Владимірѣ на Клязьмѣ, на изразцахъ, въ вышивкахъ и даже на пряникахъ. Полу-женщина, полу-птица, она сидитъ на вѣтвяхъ среди украшеній, въ кругахъ изъ орнаментальныхъ завитковъ, и друг. Изображеніе птицы съ женской головой появилось въ орнаментѣ весьма рано. Начиная съ древне-греческихъ вазъ, во всемъ восточномъ и европейскомъ орнаментѣ до настоящаго времени это изображеніе попадается весьма часто. Въ византійскомъ и древне-русскомъ орнаментѣ, эту птицу мы встрѣчаемъ на красивыхъ эмалевыхъ привѣскахъ кіевскаго клада (наход. въ Эрмитажѣ), на изразцахъ, на прилѣпахъ церквей XI, XII ст., и т. д. Въ византійскихъ рукописяхъ, каковы Физіологи, книги Іова, можно видѣть всегда пару этихъ птицъ, называемыхъ Сиринами. Онѣ изображаются то вмѣстѣ со строфокамилами въ пустынѣ, гдѣ сидитъ Іовъ, то съ кентаврами, волкодлаками, амазонками, кинокефалами и тому подоб. Затѣмъ, въ XVI, XVII ст., вмѣстѣ съ проникновеніемъ въ русскую письменность иллюстрированныхъ рукописей, извѣстныхъ подъ названіемъ „Александрій", на-ряду съ изображеніемъ всякаго рода чудищъ-волкодлаковъ, кинокефаловъ, кентавровъ, амазонокъ,— снова появляются и сирены. Съ этого времени особенно сильно отмѣчается названіе Сирина „Райской Птицей", и ея изображеніе обыкновенно сопровождается надписями [2]). Д. А. Ровинскій издалъ нѣсколько народныхъ картинокъ, представляющихъ птицу-Сирина, съ надписью, которая пріурочиваетъ ее къ раю: „Птица, глаголемая райская, а о ней свидѣтельствуетъ хронографъ, глава 4" (Ровинскій, „Русскія народныя картинки", 1). Въ другой надписи, выходящей изъ устъ птицы, люди побуждаются къ праведной жизни, чтобы „рай наслѣдовати и слышати пѣніе райскихъ птицъ и видѣти райскія древеса". На второй картинкѣ, птица-Сиринъ названа птицею-Алконостомъ, которая „близъ рая пребываетъ, нѣкогда и на Евфратѣ рѣкѣ бываетъ. Егда же въ пѣніи голосъ испу-

---

[1]) Въ Эрмитажѣ, въ коллекціи Базилевскаго, есть образцы подобнаго рода дарохранительницъ.

[2]) Замѣчательно, что во всемъ изданіи В. В. Стасова: „Славянскій и восточный орнаментъ" птица Сиринъ, изображенная въ коронѣ, сидящею на вѣтвяхъ, съ надписью по сторонамъ, встрѣчается однажды въ орнаментѣ сѣверно-русскомъ, XVIII ст. (табл. LXXIX); орнаментъ же, представляющій птицу съ человѣческой головой, встрѣчается безчисленное множество разъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

щаетъ, тогда и сама себя не ощущаетъ, а кто во близости ея будетъ, то и все въ мірѣ забудетъ. Тогда умъ отъ него отходитъ, и душа его изъ тѣла исходитъ; таковыми пѣснями святыхъ утѣшаетъ и будущую радость возвѣщаетъ" и проч.. Чары пѣнія птицы-Алконоста и ея форма сирены свидѣтельствуетъ, что названіе „Алконостъ" перешло на Сирина подъ вліяніемъ попытокъ опредѣлить видъ чудной и сладкогласной райской птицы, что играло важную роль въ воззрѣніи на міръ нашихъ предковъ, обнаруживавшихъ большой интересъ ко всякаго рода небывальщинамъ и диковинкамъ. Въ надписи, сопровождающей прекрасное изображеніе Сирина на внутренней сторонѣ крышки сундука XVI ст., принадлежащаго Московскому Историческому Музею, о Сиринѣ разсказывается такъ: „Нѣцыи повѣствуютъ о сей птицѣ, яко на морѣ нѣкоемъ обрѣтаются сирены, сладкогласнѣ зѣло поющія, дондеже плавцемъ въ сонъ тяжкій впадати. Имъ же спящимъ, корабль о камень сокрушается, и тако сами пищею сиренамъ бываютъ. Подобнѣ и на земли, егда гласъ услышитъ сладкій, тогда не можетъ возвратитися вспять въ домъ свой, дондеже не умретъ". Эта характеристика Сирина, не оставляющая никакого сомнѣнія относительно его происхожденія отъ Гомеровыхъ сиренъ Одиссеи, и пріуроченіе Сирина къ птицамъ райскимъ, съ названіемъ Алконоста, указываютъ на то, что смута въ представленіи о райской птицѣ и въ ея названіи вызвана сладкогласнымъ пѣніемъ, съ одной стороны, райской птицы, а съ другой—такимъ же пѣніемъ Алконоста и Сирина.

Красивая фигурка райской птицы пользовалась большой любовью въ нашемъ искусствѣ и изображалась повсюду. Вмѣстѣ съ инрогомъ (единорогомъ), коньками и пѣтушками, Сиринъ—весьма распространенная и достаточно осмысленная орнаментальная форма въ нашемъ простонародномъ орнаментѣ. Она слыветъ подъ именемъ „птицы-бабы", „птицы-дѣвицы", причемъ послѣднее названіе дается ей, кажется, преимущественно за длинные распущенные волосы, извѣстные еще на древнѣйшихъ памятникахъ. Какъ „птица-дѣвица", она изображается въ русскомъ кокошникѣ, что указываетъ на измѣненіе оригинала народомъ, такъ какъ птица-Сиринъ обыкновенно изображалась съ короной на головѣ. Иногда, за красный цвѣтъ тѣла и перьевъ, въ народѣ къ Сирину относится сказочное названіе: „жаръ-птицы"; въ народѣ она называется также птицей-Гамаюнъ.

Единороги, Сирины, пантеры и другія орнаментальныя формы, заимствованныя изъ животнаго царства, составляютъ обыкновенное, весьма распространенное украшеніе (особенно въ XVI, XVII ст.) на предметахъ обыденнаго употребленія: на матеріяхъ, головныхъ уборахъ, приказныхъ чернильницахъ, посудѣ, напр. на пиршественныхъ кубкахъ или братинахъ, прекрасный, но небольшой образецъ которыхъ находился на выставкѣ въ собраніи покойнаго графа А. С. Уварова; другой подобный образецъ хранится въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ, а третій, съ надписью: „братина добраго человѣка",—въ музеѣ С.-Петербургской Духовной Академіи.

Изображенія орловъ, терзающихъ добычу, сиренъ и двуглавыхъ орловъ на замѣчательномъ столешникѣ (старинной скатерти) № 289 представляютъ весьма древніе типы животныхъ. Весьма интересны цѣлые ряды узоровъ, изображающихъ вазы съ цвѣтами: одни изъ нихъ, подборомъ красокъ и способомъ изображенія, указываютъ

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

на Востокъ, другіе—на Западъ и весьма сходны съ орнаментаціей XVI и XVII вѣковъ. Для примѣра, укажу на любопытнѣйшіе изъ числа такихъ узоровъ: № 228 представляетъ вазочку въ видѣ кантара, съ виноградным кустомъ, растущимъ изъ него и подпертымъ шестомъ съ перекладиной въ видѣ буквы Т; надъ кустомъ изображены два голубка; по сторонамъ вазочки, внизу — олень и левъ (тигръ?); № 232 представляетъ павлиновъ съ распущенными хвостами по сторонамъ вазы. Иногда ваза стоитъ какъ бы подъ источникомъ, изъ котораго льется въ нее вода, обозначенная тремя голубыми полосками. Эти мотивы, весьма извѣстные христіанскому искусству, повторяющіеся во множествѣ памятниковъ (между прочимъ, на замѣчательныхъ коптскихъ тканяхъ VI—VIII ст.), повторяются потомъ въ орнаментаціи рукописей, въ барельефахъ, украшающихъ стѣны церквей и, наконецъ, въ русскомъ народномъ орнаментѣ.

Для пополненія обзора, намъ остается указать на орнаментацію, подражающую персидскому ковровому тканью, и упомянуть объ узорѣ, воспроизводящемъ особенно любимыя въ древней Руси сцены охоты на медвѣдя. Представлены въ лѣсу (два дерева) три охотника съ тремя собаками: одинъ стрѣляетъ въ звѣря изъ лука, двое другихъ, сопровождаемые собаками, лѣзутъ съ рогатинами на звѣря, и проч. Эти сцены перемежаются со зданіями неопредѣленнаго вида, внутри которыхъ представлены женщины за станками и за пряжей. Мужчины одѣты въ подпоясанные кафтаны и обуты въ высокіе сапоги.

Относительно весьма знакомой всякому формы коньковъ, нужно замѣтить, что на выставкѣ находились весьма интересныя, добытыя при раскопкахъ въ Перми (въ коллекціи Теплоухова), формы коньковъ, какъ украшеній на привѣскахъ весьма почтенной древности. Во второмъ выпускѣ „Русскихъ Древностей", издаваемыхъ гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ (стр. 105), наиболѣе древнимъ прототипомъ русскихъ коньковъ признаются формы, встрѣченныя въ варварскихъ могилахъ Южной Россіи и дающія, какъ обыкновенно во всѣхъ случаяхъ, обращенныя въ разныя стороны головы лошадей. Эта особенность, съ нѣкоторыми частностями рисунка, замѣтна и въ образцахъ изъ Перми, въ орнаментаціи которыхъ замѣтна особая любовь къ воспроизведенію формъ лошадинаго тѣла.

Собраніе головныхъ уборовъ Н. Л. Шабельской отличается разнообразіемъ, богатствомъ и прекрасной сохранностью. Кики, кички, повойники, начельники, сороки, кокошники и проч., составлявшіе головной уборъ нашихъ сѣверныхъ губерній у бояръ и простого народа, имѣютъ большой этнографическій интересъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Древности доставленныя А. В. Праховымъ.

Д. В. Айналова.

Выставка проф. А. В. Прахова заключала въ себѣ два разряда вещей: бо̀льшую ихъ часть составляли древности изъ монастырей Волыни и мѐньшую часть—древности Сидона и Алеппо. Среди этихъ вещей не было памятниковъ особенной исторической важности; всѣ онѣ принадлежали преимущественно XVI—XVII вѣкамъ и представляли обыкновенно повторяющіеся образцы, каковы, между рукописями, Минея и Апостолъ Дермановскаго монастыря XVI — XVII в., съ тяжелой орнаментаціей польскаго характера. Интересъ рѣдкости имѣло евангеліе того-же монастыря, писанное по повелѣнію кн. Константина Острожскаго, въ 1507 году. Къ XVII же столѣтію относится и рукописное евангеліе съ миніатюрами русскаго иконописнаго характера.

Какъ на крайне любопытный, въ иконографическомъ отношеніи, памятникъ, надо указать на золотой окладъ евангелія приблизительно того же времени. На лицевой его сторонѣ представленъ въ ореолѣ Христосъ въ историческомъ типѣ; Онъ держитъ въ правой рукѣ евангеліе, съ надписью: „Образъ дахъ вамъ". Какъ Царь, Новый Адамъ и Спаситель, Христосъ стоитъ на сферѣ и адамовой головѣ и попираетъ своими стопами дракона. Надъ Христомъ — св. Духъ, а надъ св. Духомъ — „Сѣдяй на престолѣ" въ типѣ Саваоѳа, посреди седьми свѣтильниковъ и четырехъ животныхъ; позади него видна радуга. Вокругъ — поклоняющіеся двадцать-четыре старца, съ вѣнцами на головахъ. Вмѣсто изображеній четырехъ евангелистовъ по угламъ, помѣщены сцены Благовѣщенія, Знаменія (Богоматерь съ Младенцемъ на лонѣ, какъ оранта), Христосъ среди учителей въ синагогѣ и Крещеніе. На обратной сторонѣ представленъ въ огненномъ ореолѣ Христосъ-Еммануилъ, безбородый, съ двѣнадцатью звѣздами вокругъ головы и съ надписью: „Церковь", согласно древнему уподобленію Христа Церкви небесной. Онъ держитъ въ рукѣ евангеліе и стоитъ на лунѣ, что особенно любопытно, и попираетъ змія. Надъ Христомъ, на холмикѣ, стоитъ агнецъ; надъ агнцемъ—равносторонній крестъ въ сіяніи. Вокругъ ореола—поклоняющіеся ангелы съ вѣтвями въ рукахъ; внизу, двое изъ нихъ держатъ дверцы вратъ Іерусалима (небеснаго), которыя, какъ гласитъ надпись, „нынѣ отверсты день и нощь". По угламъ представлены: Хожденіе Петра по водамъ, Преображеніе, Праведникъ, просіявшій яко солнце (причемъ изображено и самое солнце), Іона, бросаемый на съѣденіе киту во время бури, — сцена, по композиціи близко напоминающая древне-

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

христіанскую сцену того же содержанія: разница состоитъ въ томъ, что здѣсь матросы и Іона являются не нагими, а одѣтыми. Корабль, чудовище (китъ), способъ бросанія Іоны, простирающаго руки къ пасти чудовища, и ангелъ позади — сохраняютъ черты своей древнѣйшей иконографіи. Это интересное сопоставленіе сценъ, иллюстрирующихъ Апокалипсисъ, со сценами евангельскими, а равно и сопоставленіе ихъ со сценами символическими и преобразовательными (по угламъ), высказываютъ несомнѣнное западное вліяніе на южно-русскую иконографію, какъ въ композиціи апокалипсическихъ изображеній, такъ и въ общемъ характерѣ символики, особенно въ изображеніи Христа-юноши, попирающаго дракона. Тяжелый растительный орнаментъ украшаетъ корешокъ.

Нѣкоторый интересъ представляютъ обѣтныя дощечки польскія и южно-русскія, изображающія Богородицу съ Младенцемъ на облакахъ, въ коронѣ и безъ нея, т. е. какъ Царицу небесную, или Матерь Божію, съ предстоящими ей колѣнопреклоненными жертвователями въ молитвенной позѣ: эти жертвователи—воинъ, богатые супругъ и супруга, мать съ сыномъ и т. д. Чеканная работа (собственно гравюра) дощечекъ воспроизводитъ костюмъ и вооруженіе польское и южно-русское. Интересны, между прочимъ, изображеніе основателей Загоровскаго монастыря, Петра и Варвары Загоровскихъ, особенно же костюмъ ихъ - мѣховыя польскіябогатыя одежды и шапки. Достоинъ также вниманія датированный памятникъ — серебряный дискосъ 1554 г. съ изображеніемъ Христа — Младенца въ чашѣ, какъ агнца, приносимаго въ жертву для спасенія міра, о чемъ говоритъ и надпись на дискосѣ: „Се агнецъ, вземляй грѣхи всего міра", и проч., — сюжетъ, весьма извѣстный въ русской иконографіи и, въ данномъ случаѣ, соотвѣтствующій назначенію сосуда. По сторонамъ дискоса—ангелы съ рипидами Въ полѣ — изображеніе херувимовъ и серафимовъ и соборъ ангеловъ (архангела Гавріила), служащихъ Христу — Младенцу (изображены наклонившись). Прочія надписи въ четырехъ клеймахъ по борту сосуда говорятъ сами за себя. Въ первой читаемъ: „Сей святый дискосъ лѣта Знго сдѣланъ бысть"; во второмъ: „на Лисью гору въ домъ Рождества Святой Богородицы"; въ третьемъ: „при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ все (я) Ру (си)"; въ четвертомъ: „при архіепископѣ Ѳеодосіи Новаго города и Пскова". По внѣшнему борту идетъ еще надпись: „Жретца и закалается агнецъ Бже, вземляй грѣхи всего міра, всегда и нынѣ и ввѣки векомъ. Аминь".

Укажемъ еще на кубокъ съ шишками, во вкусѣ орнаментаціи XVII ст., найденный подъ поломъ Златоверхаго Михайловскаго монастыря, въ Кіевѣ, на сосудъ въ видѣ черепахи, на золотую статуэтку изъ Сидона, представляющую женщину въ діадемѣ и ожерельи, — богиню Таниту (Артемиду), какъ полагаетъ г. Праховъ, — на золотые браслеты съ изображеніемъ по концамъ бюстовъ женщинъ, держащихъ поднятыми вверхъ руками за колечки еще одну головку, и, наконецъ, на нѣсколько ассирійскихъ цилиндровъ, которые, по изслѣдованію М. В. Никольскаго, посвятившаго имъ цѣлый рефератъ, оказались поддѣльными, а именно, сдѣланными изъ гипса.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ОПИСАНІЕ ТАБЛИЦЪ.

ТАБЛ. I—**зала** 2-ая № 27 [1]). Шитая икона Распятія Господня. Собствен. Тверского Музея. (Отчетъ 1885 г. № 53).

ТАБЛ. II—**зала** 2-ая, № 28. Шитая икона Успенія Пресвятыя Богородицы. Собствен. Тверск. Музея. (Отч. Муз. 1885 г. № 53).

ТАБЛ. III—**зала** 2-ая, № 39. Епитрахиль изъ Тверского Отроча Монастыря. Собств. Твер. Музея. (Опис. Тв. Муз., № 554).

ТАБЛ. III—**зала** 2-ая, № 40. Епитрахиль изъ Тверского Отроча Монастыря. Собств. Твер. Музея. (Опис. Тв. Муз., № 555).

ТАБЛ. IV—**зала** 2-ая, № 51 и 52. Пояса шелковые Слуцкой фабрики. Собств. Тверского Музея.

ТАБЛ. V—XXII—**зала** 2-ая. Образцы парчи большею частью венеціанскихъ фабрикъ, собранныхъ для Тверского Музея неутомимымъ его основателемъ Августомъ Казиміровичемъ Жизневскимъ.

ТАБЛ. XXIII—**зала** 2-ая, № 72. Пелена, шитая, съ изображеніемъ крестнаго хода, несущаго и прославляющаго икону Божіей Матери. Изъ собранія И. М. Зайцевскаго.

ТАБЛ. XXIV—XXX—**зала** 2-ая. Образцы парчи разнаго дѣла и времени, выставленные В. Г. Сапожниковымъ.

ТАБЛ. XXXI—**зала** 2-ая, № 6. Портретъ Графа Николая Потоцкаго, фундатора Почаевской Лавры; изъ Почаево-Успенской Лавры, Волынской губ.

ТАБЛ. XXXII—**зала** 2-ая, № 7. Портретъ Ѳеодора и Анны Домашевскихъ; изъ Почаево-Успенской Лавры, Волынской губ.

ТАБЛ. XXXIII—**зала** 2-ая, № 8. Портретъ Анны Гойской; изъ Почаево-Успенской Лавры, Волынской губ.

ТАБЛ. XXXIV—**зала** 2-ая, № 9. Портретъ Митрополита Гедеона, Князя Святополкъ-Четвертинскаго; изъ Почаево-Успенской Лавры, Волынской губ.

ТАБЛ. XXXV—**зала** 3-ья, № 4. Плащаница, шитая шелками, серебромъ и золотомъ, съ изображеніемъ „Положенія во гробъ Іисуса Христа". Зеленая атласная

---

[1]) Желая дать возможность справокъ съ печатнымъ каталогомъ Выставки, редакція помѣщаетъ при всякомъ предметѣ указаніе залы и нумеръ предмета по каталогу.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

кайма украшена надписями, шитыми золотомъ. Вкладъ окольничаго Михаила Семеновича Волынскаго, 1666 года. Собств. Путивльскаго Печерскаго Монастыря, Курской губ.

ТАБЛ. XXXVI—**зала** 3-ья, № 5. Икона, шитая по бѣлому атласу серебромъ и золотомъ съ изображеніемъ Богородицы „Одигитріи". По каймѣ изображенія двунадесяти праздниковъ. XVII в. Собственность того же монастыря.

ТАБЛ. XXXVII—**зала** 3-ья, № 7. Панагія круглая, изъ сѣрозеленоватаго камня, съ рѣзнымъ изображеніемъ „Похвалы Богородицы"; оправа серебряная, золоченая, съ молитвенными надписями; ушко, въ видѣ жуковины, украшено каменьями и сканью. Надпись по обратной сторонѣ гласитъ: „повеленіемъ господина Іоны, архіепископа Вологодскаго и Великопоморскаго" въ царствованіе Бориса Годунова (1603 г.). Собственность того же монастыря *).

ТАБЛ. XXXVII—**зала** 3-я, № 203. Кадильница мѣдная, украшенная чеканнымъ и прорѣзнымъ узоромъ. Крыша съ куполомъ и кокошниками. Собственность Марецкаго прихода, Олонецкой губерніи и уѣзда.

ТАБЛ. XXXVII—**зала** 8-ая № 81. Мѣдное паникадило изъ Солотчинскаго Монастыря. Собственность Рязанскаго Музея.

ТАБЛ. XXXVIII—**зала** 3-ья, № 28. Большая Плащаница алаго атласа, съ жи-

---

*) Рождество-Богородицкая Печерская пустынь находится въ Курской губерніи, въ 20-ти верстахъ отъ уѣзднаго города Путивля, среди болотъ Молчи, на холмѣ Чудномъ, почему и называется Молченской Чудной обителью. Когда и кѣмъ была она впервые основана, неизвѣстно; по преданіямъ же можно заключить, что существуетъ она уже около 600 лѣтъ, а именно съ конца XIII го вѣка, и основана, укрывавшимися отъ преслѣдованія Татаръ, монахами Кіево-Печерской Лавры, поселившимися въ пещерѣ, которая была открыта въ 1834-мъ году при перестройкѣ Соборной церкви Рождества Пресвятой Богородицы. По смерти же этихъ монаховъ мѣстность снова опустѣла. Въ 1405 году одному жителю Путивля на семъ мѣстѣ явилась на деревѣ Чудотворная Икона Пресвятой Богородицы; тогда же былъ здѣсь основанъ монастырь, но вскорѣ былъ раззоренъ Татарами, и мѣстность долго оставалась въ запустѣніи. Въ концѣ XVI вѣка снова появляются свѣдѣнія объ этой обители. Въ 1593-мъ году пожалована была ей грамота отъ царя Ѳеодора Іоанновича на владѣніе землями. Въ началѣ XVII столѣтія, въ смутныя времена самозванцевъ пустынь снова подверглась опустошенію и съ тѣхъ поръ приписана къ Большому Молченскому Монастырю, куда при этомъ удалились монахи, взявъ съ собою Чудотворную икону, которая впослѣдствіи, послѣ бывшаго пожара, исчезла.

Въ 1653-мъ году пустынь была, наконецъ, возстановлена, и архимандритомъ назначенъ старецъ Софроній, прозванный Строителемъ, и съ этихъ поръ начала именоваться Софроніевой пустынью. Въ 1654-мъ году, по грамотѣ царя Алексѣя Михайловича, стала она самостоятельной, а въ 1681-мъ году получила въ даръ отъ царя Ѳеодора Алексѣевича земли.

Изъ монастырскихъ зданій замѣчательны: Соборъ Рождества Пресв. Богородицы, каменный, построенный въ 1630-мъ году на мѣстѣ древней деревянной церкви. Иконостасъ въ немъ, старинной греческой живописи, возобновленъ въ 1839-мъ году: кіоты также отличной живописи; богатая шитая плащаница, царскія серебряныя врата и нѣкоторые образа, изъ коихъ особенно хороша икона Иверской Божіей Матери, даръ атамана Лукіана Константинова. Вторая церковь каменная, двухъ-этажная, о четырехъ придѣлахъ, выстроена въ 1710-мъ году, къ ней пристроена колокольня готической архитектуры, о пяти ярусахъ, подъ ней библіотека и ризница. Внѣ обители къ юго-западу пещеры и въ нихъ церковь, возобновленная въ 1766-мъ году и 1805 годахъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

вописными изображеніями: „Снятія со креста“, „Положенія во гробъ“ и „Сошествія во адъ“. Вверху и внизу плащаница украшена стоящими и поясными изображеніями Святыхъ. 1480 г. Живопись поновлена. Доставлена священникомъ Василіемъ Раевскимъ изъ мѣст. Борисполя, Полтавской епархіи.

ТАБЛ. XXXIX—**зала** 3-ья № 31, 33 и 34. Брачные вѣнцы изъ дерева, бересты и жести. Изъ Лодейнопольскаго уѣзда, Олонецкой губ., Жиздринскаго уѣзда, Калужской губ. и Чердынскаго уѣзда Пермской губ.

ТАБЛ. XL—**зала** 3-ья № 63. Воздухъ, шитый золотомъ и серебромъ по вишневому атласу съ изображеніемъ „Обѣдни“; вкладъ Максима Иванова Ордына-Нащекина. Кайма зеленая съ надписями на углахъ. Изъ вещей Святогорскаго монастыря, Псковской губерніи, Опочскаго уѣзда.

ТАБЛ. XLI—**зала** 3-ья № 64. Воздухъ такой-же, съ изображеніемъ Агнца и двухъ Ангеловъ на зеленой камкѣ; кайма изъ свѣтлокоричневой камки, съ надписями въ углахъ. Вкладъ дѣтей Нащекина. Изъ вещей того-же монастыря.

ТАБЛ. XLII—**зала** 3-ья № 65. Воздухъ такой-же, но бо́льшаго размѣра, съ изображеніемъ „Положенія во гробъ Спасителя“. Кайма зеленой тафты съ надписями. Вкладъ Тимашева. XVII в. Изъ того-же монастыря.

ТАБЛ. XLIII—**зала** 3-ья № 80. Изображеніе Царевича Димитрія, на холстѣ; на заднемъ планѣ изображено событіе его смерти. Отъ священника села Сѣры, Ярославской губерніи.

ТАБЛ. XLIV—**зала** 3-ья № 91. Епитрахиль двуполосная, шитая серебромъ и золотомъ съ изображеніемъ фигуръ Святителей и Святыхъ. Изъ Богословскаго монастыря, Рязанской губерніи.

ТАБЛ. XLIV—**зала** 3-ья № 92. Орарь такой-же работы, съ изображеніемъ фигуръ Святыхъ и Херувимовъ. Изъ того-же монастыря.

ТАБЛ. XLV—**зала** 3-ья, № 95. Воздухъ, шитый по зеленому атласу съ изображеніемъ „Знаменія“; кайма матеріи вишневаго цвѣта съ надписью. Изъ того же монастыря *).

ТАБЛ. XLVI—**зала** 3-ья, № 115. Риза изъ зеленаго рытаго бархата; оплечье шито золотомъ и серебромъ стариннымъ тяжелымъ швомъ. Изъ Ярославскаго Архіерейскаго дома.

ТАБЛ. XLVII — **зала** 3-ья, № 116. Риза изъ веницейскаго бархата: отдѣлана серебрянымъ стариннымъ кружевомъ. Оттуда же

---

*) Богословскій монастырь находится въ 25 верстахъ отъ г. Рязани на берегу рѣки Оки. Время основанія его точно неизвѣстно, но относится многими до 1237 г. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что если Богословскій монастырь и существовалъ ранѣе XVI или XVII вѣка, то находился до половины XVII вѣка на другомъ мѣстѣ. Въ выписи изъ писцовыхъ книгъ 1553 г. монастырь значится „въ Кологороди на Украйнѣ, а въ немъ церковь деревянна Иванъ Богословъ“, въ писцовыхъ книгахъ 1628 и 9 годовъ монастырь показанъ „въ попискомъ стану на р. Прости“, гдѣ онъ и теперь находится, а то мѣсто, гдѣ прежде находился этотъ монастырь, въ описной книгѣ 1673 г. называется „старымъ монастыремъ“ а позднѣе „старымъ Богословомъ“. Судя по народному преданію, доселѣ сохранившемуся, до XVII в. Богословскій монастырь находился въ Михайловскомъ уѣздѣ, между селами Плахинымъ и Высокимъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ТАБЛ. XLVIII—**зала** 3-ья, № 119. Мѣдный княжескій нарамникъ съ финифтянымъ изображеніемъ Воскресенія Христова, хорошей Лиможской работы и латинской надписью. Изъ Успенскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ. Эта бляха обличаетъ свое западное происхожденіе не только подборомъ цвѣтовъ, но и болѣе грубой техникой и уклоненіемъ въ типахъ и композиціяхъ отъ византійскихъ эмалей. Описываемая пластинка представляетъ параллель только лиможскимъ Новгородскимъ эмалямъ, которыя вообще весьма рѣдко попадаются въ Россіи. На пластинкѣ представлено Воскресеніе Христово въ той композиціи, которая появляется на западѣ въ XIII, XIV вѣкахъ и замѣняетъ собою византійскія композиціи Воскресенія. Вмѣсто ротонды и двухъ или трехъ женъ у гроба, т. е. собственно прихода женъ мvроносицъ, мы видимъ гробъ и Христа, выходящаго изъ него. Искусство западное интересуется самимъ образомъ Воскресенія, между тѣмъ какъ византійское набрасываетъ на это событіе тотъ таинственный покровъ, сообразно съ повѣствованіемъ Евангелія. На одной эмали XII—XIII в. Національнаго Музея во Флоренціи Христосъ представленъ приподымающимъ крышку гроба, такъ что видна уже его появившаяся изъ гроба голова, рука и нога. На нашей пластинкѣ сдѣланъ шагъ впередъ. Христосъ, держа крестъ, переступаетъ черезъ стѣнку гроба и отбрасываетъ въ сторону бѣлый платъ. Крыша гроба лежитъ сбоку и тутъ же пали въ страхѣ два воина. Дальнѣйшее измѣненіе композиціи будетъ состоять въ томъ, что Христосъ у художниковъ XV вѣка будетъ представленъ возлетающимъ съ крестомъ въ рукѣ. Такимъ образомъ, на пластинѣ мы имѣемъ композицію переходнаго характера. Латинская надпись «Господь воскресъ» (Resurrexit Dominus) указываетъ на происшедшее измѣненіе въ самой темѣ. Въ византійскихъ композиціяхъ подпись имѣетъ общій характеръ—«Воскресеніе», причемъ изображается моментъ послѣ воскресенія. Эмаль не ранѣе XIII, XIV вѣка. (Д. В. Айналовъ—Вѣстникъ Изящ. Искуствъ; 1890 г. т. VIII, в. 2).

ТАБЛ. XLVIII — **зала** 3-ья, № 76. Деревянный точеный выносной подсвѣчникъ съ раскраской. Изъ собора г. Сумы, Харьковской губ.

ТАБЛ. XLIX — **зала** 3-ья, № 121. Икона, шитая и разукрашенная жемчугомъ, Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Георгія. Изъ Успенскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ.

ТАБЛ. L—**зала** 3-ья, № 141. Кадильница серебрянная, ложчатая, украшена чеканными травами и надписью XVII в. Изъ Марціальноводской церкви, Олонецкой епархіи, Петрозаводскаго уѣзда.

ТАБЛ. LI—**зала** 3-ья, № 142. Серебряный, мѣстами позлащенный, потиръ, украшенъ легкими рѣзными травами, а по ободку обычною надписью. Изъ той-же церкви.

ТАБЛ. LII — **зала** 3-ья, № 154. Серебряное, позлащенное мѣстами, ложчатое кадило; какъ значится въ надписи — вкладъ царя Михаила Ѳеодоровича. Изъ вещей Вязниковскаго Казанскаго собора.

ТАБЛ. LII — **зала** 3-ья, № 155. Водосвятная чаша красной мѣди, съ подписью по наружному краю. Изъ Успенскаго Дѣвичьяго монастыря, слободы Александровской.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ТАБЛ. LIII — **зала** 3-ья, № 156. Пелена, шитая шелками, серебромъ и золотомъ по вишневому атласу, съ изображеніемъ Богоматери Казанской. Изъ Вязниковскаго Казанскаго собора.

ТАБЛ. LIV — **зала** 4-ья, № 157. Подобная пелена съ тѣмъ же изображеніемъ, болѣе новаго шитья по свѣтлому атласу и унизана жемчугомъ. Изъ того же собора.

ТАБЛ. LV — **зала** 3-ья, № 179. Риза - фелонь изъ старинной парчи, затканной шелкомъ, гирляндами, букетами цвѣтовъ. Оплечье изъ темно-вишневаго бархата съ вышитыми тремя квадратными иконами: Спасителя, Богоматери и Св. Николая. Въ самомъ верху шитая золотомъ надпись „Чудо Святаго отца нашего Святителя Николая о трехъ иконахъ", XVIII в. Изъ Успенской церкви, села Всегодича, Владимірской губ., Ковровскаго уѣзда.

ТАБЛ. LVI — **зала** 3-ья, № 182. Паникадило серебряное, ложчатое: гладкія ложки въ перемежку съ золоченными ложками, украшенными травами. По верхнему гладкому краю надпись вязью, изъ которой видно, что паникадило относится къ времени царя Алексѣя Михайловича. Крыша паникадила мѣдная. Изъ Николае-Радовицкаго монастыря, Рязанской епархіи.

ТАБЛ. LVII — **зала** 3-ья, № 183. Риза - фелонь темно - вишневаго злато-репейчатаго бархата. Оплечье шитое серебромъ и золотомъ, а по нижнему краю украшено старинным злато-серебрянымъ кружевомъ. По преданію—вкладъ Царя Ивана Алексѣевича и супруги его Царицы Прасковьи Ѳеодоровны. Изъ того же монастыря.

ТАБЛ. LVIII — **зала** 3-ья, № 186. Серебряная водосвятная чаша, мѣстами позолоченая, на трехъ шарообразныхъ ножкахъ и съ двумя ручками. Наружный позлащенный край украшенъ надписью, въ которой, между прочимъ, читается: «Далъ сію чашу дьякъ Василій Кашкинъ въ 1692 г. января во 2-й день». 1 ф. 68 з. Изъ тогоже монастыря *).

ТАБЛ. LIX — **зала** 3-ья, № 195. Древняя митра, на подобіе невысокой шапки-клобука съ круглымъ околышемъ изъ заячьяго мѣха съ вышитыми вокругъ шелкомъ, серебромъ и золотомъ изображеніями Деисуса и Преп. Аврамія. Вверху изображено Богоявленіе. По подписи у околыша митра представляетъ вкладъ княгини „Фотиньи Владиміровны Ситской" и относится къ 1651 году. Изъ Ростовскаго Богоявленскаго Авраміева монастыря.

ТАБЛ. LX — **зала** 3-ья, № 220. Риза-фелонь изъ свѣтло - голубой парчи, затканной шелковыми и золотыми травами. Оплечье шитое серебромъ и золотомъ по

---

*) Николо-Радовицкій монастырь III-го класса находится въ Рязанской губерніи, въ Егорьевскомъ уѣздѣ. Радовицкимъ онъ названъ по имени озера, на берегу котораго расположенъ, а Николаевскимъ по явленному образу. Онъ основанъ при царѣ Іоаннѣ Грозномъ, на вотчинскую сумму. Всѣ зданія въ этой обители каменныя. Соборъ въ честь Рождества Богородицы; при немъ двухъ этажный придѣлъ: внизу церковь во имя Св. Іоанна Предтечи; а наверху въ честь Срѣтенія Господня и Чудотворца Николая. Съ западной стороны монастыря Святыя Ворота съ церковью Свв. Апост. Петра и Павла, а надъ ней колокольня. Кругомъ обители ограда съ 4-мя башнями. Главная монастырская святыня чудотворная рѣзная икона Св. Николая Чудотворца.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

красному бархату, украшено по краю старинным сребро-золотым кружевом. Подолъ изъ свѣтлой шелковой парчицы, украшенъ поверху также старинным кружевомъ. Изъ Брянскаго Свѣнскаго монастыря, Орловской епархіи.

ТАБЛ. LXI—**зала** 3-я, № 231. Риза-фелонь изъ старинной золотой парчи, съ легкимъ вишневымъ фономъ, затканной серебряными цвѣтами. Оплечье изъ темно-вишневаго бархата, затканнаго золотымъ и серебрянымъ выпуклымъ, петельчатымъ узоромъ; по нижнему краю расположено золото-серебряное кружево. Оподольникъ выложенъ старинным широкимъ золото-серебрянымъ кружевомъ по шелковому свѣтло-голубому фону. Изъ того же монастыря.

ТАБЛ. LXII и LXIII—**зала** 3-я, № 262. Стихарь изъ парчевой матеріи; оплечье украшено шитыми изображеніями св. Троицы и Господскихъ праздниковъ и ликами святыхъ; сдѣланъ, какъ значится по монастырской описи, изъ парадной одежды царя Алексѣя Михайловича. Изъ вещей Троицкаго Калязина монастыря, Тверской епархіи.

ТАБЛ. LXIV — **зала** 3-я, № 271. Плащаница съ изображеніемъ Христа во гробѣ,—вышита по свѣтло-коричневому шелковому фону золотомъ, серебромъ и шелкомъ. По широкой голубой каймѣ подпись шита золотомъ „Не рыдай меня Мати". Изъ того же монастыря.

ТАБЛ. LXV—**зала** 3-я, № 277. Крестъ осмиконечный, благословенный, рѣзной изъ дерева, съ изображеніемъ Распятія, Снятія со креста, Положенія во гробъ, Сошествія св. Духа и пр. обложенъ серебромъ. По надписи сдѣланъ игуменомъ Ферапонтомъ въ 146 г. (1638 г.). Изъ того же монастыря.

ТАБЛ. LXVI — **зала** 3-я, № 303. Плащаница, шитая шелкомъ, золотомъ и серебромъ по алому атласу, съ изображеніемъ Положенія во гробъ. Изъ Цивильскаго Тихвинскаго монастыря, Казанской губ. [1]).

ТАБЛ. LXVII—**зала** 3-я, № 280. Панагія малаго размѣра, многогранная, съ изображеніемъ золотомъ, на синемъ стеклѣ, Іоанна Богослова.

— № 281. Панагія, круглая, складная, рѣзная изъ кости въ серебряной золочен. оправѣ украшена чеканными травами и надписями (тропарь). Внутри одной половины рѣзаное на кости изображеніе Знаменія, на другой—св. Троицы (въ описи значится подъ 1652 г.).

— № 282. Панагія, многоугольная съ изображеніемъ осмиконечнаго креста, копія и трости.

— № 284. Панагія малаго размѣра, овальной формы; на синемъ стеклѣ рель-

---

[1]) Цивильскій Тихвинскій монастырь въ Цивильскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, основанъ въ 1675 году и въ продолженіе двухъ столѣтій былъ мужскимъ, въ 1871 году былъ обновленъ и преобразованъ въ женскій. Этотъ монастырь, подобно и многимъ другимъ, то процвѣталъ, то упадалъ и, наконецъ, въ 1768 году превратился почти въ груду гнилыхъ развалинъ. Не только всѣ зданія, но и церковь совсѣмъ обвѣтшали и даже братія постепенно уменьшалась. Пріѣхавшій въ обитель, въ 1868 г., архіепископъ Казанскій Антоній, предложилъ упразднить его, но жители города Цивильска заступились за обитель, служившую имъ памятникомъ избавленія отъ Стеньки Разина и, въ особенности, за главную монастырскую святыню—древнюю икону Тихвинской Божіей Матери. По ихъ просьбѣ, Высокопреосвященный взялся возстановить обитель преобразовавъ ее въ женскую.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ефное изображеніе Архангела. Оправа сребро-позлащенная, украшена сканью и финифтью. Исподъ басменный.

— № 285. Крестъ панагійный, изъ сѣроватаго камня въ серебрянной золоченной оправѣ, съ изображеніемъ на серебрѣ черньюРаспятія. Ушко серебрянное, дутое (XVI в.)

— № 283. Подобный крестъ, но камень темно-зеленаго цвѣта.

— № 287. Крестъ-тѣльникъ, перламутровый въ серебрянной оправѣ.

— № 288. Крестъ-тѣльникъ, деревянный, съ рѣзнымъ изображеніемъ св. Николая.

— № 486. Панагія многоугольная, серебряная, золоченая съ изображеніемъ ангела за стекломъ. Рамка украшена сканью и камнями.

Всѣ 9 предметовъ изъ Макаріевскаго Унженскаго монастыря, Костромской губ.

ТАБЛ. LXVIII—**зала** 3-я, № 295. Складной серебрянный посохъ. Даръ кн. Юрія Олелько, 1589 г. Изъ Слуцкаго монастыря, Минской епархіи [1]).

ТАБЛ. LXIX—**зала** 3-я, № 317. Риза - фелонь, зеленаго цвѣта, затканная цвѣтами. Оплечье по черному бархату, шито серебромъ и золотомъ, травами и рѣпьями. Изъ Оршанскаго Успенскаго женскаго монастыря.

ТАБЛ. LXX—**зала** 3-я, № 336. Мѣдная чаша изъ того же монастыря [2]).

ТАБЛ. LXXII—**зала** 3-я Прибавл., № 3. Шитая икона Іисуса Христа на высокомъ сѣдалищѣ, шита шелкомъ по красной шелковой матеріи такъ тонко и изящно, что если бы не вѣнецъ, который отличается позднѣйшими формами, то можно было бы считать этотъ образъ произведеніемъ XV ст. Очертанія фигуры и одежды оставлены не зашитыми и потому являются красными, какъ фонъ. Сіяніе серебряное. Кругомъ образа серебряный басемный окладъ. Изъ собранія графа А. С. Уварова.

ТАБЛ. LXXIII—**зала** 3-я. Прибавл., № 4. Хоругвь: Знаменіе Пр. Богородицы, внизу св. Василій, Іоаннъ Златоустъ, Григорій Богословъ и Никола. Въ голубомъ трехцвѣтномъ кругломъ сіяніи Знаменіе, по сторонамъ сіянія символъ евангелистовъ. Подъ Знаменіемъ вышеупомянутые четыре святителя въ ростъ. Богородица въ темномъ хитонѣ. Всѣ контуры шиты золотой нитью. Изъ собранія графа А. С. Уварова.

---

[1]) Слуцкій мужской первоклассный Свято-Троицкій монастырь находится въ предмѣстьи уѣзднаго города Слуцка, Минской губ., при рѣчкѣ Случѣ. Когда и кѣмъ основана эта обитель—неизвѣстно. Въ 1659 году митрополитъ Кіевскій Діонисій учредилъ здѣсь духовную консисторію, а въ 1792 году духовную семинарію, которая переведена была въ Минскъ въ 1840 году; при монастырѣ же открыто духовное училище. Каменная церковь Свято-Троицкой обители была разрушена въ 1665—66 году и возстановлена только въ 1786 году: въ ней покоятся мощи Святой Софіи, послѣдней княжны изъ рода Олелька, извѣстной своею святою жизнью. На ея свинцовой ракѣ слѣдующая надпись: „1617 г. Мартъ 19 представися благовѣрная Софія Олельковна Юрьевичовна, Ольгердова племя, и положена бысть въ Слуцку въ монастырю Святое Живоначальное Тройцы“. Въ ризницѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на Евангеліе, писанное княземъ Юріемъ Юрьевичемъ Олельковичемъ, отцомъ св. Софіи; чашу серебряную—подарокъ князя Юр. Юр. Олельковича и серебряную таблицу съ изображеніемп св. Троицы, подарокъ Анны Лапицкой и др.

[2]) Оршанскій Успенскій женскій монастырь расположенъ близъ Кутеенскаго мужского монастыря, въ двухъ верстахъ отъ уѣзднаго города Орши, Могилевской губерніи, при рѣчкѣ Кутеенкѣ, притокѣ Днѣпра. Онъ основанъ подкоморіемъ Мстиславскимъ Иваномъ Богданомъ Вильгельмовичемъ Стеткевичемъ и женой его Анною Богдановною, урожденною Огинскою, подкомориною Бреславскою. Какъ и всѣ бѣлорусскія обители, она претерпѣла угнетенія и разоренія: такъ, въ 1772 году разорена оршанскими іезуитами, а въ 1812, во время нашествія французовъ, была снова сожжена. При монастырѣ богатая ризница.

ТАБЛ. LXXIV — зала 8-ая, № 1. Крестъ XIV вѣка, дер , обложенный тонкою мѣдной басмой (au pointillé), разукрашенный травами по мелкочеканному фону. Изображеніе Христа тощее, жидкое, съ поникшею головою, съ удлиненными оконечностями; фигура обнажена по поясъ. Басма исправлена въ разныхъ мѣстахъ, при чемъ замѣчательно хорошъ рисунокъ позднѣйшей басмы на лѣвомъ перекрестіи задней стороны креста. Форма креста широкая и тяжелая, съ закругленіемъ частей. Изъ собранія Графа А. С. Уварова.

ТАБЛ. LXXV—зала 8-ая, № 2. Крестъ осмиконечный, покрытый съ лицевой стороны тонкою басмою, довольно грубаго дѣла. Поверхъ басмы накладка—осмиконечное распятіе, съ грубо исполненною фигурою Христа съ Адамовой головою подъ крестомъ, съ двумя ангелами на верху и предстоящими по сторонамъ. Металлическія украшенія креста видимо перенесены на дерево болѣе новое. Изъ собранія графа А. С. Уварова.

ТАБЛ. LXXVI—зала 8-ая, № 3. Крестъ осьмиконечный, болѣе узкій и легкій, чѣмъ первые два, покрытъ мѣдною басмою съ гранатными цвѣтами замѣчательной сохранности. Изображенія: Распятія (съ Адамовой головой), предстоящихъ Ангеловъ и нерукотвореннаго образа Спаса (на самомъ верху), вычеканены изъ металла одного дѣла и достоинства съ басмою, но наложены поверхъ ея. Изъ собранія Графа А. С. Уварова.

ТАБЛ. LXXVII—зала 8-ая, № 5. Крестъ деревянный осьмиконечный, обложенный серебряной позолоченной басмой разнаго дѣла: бока обыкновенной чеканной работы; обѣ лицевыя стороны—съ грубо награвированнымъ рисункомъ, поверхъ котораго наложены отдѣльно вычеканенныя изображенія Распятія (съ Адамовой головой), грудные медаліоны Пр. Богородицы и Іоанна и Нерукотвореннаго образа Спаса. На лицевой сторонѣ подъ Распятіемъ, на общемъ басменномъ окладѣ молитва: Спаси, Господи, люди Твоя... побѣды благовѣрнымъ царемъ нашимъ Іоанну и Петру. На оборотѣ длинная надпись, гласящая, что крестъ сооруженъ въ 7193 г. (1685 г.) радѣніемъ посадскаго человѣка Борисоглѣбской слободы и пр. Изъ собранія Графа А. С. Уварова.

ТАБЛ. LXXI — зала 8-ая, № 157. Диптихъ V вѣка изъ Собранія Гр. А. С. Уварова, изъ слоновой кости съ изображеніями, относящимися къ раннему періоду христіанскаго искусства,—вещь, которую покойному графу удалось купить, по странной случайности, въ Россіи, на Нижегородской ярмаркѣ. Эта пластина слоновой потемнѣвшей кости украшена двумя сценами. Вверху представлено Благовѣщеніе. Въ замѣчательной статьѣ, посвященной этому диптиху гр. А. С. Уваровымъ [1]), изображенная сцена разобрана съ такою обстоятельностію, что мнѣ остается только слѣдовать за выводами покойнаго ученаго. Богородица сидитъ на креслѣ съ высокой спинкой и рѣзными украшеніями (*καθέδρα*), поставивъ ноги на скамейку или подножіе (*ὑποπόδιον*, scabellum). Одѣта она въ длинный женскій хитонъ (tunica), сверхъ котораго накинута на плечи пенула (poenula, *φελώνης*); на ногахъ башмаки (*ὑποδημάτιον*, cal-

[1]) Древности. Труды Моск. Арх. Общества, т. I, вып. I, 1—12; рис. во 2-мъ вып.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ceolus). Предъ нею стоитъ Архангелъ съ большими крыльями; онъ благословляетъ ее именословно правою рукою, а въ лѣвой рукѣ держитъ крестъ. Между Архангеломъ и Богородицею видна на небѣ звѣзда о шести лучахъ, какъ символическое предзнаменованіе будущаго рожденія Спасителя. Въ низу стоитъ высокая корзина (τάλαρος, qualus) съ шерстью, къ которой Богородица протягиваетъ руку, въ знакъ того, что она занята пряжей.

О томъ, что во время благовѣстія Архангела Пресвятая Дѣва была занята пряжей, въ каноническихъ Евангеліяхъ не разсказывается. Эта подробность приводится въ апокрифическомъ протоевангеліи Іакова и другихъ: „Она (Марія) взяла кувшинъ и пошла за водой, и вотъ слышитъ голосъ, говорящій· Радуйся, Маріамъ, благодатная, Господь съ тобою, благословенна ты въ женахъ! Марія осмотрѣлась на всѣ стороны, чтобы знать, откуда сей гласъ, и, смутившись, вошла въ домъ и поставила кувшинъ, и взявши багрецъ, сѣла на сѣдалищѣ работать. И вотъ, явился Ангелъ Господень, говоря: Не бойся, Маріамъ, обрѣла бо ты благодать у Бога“. Такимъ образомъ, замѣчательное изображеніе, о которомъ мы говоримъ, придерживается не каноническаго евангельскаго текста, но апокрифическаго, весьма распространеннаго въ древнѣйшее время во всемъ христіанскомъ мірѣ. Апокрифы о жизни Маріи и о дѣтствѣ Христа, съ замѣчательною подробностью передающіе и факты жизни Маріи до Рождества Христова, и факты жизни Христа до выхода Его на проповѣдь, были излюбленнымъ назидательнымъ чтеніемъ и воспроизводились въ искусствѣ. Не останавливаясь на частностяхъ этой композиціи, превосходно разобранныхъ покойнымъ Гр. А. С. Уваровымъ въ указанной статьѣ, перехожу ко второй сценѣ, которой, какъ мнѣ кажется, надо дать иное объясненіе, чѣмъ то, какое ей приписалъ покойный Графъ объяснивъ ее, какъ сцену бесѣды Христа съ Самарянкой. Въ этой сценѣ представленъ пожилой мужчина, съ длиннымъ посохомъ въ лѣвой рукѣ и патерой въ правой; онъ какъ бы предлагаетъ патеру женской фигурѣ, стоящей съ поднятыми вверхъ руками, подобно орантѣ. Между мужчиной и женщиной находится колодезь, въ которомъ видна вода, а надъ колодцемъ ворота (girgillus). Съ перваго взгляда, сцена, дѣйствительно, бросается въ глаза своимъ сходствомъ со сценой, извѣстной въ древней христіанской иконографіи подъ названіемъ „Бесѣды Христа съ Самарянкой“; но болѣе внимательное разсмотрѣніе сцены указываетъ, однако, на довольно любопытный фактъ. Во-первыхъ, мы не видимъ здѣсь ведра, привѣшеннаго къ вороту, которое безусловно всегда изображается въ сценахъ бесѣды Христа съ Самарянкою. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что женщина пришла къ колодцу не за водой, а очутилась у него по другой причинѣ; во-вторыхъ, мужчина, если это Христосъ, изображенъ хотя и въ старческомъ видѣ, но не въ обычномъ типѣ Назорея, съ раздвоенными на лбу волосами, какъ напр., въ ц. Apollinario Nuovo, а наоборотъ, съ короткими волосами; въ-третьихъ, мужчина держитъ длинный посохъ, ровный и безъ креста наверху, какъ, напр., у Ангела въ сценѣ Благовѣщенія, что весьма странно, ибо фигура Христа всегда точно характеризуется или юношескимъ типомъ, или свиткомъ, или указаннымъ крестомъ, когда Онъ изображается путникомъ или стоящимъ на холмѣ, какъ, напр., на саркофагахъ. Чтобы художникъ забылъ изобразить столько важныхъ подробностей, нельзя

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

предполагать по причинѣ тонкой изящной и внимательной работы; значитъ, сцена имѣетъ другой смыслъ. Ключъ къ ея объясненію даютъ женская фигура, которая изображена въ такой же пенулѣ и такомъ же хитонѣ во второй сценѣ, какъ и въ первой, а затѣмъ общее сходство въ изображеніи верхней и нижней женскихъ фигуръ. То обстоятельство, что первая сцена воспроизводитъ апокрифическій разсказъ, позволяетъ намъ искать объясненія для второй также въ апокрифѣ. Посмотримъ, что даетъ, въ этомъ отношеніи, протоевангеліе Іакова.

„Іосифа не было дома, когда произошло разсказанное выше Благовѣщеніе Маріи о зачатіи Спасителя. Марія посѣщаетъ Елизавету, между ними происходитъ извѣстное цѣлованіе. Но вотъ возвращается Іосифъ, и видитъ, что Марія непраздна. Онъ сильно сокрушается, укоряетъ ее и хочетъ объявить объ ея позорѣ народу Израиля. Ночью ему является Ангелъ и говоритъ, чтобы онъ не боялся зачатаго дитяти. Тогда является писецъ Анна и начинаетъ допросъ. „Зачѣмъ ты взялъ Дѣву изъ храма Господня, запятналъ ее, скрылъ бракъ и не обнаружилъ предъ народомъ Израиля?“ Іосифа и Марію ведутъ къ жрецу. И сказалъ жрецъ: „Марія, что сдѣлала ты, зачѣмъ унизила душу свою и забыла Бога своего? Воспитанница святая-святыхъ и принимавшая пищу изъ рукъ Ангела, что сдѣлала ты?“ Она горько заплакала, говоря: „Живъ Господь Богъ, чиста я передъ нимъ, и мужа не знаю“. И сказалъ жрецъ Іосифу: „Что сдѣлалъ ты?“ И сказалъ Іосифъ: „Живъ Господь Богъ, чистъ я передъ нею“. И сказалъ жрецъ: „Не лги и говори правду: ты скрылъ бракъ и не обнаружилъ его предъ сынами Израиля и не наклонилъ головы твоей...“ И замолчалъ Іосифъ... И сказалъ жрецъ: „Отдай Дѣву, которую взялъ изъ храма“. И, плача, исполнилъ это Іосифъ. И сказалъ жрецъ: „Я напою васъ водою обличенія Господня, и обнаружится преступленіе ваше въ вашихъ глазахъ!“ И, взявши, жрецъ напоилъ Іосифа и отослалъ его въ горняя, и пришелъ онъ невредимымъ; и напоилъ онъ Марію, и отослалъ ее въ горняя, и она пришла невредима. И удивился весь народъ, что преступленіе не открылось въ нихъ. И сказалъ жрецъ: „Если Господь Богъ не обнаружилъ вашего преступленія, то и я не осуждаю васъ“. И отпустилъ ихъ. И снова взялъ Іосифъ Марію, и отошелъ въ домъ свой, радуясь и хваля Бога Израилева“.

Вторая сцена, такимъ образомъ, представляетъ испытаніе водою обличенія Господня. Жрецъ, какъ слѣдуетъ, стоитъ съ жезломъ у колодца; онъ зачерпнулъ патерою воды изъ колодца и предлагаетъ ее Маріи, которая воздѣваетъ руки вверхъ, съ молитвой, какъ невинная предъ Богомъ. На разсматриваемомъ диптихѣ эта сцена изображена, сколько извѣстно, невпервые; на извѣстномъ креслѣ Максиміана въ Равеннѣ, украшенномъ скульптурными изображеніями по слоновой кости VI ст., эта сцена воспроизведена такъ, что патеру держитъ уже Марія, которой передалъ ее жрецъ. На колодезь наступилъ ногой Ангелъ, благословляющій Марію. Такъ же, но безъ колодца, представлена эта сцена и на обложкѣ евангелія Парижской Національной Библіотеки, на Эчміадзинскомъ диптихѣ и на Керченской пиксидѣ. Весьма интересно то обстоятельство, что на всѣхъ этихъ трехъ памятникахъ, рядомъ со сценами Благовѣщенія и Цѣлованія, помѣщены Испытаніе водою и Путешествіе въ Виѳлеемъ, какъ продолженіе иллюстрацій къ разсказу о жизни Маріи до Рождества,

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

а сцена бесѣды Спасителя съ Самарянкою отнесена къ сценамъ чудесъ Христа, т.-е. къ его жизни. Указанные памятники не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что на нашемъ диптихѣ представлена сцена Испытанія Маріи водою обличенія Господня, а также нѣсколько ослабляютъ наше сожалѣніе о потерѣ другой части диптиха, такъ какъ, по смыслу сказанія и по аналогіи съ указанными памятниками, должны были существовать еще сцены Цѣлованія и Путешествія въ Виѳлеемъ, разъ изображена была сцена Испытанія водою обличенія.

Слѣдуетъ, затѣмъ, въ краткихъ словахъ коснуться стиля этой драгоцѣнной таблетки. Ея рѣзьба обличаетъ въ художникѣ еще большое техническое умѣнье и живость античныхъ художественныхъ преданій. При этомъ надо замѣтить, что характеръ фигуръ соотвѣтствуетъ здѣсь одному изъ двухъ художественныхъ теченій V и VI столѣтій, которое даетъ высокія, нѣсколько сухощавыя фигуры—предвѣстницы строгаго византійскаго стиля. Онъ принадлежитъ, повидимому, греческому Востоку и совершенно отличается отъ стиля грузныхъ, тяжелыхъ фигуръ, напримѣръ, указанной обложки Евангелія Парижской Національной Библіотеки, отзывающихся, очевидно, преданіями тяжелаго римскаго стиля.

ТАБЛ. LXXI—зала 8-ая, № 155, представляетъ намъ и второй интересный *диптихъ* изъ того же Собранія Гр. А. С. Уварова. Памятникъ этотъ немного пострадавшій и расколотый надвое, состоитъ изъ потемнѣвшей слоновой кости съ изображеніемъ Христа, стоящаго и благословляющаго царя Константина. Надпись гласитъ: *ΚΟΝΣΤΑΝΤΙΝΟΣ ΕΝ ΘΥ ΑΥΤΟΚΡΑΤΩΡ ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΩΜΑΙΩΝ*. Христосъ, со свиткомъ въ лѣвой рукѣ, въ хитонѣ и гиматіи, благословляетъ императора, который, въ молитвенной позѣ, склонился передъ Христомъ. Императоръ имѣетъ на головѣ стемму, одѣтъ въ богато-расшитой лоронъ и царскую тунику, украшенную шитьемъ по низу и у шеи, имѣетъ большую бороду, замѣнившую римское безбородое лицо. Памятникъ представляется принадлежащимъ XI ст. и, по стилю, совершенно сходенъ съ извѣстной покрышкой евангелія изъ слоновой кости, изданной Гори, въ III томѣ Thesaurus veterum diptychorum, табл. I, съ изображеніемъ Романа (Діогена) и Евдокіи (1015—1016 г.), гдѣ Христосъ, стоя на пульпитѣ или подножіи, возлагаетъ руки на головы поклоняющихся ему царей. Можно полагать, что разсматриваемый нами памятникъ представляетъ императора Константина Мономаха, или Константина Дуку (1059—1067 г.).

№ 156, той же 8-ой Залы представляетъ не менѣе замѣчательный памятникъ того же Собранія и состоитъ изъ двухъ таблетокъ слоновой кости, находившихся нѣкогда по сторонамъ центральной, болѣе широкой таблетки и составлявшихъ вмѣстѣ съ нею, триптихъ. На одной половинѣ изображенъ Св. Петръ, а на другой—Св. Николай, оба съ греческими надписями. Изящная и тонкая рѣзьба этихъ пластинокъ указываетъ на высокую технику; нѣсколько пониженный рельефъ и удлиненныя пропорціи тѣла, свидѣтельствуютъ о XI, X ст. византійскаго искусства. Несмотря на глубокую древность этихъ таблетокъ, ихъ слоновая кость сохраняетъ бѣлизну и блескъ вслѣдствіе особенно тщательной полировки. Надъ Петромъ, поверхъ полукруга или потолка, изображенъ поклоняющійся Ангелъ, съ надписью по-гречески: „Гавріилъ“,

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

простирающій впередъ въ благоговѣніи руки, покрытыя платомъ. Типы Петра и Николая вполнѣ традиціонны и переданы прекрасно.

№ 2, той же 8-ой Залы—замѣчательная *Мозаичная Икона Святителя Николая* изъ Собранія Кіевской Духовной Академіи, привезенная въ Россію съ Синая епископомъ Порфиріемъ Успенскимъ. Такія иконки, извѣстныя подъ именемъ „портативныхъ", были въ большомъ ходу въ быту византійцевъ и служили для молитвы въ дорогѣ и во время путешествій. Европейскіе Музеи Флоренціи, Рима, Парижа, равно какъ и Эрмитажъ и Христіанское отдѣленіе Румянцевскаго музея владѣютъ прекрасными обращиками такихъ иконъ. Описываемый нами маленькій образъ представляетъ собою драгоцѣнный образчикъ мозаичнаго дѣла, еще прекраснаго стиля и замѣчательной техники. Онъ вышиною въ 3, а шириною въ 2, съ небольшимъ, вершка, и выполненъ, какъ обыкновенно, крупными и мелкими пучочками мозаики на воскѣ. Тѣло, лицо, глаза, тѣни и свѣтъ исполнены тонкой и удивительно разнообразной мозаикой. О цвѣтѣ мозаическихъ кубиковъ судить нельзя вѣрно по причинѣ темноты лака, покрывающаго образокъ. На золотомъ фонѣ, въ золотомъ нимбѣ, изображена фигура Св. Николая Мѵрликійскаго (328—351), въ бѣломъ крестчатомъ омофорѣ и темно-коричневой нижней одеждѣ, благословляющаго двуперстнымъ греческимъ сложеніемъ, какъ и въ мозаикахъ Кіево-Софійскаго собора. Высокій лысый лобъ, опушенный сверху небольшими волосами, прямой широкій носъ, большіе глаза, округлая, съ просѣдью, борода, приближаютъ этотъ ликъ къ типу алтарной мозаики означеннаго собора; лицо нѣсколько удлинено, но прекрасная моделлировка, глубокіе тоны и полутоны колорита не старятъ лица, а даютъ ему спокойное, пріятное выраженіе; нѣтъ ничего, напоминающаго поздне-византійскіе образа, изъ которыхъ развивалась схема иконописнаго типа Св. Николая въ Россіи: нѣтъ ни морщинъ, ни дряблости лица. Мнѣ кажется вполнѣ справедливымъ пріуроченіе епископомъ Порфиріемъ этого образа къ IX столѣтію.

Подъ № 50 той же 8-й Залы между вещами, принадлежащими Рязанскому музею, привлекала особенный интересъ маленькая, въ полвершка длиною, *золотая пластинка съ эмалевымъ изображеніемъ Іисуса Христа*. Эта пластинка пріобрѣтена А. В. Селивановымъ въ 1888 г., отъ крестьянъ, которыми она найдена, вѣроятно, на мѣстѣ соборнаго храма Бориса и Глѣба, открытаго въ Старо-Рязанскомъ городищѣ. Эмаль чрезвычайно миніатюрна, но полна такихъ высокихъ техническихъ достоинствъ, что можно разобрать всѣ подробности изображенія. На пластинкѣ представленъ Христосъ по грудь, съ Евангеліемъ у груди въ лѣвой рукѣ, благословляющій двуперстно. По сторонамъ головы греческая надпись: IC. XC. На евангеліи изображенъ крестъ. Волосы у Христа—черные, борода—также черная и раздвоенная, на лбу—традиціонная прядь волосъ; лицо—блѣдно-розоваго цвѣта, нимбъ—глубокаго синяго цвѣта, перекрестья розоваго, глаза черные. Удивительно тонкія перегородки этой эмали и замѣчательная точность передачи типа заставляютъ остановиться на ней.

Чрезвычайное обиліе типовъ Христа въ христіанскомъ искусствѣ сопровождается и разными характеристиками этого типа. Весьма часто встрѣчаемые типы Христа Спасителя, Вседержителя, Еммануила, представляютъ свѣтло-каштановые волосы,

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

быть можетъ, слѣдуя Нерукотвореннымъ образамъ, идущимъ отъ далекой древности и давшимъ содержаніе посланію Лентула къ римскому сенату. Съ другой стороны, съ давнихъ поръ извѣстна и иная характеристика типа Христа: въ Сирійскомъ Евангеліи монаха Рабулы, 586 г., гдѣ типъ Христа представленъ двояко, одинъ изъ нихъ имѣетъ черты мѣстной характеристики: у Спасителя черныя, какъ смоль, волосы и борода. Въ одномъ латинскомъ стихотвореніи, которое одни относятъ къ XIV ст., другіе къ XII ст. и даже ко времени Вернера Нидергеймскаго, VII ст., описывается происхожденіе Нерукотвореннаго образа словами женщины Линцеры (по другимъ Вероника), которая говорила: „Христосъ вознесся на небо; онъ взялъ мое полотенце и приложилъ его къ своему лицу: тотчасъ я съ удивленіемъ замѣтила отпечатавшійся на немъ Его образъ, Его черную бороду, Его свѣтящіеся глаза. Эту память—сказалъ Онъ—Я считаю достойною тебя... Храни ее въ чести, ибо она исцѣляетъ всякія болѣзни". По мнѣнію Вильгельма Гримма, западное сказаніе объ образѣ Вероники есть лишь версія сказанія объ образѣ Авгаря—сказанія, возникшаго въ Сиріи и имѣвшаго большую распространенность на Востокѣ и Западѣ. Въ художественной практикѣ, это сказаніе отразилось возникновеніемъ особаго типа Христа съ черной бородой и волосами, какой мы и видимъ на разсматриваемой маленькой эмали. Раздвоенная борода и небольшіе, сравнительно, волосы окончательно убѣждаютъ, что въ основѣ изображенія лежитъ преданіе о Нерукотворенномъ образѣ, или даже, что это—повтореніе Нерукотвореннаго образа съ чертами восточнаго типа. Нерукотвореныхъ образовъ съ округленной бородой неизвѣстно.

Что касается до вопроса о назначеніи этой маленькой золотой пластинки, то кажется, что она служила украшеніемъ какого-либо золотого предмета и составляла часть извѣстной композиціи Деисуса, состоявшей изъ изображенія Христа, съ Богородицей и Іоанномъ Крестителемъ по сторонамъ, въ молитвенномъ предстояніи [1]).

ТАБЛ. LXXVIII — LXXX — зала 8-ая, воспроизводятъ черепки съ глиняныхъ сосудовъ, находимые вмѣстѣ съ каменными орудіями въ почвѣ курганныхъ насыпей на Лысой горѣ въ г. Лубнахъ, Полтавской губ. Принадлежатъ эти черепки собранію Е. Н. Скаржинской и описаны въ каталогѣ на стр. 4 и 5 (Зала 8-ая).

ТАБЛ. LXXXI—зала 8-ая, № 35—36. Грушевидные глиняные сосуды, бывшія въ жертвенномъ курганѣ, на Лысой горѣ, при обожженномъ костякѣ, расположенномъ головою на В., ногами на З., какъ большинство скорченныхъ покойниковъ-спутниковъ, при чемъ лица ихъ обращены на полдень. Изъ того же собранія.

ТАБЛ. LXXXII — зала 8-ая, № 31. Бронзовыя стрѣлы изъ кургана на Лысой горѣ. № 44. Терракотовая вазочка съ изображеніемъ тигровъ или леопардовъ, промежутки между которыми заполнены розетками—стояла въ томъ же курганѣ передъ меньшимъ пирамидальнымъ камнемъ. Изъ того же собранія.

Д. В. Айналовъ въ своей статьѣ о Выставкѣ, въ Вѣстн. Изящ. Искусствъ, говоритъ по поводу этой вазочки слѣдующее: „орнаментація сосудовъ, представляющая изображенія звѣрей, считается признакомъ древнѣйшаго времени; самый стиль, пред-

1) Текстъ къ №№ 157, 155, 156, 2 и 50—8-ой залы принадлежитъ перу Д. В. Айналова и заимствованъ изъ Вѣстника Изящныхъ Искусствъ, 1890 г., т. VIII, в. 2, стр. 104 sq.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ставляющій ассирійскія формы животныхъ въ особыхъ характерныхъ положеніяхъ и типахъ, служитъ признакомъ архаическаго древнѣйшаго періода, къ которому должна принадлежать и означенная вазочка. Архаическій стиль ея заставляетъ насъ отнести ее къ VII, VI ст. до Р. Хр. Попасть въ курганы рѣки Сулы вазочка могла лишь благодаря торговымъ сношеніямъ съ Херсонесомъ Таврическимъ, въ которомъ намъ извѣстны греческія колоніи еще въ IV ст. Нѣтъ сомнѣнія, что торговыя сношенія съ Херсонесомъ или Крымомъ нашихъ губерній средней полосы могутъ быть констатированы съ совершенной точностью въ различныя времена до и послѣ Рождества Христова; но разсматриваемая вазочка указываетъ—кажется, безъ сомнѣнія на торговыя сношенія въ VI, V ст. до Р. Хр., а это служитъ однимъ изъ пунктовъ, которые весьма важны для исторіи и археологіи нашего Юга. Попасть въ колоніи Южнаго Берега эта вазочка могла, повидимому, двумя путями: или изъ собственно Греціи, или изъ колоній на островахъ Іонійскихъ и Малой Азіи, такъ какъ сношенія Керчи съ островомъ Кипромъ, и притомъ въ довольно древнюю пору, доказываются находками терракотъ, очевидно, Кипрскаго происхожденія. Другая небезынтересная особенность вазочки состоитъ въ томъ, что звѣри, изображенные на ней, сколько извѣстно, являются почти впервые въ рисункахъ на вазахъ, до сихъ поръ найденныхъ въ почвѣ Россіи, за исключеніемъ одного сосуда изъ Керчи, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ, и пополняютъ собою коллекцію вазовыхъ рисунковъ однимъ весьма древнимъ изображеніемъ. Точно такіе же звѣри, т.-е. пантеры, въ геральдическомъ другъ противъ друга положеніи, довольно обыкновенны на древнихъ архаическихъ сосудахъ какъ въ собраніяхъ вазъ въ европейскихъ музеяхъ, такъ и въ богатѣйшемъ собраніи, принадлежавшемъ прежде Пиццати, а теперь составляющемъ собственность Императорскаго Эрмитажа, въ которомъ, въ залѣ древнѣйшихъ вазъ, этотъ рисунокъ можно видѣть на нѣсколькихъ пиѳосахъ и лекиѳахъ".

ТАБЛ. LXXXI—зала 8-ая, № 51. Черная полированная ваза съ 4 глухими ушками, найдена надъ лѣвымъ плечомъ покойника. Изъ того же собранія Е. Н. Скаржинской.

ТАБЛ. LXXXII — зала 8-ая, № 52. Маленькая курильница съ углями и смолистымъ сплавомъ, найдена надъ колѣнями покойника. Изъ того же собранія.

ТАБЛ. LXXXI — зала 8-ая, № 53. Курильница большая, съ дверками на бокахъ, изъ жертвенной части кургана. Изъ того же собранія.

ТАБЛ. LXXXII—зала 8-ая, № 55. Бронзовый кельтъ, найденный въ Херсонской губ., Александрійскаго уѣзда, въ селѣ Абрамовкѣ (Ново-Стародубъ), въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ рѣки Ингульца, на глубинѣ около 1 аршина. Изъ того же собранія.

ТАБЛ. LXXXII — зала 8-ая, № 57. Бронзовый топорикъ, найденный въ 7 верстахъ къ сз. отъ Лубенъ, между д. Клепатами и хуторомъ Александровкой, въ лѣсу на глубинѣ 5 вершковъ. Изъ того же собранія.

ТАБЛ. LXXXIII — зала 9-ая, № 14. Мѣдный плоскій наконечникъ копья, найденный по лѣвой сторонѣ рѣки Тихой (притокъ Дона). Изъ собранія Х. И. Попова.

ТАБЛ. LXXXIII — зала 9-ая, № 15 и 16. Бронзовыя удила, найденныя въ той же мѣстности, вмѣстѣ съ бронзовыми стрѣлами, воспроизведенными на той же таблицѣ. Изъ того же собранія.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ТАБЛ. LXXXIII — зала 9-ая, № 17. 64 наконечника стрѣлъ красной мѣди, найденныя съ удилами въ разрытомъ курганѣ на глубинѣ $1^1/_2$ арш. отъ вершины его, близъ хутора Обрывскаго, Чернышовской станицы, при рѣкѣ Чирѣ (притока Дона). Изъ того же собранія.

ТАБЛ. LXXXIII — зала 9-ая, № 19. Мѣдное копье, найденное въ окрестностяхъ хутора Трактирнаго, той же станицы; (по мнѣнію бар. Тизенгаузена—греческое, не часто встрѣчающееся). Изъ того же собранія.

ТАБЛ. LXXXIV — зала 9-ая, № 21. Топоръ бронзовый, найденный въ юртѣ Нижне-Курмоярской станицы, при р. Донѣ. Изъ того же собранія.

ТАБЛ. LXXXIII — зала 9-ая, № 22. Бронзовый наконечникъ копья, бронзовые обломки отъ удилъ и одна бронзовая бляшка отъ конскаго убора. Найдены въ юртѣ Нижне-Курмоярской станицы, при р. Донѣ. Изъ того же собранія.

ТАБЛ. LXXXIV — зала 9 ая, № 23. Бронзовое долото, найденное въ юртѣ Терновской станицы, при р. Донѣ. Изъ того же собранія.

ТАБЛ. LXXXIV — зала 9-ая, № 24. Топоръ изъ красной мѣди, найденный въ юртѣ Николаевской станицы, при р. Донѣ. Изъ того же собранія.

ТАБЛ. LXXXV — зала 9-ая, № 28. Бронзовый истуканъ грубой работы, найденный между рѣчками Нагольною и Мечетною (притоки Сѣвернаго Донца). Изъ того же собранія.

ТАБЛ. LXXXV — зала 9-ая, № 29. Бронзовый истуканъ, болѣе тонкой работы съ ушкомъ для привѣшиванья, найденъ въ той же мѣстности. Изъ того же собранія.

ТАБЛ. LXXXIV — зала 9-ая, № 31. Топоръ изъ красной мѣди, найденный въ юртѣ Слащовской станицы, на лѣвой сторонѣ рѣки Хопра. Изъ того же собранія.

ТАБЛ. LXXXVI — зала 9-ая, № 37. Зеркало съ тремя фигурами пантеръ, выведенныхъ рельефными контурами. Изъ того же собранія

ТАБЛ. LXXXVI — зала 9-ая, № 38, 39. Зеркала, найденныя съ предыдущимъ въ курганѣ близъ хут. Небыкова, во 2-мъ Донскомъ округѣ. Изъ того же собранія.

ТАБЛ. LXXXVI — зала 9-ая, № 40. Зеркало съ изображеніемъ двухъ сиренъ и арабскою надписью кругомъ, найдено въ юртѣ Слащовской станицы, при рѣкѣ Хопрѣ. Изъ того же собранія.

ТАБЛ. LXXXVI — зала 9-ая, № 41. Зеркало съ изображеніемъ двухъ рыбъ, найдено близъ хут. Шарашкина, на рѣкѣ Кумылгѣ (притокъ Хопра). Изъ того же собранія.

ТАБЛ LXXXV — зала 9-ая, № 43. Золотая серьга, найденная въ курганѣ близъ хутора Небыкова, при рѣкѣ Курмоярскомъ-Аксаѣ, въ юртѣ Потемкинской станицы (на лѣвой сторонѣ рѣки Дона, въ степи). Изъ того же собранія.

ТАБЛ. LXXXV — зала 9 ая, № 44. Серебряная позолоченная пластинка съ тонкимъ рельефнымъ узоромъ, изъ того же кургана. Изъ того же собранія.

ТАБЛ. LXXXV—зала 9-ая, № 66. Бронзовая фибула прорѣзная, съ крестообразною вершиною, одного рисунка съ бронзовыми предметами, добытыми Н. И. Булычевымъ въ Калужской губ. Найдена во второмъ Цымлянскомъ городищѣ, на правомъ берегу Дона. Изъ того же собранія.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ОБЩІЙ ПЕРЕЧЕНЬ ВЫСТАВКИ.

Въ печатномъ „Каталогѣ Выставки VIII Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ“, который, представляя собой рядъ отдѣльныхъ каталоговъ по заламъ, даетъ въ общемъ томикъ въ 763 стр. in 8⁰, составъ Выставки указанъ слѣдующимъ образомъ:

Собраніе русскаго стариннаго шитья, кружевъ, женскихъ уборовъ и одежды — Н. Л. Шабельской (зала I, стр. 1—18); собранія оружія: частное изъ Смоленска и Д. А. Ушакова изъ Москвы (I, 18 — 25); вещи изъ Тверского Музея, преимущественно церковныя древности, а также фотографіи камней съ начертаніями (зала II, стр. 1 — 4); собранія преимущественно церковныхъ древностей и бытовой старины XVII вѣка гг. Веркмейстера, Бурылина, Путилова, Г. А. Алексѣева, г-жи Айгустовой, гг. Евреинова, Зайцевскаго (II, стр. 4 — 14); Т. Ѳ. Большакова — рукописи и старо-печатныя книги, бытовыя веши XVII—XVIII вв. и иконы (14—21); I. А. Хайновскаго—бытовыя вещи, раскопки въ Кіевской и Волынской губ., церковныя древности (21—31); В. Г. Сапожникова—древнія парчи, бархатъ, шелкъ (31—33); А. П. Бахрушина—персидскія вещи; нѣсколько историческихъ портретовъ XVI—XVII вв. (стр. 33). Далѣе шли церковныя древности, доставленныя 23 монастырями, 37 приходскими (преимущ. сельскими) церквами, 4 соборами, Ярославскимъ архіерейскимъ домомъ, Московск. Археол. Обществомъ, Историческимъ Музеемъ, преосв. Амфилохіемъ и тремя свѣтскими лицами, изъ 25 губерній: Архангельской, Виленской, Владимірской, Вологодской, Вятской, Гродненской, Екатеринославской, Калужской, Курской, Минской, Могилевской, Московской (Волоколамскій уѣздъ), Олонецкой, Орловской, Пермской, Полтавской, Псковской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тверской, Тульской и Харьковской (зала III, 1—43, въ сноскахъ даны свѣдѣнія о нѣкоторыхъ монастыряхъ). Въ той же залѣ помѣщалось собраніе шитыхъ иконъ и пеленъ гр. А. С. Уварова (III, 45 — 54, каталогъ - описаніе сост. гр. Уваровой). Затѣмъ слѣдовали: собраніе рукописей, старопечатныхъ книгъ и иконъ И. Л. Силина (зала IV, 1 — 26, каталогъ составленъ В. Н. Щепкинымъ), обширное собраніе Н. М. Постникова: иконы, финифтяное и серебряное дѣло (залы V и VI, стр. 1—198, всего 3245 №№). Далѣе: собраніе древностей каменнаго вѣка и курганныхъ Е. Н. Скаржинской (зала VIII, 1 — 14, каталогъ съ объяснительными отмѣтками). Раскопки и находки рязанскія (14—48): вещи Рязанскаго Музея (Смедовскій могильникъ, раскопки въ Старой Рязани, слѣпки съ надписей Касимов-

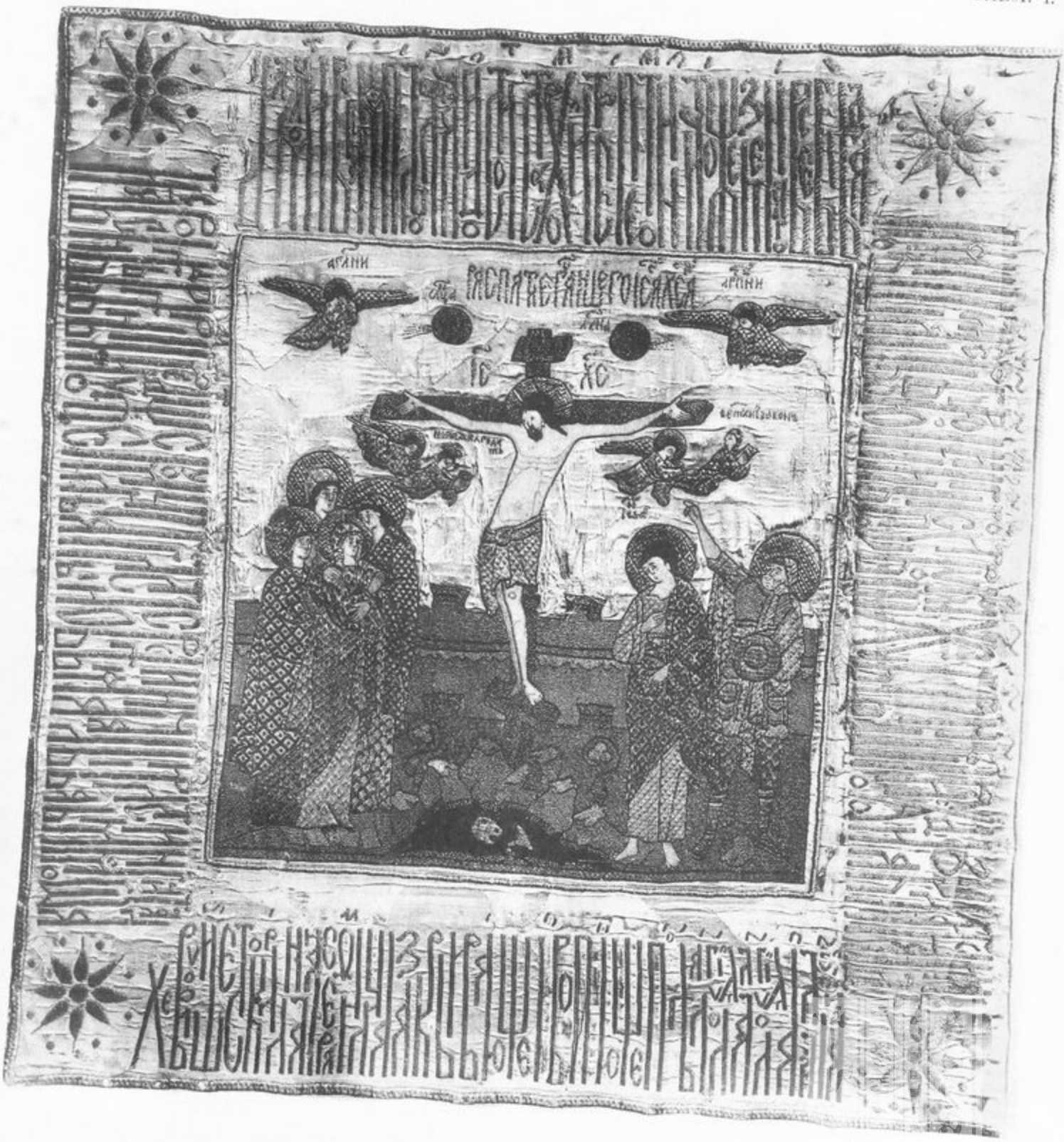
ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ской текіе), В. А. Городцова (стоянка камен. вѣка), раскопки графа Ѳ. А. Уварова (Курманскій могильникъ, — каталогъ съ объяснительными отмѣтками). Вещи, выставленныя Восточной Коммиссіей Императорскаго Моск. Археол. Общ (главнымъ образомъ, несторіанскія древности изъ Средней Азіи и месопотамская коллекція Блау; VIII, 49—71, объяснительный каталогъ, сост. гг. Никольскимъ и Слуцкимъ). Иконы изъ Церковно-Археологическаго Музея при Кіевской Духовной Академіи (изъ драгоцѣннаго Порфиріевскаго собранія, между прочимъ энкавстика Константина и Елены; 71—74, объяснительный каталогъ); вещи изъ Древнехранилища Александро-Невскаго Братства въ г. Владимірѣ и изъ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи (75—77). Собраніе гр. А. С. Уварова: кресты, русское серебро и финифть (77—92, описаніе сост. В. Н. Щепкинымъ). В. И. Булычова раскопки въ Мосальскомъ уѣздѣ, Калужской губ. (финифть, 92—101); А. В. Толстой — Муранковскій могильникъ Сызранскаго уѣзда (101—102); А. В. Прахова — церковныя древности юго-западнаго края (102—104). Серебро гр. А. А. Бобринскаго (104—111). Въ слѣдующей залѣ помѣщались: рисунки, виды и карты къ изслѣдованіямъ Н. М. Ядринцева въ Алтаѣ, Минусинскомъ округѣ, за Байкаломъ и въ Монголіи въ 1880—90 гг. (IX, а, 1—12, объяснительный каталогъ); раскопки и находки (IX, б, 1—59) гг. Сизова (Дьяково городище подъ Москвою и Донская область), Василева (Пензенская губ.), Линниченка (Полтавская губ.), Минскаго Музея (Минск. губ.), Попова (Земля Войска Донского), Зарѣцкаго (Харьковской губ.), Скадовскаго (Херсонск. уѣзда), Сементовскаго-Курилло (Витебск. губ.), Мамина (Екатеринбург. губ.), Гондатти (Пермской губ.), гр. Ѳ. А. Уварова (Пермской губ.), Фелицына (Кубанская область), Клеменца (Енисейск. губ.), Клера и Ѳаддѣева (близъ Екатеринбурга), Еленева (Бирюсинскія пещеры Иркутской губ.), Ивановскаго (Петерб. губ.), Висковатова (у Нарвскаго залива). Кавказу посвящены были: собраніе гр. А. С. Уварова (зала X, 1—48, каталогъ съ объяснительными отмѣтками), частная коллекція (между прочимъ, могильники: Фаскау, Кумбулты и Камунты, 49—84; нынѣ пріобрѣтено Историческимъ Музеемъ), раскопки гг. Сизова (161—171) и Миллера (171). Рядомъ помѣщались: собраніе пермскихъ древностей А. Е. Теплоухова (85—170); древности вятскія гг. Первухина (171—195) и Синицына (195—208). Раскопки Д. Н. Анучина въ Пермской губ. (209—210); собраніе каменнаго вѣка г-жи Мельникъ (зала XI, 1—3); раскопки изъ Изюмскаго уѣзда, г. Витковскаго раскопки подъ Кіевомъ (5—7), г. Рылѣева въ бассейнѣ рѣки Чепцы и Лумбуна (8—28); врача А. А. Зубова—лѣчебники XVIII и XIX вв. (4—5); А. В. Прахова—волынскія церковныя древности (между прочимъ, памятники князей Острожскихъ; XI зала, 29—35).

Кромѣ того, не вошли въ выставочный Каталогъ нѣкоторыя коллекціи, запоздавшія прибытіемъ: собраніе иконъ С. А. Егорова, собраніе западныхъ эмалей Д. А. Постникова (зала VII), находки каменнаго вѣка по р. Волхову г. Передольскаго, собраніе Д. Я. Самоквасова, раскопки гр. Флёри.

Библиотека НИ Ин-та Краеведческой и Музейной работы

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ



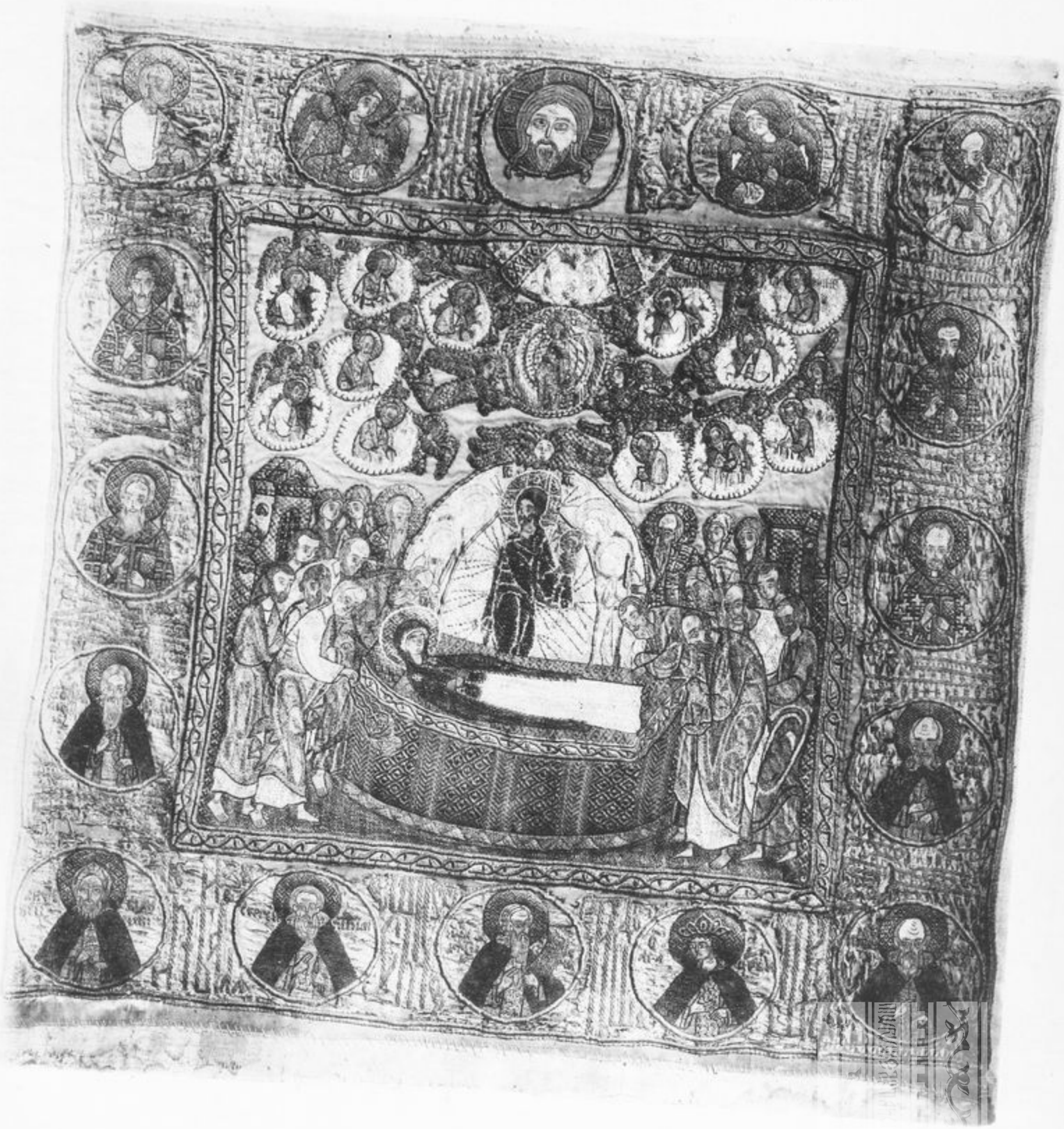
Фототипія Р. Тиле, Москва.

ШИТАЯ ИКОНА РАСПЯТІЯ ГОСПОДНЯ.

Собраніе Тверскаго Музея (описаніе Музея № 53).

БИБЛИОТЕКА
им. Ив-та Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ



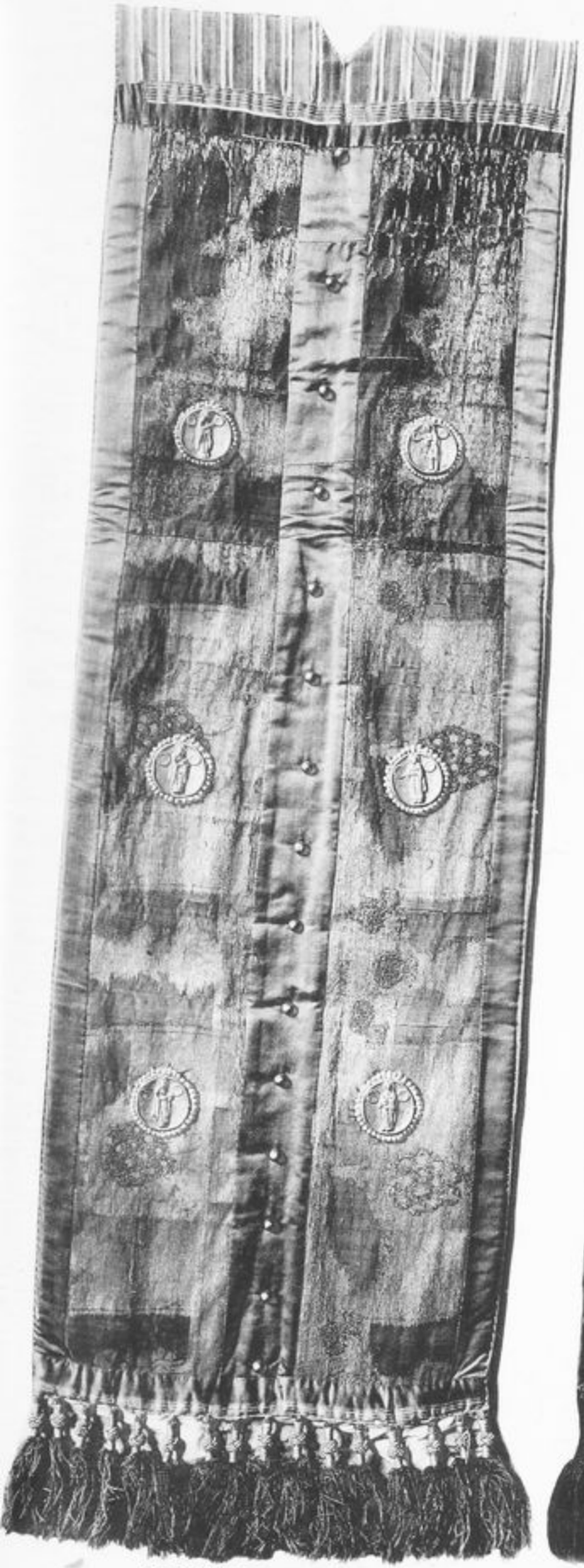
Фототипія Р. ТИЛЕ, Москва.

ШИТАЯ ИКОНА УСПЕНІЯ.

Собраніе Тверскаго Музея (описаніе Музея № 53).

БИБЛИОТЕКА
МИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ



ЕПИТРАХИЛЬ ДВОЙНАЯ.
Павнутіевъ-Боровскій монастырь.
Калужской епархіи.

40

39 ЕПИТРАХИЛЬ.
Тверской-Отрочь монастырь.
Собраніе Тверскаго музея.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
Ин-та Краеведческой
Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

ПАРЧА.
Собраніе Тверскаго Музея.

Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
ГУИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

ОСТАТКИ ПАРЧЕЙ.

Собраніе Тверскаго Музея.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

ОСТАТКИ ПАРЧЕЙ.

Собраніе Тверскаго Музея.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИИ Истории Архитектуры
и Музейных работ

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

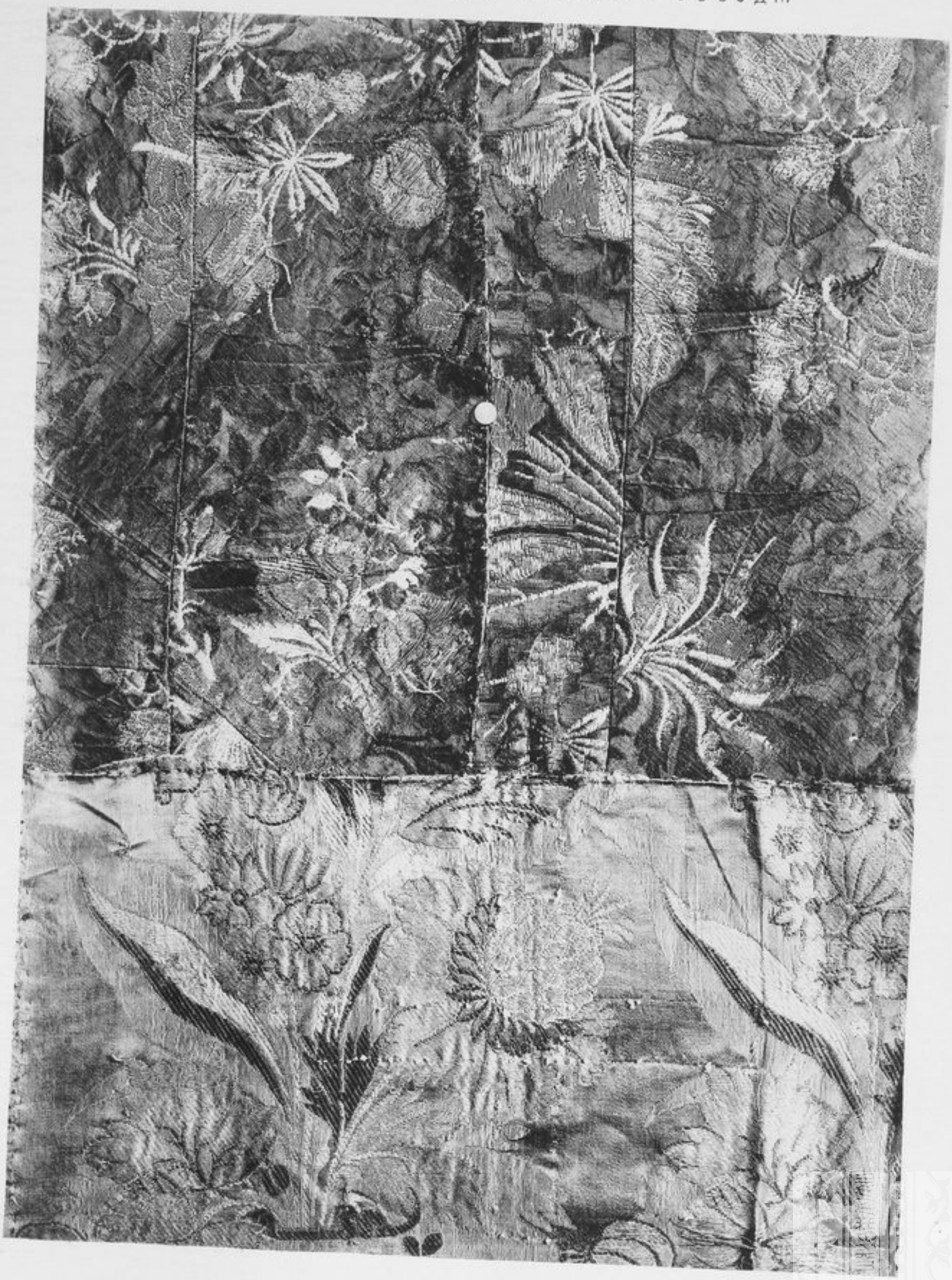
Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

ОСТАТОКЪ ПАРЧИ.
Собраніе Тверскаго Музея.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НН И. ІА Крилова
и Шуйского р.п. 1962

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ



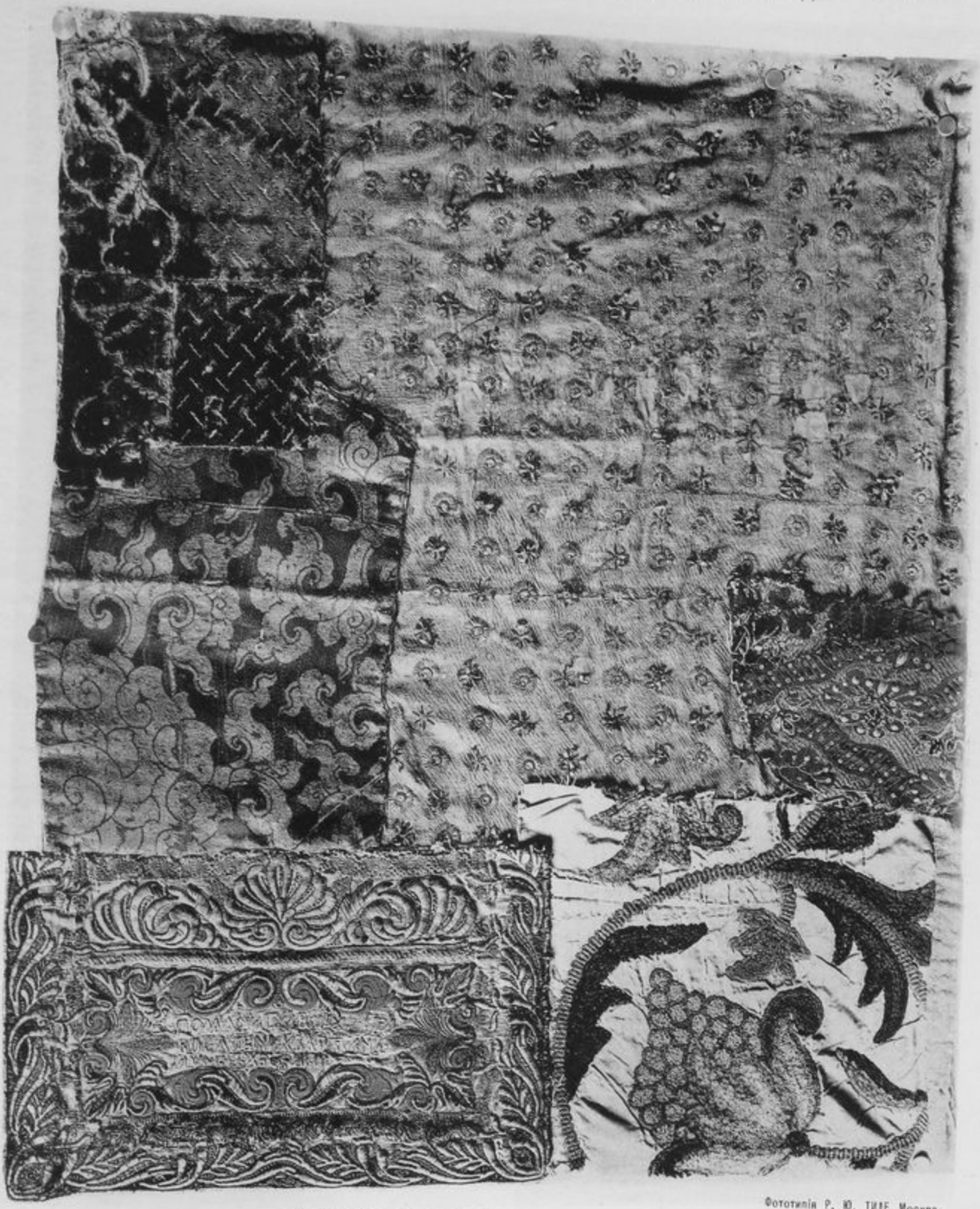
Фототипія Р. Ю. Тилле, Москва.

ОСТАТКИ ПАРЧЕЙ.
Собраніе Тверскаго Музея.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
ЦНИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ



Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

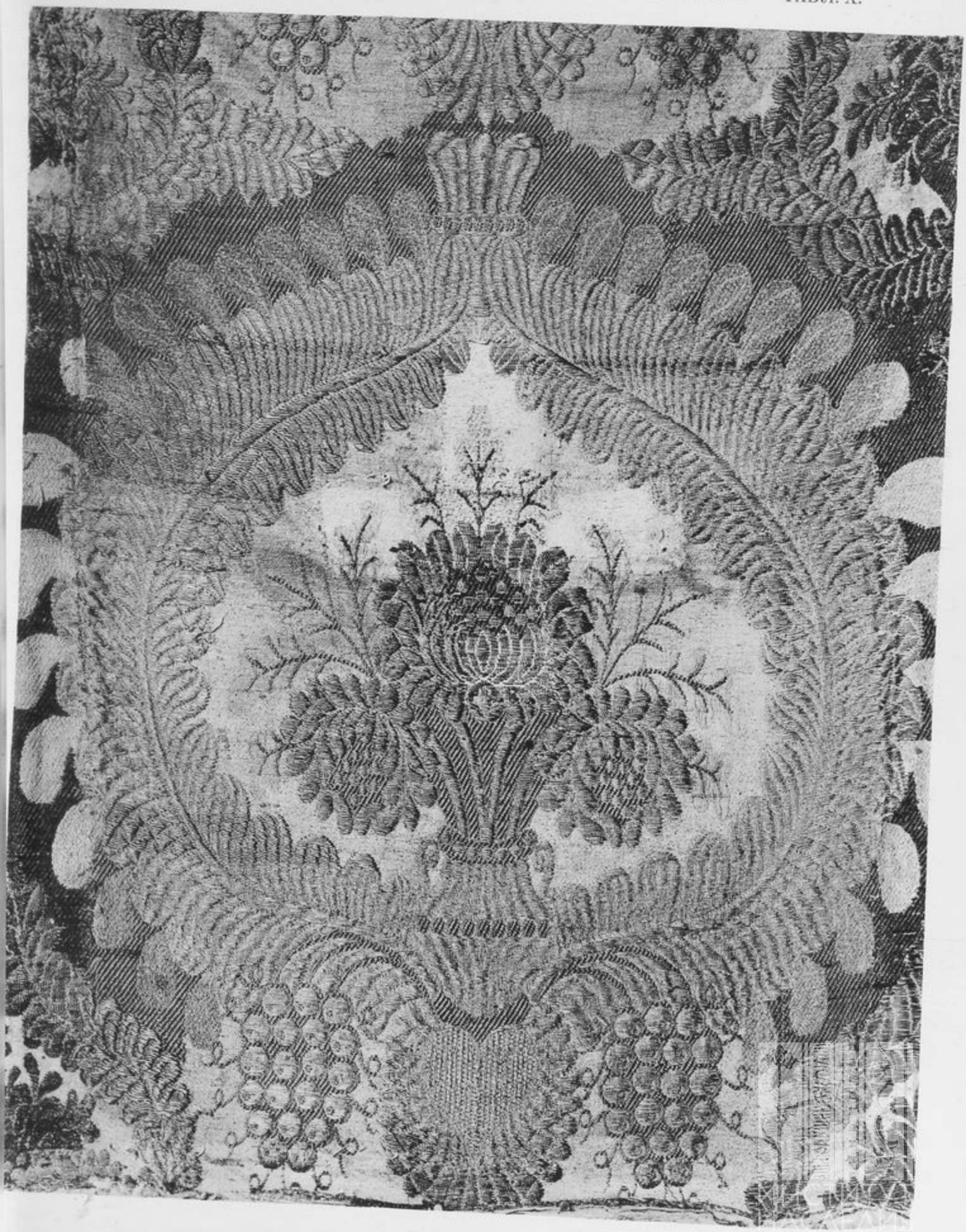
ОСТАТКИ ПАРЧЕЙ.

Собраніе Тверскаго Музея.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ



Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

ОСТАТОКЪ ПАРЧИ.
Собраніе Тверскаго Музея.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

ОСТАТОКЪ ПАРЧИ.
Собраніе Тверскаго музея.

БИБЛИОТЕКА
Института Промышленной
и Гражданской работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фототипія Г. Ю. Гиле, Москва.

ОСТАТКИ ПАРЧЕЙ.

Собраніе Тверскаго Музея.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
И. и К. Кривошеиной
и Музейный ремесл.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. Ю. ГИЕ, Москва.

ОСТАТКИ ПАРЧЕЙ.

Собраніе Тверскаго Музея.

БИБЛИОТЕКА
Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

ОСТАТКИ ПАРЧЕЙ.

Собраніе Тверскаго Музея.

БИБЛИОТЕКА
НИ Института Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

ОСТАТКИ ПАРЧЕЙ.

Собраніе Тверскаго Музея.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

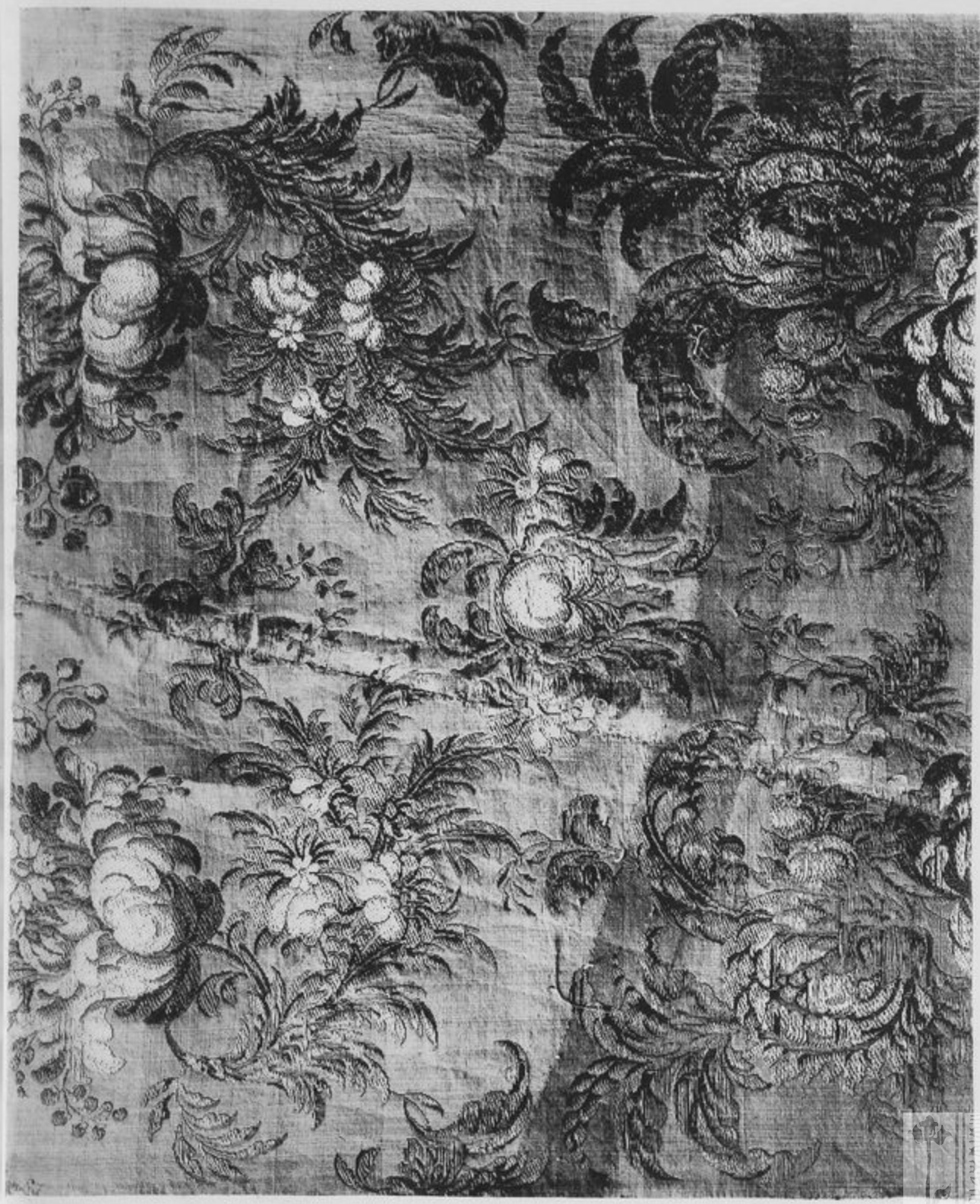
ОСТАТКИ ПАРЧЕЙ.

Собраніе Тверскаго Музея.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
Мих. Ив. Красноперова
в Шуйской уез. гим.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ



Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва

ОСТАТОКЪ ПАРЧИ.

Собраніе Тверскаго Музея.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИИ Ин-та Крестьянской
и Мужейной раб. [illegible]

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

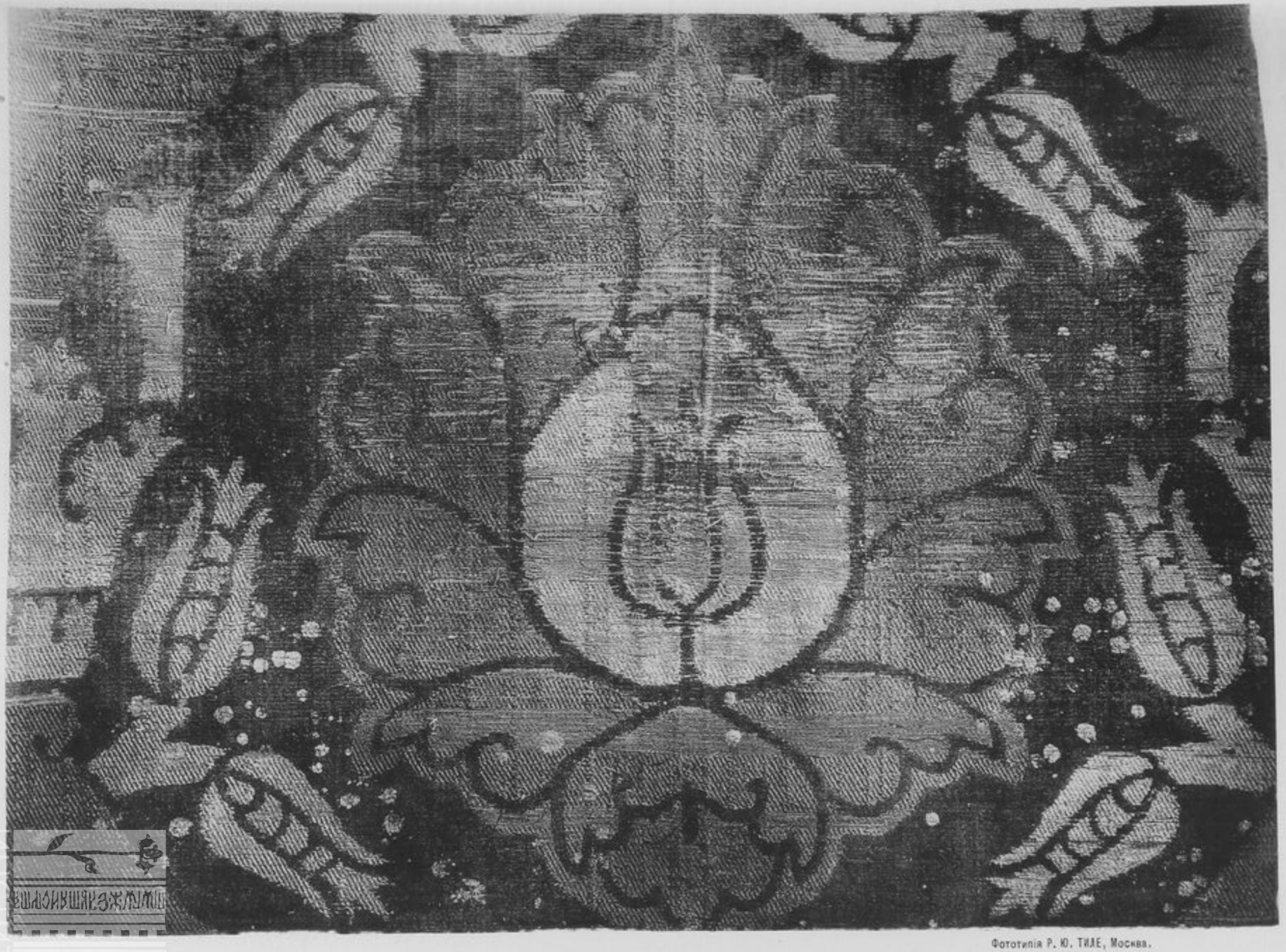
ОСТАТКИ ПАРЧЕЙ.

Собраніе Тверскаго музея.

БИБЛИОТЕКА ГАИМ

БИБЛИОТЕКА
Ин-та Крестьяноведения
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ



Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

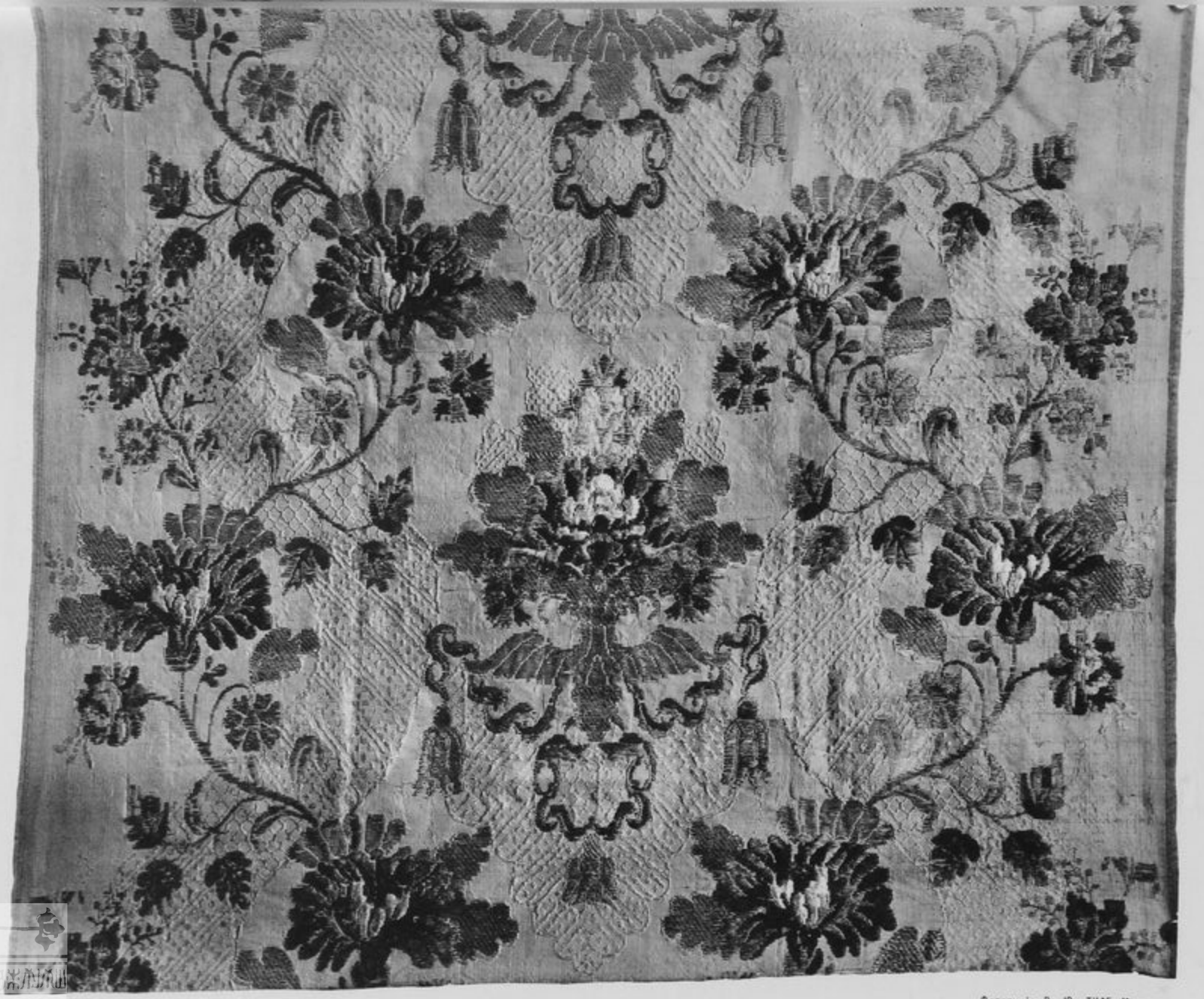
ОСТАТОКЪ ПАРЧИ.

Собраніе Тверскаго музея.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ІНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ



Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

ОСТАТОКЪ ПАРЧИ.

Собраніе Тверскаго Музея.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
имени Ивана Крылова
в Кусково

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

ОСТАТОКЪ ПАРЧИ.

Собраніе Тверскаго Музея.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИИ по Краеведческой
и Музейной работе

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

ОСТАТКИ ПАРЧЕЙ.

Собраніе Тверскаго музея.

ТАБЛ. XXII.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИИ Ис. и Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

ОСТАТКИ ПАРЧЕЙ.

Собраніе Тверскаго Музея.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

ОСТАТКИ ПАРЧЕЙ.

Собраніе Тверскаго Музея.

РИГАСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

БИБЛИОТЕКА
Института Краеведения
и Музейного дела

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. ТИЛЕ, Москва.

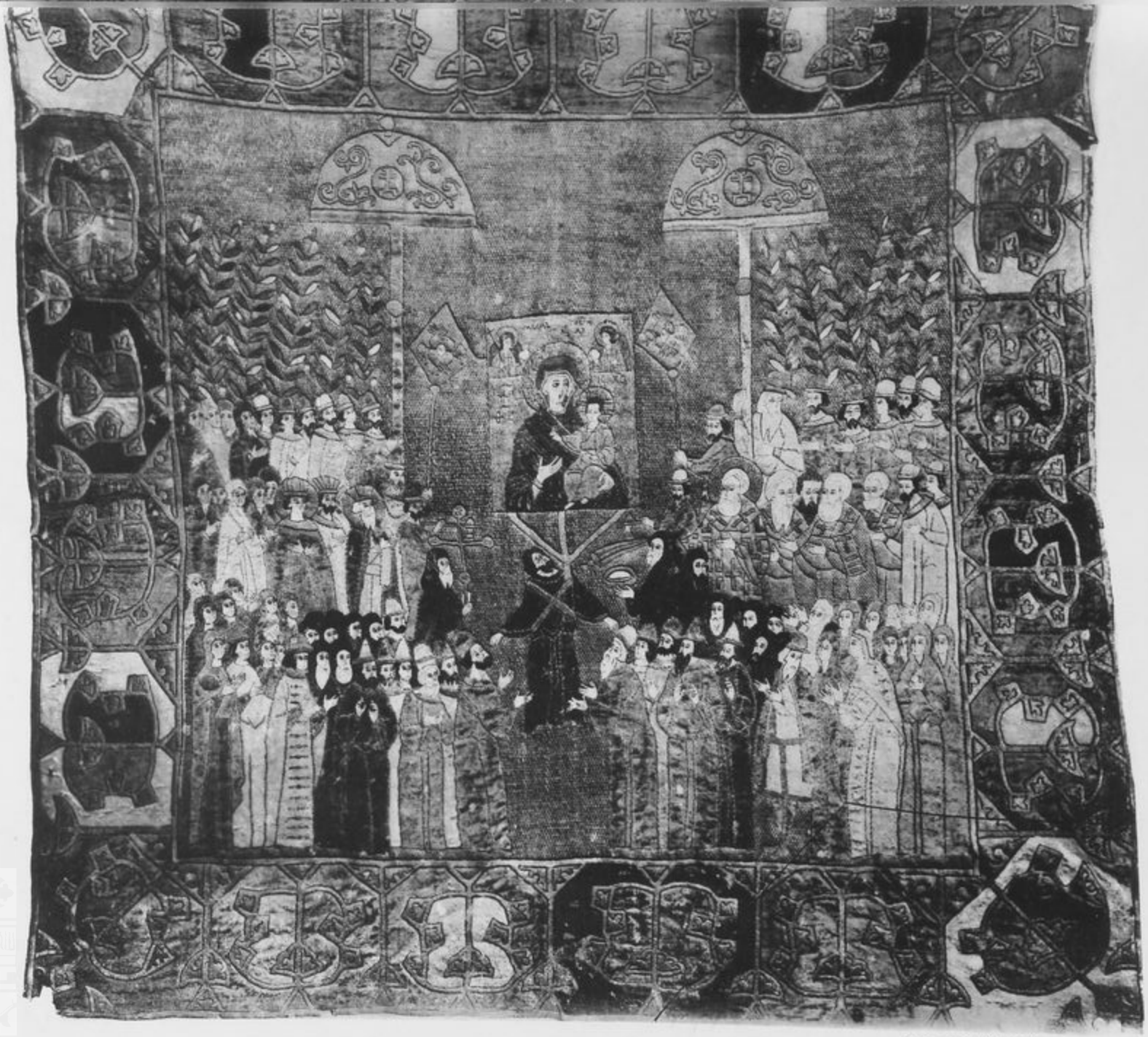
ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ОБРАЗЧИКИ НАБОЙКИ.

(*Собраніе Тверскаго Музея*).

БИБЛИОТЕКА
ЛИ Ив. Крамской
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ



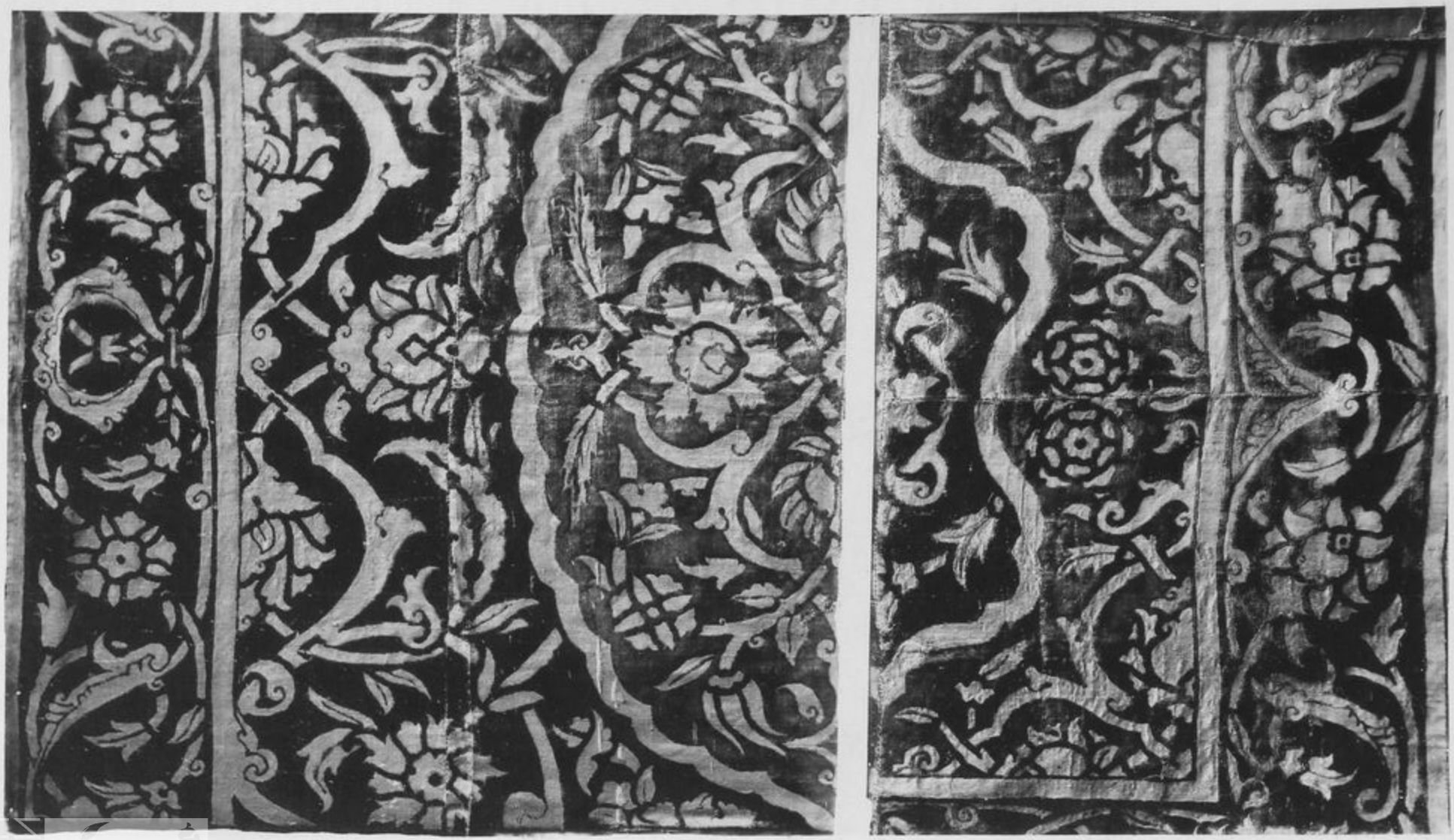
Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

ПЕЛЕНА СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ КРЕСТНАГО ХОДА И ИКОНОЙ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ.
Собраніе И. М. Зайцевскаго.

РУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

БИБЛИОТЕКА
М.И. Ч. Крестьянской
и Мужской работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ



Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

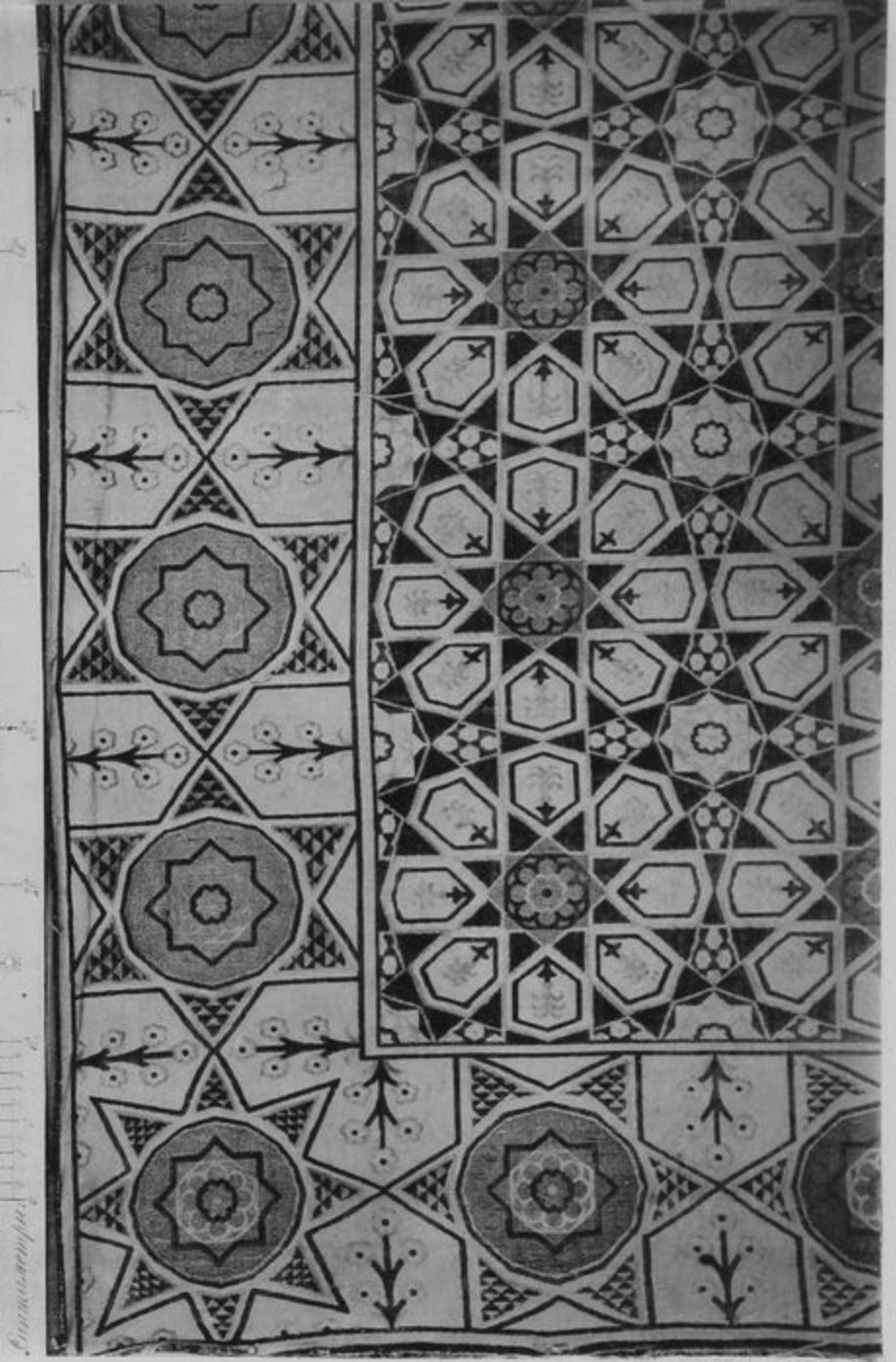
БАРХАТА АЗІАТСКОЙ РАБОТЫ. 1/3 натур. вел.

Коллекція В. Г. Сапожникова.

БИБЛИОТЕКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ИСКУССТВОЗНАНИЯ

БИБЛИОТЕКА
Ни Ив. ів Крамадчоков
и Мулінаїв рік. 1900

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ



Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

1. БАРХАТЪ АЗІАТСКІЙ.

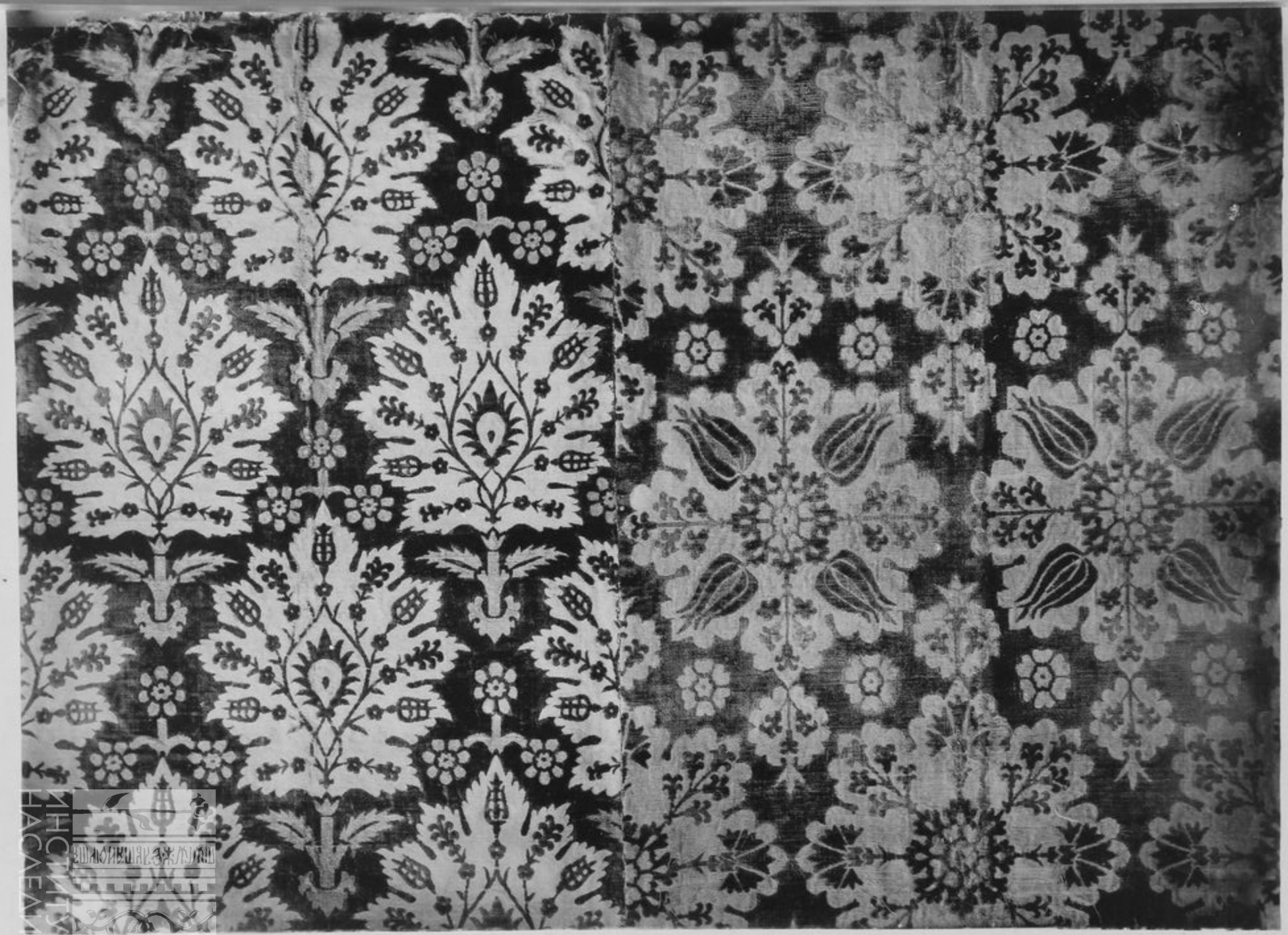
2. БАРХАТЪ АЗІАТСКІЙ. Рисунокъ Мавританскій.

Коллекція В. Г. Сапожникова.

ГАЛЕРЕЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПОВѢДНАЯ

БИБЛИОТЕКА
Н.И. Мусина-Краснодарской
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ



Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

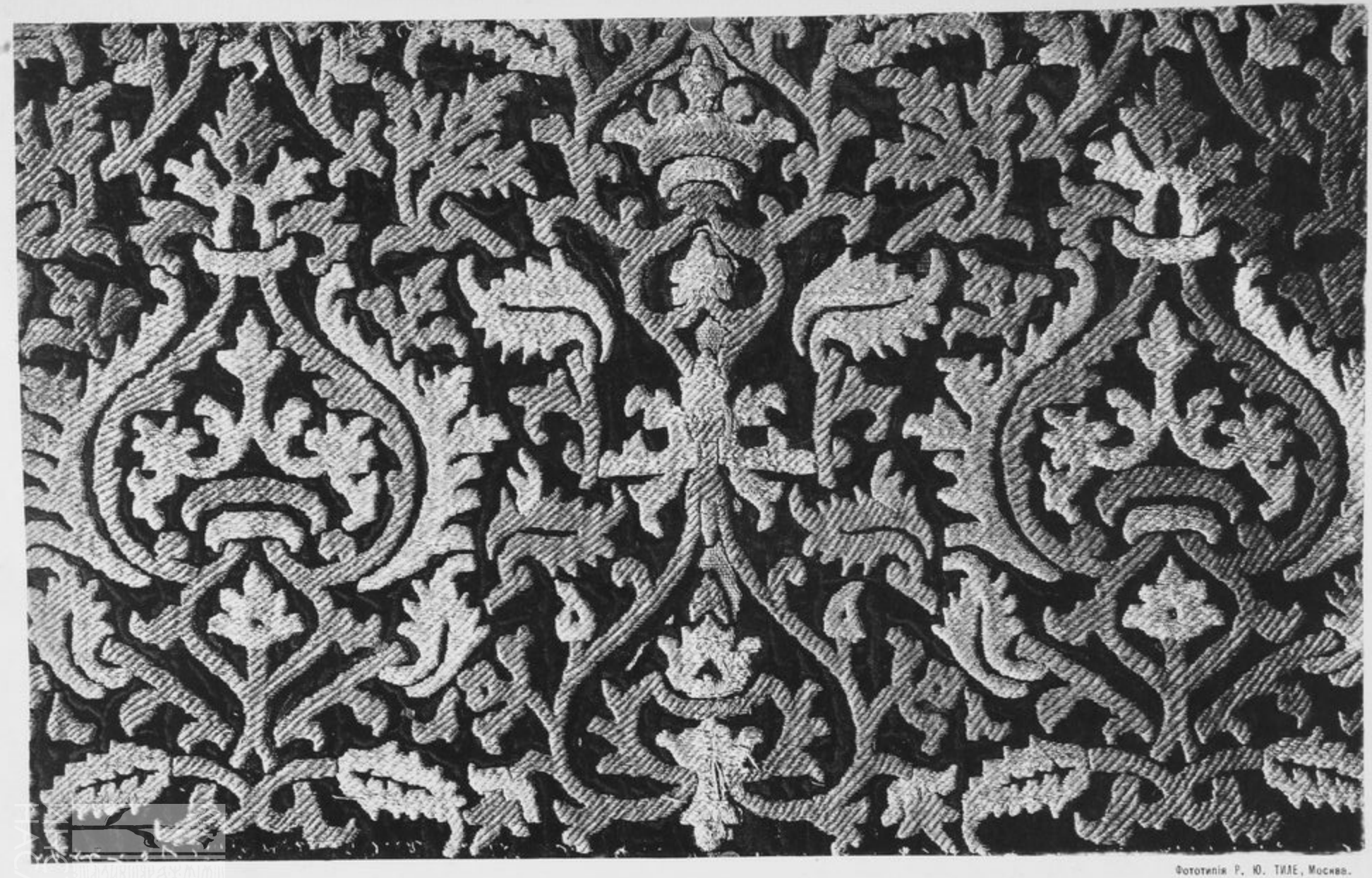
БАРХАТА ИТАЛЬЯНСКОЙ РАБОТЫ. 1/4 натур. вел.

Коллекція В. Г. Сапожникова.

ИНСТИТУТ ИСКУССТВОЗНАНИЯ

БИБЛИОТЕКА
Н.И. Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ



Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

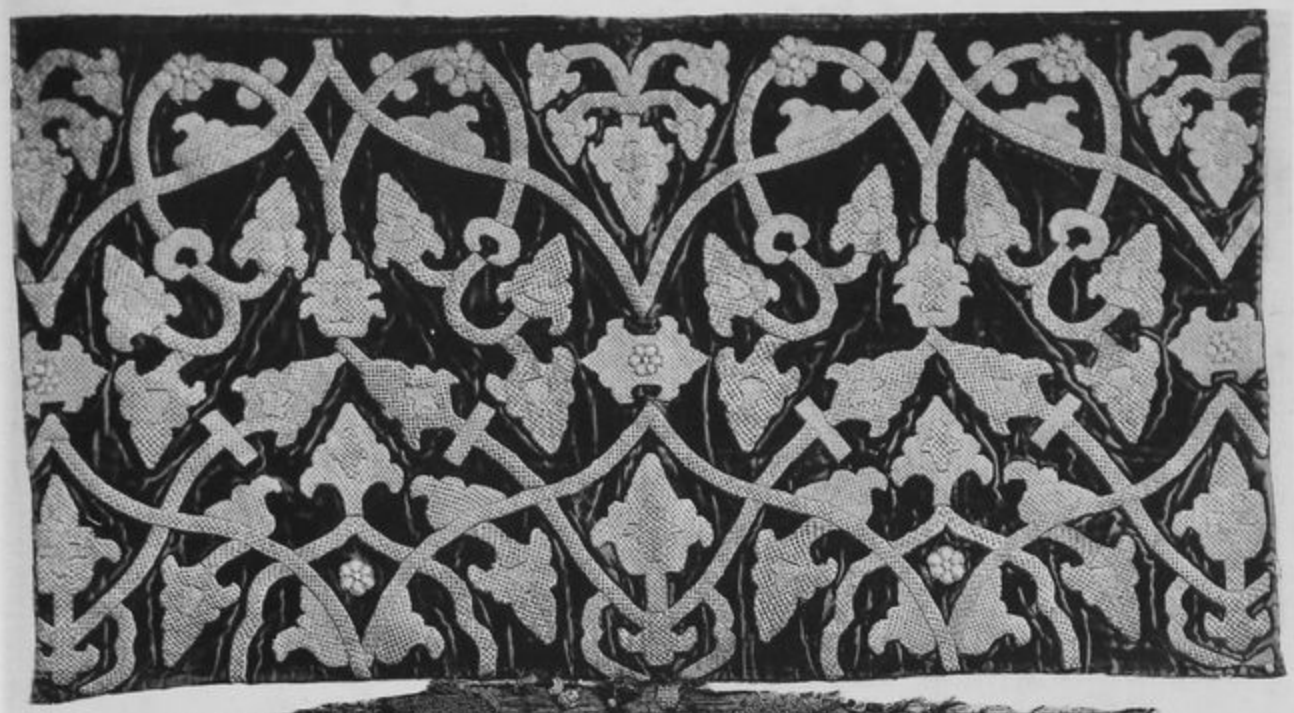
РУССКОЕ ВЫШИВАНІЕ. 1/2 натур. вел.

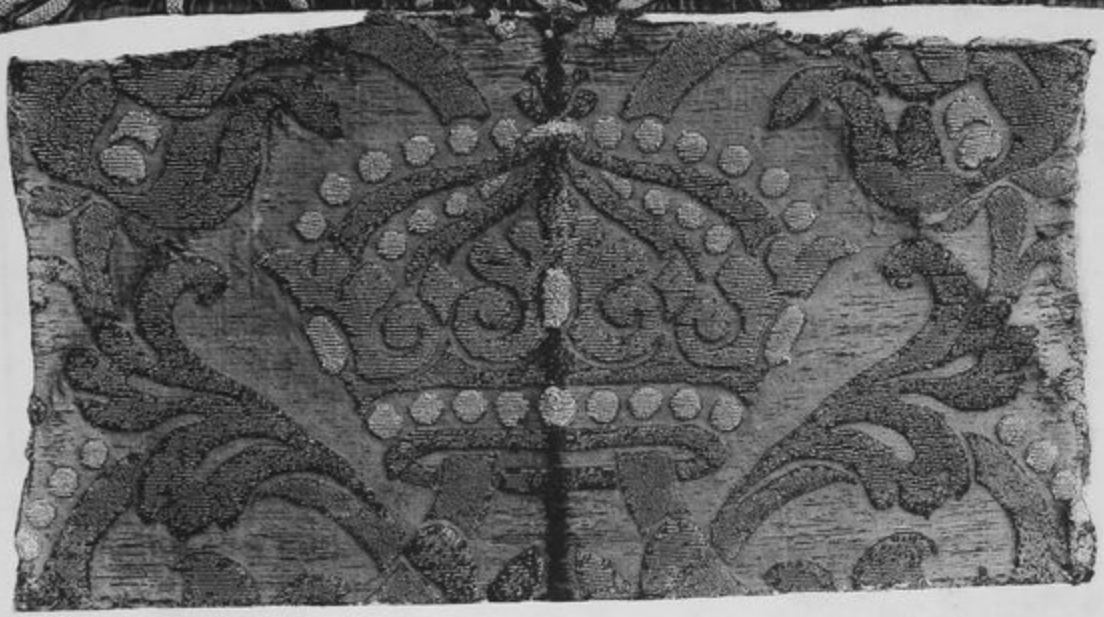
Коллекція В. Г. Сапожникова.

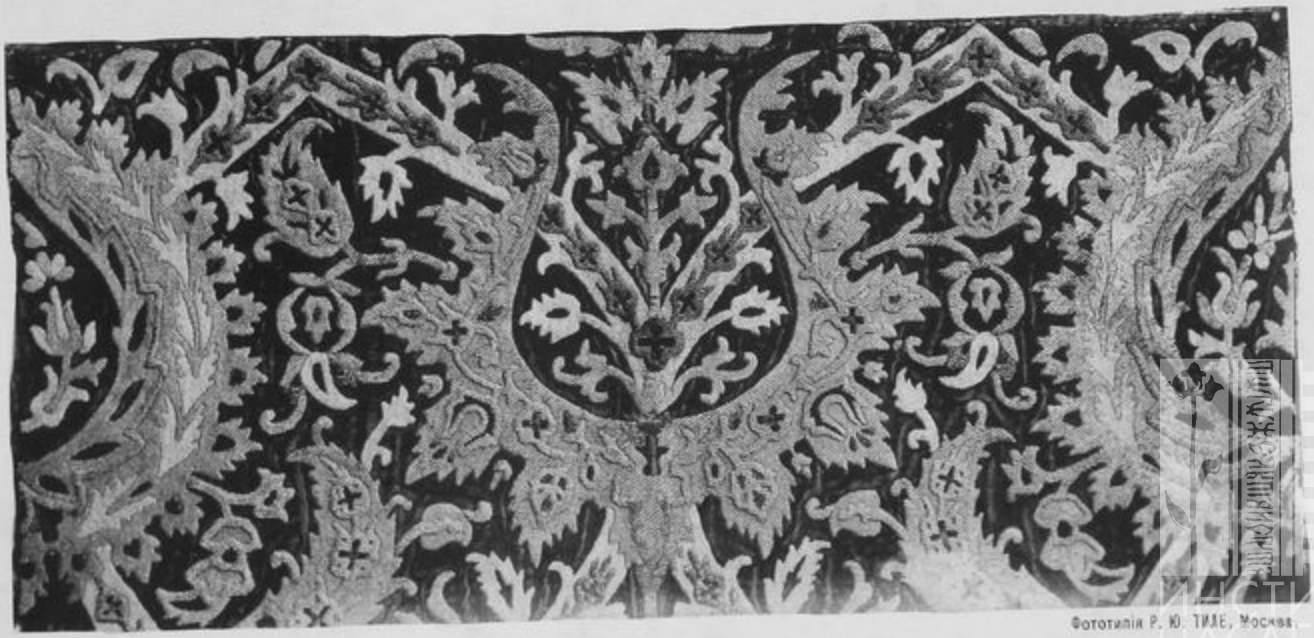
ВИЗАНТИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

БИБЛИОТЕКА
НИИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ







Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

ВЫШИВАНІЕ РУССКОЕ. 1/3 натур. вел.

Коллекція В. Г. Сапожникова.

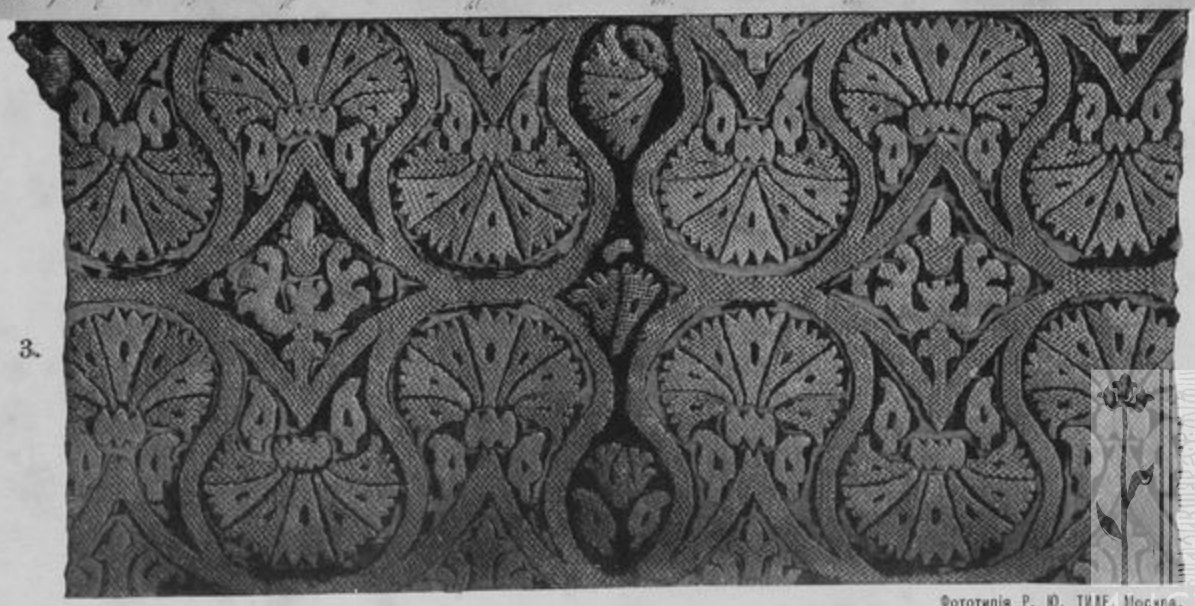
ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИИ Ин-та Краеведчества
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

1.

3.



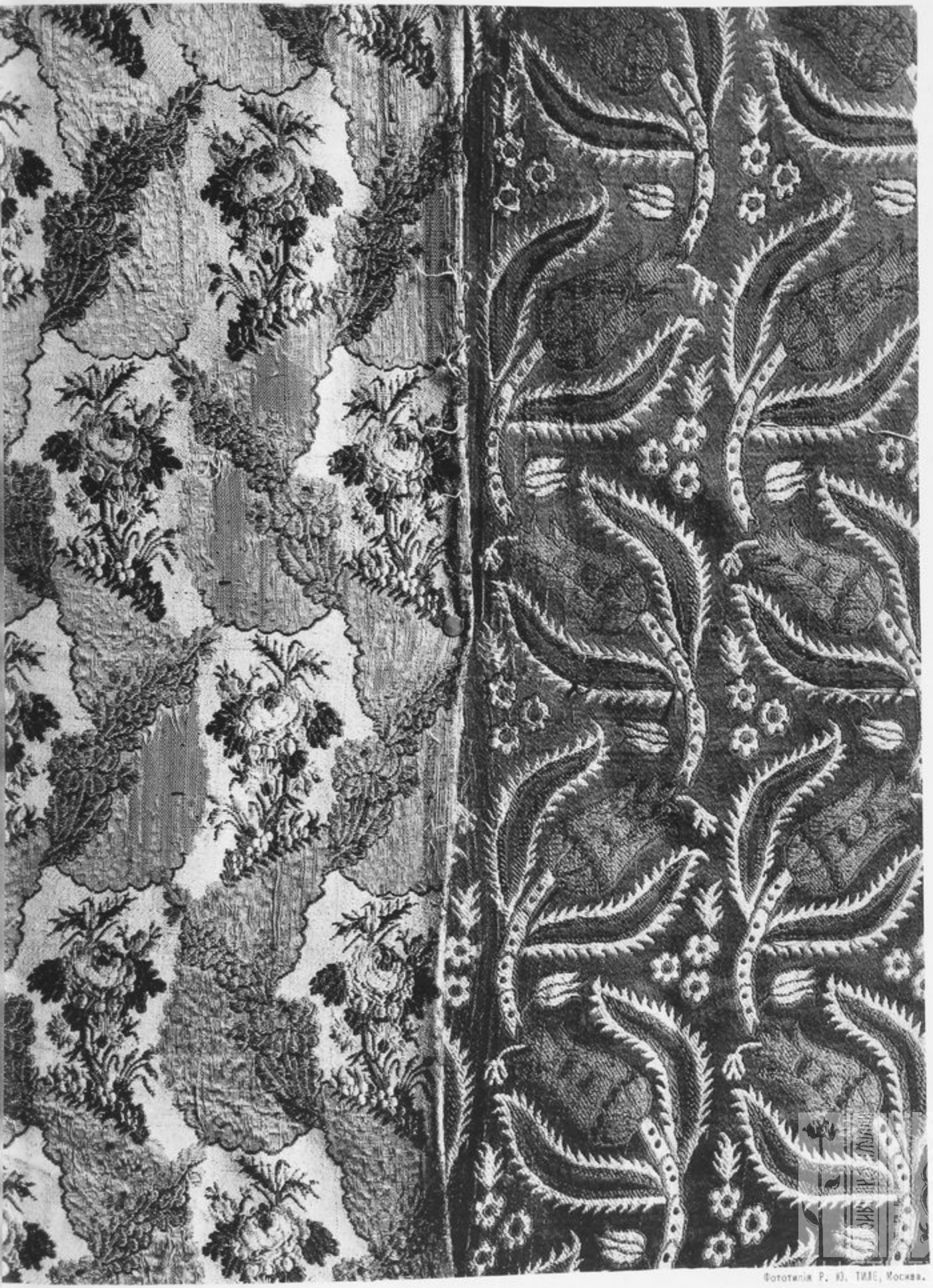
Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

1 и 3. РУССКОЕ ВЫШИВАНІЕ.
2. ПАРЧА РУССКАЯ.
Коллекція В. Г. Сапожникова.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
Ин. Ин. та Краснодарского
и Кубанской области

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ



Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

ОСТАТОКЪ ПАРЧИ.
Собраніе Тверскаго Музея.

МАТЕРІЯ ПЕРСИДСКОЙ РАБОТЫ.
Коллекція В. Г. Сапожникова.

БИБЛИОТЕКА
Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

II.

Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

I. ПАРЧА ПЕРСИДСКАЯ. II. ПАРЧА ФРАНЦУЗСКАЯ. 2/5 НАТУР. ВЕЛ.

Изъ Коллекціи В. Г. Сапожникова

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
Мин. Ис. ва Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

I.

II.

Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

I. ПАРЧА ФРАНЦУЗСКАЯ. II. ВЫШИВАНІЕ РУССКОЕ. 9/8 НАТУР. ВЕЛ.

Изъ Коллекціи В. Г. Сапожникова.

БИБЛИОТЕКА
НИИ

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

ГРАФЪ НИКОЛАЙ ПОТОЦКІЙ
фундаторъ Почаево-Успенской Лавры.

БИБЛИОТЕКА
НИ II-го та Кримінальної
і Мусійної роботи

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

ПОРТРЕТЫ ФУНДАТОРОВЪ

Почаево-Успенской Лавры въ Волынской губ. Ѳеодора и Евдокіи Домашевскихъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

ПОРТРЕТЪ АННЫ ГОЙСКОЙ,

одной изъ фундаторовъ Почаево-Успенской Лавры.

БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

ПОРТРЕТЪ МИТРОПОЛИТА ГЕДЕОНА,

Князя Святополка-Четвертинскаго Одного изъ фундаторовъ Почаево-Успенской Лавры.

БИБЛИОТЕКА
им. Н. и Краснодарской
научной библиотеки

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. ТИЛЕ, Москва.

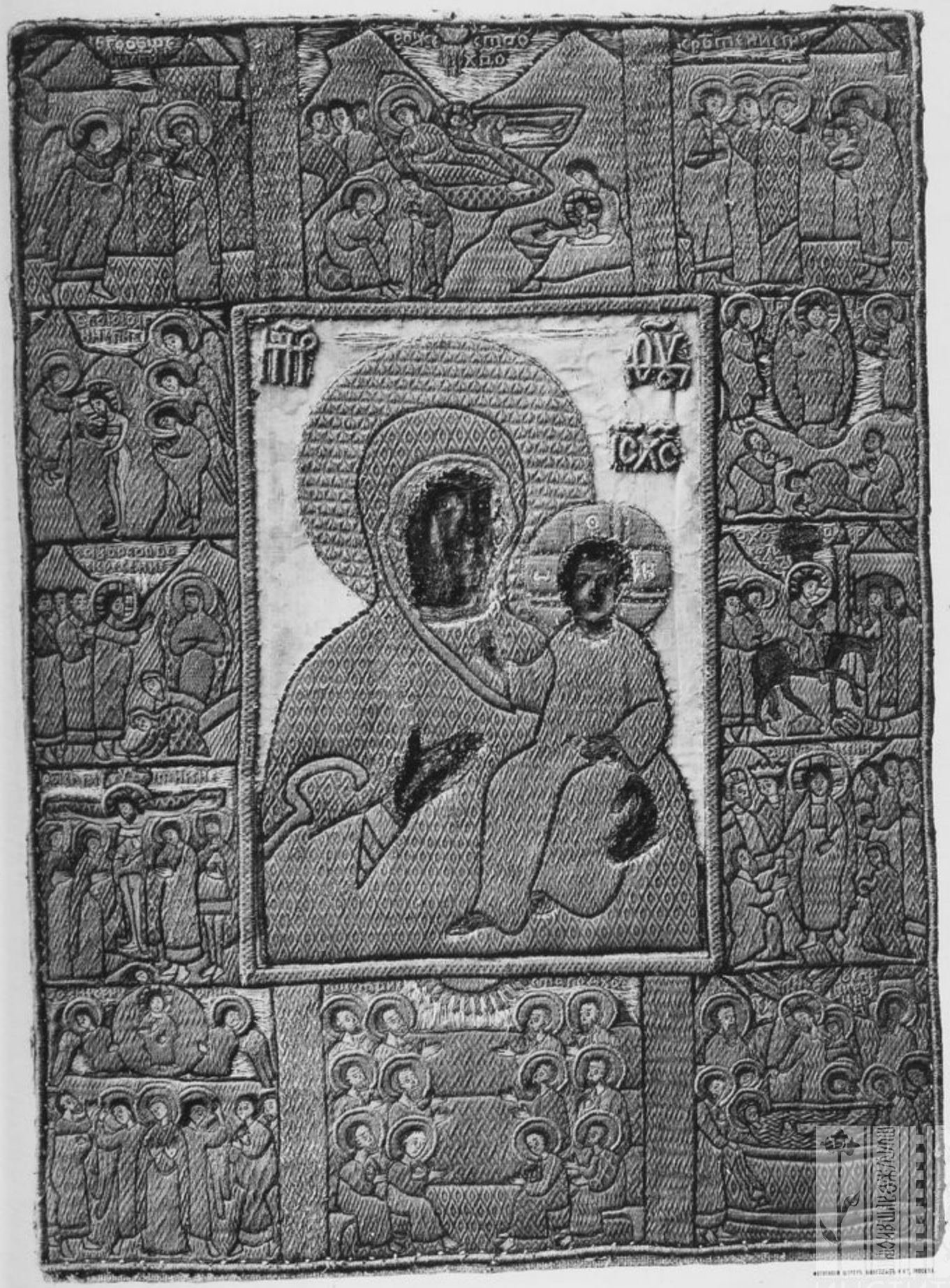
ПЛАЩАНИЦА, ШИТАЯ ШЕЛКАМИ, СЕРЕБРОМЪ И ЗОЛОТОМЪ „ПОЛОЖЕНІЕ ВО ГРОБЪ І. Х."

Путивльскаго Печерскаго монастыря (Курской губ.)

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
[illegible] Краснодарской
[illegible] библиотеки

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ



ШИТАЯ ИКОНА „ОДИГИТРІИ“
изъ Путиельскаго Печерскаго Монастыря, Курской губ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
Института Краеведческой
и Музейной работы

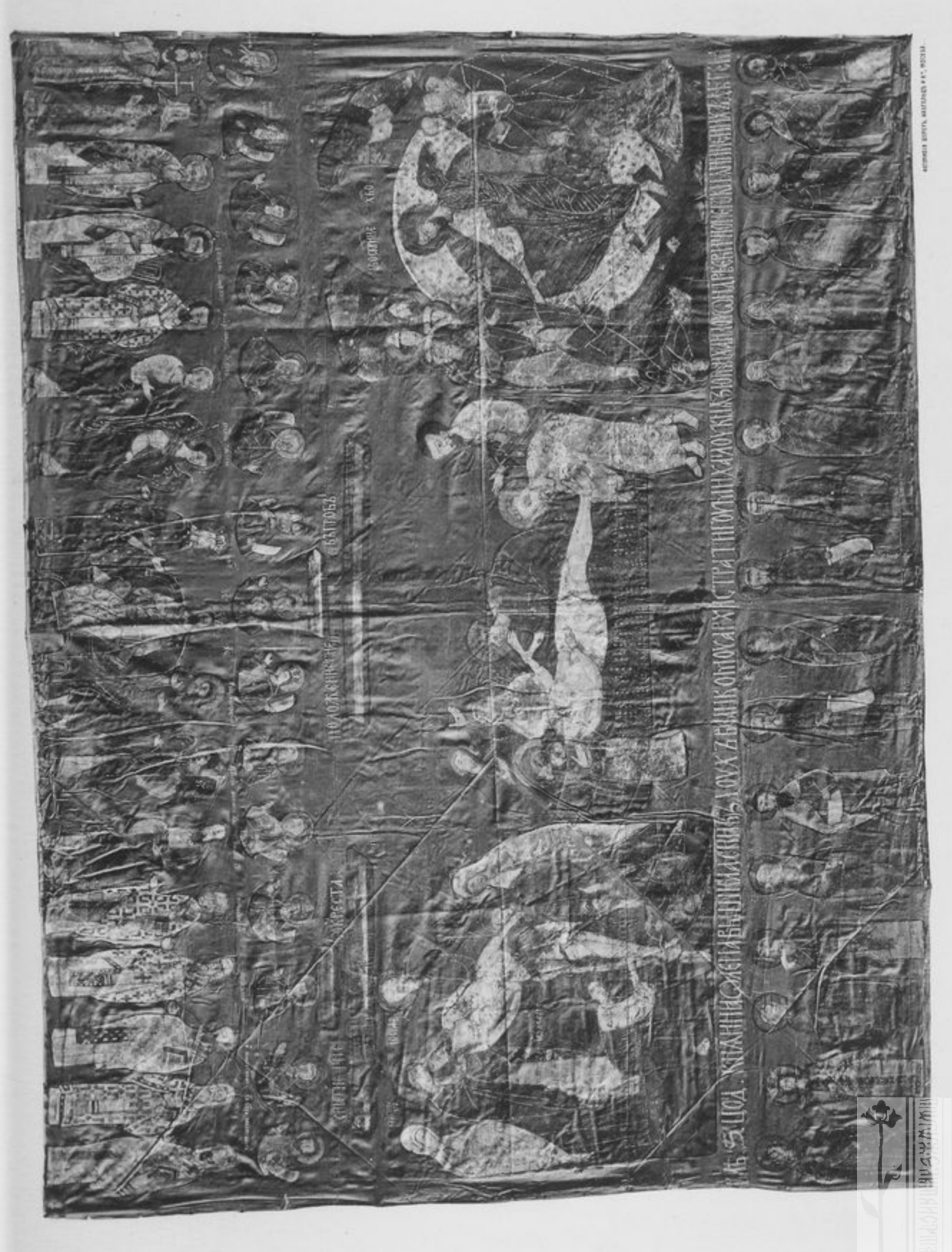
ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

7.

81.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
Инж. Кр. Ивановъ
и Мужинскій Рыбаки



ПЛАЩАНИЦА

изъ церкви мѣстн. Борисполя Полтавской епархіи.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
ЗПИ И. М. Крижанівського
в Мукачівській раб. ...

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

БРАЧНЫЕ ВѢНЦЫ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИИ по Краеведческой и Музейной работе

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ТРУДЫ VIII АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА.

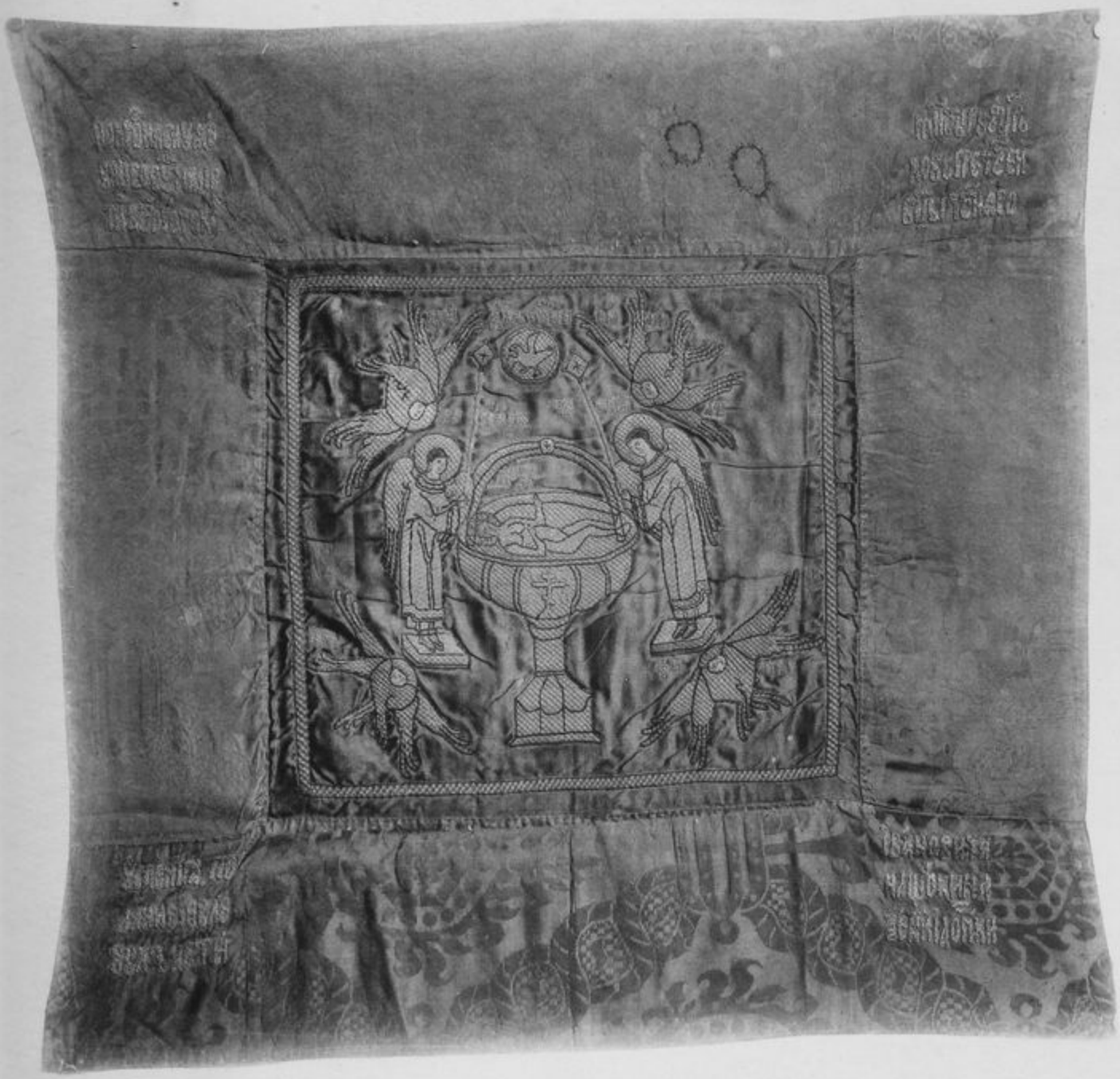
Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

ВОЗДУХЪ, шитый золотомъ и серебромъ по вишневому атласу.
Святогорскаго монастыря

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
МИИ им. М. Крупенникова
и Мулайнова работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ



Фототипія Р. ТИЛЕ, Москва.

ШИТЫЙ ВОЗДУХЪ СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ АГНЦА И ДВУХЪ АНГЕЛОВЪ.

Вкладъ дѣтей НАЩЕКИНА,

(Святогорскаго монастыря, Псковской губ., Опочскаго уѣзда).

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИИ Ин-та Криминалистической
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. ТИЛЕ, Москва.

ШИТЫЙ ВОЗДУХЪ СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ „ПОЛОЖЕНІЯ ВО ГРОБЪ І. Х."

Вкладъ ТИМАШЕВА, XVII вѣка.

(Святогорскаго монастыря, Псковской губ., Опочскаго уѣзда).

ВИЗАНТІЙСКІЙ ЗАЛЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО ИСТОРИЧЕСКАГО МУЗЕЯ

БИБЛИОТЕКА
НИ Ив. за Кръстевичевия
и музейна работа

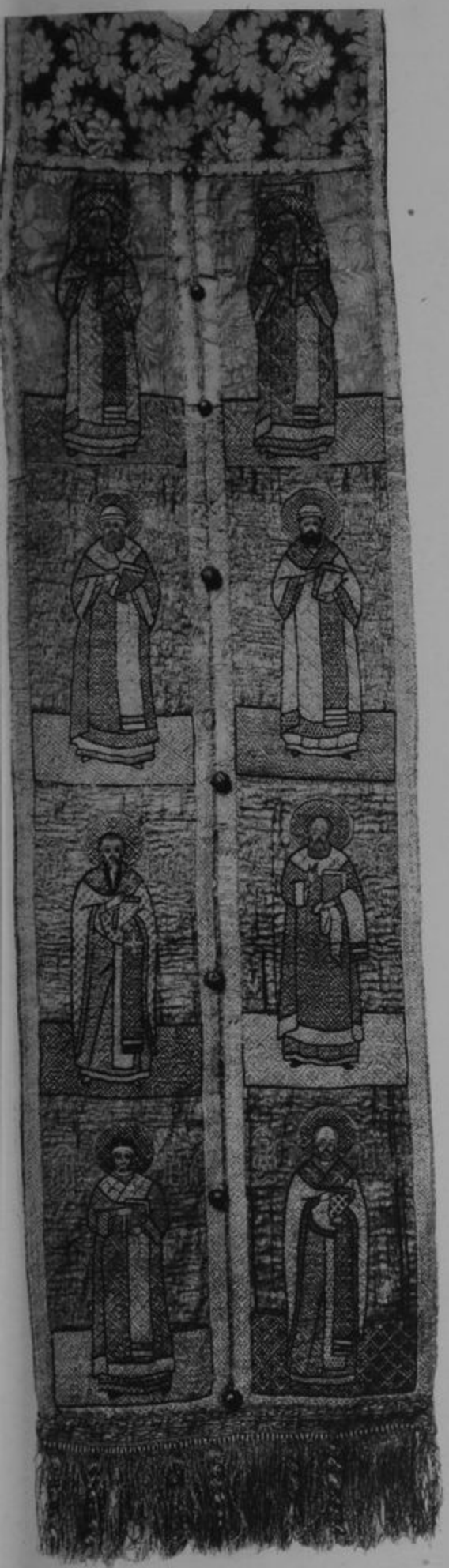
ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

ИЗОБРАЖЕНІЕ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ, НА ХОЛСТѢ.

Села Сѣры, Ярославской губерн.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ



ЕПИТРАХИЛЬ ДВУПОЛОСНАЯ.

Богословскій монастырь, Рязанской губерн.

91

ОРАРЬ.

92

Фототипія Г. Ю. Тиле, Москва.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

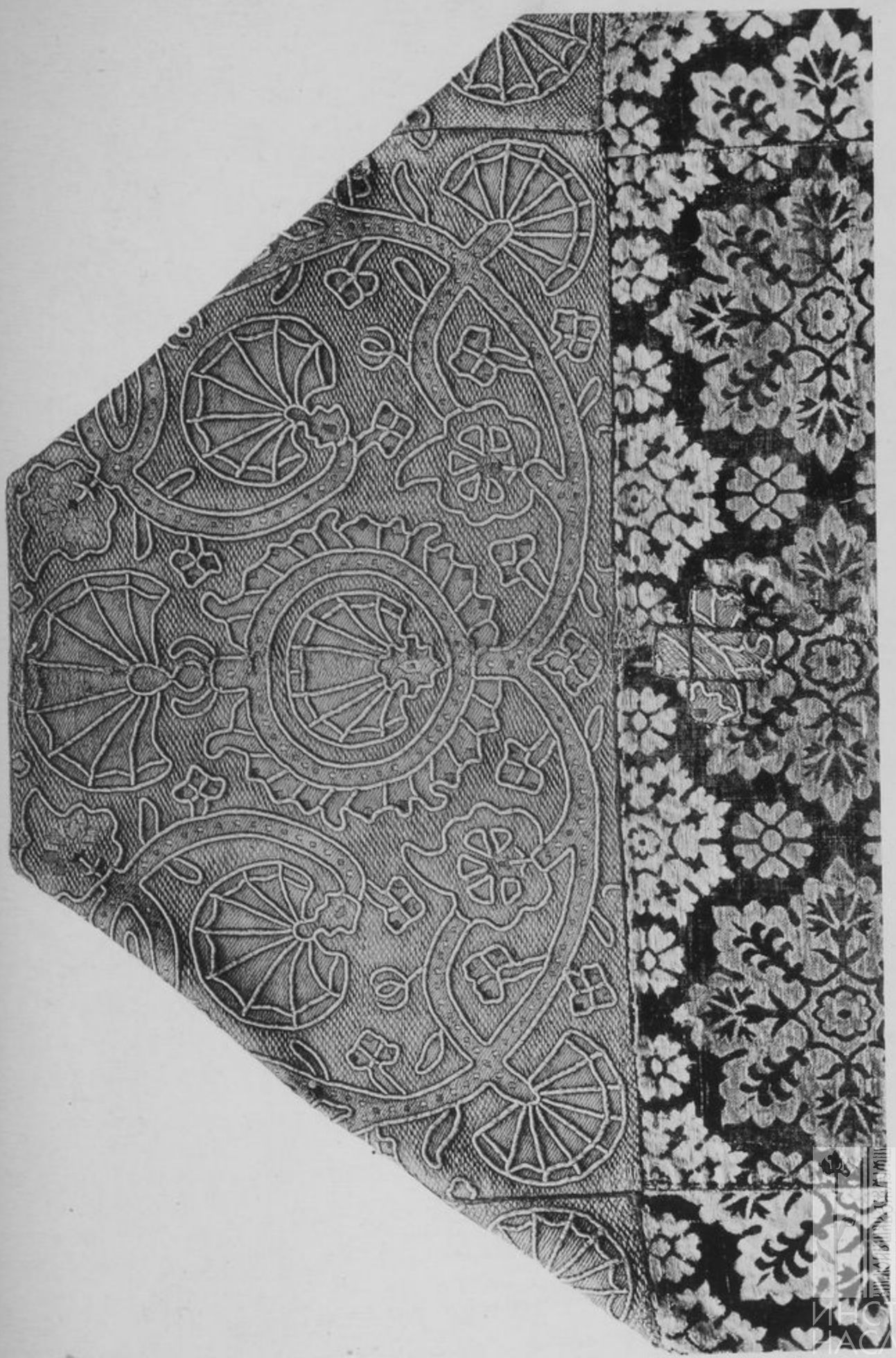
ШИТЫЙ ВОЗДУХЪ

изъ Богословскаго монастыря, Рязанской губ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
им. Ивана Крылова

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

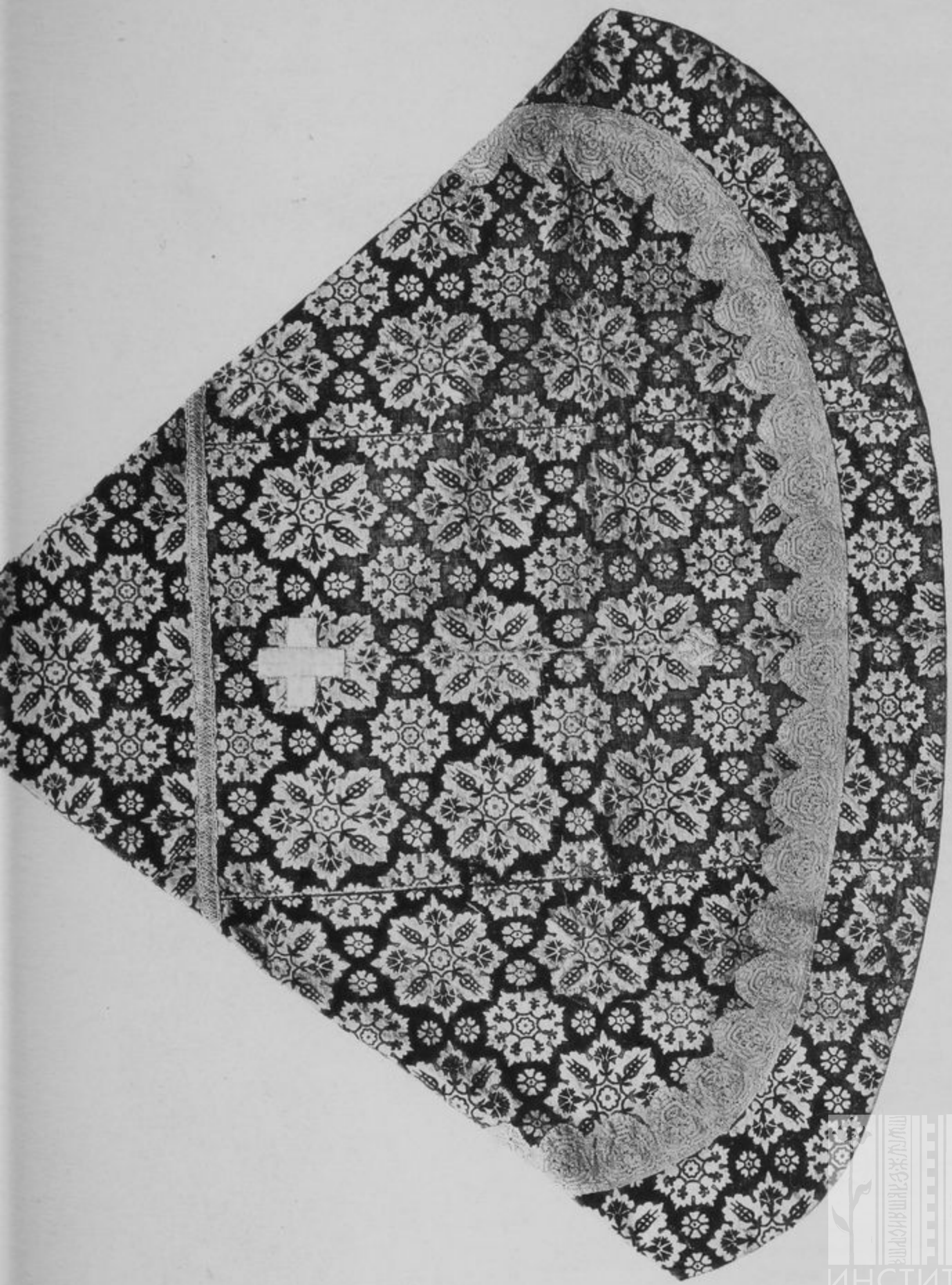


РИЗА ИЗЪ ЗЕЛЕНАГО РЫТАГО БАРХАТА
изъ Владимірскаго Успенскаго собора.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
имени Н. Н. Крамаренко
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ



БАРХАТНАЯ РИЗА

съ древнимъ серебрянымъ кружевомъ изъ Владимірскаго Успенскаго собора.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
ЛГИ «Кримінальної
ім. А... ...ної роботи

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

ФИНИФТЯНЫЙ КНЯЖЕСКІЙ НАРАМНИКЪ
изъ Владимір. Успенскаго собора.

ДЕРЕВЯННЫЙ ВЫНОСНОЙ
ПОДСВѢЧНИКЪ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

ПУСТЬ ЖИВЕТ ВЕЧНО СОВЕТСКИЙ НАРОД
ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

ШИТАЯ ИКОНА,

изображающая Св. Благ. Вел. Князя Георгія изъ Успенскаго Владимірскаго собора.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИИ Ин-та Кинематографии
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

КАДИЛЬНИЦА СЕРЕБР. ЛОЖЧАТАЯ XVII В.

Марціальноводской церкви, Олонецкой епархіи, Петрозаводскаго уѣзда.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
Гос. Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

ПУСТЬ ЖИВЕТ ИСТОРИЯ
ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

ПОТИРЪ.

Марціальноводской церкви, Олонецкой епархіи, Петрозаводскаго уѣзда.

Фототипія Р. Ш. ТАЛЕ, Москва.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
имени Ивана Кронштадтского
г. Мурманск

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

ВОДОСВЯТНАЯ ЧАША[155] И КАДИЛО.[154]

Успенскаго дѣвичьяго монастыря, слободы Александровской.

ВЛАДИМИРСКИЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

БИБЛИОТЕКА
им. Никиты Красноармейского
и Мучайского уезда

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

КАЗАНСКАЯ БОЖЬЯ МАТЕРЬ,
шитая пелена изъ Вязниковскаго Казанскаго собора.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
ГПИ им. Н. К. Крупской
и Научной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

ШИТАЯ ПЕЛЕНА
изъ Вяземковскаго Казанскаго собора.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
для Юных Краеведчеков
и Натуралистов работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. Ю. ГИЛЕ, Москва.

РИЗА-ФЕЛОНЪ, ИЗЪ СТАРИННОЙ ПАРЧИ, XVIII В.

Успенской церкви, села Всегодичи, Владимірской губ.

БИБЛИОТЕКА
ГИИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

ПУСТЬ СЛУЖЕТ ЧЕЛОВЕКУ
ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

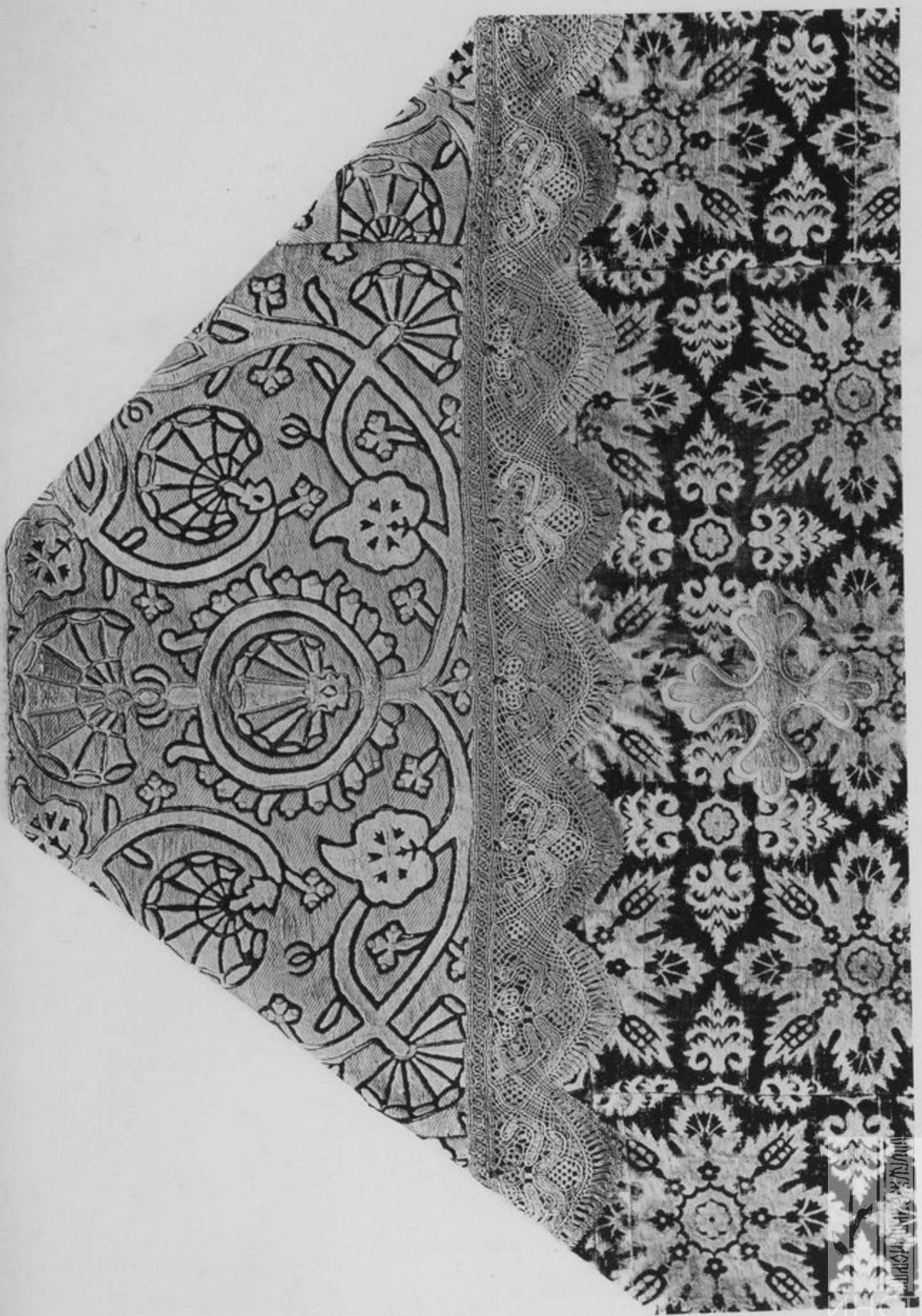
ВИСЯЧІЙ ПОДСВѢЧНИКЪ.

Николае-Радовицкаго монастыря, Рязанской епархіи.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИ Института Краеведческой
и Музейной работы

ПОСЛУЖЕНИЕ РОДИНЕ
ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ



БАРХАТНАЯ ФЕЛОНЬ
изъ Николае-Радовицкаго монастыря, Рязанской епархіи.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
ЗОИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

ВОДОСВЯТНАЯ ЧАША СЕРЕБРЯННАЯ.

Николае-Радовицкаго монастыря.

ВАСИЛИЯН НАСЛЕДИЕ

БИБЛИОТЕКА
ГИ Им-ти Краеведения
и Туристских работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

ДРЕВНЯЯ МИТРА (1651 г.)

Ростовскаго Богоявленскаго Авраміева монастыря.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

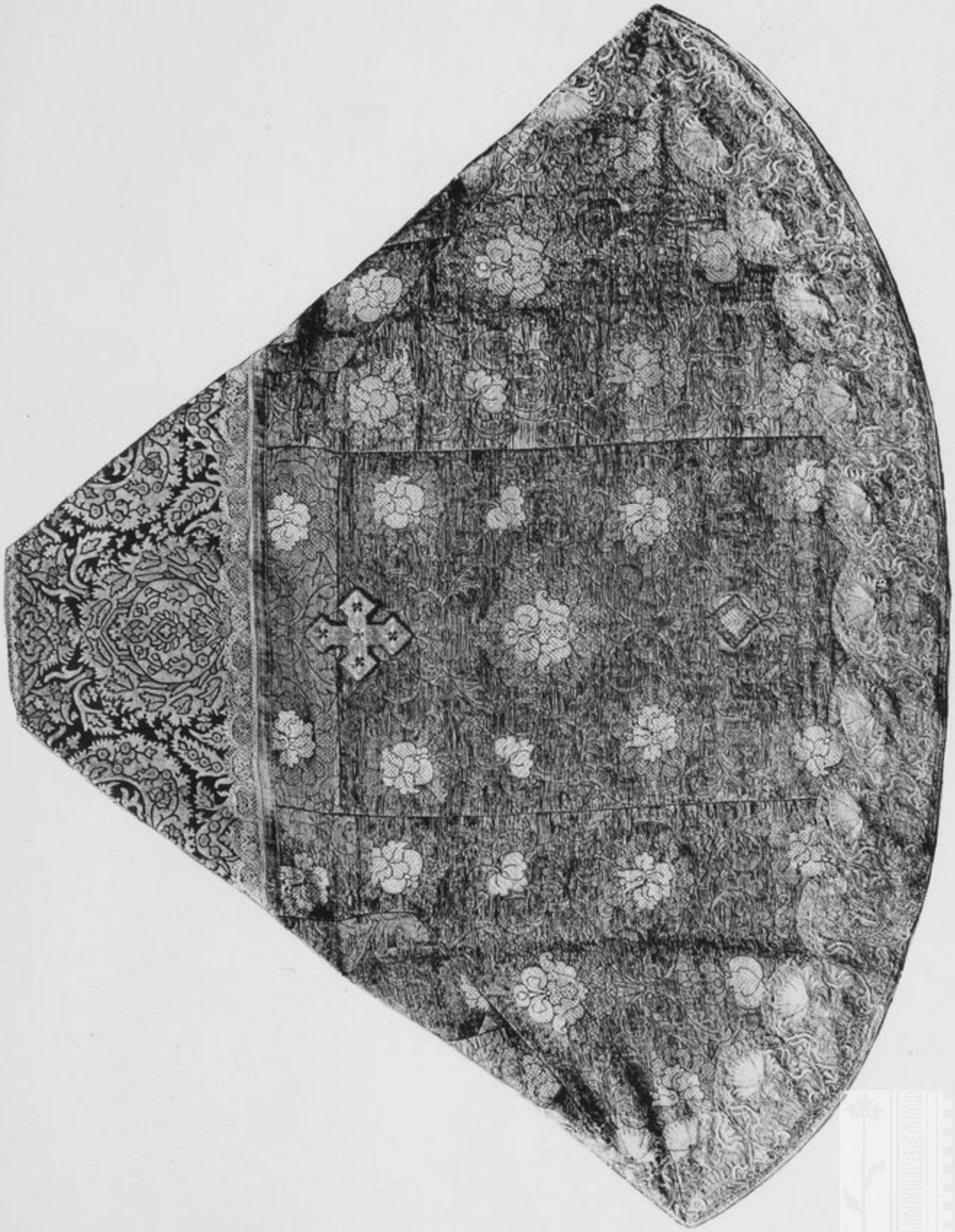
ФЕЛОНЬ изъ СВѢТЛО-ГОЛУБОЙ ПАРЧИ,

затканной золотомъ изъ Брянскаго Сѣтьнскаго монастыря, Орловской губ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ



ФЕЛОНЬ изъ ЗОЛОТОЙ ПАРЧИ

затканной серебромъ, изъ Брянскаго Сельнаго монастыря, Орловской губ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИИ по Краеведческой и Музейной работы

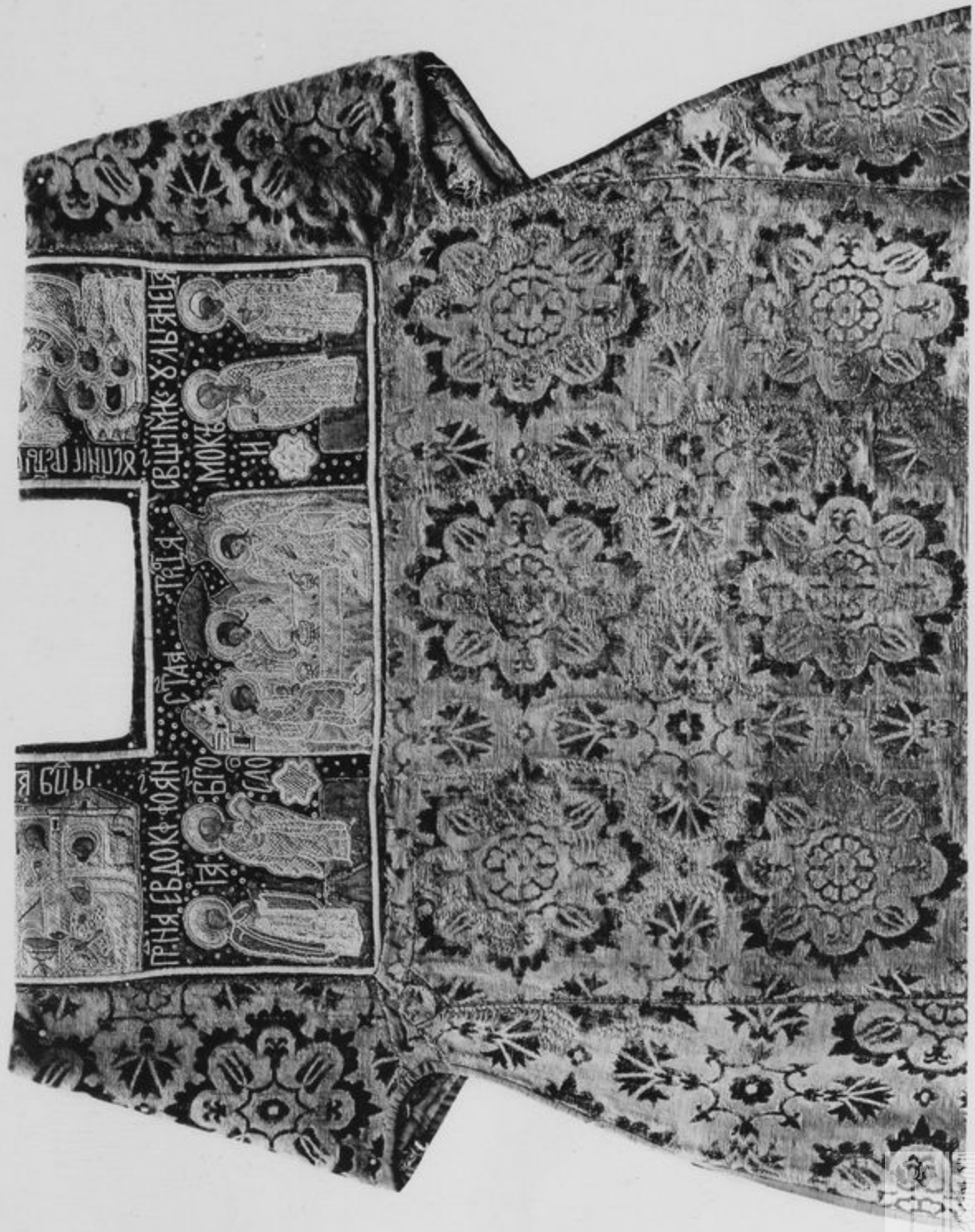
ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

СТИХАРЬ ПАРЧА ВЕНИЦЕЙСКІЙ БАРХАТЪ, ФОНЪ ЗОЛОТОЙ, РАЗВОДЫ МАЛИНОВАГО БАРХАТА.

Тройцко-Калязина монастыря, Тверской епархіи.

БИБЛИОТЕКА
ИМ. Ивана Крамского
ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

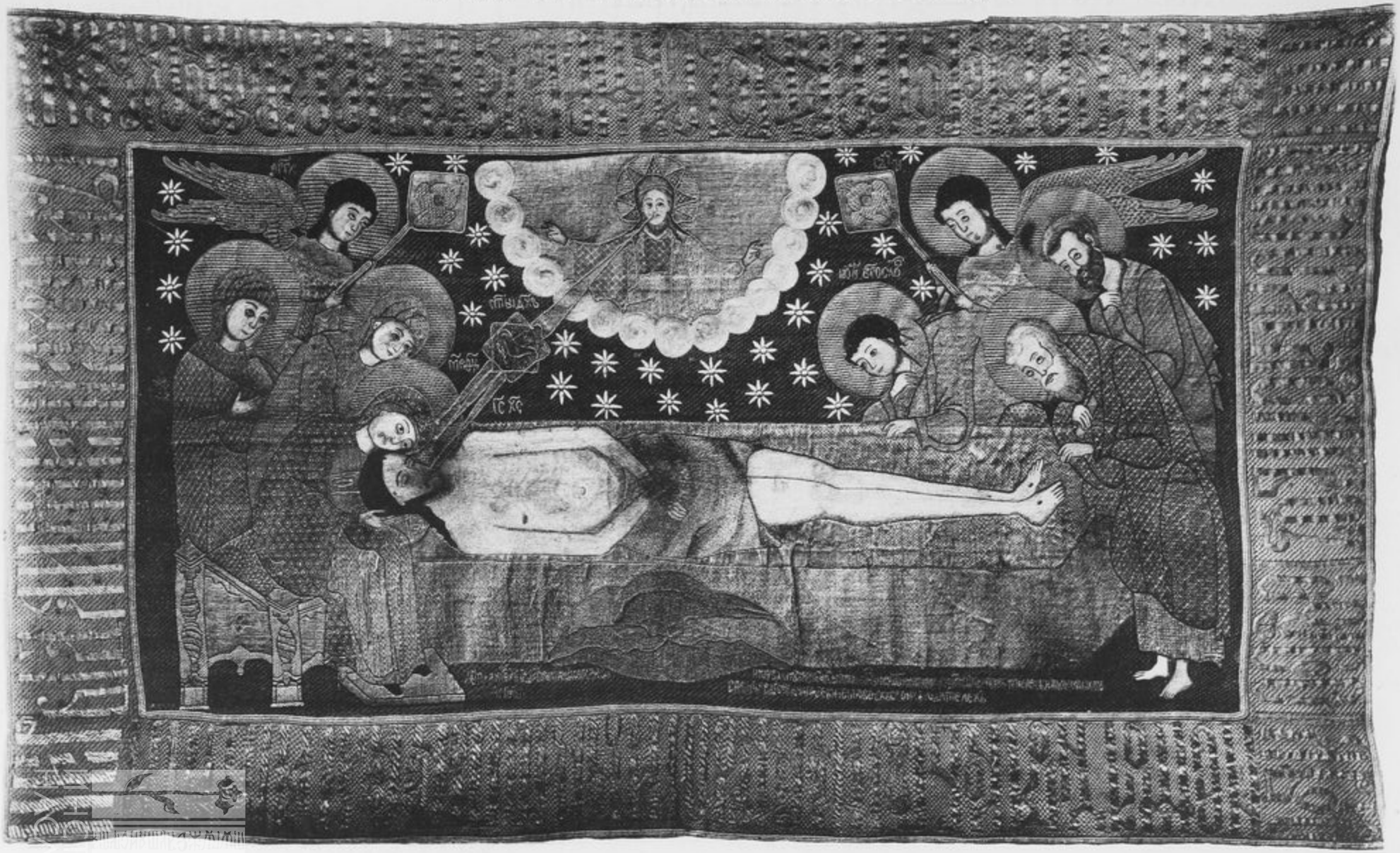


ПАРЧЕВОЙ СТИХАРЬ

изъ Троицкаго-Калязина. Монастыря, Тверской епархіи.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

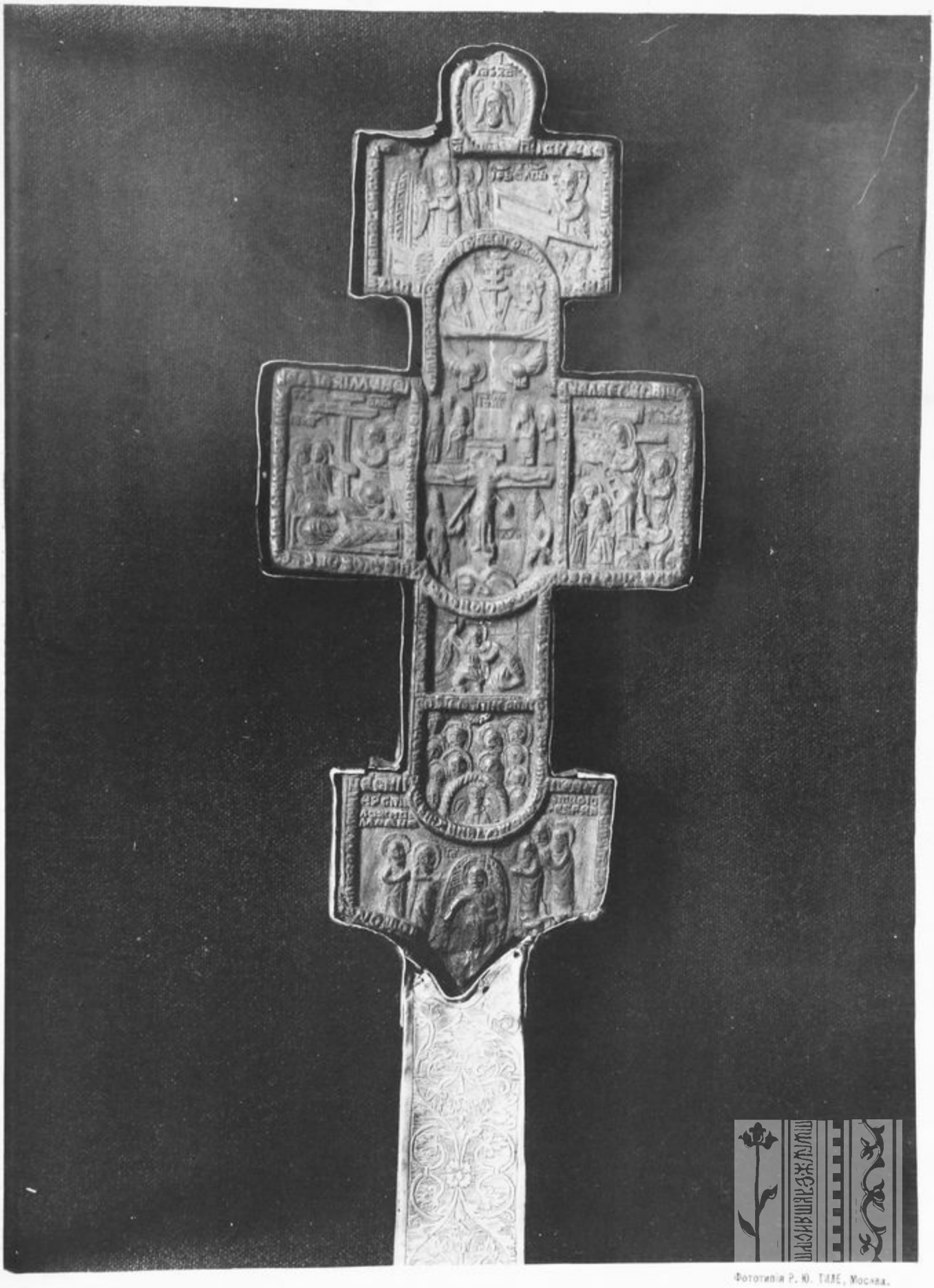


Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

ПЛАЩАНИЦА СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ ХРИСТА ВО ГРОБѢ.

Тройцко-Калязина монастыря, Тверской епархіи.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ



Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

КРЕСТЪ.

Тройцко-Калязина монастыря, Тверской епархіи.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. ТИЛЕ, Москва.

ПЛАЩАНИЦА, ШИТАЯ ШЕЛКАМИ, ЗОЛОТОМЪ И СЕРЕБРОМЪ ПО АЛОМУ АТЛАСУ СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ ПОЛОЖЕНІЯ ВО ГРОБЪ.

Вещи Цивильскаго Тихвинскаго монастыря (Казанской губ.)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

БИБЛИОТЕКА
Института Краеведческой
научной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

486

284

282

280

285

287

288

281

283

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

ПАНАГІИ И КРЕСТЫ.

Макаріева-Унженскаго монастыря, Костромской епархіи.

БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Изданіе Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

СКЛАДНОЙ СЕРЕБРЯННЫЙ ПОСОХЪ.

(Даръ Кн. Юрія Олелько 1589 г.)

Слуцкаго монастыря, Минской епархіи.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
МИ Ин-та Краеведения
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

ФЕЛОНЬ ИЗЪ ЗЕЛЕНОЙ ШЕЛКИ МАТЕРИИ,

затканной цвѣтами изъ Оршанскаго Успенскаго жен. монастыря.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
ПОСЛЕДНЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

ПОЗЛАЩЕННАЯ ЧАША.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
Мет. Н. и Кишинев.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

1.

2.

ДИПТИХИ ИЗЪ СОБРАНІЯ ГРАФА А. С. Уварова.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведчества
Мусейнов рабо

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ. Москва.

ШИТАЯ ИКОНА XV В.

Изъ Собранія Гр. А. С. Уварова.

БИБЛИОТЕКА
Ин. Ин. ...а Крас...
...

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

ШИТАЯ ИКОНА.

Изъ собранія Гр. А. С. Уварова.

БИБЛИОТЕКА
ГИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

КРЕСТЪ НАПРЕСТОЛЬНЫЙ.

Изъ собранія Гр. А. С. Уварова.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
им. Ивана Крамского
Ставропольского р-на

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

НАПРЕСТОЛЬНЫЙ КРЕСТЪ.

Изъ Собранія Гр. А. С. Уварова.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИ Института Краеведческой
и Архивной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фототипія [illegible], Москва.

КРЕСТЪ НАПРЕСТОЛЬНЫЙ.

Изъ собранія Гр. А. С. Уварова.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИ Ин та Краснодарской
научной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фототипія Р. Ю. ТИЛЕ, Москва.

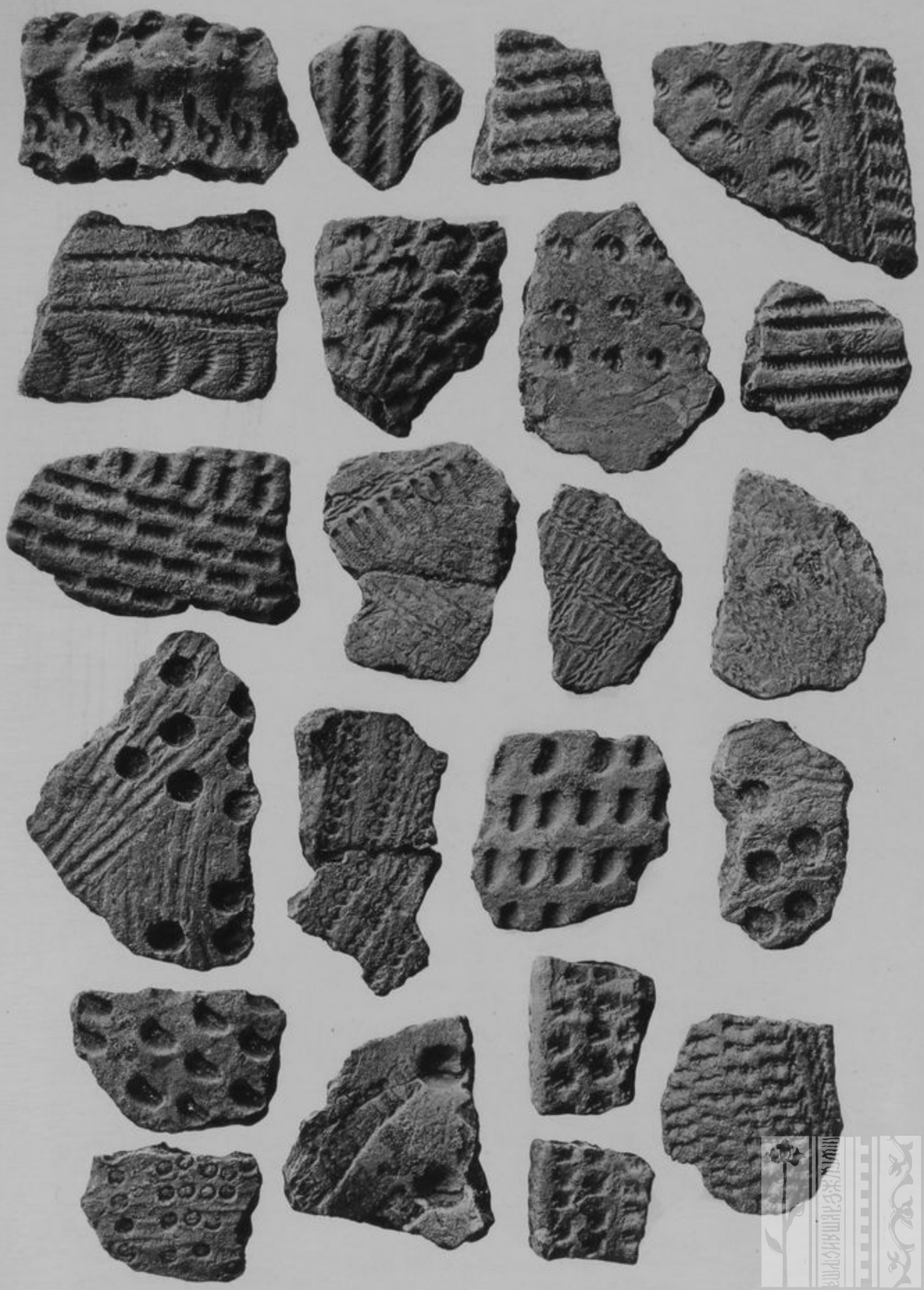
КРЕСТЪ НАПРЕСТОЛЬНЫЙ 1685 г.

Изъ собранія Гр. А. С. Уварова.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
МИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ



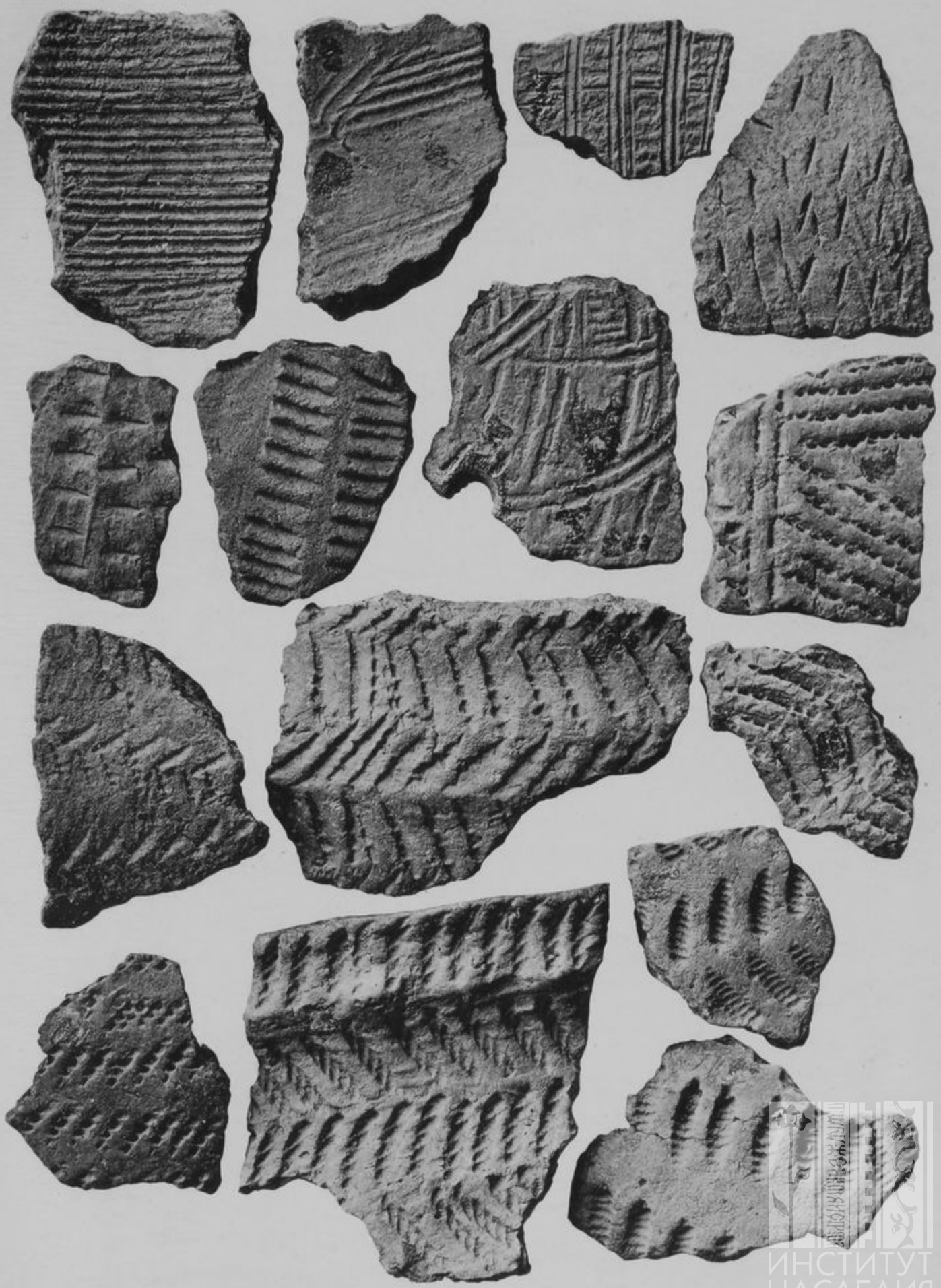
ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

СОБРАНІЕ СКАРЖИНСКОЙ.

Черепки съ Лысой Горы въ г. Лубнахъ.

БИБЛИОТЕКА
Института Краеведения
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ



ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

СОБРАНІЕ СКАРЖИНСКОЙ.

Черепки съ Лысой Горы въ г. Лубнахъ.

БИБЛИОТЕКА
Ивана Кравцова

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

СОБРАНІЕ СКАРЖИНСКОЙ.

Черепки съ Лысой Горы въ г. Лубнахъ.

БИБЛИОТЕКА
Института Краеведческой и Музейной работы

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

51.

35.

36.

53.

СОБРАНІЕ СКАРЖИНСКОЙ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИИ Истории Краеведческой
и Музейной работы

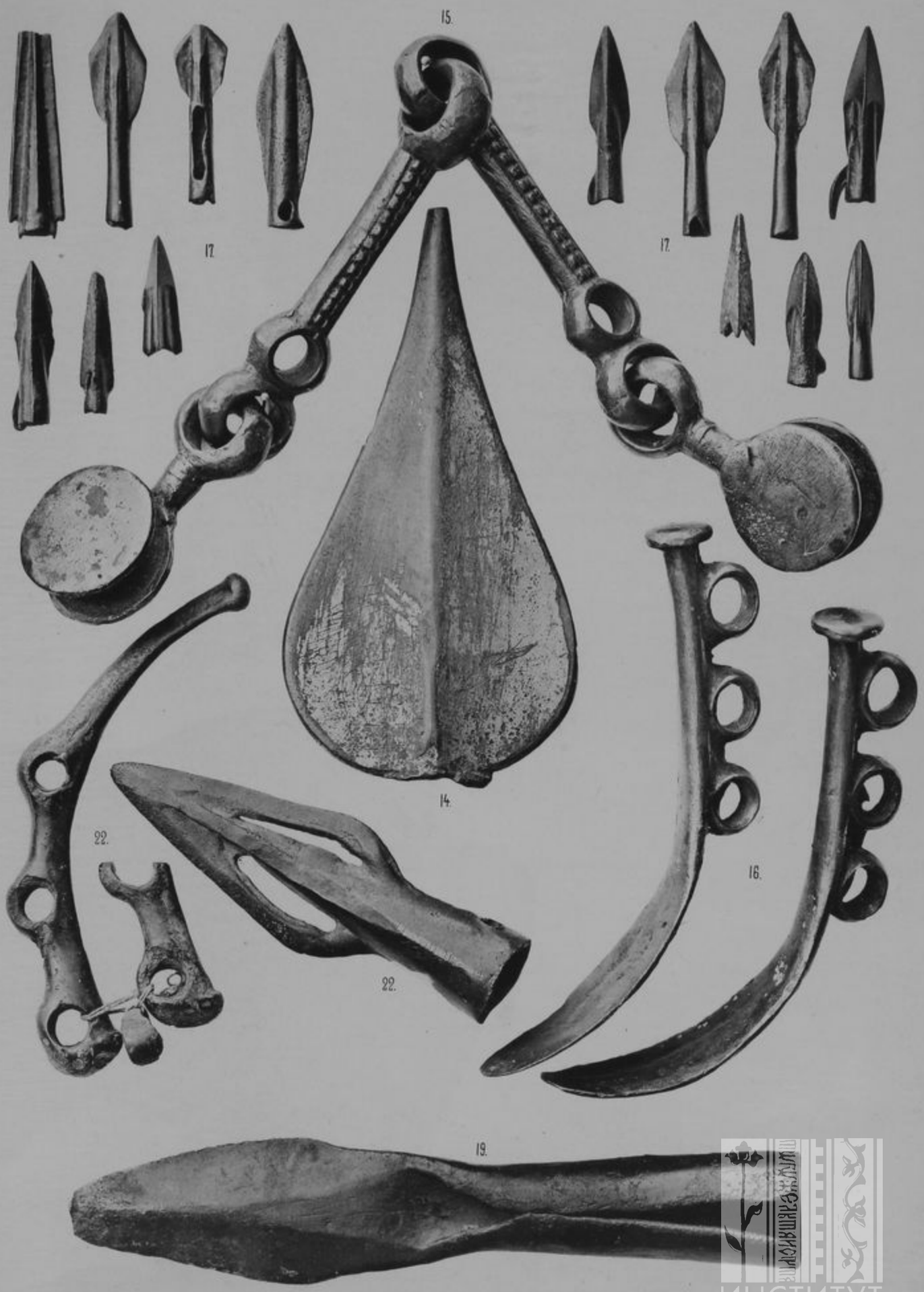
ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

СОБРАНІЕ СКАРЖИНСКОЙ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ



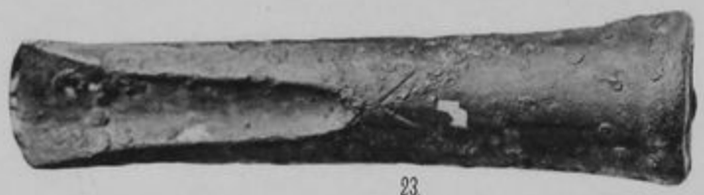
ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

СОБРАНІЕ Х. И. ПОПОВА.

БИБЛИОТЕКА
Института Крестьянской
Аграрной Работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

31.



23.

24.

21.

СОБРАНІЕ Х. И. ПОПОВА.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
Института Крестьянской
и Кооперативной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

29.

28.

44.

43.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

СОБРАНІЕ Х. И. ПОПОВА.

БИБЛИОТЕКА
ИМ. И. Е. Крымского
и Научной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

38.

41.

40.

37.

39.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

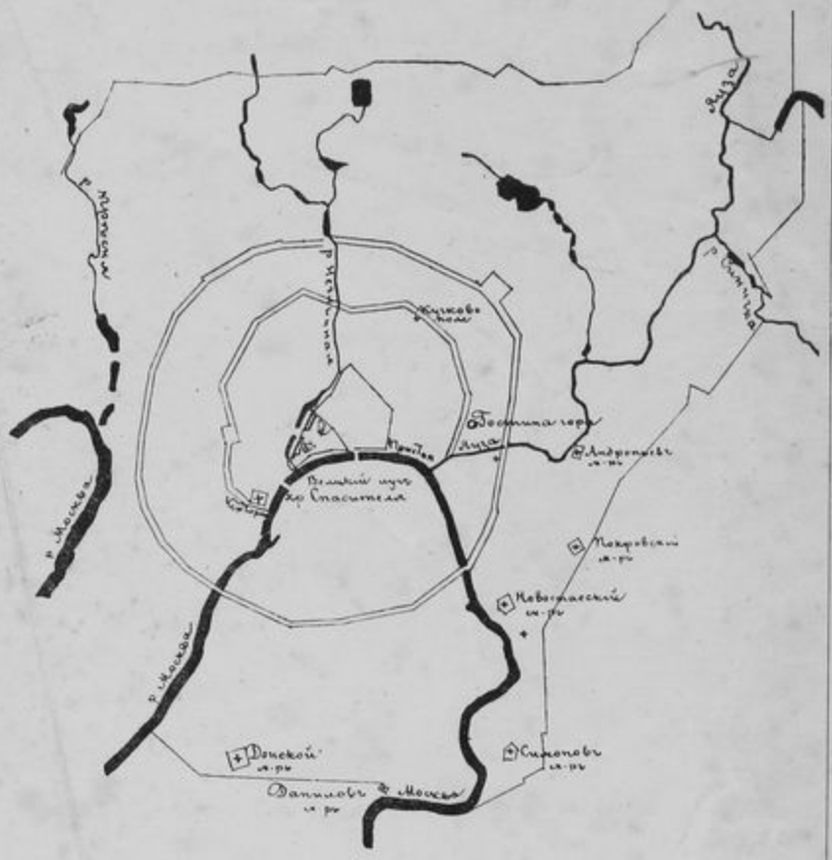
СОБРАНІЕ Х. И. ПОПОВА.

БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Окрестности с. Спаскаго на стр. 1.

Мѣстность г. Москвы.



Типогр. и цинкогр. Т-ва А. И. Мамонтова, въ Москвѣ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ